

мелисса
да коста

ВСЯ
СИНЕВА
НЕБА

Издательский дом «КомпасГид»

Annotation

У 26-летнего Эмиля врачи диагностируют заболевание, приводящее к постепенной потере памяти, — ранний Альцгеймер. Ему обещают два года жизни и предлагают остаться в больнице под наблюдением. Но он отказывается. Вместо того чтобы быть обузой для родных, молодой человек тайком покупает старенький кемпинг-кар и без особой надежды дает объявление в Сети, приглашая попутчика разделить с ним последнее в его жизни путешествие.

К его изумлению, такой человек быстро находится. Это Жоанна, ей 29. Ее, в большой черной шляпе, хрупкую и безразличную ко всему, Эмиль встречает на парковке у автострады. Вдвоем они едут в Пиренеи. Периодические звонки на мобильный девушки и ее беседы по телефону интригуют Эмиля, который начинает думать, что попутчица скрывает какую-то тайну.

Тем не менее смелое решение Жоанны — сопровождать молодого мужчину, о котором она не знает ничего, кроме состояния его здоровья, — в итоге дарит им двоим не только прекрасные пейзажи, но и неожиданные открытия. Через боль и страх герои проходят нелегкий путь прощания друг с другом и одновременно находят самих себя.

Писательнице Мелиссе да Коста удалось создать историю, щемяще грустную и потрясающе красивую одновременно, в которой очевидное расставание может стать новой надеждой. А столь глубоко почувствовать и точно передать внутренний мир человека, медленно теряющего память, писательница смогла благодаря личному опыту помощи людям с диагнозом болезнь Альцгеймера.

- [Мелисса да Коста](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
-
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
-
- [30](#)
- [31](#)
-
- [ЭПИЛОГ](#)
-
- [Выходные данные](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
-

Мелисса да Коста
Вся синева неба
(роман)

Mélissa Da Costa
Tout le bleu du ciel

Перевод с французского *Нина Хотинская*

© Éditions Albin Michel, 2021

Première publication Carnets Nord, 2019

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Перевод, оформление, издание на русском языке. ООО
«Издательский дом „Гинбук“», 2024

* * *

Моему Эмилю с волшебными глазами

Petitesannonces.fr

Тема: Ищу спутника (спутницу) для последнего путешествия

Автор: Эмиль26

Дата: 29 июня 01:02

Сообщение:

Молодой человек 26 лет, приговоренный ранним Альцгеймером, хочет отправиться в последнее путешествие. Ищу спутника (спутницу), чтобы разделить его со мной.

Маршрут утвердим вместе. Альпы, Верхние Альпы, Пиренеи? Путешествие в кемпинг-каре с пешими походами (придется нести рюкзак и палатку). Физическая форма обязательна.

Отъезд: как можно скорее. Продолжительность путешествия: два года максимум (по прикидкам врачей). Возможно, меньше.

Профиль моего спутника / спутницы: специальных медицинских познаний не требуется — я не получаю никакого лечения и нахожусь в хорошей физической форме.

Сообразительность: у меня могут случаться все более серьезные провалы в памяти.

Вкус к природе.

Не пугаться несколько примитивных жизненных условий.

Желание разделить приключение.

Связаться со мной можно только по электронной почте.

Мы сможем обменяться телефонами впоследствии.

Эмиль потирает подбородок. Эта привычка, когда он задумывается или в нерешительности, у него с детства. Он не уверен в своем объявлении. Он находит его холодным, бестелесным, да и немножечко безумным. Он написал его одним махом, не раздумывая. Час ночи. Уже неделю он почти не спал. Писать это не помогает.

Он перечитывает объявление. Ему кажется, что оно оставляет странный вкус во рту. Горьковатый. Вот и хорошо, решает Эмиль, текст достаточно черный, чтобы отпугнуть чувствительные натуры, и достаточно бессмысленный, чтобы обескуражить середнячков. Только человек, непохожий на других, способен вчитаться в это двинутое объявление.

С тех пор как ему сообщили приговор врачей, мать плачет, а отец стискивает зубы. Сестра худеет, лицо ее осунулось. А он — ничего. Он принял новость в полной ясности ума. Форма раннего Альцгеймера, сказали ему. Нейродегенеративное заболевание, приводящее к постепенной и необратимой потере памяти. В конечном счете оно поразит мозговой ствол до полного его разрушения. Мозговой ствол отвечает за жизненные функции: сердцебиение, артериальное давление, дыхание... Это хорошая новость. Смерть настигнет его быстро. Через два года самое позднее. Вот и отлично. Он не хочет стать обузой, провести остаток жизни, еще десятки и десятки лет, в раннем маразме. Нет, он предпочитает знать, что скоро умрет. Два года — хорошо. Есть время еще немного пожить.

И не так уж, в сущности, плохо, что Лора бросила его год назад. Иначе все стало бы куда сложнее. Он повторяет это про себя уже неделю, с тех пор как услышал приговор. Лора ушла и не дает о себе знать уже год. Ни одного звонка. Он даже не знает, где она сейчас живет. И тем лучше. Ничто его больше не держит. Он может уехать. Может отправиться в это последнее путешествие со спокойной душой. Не то чтобы у него никого нет... Есть родители, есть сестра Маржори и ее муж Бастьен, их близнецы. Есть Рено, друг детства, Рено, который недавно стал папой и ищет дом для своей семьи. Рено — отец и женатый человек... Вот это называется реванш! Никогда бы они оба и не подумали о таком. Рено был смешным толстяком в углу класса. Астматик, аллергик на арахис и посмешище на спортивной площадке. А Эмиль — он был непоседой, шалуном и даже немножечко бунтарем. Посмотреть на них вместе — непонятно, как эти двое могли сойтись. Увалень и бунтарь. Рено всегда оставался немного в его тени. А потом, с годами, все изменилось. К лучшему для Рено. Сначала он сбросил десять кило, потом нашел свой путь: стал логопедом. С тех пор он преобразился. Встретил Летисию, и теперь у них семья. А он,

заводила, так и остался на обочине. Двадцать шесть лет, уже не такой непоседа. Не сумел удержать Лору...

Эмиль встряхивает головой, откинувшись на офисном стуле. Больше не время сентиментальничать и пережевывать прошлое. Теперь надо сосредоточиться на путешествии. Эта идея пришла ему в голову, когда он услышал приговор. Час или два он провел развалившимся на куски, а потом мысль о путешествии проклюнулась в его мозгу. Он не говорил об этом. Никому. Он знает, что ему не позволят. Родители и сестра поспешили записать его на клинические испытания. Врач, однако, выразился недвусмысленно: речь идет не о лечении, не о помощи, только о том, чтобы узнать больше о его редкой болезни. Что за интерес для него — провести последние годы в больничной палате в качестве подопытной свинки. Но родители и сестра настаивали. Он знает почему. Они отказываются смириться с его смертью. Цепляются за крошечную надежду, что эти клинические испытания смогут затормозить болезнь. Затормозить — и для чего? Продлить его жизнь? Продлить маразм? Нет, решено: он уедет. Утрясет все детали в полнейшем секрете, не сказав им ни словечка, и уедет.

Он уже нашел кемпинг-кар. Перевел деньги. Он заберет машину в конце недели. Поставит ее на парковку в городе, пока уладит все остальное, чтобы не возбуждать подозрений родителей и сестры. Насчет Рено он еще колеблется. Рассказать ему? Спросить его мнения? Эмиль не знает. Будь Рено холостяком, без детей, все было бы иначе. Они уехали бы вдвоем. Без всякого сомнения. Но все изменилось, вот так. У Рено своя жизнь, свои обязанности. И Эмилю не хочется тащить его в эти последние скитания. А ведь когда-то они вместе мечтали о приключениях. Они говорили друг другу: «Когда закончим учебу, уедем с палатками и рюкзаками в Альпы». Потом Эмиль встретил Лору. А Рено встретил Летисию. И мечты о приключениях остались в прошлом.

Сегодня он может наконец уехать. Почти ничто больше его не держит. Всего два года жизни впереди и близкие, которые уже готовятся его потерять. Теперь или через два года, невелика разница. Он в последний раз перечитывает объявление. Да, оно странное и безличное. Да, скорее всего, никто не откликнется. Не важно, он все равно уедет. Один. Он боится умереть в одиночестве, это тревожит его

больше всего. Но если так должно случиться, если никто не отзовется на его объявление, что ж, тем хуже. Он уедет, потому что его последняя мечта сильнее страха. Эмиль кликает на «Отправить», и на экране высвечивается сообщение: объявление опубликовано. Он со вздохом откидывается в кресле. Четверть второго ночи. Если вдруг кто-то откликнется, если вдруг кому-то хватит безумия или мужества (он толком не знает, как это определить) ответить ему... в общем, в таком случае он убежден, что найдет лучшего спутника всех времен.

— Эмиль, старина, мне очень жаль, я не смог оставить малыша на Летисию, она работает. Впрочем, знаешь, она присоединится к нам, как только закончит.

Рено смущен, что появился в больничную палату с пацаном на руках. Эмиль хлопает его по плечу.

— Прекрати, ты же знаешь, что я рад видеть твоего мелкого.

— Он должен уснуть. Не спал ночью. Сейчас его должно сморить.

Рено выглядит усталым. Эмиль смотрит, как он изворачивается с младенцем под мышкой, пытаюсь разложить коляску. Младенцу едва минуло полгода, и Эмиль так и не привык видеть Рено с ребенком. Это все еще кажется ему абсурдным. А уж сейчас, когда тот раскладывает коляску с таким сосредоточенным видом, это сильнее его.

— Почему ты смеешься?

— Мне кажется, я вижу мираж.

— Как? Почему?

— Ты с мелким, ты король складной коляски.

— Ага, издевайся. С тобой тоже...

Он не заканчивает фразу, и Эмиль сразу понимает почему. Рено хотел ответить: «С тобой это тоже однажды случится», как обычно, но осекся. От своей промашки он стал пунцовым.

— Извини... Я...

Эмиль качает головой и отвечает с широкой улыбкой:

— Да нет, со мной этого не случится. По крайней мере это мне не грозит! Кто сказал, что жизнь плохо устроена?

Он пытается вызвать у Рено улыбку, но это напрасный труд. Рено оставляет в покое коляску и поворачивается к нему с перекошенным лицом.

— Как тебе удастся? Я хочу сказать... Я не могу больше спать... Как тебе удастся с этим шутить?

Эмиль пытается избежать его взгляда, будто бы рассматривая свои ногти. Он говорит с непринужденным видом:

— Все хорошо. Я хочу сказать... через несколько месяцев я даже не буду знать, кто я, так что... Ничего больше не будет иметь значения. Не стоит портить себе кровь.

— Эмиль... Я не шучу.

— Я тоже.

Рено, кажется, готов дать себе волю. На глазах у него слезы. На секунду Эмилю хочется сказать ему все, все выложить: *старина, все будет хорошо, я уеду, отправлюсь куда глаза глядят с рюкзаком за спиной, в кемпинг-каре, как мы с тобой мечтали. Я проживу шестьдесят лет в один год. Обещаю тебе. И ни капли сожалений.*

Но он не может. Рено не станет его отговаривать, наоборот. Дело в другом. Рено куда больше, чем друг, он брат. И если он узнает, что Эмиль уезжает, его сокрушит мысль, что он отпускает его одного, не едет с ним. Нет, не может быть и речи. Эмиль не допустит, чтобы Рено мучился чувством вины. А если он так хорошо знает Рено, как думает, значит, тот вполне способен поехать с ним во что бы то ни стало, хотя бы на несколько месяцев или несколько недель. И это еще более невыносимо. Он не хочет быть человеком, который разобьет семью Рено, пусть даже ненадолго.

— Ты не обязан строить передо мной крутого, — не унимается Рено, и глаза его блестят от слез еще сильнее.

— Твой мелкий сейчас упадет.

Действительно, малыш сползает с рук Рено, который не сводит глаз с Эмиля.

— Ох, черт.

Подхватив младенца, Рено укладывает его на больничную кровать рядом с Эмилем, тот берет его и усаживает к себе на колени.

— Эмиль...

— Все будет хорошо, старина. Такова жизнь. Я вытянул не тот номер. Придется с этим жить.

— Ты не можешь так говорить. Есть эти клинические испытания... Как знать?

Он вторит его родителям и сестре: прячет ужасную истину за безумной надеждой. Эмиль пытается сделать вид, будто верит, и это, кажется, работает: Рено, уже не с таким убитым видом, вновь принимается сражаться с коляской.

— Тебе помочь?

— Не надо, я справлюсь.

— Ну, как поживает мой любимый мелкий?

Младенец на коленях у Эмиля весело взвизгивает. Рено и Летисия назвали его Тиван. Вот такое имя они ему выдумали. Эмиль подозревает, что Рено пошел на поводу у Летисии. Он ни в чем не может ей отказать. Тиван... Ну и имечко! Он предпочитает звать его «мелким». И то звучит лучше. Рено наконец разложил коляску. Разогнувшись, он берет сына и укладывает его, как очень ценную вещь, внутрь. Уложив ребенка, Рено садится на кровать рядом с Эмилем. Он странно на него смотрит.

— Ладно... Как... Как ты?

— Хорошо. А вы? Летисия? Вы смотрели еще дома?

Уловка не срабатывает. Рено продолжает:

— Я встретил твою маму в холле больницы.

— Когда? Сейчас?

— Да. Она...

Он не решается продолжать. Эмиль договаривает за него:

— Она в раздрызге, знаю.

— К счастью, есть эти клинические испытания...

— Да... К счастью...

— Черт...

Рено проводит рукой по лицу. Он выглядит постаревшим. Известие о болезни Эмиля его пришибло.

— Как ты это подцепил?

— Ничего я не подцепил. Это врожденная генетическая болезнь, вот и все.

— Да, но почему ты?

— Почему я? А почему не я? Это большая лотерея Вселенной, только и всего.

— Как тебе удастся сохранять спокойствие? Как ты можешь не крушить все вокруг?

— И рыдать? Лить слезы над своей судьбой?

Рено не знает, что ответить.

— Я смирился с положением вещей, вот и все.

— Ты всегда был таким.

— Каким — таким?

— Сильным, деятельным... Из нас двоих я был слабаком. Ты всегда тянул меня вверх.

— Ты наверху, Рено. Ты справился сам. Я не был тебе нужен.

Рено улыбается. Больше ему не удастся сохранить лицо. Слеза сползает из уголка его глаза. Голос срывается:

— Мне будет чертовски тебя не хватать, старина.

И Эмиль понимает, что долго не продержится. В горле стоит ком, который он не желает чувствовать. Но слезы Рено — это перебор. Эмиль отбрасывает свою сдержанность. Не так уж часто они обнимались, но сейчас это кажется им единственно возможным.

— Прекрати. Я еще жив.

— Мне очень жаль... Разнюнился как баба.

— И не стыдно тебе перед мелким!

Рено улыбается сквозь слезы. Шмыгает носом. Эмиль же держится. Горло горит, но он не заплачет. Он так решил. Рено прав. Он всегда был деятельным и сильным. И будет таким до конца.

— Летисия-то когда придет? Ты уж высуши слезы, пока ее нет, чтобы не увидела тебя таким. А то, чего доброго, бросит.

— Она не оставит ребенка без отца.

— Будем надеяться.

Рено странно смотрит на него влажными глазами.

— Ты действительно веришь в эти клинические испытания?

Эмилю не хочется ему врать.

— Нет.

И плечи Рено поникают.

— Тогда почему ты сказал...

— Надо же что-то сказать.

— Что ты будешь делать?

— Как это — что я буду делать?

Из коляски Тивана звучит плач, но ни тот, ни другой не двигаются. Они вглядываются друг в друга. Каждый высматривает реакцию в глазах другого.

— Ты не останешься на эти клинические испытания.

Это не вопрос. Это утверждение, ясное и четкое. Рено добавляет:
— Старина, я знаю тебя как свои пять пальцев. Это не твое.

Эмиль смотрит на друга с любовью. Глаза Рено красны от слез. Его самый старый друг. Маленький толстячок-астматик. Один из столпов его жизни. Он понял. Конечно, понял. Они оба знают друг друга как свои пять пальцев.

— Старина...

— Я так и знал!

— Я еще ничего не сказал...

— Я догадался, что ты что-то затеваешь!

— Ты прав. Я здесь не останусь.

— Я так и знал!

Вид у Рено больше не убитый. Он почти улыбается, охваченный возбуждением, еще смешанным с болью.

— Расскажи мне!

— Ты никому ничего не скажешь, идет?

— Ты спятил! Никогда!

— Я уеду.

— Уедешь? Куда уедешь?

— Я еще не знаю куда...

Их прерывает короткий стук в дверь. Рено вздрагивает, быстро вытирает мокрые глаза. Эмиль отвечает:

— Да?

Дверь открывается, и входит молодая женщина с завитыми светлыми волосами, в приталенном костюме.

— Летисия!

Она запыхалась. Снимает темные очки, кладет на пол сумочку, бросает быстрый взгляд на коляску Тивана.

— Не спит?

Эмиль сразу улавливает перемену в поведении Рено. Тот приосанился и выпятил грудь. Принял важный вид, вид ответственного отца. Когда рядом Летисия, он всегда играет в эту игру. И правда, Летисия на него влияет. Поистине, женщина с головой на плечах и очень четким представлением о жизни, какой та должна быть. Она знает, чего хочет и куда идет. Усердно трудится. На всех фронтах.

— Засыпает.

Он лжет. Наверняка боится, что Летисия сочтет его плохим отцом. Это вызывает у Эмиля улыбку. Летисия подходит к кровати, быстро целует Рено и обращается к Эмилю:

— Как ты?

— Хорошо.

Она обнимает его. Эмиль не привык к таким нежностям с ее стороны. Они с Летисией всегда хорошо ладили, но сохраняли известную дистанцию, вежливую и уважительную. А вот между Лорой и Летисией симпатии не возникло. Они во всем были противоположностями. Лора столь же яркая брюнетка, как Летисия — блондинка, столь же беспечная и легкомысленная, как Летисия серьезна и предусмотрительна. Одной Эмиль всегда восхищался, но с некоторой опаской, другую же безмерно обожал. Он всегда предпочитал беспечность, спонтанность, детскую непосредственность Лоры. Она была свободна как воздух. Вот и упорхнула.

Летисия отпускает его. После известия о его болезни люди вокруг вдруг стали демонстративны, вот как Летисия. Объятия, долгие взгляды, произнесенные шепотом фразы, как если бы громкий звук мог его убить. От этого становится не по себе. Ему это не нравится.

— Как всегда, работы по горло? — спрашивает Эмиль.

— Не говори...

— А дом?

— Нам некогда осматривать. Тиван, работа... мы разрываемся.

Молчание повисает в больничной палате. Летисия стоит у окна, рядом с коляской Тивана. Одной рукой задумчиво гладит его по голове. Но вот, как будто спохватившись, спрашивает:

— Когда ты начинаешь клинические испытания?

— На той неделе.

— А почему тебя держат здесь?

— Надо сделать тесты перед началом испытаний.

— Тесты?

— Анализы крови, ДНК, сканеры, тесты памяти...

— Чокнуться можно.

Она поправляет пушистую прядку на голове Тивана и продолжает:

— Ты можешь уйти отсюда на выходные?

— Конечно. Я ведь не в тюрьме.

Он пытается вызвать у нее улыбку, но не получается. Летисия всегда была серьезной. Эмиль говорит себе, что она, должно быть, успокаивающе действует на Рено, и за это друг так ее любит. Он всегда был трусоват. В ней он нашел крепкое плечо.

— Тогда приходи к нам ужинать на выходных.

— Это будет классно.

— В пятницу вечером. Приходи в пятницу вечером. Я приготовлю лазанью.

— Отличная программа!

Эмиль чувствует, как Рено поглядывает на него подозрительно. Будто подстерегает. Высматривает знак в его глазах. Рено знает, что он хочет уехать. Наверно, задается вопросом, будет ли он здесь в эти выходные, не лжет ли. Эмилю хочется успокоить его, но рядом Летисия, а ее посвящать он не собирается. Она будет против. Она не поймет.

Как бы то ни было, в эти выходные он будет тут. Он забирает кемпинг-кар в субботу утром. Поставит его на площади у кинотеатра, там, где часто паркуются всевозможные кемпинг-кары и сомнительные фургоны. Дальше будет видно. Он еще не знает точно, когда уедет. Объявление собрало 197 просмотров с момента публикации два дня назад, и никто пока не откликнулся. Он не питает больших надежд, но говорит себе, мол, никогда не знаешь. Он рассчитывает воспользоваться воскресным днем, чтобы разработать маршрут. Ему хочется природы, леса, запаха сосен, катящихся из-под ног камней.

— А твоя работа?

Он вздрагивает, услышав голос Летисии. Она смотрит на него от окна палаты, рука по-прежнему лежит в коляске на головке Тивана.

— Что?

— Ты, полагаю, туда не вернешься?

— О... Нет.

— Тебя отправили в отпуск?

— Да. На неопределенный срок.

Довольно тяжелое молчание повисает в палате. Рено ерзает, ему не по себе.

— Знаешь, я не буду по ней скучать, — добавляет Эмиль.

Его работа — держать связь между отелями и сайтами бронирования. Он получает комиссионные каждый раз, когда заключен

контракт. Фирма крошечная. Создана меньше трех лет назад. Его начальник — знакомый знакомого Лоры. Она их тогда и свела. Патрону двадцать восемь лет, и он хочет завоевать мир. Но далеко не пойдет. Для такой амбиции нужна амуниция. Кроме них двоих есть еще стажер — Жером-Антонен, папенькин сынок, неуч и бездельник. Нет, по этой работе Эмиль скучать не будет. Он согласился на нее в свое время, потому что надо же было зарабатывать деньги, но это никогда его не увлекало. Он работал на автомате, просто чтобы убить время. Поэтому не сразу понял, что память подводит. Отнес это на счет скуки и недостатка мотивации: письма потерянные, отправленные дважды, забытые встречи, обманутые клиенты через раз, черные дыры среди дня перед пустым файлом (*что я, собственно, собирался делать?*)... Работа была нудная, без сюрпризов, и он думал, что просто устал. Но дело было не в этом, во всяком случае, не только в этом. Память действительно подводила. Потом начало темнеть в глазах, стала кружиться голова. Тоже усталость, думал он. Запоздалая реакция на уход Лоры... год спустя... Мать настояла, чтобы он обратился к врачу. И прозвучал приговор.

Летисия суетится у окна. Сражается с ручкой, чтобы открыть его.

— Здесь адская жара.

Свежий предвечерний воздух проникает в палату. Уже июль, и за окном громко поют птицы.

— Здесь нет кондиционера?

— Только в геронтологическом отделении.

— Я больше не могу. Пойду куплю холодного лимонада в автомате. Вы чего-нибудь хотите?

Эмиль качает головой, Рено тоже. Летисия утирает лоб, к которому прилипли кудряшки.

— Я сейчас.

Она выходит из палаты, очень аккуратно прикрыв за собой дверь. Рено тут же поворачивается к Эмилю. Теперь он хочет знать.

— Ну так... Что ты затеял?

— Сам еще толком не знаю.

Эмиль протягивает руку к белой тумбочке и берет свой телефон. Открывает интернет-страницу, прокручивает ее, барабанит пальцами.

— Смотри. Вот на чем я пока остановился.

Он протягивает телефон Рено, открыв объявление.

— Читай.

Эмиль сидит неподвижно за рулем кемпинг-кара, погруженный в свои мысли, озадаченный. Он забрал машину сегодня утром. Она в отличном состоянии. Внутри остались даже посуда и полотенца, которыми, кажется, ни разу не пользовались. Он может уехать сегодня, если захочет.

Кемпинг-кар припаркован на стоянке у кинотеатра, и Эмиль никак не может решиться выйти. Это мучение. Он уже не знает, что думать. Рено в тот раз испугался, прочитав объявление.

— Уехать, это я понимаю... но с незнакомым человеком...

Он смущенно передернул плечами, словно извиняясь, что не может уехать с ним.

— Конечно, никто не откликнется. Или какой-нибудь сумасшедший. Психопат. Сексуальный маньяк. Во что ты ввязываешься?

Эмиль немного растерялся от его реакции. Обычно они с Рено на одной волне. Но в этот раз — нет. И потому Эмиль долго колебался. *Рено так реагирует оттого, что знает — я скоро умру? Знает, что я умру далеко от дома, далеко от родных? Может быть, моя идея совсем тухлая?* Он чуть было не удалил объявление. Однако сегодня утром на него откликнулись. И это застигло Эмиля врасплох. Потому что написал не мужчина — а именно такого он ждал, если вообще будет хоть один отклик. Нет, ответила женщина. Молодая женщина. Она пишет, что ей двадцать девять лет. Объявление должно было напугать ее или по крайней мере встревожить. Ехать одной с незнакомым мужчиной, который пишет, что жизнь его подходит к концу... Ехать, не имея четкого представления о маршруте и о глубинной цели этого путешествия... Но она не казалась встревоженной. Она написала короткое сообщение, почти не задавала вопросов. Что у нее за проблемы с психикой?

Petitesannonces.fr

Тема: Re: Ищу спутника (спутницу) для последнего путешествия

Автор: Жо

Дата: 5 июля 08:29

Сообщение:

Здравствуй, Эмиль26.

Ваше объявление привлекло мое внимание.

Меня зовут Жоанна, мне 29 лет.

Я вегетарианка, не очень сильна в хозяйстве и домашнем уюте.

Росту во мне 1 м 57 см, но я способна нести 20-килограммовый рюкзак несколько километров.

У меня крепкое здоровье, разве что аллергия (на укусы ос, арахис и моллюсков).

Я не храплю.

Разговариваю мало, люблю медитировать, особенно на лоне природы.

Я свободна в любой момент, чтобы уехать.

Жду вашего ответа.

Жоанна

Он с самого утра читает и перечитывает ее письмо. И ничего не понимает. Кто она? Почему это делает? Теперь опасается он... Она ни о чем не спрашивает. Она готова последовать за ним вот так, без боязни. Какая женщина на это способна? Ему вдруг очень хочется показать письмо Рено, чтобы узнать его мнение. *Я вегетарианка, не очень сильна в хозяйстве и домашнем уюте.* Да уж, двинутая так двинутая! Даже не упоминает о его болезни, о смертном приговоре, который будет висеть над ним на протяжении всего путешествия... Ей плевать? *Я не храплю. Разговариваю мало, люблю медитировать, особенно на лоне природы.*

Эмиль потирает подбородок, проводит рукой по лицу, по бородке, которую он упорно отрицает уже год. Вообще-то ему трудно признать, что на его объявление откликнулся в точности такой человек, для которого он его и написал. Так что же? В чем проблема? Почему теперь он не доверяет и опасается? Эмиль смотрит на себя в зеркало заднего вида. Темная бородка, угадывающиеся под ней ямочки, карие миндалевидные глаза. Только-только намечаются морщинки в уголках глаз. Гусиные лапки. Почти незаметные. Он уверен, что никто, кроме него, не обращает на них внимания. Он рассматривает свое встревоженное лицо, складку на лбу.

На самом деле он не верил. Просто не представлял, что кто-то откликнется на его объявление. Во всяком случае, не женщина. Вот что так его тревожит. В Лоре было это безумие, эти спонтанность и безбашенность, но никогда, никогда-никогда она не откликнулась бы на такое объявление. Никогда не ввязалась бы в подобную авантюру. А ведь Лора была самой эмансипированной, самой непосредственной женщиной из всех, кого он знал. Поначалу, во всяком случае. Та Лора, в которую он без памяти влюбился.

От размышлений его отрывает телефонный звонок. На экране высвечивается слово «Мама», и он выжидает долгих три секунды, прежде чем ответить.

— Эмиль? Где ты?

— Все хорошо, мама. Я вышел в магазин. Что случилось?

— Мы зашли к тебе в студию. Звонили, никто не открыл...

— Так подожди меня. Я буду через десять минут.

— Я просто хотела узнать, как ты. Твоя сестра здесь... С близнецами.

Он сдерживает вздох. Заставляет себя ответить ласково:

— Я вернусь как можно скорее.

С тех пор как вынесен приговор, они не дают ему ни секунды передышки. Ни одни, ни другие. Они душат его. Ему не терпится уехать, покончить со всей этой комедией. В сущности, им даже станет легче. Пока им больно и они полны благих намерений, но в конечном счете это станет всем в тягость. Им надо заново начинать жить. Никто больше ничем не может ему помочь. Но они — они должны жить.

Petitesannonces.fr

Тема: Re: Re: Ищу спутника (спутницу) для последнего путешествия

Автор: Эмиль26

Дата: 5 июля 20:11

Сообщение:

Что ж, Жоанна, очень рад.

Должен признаться, я не ожидал ответа на мое объявление.

Ты потрясающий сюрприз.

В каком городе ты живешь? Если мы не очень далеко друг от друга, могли бы встретиться перед отъездом, чтобы вместе обсудить маршрут.

Я живу в Роанне.

Эмиль

P. S. Предлагаю перейти на «ты».

Возбуждение одолело сомнения. Эмиль отринул тревогу, опасность. Он провел день с матерью и сестрой. Они хлопали над ним крыльями, как над умирающим. Он едва не взорвался. Видел, как они обмениваются мученическими взглядами, сдерживают слезы. Он чувствовал всю тяжесть приговора, повисшего над их головами в квартире. Даже близнецы, сыновья Маржори, это чувствовали. Они вели себя тихо, слишком тихо для трехлетних пацанов. Если он останется, это будет ад. Смерть станет занимать все больше и больше места, задушит все остальное, и между ними не останется ничего, кроме этого едкого запаха, этого горького вкуса приближающейся смерти.

Он должен уехать. И быстро. Пока все еще почти по-прежнему.

Petitesannonces.fr

Тема: Re: Re: Re: Ищу спутника (спутницу) для последнего путешествия

Автор: Жо

Дата: 5 июля 20:21

Сообщение:

Еще раз здравствуй, Эмиль,
я живу в Сен-Мало, а ты в Роанне. 700 км разделяют нас. Боюсь, мы не сможем поболтать за кофе перед окончательным отъездом.

Но я могу быть в Роанне послезавтра. Давай встретимся на выезде с автострады номер 3. На мне будет черная широкополая шляпа, золотые сандалии и красный рюкзак. Что скажешь?

Жоанна

Тема: Re: Re: Re: Re: Ищу спутника (спутницу) для последнего путешествия

Автор: Эмиль26

Дата: 5 июля 20:29

Сообщение:

Скажу, что тебе так же не терпится уехать, как и мне...

Я ошибаюсь?

Эмиль

Жоанна не ответила. Полночь, Эмиль лежит на кровати, окна распахнуты настежь. Он один в квартире. Судя по всему, ей не очень хочется застревать на этой теме. Интересно, от чего же бежит она? Он-то объявил масть. А она нет. Может быть, и не бежит ни от чего, может, просто с левой резьбой. Или нимфоманка. Ему плевать. Он все равно умрет. Ничто больше не имеет значения. Он все же снова пишет ей, чтобы быть уверенным, что она не передумала.

Тема: Re: Re: Re: Re: Ищу спутника (спутницу) для последнего путешествия

Автор: Эмиль26

Дата: 6 июля 00:14

Сообщение:

В полдень тебя устраивает?

У меня нет номера телефона. Как мы найдем друг друга?

Эмиль

Тема: Re: Re: Re: Re: Re: Ищу спутника (спутницу) для последнего путешествия

Автор: Жо

Дата: 6 июля 00:49

Сообщение:

В полдень меня устраивает. Найдешь меня по черной шляпе, золотым сандалиям и красному рюкзаку.

Жоанна

У Эмиля до странного сильно бьется сердце, в горле ком. Он сам не знает, что делает. Ему трудно вести кемпинг-кар. Раньше он никогда их не водил. На светофоре он мельком бросает взгляд в зеркало заднего вида. Лицо как в худшие дни. Под глазами круги. Бородка взъерошена. Он прибавляет громкость музыки. Ему не хочется думать о том, что он сделал, о том, что оставил позади, вернее, о тех, кого бросил. Он сделал это быстро, очень быстро, чтобы не передумать. Еще вчера он колебался, а сегодня утром уезжает.

Загорается зеленый. Он едет по указателю к автостраде, минует круговую развязку. Уже виден выезд номер три. Здесь он сворачивал на автостраду почти двадцать шесть лет, с родителями и сестрой, когда они ехали на Юг. Он отгоняет воспоминания. Он их больше не хочет. Не сейчас. Он должен сосредоточиться на том, что будет.

Он убавляет громкость музыки, въезжая на маленькую парковку у автострады. Никакой толпы в этот вторник, в час обеда. Эмиль смотрит на часы на приборном щитке. Он приехал раньше на десять минут. Она вряд ли уже здесь. Парковка пуста. Кто ее привезет? Знакомый? Родственник? Что она им скажет? Он останавливает кемпинг-кар, тянется выключить зажигание и тут замечает движение на краю площадки. Там дерево, в самом конце. Единственное дерево, выросшее на крошечном клочке травы при съезде с автострады. У его подножия сидит женщина. Нет никаких сомнений, это она. Большой красный рюкзак лежит рядом с ней. Она смотрит на Эмиля нерешительно, приставив руку козырьком к глазам, чтобы защититься от солнца. Эмиль заглушает двигатель, и девушка на краю парковки встает. На ней очень длинное черное платье до щиколоток, скрывающее формы. Он не уверен, она еще далеко, но кажется ему худенькой, даже хрупкой, утопающей в этом огромном платье. Он шагает вперед. Она тоже. Он чувствует себя глуповатым и неуклюжим. Еще хуже, чем на первом свидании. Вот она и перед ним. Действительно хрупкая. Очень маленькая. Худенькие плечи. Интересно, как она может носить такой большой рюкзак? Под широкополой черной шляпой скрывается тонкое лицо, небольшие

карие глаза без блеска, спутанные светло-каштановые волосы, не вьющиеся, но и не совсем прямые. Она, наверно, может быть красивой, когда хочет, когда причесывает волосы, рисует черные стрелки у глаз, когда не тонет в слишком широкой одежде и не прячется в тени своей шляпы. Но сейчас она выглядит просто маленькой. Маленькой и довольно тусклой. И неухоженной.

— Привет, — говорит он, сглатывая ком в горле.

Она задирает голову, чтобы ответить ему. В ней не больше метра пятидесяти семи, она сказала правду.

— Привет.

Больше она ничего не добавляет. Он чувствует себя немного застигнутым врасплох. Он представлял ее иначе. По тону ее первого письма угадывалась девушка, которой комфортно жить, с легким характером, немного развязная, немного с приветом. Не эта кроха, прячущаяся под своей шляпой и такая робкая. Он чувствует себя обязанным продолжать, зная, что она этого не сделает:

— Ну что ж, это я. Я... Я Эмиль.

Она кивает, на лице мелькает подобие тени улыбки.

— Я Жоанна.

— Ты... Ты давно здесь?

— Два часа.

— Ох! Я не знал... Мне очень жаль!

— Ничего. Я приехала раньше, чем ожидалось.

У нее тонкий голосок, едва слышный. Решительно, она не имеет ничего общего с девушкой из первого сообщения.

— Тебя привезли на машине?

— Я автостопом.

— А.

Больше ему нечего сказать. Она здесь, стоит перед ним со своим огромным красным рюкзаком, и он добавляет:

— Мы... Ты готова? Едем?

Она кивает. Оба направляются к кемпинг-кару. Походка у нее тяжелая и легкая одновременно. Тяжелая, потому что она как будто несет тяжелую ношу. Легкая, потому что она как будто парит над землей. Он открывает перед ней дверцу. Она едва заглядывает внутрь, но он все же говорит:

— Вот кемпинг-кар. Здесь мы будем жить.

Ему вдруг странно произносить эти слова. *Здесь мы будем жить.* Он жил только с Лорой. А сегодня разделит этот тесный автомобиль с совершенно незнакомой женщиной. Она мельком заглядывает назад.

— Да. Отлично.

Никаких особых эмоций в ее голосе, никакого блеска в глазах. Она, кажется, совершенно равнодушна ко всему, что с ней происходит. Эмиль садится на водительское сиденье. Жоанна пристегивает ремень. Шляпу она так и не сняла. Ему кажется, что она ее никогда не снимет. Он ерзает на сиденье, ему не по себе, у него вырывается нервный смешок.

— Насчет маршрута мы... — Нервный смешок заканчивается покашливанием. — Мы не договорились. Мы не знаем, куда едем.

Ситуация вдруг кажется ему совершенно абсурдной. Оказаться здесь, на переднем сиденье кемпинг-кара, даже не зная, куда они едут, с этой девушкой, которая абсолютно не в себе. Звучит слабый голосок:

— Для меня это не имеет значения.

Кто она и какого черта здесь делает? Господи, от чего же она бежит, если бросается в машину первого встречного, не заботясь о собственной судьбе? Они решили, что направятся в Пиренеи. По пути не говорят ни слова. Эмиль пытается незаметно поглядывать на нее, но уверен, что она все замечает. Однако это сильнее его. Фраза прозвучала так безапелляционно, без обиняков, без притворства: *для меня это не имеет значения.* И он знает, что это чистая правда. Ей плевать, куда они едут, кто он такой, по какой причине уезжает, что с ней может случиться... Все это не имеет для нее никакого значения. Она хочет одного: бежать. От кого? От чего? Это сводит его с ума.

Теперь он понял. Он заблуждался. Тон ее письма, совершенно двинутый... Он принял это за вызов, за шалость. Думал, будто имеет дело с особой вне рамок, немного чудачкой, выраженным экстравертом. Он ошибся. Тон действительно был двинутый, да, но по другой простой причине. Эта девушка не в себе, не в своей тарелке, да и вообще не в своей жизни. Она потеряна. Она не здесь. Она, должно быть, едва сознаёт, что жива.

Они едут, приглушенно играет музыка. Девушка не сводит глаз с дороги. Она совершенно неподвижна.

— Скажешь мне, если захочешь открыть окно.

— Да.

— Если захочешь остановиться...

— Да. Хорошо.

Уходят из-под колес километры. Он начинает привыкать к кемпинг-кару, к его рулю, и к молчанию девушки тоже. Он думает, что это даже кстати, у него нет ни настроения, ни желания говорить. В горле ком, слезы подступают к глазам, но он сдерживается. Вчера он зашел к родителям, чтобы сообщить им даты первого курса клинических испытаний.

— Мама, запиши в свой ежедневник... Если захочешь пойти со мной.

Он посмотрел «Вопрос на 1000 евро» с отцом, недолго, пока мать рядом поливала свои орхидеи. Потом он забежал к Маржори помочь ей поменять лампочку в люстре в гостиной.

— Но, Эмиль... Не стоило тебе беспокоиться... Три месяца я обхожусь без нее...

Она, кажется, удивилась. Ее муж, Бастьен, много работает. Им пришлось нелегко с появлением близнецов. Они едва сводили концы с концами. У Бастьена мало времени на мелкие домашние работы, и, когда лампочка в люстре испустила дух, Маржори спросила Эмиля, не может ли он при случае зайти заменить ее. Он, конечно, этого так и не сделал. Не то чтобы у него не было времени... Нет, просто все откладывал, это ведь не так важно, целых три месяца. Но вчера зашел. Купил лампочку в супермаркете и отправился к Маржори. Бастьен был на работе. Близнецы полдничали после детского сада. Сестра мыла кухонный стол.

— Я пришел сменить лампочку, — сообщил он.

Маржори принесла стремянку в гостиную. Близнецы стояли внизу и наблюдали, им было интересно. После этого Маржори сварила ему кофе, настаивала, чтобы он поужинал с ними, но он ответил, что не может, ему надо еще зайти к Рено. Он все же дождался возвращения Бастьена, выпил с ним вторую чашку кофе, поговорил обо всем и ни о чем. Потом ушел. Сказал: «Пока». И быстро, очень быстро побежал к Рено. Не время было плакать и распускаться. Ему предстояло еще одно тайное прощание, еще одно лицо надо было запечатлеть, прежде чем он уедет завтра. И он позвонил к Рено с коробкой яиц в руках.

— Мама опять мне их принесла! Две коробки за неделю! Они испортятся. Я принес их вам, чтобы вы их по-быстрому съели.

Рено хотел что-то сказать. Он странно побледнел. Но рядом была Летисия. Она заговорила первой:

— О, как мило! Выпьешь с нами аперитив перед уходом?

Он специально пришел в это время, зная, что Летисия будет дома. Он знал, что Рено не сможет его спрашивать, отвести в сторонку, расплакаться на его плече. Это было не очень честно — застать его вот так, по-предательски, но Эмиль не хотел прощаний. Он никогда этого не любил. Летисия подала мартини, и они выпили втроем в гостиной. Эмиль взял на руки Тивана, чтобы тот немного покричал.

— Он по-прежнему не любит меня, твой мелкий!

Рено был бледен и молчал. Ничего не говорил. Он догадывался, что здесь что-то не так, что этот визит может быть последним. В дверях Рено попытался его задержать.

— Эмиль, постой...

Летисия уже попрощалась и ушла в гостиную.

— Что это за дела с яйцами? Не держи меня за дурака!

Рено смотрел на него с пронзительной болью в глубине глаз. Эмиль ответил:

— Мне действительно надо идти, старина.

Он коротко обнял его и бегом помчался вниз по лестнице. Рено, выйдя на лестничную клетку, заорал изо всех сил:

— СВОЛОЧЬ!

Потому что он понял. Он знал, что Эмиль убегает как вор, не простившись с ним. Эмиль слышал, как выглянула Летисия, спросила Рено:

— Что на тебя нашло?

Дверь их квартиры захлопнулась. Больше Эмиль ничего не слышал. Он зашел домой за рюкзаком, запер дверь на ключ. Эту ночь он провел в кемпинг-каре, на парковке в центре города, чтобы быть уверенным, что ему никто не помешает. Чтобы быть уверенным, что не нарисуетя Рено и не вышибет дверь. Ночь была бессонной. Он не сомкнул глаз.

Эмиль пытается отогнать от себя все это. Еще слишком больно. Он никогда ничего подобного не делал. Интересно, так же больно Жоанне? Не потому ли она не произносит ни слова и у нее совсем

потерянный вид? Возможно, для обоих сейчас трудный момент. Не так уж плохо, в конечном счете, что они оба понимают это и потому молчат.

Они останавливаются на площадке для отдыха размять ноги. Жоанна стоит у автомобиля. Эмиль делает несколько шагов к магазину. За несколько часов он многое понял. Много, чего не знал. Он не знал, что может быть так сладко и так ценно сменить лампочку, увидеть улыбку сестры, посмотреть «Вопрос на 1000 евро» рядом с отцом, чувствовать, как мать хлопчет вокруг своих орхидей, слышать, как плачет мелкий, пока Летисия разливает мартини, а Рено смотрит в окно. Он не знал, как это дорого стоит. Когда ушла Лора, он думал, что у него ничего больше нет, что остались только пустота и незначущие пустяки. Он не видел того, что на самом деле осталось: мелочей, благодаря которым все равно чувствуешь себя любимым, чувствуешь себя живым.

Он глотает слезы, входя в стеклянную дверь магазинчика на стоянке автострады. Есть ему не хочется, но времени прошло немало, и надо купить чего-нибудь на вечер. Голод рано или поздно даст о себе знать. Он выбирает сэндвич в витрине-холодильнике, потом идет вдоль полок. Он не знает, есть ли у Жоанны что-нибудь поесть. Решает взять пакет чипсов на всякий случай и два фруктовых пюре. Берет банку с горошком и еще одну с чечевицей. На всякий случай... Будет какой-никакой запас. Добавив к своим покупкам бутылку воды, он протягивает кассирше банковскую карточку.

— Шестнадцать евро сорок шесть, пожалуйста.

На стоянке удушающе жарко. Июльское солнце обжигает. Жоанна сидит на клочке травы у машины, вытянув ноги перед собой и открыв несколько сантиметров бедер. Они бледные — похоже, она в последнее время не загорала. Эмиль подходит к ней с пластиковым пакетом в руке.

— Хочешь поесть? Я кое-что нам купил.

Она поднимает голову и качает ею слева направо.

— Нет, спасибо. Не сейчас.

Жизнь, кажется, отчасти вернулась к ней. Ее фразы стали длиннее. Он садится рядом на траву и спрашивает: «Как ты?», будто они давно знакомы. Она кивает.

— Все хорошо.

Помедлив, добавляет:

— Ты знаешь, где мы заночуем сегодня?

Эмиль пожимает плечами.

— Нет. Я думал остановиться где придется, когда захочу спать. Но если у тебя есть пожелания...

— Нет-нет! Я просто так спросила...

Снова повисает молчание. Эмиля вдруг заинтриговал один вопрос. Он не может удержаться и задает его:

— Как ты нашла мое объявление?

Лицо Жоанны скрывается под шляпой: она вдруг опустила голову. Смутившись, она вырывает несколько травинок.

— Я решила уехать. Мне нужна была машина. Я просматривала объявления, искала.

Эмиль ждет продолжения. Его не следует.

— И вот так наткнулась на мое объявление?

— Оно было на первой странице. Я... я думаю, ты собрал немало просмотров, потому что оно фигурировало в самых популярных за последние сутки.

— Вот как?

Он чуть грустно улыбается.

— Надо сказать, малость шокирующее объявление, правда?

Жоанна пожимает плечами.

— Да, наверно.

Она-то явно не сочла его шокирующим. Или она просто совсем не здесь, чтобы это осознать.

— Я думал, что женщину такое объявление отпугнет.

Он немного нажал, чтобы вызвать реакцию.

— О... Нет... Не меня.

Он понимает, что более внятного ответа не добьется. Медленно встает, спрашивает ее:

— Хочешь зайти в туалет? Еще немного размять ноги?

Она качает головой.

— Нет, все в порядке.

— Тогда едем дальше?

— Хорошо.

Посвежело. Солнце клонится к горизонту. Они ехали еще несколько часов. А потом Эмиль едва не уснул за рулем. После бессонной ночи, волнений... Слишком много пришлось пережить за сегодняшний день. Он решил остановиться. Припарковал кемпинг-кар на обочине национальной автострады близ Брив-ла-Гайярд. Еще нет шести часов, но теперь он проголодался. Они достали складной столик и два стула из стенного шкафчика и поставили их на краю шоссе, получилась импровизированная терраса.

— Чего ты хочешь поесть?

Жоанна посмотрела на чипсы, сэндвич, фруктовое пюре. Выбрала пюре.

— И это все?

— Я не очень голодна.

Она съела свое фруктовое пюре стоя, не сев с ним за стол. Потом спросила, можно ли принять душ, полон ли бак с водой.

— Иди. Я проверял сегодня утром. Есть еще пятьдесят литров. Наполним его завтра. Попытаемся найти станцию обслуживания для кемпинг-каров...

Она кивнула и скрылась внутри. Теперь он один, сидит за складным столиком на обочине национальной автострады и ест сэндвич в вакуумной упаковке. Его выключенный телефон лежит рядом. Он не включит его больше никогда. Или нескоро. Он не оставил записки, никому. Сделает это позже. Он напишет письмо и отправит его родителям. Они передадут Рено и сестре.

Время от времени проезжает машина. Когда она удаляется, снова наступает тишина. Слышен только шум воды в душе. Он снова отмечает про себя абсурдность ситуации. Он ест на обочине национальной автострады. Жоанна принимает душ в нескольких метрах. Сегодня вечером они лягут рядом на двуспальном матрасе под подъемной крышей кемпинг-кара. Он надеется, что она не страдает клаустрофобией. Внутри так тесно... Может быть, она не захочет спать рядом с ним... Может быть, предпочтет лечь на банкетке у стола, внизу.

Они пожелают друг другу спокойной ночи, больше ничего не скажут, они вообще почти не разговаривают. Они могли бы быть старой четой, путешествующей вместе.

Шум воды прекратился. Проглотив последний кусок сэндвича, Эмиль откидывается на складном стуле. Скоро он пойдет ляжет на матрас. Он вымотан. Ему кажется, что он весит тонну. Он слышит шорох шагов по гравию. Появляется Жоанна, закутанная в халат. С мокрых волос течет на лицо. Он едва узнает ее такой. Вид у нее смущенный.

— Эмиль...

Ему странно слышать свое имя. Это в первый раз. Придется привыкать.

— Я истратила всю воду... Мне очень жаль... Я не знала, что так быстро...

Он беспечно машет рукой.

— Ничего.

— Да, но... Если ты захочешь помыться...

— Завтра будет видно.

Ей явно не легче. По-прежнему этот смущенный вид, голова втянута в плечи.

— Как ты думаешь, я могу занять стенной шкафчик... чтобы убрать мои вещи?

Он успокаивающе улыбается ей.

— Да. Конечно. Можешь что-нибудь убрать и под раковину...

— А твои вещи?

— Есть еще место под банкеткой. Это будет мой уголок.

— Ладно. Спасибо.

Она уходит в кемпинг-кар. Эмиль потягивается, встает.

— Я оставлю стол и стулья снаружи? — спрашивает он громко, чтобы она услышала его внутри.

В дверном проеме появляется голова Жоанны.

— А что?

— Я ложусь спать. Мне надо наверстать несколько часов сна.

— А... Да, оставь. Я сложу их, когда пойду спать.

Он сминает в руке упаковку от сэндвича, сжимает свой по-прежнему выключенный телефон, заходит внутрь. Жоанна присела перед своим рюкзаком. Медленными движениями она достает из него кучу одежды. Встает, открывает дверь стенного шкафчика, где лежали складной столик и стулья. Сюда можно уместить много вещей. Тесно не будет.

— Это твое? — спрашивает она.

Жоанна обнаружила коробку в самом низу шкафчика. Она хочет ее взять, но Эмиль останавливает ее, пожалуй, слишком резко:

— Это мое, оставь!

Она замирает. Он не знает, обидел ли ее. Она ничего не выказывает. Продолжает убирать вещи. Это фотографии, сложенные в коробку. Годы и годы фотографий. Эмиль смягчается:

— Я сейчас все разложу. Спать мы будем наверху.

Он показывает ей веревочную лесенку в глубине кемпинг-кара, которая позволяет подняться под крышу, к спальному месту.

— Хорошо.

Эмиль еще не поднимал крышу кемпинг-кара. Он сражается с механизмом долгих десять минут. Когда Жоанна просовывает голову и спрашивает: «Справляешься?», он уже почти закончил.

— Все в порядке.

Он смотрит на часы. Семь часов вечера.

— Ладно, я ложусь. Если ты хочешь побыть снаружи, под раковиной есть свечи. И зажигалка.

— Хорошо. Спасибо.

— Если что, не стесняйся, буди меня... или общи. Будь как дома.

— Хорошо, — повторяет она.

— Спокойной ночи.

Эмиль исчезает под крышей. Матрас удобный, но не очень широкий. Ворочаться не стоит. Потолок такой низкий, что сесть нельзя. Он раздевается, как может, лежа. Оставшись в футболке и трусах, кладет грязную одежду в ноги. С облегчением опускается на подушку. Сегодня вечером он уснет быстро.

Три часа ночи, может быть, больше. Ему требуется долгая минута, чтобы понять, где он находится. Может быть, он просто не узнает места. А может быть, подводит память. Он не знает, сколько времени еще будет помнить, кто он и почему здесь. Врачи не говорили ничего определенного.

Могут пройти месяцы, прежде чем память разрушится окончательно. Но, возможно, наоборот, все произойдет очень быстро. Этого никто не знает.

Он — второй случай в Европе. У них мало опыта. Кемпинг-кар залит белым светом. Луна. Все вокруг тихо. Неподвижный силуэт Жоанны вырисовывается в этом белесом свете рядом с ним. Она спит на боку. Отвернувшись от него. Она сказала правду, не храпит. Он видит только ее хрупкую спину и рассыпанные по подушке волосы. Они уже не кажутся такими светлыми, ведь в полумраке цвета плохо различимы. Теперь можно подумать, что они темные. И гладкие. Можно подумать, что она Лора.

Лицо Эмиля нервно подергивается. Рот перекосился, будто в усмешке. Он знает, что это смешно, что это бессмысленно, но в эти несколько минут ему хочется смотреть на нее спящую, представляя себе, что это Лора. Он едва заметно придвигается, утыкаясь носом в ее волосы. Они не пахнут Лорой и выглядят иначе, но воображение сделает все необходимое. Он слушает ее дыхание, не шевелится. Он представляет себе Лору. Ее мускулистые ноги, совершенно гладкие волосы, падающие на плечи, ее шею, которую он всегда находил такой чувственной, округлые плечи, самую чуточку пухлые, то, что надо, ее грудь, не очень полную, но идеальной формы. И ее живот... Ее восхитительный живот... Самую малость дрябловатый, как она от этого злилась, но такой мягонький... Вот куда он больше всего любил ее целовать: в живот. Ее пухлые губы. Ее ягодицы... Он закрывает глаза, пытаясь успокоить зашедшееся в груди сердце. Плечи у Жоанны слишком худенькие. Лора была не такая, как Жоанна. Вся — формы, вся — изгибы. Сочная, но мускулистая. Она не была этим маленьким хрупким существом. Нет, она была полна, она дышала жизнью.

Жоанна вздыхает во сне. Эмиль опускает веки, чтобы сделать вид, будто спит, если она вдруг обернется, но она неподвижна. Продолжает спать, по-прежнему спиной к нему. Он сосредотачивается на волосах, только на волосах. Это могли бы быть волосы Лоры. И срабатывает. Лора здесь. Лора спит с ним рядом. Она отправилась с ним в его последнюю эскападу. Они вдвоем, только вдвоем в этом кемпинг-каре. Она останется здесь, она не уйдет. Они вновь обрели друг друга. Он уверен, что она улыбается своей улыбкой, лукавой и чуточку дерзкой, притворяется, будто спит, просто чтобы подразнить его, просто чтобы ему захотелось обнять одной рукой ее живот, другой шею, потом грудь. После этого она не сможет больше делать вид, что спит. Тихонько вздохнув, она зароется губами в его волосы, поцелует в ухо. Он

прижмется к ее спине, она скажет ему: «Ты меня хочешь?» Она обожает, когда он хочет ее. Заставляет его повторять это снова и снова. «Скажи мне, скажи, что ты хочешь меня».

Мимо кемпинг-кара на полной скорости проезжает машина, грубо вырывая Эмиля из его грез. Это больно. Это как ледяной душ. Он резко тянет одеяло на себя, поворачивается набок. Брови его сдвинуты, в горле ком. Это и ее вина. Жоанны. Она здесь, она спит рядом с ним, ее волосы разметались по подушке... Какое она имеет право?

С утра они не обменялись и двумя фразами. Наверное, из-за ночного эпизода Эмиль все еще в плохом настроении. Он знает, что это глупо и она здесь ни при чем, но ничего не может с собой поделаться. И потом, утром он увидел, как она ест чечевицу прямо из банки, и это его разозлило. Он сам не знает почему. Он непрестанно думает, что не надо было брать ее с собой, что ему было бы куда лучше одному. Но вот ведь, она здесь... Он не знает, сможет ли от нее избавиться и каким образом.

— Сверни здесь, — говорит Жоанна.

Они едут с девяти часов. Ищут станцию обслуживания для кемпинг-каров, чтобы наполнить бак водой. Она понадобится для душа и посуды. Биотуалет тоже надо опорожнить.

— Ты уверена? — хмуро спрашивает он.

Жоанна не обращает внимания на его тон.

— Указано, что здесь.

Он сворачивает на дорогу, которую она указала. Она права. Станция обслуживания здесь. Они выходят из автомобиля. Утреннее солнце уже обжигает. Эмиль стоит на коленях возле машины и уныло вздыхает.

— Я никогда этого не делал...

Жоанна стоит рядом, опустив руки. Она снова надела свою широкополую шляпу, скрывающую лицо.

— Я тоже.

Он встает, сердито фыркая, озирается. Пятидесятилетняя пара припарковалась метрах в пятидесяти. У них кемпинг-кар такой же модели.

— Вон, позови-ка того типа. Он наверняка знает, как это делается.

Он смотрит вслед Жоанне, которая послушно уходит в своем черном платье до пят. Слишком уж она добра. Лора послала бы его подальше. Посмотрела бы на него со своей дерзкой улыбкой и сказала: «Иди сам к этому типу. У меня весь день впереди».

Она легла бы на траву. И не встала, пока он не извинился бы за свой тон. Потом согласилась бы ему помочь, но с надутыми губками, и ему хотелось бы впитаться ей в шею.

— Добрый день.

Пятидесятилетняя парочка уже здесь с Жоанной.

— Вам, кажется, нужна помощь?

Жоанна прячется в тени своей шляпы. Эмиль пожимает руку мужчине и кивает подбородком даме.

— Добрый день. Да... Скажем так, я только что его купил... Еще не знаю, как тут все устроено.

— Что вы хотите сделать? Залить воду в бак?

— Да...

— А с туалетом, вы знаете, как это работает?

Эмиль колеблется.

— Более или менее...

Мужчина улыбается чуть насмешливо, ясно, что он все понимает.

— Полно, ничего страшного. Когда-нибудь надо начинать.

Засучив рукава, он встает на колени.

— Ну вот, смотрите, ничего особо сложного.

Эмиль с благодарностью смотрит вслед удаляющейся пятидесятилетней чете. Они спасли ему жизнь. Подумать только, он уехал в кемпинг-каре, даже не зная, как опорожнять туалет! Иногда он бывает просто идиотом. Жоанна удивила его. Она подобрала платье до колен и принялась за дело. Руки у нее крошечные — Эмиль уверен, что мог бы обхватить ее запястье двумя пальцами, — но она несла с ним бак с водой, потом сама опорожнила бачок биотуалета и поставила его на место. От работы она не отлынивает. И не такой уж хрупкий у нее вид, когда видишь ее за делом. Ему вспоминается фраза из ее письма: *Росту во мне 1 м 57 см, но я способна нести 20-килограммовый рюкзак несколько километров.* Он улыбается, смягчившись. Он был несправедлив к ней сегодня утром. Не ее же упрекать, что она вновь погрузила его в воспоминания о Лоре ночью...

— Передохнем, прежде чем ехать? — предлагает Эмиль, когда она уже садится в машину.

Обернувшись к нему, она пожимает плечами.

— Как хочешь.

— За стоянкой есть ручеек, — добавляет он.

Оба направляются к ручейку. Уже почти полдень. Солнце припекает. Они садятся под деревьями. Эмиль разувается, снимает носки. Подходит к воде и погружает в нее ноги со вздохом облегчения.

— Присоединяйся, так хорошо! — кричит он Жоанне.

Она сидит по-турецки под деревом. Он ожидает, что она вежливо откажется, но ошибается. Она медленно встает и подходит к воде. Эмиль смотрит, как шмыгают головастики между пальцами ног. Жоанна наклоняется, чтобы снять свои золотые сандалии.

— Немного прохладной воды, немного тени, и жизнь прекрасна, — заявляет он.

Ему хочется отыгаться за утреннее дурное настроение. Удалось ли, он не знает, потому что у Жоанны все так же отсутствует всякое выражение. Он смотрит, как она ступает в воду одной ногой, потом второй. Закрывает глаза, наверно, от удовольствия.

— Потом заедем за покупками? — спрашивает он.

— Да.

Снова повисает молчание, и они стоят по щиколотку в ручье, в прохладной тени деревьев.

Он всматривается в неподвижную спину Жоанны. Думает, что разница небольшая, есть она или ее нет. Она мало говорит. Почти не занимает места. Едва дышит. Но она здесь, она закрывает глаза, когда прохладная вода касается ее ног, перебирает пальцами, когда ее ласкает солнечный луч, и во всем этом — присутствие, отрадное присутствие.

Солнце потихоньку клонится к закату. Они припарковали кемпинг-кар на небольшой муниципальной площадке. Тут есть и другие путешественники. Эмиль и Жоанна поздоровались с ними издали и устроились в тени, на траве. Поставили складной стол и стулья под деревьями. Жоанна своим слабым голоском предложила приготовить салат и села за стол, чтобы порезать помидоры и перцы. Эмиль сидит напротив, рассматривая путеводитель. Сегодня днем,

заехав в магазин, они купили путеводитель по Пиренеям. В нем есть огромная карта, фотографии самых лучших точек обзора и маршруты походов. Указаны и стоянки для кемпинг-каров. Эмиль развернул гигантскую карту и склонился над ней. Он потирает подбородок, время от времени обводит ручкой название какого-нибудь городка. Жоанна продолжает резать помидоры, ко всему равнодушная. В нескольких метрах от них дети с криками играют в мяч. Женщина загорает у своего кемпинг-кара. Лает собака. Они молчат.

Эмиль, потягиваясь, закрывает карту. Он почти удивлен, увидев Жоанну за столом напротив. Он невольно улыбается ей, когда она поднимает к нему лицо, наполовину скрытое широкополой шляпой. Она не отвечает на его улыбку, очень быстро опускает голову и снова принимается резать помидоры. Эмиль встает.

— Пойду приму душ.

—

Он мечтает о прохладном душе, но вода в баке нагрелась от солнца. Она теплая. Он старается не пускать ее слишком надолго. У них бак всего на сто литров. Это немного. Зеркальце в санузле крошечное, и он думает, что будет трудно подстригать бородку. Может быть, пусть растет? Он стоит, задумчиво рассматривая себя в запотевшем зеркальце санузла. Этот второй день был не таким странным, как первый, и присутствие Жоанны в кемпинг-каре рядом с ним сегодня кажется ему менее абсурдным. Может быть, в конце концов они оба освоятся...

Когда Эмиль, полуголый, выходит из кемпинг-кара, жара еще удушающая. Жоанна хлопчет, накрывает на стол. Расставляет тарелки, приборы. Салат готов. Она, кажется, приготовила соус винегрет, в центре стола стоит мисочка с ложкой.

— О, — вырывается у него удивленно. — Спасибо, что приготовила все это...

Она как будто не понимает, за что он ее благодарит. Пожимает плечами и садится, движения ее медленны. Терпеливо ждет, пока он вытирает волосы полотенцем.

— Ты любишь готовить? — спрашивает он, садясь за стол.

Она отвечает не сразу. Прежде наполняет их тарелки.

— Да... В общем... Что попроще... Салаты, запеканки...

Она подцепляет вилкой два маленьких кусочка помидора. Ест она как птичка. Эмиль даже чувствует, как пробиваются ее крылышки. Он спрашивает:

— Что ты делала раньше?

Она смотрит на него недоумевающе.

— Раньше? Когда?

— До нашего отъезда. Ты работала, нет?

— Нет. Я не работала.

Он удивленно поднимает брови.

— Никогда не работала?

— Нет, работала. Конечно.

Она явно не хочет говорить больше, и он начинает сам, чтобы подбодрить ее.

— Я вот держал связь между отелями и сайтами бронирования. Получал комиссионные, когда они заключали контракт. Нудная работа. Приходилось постоянно доставать отельеров... А они были все время заняты и не стеснялись посылать меня подальше. Сама понимаешь... Я рад, что свалил.

Она не улыбается. Снова клюет из тарелки. Он удивлен, когда слышит ее ответ:

— А я работала сторожихой в начальной школе.

Он перестает жевать.

— Сторожихой? Это... Это удивительно.

— А?

— По физическим данным ты не тянешь на охрану, — добавляет он, оправдываясь.

Она глотает кусок помидора, прежде чем ответить.

— Я не была охранницей...

— Нет?

— Нет. Я отпирала по утрам ворота школы и классные комнаты, физкультурный зал, подсобку для велосипедов... Запирала все вечером. Немного прибиралась, и еще... я убирала опавшие листья и мусор во дворе. Помогала, когда надо было покрасить классную комнату или повесить картину... Следила, чтобы никто не зашел в школу вечером или в выходные. Вызывала бы муниципальную

полицию, если это случалось. Но этого никогда не происходило. Еще я поливала растения... Рисовала классики на земле... Ничего особенного, но было славно.

Эмиль улыбается, слушая ее. Впервые она так разговорилась. Он, кажется, почти угадывает выражение глаз, но не уверен, потому что она в своей огромной шляпе.

— Ты жила при школе?

— Да.

— Правда?

— Да. У меня был маленький служебный домик во дворе.

Он представляет себе ее длинное платье и широкополую черную шляпу посреди школьного двора. Представляет ее с граблями, сгребавшей опавшие листья, потом с лейкой, поливающей куст герани. Видит, как она спокойно шагает с большой связкой ключей в руке к тяжелым металлическим воротам... В конечном счете, ей это идет... Сторожиха начальной школы.

— Долго ты этим занималась?

— Почти восемь лет.

— Уволилась?

Она дергает головой, он не уверен, что понял. Это ни да, ни нет. Он решает не настаивать. Не хочет напугать ее своими вопросами.

— Во всяком случае, готовишь ты вкусно. Вкусно, — добавляет он.

Они доедают молча. Слушают, как шумят их соседи по кемпингу. Кричат дети, лает собака, взрослые вдалеке включили телевизор или радио. Время от времени звучит музыка. Эмиль убирает со стола и достает две свечи.

— Хочешь дыни? — спрашивает он Жоанну.

— Нет, достаточно.

Она почти ничего не ела. Несколько кусочков помидора и перца, большую часть оставила в тарелке. Эмиль тоже сыт, но это потому, что он съел три четверти салата. Он сел, зажег свечи, вытянул ноги.

Ему хорошо сейчас. Вчерашний день и сегодняшнее утро были нелегкими, но к вечеру он успокоился. Он задается вопросом, чем же они с Жоанной смогут заниматься долгими вечерами все эти месяцы... Жоанна чешет шею, тихонько встает. Она все время двигается как

будто в замедленном темпе. Жесты точные, но мягкие, спокойные, как будто ничто, абсолютно ничто не может ее взволновать.

— Я... Я немного пройдуся.

Он улыбается ей.

— Хорошо.

Он смотрит, как она удаляется по траве, походка у нее тяжелая и легкая одновременно. За кемпинг-каром поле, полностью выжженное солнцем, тянется на несколько сотен метров. Она будто бы блуждает, не зная толком, куда идет. Он видит, как она сворачивает за стог сена, направляется к рощице, останавливается на несколько секунд и идет дальше.

Эмиль потягивается, встает. Сегодня они купили чайник. Ему хочется заварить себе чаю. Жара никогда не мешала ему пить чай. Он суетится в кемпинг-каре, достает чайные пакетики, наполняет чайник, прислонившись к крошечному кухонному столу, слушает, как он свистит. Он смотрит на свой мобильный телефон на столе, думает, что в нем, должно быть, уже десятки сообщений, наговоренных срывающимися от тревоги голосами. И все же Эмилю сегодня вечером хорошо. Он выходит наружу с дымящейся чашкой в руке, снова садится за складной столик. Теперь уже совсем стемнело. От свечей льется дрожащий свет. В некоторых кемпинг-карах поблизости окна уже темные. От луны сегодня вечером только маленький серпик. Он слабо освещает поле и стога сена. Эмиль щурит глаза. Жоанна там, посреди поля. Она сидит по-турецки. Совершенно неподвижно. Ее черная широкополая шляпа вырисовывается в тени, лицо, запрокинутое к небу, как будто обращается к звездам. *Разговариваю мало, люблю медитировать, особенно на лоне природы.*

Губы Эмиля сами собой раздвигаются в улыбке. Не таким уж странным, в конечном счете, было ее письмо... В нем сказано главное. Ничего больше.

—

Ночью его будит шум. Это Жоанна карабкается по веревочной лесенке. Но это не единственный шум. Что-то стучит по крыше кемпинг-кара. Видны вспышки света. Он привстает на локте.

— Что происходит?

Но он понимает, прежде чем девушка успевает открыть рот: она уже заползла на матрас, и она мокрая насквозь. С волос течет на плечи. Она дрожит.

— Гроза.

— Черт... Ты попала под ливень?

— Да.

Юркнув под одеяло, она извивается, снимая платье так, чтобы он ее не увидел. Эмиль тяжело опускается на подушку. Глаза слипаются. Сейчас, наверно, середина ночи...

— Который час?

— Два часа. Или три.

Он удивленно поднимает бровь.

— И ты все это время была снаружи?

— Я уснула.

— В поле?

— Да.

— Это часто с тобой случается?

— Иногда.

Она по-прежнему невозмутима. Она наконец сняла мокрое платье под одеялом. Эмиль протягивает ей свою футболку, лежащую на матрасе.

— Вот, хочешь вытереть волосы?

Она кивает. Новая молния прорезает небо. Он смотрит на нее, ее движения все так же спокойны: она садится, придерживая одеяло у груди, собирает волосы на макушке, обматывает футболку тюрбаном вокруг головы. Она, кажется, даже не замечает, что он наблюдает за ней. Ложится, поворачивается на бок, натягивает одеяло до подбородка.

— Спокойной ночи, — шепчет она.

— Спокойной ночи.

Несколько секунд он смотрит, как молнии освещают крышу автомобиля, матрас, их скомканную одежду по обе стороны матраса. Дождь хлещет с удвоенной силой. Он слышит, как она дрожит рядом с ним. Даже зубы стучат. Он лежит, вытянувшись, слушая шум грозы, медленно тянутся минуты. Сон не идет. Жоанна рядом тоже

неспокойна. Она больше не дрожит, но время от времени ворочается. Он понимает, что она тоже не может уснуть. Медлит, прочищает горло:

— Ты не спишь?

Она замирает, проходит секунда, другая.

— Нет.

— Ты боишься грозы? — пытается он пошутить.

Его удивляет ее ответ:

— Да.

Эмиль ошарашен и несколько секунд не знает, что ответить.

— Хочешь... я принесу сюда свечу?

— Нет. Все в порядке.

Он никогда не встречал таких, как эта девушка. Она носит бак с водой, садится в автомобиль к первому встречному, но, надо же, боится грозы. Он не может удержаться от улыбки.

— Спокойной ночи, Жоанна.

Ему странно произносить ее имя вот так, в темноте на матрасе. Придется привыкать.

— Спокойной ночи, — шепчет она.

Он тоже поворачивается на бок, и теперь они лежат спиной друг к другу. Он закрывает глаза, задремывает под шум дождя и раскаты грома и проваливается в сон, сам того не заметив.

Вчера они остановились на стоянке для кемпинг-каров в деревне под названием Пузак, департамент Верхние Пиренеи. Если верить путеводителю, который они купили, это километрах в двадцати от самого лучшего вида горной цепи Пиренеев — Пика-дю-Миди-де-Бигорр. За завтраком Эмиль развернул на столе карту. Жоанна еще спит. Он достал столик и стул. Заварил чай, сделал бутерброд со смородиновым конфитюром и рассеянно ест, просматривая карту. Ему трудно поверить, что они так близко к пику Миди-де-Бигорр, высота которого 2877 метров. Деревня Пузак совсем непохожа на горную деревню. Пейзаж скорее плоский. Только поля и редкие платаны. Дома самые обыкновенные, точно такие же есть у Эмиля дома, в Роанне. Ему не терпится увидеть шале, старые каменные домишки, ели.

Он заглядывает в кемпинг-кар. Ни звука, ни движения. Однако ему что-то послышалось. Очень тихий шорох, словно дрожь. Он продолжает жевать, разглаживает ладонью карту. Опять. Снова тот же шорох. Похоже на вибрацию телефона. Он, однако, уверен, что не включал свой. Сердце подкатывает к горлу. Неужели включил? Сколько раз такое случалось с ним в последнее время — он не мог вспомнить, что говорил по телефону, выключил компьютер или убрал со стола. Это произвело на него странный эффект — заново оказаться здесь, не понимая, что у него только что был блэкаут.

Эмиль встает так быстро, что опрокидывает стул. Он надеется, даже молится: пожалуйста, пусть я не включал телефон. А что еще он мог сделать? Позвонил родителям? Он врывается в машину и застывает как вкопанный, с облегчением выдыхая. Звук исходит не от его телефона, лежащего на кухонном столе и безнадежно выключенного, а из стенного шкафчика, где сложены вещи Жоанны. Он прислушивается. Да, вибрация. У нее есть телефон? Странно... С тех пор как она села в кемпинг-кар на стоянке у автострады, он ни разу не видел ее с телефоном. И думал, что его у нее вообще не было или что она от него избавилась. Он тихонько подходит, колеблется, открывает шкафчик, стараясь не шуметь. Телефона он не видит, но звук стал сильнее. Вдруг он замирает. Слышит шорох наверху, на

кушетке. Жоанна зашевелилась. Он поспешно закрывает шкафчик и выходит наружу, к столу. Заставляет себя сесть, взять дымящуюся чашку чая. Слышит, как стучит о стенку веревочная лесенка. Жоанна спускается. Он снова утыкается в карту.

— Доброе утро.

Жоанна робко высовывает голову наружу, волосы еще замотаны тюрбаном из футболки Эмиля.

— Доброе утро.

Больше он ничего не добавляет. Не говорит, что слышал, как звонил ее телефон в шкафчике. Она закрывается в санузле, а он пытается вновь сосредоточиться на карте, но не получается.

Жоанне кто-то звонит... Она спрятала свой телефон в куче одежды, чтобы не слышать его, но оставила включенным, и кто-то ей звонит... Есть человек на этой земле, который беспокоится о ней, хочет знать, где она. Есть человек на этой земле, который, возможно, любит эту странную девушку в черной шляпе и золотых сандалиях, и его это чертовски интригует.

Эмиль не сразу осознает, что она шепчет. Только встав, чтобы вымыть чашку, он слышит сдавленный голос в санузле. Она, должно быть, взяла телефон из стенного шкафчика, прежде чем закрыться там. Он почти не разбирает слов. Слышит несколько раз «нет» и «прекрати», после чего разговор, кажется, заканчивается. Потом он слышит странный звук, словно всхлип, и больше ничего. Он не решается спросить сквозь стенку, все ли в порядке. Быстро выходит, чтобы не столкнуться с ней лицом к лицу, когда она выйдет из санузла. Ей вряд ли это понравится. А он не будет знать, что ей сказать.

Кто ей звонит — мужчина? У нее есть дружок? Это кажется ему абсолютно безумным и маловероятным. Родственник?

Они сложили стол и стулья. Оделись и отправились в путь. Сегодня на Жоанне открытый черный топ и черные бермуды. Интересно, она всегда носит черное? Бермуды великоваты, в них она смахивает на пацана на школьном дворе. И черная шляпа по-прежнему на ней.

Эмиль включил радио, и она, кажется, тихонько подпевала. Он не уверен. Ее прижатая к стеклу голова покачивается. Он удивлен, когда она спрашивает минут через десять: «Куда мы едем?», как будто только сейчас заметила, что они снова в пути. Эмиль поленился ознакомить ее с маршрутом дня. У него сложилось впечатление, что ей глубоко плевать, где она находится, лишь бы можно было сесть по-турецки под деревом или в поле. Включив поворотник и свернув направо, он отвечает:

— Думаю, мы остановимся на несколько дней в деревне под названием Артиг.

Она молча кивает и снова прислоняется головой к стеклу. Эмиль утром отметил коммуну Артиг на большой карте. Это крошечная горная деревушка, три десятка жителей. Идеальная тихая гавань для их первой стоянки, чтобы посмаковать приезд в Пиренеи и подготовиться к началу приключения. Они дадут себе день или два, отдохнут, экипируются, а потом возьмут рюкзаки и пойдут дальше пешком. Близ Артига есть пик Миди-де-Бигорр, Испанский мост, цирк^[1] Гаварни, горная речка, водопады... много чудес ждет их. Они возьмут палатку, два спальника и отправятся в поход. Он полагает, что Жоанна не будет возражать.

— Мы скоро приедем, — говорит он.

Но ему кажется, что она уснула.

Эмиль сам толком не знает, куда направляется. Медленно едет по улочкам Артига, пока Жоанна спит, прислонившись к стеклу. Он ищет парковку, где они могли бы остановиться, но больше любит пейзажем. Он в восторге. Это именно то, чего ему хотелось. Узенькие улочки, каменные домики, сохранились даже деревянные крыши шале. Жаль, что Жоанна не видит всего этого. Может быть, вид горных вершин, зеленых просторов внизу и прелестные улочки вызовут у нее мало-мальский интерес? До сих пор у нее всегда был слегка туповатый вид.

Его взгляд мечется, боясь упустить хоть крупицу пейзажа. Он минует группу машин, которые остановились, чтобы пофотографировать и полюбоваться панорамным видом. Потом ему приходится дважды сдавать назад, чтобы протиснуться в переулок, никого не задев. Вот и парковка. На ней несколько машин. Это, должно

быть, начало походного маршрута: из одного автомобиля вышла пара с палками в руках и рюкзаками за спиной.

Эмиль паркуется на самом краю, поодаль от других машин, под деревьями. Заглушает двигатель. Он не ошибся. Слышен шум воды. Здесь протекает ручей. Прямо вдоль стоянки. Приятно будет тут спать. Он косится на Жоанну. Она все еще спит. Он выходит из машины и направляется прямо к воде, ориентируясь на плеск. Достаточно пересечь парковку и срезать угол по траве. Вот и ручей, за деревьями. Вода спокойно течет, журчит на камнях, когда огибает их, там и сям уносит ветку... Вдоль ручья тянется дорожка. Здесь проходит походная тропа. Интересно, куда она ведет? Сейчас он посмотрит в путеводителе. Но пока он садится на валун, вытягивает ноги, на несколько мгновений закрывает глаза.

Мысли его путаются, блуждают над водным потоком. Он думает о телефоне Жоанны, о звонке. Это волнует его. Не только потому, что это подразумевает: кто-то где-то ждет ее, может быть, умоляет вернуться. Нет. Дело в другом. Дело в звонках, которые поступают ему тоже и переадресуются на голосовую почту. Дело в письме, которое придется написать родителям, сестре, Рено, чтобы объяснить им... Что объяснить? Он сам не знает. Все произошло так быстро, так поспешно. Ему самому трудно объяснить себе свой отъезд. Всегда ли так бывает, когда расстаешься с людьми? Всегда ли трудно понять причины, побудившие нас к этому?

А ведь Лора выглядела очень уверенной в себе, когда ушла. Она так и стоит у него перед глазами в тот день, когда пришла забрать свои последние вещи из квартиры. С ней приехала мать, она ждала ее внизу, предпочла дать им побыть вдвоем напоследок. Редко он чувствовал себя таким жалким и несчастным. Вот она, здесь, в своих джинсах в обтяжку, в маленьких белых полотняных полукедах и в желтом топе, подчеркивающим грудь. На шее поблескивал бриллиант. Она любила украшения. Всегда на ней была какая-то деталька, кольцо, тонкий браслет, длинные серьги... В тот день она держала в руке сумочку, а ее волосы, всё такие же гладкие, всё такие же темные, падали на плечи. Он почувствовал себя недостойным ее в своих джинсах и белой футболке. Недостойным, некрасивым и грязным, без блеска. Они уже говорили о разрыве, трижды. Лора заявила, что сказать больше нечего, она просто пришла за последними вещами. Она не хотела разговоров.

А он не знал, как себя вести. Квартира опустела. Лора забрала диван, низкий столик и кровать, они принадлежали ее родителям. Он жил в тишине и пустоте уже две недели. Но оставались еще Лорины флаконы духов в ванной, ее зимняя одежда в шкафу, женские романы в гостиной... Это создавало иллюзию, что не все кончено. Вот только сегодня она пришла все забрать. Он видел ее в последний раз. Она спешила.

— Мама ждет внизу. Мы записаны к парикмахеру через час. Я быстро.

Он смотрел, как она ходит из комнаты в комнату, хлопчет, собирает, складывает. Бродил за ней с побитым видом, бессильно опустив руки.

— Тебе нужна помощь? — спросил он странно надтреснутым голосом.

— Нет, не беспокойся. Не обращай на меня внимания, я на несколько минут. Справлюсь сама. Скажу тебе, когда буду уходить.

Но Эмиль не двинулся с места. Он не мог оторваться от Лоры, равнодушной и совершенно чужой теперь, которая паковала свои вещи так поспешно, будто уезжала на импровизированный уик-энд. Он видел ее в последний раз. В последний раз она была здесь, с ним, в их квартире. Он не мог оторваться от нее. Он стоял в дверях гостиной, не сводя с нее глаз. *Говорить больше не о чем. Я просто зашла за вещами, я быстро.* Он не решился с ней заговорить. Тут она была тверда. Что он мог ей сказать, чтобы заставить передумать, убедить остаться? Ему казалось, она давно все решила. Задолго до того, как заговорила с ним о разрыве. Она была терпелива. Даже делала усилия, но все прошло, кончено. С нее было довольно. Она снова стала вольной пташкой, которую он встретил четыре года назад.

Она вошла в лифт с тремя полными пакетами и коробкой.

— Тебе нужна помощь? — снова спросил он.

— Нет. Я поднимусь за сумочкой, все в порядке.

Двери лифта закрылись. Он стоял в коридоре квартиры и чувствовал, что задыхается. Его взгляд упал на ее сумочку в прихожей. Он сделал над собой колоссальное усилие. Ему захотелось проверить ее телефон... проверить, обоснованны ли его подозрения. Он был уверен, что она кого-то встретила. Он все-таки открыл сумочку, запустил руку внутрь. Нашел телефон. Она установила пароль. Он был

заблокирован чертовым паролем. Это причинило ему боль. За два года совместной жизни она никогда не ставила пароль на телефон. Почему же сегодня этот чертов пароль?

Он услышал, как подъехал лифт, и быстро сунул телефон в сумку. Она вошла в квартиру, чуть запыхавшись. Грудь вздымалась под желтым топом, щеки порозовели. Она улыбнулась ему, улыбнулась ужасной улыбкой, потому что эта улыбка была холодной, дружелюбная улыбка, чуть фамильярная, как будто Эмиль был всего лишь случайным знакомым.

— Ладно. Думаю, пора прощаться.

Он ничего не ответил. Голос бы сорвался. Он высматривал признак боли на лице Лоры, на ее прекрасном лице. Или вздох грусти... Но нет, была только поспешность и в какой-то степени облегчение. Он молился, чтобы рухнуть от муки, когда она уйдет, и больше никогда не очнуться. Она взяла сумочку, легко коснулась его плеча, привстала на цыпочки, чтобы поцеловать в щеку. Поцелуй гулко прозвучал в пустой квартире. Она добавила очень быстро, подавшись назад:

— Я рада, что... что мы жили вместе. Я желаю тебе самого лучшего, правда... Желаю тебе лучшего в дальнейшей жизни.

И она убежала, так же быстро, а он все стоял, онемевший, пронзенный болью. Она ушла к парикмахеру, как будто жизнь продолжалась.

—

Эмиль едва замечает, что у него ком в горле и он задыхается, как в тот июньский день, год назад. Но ведь он здесь, на берегу горной речки, его ласкает легкий ветерок. Ничего не произошло. Эмоции все те же, едва приглушенные долгими прошедшими месяцами. Ему требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя, чтобы рассосалось жуткое ощущение в груди и в горле. Бросает камешки в ручей, давая разрядку гневу. Он все еще не понимает. Они были счастливы вместе. Были самой счастливой парой. Как же это могло случиться? Они не были обычной парой, не из тех, кого разъедает рутина. Они были особенными. Но Лора все равно ушла...

Вернувшись к кемпинг-кару, Эмиль удивлен: Жоанна вынесла стол и стулья и расставила приборы.

— Жоанна?

Она стоит у кухонного стола, склонившись над разделочной доской.

— Извини, ты спала, и я... я просто пошел немного пройтись.

Она пожимает плечами: мол, ничего страшного.

— Я так и подумала.

— Что ты нам готовишь вкусного?

— Салат из свежих овощей.

Она показывает ему лежащую рядом веточку розмарина.

— Я нашла это за кемпинг-каром.

— Дикий?

— Да.

Больше они ничего не говорят. Он смотрит, как она режет помидоры медленными и точными движениями. Сколько же времени он пробыл на берегу ручья? Как минимум час. Он трет шею.

— Тебе нужна помощь? Я могу... что-нибудь сделать?

— Я справлюсь.

— Я могу нарезать хлеб.

— Если хочешь.

Они молча садятся за стол под мерный плеск воды.

— Там позади есть ручей.

— А?

— Да. Сходи посмотри. И еще походная тропа.

Она кивает, продолжая клевать. Кажется, она только и ест, что фрукты и овощи. Поэтому такая худенькая. Сегодня вечером он сварит макароны с хорошим слоем расплавленного сыра и заставит ее поесть по-человечески.

— Я подумал, мы можем отдохнуть здесь немного. День или два. А потом на время оставим машину. Тут есть что посмотреть. Можно взять рюкзаки и уйти на неделю или две.

Она снова кивает. Эмиль продолжает:

— У меня есть палатка, горелка, спальный мешок.

— У меня тоже есть спальный мешок.

— У тебя есть теплая одежда? Наверху несколько градусов выше нуля, не больше. И тебе нужны походные ботинки, сандалии не годятся.

Она медлит. Он добавляет:

— Купим их тебе перед уходом, если хочешь.

— Хорошо.

Он думает, что им еще понадобятся большие фляги, аптечка, еда быстрого приготовления...

После обеда они моют посуду. Они поели молча, слушая плеск воды и птичий щебет. Несколько туристов пересекли парковку и вышли на тропу вдоль ручья. Приехали новые машины, другие уехали. Но им с Жоанной спокойно за завесой деревьев.

— Я останусь здесь, — сообщает Эмиль, убирая тарелки под раковину. — Мне надо написать письмо.

Он решил, что пора. Лучше сбить это с рук сейчас, прежде чем он уйдет с рюкзаком в горы. Если с ним что-нибудь случится... Да, лучше сделать это сейчас, чтобы пуститься в приключение со спокойной душой, не думая о том, что оставляет позади. Он сядет за стол с чашкой чая. У него будет полдня, чтобы придумать, что написать.

Жоанна кивает.

— Хорошо. Я буду у ручья.

Еще некоторое время они продолжают мыть, вытирать, расставлять. Наконец Эмиль откладывает полотенце. С посудой покончено.

— Вечером тебе бы прогуляться по деревне. Панорама — отпад.

— А?

— Да. Пойдем вместе, если хочешь.

— Хорошо.

Жоанна ушла после обеда с маленьким полотенцем под мышкой, солнечными очками и книгой, как будто собралась на пляж. Эмиль согрел чай, достал тетрадь и ручку, уселся снаружи за складной стол. Это было три часа назад. Он не написал ни строчки. Для начала выпил чай, потом ему захотелось в туалет, он написал на письме только дату и погрузился в свои мысли. Захотел спать, прилег на матрас под раскладной крышей. Потом заварил еще чаю и решил всерьез

приняться за письмо. Но тут вспомнил о походной тропе вдоль ручья и решил посмотреть в путеводителе по Пиренеям, куда она ведет. Нашел: тропа вела к водопаду Ариз, два с половиной часа туда и обратно. Потом он толком не помнит, что еще делал, до той минуты, когда женский голос вывел его из задумчивости. Голос, совсем непохожий на Жоаннин.

— Добрый день!

От неожиданности Эмиль плеснул чая на стол. И ответил не сразу. Женщина подходит из-за деревьев. Она в полном походном обмундировании и с палками. Лет тридцати, не больше. У нее светлые волосы, скрученные в пучок, черты лица довольно жесткие, но гармоничные. Явно спортсменка. Мускулистые ноги и широкие плечи.

— Добрый день, — отвечает он, наконец обретя дар речи.

Только теперь он заметил, что женщина не одна, ее ждут еще двое, за деревьями, поодаль.

— Я не хотела тебе мешать. Меня заинтересовал кемпинг-кар. Ты тоже на десятый?

Он не понимает толком, о чем она. Хмурит брови. Наверно, вид у него дурацкий.

— На десятый?

— Десятый маршрут.

— О!

Он читал об этом в путеводителе. Маршрут 10 проходит через все Пиренеи. Артиг — точка на пути.

— Нет. Я... я приехал сегодня утром.

— Так ты не пойдешь на десятый?

— Нет... Я рассчитываю уйти на несколько дней с рюкзаком и палаткой, посмотреть окрестности, но у меня нет четкого маршрута.

— Ты будешь здесь еще пару дней?

— Да. Пока подготовлю маршрут и все снаряжение...

— Собираешься на пик Миди-де-Бигорр?

С ее лица не сходит улыбка. Какой контраст с Жоанной!

— Да, в том числе.

— Тогда я могу дать тебе пару советов. Мы только что оттуда. Я горячо рекомендую тебе тропу Мулов. Изрядно дольше, но это обалденно... Подумать только, люди ходили по этой дороге зимой, в снегу, и несли до сорока килограммов!

Ее энтузиазм заразителен. Эмиль кивает, улыбаясь в ответ.

— Мы сегодня идем к водопадам, — продолжает молодая женщина. — Решили осесть здесь на несколько дней, прежде чем двигаться дальше. Пока осматриваем окрестности.

Она заправляет выбившуюся из пучка прядь за ухо, облизывает губы.

— Ладно, не буду тебе мешать, ты, кажется, занят. Пишешь книжку?

Он качает головой, улыбается.

— Нет. Письмо.

— О! Тебе, похоже, изменило вдохновение.

Она косится на чистый лист. Он прыскает.

— Да, есть немного.

— Присоединяйся к нам сегодня вечером. Нас много на десятом маршруте. Мы поселились в горном приюте. Вчера развели костер. Сегодня тоже хотим. Пара немцев уходит на рассвете. У нас проводы. Принеси вина, если можешь.

Ее искрящаяся улыбка контрастирует с жесткими чертами лица. Он отвечает:

— Ладно, постараюсь.

Пара друзей за спиной девушки проявляет признаки нетерпения. Мужчина машет ей, призывает поторопиться. Она берет палки, которые воткнула в землю.

— Если придешь, спроси Хлою. Я могу быть в кухне, тебя проводят ко мне.

Эмиль кивает, снова улыбается.

— Идет. Спасибо.

— Да пожалуйста. Ладно, до скорого... может быть!

— Да. До скорого!

Она уходит быстрым шагом и скрывается за деревьями. На этот раз он уже не может приняться за письмо, дело кончено, не начавшись. Он откидывается на спинку стула, вытягивает ноги. Пойдет ли он сегодня вечером? Пожалуй, ему хочется. С Жоанной хорошо, но слишком уж она молчалива. Ему не повредит вечер с вином, людьми, разговорами, улыбками... Под раковиной есть бутылка красного, он взял ее с собой, когда сбежал. Можно принести ее. Но Жоанна... Может ли он оставить ее здесь одну?

День клонится к вечеру. Жоанна не вернулась. Эмиль наскоро принял душ и вскипятил воду для макарон. Бросил в кастрюлю спагетти и засек время. Где ее носит? Он решил сходить к ручью, посмотреть, там ли она. Походная тропа пуста, и Жоанны на горизонте не видно. Он делает несколько шагов в одном направлении, в другом, не покажется ли она. Тщетно. Это его слегка злит. Он проголодался, и еще кое-что раздражает. Этот вечер в горном приюте... Если Жоанна не вернется, он не сможет пойти.

Он ждет еще немного, потом вдруг вспоминает, что забыл макароны в кипящей воде. Поздно. Кемпинг-кар в дыму, кастрюля почернела. Воды нет даже на доньшке. Макароны обуглились. Не в силах сдержать раздражение, он принимается ругаться, хлопая дверцами шкафчиков. Ему требуется десять минут, чтобы отчистить дно кастрюли, и еще десять, чтобы снова поставить вариться макароны. Уже почти темно, когда он выносит стол.

Он еще злится. Жоанна испортила ему вечер. Куда она запропастилась? Он не знает, беспокоиться ли о ней или только сердиться. Прошлой ночью она же уснула в поле... Возможно, это опять произошло. Она вернется в ночи, сонная, а он потеряет вечер.

Эмиль доедает тарелку макарон, кладет себе добавки, посыпает сыром. Он начинает всерьез беспокоиться. А если пойдет дождь? Если поднимется вода? Если она не найдет дорогу в темноте? Отодвинув тарелку, Эмиль достает фонарик из шкафчика под раковиной и идет встречать ее к ручью. Она там. Возвращается в своих великоватых бермудах, с книгой и полотенцем в руках. Она идет спокойным шагом, и это буквально выводит его из себя.

— Где тебя носит? — кричит он приближающемуся силуэту.

Она, кажется, даже не ускоряет шаг, услышав его.

— Я уже беспокоился! Скоро ночь!

Она подходит к нему и смотрит удивленно, как будто не понимает, на что он сердится.

— Предупреждать надо!

— Извини, я не заметила, что так поздно...

Ее тихий виноватый голосок его не успокаивает.

— Уже темно!

— Я читала книгу... — добавляет она извиняющимся тоном.

— И не заметила, что стемнело?

Он вдруг осекается, поняв, какое злое у него лицо. Она не обязана давать ему отчет. Она взрослый человек и вполне способна жить самостоятельно. Но в том-то и вопрос... Способна ли она? У нее всегда такой отсутствующий вид.

— Извини, я просто... Я начал беспокоиться.

Она равнодушно пожимает плечами.

— Ты уснула в поле прошлой ночью, я испугался...

Он умолкает от неожиданности, когда она перебивает его:

— Теперь я буду возвращаться до темноты.

И ему больше нечего сказать, кроме жалкого «Я сварил тебе макароны», оставшегося без ответа.

Они молча возвращаются к кемпинг-кару. Ему больше совсем не хочется идти на вечеринку. Он зажигает свечи на столике и снова утыкается в путеводитель по Пиренеям, пока Жоанна ест. Она сегодня сгорела на солнце. Нос покраснел. Интересно, а шляпу она сняла?

— Годится, еще теплые? — спрашивает он, оторвавшись от путеводителя.

— Да.

— Идти в деревню поздновато... Пойдем завтра...

— Да.

Стоянка в этот час пуста. Ни души. Эмиль вздрагивает, услышав шорох листвы за спиной. Он щурится, смутно различает силуэт. В следующую секунду появляется фигура с веткой в волосах. Эмиль вздыхает с облегчением, узнав давешнюю молодую женщину, Хлою.

— А, это ты! А я-то думаю, кто здесь бродит!

Жоанна за столом поднимает голову, услышав его, и видит стоящую перед ними Хлою. Она не выказывает ни малейшего удивления. Хлоя же вдруг смущается. Она мнетяся:

— Извини, я хотела... я думала... вечеринка...

Она втягивает голову в плечи, как будто хочет провалиться сквозь землю. Эмиль встает и жестом приглашает ее отойти в сторону ручья. Хлоя мгновение колеблется, потом идет за ним, бросив быстрое «добрый вечер» Жоанне. Пройдя немного, Эмиль останавливается.

— Я хотел прийти, — говорит он. — Но Жоанна была у ручья и не вернулась. Уже темнело. Я хотел дождаться ее, быть уверенным, что

она вернется живой и невредимой. А потом было уже поздно.

Хлоя, кажется, его не слушает, она не сводит глаз с кемпинг-кара и Жоанны, которая ест в окружении свечей, по-прежнему в своей черной шляпе.

— Это твоя подружка? Я не знала, что ты здесь с подружкой...

Проследив за взглядом Хлои на Жоанну, он смеется и качает головой.

— Нет... Нет, это не моя подружка!

Жоанна отложила вилку. Лицо ее теперь запрокинуто к небу. Она больше не двигается. То ли смотрит на звезды, то ли молится. Хлоя шепчет:

— У нее странный вид.

Эмилия это смешит.

— Да, она точно с прибабахом!

— Тогда что она здесь делает? Почему путешествует с тобой?

Ему не хочется рассказывать ей все. Про болезнь, приговор, объявление...

— Я подобрал ее на дороге.

Хлоя вытаращила глаза.

— Что?

Он быстро соображает, что бы придумать.

— Она голосовала, я подобрал ее на автостраде. Она немного потеряна... Я... Я рассказал ей про мое путешествие в Пиренеи, и она захотела со мной.

Рот Хлои округляется от удивления.

— Но ты ее не знаешь?

— Нет.

— Когда ты ее подобрал?

— Три дня назад.

— И ты с ней незнаком?

— Незнаком.

— А может быть, она сумасшедшая... я хочу сказать, по-настоящему, психически больная, или... Может быть, она в бегах. Может быть, ее ищут!

Он пожимает плечами.

— Она не выглядит опасной.

Видя изумленные глаза Хлои, он понимает, что, наверно, и сам такой же сумасшедший, как Жоанна, что они нашли друг друга.

— Значит, ты сам псих!

Хлоя смеется, и он тоже, радуясь, что она уже не выглядит такой перепуганной.

— Это и есть приключение, правда?

— Ммм... — мычит Хлоя. — Не знаю.

— А ты с кем отправилась на твой десятый маршрут?

— Я с двумя лучшими подругами и их дружками. То есть надо бы сказать *мужьями*, но я еще не готова. Сразу чувствую себя старой.

Они улыбаются друг другу.

— Я, кажется, понимаю... мой лучший друг только что стал папой и подыскивает дом.

Она корчит гримасу, и он опять смеется.

— Вот беда-то! Лучше бы поехал с тобой сюда!

— Думаю, ему бы понравилось.

— Это мадам потребовала дом и потомство?

Он на секунду задумывается.

— Думаю, да, но он чертовски счастлив.

— Ну, это главное.

Повисает молчание. Эмиль заметил, что Хлоя вечером распустила волосы. Они падают на плечи. Она сменила походную одежду на яблочно-зеленое летнее платье и сандалии на танкетке. Они одного роста. Еще сантиметр — и она была бы выше.

— Ну что, пойдем на вечеринку? Твою чокнутую подругу тоже можем пригласить.

Она лукаво улыбается. Оба смотрят на Жоанну, а та встает, берет свою тарелку и приборы и уходит в кемпинг-кар.

— Думаю, она пошла спать, — говорит Эмиль.

— Да... Оставим ее здесь?

— Можно.

— Или можем посидеть здесь, у ручья. Я только не принесла вина...

Эмиль улыбается ей.

— У меня там есть вино. И огонь. Можем устроить посиделки здесь.

Хлоя радостно хлопает его по плечу:

— Идет!

—

Жоанна в автомобиле моет посуду. Он встает рядом, немного смущаясь.

— Я встретил эту девушку сегодня днем. Она уходит в поход со своими друзьями.

Жоанна не реагирует. Она продолжает тереть свою тарелку.

— Мы устраиваем пикничок на берегу ручья, хочешь присоединиться?

Она качает головой.

— Нет, не стоит.

— Ты ляжешь спать?

— Да.

— Ладно... Тогда пока...

— Пока.

Эмиль открывает шкафчик под раковиной, достает бутылку красного вина, штопор и зажигалку. Выходя из кемпинг-кара, он чувствует, как уставились на него глаза Жоанны, и думает, что у нее, наверно, все тот же шалый и потерянный взгляд.

— Вот, здесь нам будет отлично.

Хлоя опустилась на валун, подстелив сухой травы. Эмиль собрал ветки, сложил их шалашиком для костра и теперь старательно обкладывает его камнями. Огонь загорается легко. Эмиль собирает еще хвороста, а Хлоя открывает бутылку.

— Я не захватил стаканов, — извиняется он.

— Будем пить из горлышка.

Теперь все хорошо. Эмиль складывает хворост рядом с костром. У них есть запас на несколько часов. Он садится рядом с Хлоей. Она вытянула длинные мускулистые ноги. Оранжевые отсветы танцуют на ее коже. Она поднимает бутылку, подносит к губам, протягивает ему. Ему хорошо здесь, на берегу ручья, у костра, с девушкой, которая улыбается ему, дает понять, что он ей нравится, с девушкой, в которой бурлит энергия. После первых тихих дней, когда он пережевывал прошлое, этот вечер просто глоток кислорода. Разговор начинает она:

— Ну же, расскажи мне... Что это за идея путешествия в Пиренеи? Как ты оказался здесь?

Но Эмиль предпочитает выслушать ее, он еще сам не знает, что расскажет. Подслащенную версию правды, более или менее реальную.

— Нет, сперва ты.

— Вот как, почему?

— Потому что ты задаешь слишком много вопросов.

Она тихонько смеется, запрокинув голову.

— Согласна. Мне это часто говорят.

— Так расскажи мне. Что это за путешествие по десятому маршруту?

— Ладно, начнем с начала. Я... Я бросила свою работу почтальонши.

Она улавливает удивленную улыбку на его губах.

— Да... Почтальонши. Это объясняет мои мускулистые ноги и загорелую кожу, правда?

Оба от души смеются.

— Ты ездила на велосипеде?

— Разумеется. Я всегда отказывалась от машины.

— Ты, наверно, любишь спорт?

— Только этим и занималась все выходные.

— Тоже велосипедом?

— Нет. Плавала, бегала, ходила в походы. Всегда хотела совершить роад-трип на лоне природы.

— Поэтому ты бросила работу?

— Все немного сложнее...

Она берет бутылку из его рук и делает долгий глоток.

— А неплохое винишко.

Она смотрит на него пристально, этот взгляд о многом говорит. Она пришла за ним к его кемпинг-кару в ночи...

— Ну и как ты ушла? — продолжает он, чтобы скрыть волнение.

— Да, я... Эта идея о путешествии так и крутилась в голове. Мне всегда хотелось пройти по десятому маршруту. Мы собирались пойти на него с моим тогдашним парнем. Но три года назад мы расстались. Он был козел, но мы собирались пожениться.

Она корчит виноватую гримаску.

— Да, я чуть не попалась. Но все хорошо, что хорошо кончается, потому что месье ушел с другой...

Повисает короткая пауза.

— ...на десятый маршрут.

Эмиль заглушает смех горлышком бутылки и чуть не давится. Хлоянисколько не обижается. Она тоже хохочет.

— Да, я знаю... Всегда и повсюду этот чертов десятый маршрут. Моя жизнь — комедия.

— Я вижу, ты и не против.

Снова наступает тишина, едва нарушаемая потрескиванием дров в костре.

— Ну вот, и я плюнула на эту идею путешествия. Я... я, в общем-то, потеряла еще три года, заново учась жить. Работа, спорт, встречи с подругами. Они старались меня отвлечь. Я была единственной одиночкой в группе. Была и остаюсь. Так что они все время пытаются меня пристроить. Это невыносимо.

— Я понимаю.

С ним было то же самое, когда ушла Лора. Рено был с Летисией, друзья, с которыми они еще виделись, тоже мало-помалу обзаводились

семьями. Он стал непристроенным мужчиной. И никто не понимал, что он не желает больше об этом слышать, что для него все позади. Хлоя продолжает:

— А потом два месяца назад умерла моя мать. Рак яичников. Отец выставил на продажу семейный дом. Я поняла, что это конец жизненного цикла, что пора уходить. Такие вещи всегда чувствуешь. Обрывается последняя связь, и знаешь, что можешь уйти. Я не хотела брать отпуск за свой счет. Я уволилась. Я молода, найду что-нибудь другое в какой-нибудь другой стране.

Она бросает камешек в воду. Эмиль протягивает ей бутылку.

— Куда ты поедешь после Пиренеев?

— Может быть, в Испанию. Потом на Сицилию. Дальше — еще не знаю.

— А твои подруги? Они поедут с тобой?

Хлоя качает головой. Отсветы пламени пляшут в ее светлых волосах.

— Нет. Они со мной только на десятом маршруте.

Она подтягивает колени к груди. Ему нравится, как она на него смотрит, склонив голову набок. Хочется погладить ее по волосам.

— А ты? — спрашивает она. — Почему ты совсем один? Ну, не считая той чокнутой, которую ты подобрал на дороге...

Он не успел заготовить невинную ложь. Его застигли врасплох.

— Я... У меня тоже...

Он сглатывает. Хлоя смотрит на него спокойно, с интересом. Ему не хочется говорить ей о своей болезни. Сегодня он хочет быть молодым и полным жизни, как она. Хочет быть парнем, у которого все впереди.

— У меня тоже она ушла, — говорит он наконец.

— Кто? Твоя подруга?

— Да. Она ушла год назад. Не в пример тебе, я так и не узнал, был ли кто-то другой. Мы... Мы не собирались жениться, но... она захотела ребенка, и... она была готова куда больше, чем я. Я... Я был еще мальчишкой.

Он удивлен, как это само собой сказалось. Потому что это ни в коей мере не ложь. Это правда, Лора хотела ребенка. Лора мечтала завести ребенка с ним. Он в конце концов капитулировал, но было поздно. Он понял это только после. Ему трудно поверить, что он

только что все рассказал Хлое, ведь даже Рено этого не знает. Он никогда не мог об этом говорить. Он никогда не мог понять уход Лоры, принять его. Но всегда знал, что именно в этом корень проблемы.

— Что же произошло? Вы не пытались? — допытывается Хлоя.

— Ну, так... Скажем... Когда я наконец решился, было уже поздно.

— Ай.

— Да. Она ушла. Я... я думаю, был кто-то другой, но я этого так и не узнал.

— Что бы это изменило? Она ведь все равно ушла.

— Верно.

— Это могло бы позволить тебе снять с себя ответственность. Вот чем это полезно.

— Как это?

Хлоя перекачивает камешки между пальцами.

— Ну... Всегда проще видеть в сопернике причину разрыва. Гораздо проще, чем признать, что сам все испортил.

Эмиль знает, что она права. Но ему не хочется этого слышать. Все кроется в ее желании ребенка и его незрелости... Он не хочет больше думать об этом сегодня. Он пытается сменить тему.

— Мы порвали, и... я тоже оказался единственным одиночкой в группе. Все вокруг меня обзаводились семьями, моя работа мне наскучила, а потом мой лучший друг стал папой. Это была последняя капля. Пора было уходить, как ты сказала.

— Просто взял и уехал?

— Да. В одночасье. Купил кемпинг-кар и уехал. Это было... Не знаю... Как будто я проснулся, после того как спал в безвкусной жизни долгие месяцы.

И тут он не лжет. Он слышит себя, будто кого-то другого, и задается вопросом, был ли приговор его болезни единственной причиной отъезда... Хлоя подносит бутылку ко рту и несколько секунд смакует вино, прежде чем ответить:

— У меня было в точности такое же чувство. Надо остерегаться.

— Чего?

— Как бы не уснуть в своей жизни. Все мы к этому склонны. Я постараюсь быть начеку на будущее. И ты бы тоже.

Он кивает. Он не скажет ей, что у него больше не будет времени уснуть в своей жизни.

— А ты кем работаешь? — спрашивает Хлоя, передавая ему бутылку.

Они допили вино. Поговорили о своих работах, потом о родных, о его и ее представлении о жизни. Оба слегка пьяны. От этого так хорошо. Хлоя лежит на камнях, ее платье задралось выше колен. Он придвинулся к ней, но не решается ее коснуться, пока еще нет. Он смотрит, как отсветы пламени пляшут на ее волосах, на ногах, в глубине глаз. У Хлои немного заплетается язык, когда она привстает на локте и спрашивает:

— Может, пойдём в твою машину?

В глазах у нее решимость. Ему очень хочется ее поцеловать, ощутить ее тело своим.

— Там Жоанна.

— Она ведь спит наверху?

— Да...

— Мы тихо. Обещаю тебе, я буду тихой как мышка.

Она лукаво улыбается. Встает, опираясь на колени Эмиля, и это прикосновение доканывает его.

— Тогда полная тишина! — командует он.

— Есть...

Она задевает его бедро. Он поспешно ловит ее за руку и увлекает под деревья в направлении кемпинг-кара.

— Идем.

—

Оба спотыкаются, входя в кемпинг-кар, и Эмиль почти уверен, что они уже разбудили Жоанну, но не успевает и рта раскрыть, Хлоя обнимает его, ее губы прижимаются к его губам. Ее дыхание отдает алкоголем и еще какой-то более сладкой ноткой. Ему странно обнимать такое сильное тело. Лора не была ни такой мускулистой, ни такой крепкой. И ростом была меньше. Он никогда не знал такой энергичной девушки, как Хлоя. Она обхватила его и уверенно раздевает, не

переставая целовать. Ее движения быстры и точны. Опершись на кухонный стол, они опрокинули кастрюлю, и Хлоя звонко хохочет. Эмиль бледнеет, закатив глаза к потолку, где Жоанна уже наверняка проснулась.

— Брось, расслабься, — шепчет Хлоя ему на ухо. — Мы ее не травмируем.

Она не дает ему ответить, прижавшись губами к его губам. Оба уже в одном белье. Эмиль молча кивает ей на банкетку у стола. Она всего лишь в метре от них, но они добираются до нее безумно долго. Она сама опрокидывает его на банкетку, залезает сверху. Вид у нее бешеный, глаза блестят. Вот-вот зарычит. Эмиль зажимает ей рот рукой, она слишком громко дышит. Но когда он входит в нее, ему самому не удается сдержать стон. Ему кажется, что этого не было с ним годы и годы. После Лоры была только одна женщина. Один раз. Замужняя женщина, они познакомились на сайте. Он даже не помнит, почему это сделал. Может быть, подсознательно хотел отомстить Лоре, украсть эту женщину, как кто-то украл у него Лору. Все было быстро и безвкусно. После этого он решил, что все кончено, что отныне разочарование — его удел. Но сегодня ему хорошо. Это все что угодно, только не разочарование. Как будто маленький ренессанс. Они как могут сдерживают вздохи. Банкетка ужасно скрипит. Они кончают вместе, задыхаясь, взмокшие, прилипнув к кожзаменителю. Тишина воцаряется в кемпинг-каре, и Эмилем теперь владеет одна навязчивая идея: уловить малейший знак, который указал бы, что Жоанна проснулась. Он молит Бога, чтобы это было не так. Теперь, когда возбуждение спало, ему стыдно перед ней. Они вели себя чудовищно. Он тихонько отстраняет Хлою и шепчет извиняющимся тоном:

— Лучше не оставаться здесь... Если Жоанна...

Он не успевает договорить, Хлоя кивает и вскакивает с банкетки.

— Я поняла.

Она одевается быстрыми и чуть напряженными движениями. Эмиль боится, что обидел ее. Он не хотел ее выставить.

— Посидим снаружи? Я заварю нам чаю?

Она замирает с платьем на шее. На лицо возвращается улыбка.

— С удовольствием. Но тогда уж зеленого!

Когда Эмиль выходит с чаем, Хлоя листает путеводитель по Пиренеям, который он оставил на столе.

— Я могу дать тебе массу советов, — говорит она, когда он садится напротив.

— Да?

— Да. Но это, пожалуй, займет целый вечер. Если ты еще будешь здесь завтра вечером, можем договориться?

— Когда ты уходишь?

— Послезавтра.

— Тогда замечано, завтра вечером, да.

Несколько секунд они пьют чай молча. Очень посвежело. Уже глубокая ночь. Первым нарушает молчание Эмиль.

— Я не уверен, что у меня достаточно снаряжения... для пешего похода, я хочу сказать.

— Я не профи, но... мы идем уже десять дней и ночуем то в приютах, то в палатках. Думаю, я смогу тебя проинструктировать.

— Вот и славно.

Глаза Хлои смеются.

— Нет. Этот вечер был славный.

Эмиль улыбается ей в ответ.

— Правда. Это...

Он колеблется, не зная, как построить фразу. Не хочется выглядеть балдой.

— Славно встретить таких людей, как ты.

— Возвращаю тебе комплимент.

Она смотрит ему прямо в глаза, добавляет тихо:

— Ты мог бы найти более подходящую компанию, чем эта чокнутая в шляпе.

Он старается этого не показать, но замечание Хлои его раздражает. Оно кажется ему злым и несправедливым. Он пытается защитить Жоанну:

— Она просто немного потеряна... Но она очень милая.

— Да, — отзывается Хлоя с гримаской. — *Милая.*

Она издевательски усмехается. Эмиль не отвечает. Молча пьет свой чай.

Хлоя снимается с якоря через несколько минут. Чмокнув его куда-то между губами и щекой, она скрывается за деревьями. Эмиль не решается забраться на спальное место наверху, где лежит Жоанна и, наверно, еще не спит, разбуженная их игрищами. Сегодня он удовольствуется банкеткой. После всего, что произошло, он должен оказать ей такое уважение.

На следующий день он просыпается с ужасной головной болью. Говорит себе, что так и надо, что Бог его наказал. Солнце стоит высоко. Наверно, уже около полудня. Сейчас, середь бела дня, ему еще больше стыдно за вчерашний вечер. Он спал на банкетке, накрывшись курткой. Эмиль заставляет себя встать, выйти наружу. Ни следа Жоанны. В каком-то смысле ему легче. Потом он начинает беспокоиться, что она могла уйти, бросить его. Но все ее вещи здесь. Сейчас он примет душ, а потом приготовит хороший обед, чтобы вымолить прощение. Только свежие овощи. Она будет довольна.

Но до этого Эмиль заставляет себя пройтись под деревьями, чтобы унять головную боль. Он направляется к ручью. Хорошо бы помочить ноги в ледяной воде. Он резко останавливается, потому что Жоанна там, на берегу, сидит на большом валуне. Она прижимает к уху телефон и говорит. У нее уверенный голос, он такого от нее не слышал. Негромкий, но ясный.

— Нет. И перестань мне звонить...

Несколько минут она молчит. Несмотря на шум ручья, Эмиль слышит мужской голос в трубке. Довольно молодой голос.

— Ты... Нет... Перестань, не плачь... Ты говорил, что уважаешь мой выбор... Я... Я не знаю. Я тебе уже сказала... Месяц, полгода, год... Мне нужно время... Нет... Перестань...

Она молчит еще дольше, как будто сдерживается или переводит дыхание.

— Мы договорились... Я вернусь, когда буду готова. Я тебе уже сказала... Ты не можешь продолжать вот так мне звонить... Мне нужен покой. Мне нужно пространство.

Она обхватывает голову руками. Проходит еще несколько секунд. Когда она заговаривает снова, голос у нее сердитый.

— Да, мы любили друг друга, но это ничего не меняет... Нет, теперь я уже не знаю. Мне нужно время, чтобы понять, так ли это

еще... Перестань плакать. Как есть, так есть.

Эмиль стоит, застыв, несколько секунд и понимает, что не должен быть здесь. Он тихо пятится, стараясь не хрустеть ветками. Будет жуткий шум, и Жоанна услышит. Она поймет, что он знает. Ни он, ни она не смогут справиться с этой ситуацией. Эмиль быстро возвращается к кемпинг-кару. Теперь он знает. Ей звонит мужчина. Мужчина, который плачет оттого, что она ушла, мужчина, которого она когда-то любила, но теперь не уверена, что любит.

Стол готов. Он его накрыл. Приготовил омлет с грибами, моля Бога, чтобы она ела яйца, зеленый салат и немного риса, который сварил с веточкой розмарина. Поджидая ее, достал чистый лист и ручку, но сегодня явно не тот день, чтобы писать письмо. Головная боль никуда не делась, она стучит в черепную коробку. Картины ночи еще слишком близки. Слова, произнесенные на берегу ручья. *Она захотела ребенка, и... она была готова гораздо больше, чем я.* Он не знает, почему вдруг доверился. Почему этой девушке? Не потому ли, что проще признаваться в своих ошибках незнакомым людям?

Эмиль познакомился с Лорой в университете. Он скучал на курсе коммерции. Толком не учился. По минимуму. Лора была курсом старше. Она пришла представить другим студентам в качестве примера свою стажировку, которую проходила в агентстве недвижимости. Он нашел ее красивой и дерзкой. В тот же вечер они встретились на студенческой вечеринке. Он поймал ее за плечо в толпе и сказал, что очень интересуется предприятием, на котором она проходила стажировку. Она все поняла и рассмеялась. Он просто влюбился в ее смех. И тогда же наполовину влюбился в нее. Они провели вечер за беседой у стойки бара. Уходя, поцеловались. Назначили свидание на завтра, чтобы перекусить в центре города. Так это все и началось, стремительно. Больше они не расставались. Она приходила ночевать в его студенческую квартирку. Он приходил ужинать в квартиру, которую она снимала с подругами. Иногда ночевал там. Она могла позвонить к нему в дверь среди ночи, просто чтобы вдохнуть его запах перед сном. Или приходила на перемене в его аудиторию и заявляла: «Пошли в кино!» Он удирает с лекций и шел с ней. Она была импульсивна. Вся дышала жизнью. Не любила долго оставаться в одном и том же месте. Все ей быстро надоедало. Она

могла уйти с вечеринки через час, мол, ей пахло плесенью. Она решила уехать на уик-энд к морю во вторник вечером, мол, хочешь, езжай со мной, я все равно уеду. Бросив в свою старую машину купальник и зубную щетку, она уезжала. Таким было начало их связи: взлеты и падения, страсть. Он знал, что она свободна, и любил ее еще сильнее, понимая, что она может уйти в любой момент.

Потом они успокоились. Стали учиться прилежнее (папы и мамы с обеих сторон ворчали). После двух лет метаний между их домами они поселились вместе. Лора закончила факультет и нашла работу, перестала затевать импровизированные уик-энды, начала беспокоиться, когда он не возвращался вовремя. Он почувствовал, что она уже не так свободна. Больше не считал ее вольной птицей. Он решил, что она стала старой доброй домашней кошечкой и навсегда с ним останется.

Да, ему было трудно признаться Рено, что он все испортил, что томил Лору, считая ее идею беременности капризом. Из них двоих он считался способнее, был образцом, тем, кто лучше знает и разбирается в женщинах, не бывает неловким и ничего не боится. А ведь преуспел Рено. Он сумел удовлетворить Летисию. И у него теперь есть ребенок.

Всегда проще видеть в сопернике причину разрыва. Гораздо проще, чем признать, что сам все испортил.

Наверно, поэтому он убеждал себя, что Лора ушла к другому. Скорее всего, никакого другого не было. Лора ушла за своей мечтой, за своей свободой.

Эмиль слышит шаги Жоанны по гравию парковки еще прежде, чем видит ее. Он встает, пожалуй, слишком быстро.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

Она, похоже, не в обиде за прошлую ночь. У нее просто отсутствующий вид, как всегда. Она опускается на стул, даже не пытаясь спрятать свой мобильный телефон. Да и хочет ли она его прятать?

— Я приготовил обед. Надо поесть... Рис остынет.

На ней вечная черная шляпа и ансамбль: шаровары и футболка, тоже черные. Значит, она действительно носит только черное. Он

наполняет ее тарелку, а она сидит, уставившись в пустоту. Разговор с мужчиной по телефону, похоже, выбил ее из колеи.

— Ты... Ты была у ручья?

Он косит под дурачка, чтобы заставить ее говорить, вывести из апатии.

— Да.

Больше ему сказать нечего. Он протягивает ей тарелку, но она даже не тянется к приборам.

— Ты не ешь?

— Не хочется.

Лицо у нее растерянное, опрокинутое. Интересно, почему она ушла от мужчины, с которым говорила по телефону? Как она от него ушла? Почему он продолжает без устали ей звонить? *Мы договорились... Я вернусь, когда буду готова.* Это непохоже на окончательный разрыв. Скорее на *брейк*. Чего она ищет, убегая, уезжая с первым встречным, удаляясь во что бы то ни стало от своего дружка? Хочет что-то доказать? А он сам, собственно, чего ищет? Лист бумаги по-прежнему лежит на столе, рядом с его тарелкой, безнадежно чистый. Он не в состоянии ничего написать. Уезжая, Эмиль верил, что есть совсем простое объяснение. Сегодня он понимает: все сложнее. Обрывки прошлого всплывают, делая все более выпуклым, представляя в новом свете. Наверно, есть не одна очевидная причина его отъезда...

Жоанна подносит ко рту кусок помидора. Она заставляет себя есть. Он видит в этом хороший знак, думает, что, пожалуй, может с ней поговорить, что она, наверное, может его просветить. Она ведь, в конце концов, тоже уехала... Он потирает шею.

— Я пытаюсь написать это письмо со вчерашнего дня...

Голос у него неуверенный. Она поднимает голову от тарелки. Он показывает ей чистый лист.

— Письмо о чем?

Она не спросила «письмо кому», но «письмо о чем». Она совершенно права. Это письмо не адресовано никому в отдельности. Ни его родителям, ни Рено, ни ему самому. Это письмо, чтобы объяснить. Или, может быть, просто письмо, чтобы понять. Наверно, поэтому у него и не получается его написать.

— Прощальное письмо... Моим близким. Чтобы сообщить им о моем отъезде.

Жоанна откладывает вилку и кивает, скорбно поджав губы.

— Они еще не знают, что ты уехал?

— Нет. Я ушел по-тихому, почти как вор. Они... они, наверно, догадываются, что я уехал, они нашли мою студию запертой на ключ, пытались мне звонить. Только Рено знает... Мой лучший друг... может быть, теперь он уже раскололся... Прошло четыре дня...

Она снова начинает есть, маленькими глоточками, не торопясь.

— Почему ты не сказал им, что уезжаешь?

— Они бы не захотели этого понять. Рено — другое дело, но мои родители и сестра никогда бы не поняли... Мне предложили клинические испытания. Протокол для изучения болезни, делать тесты, пытаться замедлить процесс. Они хотели, чтобы я на это подписался.

Проглотив кусок, Жоанна спрашивает вежливым тоном:

— Это было обречено на провал?

— Клинические испытания?

— Да.

— Они бы меня не вылечили. Это и не было целью.

Жоанна обдумывает следующий вопрос, тщательно выбирая каждое слово:

— Они убедили себя, что это может тебя вылечить?

— Думаю, закрыли глаза.

Снова пауза. Жоанна подбирает слова.

— Ты мог бы просто отказаться от этих клинических испытаний.

— В смысле?

— Тебе не надо уезжать так далеко. Достаточно было отказаться от испытаний.

— Я... Это все сложнее.

Она спокойно ждет. ЕСТЬ перестала. Отложила вилку и смотрит на него. В кои-то веки смотрит ему в глаза. Это редкость, и ему трудно найти слова.

— Я бы выжил из ума... Я хочу сказать, я *выживу* из ума. Мне совершенно не хочется, чтобы они видели меня таким. Я хотел... Хотел остаться в их памяти как... Как я, настоящий я... Не старым маразматиком.

— Ты думаешь, они считали бы тебя старым маразматиком?

— Это уже началось. Их взгляд изменился. Их поведение тоже.

Жоанна опускает глаза в тарелку, едва заметно кивает.

— Тогда я понимаю.

Проходит несколько секунд. Эмиль наливает себе стакан воды, а Жоанна потихоньку клюет из тарелки. Слышен только плеск ручья вдали, пение птиц и звон приборов.

— Мне всегда хотелось путешествовать, — добавляет Эмиль с полным ртом.

Лицо Жоанны снова перед ним, когда она поднимает голову от тарелки.

— Да?

— Да. Мы с Рено хотели уехать после окончания университета. Хотели взять рюкзаки и уйти в горы.

— Вы не ушли?

— Нет. Мы встретили наших подружек, а потом расхотели.

Тень улыбки мелькает в уголке рта Жоанны. Впервые он видит на ее лице подобие эмоции. Неужели телефонный звонок так ее встряхнул, что вывел из летаргии?

— Где она? — спрашивает Жоанна.

— Кто?

— Твоя подружка.

— О! Она ушла год назад. Сейчас она, наверно, чья-то еще подружка.

Жоанна дергает подбородком, как будто незаметно кивает. Впервые они по-настоящему разговаривают, и он, пользуясь этим, добавляет очень быстро:

— Кстати, то, что произошло вчера вечером, было... Это было глупо... Со мной нечасто такое случается. Я не хотел, чтобы это произошло так...

Она поднимает руку, как будто хочет перебить его, помешать продолжить или дать понять, что это не имеет никакого значения, мол, не надо об этом.

— Она идет с друзьями по десятому маршруту и хочет дать нам советы... Насчет маршрута и снаряжения...

Он продолжает очень быстро, как будто хочет сбить с рук эту тему, от которой ему не по себе:

— Кстати, она придет сегодня вечером, чтобы помочь нам подготовиться. Она должна прийти к кемпинг-кару. Ты будешь здесь?

— Думаю, да.

— Хорошо.

Больше ему нечего добавить. Теперь, когда выдана информация, ему легче. Он берет вилку и начинает с аппетитом есть. Пожалуй, вкусно. Рис остыл, но хранит легкий аромат розмарина.

— Я не был уверен, что ты ешь яйца... ты же вегетарианка, — говорит он с полным ртом, когда она принимается за омлет.

— Да. Я ем яйца.

— А давно ты... не ешь мяса?

— С детства.

— Вот как?

Она кивает, зачерпывает немного риса и умолкает.

— Ты нашел веточку розмарина? — спрашивает она.

Он поднимает голову. Она перестала жевать. На лице слегка удивленное выражение.

— Да. Я... Я положил ее в рис... Тебе нравится?

— Да.

Но она не продолжает жевать. Сидит неподвижно.

— Так ты нашел веточку розмарина?

Эта информация, кажется, чертовски ее взволновала, и он не понимает почему. Он отвечает неуверенно:

— Да... За кемпинг-каром.

Эмиль ломает голову, что сделал плохого. Но тут на ее лице вырисовывается улыбка. Впервые за четыре дня. Как солнечный луч. Это неожиданно. Она улыбается из-за розмарина... Он теряет дар речи, застыв с вилкой в руке. Пытается осознать, что произошло, но не может. Черт побери, она улыбается из-за розмарина... и улыбка ей чертовски идет!

— Я беру флягу на двоих.

— Окей.

Они закончили обед молча. Эмиль то и дело незаметно поглядывал на нее, чтобы уловить новую улыбку на ее лице, но она больше не улыбалась.

Он предложил, когда они убрали со стола:

— Пройдемся в деревню? А потом можем пойти к водопадам.

И она согласилась, снова с непроницаемым лицом. Он готов, в походных ботинках, с рюкзаком за спиной. Он взял флягу с водой и яблоки... на случай, если они проголодаются. Он смотрит, как Жоанна застегивает свои золотые сандалии.

— Обязательно нужно купить тебе что-то на ноги.

Она кивает. Она никогда не говорит нет. Он теряет от такой сговорчивости.

По деревне они идут медленно, не спеша. Эмиль впереди, он показывает вершины, ищет их названия в путеводителе. Пытается сориентироваться.

— Постой, это юг? Тут написано...

Он щурит глаза, вчитываясь в путеводитель. Отмечает вершины: Пик-де-Совегард, пик Сесире, Леза... Он называет их вслух на ходу. Жоанна просто молча любит пейзаж. Они пересекают улочки, останавливаются перед каменным домишком, где греется на солнце кот. Он разлегся во всю длину на коврике у двери и зевает, глядя на них.

Они уже возвращаются к стоянке. Деревня крошечная. Они обошли ее всю. Ни одного магазина, полный покой.

— Красиво, правда? — говорит Эмиль, еще раз окидывая взглядом пейзаж.

— Изумительно.

Сначала улыбка. Теперь это *изумительно*. Он чувствует, что Жоанна потихоньку просыпается.

Дойдя до парковки, они идут прямо к ручью и походной тропе, в сторону водопадов.

— Как твои ноги?

Жоанна не жалуется, но он видит, что ремешки сандалий натерли ей ноги до волдырей.

— Нормально.

— Если тебе больно...

— Мне не больно.

Дорога тенистая и совершенно тихая. Они идут вдоль ручья. Время от времени встречают туристов и обмениваются приветствиями, потом снова повисает тишина. Иногда они останавливаются, чтобы напиться или окунуть руки в воду и освежить затылки.

— Расскажи мне про Сен-Мало.

Он остановился на тропе, пока Жоанна спряталась за кустики, чтобы облегчиться. Она возвращается к нему своим спокойным шагом.

— О, там...

Она подходит к нему и надевает шляпу.

— Там ветрено. И слишком много народу летом.

— И все?

— Да. Все. Нет прелести тишины.

— Из-за толп?

— Да. Место утратило свою дикость.

— Ты никогда не хотела уехать?

— Нет. Я жила в деревушке под названием Сен-Сюльяк, в нескольких километрах от Сен-Мало. Жизнь там была хороша.

— Там было более дико?

— Да. Было спокойно.

Они потихоньку идут дальше.

— Ты всегда жила там?

— Да.

— Там и родилась?

— Да. Я родилась в школе.

— В школе, где ты работала?

— Да.

Эмиль удивленно улыбается.

— Правда?

— Да.

— Это необычно.

— Мой отец был сторожем в школе.

— Неужели?

— Да.

Утренней улыбки больше нет, вид у нее серьезный. Жаль, что она не улыбается.

— Значит, ты в каком-то смысле унаследовала его должность?

— Да. Когда он вышел на пенсию.

— Сколько же тебе было лет?

— Только что исполнилось двадцать.

— Ты была совсем молоденькая! Такая ответственность!

Она пожимает плечами.

— Я знала школу как свои пять пальцев. Я всегда жила там. Это был мой дом.

— То есть это представлялось тебе логичным...

— Да. Точно.

Эмиль улыбается. Он думает, что ее жизнь была совсем непохожа на его. В двадцать лет он был еще дурачком и напивался с друзьями-студентами, тогда как Жоанна в этом возрасте справлялась с целой школой.

— А твоя мать чем занималась?

Он надеется, что не сморозил бестактность, потому что она отвечает не сразу.

— Я ее не знала.

Эмиль морщится, поняв, что да, он сморозил бестактность. Но лицо Жоанны по-прежнему невозмутимо и спокойно. Она ничуть не смущена.

— Я появилась у отца поздно. Ему было сорок лет.

Он кивает, не зная, что ответить.

— Он был старым холостяком. Деревенским холостяком, понимаешь?

— Да.

— Ходили слухи, что... в общем, много всего. Говорили, что он переспал с проституткой и она забеременела, хотела сделать аборт, но он умолил ее не делать этого, обещал ей денег, много денег, если она сохранит ребенка и отдаст ему, чтобы он его вырастил.

Она говорит это как само собой разумеющееся, без особых эмоций, спокойно и мягко.

— Ты узнала, правда... правда ли это?

— Скорее всего, правда.

Она пожимает плечами, как будто ей без разницы. Он смотрит на нее недоверчиво, но и с восхищением.

— А он что тебе рассказывал?

— Более красивую версию. Он встретил прекрасную и нежную женщину, которая забеременела от него. К сожалению, она не могла остаться. Ее образ жизни был несовместим с семьей, и она доверила меня ему.

Эмиль опять не знает, что ответить. Его слегка перевернула эта история. Он сам не знает, нашел ли ее попросту ужасной или грустной и отрадной одновременно. Жоанна явно не находит ее ужасной.

— Это, должно быть... это... думаю, с этим непросто... жить?

Она пожимает плечами.

— Нет. Наоборот.

Он хмурит брови, не уверенный, что понял.

— Я стала тем, чего, отец думал, у него никогда не будет. Он был счастлив и благодарен судьбе каждый день своей жизни.

— А ты...

Эмиль не знает, как сформулировать вопрос.

— Тебе никогда не хотелось большего?

— В смысле?

— Больше узнать... Узнать свою мать...

Жоанна решительно качает головой.

— Он меня всему научил. Он был добрый. Я любила его. Я была счастлива.

Эмиль не видит ее лица в тени шляпы. Может быть, она улыбается, как сегодня утром? Может быть, это отец научил ее узнавать побеги дикого розмарина?

Они идут дальше молча.

— Он... он еще жив?

Эмиль все-таки спросил, не мог удержаться.

— Нет. Он ушел во сне три года назад.

Она запрокидывает голову, ловя солнечный луч. Лицо ее спокойно, безмятежно. Эмилю трудно отвести от нее взгляд.

— Он прожил счастливую жизнь, — добавляет Жоанна.

Снова тишину нарушают только пение птиц и плеск ручья. Эмиль на мгновение закрывает глаза, чтобы лучше прочувствовать этот странный момент вне времени. Чудесный день. Он счастлив, что поговорил с Жоанной. Теперь он представляет ее моложе, на школьном дворе. Может нарисовать ее: на несколько сантиметров ниже, чем сейчас, в джинсовом комбинезоне, с волосами, заплетенными в косу. Может увидеть ее оживленной, идущей следом за высоким мужчиной. Эмиль готов ручаться, что высокий мужчина медитировал в поле, запрокинув лицо к звездам. И уверен, что он носил шляпу... Широкополую черную шляпу.

Записка лежит на столе, когда они возвращаются с водопадов. День клонится к вечеру. Они долго сидели на берегу, забравшись на валун. Ели яблоки. Смотрели, как купаются семьи. Мочили ноги в ручье. Эмиль ловил головастики, пытаясь вызвать у Жоанны улыбку, но она сказала:

— Ой, не надо! Ты их пугаешь...

И он их отпустил. Потом они пошли обратно. Парковка пуста, на ней только их кемпинг-кар. Они оставили снаружи стол и стулья, и Эмиль думает, что это глупо, что их могли украсть. Но все на месте, а на столе лежит записка.

Привет, писатель!

Не сердись, я воспользовалась листком, который лежал на столе. Он все так же безнадежно чист!

Я зашла тебя предупредить: мы сегодня устраиваем отвальную в приюте. Девочки не допустят, чтобы я просачковала. Ты присоединишься? Там и поговорим о твоей экспедиции.

До вечера!

Хлоя

Он берет листок бумаги, прежде чем его прочтет Жоанна.

— Нас приглашают на вечеринку... Хлоя... вчерашняя девушка... Вечеринка будет в горном приюте, мы проходили мимо него в деревне.

Это не совсем правда, Жоанну, собственно, не приглашали, но ей не надо этого знать.

— Ох...

Она явно не в восторге.

— Пойдешь со мной?

— Не знаю...

— Она обещала нас проконсультировать насчет нашей экспедиции... Ты помнишь?

Жоанна слегка морщит нос. Всегда ли она корчит такую гримаску, когда ей чего-то не хочется? Он еще слишком мало ее знает, чтобы быть уверенным.

— Мне кажется, у меня солнечный удар.

Она показывает на виски.

— Стучит. Я полежу немного.

Он понимает, что ей не хочется идти, не хочется его компании и компании Хлои. Заставлять ее он не станет.

— Ладно. Тогда отдыхай. Я все запишу для тебя.

— Хорошо.

— Хочешь чаю? Может, поедим чего-нибудь, прежде чем я уйду?

Она качает головой.

— Нет. Я просто полежу.

Она взбирается по веревочной лесенке. Эмиль несколько секунд кружит по кемпинг-кару. Достает из холодильника бутылку воды, наливает себе стакан, запускает руку в начатый пакет чипсов. Лучше пойти сейчас. Вечеринка, должно быть, уже началась. Но ему тревожно оставлять Жоанну здесь совсем одну.

— Оставить дверь открытой или запереть тебя?

— Можешь запереть.

— Ты уверена, что все будет хорошо?

— Абсолютно.

— Ладно...

Он кружит еще несколько секунд, убирает бутылку с водой на холод.

— Тогда пока.

— Пока.

Горный приют — каменный домишко с двускатной деревянной крышей, клочком травы перед фасадом и столом для пикника на улице. Внутри общая комната с длинным дубовым столом. В ней человек десять, не меньше. В основном пары. Некоторым лет по пятьдесят, другим нет и тридцати. Эмиль узнал друзей Хлои, которые ждали ее за деревьями вчера, когда она пришла с ним поговорить. Хлоя выбегает внезапно, когда он робко стоит в дверях с бутылкой белого вина в руке.

— Ээээй, Эмиль!

Она налетает как ураган, обнимает его за плечи, звонко чмокает в щеку.

— Классно, что ты пришел!

Она берет у него из рук бутылку, вцепляется в запястье.

— Идем, я познакомлю тебя со всеми.

Он смотрит, как она пробирается по комнате. На ней коротенькие шорты цвета хаки и черный открытый топ. Волосы стянуты в узел на макушке. Щеки розовые, глаза блестят.

— Привет всем! Это Эмиль!

Глаза устремляются на него. Приветствия, улыбки. Ему протягивают руки, подставляют щеки. Звучат имена. Марта... Кевин... Ромарик... Эрве и Розелина... Хлоя по-прежнему держит его за руку, подводит то к одному, то к другому.

— Он пришел к нам на вечеринку. Идем, Эмиль, я тебе налью.

Он следует за ней в сторону от собравшихся, к помещению, где, должно быть, располагается кухня. Слева в приоткрытую дверь видна комната с четырьмя одинаковыми кроватями. На полу валяются рюкзаки. Они входят в комнату в конце коридора, это действительно кухня. Хлоя встает на цыпочки, достает из шкафчика стакан. Крутит штопор, чтобы открыть бутылку, которую он принес. Она корчит забавные гримасы, и Эмиль не спешит ей помочь.

— Мы сегодня ходили на пик Уссузэ, — говорит она, открыв наконец бутылку.

— Это далеко?

— Километров пятнадцать.

Она наполняет два стакана, прислоняется к кухонному столу.

— А ты? Как провел день?

Эмиль берет протянутый стакан и отпивает глоток.

— Мы прошлись по деревне и ходили к водопадам.

Хлоя одаривает его насмешливой улыбкой.

— С чокнутой?

— С Жоанной, да.

Пригубив из своего стакана, она продолжает смотреть на него все с той же лукавой улыбкой.

— Ты знаешь, что можешь поменять свои планы, а?

Эмиль хмурится, не понимая. Он не въезжает, о чем она хочет завести речь. Их прерывает голос, окликающий Хлою из общей комнаты. Вздохнув, она кричит:

— Мы идем! Начинайте разводить огонь!

Она снова поворачивается к нему:

— Сейчас поговорим об этом.

— Об?..

Он переминается с ноги на ногу со стаканом в руке.

— О твоих планах. О моих.

— Что...

Он понимает, что вид у него дурацкий, но хотел бы знать, что у нее на уме.

— Ничего. Но ты мог бы уйти с нами и забыть о чокнутой.

В этот момент Хлоя, повернувшись к нему спиной, идет в общую комнату, и он рад, что она не видит его ошарашенного лица.

— Ты идешь?

Он направляется за Хлоей. Все уже расселись на улице, за деревянным столом для пикника. Один из мужчин занялся костром и раздувает угли. Какая-то женщина расставляет на столе салаты, и Хлоя кричит ей:

— Прекрати изображать из себя прислугу, Селия! Попроси Франка тебе помочь!

Селия закатывает глаза.

— А может, *ты* мне поможешь?

Обстановка дружелюбная. Потрескивает огонь. Люди расспрашивают Эмиля. Все хотят дать ему советы, высказать свое мнение насчет того или иного маршрута. Картонные тарелки наполняются салатами. Передаются из рук в руки багет и кружок камамбера. Ходят по кругу бутылки вина. Хлоя достала блокнотик, в

котором пытается составить список снаряжения, необходимого Эмилю для похода. Она пишет колонками: одежда, предметы гигиены и аптечка, постельные принадлежности и последняя — кухонная утварь (спиртовка, кастрюля, крышка...). Время от времени она читает вслух, что записала, и люди вокруг стола дополняют. Иногда вспыхивают споры.

— Двух комплектов одежды достаточно! Стираешь вечером один, и весь завтрашний день он может сохнуть.

— Три как минимум!

— Зачем лишняя тяжесть? Одного достаточно!

— Франк, не заводись, не такая уж это тяжесть...

Все люди вокруг стола собираются на десятый маршрут. Это опытные туристы. Они сравнивают калорийность злаковых батончиков, которые берут с собой, внимательны к составу своих спальников и спорят о любой ерунде. Эмиль уже сомневается, хорошо ли он подумал, предлагая подобный поход Жоанне... У нее нет даже походных ботинок...

— В плане гигиены советую тебе мыло «Алеп». Им можно мыть тело, волосы, чистить зубы, стирать одежду и дезинфицировать раны.

Этот совет дает пятидесятилетняя женщина. У нее мускулистые руки и острые черты лица.

— Полотенце из микрофибры, обязательно! Чтобы сэкономить место! Питание... Это довольно просто и логично. По минимуму. Хлеб, рис, макароны, злаковые батончики. Сыр и колбаса, чтобы был белок.

После списка всего необходимого для похода разговор плавно переходит на профессии каждого, на контекст их путешествия. Хлоя отложила свой блокнот. Допита шестая бутылка вина. Она кладет руку на бедро Эмиля и время от времени шепчет ему на ухо.

— Славно, правда? Думаю, это мое любимое. Встречи, вечеринки...

Эмиль кивает. В голове немного гудит от вина, но ему очень хорошо. Хлоя права. Здесь славно. Дружелюбно. Ему бы хотелось, чтобы так продолжалось каждый день, но он понимает, что это вряд ли возможно.

— Вы рано уходите завтра? — спрашивает он, наклонившись к ней.

— В пять.

— В пять? Почему так рано?

Она смеется.

— Лучше всего идти утром... Пока не станет слишком жарко.

И ласковым жестом щиплет его за нос.

— Ты-то настоящий новичок, да?

Он берет ее за руку, не давая теревить свой нос.

— В общем, да...

Ее улыбка становится шире.

— Не беспокойся. Ты получил столько информации, что тебе ничего не грозит!

Она склоняется к его лицу, касается губами щеки возле уха.

— Если только не решишь пойти с нами.

С лукавой улыбкой она ждет его реакции. Он в очередной раз строит из себя дурачка.

— Как это?

— Ну, ты же хочешь посмотреть Пиренеи. Можешь присоединиться к нам. У нас есть маршрут, снаряжение... У меня палатка, я готова ее разделить...

Ее рука на его бедре становится тяжелее, как будто она давит на него. Она не сводит с него глаз, сияя улыбкой.

— Оставишь свой кемпинг-кар здесь. На охраняемой стоянке.

— Я... Я не знаю.

— Тебе будет достаточно повернуть назад и вернуться сюда, когда насмотришься. Оп-ля, чао!

Он пытается ответить на ее улыбку. А сам думает о Жоанне, которая ждет его в кемпинг-каре.

— Я не могу. Со мной Жоанна.

Хлоя с трудом скрывает разочарование.

— Ей-то какая разница? Запрыгнет в какую-нибудь другую машину. Ты или кто-то еще, это не изменит ее жизнь!

Она отмахивается рукой от вопроса, как будто о Жоанне не стоит и говорить.

— Перестань... Я ее не брошу...

Хлоя убирает руку с его бедра. Ей все труднее скрывать раздражение.

— Ой, ты ведь на ней не женат?

— Нет...

— Ну и...

— Ну и это не повод.

Она сердито хмурится, наливает себе еще вина.

— Как хочешь. Но смотри...

Она показывает ему на стол, споры, разговоры, циркулирующие по кругу бутылки.

— Вот такой поход с нами. Вот так мы путешествуем.

Он пожимает плечами. Конечно, ему хочется. Конечно, он бы не отказался вот так делить ужины каждый вечер, знакомиться с новыми людьми, время от времени прикорнуть в объятиях Хлои. Но есть Жоанна. Сегодня ему удалось заставить ее улыбнуться. Она не просто потерянная девушка, севшая в его машину. Она — единственный человек, откликнувшийся на его объявление, готовый сопровождать его в этом последнем путешествии к смерти. Они в каком-то смысле связаны.

— Что скажешь?

— Я бы очень хотел... правда... Но...

Хлоя не дает ему договорить.

— Ладно, все, я поняла.

Она улыбается ему вымученной улыбкой.

— Но не рассчитывай, что я дам тебе сегодня вечером!

Он не в состоянии ответить что бы то ни было, даже *Я и не собирался*. Он смотрит ей вслед, когда она встает и уходит в кухню. Эта девушка своенравна и упряма. Она не выносит, когда ей перечат. Нет, он не хотел бы путешествовать с ней. Теперь он это понимает. Он смотрит на часы. Уже полночь. Сейчас он допьет вино и поскорее вернется в кемпинг-кар. Только дождется ее возвращения, скажет ей, что уходит, и свалит.

Он тихонько проскальзывает в машину. Хлоя никак не отреагировала, когда он сказал, что пойдет спать. Она протянула ему листочек из своего блокнота, где записала маршруты и походное снаряжение, и быстро чмокнула в щеку.

— Счастливо тебе.

— И тебе.

Он вздохнул с облегчением, удаляясь. Вид у нее был разочарованный и грустный, но ему что за дело?

Жоанна, кажется, спит беспокойным сном. Он слышит, пока чистит зубы, как она ворочается на матрасе наверху. Может быть, у нее действительно солнечный удар? Он принял это за выдумку, оправдание, чтобы избежать вечеринки, но вдруг это правда? Может быть, у нее жар?

Несколько минут спустя он забирается на кровать. Темно, но он различает ее лицо. Оно пылает. У нее жар, это точно. Она мечется на матрасе и часто, прерывисто дышит.

— Жоанна?

Он шепчет, чтобы не будить ее слишком резко. Она как будто не слышит. Склонившись к ее лицу, он повторяет:

— Жоанна?

Она перестает метаться. Но все еще не проснулась. Он видит, как быстро движутся глазные яблоки под сомкнутыми веками.

— Жоанна, как ты?

Она вздыхает, медленно поворачивается к нему лицом. Но все еще спит. Глаза закрыты, дыхание прерывистое. Она протягивает к нему руку, обхватывает его за шею. Приближается, прижимается к нему, обнимает. Эмиль боится шевельнуться. Она здесь, горячая от жара, приникла к нему, уткнулась головой в его шею. Надо бы ее разбудить, тихонько отстранить и повторить: «Жоанна!», но она вдруг шепчет во сне, слабым голосом, еле ворочая языком:

— Леон, ты сказал, что перестанешь звонить.

Она устало вздыхает, нежным жестом запускает руку в его волосы, бормочет на выдохе:

— Зачем ты отпустил его... Ты же знал, какой он... Перестань плакать, пожалуйста...

У нее жар, она бредит. Она принимает его за мужчину, который ей звонил, которому она без конца повторяла: «Нет. Перестань. Перестань плакать». Леон, кажется. Эмиль отводит прилипшую к влажному от жара лбу прядку волос и шепчет:

— Жоанна?

Она перестает ворочаться, что-то бормочет.

— Жоанна!

Он заговорил громче. На этот раз она открыла глаза. Несколько мгновений не понимает, что происходит. Она видит Эмиля, напряженного и застывшего на матрасе, не смеющего шевельнуться, видит свои обнявшие его руки, свою голову, уткнувшуюся в его шею. Ужас вырисовывается на ее лице. Он пытается что-то сказать, чтобы сделать ситуацию не такой неловкой.

— У тебя жар...

Но это ее не успокаивает. Она закрывает рот рукой.

— Ох! Я... Мне очень жаль!

— Ничего страшного. У тебя жар... Я... Мне надо было дать тебе лекарство.

Она мотает головой, садится. Она как будто не совсем здесь, а еще наполовину в объятиях Леона. В Сен-Мало.

— Что ты делаешь? — шепчет Эмиль.

Она берет свою подушку, спальник.

— Я спущусь, посплю внизу.

— Нет!

Он пытается удержать ее за руку.

— Ничего страшного, Жоанна, уверяю тебя. С кем не бывает...

Она вырывает руку. Говорит очень быстро, не глядя ему в глаза.

— Я теперь буду спать внизу.

— Все время?

— Да, все время.

— Жоанна, это смешно!

Но она уже спускается по веревочной лесенке с подушкой и спальником под мышкой. Очень поспешно. Она отвечает быстрым шепотом:

— Мне не трудно. Банкетка внизу достаточно широкая. У каждого будет своя спальня.

— Тогда оставайся наверху. Банкетку займу я.

Он слышит ее ответ уже снизу:

— Не беспокойся. Мне здесь хорошо. Не так жарко.

— Ты уверена?

— Да.

— Прими лекарство. Аптечка в моих вещах... Под банкеткой.

— Зачем?

— От жара.

— Это естественный процесс. Глупо ему мешать.

Он не может удержаться от улыбки. Жоанна с ее ответами...

— И что ты будешь делать? Ждать, пока само пройдет?

— Да. Разве только у тебя есть ромашка.

Сначала обьятие, галлюцинации, потом резкое пробуждение и ночной переезд. Теперь этот бессмысленный разговор.

— Нет. Откуда у меня ромашка?

— Мне бы не помешал отвар ромашки.

— Он помогает от жара?

— Да.

— У меня нет, извини.

Снова в автомобиле повисает тишина. Эмиль слышит, как шуршит Жоанна внизу. Должно быть, устраивается на банкетке.

— Жоанна, знаешь, ты можешь вернуться сюда... Это глупо...

Но слабый голосок категоричен:

— Мне здесь удобнее. Спокойной ночи.

Он еще улыбается, отвечая:

— Окей... Ладно... Спокойной ночи.

Он еще не проснулся окончательно, но уже и не спит. Слышит звуки снаружи: пение птиц, шаги туристов по гравию парковки, свист чайника. Жоанна, должно быть, уже встала. А он пока в странном полусне. Под утро ему вспомнилась Лора, и он плывет в воспоминаниях. О втором годе их совместной жизни. О том, как она впервые заговорила о ребенке. Тогда он просто обратил все в шутку.

Он пошел выпить пива с Рено. Они с Летисией тогда еще не планировали детей. Друзья пили пиво в ирландском пабе, потому что Летисия уехала на несколько дней к матери и Рено пользовался свободой. Эмиль предложил Лоре присоединиться к ним, но она тоже встречалась с подругами. Они собирались каждую неделю, в пятницу вечером: красное вино и тапас «Лока Чика». Поначалу Лора не пропускала этих встреч. А потом, когда они поселились вместе, она все чаще пренебрегала подругами. Говорила, что предпочитает остаться с ним, даже если они ничего не делали, просто засыпали на диване. Время от времени она все-таки ходила, чтобы «быть в курсе, кто с кем спит». В ту пятницу она решила пойти. Когда он вернулся после встречи с Рено, у него кружилась голова. Он слегка перебрал пива. Он нашел ее на диване в белой пижамке: мини-шортики и кружевной топ, пожалуй, слишком соблазнительный. Ему ужасно хотелось опрокинуть ее на диван, но личико у нее было грустное. И он просто спросил:

— Ты уже вернулась?

Она поджала губы.

— Да.

— Было плохо?

— Да. Очень плохо.

Он сел рядом с ней на диван, обнял ее за талию.

— Что было плохо? Расскажи мне.

Она прижалась к нему.

— Всё. Никто не пришел. Нас было только двое.

— Только двое?

— Да. Инес и я.

— Почему же?

Она глубоко вздохнула.

— Я столько всего пропустила! Я, например, не знала, что Лиза ждет ребенка!

— Лиза? Блондинка, которая с тобой училась?

— Да. Ну вот, она беременна четыре месяца. Она что-то говорила, но я не думала, что это серьезно. А теперь еще и Надя!

— Надя...

— У которой парикмахерский салон.

— А!

— Она меньше. Всего два месяца. Это произошло случайно, но она, кажется, счастлива. Они уже придумали имя...

— А!

— Какой удар!

— И поэтому они не пришли?

— Да. Поэтому.

Он нахмурился, не понимая ее грусти.

— Ничего страшного, моя Ло. Они придут в следующий раз.

Лора посмотрела на него, не понимая.

— Что?

— Они же могут есть тапас, правда? Это не запрещено беременным.

— Нет.

— Значит, ты увидишься с ними в следующую пятницу. Они же не будут сидеть взаперти всю беременность.

— Ну, нет.

Он хотел ее поцеловать и приподнял ей подбородок, но вид у нее был по-прежнему надутый и грустный.

— Что с тобой, Ло?

— Ничего. Хреново это все может быть.

— Что они ждут детей?

— Ну да... Все теперь будет иначе.

Он пожал плечами, не обращая внимания на навалившуюся вдруг тяжесть. Подумал, что она, пожалуй, преувеличивает.

— Они будут меньше выходить в люди, вот и все.

— Ты шутишь? У нас будут противоположные жизни!

— Настолько?

— Они уходят в другое измерение!

Он ласково усмехнулся.

— И только-то?

— Ты смеешься, но это правда! Им больше нечего будет нам сказать! И нам им тоже!

Он снова пожал плечами и, с головой, еще затуманенной пивом, посмеялся над ее раздосадованным видом.

— Тогда у тебя останется Инес. Инес ведь не ждет ребенка?

Он таки заставил ее улыбнуться.

— Ей до этого далеко...

— Она по-прежнему спит с разными парнями каждую неделю?

Но Лора не ответила на его вопрос. Она подтянула колени к груди с задумчивым видом. Он снова обнял ее за талию.

— Брось, моя Ло, твои подруги просто дуры. Уж не знаю, что им взбрело в голову. Пойдем в спальню? Я тебя утешу как полагается.

Она вяло оттолкнула его. Взгляд у нее был отсутствующий.

— Я одолжу тебе моих друганов, если хочешь. Они-то не забеременеют! Я возьму с них слово!

Она улыбнулась уголком рта.

— Мы пойдем с тобой пить красное вино и есть тапас. Мы-то не бросим тебя, как твои подружки!

Он силой поднял ее с дивана.

— Эмиль...

Она протестовала для проформы, а на самом деле поддалась, улыбаясь. Он отнес ее в спальню, перекинув через плечо, глухой к ее притворным возражениям. Уложил ее на постель и стал целовать.

— Эта белая пижама под запретом, — прошептал он между поцелуями.

— Вот как, а почему?

У нее снова был дерзкий вид, который он обожал.

— Я не могу держать себя в руках, когда ты в ней.

Она прикусила губу.

— Пиво тоже под запретом. Ты не можешь держать себя в руках, когда злоупотребляешь им.

Он зажал ей рот.

— Говорить не разрешается, мадемуазель.

Она рассмеялась под его ладонью. Попыталась его укусить. Он поцеловал ее в губы.

Потом они любили друг друга, а после этого она встала и подошла, голая, к зеркалу на стене в спальне. Стояла так несколько секунд в странной позе, расставив ноги, выгнув спину.

— Что ты застыла?

Он хотел поймать ее за ногу и опрокинуть на постель, но она увернулась.

— Смотрю кое-что...

Она продолжала рассматривать себя со всех сторон в этой странной изогнутой позе.

— Смотришь, что было бы, будь у тебя пенис?

Он улыбнулся, гордый своей жалкой шуткой, но она выбила у него почву из-под ног, ответив ему в тон:

— Я смотрю, что было бы, будь я беременна.

Он был не в состоянии ни улыбнуться, ни сказать что-то умное. Она так и стояла, выпятив живот, расставив ноги, рассматривая себя. Ему казалось, что она рассматривает в зеркале и его, ловит его реакцию. Он ляпнул глупость, сев в постели:

— Пойдем злоупотребим пивом с Рено, и ты увидишь, как было бы. У Рено уже наметилось хорошенькое брюшко. Он где-то на четвертом месяце.

Она даже не дала себе труда отреагировать на эту шутку. И была права. Он точно сморозил глупость. Она стала поглаживать свой живот круговыми движениями.

— Должно быть, странно видеть, как твое тело преобразается...

Он не смог ничего ответить. Буркнул что-то, надеясь, что она быстро сменит тему.

— Как ты думаешь, мне пойдет? Маленький животик. Совсем маленький животик.

Ее отражение в зеркале слабо улыбалось. Он выбрался из постели, желая во что бы то ни стало избежать этого разговора, повергавшего его в панику.

— Куда ты? — спросила она, видя, что он встает.

— В туалет.

На ее лице отразилось разочарование, и все-таки она еще раз спросила, когда он был в дверях:

— Ну как, мне пойдет?

И он равнодушно передернул плечами, чтобы скрыть охватившую его панику.

— Да. Наверно.

— Понятно... — холодно обронила она.

— Что тебе понятно?

Он занервничал. Ну почему она хочет во что бы то ни стало затеять этот разговор и не дает ему спокойно сходить в туалет?

— Тебя, похоже, это восхищает. — Он заговорил жестко, чтобы покончить с этим как можно скорее. — Твои подруги беременны, и поэтому ты хочешь, чтобы мы сделали ребенка прямо здесь и сейчас?

Он почувствовал себя жалким и гадким, когда она покраснела и залепетала:

— Да нет... Ты же знаешь, что нет... Ты несешь чушь!

— Ну и ладно, — буркнул он.

Она сделала еще одну тщетную попытку вернуться к теме:

— Я не сказала «здесь и сейчас»... Это смешно... Но когда-нибудь, может быть...

Он чмокнул ее в щеку, и она замолчала.

— Когда-нибудь, может быть. Но пока мы еще не готовы, дай мне сходить в туалет!

Она ничего не смогла ответить. Он скрылся с облегчением. Думал, что выкрутился, перехитрил ее. Он почти гордился, закрывая за собой дверь туалета.

Он повел себя как последний идиот, но понял это только позже. Много позже. Она заговаривала об этом еще не раз. Все серьезнее и все чаще. Когда Лиза родила, стало еще хуже.

— Когда я вижу ее с младенцем на руках, знаешь... Это глупо... Ты будешь смеяться...

— Скажи мне.

— Ну, понимаешь... я не знаю, но... У меня, мне кажется, тоже мог бы быть малыш... Я думаю... думаю, что я, пожалуй, готова.

Он каждый раз уклонялся, отшучивался все более плоско, самым жалким, наверно, было замечание насчет груди, которая удвоится в объеме, эта шутка была встречена самым напряженным молчанием, какое он когда-либо слышал.

Через несколько месяцев она снова начала уходить по вечерам, сначала на «Лока Чика» по пятницам, потом все чаще. А ведь когда они поселились вместе, произошло обратное. Лора почти отгородилась от мира. *Мне вполне достаточно тебя. Остальной мир мне пофигу*, заявляла она со своей дерзкой гримаской. Он гордился. Он любил ее. Он думал, что им очень хорошо вдвоем и ничто не может их разлучить. Так что ее капризы насчет ребенка он не воспринял всерьез. Да, но Лора стала уходить по вечерам. Даже по несколько раз в неделю. Возвращалась с работы и сразу уходила.

— С кем ты встречаешься? Я думал, твои подруги больше нигде не ходят теперь, когда у них есть дети...

— С Инес.

— И все?

— Нет. Не только.

Она была уклончива. Она красилась, покупала новые платья. Крепко душилась.

— Ну так... Ты производишь красоту, чтобы встретиться с Инес и не только?

Иногда, возвращаясь, она дышала на него алкоголем.

— С кем ты была?

Он задавал все более прямые вопросы.

— Я же тебе сказала.

— Нет.

— С Инес... И ее друзьями.

— Мальчиками?

— Мальчиками, девочками... Всех понемножку. А в чем дело? Ты ревнуешь?

Он никогда не был особо ревнив. Но теперь стал. Он засекал время, когда она уходила. Таращился на ее телефон, когда она получала сообщение.

— Мы больше не бываем дома вдвоем, — жалобно канючил он, когда видел, что она опять собирается уйти.

— Нет.

— Нет — и все?

— Нет. Мы молоды. Мы не обязаны играть в папу-маму на диване, правда? Тебе бы тоже развеяться.

Он сходил с ума. Когда он ждал ее, не спал до двух часов ночи и выходил из себя: «Ты пила! Кто тебя просил так напиваться?», она теряла терпение и говорила ему с ноткой брезгливости:

— Да что с тобой? Я тебя не узнаю.

Он не оставался в долгу:

— Это я тебя не узнаю!

— Да ну? Разве я не была такой, когда мы познакомились?

— Как это?

— Я бывала на людях. Социализировалась. И ты тоже! Тебе бы вернуться к этому! Это здорово, вот увидишь!

Она презирала его, когда он становился параноиком.

Он чувствовал, что теряет ее. Воображал, что есть кто-то другой. Однажды он ждал ее до трех часов ночи. Она сбросила туфли на каблуках в прихожей. Едва взглянула на него, пройдя через гостиную к спальне. Он перехватил ее, крикнул:

— Лора!

Он вцепился в ее запястье. В глазах ее мелькнул страх, как будто она испугалась, что он перейдет к физической расправе. Он хотел обнять ее, она его оттолкнула.

— Что ты делаешь? Почему не спишь?

— Лора, я хочу, чтобы мы завели ребенка. Я хочу ребенка с тобой.

Она застыла с открытым ртом, не выдав никакой реакции. Потом вдруг заплакала, убежала и закрылась в ванной.

— Что с тобой? Лора?

Он стоял за дверью, умирая от беспокойства, слыша, как она всхлипывает и шмыгает носом.

— Почему ты плачешь?

Она открыла дверь, глаза у нее покраснели. Она успела надеть пижаму, смыла макияж.

— Ничего. Это от волнения.

Он тихонько отвел ее в спальню, ласково держа за руку.

— Как ты? Ты уверена, что это от волнения?

— Да... Я не ожидала.

Он уложил ее на кровать, укрыл одеялом. Положил руку на ее живот.

— Я уверен, что ты будешь очень красивой с животиком.

Она слабо улыбнулась.

— Я наговорил глупостей по этому поводу...

— Да.

— Я просто испугался. Был не готов...

— А сейчас ты готов?

Она вглядывалась в него с опаской, как будто не верила.

— Да. Конечно.

Несколько долгих минут они молчали. Она попросила погасить свет, и он погасил. Ждал в тишине, но она больше ничего не говорила. Эмиль прошептал:

— Так ты перестанешь принимать таблетки?

Он слышал в темноте, как она сглотнула и кивнула.

— Да.

— Когда?

Он ждал, затаив дыхание. Он не хотел ее терять. Он сделал бы что угодно, лишь бы не потерять ее.

— Завтра...

И она добавила слабым неуверенным голосом:

— То есть... Если ты согласен?

Он хрипло выдал «да».

Больше они не произнесли ни слова. Наверно, эмоции давили. Он держал руку на ее животе всю ночь. Он не спал. Представлял себе ее в широком платье, с округлым животом, с розовыми щеками. Представлял, как будет оберегать ее и ребенка. Он больше ничего не боялся.

— Ты опять уходишь?

Лора продолжала уходить по вечерам.

— Да. Я не поздно.

Больше он ничего не смел сказать, потому что она уходила реже. Она чаще оставалась дома, и они занимались любовью почти каждый день. Делали ребенка. Однако по выходным она уходила без него. По-прежнему с Инес и ее друзьями. Возвращалась поздно. Но он изображал равнодушие, потому что знал, что, когда она вернется, они займутся любовью, будут делать ребенка. Так что он шел на компромисс. Это позволяло ему оставаться спокойным.

Так продолжалось целых три месяца. Он хлопал над ней крыльями, готовил поесть, наливал для нее ванну и терпеливо ждал, когда она выйдет. Регулярно спрашивал с тревогой:

— У тебя есть месячные?

Она хмурилась. Это означало, что да, что ребенок еще не в пути. Но у них было время.

А потом однажды вечером она вернулась пьяная, дыша алкоголем, и он не смог сдержаться. Он почти взревел:

— Ты издеваешься надо мной?

Она сначала отшатнулась испуганно.

— Ты напиваешься? Ты смеешь напиваться?

Она отступила, прижалась к стене.

— Да о чем ты думаешь? Какая идиотка так поступает?

Испуг исчез с лица Лоры. Она расправила плечи, и на лице ее отразилось презрение.

— Иди ты на фиг, Эмиль! Не смей контролировать мою жизнь! Хочу и пью!

Он заорал что было мочи, возмущенный донельзя:

— Но ребенок, дура! *Ребенок!*

Тогда Лора рассмеялась обидным смехом, от которого у него кровь застыла в жилах, и медленно спросила:

— Какой еще ребенок?

Эмиль несколько раз открывал и закрывал рот, не в состоянии произнести фразу.

— Ре... ре...

Он смотрел на нее, внезапно перестав понимать что бы то ни было.

— Ре... Ребенок? Тот, которого... Мы решили...

Он не смог договорить, потому что Лора была пьяна, так пьяна, что перестала быть собой, и ее глаза плевались презрением ему в лицо.

Она произнесла очень медленно, чеканя каждое слово:

— Никакого ребенка нет, Эмиль.

— Как?

— Я не прекращала пить таблетки.

Его вдруг затошнило. Он ухватился за диван, чтобы не упасть.

— Что?

Она, шатаясь, направилась в ванную и закрылась там.

— Что? Но... Почему?

Он слышал, как ее выворачивает наизнанку. Тошнило его, а ее рвало. Он молил Бога, чтобы она солгала, чтобы это было неправдой. Почему она лгала ему все это время?

Когда Лора вышла из ванной, ей было так плохо, что она не помнила, где находится и что здесь делает. Он уложил ее на кровать, принес стакан воды и таблетку от головной боли.

— Это правда, что ты сейчас сказала?

Она кивнула. И через секунду уснула.

Назавтра, проснувшись, она заговорила первой:

— Мне очень жаль, я должна была тебе сказать... Я не могла.

Она уложила чемодан и сообщила:

— Я уезжаю к маме на несколько дней.

Она вернулась от матери уже не виноватой, но обиженной.

— Не предлагают сделать ребенка, чтобы не дать уйти. Ничего эгоистичнее я в жизни не слышала.

Она сказала ему, что уходит. Добавила, что думала об этом уже несколько месяцев и должна была сказать ему раньше, как и про таблетки. Но это бы ничего не изменило.

Дальше все развивалось очень быстро. Лора ушла. Он погружался в ад. Ребенок умер. Лора, их пара, его будущее, его жизнь — все умерло. И только одно он видел в кошмарах каждую ночь: Лору с ее маленьким выпуклым животиком, выплевывающую презрение ему в лицо.

— У нас есть какая-то программа на сегодняшнее утро?

Голосок Жоанны звучит за его спиной, когда он пытается выпить чай. Настроение с утра ниже плинтуса. На душе темно от воспоминаний о Лоре, об их последних месяцах вместе, в его квартире. Не надо бы пережевывать их снова, но это сильнее его.

— Нет. Нет, я... Мне надо закончить это чертово письмо.

Жоанна еще бледненькая этим утром. Солнечный удар не совсем прошел. Ее лицо под шляпой почти прозрачно.

— А тебе бы отдохнуть сегодня, — добавляет он.

— Мы куда не пойдём?

— Нет.

Он знает, что надо сделать покупки для похода. Им придется доехать до большого города в округе, чтобы найти магазин спортивных товаров. От этой задачи у него заранее опускаются руки. Завтра они этим займутся. Сегодня Жоанна должна отдохнуть, а он — написать письмо.

Снова слышен слабый голосок Жоанны:

— Эмиль, у нас... у нас нет больше воды.

— Как?

— В баке ничего не осталось.

Он даже не может разозлиться на эту новость. Усталость овладела им целиком.

— А.

— За стоянкой есть водоем, — добавляет Жоанна. — Думаю... думаю, можно им воспользоваться.

— Я схожу посмотрю. Тебе нужна вода сейчас?

— Нет. Я пойду вымоюсь в ручье. Надо еще кое-что постирать. Если... Если хочешь, я и тебе постираю...

Он силится взять себя в руки, преодолеть усталость.

— Да, спасибо. Подожди, я пойду посмотрю.

—

Жоанна сгребла под мышку тюк грязного белья. Она выходит из кемпинг-кара, чтобы идти к ручью.

— Не лучше ли тебе отдохнуть? Ты бледная.

— Нет, все хорошо. Холодная вода пойдет мне на пользу.

Она убегает. Видно, от мрачности, которая, наверно, сочится из всех пор его кожи. Она права. Он снова усаживается за складной столик перед новым чистым листом.

Он должен выкинуть из головы Лору, если хочет хоть что-то написать. Это невозможно. Она повсюду. Ее голос звучит у него в ушах.

— Что объяснить?

Ее злой голос. Слегка раздраженное лицо над чашкой кофе.

— Почему ты хочешь уйти.

Она заколола волосы в узел и вдела в уши две жемчужины. Губы были накрашены бледно-розовой помадой и выглядели фантастически. Но он не мог к ней прикоснуться. Она уходила.

— Мы больше не на одной волне.

В тот день она постоянно теребила колечко на пальце, перстенок, который никогда не снимала, даже ночью, когда спала.

— Мы на разных волнах, потому что ты только и думаешь, как бы уйти из дома!

— Не переворачивай все с ног на голову, Эмиль!

— Как мы можем быть на одной волне? Ты только и думала, как бы смыться отсюда и повеселиться! Мы встречались лишь мельком!

— Ты переворачиваешь все с ног на голову!

— Да что я переворачиваю?

Он кричал, не мог удержаться. Она была здесь, так близко, перед ним и в то же время навсегда недоступная.

— Я стала уходить, потому что мы больше не были на одной волне. Мне было легче убежать, жить от вечеринки к вечеринке, чем убедиться, что все кончено, что нам нечего больше делать вместе.

— Нет же, нам было очень хорошо вместе! Ты все испортила, вздумав выпендриваться на вечеринках!

Она встала из-за стола. Взяла сумку, направилась к двери.

— Нет, Лора, стой! — крикнул он.

Голос его сорвался. Он был раздавлен. Готов был ползать у ее ног, если понадобится. Она занервничала:

— Я пришла только ради тебя. Только потому, что ты хотел поговорить. Я пришла не для того, чтобы выслушивать от тебя гадости!

Он хотел поймать ее за руку, но она его оттолкнула.

— Извини меня, Лора, извини меня.

Она на несколько мгновений сняла свою маску раздражения, и он увидел грусть на ее лице. Он понял, что ей тоже больно, по-другому, но больно.

— Я хочу, чтобы ты мне сказала. Если у тебя кто-то есть... Я хочу знать...

Она вздохнула. Сделала над собой усилие, чтобы оставаться спокойной и доброй.

— Никого нет. Я тебе уже сто раз говорила...

— Ты не обманывала меня?

— Я не обманывала тебя.

— Ты бы мне сказала?

— Я бы тебе сказала.

— Тебе хотелось?

Она ушла от ответа. Сменила тему:

— Хочешь, пойдем посидим в кухне?

И он больше не задавал этого вопроса, потому что догадался, какой будет ответ. Они сели в кухне. Он обхватил голову руками. Было мучительное ощущение, будто он разлагается изнутри.

— Почему мы...

Он не смог договорить. Она переспросила:

— Почему мы — что?

— Почему мы больше не были на одной волне?

— Я думаю, что... Я думаю, что я была готова что-то построить, стать взрослой. Но ты — нет. Еще нет.

Он среагировал мгновенно, повысив голос:

— Ты врешь! Я согласился на ребенка!

Она грустно улыбнулась.

— Да. Ты согласился, но слишком поздно... и не по той причине.

Мама & папа, Маржо & Бастьен, Рено & Летисия и все
ваше потомство,

это письмо придет, по-вашему, слишком поздно (сегодня
пять дней, как я уехал), но для меня — слишком рано.

Я бы хотел иметь больше времени, чтобы его написать.
Мне самому еще не совсем ясно, что происходит в моей
голове, но я не мог заставлять вас ждать вечно...

Эмиль вынужден начать письмо, чтобы прогнать мысли,
возвращающие его к Лоре. Отпив глоток чая, он поспешно берет ручку,
чтобы не потерять нить.

Я готов составить список причин, побудивших меня
уехать. Это могло бы помочь вам понять и простить меня. Вы
сможете найти как минимум одну весомую для каждого из
вас. Первая и самая очевидная — я не хочу этих клинических

испытаний и не хочу помереть подключенным к электродам. Я не хочу быть лабораторной крысой. Если болезнь должна забрать меня, пусть заберет, но, ради Бога, пусть врачи оставят меня в покое!

Вторая причина, которая объясняет мое бегство, — я не хочу стать для вас обузой. Если бы я остался, было бы именно так. У вас есть другие дела. У всех.

Третья причина скорее имеет отношение к гордости и к эго. Так ли уж она похвальна? Не знаю. Но вот ведь, я не хочу, чтобы мой образ померк в ваших глазах. Я предпочитаю уехать (наверно, эгоистично), оставшись в вашей памяти таким, каким себя вижу: молодым, красивым, мускулистым, с большим будущим, энергичным, обольстительным (да, посмейтесь)...

Я не хочу впасть в маразм, не хочу, чтобы мне помогли вспомнить, как меня зовут, чтобы меня заново учили завязывать шнурки или варить яйца. Я не хочу запомниться вам жалким и уязвимым (особенно последний пункт). У меня есть гордость, как у всех. Я предпочитаю прожить последние месяцы вдали от ваших глаз.

Еще одна причина, более симпатичная: я всегда хотел предпринять это путешествие к природе!!! Рено, мы с тобой поклялись! У тебя еще будет время сделать это позже, с Летисией и мелким. А для меня — сейчас или никогда. Славно уехать, осуществив мечту;)

Я не хотел прощаний. Я трус. Это тоже одно из моих достоинств.

Вот как с этим письмом: это легче, чем телефонный звонок. Не знаю, позвоню ли я вам когда-нибудь, но писать буду, это точно. Во всяком случае, так долго, как буду помнить вас.

Я постараюсь написать по письмецу каждому в отдельности в ближайшем будущем. Но будьте снисходительны, мне нужно время, чтобы найти слова. Они появятся.

Теперь придется прослезиться, потому что я должен сказать, что люблю вас, что вам не надо обо мне тревожиться

и что я счастлив. Хоп, готово! Наберитесь терпения, следующее письмо придет очень скоро.

Обнимаю вас.

Эмиль

У него чувство, что он снова бежит, еще раз уклоняется от прощаний. Ладно, не важно. Через несколько месяцев его не будет. Оставшиеся договорятся со своими воспоминаниями, сами придумают достойное прощание и весомые причины.

Жоанна сидит по-турецки в воде, которая доходит ей до пояса. Она расстелила выстиранное белье вокруг на валунах. Услышав шорох его шагов по гальке, она поворачивает голову.

— Ты дописал свое письмо?

Он пожимает плечами. Вид у него хмурый.

— Да.

— Отправишь его сегодня?

— Или завтра. Когда мы поедем делать покупки для похода.

Повисает молчание. Он стоит на берегу, переминаясь с ноги на ногу. Он напряжен. Жоанна бьет руками по поверхности воды, летят брызги.

— Ты недоволен? — спрашивает она.

Он хмурит брови.

— Что?

— Ты недоволен тем, что написал?

— Да... Немного. — Он выдавливает подобие улыбки. — Это видно по моему лицу?

Ее лицо ничего не выражает, когда она отвечает:

— Да. Но ничего страшного, ты напишешь еще.

Он отвечает не сразу. Потирает шею, смотрит, как она плещет руками по воде.

— Да, но... У меня мало времени для этого.

На этот раз Жоанна поворачивается к нему. Подтягивает колени к груди, поднимает к нему свое бледное лицо.

— Потому что ты скоро умрешь?

Она спрашивает тихим голосом, но отчетливо, нимало не смущаясь. Ему это нравится. Он не спешит с ответом, садится на большой валун, снимает ботинки, носки и погружает ноги в прохладную воду.

— Нет. У меня есть еще время, прежде чем это произойдет... То есть, я думаю...

Несколько секунд он играет с водой, бьет по ней пальцами.

— Два года, — говорит она.

— Приблизительно.

— Два года — это достаточно, чтобы написать настоящее письмо, правда?

Она смотрит на него серьезно и выглядит совсем взрослой, не потерянной девочкой, как он думал в первые дни.

— Не в этом проблема.

— Не в оставшемся времени?..

— Нет.

— В чем же?

— В том, что я все забуду. Может быть, через полгода. Может быть, завтра. Так что я не знаю, будет ли у меня случай написать это письмо.

Жоанна поджимает губы, задумавшись.

— Да. В таком случае...

Она продолжает размышлять, чертя руками круги на поверхности воды.

— В таком случае ты должен писать понемногу каждый день. Как только тебе придет мысль... Что-нибудь, что тебе захочется сказать.

Он взвешивает сказанное, перекатывая камешки под ногами на дне.

— И посылать фрагменты письма по мере написания?

Жоанна качает головой.

— Ты не обязан их посылать. Это и не должно походить на письма.

Он хмурит брови, не понимая. Она продолжает:

— Это может быть просто дневник, который... который ты будешь заполнять словами по мере нашего путешествия.

— Словами, которые никогда не дойдут до них?

— Нет. Твой дневник до них дойдет.

— А как? Когда я забуду всю мою жизнь, я забуду и дневник, и кому он был адресован.

— Я могу его им послать.

— Ты?

— Да. Ты дашь мне адрес, и я обещаю послать им дневник, когда тебя не станет.

Он невольно морщится. Ему невыносимо слышать от нее прямыми словами, что он умрет.

— Ты можешь писать этот дневник и для себя, — добавляет она.

— Как это?

— Ты боишься все забыть.

— Да.

— Но у тебя будет все это, все эти забытые воспоминания в дневнике. Это поможет тебе вспомнить, когда ты... когда ты не будешь больше знать, кто ты и что здесь делаешь...

Этот разговор наводит на него тоску. Еще хуже, чем давеча, когда его одолевали воспоминания о Лоре.

— Мне не очень хочется говорить об этом сейчас...

— Хорошо.

Она погружает руки в воду, и они исчезают до локтей в потоке.

— Ты просто оставишь мне инструкции...

— О чем?

— Если я должна буду передать что-нибудь кому-нибудь.

— О... да.

Снова повисает молчание. У Эмиля набухает ком в горле. Ему нравится, что Жоанна свободно говорит о том, что с ним будет, что она не стесняется. Однако он теряется от легкости, с которой она это делает. Как будто смерть, его смерть — сущий пустяк, простая формальность в этом земном мире. Это хорошо, но в то же время смущает.

Потому он и бежал от своих близких, чтобы отделаться от этого: от уз, привязанностей, боли расставания. Легче умереть в присутствии незнакомки, которая смотрит на тебя равнодушно, легче ни к чему не быть привязанным, когда придет время. Но это смущает.

Он откашливается.

— Что касается инструкций...

Жоанна как будто удивлена, услышав его голос. Она, должно быть, погрузилась в свои мысли, далеко, очень далеко от ручья, его амнезии и его близкой смерти.

— Наверняка настанет момент, когда я буду не совсем в себе и захочу вернуться домой.

Она серьезно кивает.

— Я хочу, чтобы... я не хочу домой. Что бы я ни делал... даже если буду тебя умолять. Я не хочу, чтобы они видели меня таким.

Она не просит ни объяснений, ни причин, не выражает никакого удивления, не высказывает суждений, только кивает. Она здесь, чтобы получить инструкции и исполнить их в точности. Это их молчаливый договор.

— Хорошо.

Он с трудом сглатывает. Хорошо, что этот вопрос улажен. Завтра он отправит письмо. Может быть, купит блокнот для дневника. Там будет видно.

Жоанна проспала всю вторую половину дня. Она еще бледная, но сказала, что головная боль прошла. Когда она встала, он сидел неподвижно над своим письмом.

— Ты его перечитываешь?

Он качает головой.

— Нет. Я обдумывал эту идею с дневником.

Она не спрашивает, решил ли он купить блокнот. Нет, она задает совсем другой вопрос, застигший его врасплох:

— Как они тебе ответят?

Он молчит, только открывает и закрывает рот.

— У них нет адреса, куда тебе писать, — добавляет Жоанна.

— Нет. Но...

— Но?

— Я что-нибудь придумаю.

Это абсолютно ничего не значит. Это значит только, что он никогда не рассчитывал получить от них ответ. Он мотает головой, чтобы стряхнуть накотившее оцепенение.

— Мы вроде собирались наполнить бак водой?

— Да.

— Ну так пойдем займемся.

Жоанна легла спать рано. Мрачное настроение не покинуло Эмиля. Стало еще хуже теперь, когда стемнело и Жоанна спит. Парковка пуста. Кажется, они здесь одни. Он достал коробку из стенного шкафчика, ту, в которой лежат все фотографии. Весь день он вспоминает вопрос Жоанны о его письме. *Как они тебе ответят?* Он ломает голову, почему не подумал об этом, почему никогда не рассчитывал получить от них ответ. Хочет ли он его получить? Или нет? Может, боится пойти на попятный и вернуться в Роанн, если его получит? Или он чувствует себя уже слишком далеко от них, от жизни, чтобы хотеть оставаться на связи?

Он открывает наобум один из альбомов в коробке. Все страницы исписаны маминым почерком. На первом снимке как раз она, беременная до кончика носа. И подпись: *Мы ждем ребенка.* Рядом с фотографией кто-то нарисовал цветочек, наверно, Маржори. Значит, мама на снимке ждет его. Внизу страницы написано несколько слов. *13 марта: мы выбрали имена. Эмили, если девочка. Эмиль, если мальчик. Папа нервничает. Маржори сучит ногами. Только мама остается спокойной.*

Он водит пальцем по странице. Спрашивает себя, как бы реагировал он, если бы Лора носила ребенка. Сучил бы ногами? Нервничал? Или он никогда по-настоящему об этом не думал? Все, чего он хотел, — чтобы Лора осталась и чтобы она была довольна. Ребенок был только планом. Вульгарным орудием. Он переворачивает страницу с горьким вкусом во рту. Она права, он был последним эгоистом. Все, чего он хотел, — не дать ей уйти.

Первые снимки его младенцем. Вот он в роддоме. Вот сияющие родители. Крошечная Маржори склонилась над ним с любопытством. Ей было четыре года, когда он родился.

Эмиль листает страницы быстрее и берет другой альбом. Альбом его рождения не из самых забавных. Он, красный и щекастый, во всех возможных позах. Следующий альбом перепрыгивает на шесть лет вперед. Эмиль школьник, жгучий брюнет. Играет в баскетбол, катается на скейтборде. Находит птичку в кустах. Больше нет такого количества комментариев под фотографиями.

Маржори на снимках десять лет. У нее длинные темные волнистые волосы, веснушки. Она всегда рядом, держит его за руку, хочет нести его рюкзак. Эмиль помнит, что это его раздражало, когда он подросток. Сестра не отходила от него. Ему не нравилась ее назойливость. Однако долгие годы он на это не жаловался. Дома была как будто вторая мама. Она, пожалуй, считала его своей куклой, но это было приятно. Она все ему прощала, выполняла все его прихоти, хлопала над ним крыльями.

К десяти годам, может быть к одиннадцати, с него хватило. Он помнит мальчишек с их улицы. *Маржори и Эмиль — влюбленные.* «Уууу» звучало каждый раз, когда она брала его за руку. Рено ничего не говорил, но все остальные издевались. То она была «его возлюбленной», то он был «большим малышом мамочки Маржори». Маржори на это плевать хотела. Она гордо выставляла его напоказ перед подружками. «Вот мой младший братик». Она сажала его на колени, а он не знал, как себя вести, умирая от стыда под всеми этими устремленными на него взглядами. Он твердо решил избавиться от этого — она была слишком назойлива, а его достали дурацкие шуточки.

Эмиль помнит, что это было тяжело. Он бесцеремонно ее отталкивал, быстро уходил без нее после уроков. Она не понимала. Еще пыталась склеить обломки. Тогда он стал злее. Сказал сестре при всех ее подругах, что она некрасивая и толстая. В тот вечер он заставил ее плакать. Он слышал это поздно вечером в кухне.

— Мама... По-моему, Эмиль меня больше не любит.

Он хорошо помнит, что ответила мама.

— Да нет же. Он просто становится настоящим маленьким мужчиной. Ему нужна независимость.

— Но почему?

— Он должен научиться справляться сам. Это не значит, что он тебя больше не любит.

— Правда?

— Правда. Через несколько лет он сам к тебе вернется. Вот увидишь.

Эмиль знает, что сильно обидел Маржори. Он помнит, что после этого был долгий период, когда они стали почти чужими друг другу. Маржо было четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет. Она

встречалась с друзьями. Однажды он увидел ее с мальчиком. Они целовались, по-настоящему, с языками. Его от этого затошнило. Ей тоже понадобилась независимость. Ее маленький мирок стал вращаться вокруг нее, ее подруг и прыщавых пацанов, круживших рядом. Она часто ссорилась с родителями, он это помнит. Отец повышал голос. Маржори хлопала дверьми. Эмиль же смотрел на нее как на странный феномен. Он не узнавал свою старшую сестру, которую знал: такую добрую, такую заботливую. У нее были прыщи на лице и какие-то непонятные наросты на груди. Он смеялся над ними с друзьями. Они говорили: «Фу, жир нарос». Он отлично знал, что происходит с Маржори, но предпочитал строить из себя дурачка. Сейчас это вызывает у него улыбку.

Эмиль продолжает листать страницы. Вот Маржори гордо держит в руках свой диплом. Ей двадцать лет. Она получила высшее образование по банковскому делу. Эмиля заставили позировать рядом с ней. Ему шестнадцать лет, и на нем черная футболка, которая ему велика. В ту пору он снова стал смотреть на Маржори иначе. У нее закончился переходный возраст. Она уехала из дома учиться и опять была спокойной и ласковой старшей сестрой, которую он знал. Годы летели быстро. Маржори вышла замуж, забеременела близнецами... Эмиль листает дальше. Маржори в белом платье. Бастьен в галстук-бабочке. Маржори беременная. А вот он на снимке с близнецами. Когда Лора ушла и он опустился на самое дно, Маржори снова вошла в роль мамы. Она стала его опекать, но соблюдая известную дистанцию, уже без невинности их первых лет.

Сегодня она мама. Она больше не любит его всем своим существом, теперь дети заполнили ее жизнь. Вряд ли Эмиля это огорчает. Он думает, что это нормально, в порядке вещей. Он не заметил, как прошли все эти годы. Ему двадцать шесть лет. Через два года его не станет. Как можно так быстро потерять опору в жизни? Он закрывает альбом. На сегодня достаточно. Он чувствует себя вымотанным. Встает, подавив зевок, проходит мимо банкетки, где теперь обосновалась Жоанна, и взбирается по веревочной лесенке, еще думая о Маржори. Он напишет ей письмо. Завтра, или через две недели, или через полгода, но он это сделает.

— Двести восемьдесят евро, пожалуйста.

Они протягивают свои банковские карточки одновременно. Эмиль отталкивает руку Жоанны.

— Я заплачу.

Они ехали все утро в поисках магазина спортивных товаров и походного снаряжения. Когда смогли наконец припарковаться, солнце уже шпарило вовсю. Продавец водил их по отделам серьезно и с энтузиазмом. Он несколько раз повторил, что их поход будет «класс». Теперь они у кассы и закупили снаряжения на маленькое состояние.

— Знаешь, у меня достаточно денег, — говорит Жоанна, когда они выходят из магазина, нагруженные пакетами.

— Не парься.

— Я жила в служебной квартире... И у меня есть сбережения.

— Ну а я должен опустошить свой банковский счет, прежде чем умру, так что...

Он не ожидал ее улыбки, но она улыбается. И даже говорит:

— Хорошо. Но в следующий раз заплачу я.

Они направляются к кемпинг-кару. Жоанна вдруг останавливается:

— Можешь меня подождать? Я минут на десять, не больше.

Она показывает на торговый центр рядом со спортивным магазином.

— Тебе надо что-то купить? — удивленно спрашивает он.

Они купили еду быстрого приготовления в спортивном магазине, протеиновые батончики тоже. Вроде всего хватает.

— Да, пару мелочей. Я быстро.

Он думает, что ей, наверно, нужны какие-то женские штучки. Он почти забыл, как это — жить изо дня в день с девушкой.

— Там у входа почтовый ящик. Хочешь, я опущу твое письмо?

Он кивает. Конверт готов. Утром он написал адрес и наклеил марку. Нашарив письмо в своем рюкзаке, он протягивает его ей.

— Я скоро.

Он забирается в машину и разворачивает большую карту Пиренеев. Они пойдут по тропе Мулов, как советовала Хлоя. Тропа идет из Артига. Они снова оставят автомобиль на парковке у ручья. Это довольно спокойное место. Вряд ли его угонят... Кончиками пальцев он водит по тропе, по которой они пойдут. Надо бы отметить ее фломастером. Если вдруг у него случится провал в памяти... Он думает, что придется регулярно сообщать Жоанне о маршрутах, которыми он намерен следовать... Так надежнее, если память подведет.

Эмиль уже сложил карту и пристегнул ремень, когда вернулась Жоанна. Она несет небольшой прозрачный пакет, в котором лежит, кажется, книга. Он не решается спросить, что она купила, но Жоанна видит, как он бросает любопытные взгляды на ее пакет, и извлекает содержимое.

— Что это?..

И понимает, прежде чем она успевает ответить. Это две записные книжки в черных обложках.

— Я тоже буду вести дневник, — говорит она.

И достает из пакета две красивые ручки. Шариковые ручки из черной пластмассы с серебряными кончиками.

— Ох.

Он не знает, что еще сказать. Жоанна убирает блокноты и ручки обратно в пакет, кладет его себе под ноги и пристегивается.

— Мы потащим это с собой в поход?

Она пожимает плечами. Он откашливается и добавляет мягче:

— Спасибо за... блокнот.

Но она уже прижалась носом к стеклу и смотрит вдаль.

Они идут около двух часов. Эмиль потерял представление о времени. Возможно, память подвела его: он помнит, как они вернулись в машине на стоянку у ручья, как собирали рюкзаки (они были такие тяжелые, что Эмиль засомневался, сможет ли Жоанна нести свой), как наскоро пообедали (по тарелке макарон). После этого они отправились пешком к повороту, указанному в путеводителе, откуда начинается походная тропа. Желтая табличка гласила: «Пик Миди-де-Бигорр, по тропе Мулов, 2872 м, 4 ч. 30 мин.». Они пошли вверх по тропе вдоль водопада Ариз. Четверть часа спустя они были у хижин Трамзег,

старых каменных домишек. Оттуда уже виднелся Миди-де-Бигорр. Жоанна пришла в восторг. А потом — он не помнит... Они шли по тропе, следуя указателям. Эмиль шагал впереди, защищался от палящего солнца, приставив руку козырьком к глазам. Жоанна держалась сзади. Он спросил ее, не потому ли это, что ее рюкзак слишком тяжелый, но она ответила, что нет, ей просто нравится идти одной. На ней была черная шляпа, в руках палки, которые продавец ухитрился ей всучить. Эмиль их не захотел.

Он потерял нить после хижин Трамзег. Все, что он знает, — что они идут уже два часа, что солнце палит нещадно и вокруг отдыхают в траве коровы.

Он садится на валун и ждет Жоанну.

— Передохнем?

— Умираю, хочу пить.

Они достают фляги. Лоб Жоанны взмок от пота. На ней опять черные бермуды и один из вечных черных топов. Он хотел было сказать, что черное — не лучшая идея, но передумал. На ногах у нее новенькие походные ботинки. Они долго пьют маленькими глотками, утирают лбы. Потихоньку переводят дыхание.

— Что там? — спрашивает Жоанна.

Она указывает на каменную хижину, от которой остались одни развалины. Эмиль пожимает плечами. В его путеводителе об этом ничего не написано.

— Красиво, — говорит она.

Им идти еще больше двух часов, а уже пять. Эмиль думает, что они вышли недостаточно рано. Жоанна сегодня разговорчива. Она задает новый вопрос, перекатывая камешки носком ботинка:

— Почему эту дорогу называют тропой Мулов?

Убрав флягу в рюкзак, он отвечает:

— Там, на самом верху Миди-де-Бигорр, есть астрономическая обсерватория. Когда ее строили, продовольствие и строительные материалы доставляли по этой тропе. Носильщикам платили по весу. Они несли на спине до сорока килограммов. — Лицо Жоанны выражает лишь капельку удивления, слабо вздрагивает где-то на уровне левой брови. — Они шли в снегу, холодной зимой. Путь мог длиться до двенадцати часов. Многие погибли под лавинами.

Он медленно встает, морщась от боли. Наверное, уже натер волдыри на ногах.

— Пойдем дальше?

— Да.

Кажется, они встречаются людей по дороге на пик, но он не уверен, потому что погружен в свои мысли. Пожалуй, он понял, что хочет сказать Жоанна, когда заявляет, что ей лучше идти одной, и почему она уединяется, чтобы медитировать в поле. Погружаешься в себя и не вполне сознаешь, что происходит вокруг. Физическое усилие отпускает разум на свободу. Мысли крутятся в голове, но круговорот этот спокойный и безмятежный. В иные моменты едва сознаешь, что вообще думаешь. Тихонько всплывают воспоминания, встают перед глазами, не вызывая болезненных эмоций. Смотришь на них как будто издалека и по-доброму.

Вспоминается тот телефонный звонок. Его ночной звонок Лоре, когда она только что вернулась к матери и еще не перевезла свои вещи из его квартиры. Было два часа ночи, когда он позвонил ей. Она, кажется, рассердилась, но делала над собой усилие, чтобы оставаться вежливой.

— Что случилось?

Ее хватило на то, чтобы не спросить «что еще?». Почему он ей звонит? Почему не оставит ее в покое? Он хотел объяснений. И не хотел объяснений. Они его не устраивали. Он назвал ее лгуньей, даже гадкой лгуньей, из-за таблеток. В конце концов она взорвалась:

— Ребенок, ребенок, ты все валишь на ребенка! Да, я хотела его, а ты нет. Да, мы не смогли настроиться на одну волну. Но дело не только в этом, Эмиль!

Он набросился на нее.

— Да? Не только в этом? Была другая причина, все ясно! Был кто-то другой! Есть кто-то другой, я уверен!

Повисла долгая пауза, потом она заговорила совершенно ясным и отстраненным голосом, как будто ничто больше ее не трогало:

— Это не план завести ребенка провалился. Это ты сам.

— А, теперь ты будешь говорить гадости?

— Нет, ты себя видел, Эмиль? Ты тот же, все тот же. Ты никуда не движешься. Ты такой же, как на факультете, все тебе легко. Ты не сдвинулся ни на миллиметр. Ты ждешь, что все само придет. Тебе не

хочется расти, развиваться. Ты довольствуешься ерундой. Твоей маленькой жизнью, Рено, твоими друзьями...

Он заорал в трубку:

— А ты, что ли, лучше? Твои дурацкие вечеринки с дурами-подружками!

Она его даже не услышала и продолжала:

— Если бы ты не нашел эту работу у *моего* друга, так бы и ждал, что должность тебе упадет с неба!

— Какая богатая идея, а? Дерьмовая работенка в дерьмовой конторе!

— Да! Именно! Дерьмовая работенка в дерьмовой конторе! Для дерьмового парня, который не хочет менять свою дерьмовую жизнь!

Он чуть не задохнулся и выкрикнул что было мочи:

— Иди ты знаешь куда!

— Нет, ты же прав! В этом весь ты! Эта работа тебя достает, а ты не уходишь... Ты ничего не делаешь, чтобы хоть что-нибудь изменить. Ты довольствуешься твоей маленькой жизнью, не видя дальше собственного носа!

Он бросил трубку, чтобы не оскорбить Лору. После этого она заявила, что нечего больше объясняться. Объяснений было достаточно. Он увидел ее еще только один раз, когда она забирала вещи перед визитом к парикмахеру. Она, кажется, вздохнула с облегчением, оставив его позади.

— Это обсерватория?

— А?

Тонкий запыхавшийся голосок Жоанны повторяет:

— Это обсерватория?

Она показывает пальцем на железные конструкции, виднеющиеся наверху.

— Да. Наверно, она.

Эмиль останавливается и ждет ее. Она запыхалась, но держится, с огромным рюкзаком на спине.

— Ты права, здорово идти одному, — делится он, когда она догоняет его.

— Да.

— Это... Много всплывает.

Он спрашивает себя, чувствует ли она то же самое, слышит ли голос Леона, когда идет. Она кивает и поднимает к нему лицо. И произносит странную фразу странным голосом:

— *Настоящее открытие не в том, чтобы искать новые пейзажи, а в том, чтобы обрести новые глаза.*

Он хмурит брови, чувствуя себя глупо.

— Прости?

Она сдвигает шляпу, сползшую на лоб.

— Это Пруст.

Эмиль чувствует себя идиотом. Она, должно быть, читала гораздо больше, чем он.

— Хочешь, повторю?

На губах у Жоанны полуулыбка. Он кивает.

— Да... Давай...

— Настоящее открытие не в том, чтобы искать новые пейзажи, а в том, чтобы обрести новые глаза.

— Он хочет сказать, что...

Эмиль мнетя. Он боится снова показаться идиотом.

— Это значит, что наше с тобой путешествие — прежде всего внутреннее... Взгляд внутрь себя.

Теперь она идет быстрым шагом, смотрит прямо перед собой.

— Да, — роняет он.

Во рту у него пересохло.

— Чтобы видеть вещи новым взглядом?

Он ищет ее одобрения. Но лицо ее все так же невыразительно, когда она отвечает:

— Как ты сказал, многое всплывает, но теперь ты видишь это иначе, новыми глазами.

Жоанна только что открылась ему. Она знает, почему он идет, и сама идет по той же причине. Она ищет ответов, объяснений. Наверно, касательно Леона. Она надеется вернуться к нему с новым взглядом. Этим она поделилась полуправаком... В общем, так Эмиль думает...

Она снова поворачивается к нему. Дышит прерывисто от усилий. Шляпа опять сползла на лоб. Он видит только нижнюю часть ее лица.

— Еще одну я очень люблю.

Он кивает, подбадривая ее продолжать.

— *Величайший путешественник тот, кто смог однажды обойти самого себя.* Это Конфуций.

Ее губы растягиваются в улыбку. Боже мой, кажется, третья за три дня! Впервые он, пожалуй, понимает, почему Леона свела с ума эта странная девушка. Он постигает это, едва трогая кончиками пальцев, но постижение еще хрупко и вот-вот улетит. Еще расплывчато. Она поправляет шляпу и добавляет, как ему кажется, с ноткой лукавства:

— Это могла бы быть первая фраза твоего дневника.

Он невольно улыбается ей, даже с нежностью.

— Ты права. Это будет прекрасная первая фраза.

От видов захватывает дух. Они поневоле прерывают каждый свою медитацию. С путеводителем в руках Эмиль показывает Жоанне пик Неувьель, виднеющийся вдаль, перевал Санкур, который они миновали несколько минут назад, озеро Онсе ниже, прекрасного темно-синего цвета. Вскоре они подходят к большому каменному строению с красно-коричневыми ставнями и странной закругленной крышей. На табличке написано: «Гостиница Лаке». Рядом с ними останавливается пара, и мужчина объясняет своей спутнице:

— Видишь, это был приют для рабочих, которые носили стройматериалы для обсерватории.

— Но он ведь заброшен?

— Да. С двухтысячных годов. Провели фуникулер, и эту дорогу забросили. Но есть план восстановления. Ее хотят обновить.

— О!

Пара спокойно уходит, постукивая палками. Жоанна щурит глаза.

— Идем дальше? — спрашивает Эмиль. — До вершины всего четыреста метров. Мы дойдем быстро.

Но Жоанна застыла. Она делает несколько шагов к заброшенному строению.

— Кажется, дверь открыта.

Ей любопытно. Он идет за ней, тоже сощурившись. Действительно, дверь приоткрыта, ветер заносит внутрь соломинки.

— Думаешь, мы...

Он не успевает закончить фразу, Жоанна уже толкнула дверь, которая легко открывается. Она входит, и Эмиль за ней. Он сразу ощущает прохладу и слабый запах затхлости и пыли. Потом различает

в полутьме окружающее. Перед ними уцелевшая стойка, над которой еще висят цены на мороженое. Стены облупились, пол усыпан строительным мусором. Однако здесь, наверно, еще время от времени останавливаются туристы, потому что следы ведут в другие комнаты.

— Пойдем посмотрим? — шепотом спрашивает Жоанна.

Эмиль кивает. Он всегда мечтал оказаться в заброшенном доме. Он чувствует почти возбуждение, смешанное с опаской, где-то на уровне желудка, как в детстве. Строительный мусор хрустит под ногами. Жоанна ставит ногу на ступеньку деревянной лестницы в бывшем холле.

— Начнем сверху?

Она поднимается на ступеньку, вторую. Дерево скрипит, но не угрожающе.

— Там, должно быть, спальни.

Он идет за ней вверх по лестнице. Они оказываются в длинном темном коридоре, немного жутковатом. По обе стороны закрытые двери. Жоанна толкает одну. Здесь тоже пахнет затхлостью и сыростью. Это бывшая спальня. Железные остовы кроватей по-прежнему здесь, слегка проржавевшие. На одной еще лежит пожелтевший матрас. На подоконнике забытая подушка и бутылка из-под красного вина.

— Думаю, люди еще бывают здесь время от времени...

— Да.

— Мы можем здесь переночевать.

Жоанну явно не очень вдохновляет эта идея.

— Ммм, — мычит она. — Не знаю.

Они обходят остальные комнаты. Все это облупленные спальни. В одной еще валяется старый походный ботинок. Немногие оставшиеся матрасы воняют сыростью. Они спускаются вниз. В бывшей кухне неработающая плита, зияющий зев духовки. Рядом забыта газовая горелка. На хромоногом столе сохранились старая кастрюля и вилки. Они выходят в холл, к стойке. Жоанна морщит нос.

— Я предпочту поспать на свежем воздухе, в палатке.

Решительно, это ее фишка — когда ей что-то не нравится, она морщит нос.

— Нет проблем.

Снаружи на них снова наваливаются солнце и жара.

— Идем, мы почти пришли.

Они идут дальше. Вершина совсем близко, но, кажется, до нее никогда не дойти. С перевала Лаке открывается великолепный вид на долину и город Тарб. Здесь кончается тропа. Дальше надо идти по камням. С этой стороны даже не видно обсерватории, или только временами. Они перебираются через рельсы старого подъемника. Жоанне приходится несколько раз остановиться, чтобы перевести дыхание, но она не жалуется, молчит.

Наконец они ступают на бетонную эспланаду. Вот она, обсерватория со своими куполами, перед ними. Они не одни. Отнюдь. Здесь толпа. Сотни туристов сидят на террасах ресторанов, стоят у подзорных труб, у перил, фотографируя вершины. Толпами прибывают новые, выходя из кабинок канатной дороги. Таблички указывают астрономическую обсерваторию, купола, музей, отель, радиостанцию. Эмиль слегка огушен всем этим движением, этой сутолокой.

— Хочешь осмотреть все это? — спрашивает он Жоанну.

И вздыхает с облегчением, когда она качает головой.

— Нет. Можно просто полюбоваться видом.

Они подходят к перилам. Эмиль достает путеводитель, чтобы узнать возвышающиеся перед ними вершины. Со всех сторон до них доносятся обрывки фраз:

— ...самая высокогорная обсерватория Европы.

— Мы на высоте две тысячи восемьсот семьдесят семь метров...

— Там... гора Монте-Пердидо.

Они забываются в созерцании. Обходят обсерваторию, чтобы не упустить ни крупички этой панорамы. Сил больше нет. Они садятся прямо на землю на террасе Байо, напротив пика Неувьель.

— Придется спуститься. Мы не сможем заночевать здесь... Террасу скоро закроют.

Они наверху уже почти час. Солнце клонится к закату. Крики туристов все тише, все реже. Им всерьез пора устраиваться на ночлег. Но ни у него, ни у нее нет сил подняться.

— Хочешь, я возьму твой рюкзак?

Жоанна мотает головой. Эмиль, собравшись с духом, медленно встает с гримасой боли. Все его тело вопит.

— Спустимся немного ниже на ночь? — спрашивает Жоанна, глядя, как он поднимается.

— Да... Найдем ровное место, чтобы поставить палатку.

Он протягивает ей руку, чтобы помочь встать. Она со вздохом повинуется.

— Там были развалины каменного домика... ты помнишь?

— Да. Когда мы остановились попить?

Она кивает.

— Там будет хорошо заночевать. Поставить палатку.

— Среди развалин?

— Да... Они защищают от ветра...

Эмиль, задумавшись, пытается вспомнить, какое расстояние они прошли после этих развалин.

— Это час с лишним отсюда. Почти два.

— А!

— Можно попробовать, если у тебя еще есть силы...

Жоанна колеблется. В самом деле, они были прекрасны, эти развалины, затерянные среди гор.

— Знаешь что? — говорит он, ощутив всплеск энергии. — Мы это сделаем. Остановимся наполнить фляги в заброшенной гостинице. Поедим сушеных абрикосов. Это придаст нам сил, чтобы дойти до развалин.

Вид у нее счастливый, хоть она и не улыбается. Это видно по тому, как она кивает и ускоряет шаг.

Они быстро добираются до гостиницы Лаке. К счастью, водопровод работает, и можно наполнить фляги. Они едят сушеные абрикосы на крыльце, не садясь, — боятся, что не встанут.

По мере того как день клонится к вечеру, они ускоряют шаг. Народу на тропе мало. Час поздний даже для опытных туристов. Руки и ноги тяжелеют. Голова уплывает.

— Что она тебе сказала?

У Рено было встревоженное лицо. Эмиль позвонил ему днем, в рабочее время, и заявил:

— Лора уходит от меня.

Он покинул свой кабинет логопеда, как только смог, и примчался к Эмилю и Лоре. Эмиль открыл ему дверь с несчастным видом и покрасневшими глазами. Рено спросил:

— Она здесь?

Эмиль покачал головой.

— Нет, она уехала к матери.

Рено не знал, что Лора ушла уже неделю назад, но у Эмиля не хватало духу сказать об этом кому бы то ни было. Он просто не подавал признаков жизни, ожидая, когда что-нибудь произойдет.

— Что она тебе сказала? — повторил Рено несколько раз, прежде чем Эмиль смог ответить.

Они вдвоем сидели на диване в гостиной. Эмиль не смог ответить сразу, потому что не хотел упоминать о ребенке. Не хотел признаваться Рено, что воспринял это легкомысленно, что сам все испортил, проигнорировав Лору и ее запросы, что очнулся, когда было слишком поздно, когда он почувствовал, что теряет ее. Он не хотел признавать себя последним хамом.

— Я не понимаю... Вам было хорошо вместе...

Рено пытался подобрать безобидные слова. Эмиль пытался выстроить фразу.

— Она сказала, что... что мы больше не на одной волне.

Рено нахмурил брови.

— Не на волне?

— Да.

— Она почувствовала, что вы не совпадаете?

— Наверно. Она еще сказала что-то о том, что я не развивался все эти годы.

Повисло молчание. У Рено был сокрушенный вид. Он, казалось, задумался, искал слова. Он заговорил медленно, как будто обращался к совсем маленькому ребенку:

— Это... Это ужасно, но... Бывает, знаешь ли... Вы познакомились молодыми. Вы были всего лишь студентами...

— Как вы с Летисией...

Рено как будто не услышал последней фразы.

— Часто в паре развиваются по-разному, познакомившись совсем молодыми.

Эмиль настаивал:

— Вы с Летисией тоже познакомились молодыми... но она по-прежнему с тобой. Вы счастливы.

Рено отозвался грустно:

— Это другое дело...

Эмиль занервничал:

— Почему это другое дело?

— Это...

Рено, кажется, битый час обдумывал следующую фразу.

— Летисия... как бы это сказать... ее легче удовлетворить... в том смысле, что... ей не надо многого, чтобы быть счастливой. Стабильности и простоты ей достаточно.

Эмиль нахмурился.

— Не понимаю.

— Лора — она всегда была такой. У нее огневой темперамент. Ей не сидится на месте, она импульсивна. Ей все время надо больше, ей нужны перемены, новизна.

— И?..

— И она не удовлетворилась бы спокойными и уравновешенными отношениями, как Летисия.

Разговор вышел мучительный. Эмиль делал все возможное, чтобы держать себя в руках, не выказывать слабости. Рено был так же подавлен, как он.

— Что ты хочешь сказать? Что я никогда не смог бы ее удовлетворить?

— Нет... Дело не в тебе, старина. Я уверен, что ты был безупречен. Я думаю, что... ты или кто-то другой... этой девушке быстро все прискучивает, она не выносит стабильности...

Снова повисло тяжелое молчание. Эмиль заговорил с дрожью в голосе, Рено притворился, что этого не заметил:

— Какое-то время ей нравился покой, наша тихая жизнь в квартире. Ее это устраивало.

— Да... какое-то время.

Они уставились в телевизор, который тихонько работал фоном. Шла реклама ветчины.

— Ты думаешь, что это было неизбежно? Что она бы все равно рано или поздно сорвалась и ушла?

— Не знаю...

Рено повернулся к нему с искренним восхищением во взгляде.

— Я никогда не смог бы встречаться с такой девушкой. Летисия, она... Мне с ней спокойно. А таких девушек, как Лора, я боюсь. Я никогда не чувствовал бы себя на высоте.

Эмиль сглотнул.

— Да...

Больше он ничего не смог ответить.

Уже видны развалины. Жоанна почти бежит. Она сбрасывает рюкзак у камней и наклоняется вперед, упираясь руками в колени, переводит дыхание.

Он думал, они никогда не дойдут. Впереди тихонько садится солнце. Стемнеет не раньше чем через час, но небо уже расцветилось оранжевыми и розовыми бликами. Старые камни бывшей хижины окрасились золотом. Красиво. Даже дух захватывает. Вдали сбились в стадо на ночь коровы. Они лежат почти друг на друге, кучками в траве.

Жоанна осматривает развалины, входит в то, что осталось от хижины. Крыши нет. Стены кое-где держатся, но местами полностью обрушились. От дверей и окон остались зияющие провалы. Бетонный пол ровный, отлично, можно будет поставить палатку.

Они встречаются в центре этой старой хижины без крыши, среди строительного мусора. На лицах написан одинаковый восторг.

— Здесь хорошо, правда?

Жоанна кивает. Они не устают озираться и восхищенно молчат.

— Надо достать горелку...

— Да. Я займусь костром.

Эмиль чувствует себя усталым и грязным, он умирает от голода. И все же он никогда еще не испытывал такого чувства полноты жизни. Он собирает хворост, камни для костра. Поодаль Жоанна уже хлопчет над горелкой, их новенькая кастрюля стоит в шатком равновесии. Шляпу Жоанна сняла. Ее светло-каштановые волосы окрашены последними лучами солнца. Поэтому она кажется почти рыжей. Розовато-рыжей.

Эмиль складывает камешки и хворост в футболку, поднимает ее и идет к развалинам, медленно, чтобы ничего не уронить.

Костер загорается легче, чем давеча у ручья с Хлоей.

— Что ты нам готовишь? — спрашивает он Жоанну.

— Макароны.

Он кладет два больших плоских камня у костра — это будут кресла. Жоанна садится. Положив хлеб на колени, принимается его резать. Эмиль занимается сыром.

Они начинают есть хлеб с сыром, не дожидаясь, пока сварятся макароны. Едят медленно, глядя вдаль, на пейзаж. Не разговаривают. Эмиль едва не вздрагивает, услышав звяканье кастрюли о камни.

— Макароны готовы.

Они едят из пластиковых мисок. Солнце уже совсем село. В небе загораются звезды. Жоанна отодвигает миску. Встает, приносит свой спальник и садится на землю. Она взяла с собой блокнот и одну из ручек. Она сидит по-турецки спиной к нему. Предпочитает смотреть на горы. Она, кажется, ушла в свои мысли, но время от времени наклоняется и что-то записывает в блокнот.

Эмиль тоже встает и достает из набитого рюкзака спальник.

— Мы... мы не будем ставить палатку?

Жоанна оборачивается и пожимает плечами.

— Можно поспать и так. Небо чистое.

— Да.

Он ложится в спальник, скрестив руки под головой, глядя на звезды. Потрескивает огонь. Его одолевает дремота. Он вспоминает этот день, который, кажется, начался тысячу лет назад. Магазин спорттоваров, блокноты, подготовка рюкзаков, восхождение, бывший приют, купола обсерватории.

Он думает о прошлом, которое всплыло сегодня, после Жоаннинных цитат. Тот разговор с Рено на диване под бормочущий телевизор. Он не знает, почему его вспомнил. Довольно банальная картина. Лучший друг, пытающийся утешить брошенного кореша. Добрые слова, которые все повторяют в такие моменты. Типа *знаешь, это бывает...* Типа *дело не в тебе, старина. Я уверен, что ты был безупречен.*

Тем вечером он слушал Рено, но вполуха, толком не понимая смысл его слов. *Лора — она всегда была такой. У нее огневой темперамент. Ей не сидится на месте.* Он просто принял это за слова утешения, за попытку Рено снять с него часть вины за разрыв, немного облегчить его боль. *Летисия... как бы это сказать... ее легче*

удовлетворить... в том смысле, что... ей не нужно многого, чтобы быть счастливой.

Рено был, конечно, прав. Лора импульсивна. Ей прискучивает все, и очень быстро. Она всегда была вихрем. В студенчестве много ходила на вечеринки, придумывала эскапады. После учебы душой и телом ушла в работу. Это увлекало ее несколько месяцев, не больше. Потом она вбила себе в голову, что они должны съехаться. С увлечением искала квартиру, выбирала мебель, убранство. Была фаза, когда она перестала ходить на вечеринки, бросила бывать на людях, чтобы целиком посвятить себя их совместной жизни. Тогда он решил, что окончательно завоевал ее. Она беспокоилась, когда он приходил поздно, дулась, когда он встречался с друзьями, постоянно требовала любви. Потом... Потом все пошло на спад. Две ее подружки забеременели, и она заговорила с ним о ребенке. *Ей всегда надо больше, ей нужны перемены, новизна.*

Был ли Рено прав больше, чем сам думал? Он ничего не знал о ребенке, об этой идефикс, внезапно овладевшей душой и телом Лоры. Эмиль думал, что это каприз, но потом она ушла, и он бичевал себя. Он не понял, что Лора была такой, как говорил Рено. *Импульсивной*. С вечной жаждой перемен. Что, если бы он понял это с самого начала? Он винил себя в смерти их истории... А если он ошибся? Если ребенок был всего лишь капризом, Лориной прихотью, желанием внести перемены в свою жизнь? *Ты или кто-то другой... этой девушке быстро все прискучивает, она не выносит стабильности...* Она подняла эту тему в один прекрасный день, в вечер после тапас, а он ушел от вопроса, он был глупым и незрелым, он был не готов прямо сейчас к серьезному разговору, но она тоже неправа. Он не довольствовался малым. У него не было чувства, что их жизнь, их кокон, их моменты вдвоем, его друзья — это малое... Только она считала это пустяком.

Эмиль лежит в спальнике, глядя на звезды, и чувствует, как что-то внутри него отпустило, плечи уже не так тяжелы, сердце бьется быстрее, как будто он сбросил нечто, тяготившее его уже год.

Жоанна давеча была права. *Многое всплывает, но теперь ты видишь это иначе, новыми глазами.*

Он не в ответе за все свои страдания. Он не был единственным виновником разрыва, отложив на несколько месяцев это желание

ребенка. Он сделал все, что мог. Он пытался ее удовлетворить. На некоторое время это сработало. Но не навсегда. Лора была ненасытна. Он не знает, чего она ищет, нашла ли сегодня в объятиях кого-то другого или в себе самой. Он думает, что скорее в себе самой она что-то искала.

Эмиль глубоко дышит. Грудь вздымается и опускается в мерном ритме. Он жадно глотает воздух, как будто слишком долго был его лишен. Боже, как хорошо наконец дышать.

В конечном счете ему повезло. Лора приняла разумное решение, когда продолжала принимать таблетки, когда решала, что должна уйти, бросить его, а не ждать от него чего бы то ни было, чего ей следовало ждать от себя самой. Им обоим повезло. Ему повезло, что он сегодня вечером здесь, среди развалин каменной хижины. Повезло, что он отправился в это путешествие. В чем-то повезло узнать, что он скоро умрет. Иначе он никогда бы не собрался уехать, предпринять путешествие вглубь себя, увидеть все новыми глазами.

Он никогда не испытывал такого чувства полноты и благодарности Вселенной. Да, он умрет, но сегодня вечером он здесь и многое понял. Он не совсем уверен, но ему кажется, что он простил себя.

— Жоанна...

Он шепчет. Его голос едва ли громче треска огня. Он боится напугать ее. Она выглядит такой сосредоточенной над своим блокнотом. Даже не увидела, как он встал и прошел к своему рюкзаку.

— Жоанна.

Он произнес это громче. Она тихонько оборачивается.

— Да?

Пламя пляшет на ее лице, в волосах. От этого у нее слегка безумный вид.

— Я тоже начну свой дневник.

Она не спешит с ответом, смотрит на него, сидя по-турецки, с блокнотом на коленях. Тень улыбки мелькает на ее лице. Она другая без шляпы, прячущей ее в тени. Сейчас она более светлая.

— О... Хорошая новость.

Он откашливается. Ему слышится голос маленького мальчика, когда он открывает рот:

— Я не помню твою цитату... про путешествие... про то, как видеть себя новыми глазами.

— Ты хочешь написать ее в начале твоего дневника?

Она смотрит на него недоверчиво и тоже похожа на маленькую девочку.

— На обложке. Как заглавие.

Она кивает.

— Хорошая идея.

Она медленно встает и садится рядом с ним.

— Которую ты хочешь написать?

— Ты можешь мне их повторить... обе?

— Конечно.

Он уже не помнит, какая ему больше понравилась днем, но сегодня вечером, у костра, среди этих развалин, ему ближе вторая. Жоанна повторяет ее медленно, чтобы он смог записать целиком. Он старательно выводит красивые буквы.

Величайший путешественник тот, кто смог однажды обойти самого себя.

Он поднимает ручку, и Жоанна отходит.

— Спасибо.

Она снова садится поодаль. Теперь она больше не пишет. Поднимает лицо к небу и сидит молча. Что она делает, почему так долго смотрит в небо? Рассматривает звезды? Разговаривает с ними?

12 июля, 22 ч.

На тропе Мулов (пик Миди-де-Бигорр) у развалин каменной хижины.

Ночь ясная, небо звездное.

Я на первой странице этого дневника (идея Жоанны...). Меня не очень увлекает сам концепт, но я все же попытаюсь писать, хоть это и кажется мне девчачьей прихотью. Почему они так любят вести дневники?

Ладно, должен признать, в моем случае это скорее хорошая мысль. Шпаргалка, которая в дальнейшем послужит

мне и для писем. Действительно, оттуда, где мы будем, не всегда окажется возможным отправлять почту. Так что начинаю.

Сегодня пять дней, как я уехал. Меньше недели. А мне кажется, что прошла целая вечность. Четыре предыдущих дня были совершенно пустыми. Словно подвешенными во времени, в ожидании начала настоящего путешествия. Но сегодня оно началось. Мы припарковали кемпинг-кар, взяли рюкзаки и пошли. Отправились в путь по-настоящему.

Сегодня был тяжелый день. Не только потому, что мы долго шли. Скорее потому, что я много думал. Вечером мне пришла в голову безумная мысль, это со мной впервые: я даровал себе прощение. По отношению к Лоре. Это было как будто маленькое избавление. Я понял, что мы редко бываем снисходительны к самим себе. Я давно забыл, как это делается. И вообще, кажется, забыл, что можно любить себя. Это напомнило мне о списке причин, который я составил в письме к близким касательно моего отъезда. Их было три, оправдывающих это путешествие. Сегодня я могу назвать четвертую, которой я сам не признавал, но это, пожалуй, главная причина. Подвести итог. Подвести итог моей жизни, чтобы лучше подготовиться к уходу.

Говорят, что перед глазами умирающих проходит вся их жизнь, что они заново переживают самые яркие моменты. Не знаю, правда ли это, но каждому нужно вновь пережить прошлое, прежде чем уйти. Увидеть события новыми, более мудрыми глазами, по прошествии лет Понять (с большой буквы), простить, главное, простить себя. Я только в начале пути. Он еще долог. Я надеюсь, что дойду, что подведу итог моей жизни и уйду с миром.

Надо же, я уверен, что Жоанне очень понравилось бы это выражение — «подвести итог своей жизни». Она очень продвинута в цитатах. Кстати, цитата на обложке этого дневника — ее.

Итак, пятый день, только пятый, а я уже чувствую себя изменившимся, уже вижу вещи иначе. Я экспериментирую с новыми ощущениями: полнотой, благодарностью,

внутренним покоем. Может быть, на меня действует присутствие Жоанны. А может быть, я один прохожу этот путь. Как бы то ни было, сегодня вечером я счастлив. Небо прекрасного темно-синего цвета, мерцают звезды, потрескивает огонь, и мне очень, очень хорошо.

Эмиль задыхается и не слышит себя. Тревога слишком сильна, чтобы он мог слышать что бы то ни было. Он открыл глаза: дневной свет вырвал его из сна. Он увидел траву, камни, спальник на земле, остатки костра. Он одет. Он не понимает, что здесь делает и как здесь оказался. Он пытается вспомнить, выпил ли вчера вечером, столько выпил, что ушел куда-то на природу, сам не зная куда... Но голова не болит. И не тошнит. Господи, какого черта он здесь делает? В карманах ничего нет, ни бумажника, ни телефона. Он пытается сохранять спокойствие, глубоко дышать, но ему жутко. Он совсем один, неведомо где, и нет телефона, чтобы с кем-нибудь связаться. Что он делал? Может быть, его накачали наркотиками? Почему он один? Почему рядом нет Рено? Если он натворил глупостей, Рено обязательно должен быть здесь. Он должен появиться, с всклокоченными волосами, припухшими глазами, ошалевший. И сказать: «Старина, что мы с тобой делали? Чем ты меня напоил?»

Пытаясь оставаться спокойным, он садится. Болят ноги, колени. Боже мой, что они натворили? О чем думали? Паника нарастает, когда он замечает фигуру, лежащую у костра в нескольких шагах от него. Это спящая женщина. Он не видит ее лица, только светло-каштановые волосы, спутанные, рассыпанные вокруг головы. Кто эта женщина? Неужели он... он ощупывает свою одежду. Да, он одет. Но... Может быть, он все-таки с ней переспал? Откуда она взялась? Почему он переспал с этой женщиной и оказался где-то в горах? Ком в горле набухает, он задыхается. А Лора? Что он наделал? Где Лора? Она видела, как он ушел с этой женщиной? Как он сможет ей объяснить?

Тут он начинает по-настоящему задыхаться. И сам себя не слышит. Она никогда его не простит. Вдруг ему как будто вылили ведро ледяной воды на голову, в мозгу вспыхнуло: он больше не с Лорой. Лора ушла. *Больше не на одной волне. Ребенок.* Боже мой, он сходит с ума! Как он мог забыть это? Неужели все-таки наркотики?

Женщина в нескольких шагах от него приподнялась на локте. Ее разбудили его хрипы. Она выглядит встревоженной. Он не знает ее

лица. Разве что смутно. Он пытается поймать нить воспоминаний. Где-то он ее видел.

— Эмиль... что с тобой?

У нее ломкий, напряженный голос. Он пытается ответить, но только ловит открытым ртом воздух.

— Эмиль?

Она встает.

— Эмиль...

Жоанна. Это Жоанна! Она подходит ближе, присаживается на корточки рядом с ним. Он пытается собрать пазл. Воспоминания подобны вспышкам. Болезнь, приговор, объявление, отъезд. Все вспомнилось. Дыхание перехватывает. Вчерашнее чувство полноты улетучилось. Тревога поглотила его целиком.

— Что с тобой? Ты... у тебя астма?

Он только теперь замечает, что очень громко дышит, не может глубоко вдохнуть, что-то колотится в груди, руки дрожат. Кажется, он задыхается. Но это не астма. Просто паническая атака. Он качает головой. Пытается выговорить:

— Ничего... Это... ничего...

Дыхание постепенно выравнивается, и он отвечает на выдохе:

— Нет... Я просто... Я забыл, где нахожусь...

Лицо Жоанны хмурится от беспокойства. Ему больно видеть ее такой встревоженной.

— Это твоя память?

— Да.

— Это... это болезнь?

— Да.

Он пытается перевести дух. Сердце бьется уже не так часто. Окружающее меньше пугает. Все встало на свои места. Пазл собрался. Он вспоминает вчерашний поход, вечер у костра, дневник.

— Такое с тобой уже случалось?

— Не так.

Тревога не покидает ее лица. Брови сдвинуты, губы сжаты.

— Я... Я забывал разные бытовые мелочи, но ничего серьезного.

— А сейчас... это... Как это было?

— Полный провал.

Она пытается говорить успокаивающе:

— Ну, ты проснулся. Когда спишь в незнакомом месте, трудно сориентироваться.

Он решительно качает головой.

— Нет. Это было иначе. Это не... не просто пробуждение. Когда просыпаешься, это дело нескольких секунд.

— Да?

Он потихоньку переводит дыхание. Сердце почти вернулось в нормальный ритм.

— Нет, это было... Я думал... Я видел себя год, два года назад. Это было не смутно. Я был уверен, что вернулся на год назад...

Жоанна кивает.

— Это может быть от высоты, — деликатно замечает она.

— Нет.

Он сказал это твердо. Жоанна опускает глаза.

— Нет, ты прав.

Она тоже не привыкла прятаться от правды. Она даже добавляет:

— Это еще будет с тобой случаться. Все чаще. Потом каждый день.

Он согласно кивает.

— Мне очень жаль. Тебя это может напугать...

Он всматривается в нее, но лицо ее вдруг становится равнодушным. Давешний встревоженный вид исчез.

— Я знала, на что шла, когда ответила на твое объявление.

— Отлично.

Эти последние слова восстановили между ними дистанцию, стену, которую они слегка порушили за два дня. Жоанна встает и добавляет:

— Я просто... Если я смогу что-то сделать, когда... Когда это с тобой случится...

Эмиль пожимает плечами. Он не сознает, что вид у него теперь тоже совершенно равнодушный.

— Я сам не знаю...

— Подумай.

— Да. Хорошо.

— Это могло бы помочь.

— Я подумаю.

Он тоже встает и медленно направляется к горелке. Уже рассвело. Наверно, часов шесть или семь.

— Я... Я заварю чай. Ты хочешь?

— Да. Хочу. Спасибо.

Сегодня утром он пытается сосредоточиться на маршруте, только на маршруте. Ему не хочется думать о пробуждении и последовавшей за ним панической атаке. Они спускаются с Миди-де-Бигорр по другому склону, через перевал Санкур, потом по гребню Турмале. Ранним утром здесь спокойно. Они почти никого не встречают. Останавливаются редко. Друг с другом не разговаривают. Жоанна, должно быть, ушла в свои мысли, но он ни о чем не думает. Старается не думать. Боится, что паника накроет его во второй раз. С пика Миди-де-Бигорр они должны спуститься в Бареж. Им предстоит пройти больше тринадцати километров и спуститься на 1600 метров, зато сегодня они не поднимаются. Это легче. Они останавливаются на несколько минут полюбоваться озером Онсе и выпить по глотку, потом продолжают спуск. Большую часть пути они идут вдоль ручьев Онсе, здесь легче переносить жару. Когда тропа удаляется от ручья, их одолевают солнце и голод, и они решают остановиться. Находят уголок на траве в тени деревьев. Жоанна достает горелку. Эмиль приносит большое бревно, которое служит им скамьей.

Они едят рис, а Эмиль и колбасу, комментируя пройденный путь и путь предстоящий. У них осталось мало воды. После еды решено немного вздремнуть перед уходом.

Проснувшись, они отправляются дальше, по пути ищут родник. Они не сообразили купить фильтр или таблетки для очистки речной воды. Хлоя забыла им об этом сказать. Теперь им приходится жадно искать питьевую воду. В путеводителе Эмиля указан родник несколькими километрами дальше, на пересечении их тропы и ручья Мускер. Жоанне трудно выдерживать ритм. Она еле тащится метрах в двадцати позади Эмиля.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я понес твой рюкзак?

— Это просто от жажды...

— Я могу его понести. Тебе будет легче.

Она упрямо мотает головой. На пересечении с ручьем Мускер они, не в силах удержаться, заходят в воду, не заботясь о походных ботинках и одежде. Входят почти по пояс и стоят неподвижно, закрыв глаза.

— Ты уверен, что эту воду нельзя пить?

— Это рискованно...

— Сколько еще до ближайшего источника питьевой воды?

Они не встретили ни одной деревни, ни одного жилья с тех пор, как начали спуск. На этот раз вокруг дикая природа. И они предоставлены самим себе. Эмиль сверяется с путеводителем.

— Написано, в двух километрах.

Он видит усталость на ее лице. Она садится на выступающий из воды валун. Вид у нее измученный.

— Дай мне несколько секунд, и пойдём.

— Конечно. Как ты?

Он встревожен, потому что она приложила ладонь ко лбу.

— Голова кружится.

— От жары?

— От обезвоживания.

— Так оставайся здесь. Я сам наполню фляги.

Жоанна по обыкновению упирается.

— Нет... Мне нужно только несколько секунд.

Он не уступает. Не хватало еще, чтобы ей стало плохо.

— Оставайся здесь и отдохни. Знаешь что? Я оставлю тебе рюкзаки. Без них доберусь быстрее.

Он чувствует, что она колеблется. Ей не нравится мысль, что она дала слабину? Или она боится, что по дороге с ним случится новый провал?

— Я положу свой рюкзак под дерево, хорошо? Я вернусь меньше чем через час.

Она сдаётся.

— Хорошо.

Он не сказал ей, что тоже начинает чувствовать слабость. Во рту пересохло, язык стал шершавым, а когда он облегчился за деревом, моча была странно бурой. Обязательно надо найти воду, иначе они никогда не доберутся до Барежа.

Сегодня странный день, совсем непохожий на вчерашний. Медитация и восторг сменились физическим изнурением и страданием. Он совершил ошибку, войдя в воду в ботинках, и она стоит ему очень дорого. Волдыри лопаются один за другим, и обнаженная плоть вызывает у него болезненные стоны. Жара невыносимая, и временами ему хочется остановиться в тени дерева и хоть на несколько секунд уснуть. Но Жоанна ждет, у нее кружится голова, и он не должен мешкать.

Этот кошмар не похож на тот, что он пережил утром. Никакого провала, никакой душащей тревоги, но начало паники и полное изнурение. Родника нет. Он шел по тропе, пришел в указанное место и ничего не нашел. Решил, что свернул не туда на развилке. Вернулся назад, пошел по другой тропе, шел около двух километров, но все равно ничего не нашел. Он уже спрашивает себя, не умрет ли на месте. Кружится голова, перед глазами вспышки белого света. Эмиль так нервничает, что дышит тяжело и часто. Он поворачивает назад, чтобы вернуться к Жоанне. Споткнувшись в первый раз, он принимает это за неловкость, но во второй и третий раз понимает, что это короткие обмороки. Когда тропа снова пересекается с ручьем, он падает на четвереньки прямо на гальку и принимается лакать воду большими глотками. В точности как животное. Плевать, что можно подцепить амебу или что-то еще. Он просто хочет пить. Он никогда не представлял себе, как это хорошо — просто пить.

Он находит Жоанну там, где ее оставил. Она сидит на том же валуне. Эмиль стоит на берегу, сокрушенно опустив голову.

— Я думала, ты заблудился, — говорит она. — Прошло почти два часа.

Он даже не решается посмотреть ей в глаза, когда вынужден сообщить:

— Я не нашел воду. Указанного родника не было. Я вернулся назад, пошел по другой тропе, но воды не было. Нигде.

Она пожимает плечами.

— Я попила воды из ручья, Эмиль.

Она признается, как нашкодившая девочка. Плечи опущены, голос виноватый.

— Я не могла удержаться.

— Я тоже попил из ручья, — говорит он.

— О!

Он замечает полуулыбку, когда она констатирует:

— Мы не очень благоразумны...

— Да. Видела бы ты меня... На четвереньках в ручье... Я лакал, как пес.

Жоанна издает странный тихий звук, икоту, удивительно похожую на смех. Сдавленный смешок, которому словно трудно вырваться из ее губ. Наверно, она смеется нечасто. Он думает, что этот смех наверняка объясняется физической и нервной усталостью, но не важно, ему приятно, что она смеется. Он даже прыскает, вторя ей.

— Нам будет не так смешно сегодня ночью, когда прохватит понос.

— Меня это не пугает.

— Вот и хорошо. Меня тоже. Мы... мы можем превентивно полечиться рисом.

— Да... Это может помочь.

Проходит несколько секунд, и Жоанна с трудом встает.

— Надо идти дальше, да?

— Да. Теперь мы уже скоро дойдем.

Чуть дальше они выходят на дорогу и к подобию цивилизации. По крайней мере, есть машины. День потихоньку клонится к закату. Они должны были прийти три часа назад, но с этими поисками воды потеряли время.

— Я уже вижу крыши, — говорит Жоанна.

Деревня Барез видна вдаль. Они минуют табличку, которая это подтверждает. Продолжают молча преодолевать метры.

— Я умираю от голода.

— Я тоже.

Вот наконец и первое строение. Государственное управление Турмале. Строгая постройка, наполовину из камня, наполовину из кирпичей, примыкает к станции подъемника. Зимой здесь очень популярный лыжный курорт. Сегодня вечером пусто. На огромной

парковке стоят несколько грузовиков и кемпинг-каров, но ни следа присутствия человека поблизости.

— Надо пройти еще немного до центра...

К счастью, всего в нескольких метрах они видят шале: французская лыжная школа, бар-ресторан и общественный туалет. Дверь открыта. Они спешат наполнить фляги.

— Мы, наверно, уже близко.

Еще немного дальше они проходят мимо нового шале, более типичного, построенного целиком из камней. К нему ведет дорожка, тоже каменная. Табличка указывает: «Ресторан Кукель». Люди ужинают на террасе. Эмиль и Жоанна ускоряют шаг. Уже темнеет. Они идут по шоссе. На повороте появляются шале, потом путники снова оказываются отрезаны от цивилизации, когда дорога идет через сосновый лес. Кажется, они никогда не дойдут.

В небе загораются звезды. Табличка указывает, что они вошли в Бареж. Вот и шале. Все теснее. Все больше. Место совсем не похоже на Артиг. Это настоящий город, не деревушка, затерянная в горах. Сразу видно, что он был построен для приема туристов, приехавших покататься на лыжах. Шале большие, в несколько этажей. Много магазинов, банк, газетно-табачный киоск. Навстречу попадаются люди. Пешеходы, машины. Звучат голоса на террасе бара.

— Ищем тихое место, чтобы поставить палатку?

— Да.

Это оказывается труднее, чем они ожидали. Заасфальтированные улицы сменяются заасфальтированными улицами. Повсюду туристы, бары полны. Очевидно, курорт ухитряется жить туризмом и летом тоже. Жоанна никогда не жалуется. Однако сегодня вечером она, видно, совсем выбилась из сил, потому что говорит:

— Я больше не могу.

Уже десять часов, а они идут с утра. Эмиль чувствует, что тоже вот-вот рухнет.

— Смотри, вон там, если поднимемся по откосу...

За парковкой, вдоль главной улицы Барежа, высится поросший травой откос, ведущий к тропе на краю леса. Привередничать больше нет сил. Эмиль берет рюкзак Жоанны, чтобы она смогла подняться по откосу. Они взбираются, перелезают через деревянную ограду,

обозначающую пешую тропу, и, пересекая ее, подходят к опушке леса. Здесь будет отлично. Вдали от шума, туристов, посторонних глаз.

Жоанна падает на землю, еле шевелясь, достает из рюкзака горелку.

— Я займусь палаткой, — говорит Эмиль.

Он не знает, откуда они черпают последние силы, как ухитряются поставить палатку и приготовить макароны с томатным соусом. Когда они садятся с тарелками на коленях, оба понимают наконец, как устали. Они одинаково измученно выдыхают. Эмиль смотрит, как Жоанна ест. Никогда она не ела с таким аппетитом. Она жадно запихивает макароны в рот, облизывает пальцы. Она сегодня держалась молодцом. Наверное, вымоталась до предела, но не жаловалась. Он думает, что никогда не смог бы взять Лору в такой поход. Она бы ворчала и даже шантажировала его. Он так и слышит ее голос:

— Предупреждаю тебя, Эмиль... В следующий раз, когда ты меня так достанешь, я тебя брошу.

Он закрыл бы ей рот поцелуем, опрокинув на траву. Он замечает, что тоже ест с жадностью. Да, денек был еще тот. Голоса туристов на террасах баров доносятся до них, далекие, заглушенные пением цикад в лесу. Веет свежий ветерок.

— Ох!

Он слышит удивленный возглас Жоанны еще до того, как раздается взрыв.

— Что это...

Он вздрогнул, думая, что взорвалась петарда, но вдруг видит, как небо над ним окрашивается красным. Потрескивают красивые алые снопы. Второй взрыв раздается, когда он, в свою очередь, восклицает:

— Фейерверк!

Синий снап расцветает в небе. Ошеломленная улыбка расплылась на лице Жоанны, когда Эмиль поворачивается к ней.

— Сегодня тринадцатое... Это фейерверк в честь Четырнадцатого июля.

Она перестала есть. Поставила свою тарелку на землю. Лицо ее запрокинуто к небу, на нем написан безмолвный восторг. Она даже не слышит Эмиля. Он тоже смотрит в небо и снова начинает есть,

медленно и спокойно, а небеса расцветают всеми цветами радуги и разноцветными искрами.

13 июля, 23:50

Бареж, опушка леса у пешеходной тропы

У меня едва хватает сил держать в руке ручку, так я устал. День был долгий. Блэкаут, километры под палящим солнцем, ноги стерты до мяса, а в животе революция (надо же было пить воду из этого ручья...). Вечером мы съели наши традиционные макароны, глядя на фейерверк, и это то, что я хочу запомнить из сегодняшнего дня: фейерверк на опушке леса.

Не усталость, не стертые ноги и тем более не этот кошмарный запах пота, который въелся в кожу.

Продолжение следует завтра.

15 июля, 21 час с минутами (мои часы остановились)
Бареж, в лесу, чуть подальше от пешеходной тропы

Два дня, как мы остановились в Бареже. Мы перенесли наш лагерь на несколько метров дальше в лес, чтобы было спокойнее. Жоанна говорит, что видела зайца.

Вода в ручье была непригодной для питья, и наши кишки нам отплатили. Жоанне стало получше утром 14-го, мне же было только хуже. Я не мог ничего есть, и меня все время рвало. Жоанна настаивала, чтобы я показался врачу, но я уговорил ее подождать до завтра, авось само пройдет. Весь день она курсировала между чашей и палаткой. Собрала тонны колючек, заварила их в кипятке и заставила меня пить. Она уверяла, что это целебно и помогает от поноса.

Я ей не верил, но назавтра мне стало гораздо лучше. Я снова занялся нашим маршрутом, а Жоанна ушла на все утро. Она сказала, что посидит в кафе. Потом добавила, что ей надо зарядить свой мобильник. Я воздержался от комментариев. После обеда мы сходили в магазин, потом отдыхали: завтра отправляемся в путь. Бареж мне не понравился. Я буду рад уйти. Это лыжный курорт. Ничего больше. Нет обаяния старины и прелести Артига.

Сегодня вечером мы сходили в маленький супермаркет Барежа, чтобы приготовить праздничный ужин: сое из овощей с картошкой и бекон (для меня). Жоанна варит компот из персиков на десерт.

Это будет мое воспоминание дня: компот из персиков.

Они встали сегодня в шесть тридцать. Эмиль улыбнулся, сказав Жоанне, что они становятся опытными туристами. Ночлеги под открытым небом вынуждают их к более естественному ритму жизни.

Они ложатся с наступлением темноты, около половины одиннадцатого, а будят их солнце и пение птиц.

Сегодня они пойдут по походной тропе к озеру Глер и горному приюту возле него. Это место обязательно надо посетить в Пиренеях, настоящее горное озеро площадью два гектара и глубиной десять метров. Об этом Эмиль прочел в путеводителе. Жара стоит такая, что они договорились: надо провести некоторое время в прохладе на берегу озера. Озеро широко известно среди рыбаков. Говорят, там ловятся кумжи, американские гольцы и гольяны.

Дорога приятная, а от вида уже захватывает дух. Они идут по каменистой тропе в лощине. Вокруг зеленеют склоны, ровные, усеянные большими серо-белыми валунами. Когда облака рассеиваются, они видят свою тропу, которая вьется вдаль, то поднимается, то спускается, раздваивается, словно играет в прятки в лощинах.

После двух дней вынужденной неподвижности они счастливы снова идти. Жоанна сейчас шагает впереди, в одном из своих вечных черных нарядов, в неизменной шляпе на голове. Она подобрала длинную ветку, которая служит ей тростью, а палки отдала Эмилю. Он легко поспекает за ней и рад, что снова в дороге. Рад вновь увидеть дикие пейзажи. Сознает, что чем больше проходит дней, тем проще ему с Жоанной. Они почти не разговаривают, но с ней легче, она уже не отгораживается от него. Или это он... Он больше не придирается к ее молчанию, к невыразительному лицу. Он понял, что она такая и ничего не имеет против него. Да не так уж она и невыразительна. Несколько раз он видел ее улыбку, на днях она даже смеялась. Просто они привыкают друг к другу.

Пара туристов идет с ними в ногу и решает завести разговор. Они из Парижа. Здесь на каникулах. Они обожают Пиренеи. Им лет по тридцать. Туристы принимают Эмиля с Жоанной за пару, и у тех не хватает духу возразить. Слишком долго пришлось бы объяснять.

— А вы? — спрашивают они.

Эмиль туманно отвечает, что у них тот же случай. Мужчина представляется.

— Меня зовут Антони. Моя жена — Сильвия.

Они разговорчивы, что устраивает Эмиля, потому что Жоанна идет на несколько шагов впереди и ему не хочется поддерживать беседу одному.

— Нам очень нужно отключиться, оказаться вне системы на три недели в году. Мы всегда ультравключены. Вот, например, на работе... я инженер-компьютерщик, у меня два айфона только рабочих. И с Сильвией то же самое, ее работа ассистентки руководителя — сущий ад. Всем нужна отключка. Мы-то... скажем так, радикальнее других. Мы уходим без телефонов и теряемся в сердце Пиренеев.

Через некоторое время, видя, что Жоанна по-прежнему молчит, Эмиль ссылается на необходимость сделать привал и поесть.

— Нет проблем! Скоро увидимся в приюте!

Эмиль кивает. Он смотрит им вслед с облегчением. Жоанна останавливается, удивленная.

— Они уходят?

— Да...

Он ворчит с усмешкой:

— Спасибо за помощь.

— А?

— Ты оставила меня одного.

— Ты неплохо справлялся.

Он не знает, смеется ли она над ним, вид у нее серьезный.

— Вот так и подзаряжаются... Точно могу сказать, что они не подзаряжают других...

Жоанна все так же серьезна. Должно быть, погружена в свои мысли. Они отправляются в путь позже, когда пара исчезает вдали.

Они удивлены, что так быстро дошли до озера Глер и приюта. Еще едва ли полдень. Толпа туристов теснится перед необычным зданием. Три этажа, фасад ни полностью каменный, ни полностью оштукатуренный, ярко-красные ставни, металлическая служебная лестница, спускающаяся по спирали, ступенчатая крыша. Приют не вяжется с пейзажем, но, к счастью, есть озеро. Великолепной глубокой синевы, с совершенно гладкой поверхностью, оно внушает чувство абсолютной безмятежности. Оно достаточно большое, чтобы найти спокойное место подальше от туристов. Им не надо обмениваться ни

словом, вот они уже удаляются среди валунов в поисках безлюдного уголка у озера.

16 июля

Рено,

старина, позволь мне сказать тебе, что ты был неправ во всем... Ты никогда не догадаешься, где я и на что похож мой быт вот уже несколько дней. Ты думал, что мой план провальный, что никто никогда не ответит на мое объявление, разве что псих (ты даже упомянул сексуального маньяка), я счастлив сказать тебе, что ты во всем ошибался...

Меня немного удивила особа, которая откликнулась, и мне понадобилось несколько дней, чтобы привыкнуть к этой странной личности, но она не сумасшедшая, в этом я теперь уверен.

Представь, сейчас я на берегу великолепного горного озера на высоте 2153 м и чувствую, что я один в этом мире. У меня полный желудок. Я, наверно, вздремну, когда отложу перо. Мне не было так спокойно много лет. Как подумаю обо всех этих потерянных часах, когда я сидел в тесном офисе, пялился в комп, отвечал на бессмысленные мейлы... Я, в сущности, очень доволен, что заболел. Иначе я не был бы здесь, в массиве Неувьель. У меня никогда не хватило бы духу бросить работу. Лора права. Была во мне эта пассивность. Я довольствовался своей рутинной. Мне не хватало мужества. Но теперь я здесь, в своей стихии. Я живу в ритме природы, и с ума можно сойти, осознавая, что мы это потеряли...

Я путешествую не один, как ты знаешь. Со мной очень необычная девушка. Она на три года старше меня, но то кажется старше на десять лет, то выглядит маленькой девочкой. Она небольшого роста (1 м 57 см), вегетарианка (что за блажь!). Она очень молчалива. Никогда не жалуется. Мужественная. Может нести свой рюкзак много километров. Не могу сказать, что она мне нравится. Она не очень хорошенькая (так и слышу, как ты меня об этом

спрашиваешь). Во всяком случае, не такая, как Лора. Скажем так, она не соответствует привычным стандартам красоты. У нее нет гладких и блестящих волос. Ее волосы волнистые, не курчавые, но всегда спутанные. Она худенькая. У нее карие глуповатые глаза, которые она не красит. Скажем так, она могла бы быть красивой, но не хочет. Да и какая разница? Она спокойна и сговорчива. Она знает тысячу бабушкиных хитростей, умеет готовить лекарства на основе растений. Она медитирует. Да, садится в поле или на берегу речки и сидит неподвижно часами. Да, и еще она любит небо и звезды. Может подолгу сидеть, запрокинув голову.

В список ее странных штучек можно добавить, что она боится грозы и обожает фейерверк.

С ней мои дни текут спокойно. Мы идем, делим повседневные мелочи (стряпать, ставить палатку, наполнять фляги в ближайшем источнике, мыть посуду...), разговариваем мало. Я знаю, что кто-то регулярно ей звонит. Ее дружок. Знаю, что они в ссоре, и случайно подслушал один их разговор. В остальном практически ничего не знаю о том, почему она ушла.

Я надеюсь, что у тебя все хорошо, Летисия и мелкий в порядке, твой кабинет не пустеет. Надеюсь, что вы продолжали поиски и уже почти нашли дом вашей мечты. Я помню, ты хотел палисадник, чтобы упражняться в садоводстве по воскресеньям с утра. Надеюсь, что редкая жемчужина найдена. Если нет, то не сдавайся, у вас все получится! Я не знаю, когда это письмо дойдет до тебя. Может быть, не скоро, может быть, когда я уже уйду. Знай, что я много думаю о тебе (о вас).

Целую вас всех троих.

Эмиль

Он видит Рено в его студенческой комнатухе, бледного как полотно, отчаянно ломающего пальцы.

— У нее всегда такой строгий и сосредоточенный вид.

— Строгий?

— Да... Знаешь, губы поджаты. Я не решаюсь к ней приблизиться.

— Подойди, когда она закончит.

— Это невозможно! Она уходит из библиотеки очень быстрым шагом!

Эмиль едва удерживался от улыбки. С тех пор как Рено заметил эту девушку в библиотеке, он потчевал его бессвязными описаниями, лишенными всякой логики. *У нее светлые кудрявые волосы. Она пьет воду литрами. Всегда сидит в библиотеке с бутылкой воды. Она, наверно, на юридическом, на столе у нее лежал Гражданский кодекс. Думаю, она занимается спортом. Сегодня у нее была с собой спортивная сумка. Она левша. Ест злаковые батончики с миндалем.*

Так продолжалось неделями, а Рено еще не знал, как ее зовут. Эмиль уже отчаялся.

— Подойди к ее столу... Просто скажи, что часто видишь ее в библиотеке...

— И?

— И она поддержит разговор. Все произойдет естественно. Прекрати так паниковать.

— Поддержит... ты думаешь?

— Да. Или она не стоит того, чтобы ты на нее западал.

Рено запротестовал:

— Эй! Я не западаю!

— Да!

Он хотел запустить в него подушкой, но тут явилась Лора без стука, хлопнув дверью о стену.

— Совещание в верхах?

Она мимоходом поздоровалась с Рено и уселась на письменный стол Эмиля рядом с ним, Эмиль обнял ее за талию и поцеловал в волосы, в макушку, поймав завистливый взгляд Рено. Это пора было прекратить. Рено сбросил почти пятнадцать кило, он блистал на дефектологическом факультете, не существовало больше никаких причин чувствовать себя таким зажатым с девушками! Эмиль прыгнул со стола и встал перед другом, съжившимся на кровати.

— Чего ты боишься?

— Я... Ну... А что, если у нее есть парень?

— Ты этого не узнаешь, если не спросишь ее.

— Она выбросит меня, как грязный носок, если у нее есть парень!

— И?

— И больше я в жизни не подойду ни к одной девушке.

Эмиль попытался набраться терпения.

— Ладно... Знаешь, что мы сделаем? Пошлем Лору. Она заговорит с ней как ни в чем не бывало в библиотеке.

Рено ударился в панику. Он запротестовал:

— Что? Нет! Она, может быть, видела ее со мной!

Но Лора тоже прыгнула со стола и заявила:

— Класс! Обожаю секретные миссии! Эмиль, опиши мне ее, я завтра же подойду!

Рено еще пытался протестовать, грозил уйти и больше никогда с ними не разговаривать, если они вздумают это сделать, но Лора не уступала. И Рено в конце концов дал им полное описание девушки из библиотеки, ломая руки.

— Позвони Лоре.

— Она на занятиях.

— Позвони Лоре, говорю тебе.

Рено был на грани обморока. Они встретились в маленьком кафе, битком набитом студентами университета. Рено не притронулся к своему капучино с двойными сливками.

— Она будет здесь через десять минут, даже меньше.

— Она тебе не написала?

— У Лоры вечно садится батарейка. Или не садится, но она оставила телефон дома.

Рено не улыбнулся. Эмиль тяжело вздохнул и достал из сумки ноутбук — все лучше, чем выносить его панику. Он делал вид, будто переписывает начисто последний конспект по макроэкономике, пока не появилась Лора, не спеша, легкая и беззаботная. Рено чуть не бросился на нее:

— Ну что, ты ее видела? Ты с ней говорила?

Лора закатила глаза.

— Спокойно, Рено! Прекрати так нервничать!

Рено побагровел от гнева:

— Ох, нет! Не играй со мной в эти игры! Не томи меня ради своего удовольствия!

Она улыбалась дерзкой улыбкой, которую Эмиль стер с ее лица, сделав ей большие глаза.

— Не мучай его, Лора.

Она вздохнула и нехотя повиновалась.

— Она зануда, вот и все.

Рено перегнулся через стол, едва не опрокинув свой капучино.

— Так ты с ней говорила?

— Да.

Он чуть не хлопнулся в обморок.

— Она зануда? Почему она зануда?

— По сравнению с тобой, в конечном счете, не знаю, такая ли уж зануда...

— А?

— Да. Ты неплох в своей категории.

Она осеклась под мрачным взглядом Эмиля.

— Ладно, я пошутила...

— Расскажи ему. Что ты узнала?

— Закажи мне кофе.

— Лора...

— Я все ему расскажу, только закажи мне кофе.

Эмиль повиновался. Он не хотел, чтобы у Рено прямо за столом случилась паническая атака.

— Ну... С чего начать... Она твоя ровесница... Ее зовут Летисия.

— О...

— Что — о? Имя как имя...

— Лора! — прикрикнул Эмиль.

Не обращая на него внимания, она продолжала:

— Она учится на юридическом. Хочет стать адвокатом. Похоже, всю жизнь проводит за конспектами. Не очень-то с ней весело...

Рено кивал, игнорируя эти замечания. Его интересовало одно:

— У нее есть парень?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да, я спросила ее напрямую.

— *Что?*

— Я сказала ей, что один мой друг интересуется.

На этот раз Рено почти заорал:

— *Что?!*

Эмиль поспешил вмешаться, пока Лора не довела Рено до истерики.

— Это не трагедия, старина. Она ведь не сказала ей, кто ты, верно?

Лора подтвердила, к великому облегчению Эмиля.

— Нет. Я больше ничего не сказала.

— Вот и отлично. Теперь тебе остается только спокойно заговорить с ней в следующий раз, когда...

— Но тогда она поймет, что я тот самый друг!

— И...

— Она поймет, что это я интересуюсь.

— И? Разве это неправда?

Лора закатила глаза.

— Нет, это слишком. Я больше не могу... Лучше я вас оставлю.

— Что?

— Он кончит старым холостяком.

— Лора!

— Пока, мальчики!

Она встала, провела рукой по волосам Эмиля.

— Я выполнила свою миссию. Передаю тебе эстафету.

Она ушла с широкой улыбкой. Рено сидел весь белый. Помолчав, он спросил дрожащим голосом:

— Ты думаешь, что... Ты думаешь, я кончу старым холостяком?

Эмиль покачал головой и ответил безапелляционным тоном:

— Нет, потому что завтра ты подойдешь и поговоришь с ней.

Вечером Лора явилась в квартиру Эмиля и без предисловий сообщила:

— Я соврала.

Он не сразу понял.

— О чем?

— О Рено. Я сказала девушке, кто он.

Эмиль не знал, разозлиться ему или улыбнуться.

— Что? Но зачем ты это сделала?

Она забралась к нему на колени, уселась верхом.

— Потому что он никогда бы к ней не подошел. Ты это знаешь не хуже меня.

— А она? Она к нему подойдет?

Лора еще теснее прижалась к нему, начала целовать в шею. И пробормотала между двумя поцелуями:

— *Иншалла.*

Эмиль так и не сказал Рено, что сделала Лора. Рено постучался в его дверь два дня спустя, взволнованный, но куда спокойнее, со слабой улыбкой на губах.

— Я не знаю, поняла ли она, что я тот самый друг, о котором говорила Лора, но она сама подошла и попросила у меня мелочи, чтобы выпить кофе в автомате, но, знаешь... она никогда не пьет кофе, и мне показалось, что это надуманный предлог... чтобы заговорить со мной...

Эмиль заверил его, что похоже на то.

— А дальше?

— Я пошел с ней выпить кофе, и мы поговорили о том о сем... Она предложила ходить в библиотеку вместе... Она живет в моем кампусе.

— Вау!

— Не заводись.

— А я завожусь! Я завожусь, потому что ты ей нравишься! Но надо будет предложить ей свидание! Ты же не будешь ходить с ней от кампуса до библиотеки сто лет!

— Мы еще не... Еще не ходили вместе. Первый раз завтра.

— Ладно... Тогда я надавлю на тебя через неделю.

— Старина!

— Хорошо, через две недели... Я знаю, как ты любишь тянуть резину.

— Я больше не буду тебе ничего рассказывать!

— Ну и зря! Тебе не обойтись без моей помощи! У меня полно гениальных идей насчет свидания!

— Ну что?

— Что?

— Что Летисия?

Рено уткнулся в кружку с пивом, избегая темы. Они целой группой сидели за деревянным столом английского паба, куда ходили

по четвергам. Тут были университетские друзья Рено, университетские друзья Эмиля и друзья друзей, которых они не знали.

— Уже месяц вы ходите из кампуса в библиотеку...

— Ну и что? Нам хорошо.

— Ну, если вам хорошо, все на мази...

Эмиль не хотел доставать Рено этой идеей свидания. Он видел, как друг мало-помалу менялся, становился увереннее день ото дня, перестал нервничать. Он передумал. Он больше не хотел на него давить.

— Она пригласила меня пообедать у нее, — обронил Рено как раз в эту минуту.

Эмиль поперхнулся пивом. Стало быть, Летисия взяла дело в свои руки. Это было удивительно, но здорово, что эта девушка сразу поняла, как вести себя с Рено.

— Ее фирменное блюдо — мусака. Мы заговорили об этом по дороге на днях, и... Она предложила приготовить ее для меня на той неделе... у нее дома.

Эмиль умерил свой энтузиазм, чтобы Рено опять не ударился в панику.

— Это здорово!

Рено глупо улыбался, и Эмиль с испугом понял, что его друг уже влюблен.

—

— Ужин вчетвером?

Лору эта мысль определенно не прельщала.

— Но это идиотизм!

Эмиль не удержался от смеха.

— Это идея Рено... Ему будет приятно...

— Но зачем?

Лора лежала на маленькой кровати в студенческой квартирке Эмиля в одном белье. Она играла резинкой трусиков и жевала жвачку.

— Они наконец легализовались.

— То есть?

— Готово дело, они встречаются по-настоящему.

— Они спят вместе?

— Да.

— Что ж... Давно пора!

Он обожал ее шаловливую мордашку.

— Он хочет нас с ней познакомить.

— Я же ее уже видела!

— Лора!

— Что?

— Будь добра... Это ведь отчасти благодаря тебе, разве ты не хочешь видеть их двоих вместе и счастливыми?

Лора бесконечно длинно вздохнула.

— Она нудная...

— Летисия?

— Да. Нам будет скучно.

— Перестань. Не обижай Рено.

— Я не о нем. Я о ней.

— Ты пойдешь и сделаешь это для меня.

— Вот как?

— Да. Это решено. Одевайся.

Она вывела его из себя. Десять минут одевалась, потом захотела принять душ. Разделась, постояла под душем, снова оделась. Решила перед выходом сделать полный макияж. В общем, она была настоящей чумой в тот вечер.

Они пришли в пиццерию с опозданием на двадцать минут. Летисия держалась напряженно. Вид у нее был недовольный.

— Извините за опоздание, — сказал Эмиль, подходя к их столику. — Все это по вине мадемуазель.

Лора улыбнулась им своей кошмарной дерзкой улыбкой, и Летисия еще сильнее поджала губы.

— Привет, Летисия, я Эмиль. Очень рад с тобой познакомиться.

Это смягчило Летисию. Эмиль подумал, что она хорошенькая. Не в его вкусе, но мила.

— Привет, я тоже рада с тобой познакомиться.

Лора, в свою очередь, чмокнула Летисию.

— А мы знакомы!

— Да.

Парни ощутили легкое напряжение между девушками, едва заметное. В ожидании заказов Эмиль пытался поддержать разговор вопросами типа «Значит, ты тоже студентка?», «Откуда ты?», «Тыходишь в какую-нибудь студенческую ассоциацию?» «В кампусе тебе нравится?». Лора молчала, уткнувшись в меню. Эмиль потихоньку пинал ее под столом, но она не реагировала.

Принесли пиццы, и стало проще. Они заговорили о кухне, и даже Лора высказалась, заявив, что питается только замороженными полуфабрикатами и консервами. Оказалось, что Летисия увлекается кулинарией, и парни стали расспрашивать о ее фирменных блюдах. Лора даже постаралась сделать ей комплимент, сказав, как нелегко одновременно учиться и стоять у плиты. Эмиль чуть не поперхнулся. Он догадывался, что это всего лишь мера за меру и она еще потребует расплаты за эту минуту лицемерной доброты, но все же был ей благодарен.

— Не так уж было ужасно, правда? — спросил он Лору, когда они вернулись к нему в студию.

— Я выложилась по полной. Уверяю тебя... мне нечего ей сказать...

— Знаю, но ты сделала усилие. Спасибо, что ты постаралась.

— Я не собираюсь стараться каждую неделю!

— Знаю.

Рено же был в восторге. И заявил прямо противоположное:

— Надо бы встречаться чаще! В следующий четверг... Как насчет следующего четверга?

—

Приходилось пускаться на всяческие хитрости, чтобы затащить Лору на эти совместные ужины. Посмотреть с ней фильм ужасов, на который никто не хотел идти, накрасить ей ногти на ногах, приготовить еду на неделю... Взамен она соглашалась присутствовать и быть сердечной с Летисией. Случались и обломы. Время от времени Лора ухитрялась просачковать. Подготовка к экзамену (славная шутка!). Внезапный грипп. Все всё понимали. Кроме разве что Рено. Он сиял от счастья.

— Они хорошо ладят, правда? Супер, а?

Эмиль, как и Летисия, желал Рено только счастья, поэтому они оба упорно лгали ему в этом вопросе.

— Да. Здорово.

Эмиль не знает, куда девалась Жоанна. Она ушла прогуляться к озеру. Уже часа два назад. Он прилег вздремнуть в тени деревьев, потом услышал приближающиеся шаги. Он думал, что это Жоанна, но нет, это утренний тип. Антони. Он подходит, приставив руку козырьком к глазам, с широкой улыбкой.

— Эгей! Я так и думал, что это ты!

Эмиль вымучивает улыбку. Ничего, неплохо побыть в мужской компании.

— Я хотел пойти поплавать. Пойдем со мной?

— Да. Почему бы нет?

Антони кладет солнечные очки у ног и начинает раздеваться. Это ладно скроенный парень, который, наверное, много внимания уделяет своему телу.

— Твоей подружки нет?

Он имеет в виду Жоанну. Эмиль озирается.

— Нет. Она пошла пройтись вокруг озера, уже давно.

— Ты потерял ее из виду?

— Да. Я вздремнул после обеда.

Он не решается уточнить, что уже добрых два часа, как Жоанна исчезла. Парень задастся вопросом, что же он за дружок, а у него не хватит духу объяснить ему, что он не дружок, а просто попутчик, который скоро умрет, и что она согласилась его сопровождать, откликнувшись на объявление в интернете.

— А твоя... Где она?

— Сильвия?

— Да.

— Она нашла с кем поговорить. Нам полезно время от времени разойтись в разные стороны на несколько часов.

Антони снял всю свою одежду. Он в одних боксерах. Эмиль снимает ботинки и носки, и они осторожно входят в воду. Она прохладная, но не настолько, как он думал.

— Не всегда здорово путешествовать вдвоем, быть вместе двадцать четыре часа в сутки. Хочется иногда побыть наедине с собой.

Я называю это клапаном декомпрессии.

Они уже в воде по бедра. Эмиль кивает.

— Да, я понимаю...

— Я не знаю, так ли у вас.

Антони повернулся к нему, ожидая ответа. Эмиль пытается ответить как можно проще:

— Скажем, что... Да... Так же...

Они продолжают спокойно продвигаться дальше в воде.

— Она, во всяком случае, выглядит одиночкой...

— Да.

— Мало разговаривает.

— Да.

Антони ерошит волосы. Эмиль думает, сколько можно задавать ему вопросы о Жоанне.

— Ладно, пора и окунуться, — заявляет он.

— Я за тобой!

Они окунаются по шею, морщатся, потом Антони ныряет головой вперед, и Эмиль следом. Как же хорошо! Когда он выныривает, Антони уже плывет, удаляясь от берега.

— Давай за мной!

Оба плывут несколько десятков метров, больше ничего не говоря. Вдали какие-то мужественные туристы тоже в воде. Отсюда они кажутся не больше муравьев.

— Ты уж постарайся найти ее потом, — говорит Антони, обернувшись к нему.

— А?

— Твою подружку. Озеро не слывет особо опасным, но оно довольно глубокое... Достаточно ей столкнуться с большой рыбой и запаниковать...

Эмилю становится не по себе. Об этом он даже не подумал. Но, в конце концов, они не присматривают друг за другом постоянно... Им не надо друг перед другом отчитываться. Однако мысль, что она могла утонуть, тревожит.

— Она хорошо плавает?

Он отвечает, пожалуй, слишком уверенно:

— Конечно!

На самом деле он даже не знает, умеет ли она плавать.

Они плавают добрых полчаса, стараясь не слишком удаляться от берега. Антони время от времени показывает ему рыб колоссальных размеров. Они поговорили о спорте, потом Антони долго распространялся о своей утомительной жизни в Париже. Они выбирают на берег, когда жара уже спала и близится вечер.

— Вы остановились в приюте? — спрашивает Антони.

— Нет, мы в палатке. Разобьем лагерь вон там.

— О! Вы весь отпуск проводите в палатке?

— Нет. У нас кемпинг-кар, мы оставили его в Артиге. Через несколько дней вернемся туда.

Они возвращаются к сваленной в кучу одежде, большому рюкзаку Эмиля и красному Жоанниному. Но по-прежнему ни следа Жоанны.

— Ее нет, — констатирует Антони.

— Нет. Она скоро придет.

— Мы с Сильвией ночуем в приюте. Когда твоя подружка вернется, вы можете присоединиться к нам за ужином. Что скажешь? Мы приглашаем вас за наш стол. Будет славно.

— Да. Конечно.

Антони собирает с земли свои вещи, наскоро вытирается футболкой и ерошит волосы.

— Как бишь ее зовут? Кажется, она нам не говорила.

— Жоанна.

— Окей. Пойду приму душ, но приходи обязательно с Жоанной к ужину. Договорились?

— Договорились.

Антони удаляется, а Эмиль с тревогой смотрит на рюкзак Жоанны.

—

Он решил обойти озеро. Спрятал за деревьями их слишком тяжелые рюкзаки и отправился в путь. Ему встречаются туристы. Одни мочат ноги в воде, другие отдыхают в тени. Одного из них он решился спросить:

— Вы не видели молодую женщину, невысокую, в черной шляпе?

Мужчина качает головой.

— Нет. Извините.

Озеро слишком велико, чтобы он мог обойти его кругом. Через двадцать минут, махнув рукой, он возвращается к отправной точке. И правильно делает, потому что Жоанна уже вернулась. Он находит ее там же, где они ели и отдыхали после обеда. Она стоит, и вид у нее слегка растерянный.

— А, — говорит она, завидев его.

— Я тебя искал.

— Я ушла в другую сторону.

— А.

Он думает, что они оба выглядят идиотами с этими их ничего не значащими «а».

— Приходил Антони, мы поплавали.

— Антони?

— Утренний тип. Парижанин.

— А, да, понятно.

— Он приглашает нас на ужин вечером, с ним и его подружкой, Сильвией.

Он вглядывается в ее глаза, ища в них неодобрение или даже отвращение, но лицо ее по-прежнему ничего не выражает.

— Хорошо.

На закате они направляются к приюту. Ради ужина Жоанна сняла шляпу. Они решили принести пару банок сардин и камамбер, чтобы не приходиться с пустыми руками. Эмилю еще с трудом верится, что Жоанна согласилась на этот ужин с Антони и Сильвией. Интересно, как она будет вести себя с ними? Она все-таки немного странная. Он уже привык к ее чудачествам, но не знает, как отреагируют те двое. Пейзаж вокруг великолепен. Горы залиты солнечным светом, а озеро отликает оранжевыми бликами. Кажется, будто все охвачено пламенем.

— Мне еще трудно осознать, где я нахожусь, — говорит Эмиль, указывая на вид вокруг.

Жоанна кивает. У нее странное выражение лица, похожее на улыбку, но не улыбка.

— *Пейзажи были смычком, игравшим на моей душе.*

Эмиль останавливается с банками сардин в руке. Он сам не знает, что удивляет его больше. Красота пейзажа вокруг или эти слова, слетающие с губ Жоанны всегда в такие моменты, когда он меньше всего этого ожидает.

— Вот как, — выдыхает он, застыв посреди дороги.

Она вопросительно поднимает брови.

— Думаю, мне придется привыкать...

— К чему?

— К твоим цитатам.

Она тоже остановилась на дороге. На лице ее довольная улыбка. На этот раз настоящая.

— Тебе нравится?

— Очень. Кто на этот раз?

Ее лицо залито золотистым светом закатного солнца, что еще подчеркивает нереальность ситуации. *Эта девушка — поэма*, думает Эмиль.

— Стендаль.

Несколько секунд он молчит в нерешительности. Он не знает, что ответить, не испортив красоты сказанных ею слов. Наконец у него вырывается:

— Ты, наверно, читала немало книг.

И он думает, не успев произнести эти слова, что действительно испортил красоту момента. Он-то что угодно, только не поэма. Он — вульгарная банка сардин, как та, которую он держит в руке. Жоанна изысканна, как закат солнца, а он прагматичен, как банка сардин.

— Большинство моих цитат я знаю от отца.

— Он много читал?

— Очень.

Они по-прежнему неподвижно стоят на дороге. Он с сардинами в руках, она с камамбером среди охваченных пламенем гор.

— Люди считали его деревенским дурачком.

— О?

— Он слишком от них отличался. Вот они и решили, что он дурачок.

Она говорит это без грусти. Просто констатирует.

— А на самом деле он много читал, да?

— Он интересовался множеством вещей. Они могли бы многому научиться, живя рядом с ним.

Эмиль кивает. Он думает, что повел себя с ней в точности как люди из деревни. Слишком быстро занес ее в категорию сумасшедших. Она чертовски отличается от девушек, которых он знал. Он и не догадывался, что может многому у нее научиться.

— Да. Мы иногда тупим... Смотрим только на внешнее...

Жоанна ничего не отвечает, и они потихоньку идут дальше. Эмиль рад, что разделил с ней этот момент. Это будет воспоминание дня, то, что он запишет вечером в блокнот.

— А, вот и вы!

Общая комната приюта полнится разговорами и смехом. Жарко и душно. За длинными столами разместилось не меньше сотни туристов. Приют набит битком. Разгар сезона. Стол, за которым сидят Антони и Сильвия, занимает группа итальянцев, они разговаривают и смеются очень громко.

— Садитесь, мы подвинемся.

Оба явно рады их видеть. Они что-то говорят соседям-итальянцам, и все сдвигаются, освобождая им местечко напротив Антони и Сильвии.

— Не надо было ничего приносить, — говорит Антони.

— Не приходите же с пустыми руками, — возражает Эмиль.

Он ждет, пока Жоанна протиснется между скамьей и столом, и садится рядом.

— Так ты все-таки ее нашел? — спрашивает Антони, подталкивая к ним два пластиковых стаканчика с вином.

— Жоанну?

— Да.

— Ну да, как видишь.

— Вы поставили палатку?

— Да. Нашли защищенный от ветра уголок на берегу озера.

— Здесь это разрешено? — спрашивает Сильвия.

— Не думаю. Но никто особо не придирается.

Она корчит гримаску и становится похожа на ребенка.

— Боюсь, я бы не смогла... Обходиться без душа и нормального туалета — это не мое...

Уставившись на Жоанну, она ждет реакции, улыбки женского взаимопонимания, но та пожимает плечами со своим обычным равнодушным видом.

— Мы моемся в озерах и речках.

Ответы кажутся ясными и совершенно очевидными в ее устах.

— Но это совсем не то...

— А?

— Да... Как насчет геля для душа, например?

— Мы пользуемся мылом «Алеп». Оно многофункциональное.

Сильвия с сомнением поджимает губы.

— Во всяком случае, — говорит она, — вы нашли друг друга. Немногие женщины готовы путешествовать вот так.

Эмиль торопится сменить тему. Он не хочет опять бормотать ответы об их якобы паре и их якобы каникулах влюбленных. И начинает тараторить:

— Этот приют довольно удивительный... Я хочу сказать, внешне... он немного похож на метеостанцию... А потомходишь и понимаешь, сколько здесь народу...

Он надеется, что Антони поддержит отвлеченный разговор. Это работает.

— Да. Похоже, здесь всегда аншлаг. Он рассчитан на девяносто человек, но надо бронировать быстро. Мы озаботились еще в феврале.

Сильвия тоже попадает в эту ловушку.

— Да, я все заказала на «Букинге» в начале года. Люблю делать важные вещи заранее. Это у меня от моей работы.

Комната гудит разговорами на всех языках. Здесь итальянский, поодаль испанский и английский. Там немецкий. Они открыли бутылку вина. Жоанна замкнулась в молчании, но время от времени кивает и будто бы участвует в разговоре. Антони, Сильвия и Эмиль обсуждают маршрут, походное снаряжение, бытовые проблемы...

— Используй глину для волдырей, Сильвия мне ее наложила, и стало гораздо лучше.

— Глину?

— Она дезинфицирует, рубцует, останавливает кровь и оказывает противовоспалительное действие. И, вишенка на торте, регенерирует кожу.

Эмиль уверен, что Жоанна все это знает. Но она молчит.

— Сильвия купила нам специальные носки, без швов... Это гениально!

— Вот как?

Все едят с аппетитом. В комнате так жарко, что они пьют больше разумного. Антони достал фотоаппарат и показывает на экране снимки с их предыдущих этапов: Вискос, Сасис, две типичные пиренейские деревни, перевал Риу... Теперь они хотят подняться на пик Неувьель, потом спуститься к озеру Кап-де-Лонг.

Они возвращаются к палатке поздним вечером, с облегчением оставив позади гул голосов и жару. Антони и Сильвия славные, но слишком много болтают. Эмиль понимает, как ему, в конечном счете, повезло, что попалась такая молчаливая спутница.

Они уже у палатки. Жоанна, повернувшись к нему спиной, садится на корточки и расстегивает молнию. Она ныряет внутрь палатки. Эмиль слышит, как она роется в своих вещах.

— Что ты делаешь?

Она отвечает, только вынырнув со своим спальником под мышкой.

— Я пойду лягу у воды.

Медленными шагами она направляется к озеру.

— Спокойной ночи, — говорит она, обернувшись.

— Спокойной ночи...

Он пытается лечь в спальник внутри палатки, но сон не идет. Со своего матраса через открытый матерчатый полог он видит сидящую на берегу Жоанну. Опять она смотрит в это чертово небо. Господи, что у нее на уме? Как бы ему хотелось это знать... Он медленно выползает из палатки и направляется к ней.

— Можно? — спрашивает он, показывая на траву рядом.

Она кивает, и он садится подле нее. Принимается играть травой, не зная, что сказать. Жаль, что они так мало разговаривают. Он откашливается.

— Немного же мы с тобой разговариваем, — шепчет он наконец.

Жоанна пожимает плечами. Он готов был держать пари, что она пожмет плечами.

— Мы говорим, о чем полезно говорить. Вот и все.

Он удивлен мягкостью ее ответа, которая не вяжется со словами. Нерешительно, но он продолжает:

— Может быть, но... Просто... Меня бы успокоило, если бы я понял, почему ты здесь...

Она упорно не оборачивается, глядя на неподвижную воду.

— Чем это бы тебя успокоило?

— Скажем... Я бы знал, не собираешься ли ты слинять в одночасье... во всяком случае, был бы к этому готов.

Он попытался сказать это как бы в шутку. Жоанна отвечает спокойно:

— Я не уйду.

— Откуда мне знать?

— Я тебе говорю.

Он снова видит ее, сидящую на валуне у ручья. Слышит ее голос, телефонный разговор. *Я... Я не знаю. Я тебе уже сказала... Месяц, полгода, год... Мне нужно время...*

— Так тебя никто не ждет? — спрашивает Эмиль.

Он не хотел этого тона, такого подозрительного. Жоанна резко отворачивается. Он боится, что все испортил.

— Я не уйду, обещаю тебе.

Она на самом деле не отвечает на вопрос. До этого вечера он не сознавал, что это его беспокоит, но он сказал правду. Он боится, что она уйдет. Он хочет удостовериться.

— А Леон?

Лицо Жоанны мгновенно замыкается. Как будто черная вуаль накрыла его.

— *Что?*

Голос, однако, выдает, как сильно ее волнение.

— Откуда ты знаешь?.. — бормочет она.

Эмиль не может признаться ей, что слышал телефонный разговор. Она подумает, что он за ней шпионил. Он разом потеряет все ее доверие. Она еще, чего доброго, решит уйти немедленно. Он предпочитает сыграть на другом поле.

— В тот раз... Ночью, когда у тебя был жар... Ты произнесла его имя...

Ничего не читается на ее лице. Ни облегчения, ни смятения. Она полностью овладела своими эмоциями.

— Ты можешь не беспокоиться о Леоне. Я останусь до конца путешествия.

Опять она уходит от вопроса. Это обидно.

— Он... Он твой парень?

Он видит ее стиснутые челюсти. Она теряет терпение. Он чувствует, что зашел слишком далеко.

— Это был мой парень.

— Ты ушла от него?

— Да.

— Окончательно?

Она медлит с ответом. Он знает правду. Солжет ли она ему?

— Нет.

Он вздыхает с облегчением. Что бы она ни решила сделать потом, сдержать свое обещание или уйти, теперь он знает, что она ему не солжет. Она кристально честна.

— Значит... Он тебя ждет... но ты останешься здесь?..

Снова молчание, снова колебание. Ему неприятно тянуть из нее ответы клещами.

— Да. Он сделал кое-что непростительное.

Эмиль так удивлен откровением, что не решается больше сказать ни слова. Она продолжает:

— Думаю, это все, что тебе нужно знать. Я ушла, потому что не могу больше жить рядом с ним после того, что он сделал.

Эмиль молча кивает. Это хрупкое мгновение. Он не хочет все испортить.

— Может быть, я когда-нибудь вернусь. Может быть, нет. Если вернусь... думаю, мне понадобятся годы.

Он снова кивает. Больше они ничего не говорят, ни он, ни она. Они сидят неподвижно, уставившись на луну, отражающуюся в озерной глади. *Он сделал кое-что непростительное. Я ушла, потому что не могу больше жить рядом с ним.* Действительно, это все, что ему нужно знать.

Их вчерашний разговор пошел на пользу. Сегодня ночью они спали рядом в палатке. До сих пор Жоанна устраивалась снаружи. Она говорила, что предпочитает спать под открытым небом, мол, не любит

над собой крыши. Говорила наверняка правду, но дело было не только в этом. Ведь сегодня ночью она спала рядом с ним.

Они завтракают, глядя, как солнце заливает все вокруг. Белые вершины. Озеро простирается насколько хватает глаз. Первые искорки солнечного света на воде. Розовые и оранжевые рассветные блики. Гладкие круглые камни. Это сюрреалистическая картина. И ни звука, кроме пения птиц и шелеста ветра в ветвях. *Пейзажи были смычком, игравшим на моей душе.* Эмиль вспоминает вчерашние признания Жоанны. *Кое-что непростительное.* Это наверняка серьезнее, чем просто измена. Это наверняка очень серьезно. Жоанна всегда взвешивает каждое слово. Жоанну мало что шокирует. Даже смерть. Она считает, что многие несчастья составляют часть жизни. Ко всему относится философски. Что же он мог сделать? Может ли это иметь отношение к ее отцу? Тот, похоже, был очень важен для нее. Эмиль продолжает размышлять, глядя, как она ест. Почему она никогда не злится? В том телефонном разговоре с Леоном она не кричала. Оставалась спокойной. А ведь он сделал что-то непростительное. Что-то, что заставило ее бежать на годы...

— Отправимся дальше сегодня? — спрашивает Жоанна, подняв нос от миски.

Он доедает кусок хлеба, прежде чем ответить.

— Да... Как думаешь?

— Годится.

— Собираемся и складываем палатку?

— Да.

— Эмиль... Эмиль, вы меня слышите?

Бип. Бип. Бип. Мерный и довольно приятный звук. Как дыхание. Или биение сердца. Вот только это бипер. Слева какое-то движение. Шуршит ткань. Голоса кажутся далекими или шепчут:

— ...сколько времени?

— ...привезли сегодня утром... без сознания уже час... девушка в коридоре...

— ...позвать?

— ...должна найти его удостоверение личности...

Бессмыслица. Какой-то совершенно несуразный сон. Он никак не может вынырнуть, окончательно проснуться. Он чувствует себя очень тяжелым, и, кажется, все болит, но это, наверно, действие сна.

— Эмиль... Эмиль... Вы меня слышите?

— Он приходит в себя?

— Кажется... Посмотрите на его веки.

Он слепнет. Словно от яркой вспышки. Он попытался открыть глаза. Белые стены. Ослепительный свет. Люди в белых халатах. Его глаза закатываются. Сейчас он снова провалится в черноту. Он уже уплывает, но сердце вдруг сжимается. Что это было? Белый цвет. Халаты. Он чувствует, как ускоряется пульс. Где он? Что он здесь делает? Он не должен был... Он пытается бороться с навалившейся тяжестью. Пытается уцепиться за лязг тележки на колесиках, за звяканье металлических инструментов. Нельзя засыпать. Он не должен быть здесь. Что с ним делают? Пульс еще ускоряется. Трудно дышать. Не приснилось же ему... Он был в горах. Был в Пиренеях. Не мог же он выдумать свой отъезд... Не могло ему присниться все, что было потом... Кемпинг-кар... Рюкзаки... Озеро... Накатившая паника помогает ему потихоньку выйти из оцепенения, из темноты. Звуки становятся отчетливее. Он снова слышит голоса.

— ...похоже, обморок...

— ...сердцебиение учащенное...

— ...предупредить девушку...

Снова вспышка. Снова слепота. Во второй раз он слишком быстро открыл глаза, но теперь это не так неожиданно, не так резко. Он чувствует, что пытается заговорить, но не получается ни звука. В комнате двое. Мужчина в белом халате. Женщина, она выходит в коридор. Он цепляется за простыни на кровати. Он в кровати. На нем надето что-то странное, всю одежду с него сняли.

— Месье, успокойтесь. Все хорошо. Вы в больнице. Вами занимаются.

Врач говорит как будто в замедленном темпе. Эмиль снова открывает рот. Редко ему приходилось испытывать такой страх. Он ведь отказался. Отказался умирать подключенным к аппаратам. Что же произошло? Он принял все меры, чтобы этого не случилось. Его руки пытаются сорвать простыни. Врач спокойно удерживает его в кровати.

— Я знаю, вы потеряли ориентацию, но не беспокойтесь. Вами занимаются. Мы запросим вашу медицинскую карту. Моя коллега пошла за вашей подругой.

Дверь открывается. Возвращаются женщина в белом и с ней еще одна фигурка, поменьше. Он снова пытается заговорить, но ничего не выходит. Как в кошмарном сне. Когда страх слишком силен и парализует все тело.

— Это ваша подруга нас вызвала. Вы помните? Вы потеряли сознание и упали.

Его зрачки мечутся справа налево со страшной скоростью. Трудно сосредоточить взгляд на чем-то. Фигурка поменьше рядом с медсестрой. Фигурка в черном. Он изо всех сил пытается сосредоточиться на ней. И когда он узнает фигурку, узнает Жоанну, то теряется еще сильнее. Он не спит. Ему не приснился отъезд. Это не галлюцинация. Все происходит на самом деле. Он действительно уехал с Жоанной, а теперь он в больнице.

— Эмиль? Эмиль, постарайтесь успокоиться. У вас, наверно, небольшой провал в памяти. Это ничего. Это совершенно нормально после обморока.

Жоанна подходит к кровати. Вид у нее встревоженный. Она говорит тихо, как будто не хочет, чтобы ее слышали врачи:

— Ты помнишь меня?

Ему удается кивнуть, и он видит, что она сама вот-вот потеряет сознание от облегчения. Врач обращается к ней:

— Нам нужны его документы...

Она выглядит растерянной. Стоит опустив руки. Вмешивается медсестра:

— Есть его рюкзак. Посмотрите там.

Все вдруг начинают суетиться. Он не понимает почему. Сердце никак не вернется в нормальный ритм. Все, что он помнит, — они были на берегу озера. Озеро Глер и этот такой уродливый приют. Он пытается уцепиться за взгляд Жоанны. Губами выговаривает вопрос:

— Что произошло?

Доктор уже достал из его бумажника желто-зеленую карточку. Карта медицинского страхования. Он спокойно обращается к Эмилю:

— Я запрошу вашу медицинскую карту.

Врач выходит из палаты. Медсестра говорит:

— Я сейчас дам вам успокоительное. Станет лучше.

Он мотает головой, пытается сесть в кровати, но медсестра силой укладывает его.

— Не дергайтесь, иначе придется вас привязать.

Он поворачивается к Жоанне, снова пытается спросить ее: «Почему я здесь?», но не издает ни звука. В его руку вонзается игла.

— Жоанна...

Это первый звук, который ему удалось произнести. Он чувствует, как его тело расслабляется, почти мгновенно. И одновременно обретает дар речи.

— Жоанна...

— Да.

Она склоняется над кроватью. За ее спиной медсестра убирает свою тележку с медицинским оборудованием.

— Мы были на озере...

Жоанна хмурится.

— Что?

— Мы были на озере.

— Каким озером?

Желудок сжимается. Если бы не успокоительное, он снова начал бы задыхаться. Неужели озеро ему приснилось?

— На озере Глер...

— Что? Нет...

Лицо Жоанны окончательно теряет краски.

— Мы ушли с озера три дня назад.

У него кружится голова, он снова пытается уцепиться за простыни, чтобы приподняться, но тело не слушается. На него наваливается усталость.

— Нет...

— Да, Эмиль. Мы ушли от озера и... продолжали идти...

Она видит, что он пытается понять, ухватиться за ее слова. Видит, что он борется, чтобы не дать своему разуму уснуть.

— Это не страшно, — добавляет она своим тихим голосом. — Память вернется. Мы... мы шли. Останавливались в Люс-Сен-Совёр и в Жедре... Ты не помнишь?

Он опять мотает головой.

— В Жедре были мельницы. Красивые мельницы из старых камней... и горная речка.

Он мотает головой, мотает и не может остановиться. Она лжет. Этого не может быть. Они не могли уйти от озера. Вмешивается медсестра:

— Достаточно вопросов-ответов. Память вернется к нему позже. А сейчас надо дать ему отдохнуть.

Она кладет руку на плечо Жоанны.

— Может быть, вы погуляете в коридоре?

Жоанна качает головой. Медсестра с сомнением поджимает губы.

— Если вы останетесь, дайте ему отдохнуть. Не отвечайте больше на его вопросы. Это очень действует ему на нервы. Я не хочу, чтобы повторился эпизод с тахикардией.

— Хорошо.

— Если что, я буду поблизости.

Она выходит из палаты, оставив дверь приоткрытой. Он цепляется за взгляд Жоанны.

— Дневник...

Он прошептал это на выдохе, но она поняла. Наклонилась и шарит в его рюкзаке. Он хочет удостовериться. Если она говорит правду, он наверняка писал что-то в своем дневнике после письма Рено. Она выпрямляется с блокнотом в руке. Он протягивает руку, чтобы взять его, и тут замечает повязку на локте.

— Что это...

— Ты потерял сознание на дороге... упал на камни...

Он смотрит на другую руку. Жоанна понимает.

— Тебе наложили несколько швов, на локте и на голове.

Он поднимает руку, чтобы потрогать голову. От этих успокоительных он ничего не чувствует.

— На затылке. Оставь. Было много крови. Тебя зашили. Оставь это в покое.

Она кладет блокнот ему на живот, и он поспешно открывает его. Ему страшно прочесть в нем подтверждение, что он окончательно теряет рассудок. Но он должен знать. Он листает первые страницы. *13 июля, 23:50, Барезж, опушка леса у пешеходной тропы.* Потом *15 июля, 21 час с минутами (мои часы остановились), Барезж, в лесу, чуть подальше от пешеходной тропы.* Письмо Рено, датированное 16 июля. Записи продолжают дальше.

17 июля, 18:00

Люс-Сен-Совёр, пешеходная тропа, у подножия замка Сент-Мари

Небо обложило, когда мы покидали озеро Глер. А ведь восход солнца был великолепен... Мы шли под тяжелыми тучами, и пришлось остановиться на пару часов в лесу под соснами, чтобы переждать дождь. В Люс-Сен-Совёр мы пришли полчаса назад под новым ливнем и поспешили поставить палатку. Наша одежда промокла. Рюкзаки тоже плохо перенесли дождь. К счастью, блокнот сухой. Я правильно сделал, что завернул его в полотенце из микрофибры.

Дождь усиливается. Надеюсь, что палатка выдержит...

Жоанна просто закрыла москитную сетку палатки, так изнутри нам открывается вид на замок Сент-Мари. Когда сверкают молнии, от зрелища захватывает дух...

Он поднимает голову к Жоанне. У нее извиняющийся вид.

— Я ничего не помню...

— Это не страшно.

Она старается успокоить его, но он чувствует, что задыхается. Он переворачивает страницу. Есть запись и на следующий день. Страшно

видеть строки, написанные его рукой, когда он ничего не помнит. Ему кажется, что он сходит с ума.

18 июля, 21:00

Жедр, импровизированный лагерь на берегу ручья

Эта деревня великолепна.

Ночь мы тряслись в сырых спальниках, и здорово было снова отправиться в путь. Двенадцать километров в жару пройти трудно. У Жоанны был измученный вид. Но когда мы под вечер пришли в Жедр, то забыли все трудности дня. Я влюбился в это место. Обожаю церковь Жедра, фонтан на деревенской площади со скульптурой женщины, глядящей волка, обожаю ручей, пересекающий деревню, и больше всего обожаю маленькие мельницы из старых камней.

Мы поставили палатку на берегу ручья, недалеко от мельниц, чтобы нас убаюкивал плеск воды. Я чувствую, что буду спать как младенец.

Завтра идем к цирку Гаварни и водопадам.

Эмиль резко поднимает голову, стараясь не поддаваться панике.

— Где мы сейчас, Жоанна?

Она не уверена, что понимает его вопрос.

— Мы... в больнице...

— Да, я знаю, но мы ходили к цирку Гаварни?

— Мы собирались.

— Значит, я упал по дороге к цирку?

Она кивает, медлит, облизывает губы.

— Ты правда ничего не помнишь?

Ком в горле не дает ему ответить. Тут в палату врывается медсестра. У нее другое выражение лица, чем давеча. Теперь вид у нее подозрительный.

— Мадемуазель, я могу с вами поговорить?

Эмиль чувствует, как ускоряется его пульс. Он видит, как Жоанна колеблется, видит, как сестра пытается увести ее из палаты.

— Что происходит? — выдавливает он из себя.

Он сам слышит, что кричит. От успокоительного с трудом ворочается язык. Медсестра не отвечает. Она увлекает Жоанну за собой и закрывает дверь палаты. Он снова кричит:

— Что происходит?

Он пытается не поддаться панике. Что они с ним сделали? Почему врач ушел с его карточкой медицинского страхования? Почему у сестры такой подозрительный вид? Он пробует встать, что-то его держит. Ему подключили электроды к груди. Он приподнимает рубашку, которую на него надели, дрожащей рукой снимает электроды. Что происходит, черт побери? Он встает, голова кружится, но он потихоньку, осторожно идет к двери. Поворачивает ручку, слышит обрывки разговора по ту сторону. Жоанна и медсестра.

— Вы были в курсе его состояния?

Голос у Жоанны неуверенный:

— Да... он сказал мне, чем он болен...

— Вас могут привлечь. Медицинский центр, в котором его лечили, ответил однозначно. Он не в состоянии принимать решения. Не с его патологией.

Эмилия захлестывает ледяная волна. Он едва сознает, что открывает дверь. И оказывается лицом к лицу с медсестрой. Он даже не знает, что ей сказать, чтобы выбраться из этого тупика.

— Я...

Она не дает ему продолжить. Берет его за локоть и обращается к нему кошмарным слащавым тоном:

— Опа! Что я вам сказала? Если не будете лежать смирно, мне придется привязать вас к кровати.

Она говорит с ним как со слабоумным. Или со старым маразматиком. Он пытается поймать взгляд Жоанны, которая медленно качает головой, словно давая ему понять, что не стоит пока гнать волну.

— Я полностью в своем уме, — пытается он защищаться. — У меня просто провал в памяти.

Из-за успокоительных он говорит медленно. Можно подумать, что он пьян. От этого не легче.

— Надо отдыхать, Эмиль. Мы поговорим обо всем этом попозже.

Сестра тащит его к кровати. Он пытается упираться.

— Я слышал ваш разговор. Вы неправы! Я не знаю, что они вам наговорили, но я вполне способен принимать решения. Я полностью в своем уме!

Он кричит все громче. Видит, как Жоанна за спиной делает ему большие глаза. Но он больше не может держать себя в руках.

— Пустите меня! Оставьте меня в покое!

Сестра начинает слегка паниковать, он это чувствует.

— Эмиль, вы сейчас же успокойтесь!

У нее не хватает сил его удержать, и она это знает. Он колеблется, думает, не подхватить ли свой рюкзак и бежать, крикнув Жоанне, чтобы бежала следом. Беда в том, что он босиком, в ночной рубашке и накачан успокоительными. Он двигается слишком медленно.

— Что происходит?

В палату вернулся врач, прижимая к уху телефон. Сестра поворачивается к нему.

— Все хорошо, я справлюсь.

Эмиль только успевает увидеть, что она обмотала ему запястье ремнем и что он уже привязан к металлической стойке кровати. Пока он раздумывал о бегстве, она его привязала. Успокоительные совершенно его обездвижили, он был прав.

— Если это вас не успокоит, я привяжу вам вторую руку!

Она отчитывает его как маленького. Врач продолжает говорить по телефону. Жоанна стоит в сторонке, у двери. Он спрашивает себя, не сошел ли в самом деле с ума. Ему хочется проснуться.

— Да... Да... Значит, он должен был проходить эти клинические испытания... так и не явился на первый сеанс?

Врач разговаривает, искоса поглядывая на него.

— Да, был доставлен после обморока... Нет... Ничего серьезного, но... Вы подождете, я спрошу?

Врач обращается к медсестре, как будто его нет в этой палате.

— Скажите, он что-нибудь помнит до падения?

Она качает головой.

— А предыдущий день?

— Нет. Все смутно.

Эмиль пытается вмешаться, но тут видит, как Жоанна подходит к его кровати. Медсестра и врач продолжают перешептываться. Жоанна склоняется над ним.

— Прекрати. Если будешь продолжать, они тебя привяжут, и мы отсюда не выберемся.

Он даже не знает, что ответить.

— Мне кажется, я схожу с ума.

— Ты не сумасшедший. Память тебя подвела, вот и все.

— Ты уверена?

Теперь он сам сомневается. А что, если он вправду сошел с ума? Почему он давеча так кричал?

— Да. Успокойся. Они получили доступ к твоей медицинской карте через твою страховку. Позвонили в центр, где ты ждал клинических испытаний.

— И?

— И там требуют, чтобы тебя срочно перевезли. Они сказали им, что ты страдаешь ранним Альцгеймером и поэтому неспособен принимать решения. Решать за тебя должны твои законные опекуны.

— Что? Мои... кто?

— Твои родители.

Он снова начинает метаться в кровати. Она делает ему большие глаза.

— Они им звонили?

— Нет, не думаю. Пока нет. Они еще на связи с центром.

Они умолкают, потому что врач и сестра перестали говорить и им не хочется привлекать к себе внимание. Медсестра подходит, вид у нее все еще подозрительный.

— Ну что, Эмиль, вам лучше?

Отвечает ей Жоанна:

— Да, все хорошо. Он успокоился.

Они смотрят, как сестра суетится вокруг кровати, подсоединяет электроды к его груди, ворча:

— Что вы наделали, Эмиль?

Дождавшись, когда она отойдет, Эмиль снова шепчет, очень быстро, пока она не вернулась:

— Что будем делать?

Она едва шевелит губами, отвечая:

— Надо бежать.

Он пристально смотрит на нее.

— Ты уверена?

Они хорошо слышали, что сказала давеча медсестра. *Вас могут привлечь*. Он не уверен, что она может пойти так далеко, что ее разрыв с Леоном оправдывает этот риск.

— Я могу бежать один.

Она отвечает сквозь стиснутые зубы:

— Я обещала, что буду следовать твоим указаниям.

Это она напоминает ему о том разговоре у ручья.

Я не хочу домой. Что бы я ни делал... даже если я буду тебя умолять. Договорились?

Больше они ничего не говорят, к ним возвращается медсестра.

Эмиль молчит все время, пока врач разговаривает с центром клинических испытаний. Они обсуждают его перевозку. Идет речь и о том, чтобы предупредить его родителей. Медсестра несколько раз подходит проверить, успокоился ли он, и он притворяется спящим, чтобы быть уверенным, что его оставят в покое. Когда она выходит из палаты несколько минут спустя, он открывает глаза. Врач исчез. Осталась только Жоанна, нервно переминающаяся с ноги на ногу. Он садится. Тело уже слушается лучше.

— Что будем делать? — шепчет он, не сводя глаз с двери.

— Они сейчас вернутся. Врач просто пошел звонить твоим родителям из своего кабинета.

— А сестра?

— Не знаю.

Жоанна нервничает.

— Сматывайся.

— Что?

Он повторяет сквозь зубы:

— Сматывайся. Мы привлечем меньше внимания, если разбежимся каждый в свою сторону. Уходи, а я за тобой, как только смогу.

— Но...

Она смотрит на ремень на его запястье.

— Развяжи его, но не снимай. Если она вернется, может быть, не заметит...

Жоанна настроена скептически. Он вынужден говорить резко:

— Жоанна, развяжи меня и сматывайся.

— Как мы встретимся?

— Не знаю... Нет какого-нибудь кафе на соседних улицах или общественного туалета, все равно чего, где можно назначить встречу?

Его взгляд по-прежнему прикован к двери. Жоанна шепчет:

— Да, есть маленький парк напротив больницы.

— Отлично. Я приду к тебе туда, как только смогу.

Она все еще колеблется. Неуверенными движениями развязывает ремень.

— Может быть, тебе уйти первому...

Он твердо качает головой. Теперь он окончательно пришел в себя.

— Нет. Если я исчезну, а ты будешь здесь, с них станется тебя арестовать.

— Ты думаешь?

— Если уйдешь ты, я могу сказать, что ты пошла купить себе поесть или... выпить кофе. Я уж как-нибудь потом сбегу.

В коридоре слышны шаги, и Жоанна резко выпрямляется.

— Хорошо.

Шаги удаляются. Они все-таки выжидают еще несколько секунд, прежде чем снова начать шептаться.

— Я возьму твой рюкзак, — заявляет Жоанна.

— Что? Нет...

— Ты быстрее уйдешь без рюкзака.

Он хочет было запротестовать, но понимает, что не стоит терять времени на споры.

— Хорошо, но оставь мне какую-нибудь одежду. Я не могу уйти в этой ночной рубашке.

Она кивает. Наклонившись, начинает рыться в его огромном рюкзаке, достает черную футболку и бежевые шорты.

— Сойдет?

— Да.

— Твои ботинки здесь...

— Спасибо. Вот, положи мой дневник в рюкзак.

Она повинуется.

— А твой рюкзак?

Жоанна задумывается на несколько секунд.

— Я, кажется, оставила его внизу, в приемном покое.

Ему вдруг становится нехорошо.

— Ты уверена, что все получится? Я могу унести свой рюкзак. Беги и заведи твой. Это важнее...

— Нет, все в порядке.

Она встает, закидывает его рюкзак на спину.

— Я побежала.

— Да. Беги скорее.

— Парк, Эмиль.

Она, наверно, боится, что он забудет.

— Парк.

Он смотрит, как она исчезает из палаты с его огромным рюкзаком на спине.

Парк. Парк. Парк. Он умирает от страха забыть это. Повторяет раз за разом, неустанно. *Парк. Парк. Парк.* Что, если он забудет место встречи? Забудет вообще, что надо бежать? Нет, это невозможно. Память подвела его, да, но теперь он окончательно пришел в себя. Он начеку. Он не забудет. Несмотря ни на что, он повторяет про себя: *Парк. Парк.*

Он крепко зажмуривается, когда в палату входит медсестра. Старается дышать ровно и медленно. Он надеется, что она не заметит ни развязанного ремня, ни бугорка его одежды под одеялом. Она обходит кровать, снова присоединяет электроды к его груди. Он слышит, как зовет ее из коридора врач:

— Алиса?

— Да!

— Можете подойти?

Она вздыхает.

— Иду.

Голос врача добавляет:

— Его родители хотят знать, как он себя чувствует.

Сердце подпрыгивает в груди. *Сейчас!* Эмиль накрывает волна паники. Родители на проводе. Сестра сейчас вернется. Они захотят с ним поговорить. Нет. Сейчас или никогда. *Парк. Парк. Парк.* Он срывает электроды, выхватывает из-под одеяла одежду. *Парк.* Нет времени переодеться. Он натягивает шорты, влезает в кроссовки. Черт с ней, с рубашкой. Он снимет ее на улице. *Парк.* Сердце колотится в груди. Ладони взмокли. Он высовывает голову в приоткрытую дверь. Как бы то ни было, надо уходить. В конце

коридора виден силуэт. Медсестра? Эмиль бежит. *Парк.* Коридор, указатель лифта. Теперь он просто идет, стараясь не бежать. Призывает себя к спокойствию и медлительности. Он должен выглядеть естественно. Силуэт в конце коридора исчез за дверью какой-то палаты. Он ускоряет шаг. *Парк.* Лифта нет целую вечность. Ему жарко. Кружится голова. *Дзень.* Двери лифта открываются. Внутри пусто. Он жмет на ноль несколько раз. Двери закрываются. Он натягивает футболку поверх ночной рубашки. Дрожащими руками заправляет полы в шорты. *Дзень.* Двери лифта открываются. Второй этаж. Перед ним пара. Он изо всех сил скрывает раздражение.

— Вам наверх или вниз?

— Вниз. На первый.

— Мне тоже.

Пара входит. Двери лифта закрываются. В зеркале он видит свое мертвенно-бледное лицо, белую повязку, закрывающую большую часть головы. *Дзень.* Первый этаж. Наконец-то. В холле шумно. Люди снуют в разные стороны. Он бежит большими прыжками в сторону стеклянной двери. *Парк. Парк. Парк.* От жары на улице перехватывает дыхание. Солнечный свет ослепляет. Сейчас, наверное, полдень. Солнце высоко в небе. Он перебегает улицу перед такси, пытается оглядеться. Видит шоссе, светофор, ресторан напротив, больничную стоянку... Парка не видит. Какая-то машина сигналил ему. Мужчина кричит:

— Смотрите по сторонам, когда переходите улицу!

Он добирается до тротуара напротив и наконец видит зеленое пятно. Вон они, деревья...

Он почти добрался до ограды парка, когда слышит за спиной голос Жоанны:

— Эмиль!

Он резко оборачивается. Жоанна бежит к нему, один рюкзак на спине, другой на груди.

— Я шла за тобой.

— Что ты делала все это время?

— Пришлось зайти в бюро находок за моим рюкзаком.

— Черт!

Он едва не потерял сознание от облегчения, увидев ее перед собой с двумя рюкзаками. Им удалось. Им обоим. Но не стоит долго торчать

здесь. Лучше отойти подальше. Он забирает у нее свой рюкзак.

— Пойдем, поговорим где-нибудь подальше.

Они идут по городу наугад, быстрым шагом. Их цель — удалиться от больницы. В остальном они понятия не имеют, куда направляются.

— Где мы?

— Точно не знаю...

— Как это?

— Нас доставили на вертолете.

— Ты шутишь?

— Нет. Мы были в горах...

Он пытается не поддаться панике. Он был без сознания все это время. Это могло продолжаться два или три часа. Он даже не понял, что они летели на вертолете. С ума сойти. Он оборачивается, сиюсь разглядеть больницу, ее фасад. К счастью, зрение у него хорошее. Ему удается прочесть. Городская больница Баньер-де-Бигор.

— Думаю, мы вернулись к исходной точке.

Жоанна поворачивается к нему, смотрит вопросительно.

— Как это?

— Мы, по идее, километрах в двадцати от Артига и кемпинг-кара.

Он всматривается в ее лицо, но не понимает, испытывает ли она облегчение или, наоборот, разочарование.

— Мне очень жаль, — добавляет он. — Я не хотел сокращать наш пеший поход.

— Ты шутишь, ничего страшного.

— Мы еще пойдем.

Она качает головой.

— Не сразу. Сейчас тебе надо отдохнуть.

Они проходят мимо ресторана-гриль, который предлагает американские бургеры. Пахнет жареным мясом и фритюром, кондиционированный воздух зала лижет им ноги на тротуаре. Эмиль все так же бледен. Жоанна не уверена, что он долго продержится с рюкзаком, если что-нибудь не съест. Переглянувшись, они понимают, что думают об одном и том же.

— Зайдем?

— Да.

Они садятся в глубине зала, за перегородкой. Заказывают двойную порцию жареной картошки. Жоанна выбирает сэндвич с овощами.

Эмиль — двойной гамбургер. В ожидании заказа они молчат. Оба одинаково измотаны. Эмиль спрашивает себя, не слишком ли много они шли в последние дни. Когда приносят блюда, они набрасываются на них и начинают говорить с полным ртом:

— Врачи сказали, почему у меня случился этот обморок?

— Они говорили о высоте, о физической усталости... Но они не знали про болезнь. Ты думаешь, это может быть болезнь?

— Возможно.

— С тобой такое уже случалось?

— Да.

Это действительно случилось несколько раз, пока мать не затащила его в больницу. Но никогда так серьезно. Он приходил в себя через несколько минут.

— Я никогда не был без сознания так долго.

— Может быть, усталость все усугубила.

— Может быть.

— Мы побудем некоторое время на одном месте, да?

Он смотрит, как она жадно ест. Облизывает пальцы. Можно подумать, что она голодала несколько дней. Может быть, они недостаточно ели...

— Да, если можно...

— Пока ты отдохнешь.

— Да. Ты права.

Официант убирает тарелки. Они ели как поросята. И все-таки берут карту десертов и выбирают мороженое.

— А мои швы? — продолжает Эмиль, погружая ложечку в ледяную горку.

— Да?

У нее потеки клубничного мороженого в уголках губ.

— Много их у меня? Снимать придется?

Она утирает рот салфеткой.

— Рана на локте не очень серьезная, они говорили. Три-четыре стежка. На голове хуже.

Он с тревогой смотрит на нее.

— Ты сможешь это сделать?

Она пожимает плечами, потом кивает.

— Думаю, да.

Он спрашивает уже более легким тоном:

— У тебя наверняка есть какие-то снадобья на основе растений?

И это работает, она слабо улыбается.

— Да. И потом... я уже снимала немало швов.

Он не решается спросить почему.

Они идут дальше с тяжестью в животах, но на душе легче. Жоанна надевает на него бейсболку, чтобы защитить голову и скрыть повязку. Эмиль снимает больничную рубашку в нескольких метрах от ресторана и бросает ее в мусорный бак. После этого достает свой путеводитель по Пиренеям.

— Ты знаешь, куда мы идем? — спрашивает Жоанна.

— Да. Все правильно.

Им надо пройти двадцать километров, но день уже клонится к вечеру, и, учитывая состояние Эмиля, они решают остановиться на ночь в деревушке под названием Боден. В путеводителе сказано, что она насчитывает 392 жителя и находится на высоте меньше шестисот метров. Идеально, чтобы немного отдохнуть.

Дорога приятная, под уклон и в тени. Они минуют много деревушек и поселений, наполняют фляги. Но когда, едва ли пару часов спустя, они входят в Боден, Эмиль совсем без сил.

Боден — крошечная деревушка в лощине, окруженная зеленью. Большинство домиков из камня. На возвышенности стоит маленькая церковь. Готическая, странного вида, они таких никогда не встречали. Серая колокольня окружена четырьмя колоколенками поменьше и увенчана высоким шпилем. Церковка больше похожа на маленький замок из сказки.

Они пересекли деревню и немного поплутали в зелени в поисках тихого места, чтобы разбить лагерь в тени деревьев. Палатка поставлена быстро, и Жоанна решает пройтись и поискать целебные растения для ран Эмиля.

Прислонившись к дереву, он открывает свой черный блокнот.

17 июля, 18:00

Люс-Сен-Совёр, пешеходная тропа, у подножия замка
Сент-Мари

Небо обложило, когда мы покидали озеро Глер. А ведь восход солнца был великолепен...

Эмиль по-прежнему ничего не помнит о трех последних днях. Он думал, что память вернется, когда он придет в себя, когда панический страх пробуждения окончательно рассеется вместе с действием успокоительных... Но нет. Ничего. Все та же черная дыра. Они были на берегу озера, собирались сложить вещи и уйти. Потом — ничего.

18 июля, 21:00

Жедр, импровизированный лагерь на берегу ручья

Эта деревня великолепна.

Ночь мы тряслись в сырых спальниках, и здорово было снова отправиться в путь.

Почему его воспоминания застопорились в то утро, на берегу озера? Что произошло потом?

Обожаю церковь Жедра, фонтан на деревенской площади со скульптурой женщины, глядящей волка, обожаю ручей, пересекающий деревню, и больше всего обожаю маленькие мельницы из старых камней.

Сколько Эмиль ни перечитывает строки, которые сам написал, ничего не вспоминается. Он боится, что это будет повторяться все чаще. Что станет хуже. Надо во что бы то ни стало продолжать дневник. Надо во что бы то ни стало писать письма родителям, Маржо, Рено, пока он не забыл их совсем.

Он не сразу понимает, что ему хочется плакать. Плакать — это так непривычно для него... Это, наверное, от усталости. Оттого, что он стоит у этого дерева, с этим чертовым блокнотом в руке и с черной дырой, которая никак не просветляется. В этом ирония ситуации. Потому что месяцами и месяцами он возносил безмолвные молитвы Богу, ангелам, темным силам, кому угодно. Он молился: *Если бы я мог все забыть. Если бы я мог забыть, кто я...* Лора ушла, и ему казалось, что его жизнь кончена. Он не видел иного способа продолжать жить:

забыть ее, забыть, что он ее любил. И он твердил эти молитвы. *Если бы я мог все забыть...* Сегодня он хотел бы заплакать, как ребенок, один, прислонившись к дереву. Он больше не хочет забывать. Но слишком поздно.

Эмиль просыпается от прикосновения маленьких рук, которые ложатся на его лоб. Он сначала думает, что это сон, потому что, когда открывает глаза, видит только зелень и красивый золотистый свет. На самом деле это всего лишь трава и листья. Всего лишь солнечные лучи пляшут в ветвях. Он, наверно, задремал. Дневник лежит рядом с ним. Руки принадлежат Жоанне. Она прикладывает к голове что-то прохладное и влажное.

— Жоанна?

Она, наверно, передвинулась, потому что теперь он видит над собой ее лицо.

— Не дергайся. Я ставлю тебе компресс.

Она снова исчезает из поля зрения. Он смотрит на свой локоть, не поворачивая головы. Жоанна, похоже, уже обработала эту рану. Белой больничной повязки больше нет. Вместо нее какая-то зеленая кашица.

— Что это?

Она отвечает не сразу. Слишком сосредоточена на своем деле. Ему приятно ощущение прохлады, окутывающее его голову и словно распространяющееся по всему телу.

— Компресс из крапивы, — отвечает она наконец.

Он слышит, как она двигается, должно быть, выпрямляется, потому что он снова видит ее над собой.

— Я нашла только крапиву.

— Это плохо?

— Я предпочла бы найти мяту... Чтобы был антисептик...

— А...

— Ладно, хотя бы не будет больше кровоточить...

Она как будто на минуту задумывается.

— Нужен еще уксус для дезинфекции...

Эмиль не может удержаться от улыбки, хотя и понимает, что от этого натягивается кожа на голове, там, где наложили швы.

— Почему ты улыбаешься?

Он удивлен, что Жоанна это заметила.

— Подумал, как я буду пахнуть, когда ты намажешь меня мятой и уксусом.

Он счастлив видеть, что она тоже улыбается.

— Ты будешь здорово отпугивать насекомых.

У нее очень легкий смех. Всегда удивительно слышать, как она смеется. Эмиль прикрывает глаза, наслаждаясь моментом. Они с Жоанной шутят, это такая редкость. Трава под ним мягкая, солнечные лучи касаются его лица, свежий ветерок щекочет ноги.

— Отдохни еще немного, — говорит она.

Он чувствует, как Жоанна поднимается, слышит ее удаляющиеся шаги по траве.

— Который час?

Но она уже исчезла.

Когда он снова просыпается, уже стемнело. Он приподнимается, морщась от боли в локте. На нем по-прежнему каша. На голове, наверно, тоже. Жоанна сидит поодаль, у дрожащего огонька. Несколько секунд он привыкает к темноте и наконец понимает, что она склонилась над горелкой. Она оборачивается, услышав, как он зашевелился.

— А. Ты проснулся.

— Извини... Я спал как младенец... Уже поздно?

Его часы остановились несколько дней назад. Ему еще трудно привыкнуть жить без расписания. Жоанна пожимает плечами.

— Не знаю... Часов десять, наверно.

Эмиль садится, потом медленно встает. Он чувствует себя гораздо лучше. Отдохнувшим. Успокоенным. Он подходит ближе к горелке.

— Ты, наверно, умираешь с голоду, — говорит он извиняющимся тоном.

— Ничего.

— Что ты нам готовишь вкусного?

Жоанна показывает банку из-под красной фасоли и еще одну из-под кукурузы, валяющиеся у ее ног.

— Подобие *чили кон карне без карне*.

— Интересно.

Он садится рядом с ней, вытянув ноги, встряхивается.

— Тебе нужна помощь?

— Нет. Уже почти готово.

— Ладно.

Несколько секунд он молчит. Смотрит, как Жоанна медленно помешивает содержимое кастрюльки.

— А эти штуки, когда можно будет их снять?

— Компрессы?

— Да...

— Они высохнут и сами отвалятся.

— Ладно...

— Чешется?

— Нет.

Она пожимает плечами.

— Тогда жди, пока отвалятся.

Снова повисает молчание. Слышен только стрекот цикад и скрежет ложки по дну кастрюльки. Проходит несколько минут. Жоанна выключает огонь, берет пластиковые тарелки и наполняет их своим *чили кон карне*.

— Держи.

— Спасибо.

Они берут большие ложки, заменяющие им вилки на бивуаке, и принимаются за еду. Деревня абсолютно тиха. Днем, когда они шли, не встретили никого. Им кажется, будто они одни на свете со своими пластиковыми тарелками.

— Я...

Эмиль глотает ложку смеси, прежде чем продолжить:

— Я сегодня перечитал дневник... Но ничего не вспомнилось.

— По-прежнему ничего?

Он качает головой. Жоанна не выказывает беспокойства. Утром она была по-настоящему встревожена, но сейчас вид у нее успокоенный и успокаивающий.

— Может быть, еще вспомнится.

— Или нет.

— Или нет.

— Что было в эти три дня?

Его вопрос застает ее слегка врасплох. Она ставит тарелку за землю, пожимает плечами.

— Ничего особенного... Как обычно...

— То есть?

— Мы шли. Ставили палатку, ели и спали... Как каждый день.

— А.

Он разочарован. Ему хотелось услышать другое. Хотелось, чтобы она обставила черноту в его голове, заменила ее видами, звуками, запахами... Жоанна, должно быть, поняла это по его растерянному выражению. Или по его «а». Во всяком случае, слегка выпрямившись, она начинает:

— Это был конец света — день, когда мы пришли в Люс-Сен-Совёр... Небо было низкое и темное. Гром гремел всю ночь. Ты часами сидел у москитной сетки, глядя на молнии.

Эмиль благодарно улыбается ей. Она не представляет себе, какое это для него облегчение.

— А ты? — спрашивает он.

— Что — я?

— Ты, наверно, испугалась.

Она пожимает плечами все с тем же невыразительным лицом, которое, впрочем, уже не так невыразительно.

— Не особенно.

— Вот как?

— Когда видишь молнии, звук не так пугает...

— О... Так это хорошая новость...

Она кивает и слегка щурит глаза, чтобы сосредоточиться.

— На следующий день было... в общем, как утро после грозы.

— То есть?

Она щурится еще сильнее, подбирая слова.

— После черноты и ветра все кажется ярче, свежее, легче. Понимаешь?

— Да.

— Небо было... как будто синее, облака невесомее...

Эмиль не отдает себе отчета, что слушает ее заворуженно, смотрит ей в лицо, приоткрыв рот. Он сознает только одну свою мысль: *Господи, у нее в голове настоящая поэзия.*

— Я собирала цветы по дороге. Ты спросил меня, что это. Это были акониты.

Он открывает рот, но она отвечает на его вопрос, прежде чем он успеет его задать:

— Цветы с длинным стеблем и десятками маленьких синелиловых колокольчиков. Ты сказал, что они красивые. Мы... мы пришли в Жедр во второй половине дня, и ты... Ты захотел увидеть мельницы. Ты просто влюбился в мельницы. Они правда красивые, эти старые мельницы из камней.

Он секунду выжидает, чтобы быть уверенным, что она закончила, и говорит:

— Спасибо.

Жоанна пожимает плечами, как будто это не имеет значения. Но это важно. И Эмиль ей благодарен.

Продолжение он знает сам. Они отправились к цирку Гаварни сегодня утром, и он потерял сознание. Его доставили на вертолете в Баньер-де-Бигор, и вот вечером они здесь, в этой деревушке, которая выглядит заброшенной.

Они продолжают молча есть. Когда они бросают тарелки в траву несколько минут спустя, Жоанна складывает ноги по-турецки и несколько раз открывает рот, как будто хочет заговорить, но не решается.

— Что такое? — спрашивает Эмиль.

Она качает головой.

— Ничего. Это глупо.

Он настаивает, и она бормочет еле слышно: «Я не знаю», уйдя в свои мысли. Он не уверен, что она обращалась к нему. Он медленно встает и выводит ее из задумчивости, предлагая:

— Я пойду обойду деревню. Мне надо пройтись. Хочешь со мной?

Она даже не колеблется и тоже встает.

— Хорошо.

Их шаги гулко стучат по булыжной мостовой в пустой деревне. Они идут не спеша, держа руки в карманах. Останавливаются на минуту у церкви, и Жоанна откашливается.

— Я тут подумала кое о чем...

Она медлит. Он кивает, чтобы она продолжала, но она еще сомневается.

— Я думала о том, что будет в следующий раз, когда ты потеряешь сознание...

Он снова кивает.

— Ты права. Надо об этом поговорить.

Он опускается на ступеньку на церковной паперти. Она — нет. Она остается стоять, переминаясь с ноги на ногу.

— Мне... Мне придется отвезти тебя в больницу, если с тобой опять случится такое...

Он понял, куда она клонит. Он не хотел об этом думать сегодня, хотел сполна насладиться вновь обретенным спокойствием, но им действительно надо поговорить.

— Я не знаю, все ли больницы так легко получают доступ к медицинским картам, но...

Он перебивает ее:

— Я думаю, все больницы. Думаю, что такое может повториться.

На лице у него мучительная гримаса.

— Я не знаю, что тебе сказать... Не знаю, есть ли выход... Я... Я не хочу, чтобы тебя привлекли, так что... если это повторится, лучше просто оставь меня на дороге, пока я не очнусь...

— Прекрати.

— Я не хочу, чтобы меня вернули к родителям.

— Я знаю.

— Так что лучше оставь меня подышать на дороге.

— Я знаю, Эмиль. Выход есть.

— *Что?*

Он смотрит на Жоанну недоверчиво. Она по-прежнему стоит перед ним. Нависает. Вид у нее довольно уверенный. Она кивает.

— Да. Я думала об этом сегодня утром и потом... когда мы ели.

— Что...

Он не может закончить свой вопрос. Его одолевают сомнения и лихорадочное ожидание.

— Мы ничего не изменим в том, что тебя объявили неспособным принимать решения самостоятельно. Это невозможно. Но...

— Но?

— Но мы можем сделать так, что твои родители не будут единственными законными опекунами.

Он не понимает. У нее очень уверенный вид. Он открывает рот для вопроса, но тут она бросает свою бомбу:

— Нам надо пожениться.

Его одолевает нервный кашель. Теперь он лучше понимает, почему она колебалась накануне за обедом, почему сказала: *Нет. Это глупо*. Ее идея совершенно безумна. Он даже не видит связи!

— Я знаю. Эта идея может показаться тебе совсем неуместной, но я тебе объясню.

Теперь, бросив свою бомбу, она снова стала Жоанной, которую он знал. Жоанной спокойной, полностью контролирующей свои эмоции, почти флегматичной. Как будто вдруг эта тема перестала ее касаться.

— Если мы поженимся, я стану *законно* ответственной за тебя... Я буду уверена, что тебя не увезут в медицинский центр или к твоим родителям...

Жоанна умолкает. Дает ему осмыслить то, что она сказала. Стоит, скрестив на груди руки, не выказывая особых эмоций.

— Я не прошу тебя дать мне ответ или... даже обязательно подумать. Я только хотела, чтобы ты знал: выход есть.

Удивление постепенно проходит. Он пытается осмыслить все это. *Я буду уверена, что тебя не увезут в медицинский центр или к твоим родителям...* Фраза крутится в его голове. Он заставляет себя медленно выговорить:

— Ты права. Это... Это может быть выход.

Теперь он лучше понимает, почему она заговорила об этом у церкви. Он мотает головой, пытаясь прийти в себя.

— У тебя есть время подумать об этом. Или не думать.

— Да. Я знаю.

Она делает шаг назад, показывает ему на мощеную улицу.

— Хочешь, вернемся? Или продолжим прогулку? Мы не обязаны еще об этом говорить. Сегодня, во всяком случае.

Он не спеша встает. Ему кажется, будто все крутится в замедленной съемке. Они идут дальше по пустой деревне. От света фонарей ложатся на дорогу их бесформенные тени. словно два больших призрака бродят без цели. *Если мы поженимся, я стану законно ответственной за тебя. Я буду уверена, что тебя не увезут в медицинский центр или к твоим родителям.* Неужели она действительно готова это сделать?

Они ложатся спать, не обменявшись ни словом. После разговора на церковной паперти между ними возник холодок, хотя ни он, ни она этого не хотели. Но теперь оба вынуждены об этом думать.

Вынуждены смотреть друг на друга как на будущих супругов. По крайней мере на бумаге. И это смущает обоих.

— Хочешь, поженимся?

Эмиль ныряет на несколько лет назад, в свою студенческую квартирку. Видит лицо Лоры. Насмешливое лицо, обращенное к нему. Они лежат на его маленькой кровати. Когда они занимаются на ней любовью, точно знают, что соседи будут стучать в стену. Иногда они с Лорой делают это, просто чтобы посмеяться.

— Что за вопрос?

Он не поддается на ее дерзкий тон. Эмиль знает, она использует его, чтобы скрыть неловкость.

— Вопрос как вопрос.

— Ммм, — мычит она, отводя взгляд.

— Ну что... хочешь, поженимся?

— Не знаю.

— Перестань. Всегда знаешь, хочешь или нет.

— А я боюсь передумать, когда будет слишком поздно.

Он привстает на локте.

— Как? Прямо у алтаря?

— Нет. Не сразу. Но поженившись... когда пройдут месяцы, потом годы.

— А.

Она смотрит в потолок.

— Поэтому я уверена в одном.

— Вот как... в чем же?

— Если я когда-нибудь выйду замуж, это будет мое решение.

— То есть?

— Я сама решу. И я сделаю предложение.

Она выпячивает грудь, напуская на себя важный вид.

— Просто пойму, что готова. В тот момент я буду точно знать.

Он поджимает губы с сомнением и досадой.

— Значит, если я сделаю тебе предложение здесь и сейчас...

— Я отвечу нет! Без колебаний!

Он делает вид, что обиделся, и сталкивает ее с кровати. Он все-таки обиделся немножко, хоть и не хочет себе в этом признаваться.

— Эй!

Забравшись обратно на кровать, она начинает бить его ладошкой.

— Беда в том, видишь ли, что потом может быть слишком поздно...

— Что?

— Когда ты решишься пасть передо мной на колени, я, может быть, передумаю...

Она корчит ему жуткую презрительную гримасу.

— Я перед тобой на колени? Никогда!

Он отвечает рассерженно:

— Все равно я на тебе никогда не женюсь. Я женюсь на блондинке.

Она складывает руки на груди.

— *Понятно.*

— Что тебе понятно?

— Я тебя обидела. Ты хочешь меня задеть.

— Ничего подобного. Просто я всегда предпочитал блондинок. И к тому же воспитанных...

На этот раз он чувствует, что задел ее по-настоящему.

— На что ты намекаешь?

— Не знаю...

— Знаешь! Ты намекаешь, что мне не хватает воспитания?

— Немножко... Ты действительно грубовата, Лора.

Она меняется в лице. Вскрикивает, подхватывает свою одежду, сумку.

— Эй! — кричит он, тоже вставая.

Она не обращает на него внимания. Он пытается удержать ее за руку.

— Эй! Хватит! Я не хотел! Я...

Лора закидывает ремень сумки на плечо. Она в сорочке, одежда и туфли в руках.

— Ло, ты же не уйдешь вот так!

— *Ло?*

Она смотрит презрительно. Она всегда так смотрит, когда обижена. Ее рука уже на ручке двери. Он хочет ей сказать: *Перестань, я люблю тебя. Да, я обиделся. Ты права. Поэтому я наговорил этих глупостей.* Она поворачивает ручку, бросает ему:

— Хорошего вечера!

Дверь с силой хлопает. Эмиль хотел бы сказать ей правду... Хотел бы сказать, что мечтает когда-нибудь жениться на ней.

Они, разумеется, помирились. Но он ей этого так и не сказал.

Жоанна ворочается во сне. Видно, плохо спит.

Всплывает еще одно воспоминание...

— Добрый вечер.

— Добрый вечер.

— Вы Карен?

Женщина оборачивается медленно, рассчитанно томными движениями. Она высокая, очень высокая. Наверно, выше его на несколько сантиметров. И брюнетка. Очень жгучая брюнетка.

— Да, я Карен. Вы Эмиль?

Он кивает. Ему ужасно неловко. Он понятия не имеет, почему пришел сюда. У него влажные руки. Ярость бушует в груди. Желание отомстить всему свету. *У меня украли Лору. Кто-то увел у меня Лору.* Бессонной ночью он создал этот аккаунт на сайте знакомств для неверных жен. Он прокручивал профили, пока не наткнулся на Карен. На нем было фото черноволосой, очень стройной женщины. Сорок лет. Замужем десять. Хочется перчику. Она уточняла, что встречается только в коктейль-барах. Если проскочит искра, может приехать к своему завоеванию, но согласна и провести ночь в отеле. Предпочитает молодых. Не старше тридцати лет. Он чуть не сблевал, читая ее описание. Но желание было сильнее, яростнее. Была потребность заставить ее отплатить за Лору. Они связались, назначили свидание в этом неприметном коктейль-баре, где ей не грозили нежелательные встречи (месяц — нотариус, и у него много знакомых в городе).

— Не робей, садись.

Она показывает ему на высокий табурет, и он забирается на него, чувствуя себя испуганным ребенком перед внушительной взрослой тетей.

— Я начала без тебя.

Перед ней красуется бокал шампанского. Она кладет руку ему на колено с видом собственницы.

— Что ты хочешь выпить?

Застигнутый врасплох, он отвечает первое, что приходит в голову:

— То же, что и ты.

Заказав для него, она поворачивается, чтобы рассмотреть его во всех подробностях.

— Скажи на милость, ты же только что из колыбели!

Он выдавливает из себя: «А... Э-э», — и ее это смешит.

— Какой ты лапочка! Обожаю таких молодых людей. Вы еще невинны и так чисты!

Она полностью в своей тарелке. Смеется очень громко. Она, должно быть, встречала уйму таких, как он, молодых, робких. Привыкла командовать.

— Ну, скажи мне... Что такой юнец делает совсем один на этом сайте? У тебя нет подружки?

Прибыл его бокал шампанского, и он отпивает глоток, прежде чем коротко ответить:

— Сейчас нет.

Ее глаза всматриваются в него, словно рентгеном просвечивают, кажется, читают его мысли.

— Ты был влюблен, а она ушла?

Ему не удастся солгать. Обезоруженное выражение выдает его с головой.

— Я так и знала, — заявляет Карен. — Не ты первый, знаешь ли. Я подбирала немало раненых птенцов.

У нее добродушный вид.

— Ба, знаешь... Если я могу хоть немного утешить...

После этого он пытается вернуть себе контроль над ситуацией. Сам задает ей вопрос, но обращается на «вы». И снова выдает себя.

— А ваш... твой муж?

Она смотрит на него умильно, как будто ему не понять, как будто он слишком невинен.

— Ба... Рано или поздно ты поймешь. Брак — это очень громкое слово, которое мало что значит сегодня.

И она добавляет, словно оправдываясь, со слегка сокрушенным видом:

— Я живу с нотариусом. Это делу не помогает... Брак для него — это скорее бумажная волокита и раздел имущества...

После нескольких бокалов шампанского она снова кладет руку ему на колено.

— Поднимемся?

Над коктейль-баром расположен отель. Это никакая не случайность. Карен отлично знает свою охотничью территорию. Они берут номер на имя Эмиля и бросаются на постель, едва заперев дверь на ключ. На Карен красивое белье, соблазнительное, но изысканное. Стоит, должно быть, целое состояние. Эмиль такого красивого никогда не видел. Однако она не так искусна, как он ожидал. Не так опытна. Или проблема в нем. Может быть, он хотел испытать то же, что с Лорой, в объятиях этой незнакомки, которую не может даже уважать? Он разочарован в этот вечер. Кончает без всякого удовольствия. И клянется себе больше никогда этого не повторять. Она хотя и не нарочно, но сама все испортила. *Брак — это очень громкое слово, которое мало что значит сегодня.* Он с ней не согласен. Женись он на Лоре, это значило бы много. Это имело бы смысл.

Она действительно все испортила.

— Ты хорошо спал?

— Да. Хорошо, а ты?

Они оба лгут и сами это знают. Он слышал, как она ворочалась всю ночь. Под глазами у нее синие круги. Даже черная шляпа их не скрывает.

— Ну что, возвращаемся в Артиг...

— Да.

На ней слишком широкие черные брюки и такого же цвета открытый топ. Глаза Эмиля прикованы к путеводителю. Он ведет пальцем по маршруту, которым они пойдут сегодня.

— Дай я посмотрю твои швы, прежде чем идти, — только и добавляет она.

Компрессы сами отвалились ночью. Есть еще остатки засохшей крапивы на локте и в волосах, но Жоанна сдувает их.

— Ну что? — с тревогой спрашивает он.

Она корчит гримаску, которую он не может истолковать.

— Немного сочится.

— Это плохо?

Она не отвечает на вопрос. Вместо этого говорит:

— Вечером мы будем в кемпинг-каре. Там есть дезинфицирующие средства.

Они забыли положить их в рюкзаки. Типичная ошибка новичков. К счастью, взяли кое-что полезное, например бинты. Жоанна перевязывает его локоть и сооружает белый тюрбан на голове.

— Ну и видок у меня, наверно.

Эмиль ворчит для проформы. На самом деле он не знает, как справился бы без нее.

Они минуют по дороге много маленьких поселений, останавливаются поесть в поле, рядом с двумя лошадьми, которые с любопытством наблюдают за ними. Жоанна без конца гладит их, так долго, что Эмиль успеваает уснуть в тени деревьев. Никогда он столько не спал, как здесь, в Пиренеях. До чего же хорошо.

Жара потихоньку спадает, когда они входят в Артиг. Давно пора. У Эмиля начинает болеть голова. Он чувствует, как сочатся швы под бинтами. Остается надеяться, что нет воспаления. Жоанна идет впереди. Ей, похоже, не терпится дойти. Завидев паркинг на берегу ручья, Эмиль испытывает острое счастье. Как будто вернулся домой. Он и не думал, что так соскучится по стабильному и знакомому месту. Но он счастлив вновь оказаться в кемпинг-каре, ощутить царящий в нем слабый запах затхлости, услышать такой особый плеск ручья и шорох гравия под ногами туристов.

— Ах! — вырывается у него, когда он входит внутрь.

Жоанна направляется напрямиком к стенному шкафчику, достает стол и два складных стула. Сегодня они будут ужинать за столом, и это настоящая роскошь.

— Вот, садись. Я сейчас продезинфицирую твои раны.

Стол и стулья установлены. Жоанна достала аптечку. Она роется в ней с видом знатока. Его ноздри вздрагивают от едкого запаха девяностоградусного спирта. Это напоминает ему детство и его многочисленные падения с велосипеда. Мама каждый раз ругалась. Она любила его пугать. Делала большие глаза и грозила:

— Смотри, Эмиль, если будешь ездить так быстро, у тебя скоро не останется крови.

Поначалу он верил ей, боялся. Спрашивал:

— У меня ее осталось мало?

И она поджимала губы, давая понять, что до этого недалеко. На время он утихомиривался, но потом снова начинал гонять. Это он рассказывает Жоанне, пока она промокает его голову девяностоградусным спиртом. Ей забавно это слышать. Она даже говорит:

— Маленькие мальчики не ведают страха! Их и на две секунды нельзя оставлять без присмотра!

Интересно, много ли она знала мальчишек? Младших братьев у нее не было. Тут он вспоминает, что она работала сторожихой в школе. Наверняка видела ободранные коленки, разбитые губы, рассеченные брови. Она, должно быть, отчитывала пацанов в шортах, маленьких шалунов в длинных белых носочках.

Принять настоящий душ — второе счастье за день. Третьим будет уснуть на хорошем матрасе. Рюкзаки они не разобрали, решив, что сделают это завтра. Они приготовили настоящий ужин из консервов, которые нашлись в кемпинг-каре под раковиной: салат из помидоров и пальмовой мякоти, безвкусные парижские грибы и смесь чечевицы с морковью.

— Завтра придется съездить за покупками...

Они накрывают на стол, зажигают свечи, потому что уже темнеет, и садятся друг напротив друга.

— Что ж... — говорит Жоанна.

Эмиль боится, что она поднимет тему, которая его страшит, но она этого не делает. Она спрашивает:

— Куда мы направимся завтра?

— Хороший вопрос.

Они продолжают молча жевать, пока Эмиль не предлагает:

— Давай теперь ты будешь выбирать.

— Ммм.

— Я могу дать тебе путеводитель по Пиренеям на сегодняшний вечер. Изучишь вопрос.

Она кивает, проглотив ложку чечевицы.

— Да. Хорошо.

После ужина они пьют чай, сидя все за тем же столиком. Здесь по-прежнему спокойно. Стрекот цикад, плеск воды, струящейся между

валунами, время от времени уханье совы. Перед Жоанной лежит открытый путеводитель. Она листает страницы, водит кончиком пальца по строчкам, морщит нос, размышляя, поднимает голову, чтобы отпить глоток чая. Эмиль молчит. Его ручка скребет по бумаге черного блокнота. Он пишет о прошедшем дне, о счастье вернуться на парковку к их кемпинг-кару.

Когда он поднимает голову, Жоанна уже закрыла путеводитель по Пиренеям. Она обхватила обеими руками чашку с чаем. Видно, ждала, когда он закончит писать, чтобы не прерывать его.

— Ну что, ты решила?

— Да. Едем в Моссе.

Это название ничего ему не говорит. Он еще не успел просмотреть весь путеводитель.

— Почему в Моссе? — спрашивает он.

Ему любопытно узнать, что привлекает ее в каком-то конкретном месте, а не в другом.

— Это средневековая деревня на высокой скале.

— Звучит заманчиво.

— Написано, что флора вокруг великолепная.

— Тем более.

Снова повисает молчание. Жоанна, подавив зевок, говорит:

— Я, наверно, пойду спать. Лягу на банкетке внизу.

Она уже встает, и он кидается как в омут головой:

— Жоанна...

Он только об этом и думает со вчерашнего вечера. Им обязательно надо поговорить.

— Насчет этой идеи пожениться...

Она тихонько садится напротив. Локти на столе, ладони плашмя.

— Да?

Она смотрит на него внимательно. Ждет, не торопит его. Он глубже усаживается на стуле, ищет слова.

— Это выход... Ты права... Но...

— Но?

Отсветы пламени свечей пляшут на ее лице. Зажигают огонек в ее глазах, обычно казавшихся ему такими тусклыми. Оказывается, вовсе нет. Она могла бы быть красивой. Из нее могла бы получиться

прекрасная невеста. Однажды, может быть, она узнает это счастье, но не так, не в этих условиях.

— Я не могу просить тебя об этом.

Она сидит неподвижно. Никакие эмоции не отражаются на ее лице.

— Ты ни о чем меня не просишь. Я сама тебе это предложила.

— Ты знаешь, что я хочу сказать...

— Нет...

Он вздыхает, еще сильнее вжимается в спинку стула.

— Для меня все просто. Достаточно будет подписать эти бумаги. Я буду уверен, что свободен до конца благодаря тебе. А потом я умру, и разговор окончен. Ты окажешь мне большую услугу, и я буду тебе вечно благодарен, до смерти, во всяком случае.

Он медлит несколько секунд, сглатывает, подбирает слова.

— Для тебя — другое дело. Твоя жизнь будет продолжаться. Я не знаю, что ты станешь делать, но, может быть, вернешься к Леону или однажды встретишь другого мужчину.

Лицо ее по-прежнему неподвижно.

— Ну и?..

— Ну и ты не можешь выйти за меня замуж. Ты не можешь остаться вдовой в двадцать девять лет.

Жоанна все так же опирается локтями на стол и смотрит прямо перед собой. Она повторяет, чеканя слова:

— Я сама тебе это предложила. Я готова.

Он качает головой. У него такое ощущение, что она ничего не понимает.

— Ты не можешь испортить это с первым встречным.

— Что испортить?

— Это бывает только раз... Только раз в жизни.

Она и бровью не ведет. Неужели ей совершенно наплевать? Неужели все это для нее пустой звук?

— Я готова, — еще раз повторяет она.

— Несмотря на Леона?

— Несмотря на Леона.

Повисает молчание. Он смотрит на ее невыразительное лицо. Хотелось бы ему знать, что оно скрывает, что такое сделал Леон.

— Еще обсудим это? — спрашивает она. — Я правда очень устала.

Он кивает. Жоанна встает и задувает половину свечей.

—

— Старина, не оставляй меня одного сейчас! Предупреждаю тебя! Я умираю от мандража!

С Рено градом лился пот. Он то и дело утирал лоб уже мокрым носовым платком.

— Не надо было тебе так рано надевать костюм, — проворчал Эмиль.

Было тридцать градусов жары, а Рено так нервничал, что захотел надеть свою сбрую жениха за час до церемонии. Они были вдвоем в его детской. В той самой комнате, где провели первые бессонные ночи, обменивались первыми признаниями, смотрели первые фильмы. Эта комната превращалась порой в велосипедную мастерскую или в татами, когда на них находило драчливое настроение. Еще валялись плюшевые игрушки на кровати Рено, висели фотографии класса на стенах. Странно было видеть его, такого большого и элегантного, без пяти минут жениха, среди следов его детства. Эмиль был назначен шафером вместе с каким-то кузенком Рено. Подружек невесты выбирала Летисия. Свою сестру и подругу.

— Открой окно, пожалуйста, Эмиль.

Он повиновался. Рено был на грани обморока.

— Почему ты так паникуешь? Ты ведь знаешь, что она скажет «да», правда?

— Заткнись.

Рено не расположен был шутить. Через час все взгляды будут устремлены на него, и он женится на Летисии.

— Где твой цветок? — спросил он Эмиля, усаживаясь на подоконник.

— А? — отозвался тот, просто чтобы нагнать на него еще больше паники.

— Твой цветок! Твой цветок в бутоньерке! Не говори мне, что ты его забыл!

Эмиль достал красный цветок из кармана рубашки.

— Вот он. Расслабься.

Летисия рукой мастера разработала каждую деталь своей предстоящей свадьбы. Она потребовала дресс-кода, чтобы фотографии были удачными и явно свадебными. Костюмы мужчин и платья женщин должны были быть черными (она позволила немного белых вкраплений, но не слишком заметных). Каждый должен был украсить свой наряд каким-нибудь красным аксессуаром. Рено попросил всех приглашенных мужчин вставить красный цветок в бутоньерку. Сам он надел алый галстук-бабочку, а пиджак его костюма был отделан красной каймой. Эмилю не терпелось увидеть Лору в праздничном наряде. Она надулась, узнав про неприменимый дресс-код, но приняла игру. Купила красивое черное платье с юбкой типа балетной пачки выше колен и отыскала широкий алый пояс с большим узлом на боку. Он не сомневался, что Лора будет выглядеть великолепно.

Мать Рено постучалась в дверь его комнаты и разрыдалась, увидев его в костюме.

— Ты такой красивый...

На церковной паперти Эмиль оказался в черно-красной толпе. Игру приняли все. Подойдя к их общим друзьям на ступенях церкви, он искал глазами Лору.

Летисия появилась в толпе, одетая как принцесса. На ней было широкое платье-бюстье ослепительно белого цвета, ниспадавшее каскадом до щиколоток. Узел волос был украшен маленькими красными бабочками. Эмиль засмеялся, представив себе реакцию Лоры. Он так и видел, как она поморщится, высказав мысль вслух (очень громко): *Внимание, дурной вкус!*

При виде бабочек она, пожалуй, хлопнется в обморок.

— Лоры нет? — спросил он, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Вся их компания собралась здесь, но Лоры еще не было. Один из сокурсников Рено ответил ему:

— Она была здесь, но ушла.

— Что? Как это ушла?

К церкви подъехал Рено в родительской машине, и это их отвлекло. Отец и мать подвели его под крики и аплодисменты толпы к верхней ступеньке, где ждала его Летисия.

— Куда ушла Лора? — спросил он снова, когда все уже толпились внутри церкви.

Никто не знал. Он поспешно позвонил ей.

— Да?

Она, должно быть, вела машину, он слышал тиканье сигнальных огней на том конце линии.

— Куда ты пропала? Где ты?

— Отстань! Эта мегера послала меня подальше, когда я с ней поздоровалась.

— Что? О чем ты?

— Летисия! Она так нервничала, наша мадам Психоригидная! Раздавала команды направо и налево, а меня послала подальше!

— Что? Но... когда?

— Сейчас, только что, когда я приехала к церкви. Это ей так не пройдет!

— Но где ты? Что ты делаешь? Не говори мне, что ты из-за этого решила не присутствовать на свадьбе!

У него потемнело в глазах от облегчения, когда она ответила:

— Нет. Я скоро. Я просто поехала переодеться.

Он не понял смысла ее последней фразы. Слишком нервничал для этого. Все уже сидели в церкви, и Рено панически махал ему руками. Ждали только его.

Свадебный марш гулко разнесся в церкви. Последние гости расселись. Эмиль смотрел, как Летисия идет через центральный проход под руку со своим отцом в благоговейной тишине. Он видел сияющие счастьем глаза Рено. Он слышал, как тот ответил «да» на выдохе, так был взволнован. Он искал глаза Лоры в момент поцелуя, искал их в момент «Объявляю вас мужем и женой», он хотел глазами дать ей понять: *Однажды это будем мы*. Но ее не было.

Он встретил ее у дверей церкви, когда новобрачные выходили под гром аплодисментов, под лепестками красных роз. Встретил Лору в бирюзово-голубом платье, дерзкую, идеально выделявшуюся в черно-красной толпе гостей.

— Ло... Как ты могла?

Она была счастлива, его обожаемая маленькая чума. Он не удержался от смеха, обняв ее за талию.

— Ты чудовище.

И она ответила, улыбаясь во все тридцать два зуба:

— Скорей бы фотографироваться.

Она действительно испортила все фотографии. Перед церковью, в маленьком парке, в шатре, на ступеньках мэрии. Было видно только ее. Бирюзовое пятно в черно-красном море. Только на нее падал свет, не видно было даже Летисии. Кончилось тем, что сестры и мать Летисии недвусмысленно попросили ее стоять позади всех на следующих фотографиях. Она повиновалась, сияя улыбкой. Она видела гнев на лице Летисии, и этого ей было достаточно. После съемки Эмиль силой отвел ее в их квартиру и приказал:

— Ты сейчас же переоденешься.

Она переделалась. Даже без капризов. Она, в сущности, не была злой. Просто врединой. Очаровательной маленькой врединой.

— Ну что, как впечатление?

Они наконец оказались одни с Рено за столом новобрачных. Летисия с сестрами ушла танцевать. Лора болтала с общими друзьями за другим столом.

— Это... Я все еще не могу поверить.

Он с восторгом смотрел на свое обручальное кольцо на левой руке.

— Мне кажется, что это не моя рука.

— От этого, наверно, чувствуешь себя взрослым?

Рено гордо выпятил грудь.

— Да.

Он был еще взволнован. Щеки его пылали. Эмиль улыбнулся ему.

— Опомнись не могу.

— Я тоже.

— Я смотрел на тебя в церкви, такого прямого, уверенного в себе... Как Летисия шла к тебе... Я думал: *Смотри, какой путь мы прошли.*

— Маленький толстячок, которым я был, никогда бы мне не поверил, скажи я ему, что однажды он будет здесь.

— Вот видишь. Всегда надо верить.

Рено незаметно смахнул слезинку в уголке глаза.

— Это все отчасти благодаря вам... Если бы вы тогда не выкрутили мне руки...

— Не пори чушь! Мы, конечно, преподнесли ее тебе на блюдечке... Но все остальное ты сделал сам! И неплохо справился, как я посмотрю!

Рено засмеялся, подавив в горле рыдание счастья. Сюрпризы отнюдь не закончились. Он еще не знал, что через три месяца живот Летисии округлится. Не знал, что готовится стать папой.

Карен была права. Брак еще имеет смысл. И теперь он уверен: он не может жениться ни на Жоанне, ни на ком другом. Он такой, он как Рено. Если он однажды женится, это должно быть сильно и прекрасно. Он откажется от подарка Жоанны, какую бы цену ни пришлось за это заплатить.

21 июля, около 13 часов
Моссе, на краю лавандового поля, ниже деревни

Жоанне надо бы чаще выбирать направление. Мы еще не вошли в деревню, видим ее только отсюда, снизу. Видны ее стены и дома, как бы взгромоздившиеся на большую скалу.

Мы вышли на лавандовое поле, чтобы перекусить и полюбоваться видом. Из достопримечательностей тут не только деревня Моссе. Есть еще разрушенный храм. Капелла Нотр-Дам-де-Корбьяк. Большая старинная церковь романской эпохи. Табличка у входа гласит, что она была выкуплена четой англичан, которая ведет здесь реставрационные работы.

После обеда мы войдем в деревню, поищем стоянку, чтобы припарковать машину, и пойдем осматривать улочки...

Они не нашли стоянки, где можно было бы припарковать автомобиль. Дважды обошли деревню, чтобы удостовериться, и решили сделать кое-какие покупки в маленьком супермаркете, прежде чем спуститься. Они оставили машину на обочине узенького загородного шоссе и поднялись пешком с рюкзаками, чтобы осмотреть Моссе. Когда Эмиль и Жоанна входят в деревню, жара уже немного спала. Через один из трех порталов — портал Санта-Маделена — они проникают за стены. Моссе сохранил вид горной средневековой деревни. Стены, защищавшие замок феодалов, еще стоят, как и порталы Кум Желада и Франса. На верхушке деревенской колокольни — невероятный феномен! — растет сосна, которой больше ста лет. Это, похоже, туристическая достопримечательность. Эмиль и Жоанна углубляются в переулки, в тень. Останавливаются перед амбаром, потом перед вывеской столяра, вытесанной из камня, — рубанок гордо красуется, как герб. При виде старинной хлебной печи они

раскрывают рты. Потом останавливаются у пруда, и Эмиль смотрит, как Жоанна мочит в нем ноги.

—

— Тебе понравилось?

Уже стемнело. Они вернулись к кемпинг-кару ниже деревни, после того как несколько часов бродили по переулкам.

— Да. Я влюбился в эту деревню.

Они сидят, по обыкновению, за складным столом у кемпинг-кара. Это шоссе почти безлюдно. Они правильно сделали, что припарковались здесь.

— Надо бы ходить поменьше, — говорит Жоанна, наполняя их тарелки рагу из моркови.

— Почему это?

— Всего два дня назад ты потерял сознание.

Погрузив ложку в рагу, Эмиль подносит ее ко рту.

— Да, — говорит он с полным ртом. — Ты права.

Он не знает, на что больше похоже рагу. Пюре? Суп? Но вкусно. Морковь они купили в супермаркете наверху.

— Тем более что в следующий раз я не хочу, чтобы ты отдавала меня в больницу.

Жоанна роняет ложку от удивления.

— Что?

Он дожевывает, глотает.

— Я подумал. Нам не надо жениться, я не хочу.

Она не спеша берет ложку, пожимает плечами.

— Хорошо.

Эмиль не может различить никаких эмоций на ее лице. Ни разочарования, ничего другого. Конечно, ей это все равно. Она предложила оказать ему услугу, и только. Они продолжают молча есть, только ложки скребут по тарелкам.

— Так что, если ты снова упадешь, что мне делать?

Он не знает, что ответить.

— Мне самой заботиться о тебе?

В самую точку. Эмилю думается, что он ужасный эгоист и взваливает на нее непосильное бремя. Но он не способен дать ей логичный и внятный ответ. Он не может просить ее быть его сиделкой, самой доставлять его в кемпинг-кар, лечить... Но не может и попросить идти своей дорогой и оставить его на обочине. Его найдут. Отвезут в больницу. Он кончит в центре клинических испытаний. Снова окажется под опекой родителей. Этого он хочет избежать любой ценой. Жоанна все еще ждет. Он мнется, мямлит:

— Есть другой выход... Я мог бы... Я мог бы сменить документы... Это... Это возможно?

Он счастлив, что она остается невозмутимой, не хмурит брови, не закатывает глаза, не смотрит на него как на посмешище.

— Я наведу справки. Завтра же наведу справки. Если у меня будут другие документы, я смогу лечь в больницу без риска.

Она медленно кивает.

— Хорошо.

Вряд ли Жоанна верит в это хоть на секунду. Как он это сделает? Откуда возьмет документы? Он понятия не имеет. Они продолжают молча есть.

Позже они вместе моют посуду все в том же напряженном молчании. Он моет, а она вытирает. Жоанна ни о чем не спрашивала, но Эмиль все же говорит:

— То, что я отказываюсь от брака, не имеет отношения к тебе.

Он оборачивается, чтобы видеть ее лицо. На нем все то же нейтральное выражение.

— Я знаю, — говорит она.

Он снова поворачивается к ней спиной и начинает оттирать кастрюлю в раковине.

— Просто я... я не могу представить, что женюсь, если это начисто лишено смысла. Я...

Он осекается, держа руки в пене над раковиной.

— Я, наверно, все-таки романтик. Тебе это может показаться глупым... Мне нужно, чтобы в этом поступке был смысл.

Он чувствует спиной, как она кивает. Проходит несколько секунд. Когда она начинает говорить, голос у нее очень ласковый:

— Ты решил, что это начисто лишено смысла?

Он вынужден прерваться, закрыть кран, отложить губку и повернуться к ней лицом.

— Что ты хочешь сказать?

Брови у нее слегка нахмурены.

— Если ты не влюблен, это еще не значит, что такой поступок не имеет смысла. Я бы тоже не предложила, если бы он не имел смысла в моих глазах.

Эмиль продолжает смотреть на нее молча, так и не отряхнув пену с рук.

— Это имеет смысл. Я как бы даю тебе обещание или, вернее... вернее, беру обязательство... чтобы ты был уверен, что я буду следовать твоим инструкциям до конца, буду защищать твою свободу во что бы то ни стало и заботиться о тебе, пока не... Это брак не по любви, что верно, то верно... Но ведь это и не совсем бессмысленно, правда?

Он тихонько качает головой. Нет, конечно нет. Она права.

— Не совсем... Правда...

Брак с ней не имеет того значения, которого он хотел бы, но это не совсем бессмысленно. Он ошибался. Несколько секунд Эмиль молчит, потом спрашивает:

— А для тебя... какой во всем этом смысл? Что ты... Что ты выигрываешь?

Мучительное выражение мелькает на ее лице. Признание слабости. Впервые он может читать в ее невыразительных чертах. Она страдает. Безмерно. Эмиль не знает почему, но в эту минуту понимает, по какой причине она замкнулась в себе, по какой причине изображает равнодушие и не выказывает никаких эмоций. В ней слишком много боли. Если Жоанна выпустит наружу хотя бы частицу, поток захлестнет ее, и непонятно, выживет ли она. Низким глубоким голосом она отвечает:

— У меня снова будет причина идти вперед.

Он понял. Еще до того, как она открыла рот.

Прошло два дня, а они этого и не заметили. Одновременно очень быстро и очень медленно. Эмиль много отдыхал. Он проводил большую часть времени за столиком у кемпинг-кара или под деревом на обочине шоссе. Спал, кое-что записал в свой блокнот, попытался

приготовить гаспачо из овощей, которые Жоанна принесла с рынка на второй день... Жоанна уходила на долгие часы в Моссе и его окрестности. Она гуляла по мощенным булыжником улочкам и по лавандовым полям. Возвращалась с букетами сушеной лаванды, раскладывала их на кухонном столе в кемпинг-каре. Она побродила по маленькому рынку в Моссе и принесла овощи всех цветов. Они вновь заговорили о браке только на второй день, когда пили чай на обочине этого узкого, такого безлюдного шоссе. Эмиль сказал:

— Завтра пойдем в мэрию.

И Жоанна поняла.

—

В это утро они идут вдвоем под палящим солнцем к деревне, окруженной крепостными стенами. Они рады, что мэрия открыта. Они не знают, какой сегодня день. Боялись, что воскресенье. В холле Жоанна надолго останавливается перед стойкой с проспектами. Служащая за конторкой наконец теряет терпение, видя, что они не подходят, и прочищает горло.

— Добрый день. Я могу вам помочь?

Жоанна вздрагивает. Эмиль делает ей знак следовать за ним, и вот уже они оба у стойки ресепшена.

— Добрый день.

Голос у Эмиля слегка сел.

— Мы... Мы пришли к вам, потому что хотим пожениться.

Он сказал это странным голосом, глухим голосом, показавшимся ему чужим. Служащая мэрии задерживает взгляд на их походном облачении.

— Вы жители коммуны? — спрашивает она довольно нелюбезно.

Отвечает Жоанна, что удивляет Эмиля:

— Нет. Мы проездом.

Женщина издает странный звук, прищелкнув языком о небо.

— В таком случае это невозможно.

Молчание повисает в чересчур большом и холодном холле мэрии.

— А, — вырывается у Эмиля.

Служащая качает головой.

— Брак может быть зарегистрирован только по месту жительства как минимум одного из супругов.

Они быстро, досадливо переглядываются. Им и в голову не приходило, что это может стать проблемой. Эмиль не знает, что ответить. Жоанна переминается с ноги на ногу. Она пытается объяснить:

— Дело в том, что мы много путешествуем. Мы... Мы, собственно, нигде постоянно не живем.

Служащая поглубже усаживается в кресле с понимающим видом.

— Ясно. В таком случае... дайте-ка я посмотрю...

Она поворачивается в кресле на колесиках, встает и идет к большому шкафу у стены. Достает толстую папку и кладет ее на стойку.

— Простите, секундочку...

Оба поспешно кивают. Они смотрят, как она извлекает из папки упакованный в прозрачный пластик листок, следят за ее бегающими по строчкам глазами, за ее губами, которые поджимаются, потом растягиваются в удовлетворенной улыбке.

— Вот, — говорит она наконец. — Готово. Я нашла.

Они ждут, не сводя с нее глаз.

— Для заключения брака необходимо либо постоянное, либо временное проживание в коммуне.

Они неуверенно переглядываются, еще мало что понимая.

— В том случае, если коммуна является местом вашего временного проживания, необходимо, чтобы как минимум один из супругов проживал в ней больше месяца.

Она кладет листок на стойку, смотрит на них обоих. Жоанна морщит нос. Она задумалась. Эмиль почесывает подбородок. Он всегда так делает, когда нервничает.

— Место временного проживания, — выговаривает он наконец. — Что это значит?

— Это значит, что вы здесь живете.

Она, кажется, принимает его за идиота или ужасного тугодума.

— Мы в кемпинг-каре, — сообщает он.

— Боюсь, что в таком случае это не работает.

Служащая мэрии ждет реакции с его стороны. Он бормочет невнятный ответ:

— Ладно... Хорошо... Мы посмотрим...

Она кивает.

— Если вы решите поселиться здесь и пожениться, надо заранее предупредить мэрию. В мэрию необходимо подать досье с приложением определенных документов. Мы должны опубликовать оглашение и вывесить его в мэрии на десять дней. Пожениться вы сможете только на одиннадцатый день. Не забудьте об этом, если решите пожениться здесь.

Эмиль снова чешет подбородок.

— Документы, то есть...

— Оригинал и ксерокопия удостоверения личности, подтверждение проживания, то есть какой-нибудь счет, информация о свидетелях и их документы и полная копия ваших свидетельств о рождении. Это все.

Он опять начинает чесать подбородок.

— Насчет свидетелей...

Она сразу понимает еще не заданный вопрос.

— У вас их нет?

Оба одновременно качают головой. На этом этапе служащая уже не удивляется. Она, должно быть, принимает их за парочку маргиналов.

— Нужно как минимум двое. Служащим мэрии разрешается быть вашими свидетелями.

В холле мэрии снова повисает молчание. Служащая читает облегчение на их лицах. Теплый сквозняк проносится по холлу, когда за их спиной открывается стеклянная дверь. Входит сгорбленная старушка. Ее шаги гулко стучат по плиткам пола.

— Это все, месье-дам? — спрашивает служащая.

Оба кивают.

— Да. Отлично. Спасибо.

— Спасибо вам. До свидания.

— До свидания.

Они спускаются по улочкам медленнее, чем поднимались. Оба немного обескуражены тем, что услышали.

— Что будем делать? — спрашивает Эмиль.

Личико Жоанны выныривает из-под шляпы, когда она поднимает к нему голову.

— Надо будет где-то поселиться на месяц. Снять меблированную квартирку, все равно что...

— Да...

— Здесь или в другом месте.

Он по-прежнему немного обескуражен. Для него все слишком сложно. Жоанна воспринимает это куда легче. У нее воздушный шаг, почти беззаботный вид.

— Если придется поселиться надолго в одном месте, надо, чтобы нам там было хорошо, — добавляет она.

— Да...

— Смотри, что я взяла в холле...

Она протягивает ему проспект с заголовком «*Эус. Одна из самых красивых деревень Франции. Является памятником старины*». На фотографиях старинная деревня, состоящая из узеньких каменных улочек, прилепившаяся к склону горы, окруженная богатой пестрой растительностью. Выглядит великолепно. Еще лучше, чем Моссе.

— Где это? — спрашивает он.

— В пятнадцати километрах.

— Ты хочешь поселиться там?

Жоанна пожимает плечами.

— Еще не знаю...

Она сдвигает шляпу, сползшую на лоб.

— Но я хочу посмотреть, как мы будем там себя чувствовать.

— Хорошо. Поедем посмотрим.

24 июля

Рено,

новый этап на нашем пути. Сегодня мы покидаем Моссе и отправляемся в деревню под названием Эус.

Это путешествие безмятежно. Я и не ожидал, что найду такую безмятежность и внутренний покой в скитаниях без цели. Ты бы меня не узнал. Смотри, кстати, как я говорю! «Внутренний покой»! Жоанна все-таки действует на мою нервную систему!

Однако, как видишь, я нахожу удовольствие, просто сидя и глядя на звезды или на бег облаков, просто лежа в тени деревьев. Я даже с удовольствием стряпал лавандовое желе, чтобы порадовать Жоанну! Желе остыло и, кажется, вполне удалось. Видишь, я меняюсь. Думаю, к лучшему... Суди сам 😊

Я сам удивляюсь, что нахожу удовольствие в пустяках, в обычных повседневных делах. Но я пишу тебе не об этом. Нет, я хочу сообщить тебе великую новость: я женюсь, Рено.

Не прыгай от радости. Это не шутка, но это не совсем то, что ты думаешь. Это вовсе не такой брак, как у тебя с Летисией... Это идея Жоанны. Она готова это сделать, чтобы стать моей законной опекуной, если меня положат в больницу или придется принимать важное решение. Она делает это, чтобы не дать мне кончить свои дни в медицинском центре. Я думаю, именно потому, что она меня не любит, ей легче принимать правильные решения.

Мы скоро начнем готовиться к свадьбе, но речь не о выборе ресторана, примерке нарядов или старинной машине напрокат, чтобы подъехать к церкви. Речь только о бумажной волоките, конечно, тягостной, и мы оба вздохнем с облегчением, когда все уладим.

Ты помнишь, в день твоей свадьбы нам было трудно поверить, что этот парень в костюме — действительно ты, что это происходит с тобой. Ты сказал мне нечто вроде «пацан, которым я был, никогда бы мне не поверил, скажи я ему, что однажды он будет здесь». Ты не представлял себе, что однажды окажешься перед алтарем рядом с Летисией. Ты не верил, что когда-нибудь твоя жизнь будет такой.

Ну вот, у меня примерно такое же ощущение, но все иначе. Когда я был маленьким и представлял себя новобрачным, то видел красивую свадьбу: каменную церковь, красивую брюнетку в белом платье, гостей, праздник. Мне и в голову не приходило, что будет так: собрать ксерокопии официальных бумаг, торопясь с этим покончить. Мне не приходило в голову, что у новобрачной уже есть любимый, что он ждет ее где-то под Сен-Мало.

Ну да ладно... Надо полагать, жизнь полна сюрпризов. Это путешествие, например, и эта безмятежность — хороший сюрприз...

Рено, я должен с тобой проститься. Жоанна готова. Мы можем отправиться в путь. Я напишу тебе, как только мы устроимся в Эусе.

Обнимаю тебя. Я очень много думаю о вас.

Эмиль

Они приехали в Эус во второй половине дня под палящим солнцем. Говорят, Эус — самая солнечная деревня во Франции. Жара, во всяком случае, удушающая. Они паркуют кемпинг-кар на стоянке перед самыми стенами. Поступят как в Моссе: пойдут в деревню пешком. Едва выйдя из машины, они застывают на несколько долгих секунд. Вот он, Эус, перед ними, на скалистом выступе напротив. Эта старинная деревня, бывшая крепость, прилепившаяся к склону, построена на плато между долиной Конфлан и горой Канигу. Наивысшая точка деревни — колокольня собора.

Эмиль пытается стряхнуть с себя оцепенение.

— Возьмем рюкзаки и пойдём?

Жоанна кивает.

Едва они ступают за стены, их окликает какой-то старик.

— Вы туристы?

У старика редкие седые волосы. На нем поношенная пастушья жилетка и берет. На первый взгляд он кажется слегка чокнутым. Отвечает ему Жоанна, удивив Эмиля:

— Добрый день, месье. Да, мы туристы.

Старик приближается маленькими шажками, которые, кажется, стоят ему сверхчеловеческого усилия. Он улыбается беззубым ртом.

— Добро пожаловать, — говорит он, оказавшись наконец перед ними.

Жоанна благодарно кивает. Эмиль держится чуть в стороне. Старик протягивает им руку, которую они оба нерешительно пожимают.

— Я могу вам все показать. Я знаю эту деревню как свои пять пальцев.

Жоанна поворачивается к Эмилю, ожидая его согласия. Он колеблется, не доверяет. Она на сей раз — почему-то нисколько.

Он не знает, что ответить, сказать ли старику, что у них нет с собой мелочи... Но слева вдруг звучит другой голос, и они видят дом, распахнутое окно, а за ним женщину лет пятидесяти в желтом переднике.

— Не волнуйтесь, молодые люди! Это Жан. Он — память нашей деревни.

Она говорит с веселой улыбкой.

— Уже много лет он служит гидом каждому входящему сюда туристу.

Они вежливо улыбаются ей в ответ.

— А... Хорошо.

— От него, — добавляет женщина, — вы узнаете куда больше, чем из любой книжки.

Старик ждет их, сложив руки за спиной.

— Ну что... вы идете?

И Эмиль кивает.

— Да. Мы с вами.

—

Они правильно сделали, что согласились. Они конечно, боятся утомить старика, карабкаясь по булыжным мостовым под палящим солнцем, но сами в восторге, что приняли его приглашение. Жан много говорит, даже когда они поднимаются по крутым улочкам. Он совсем не запыхался. Он рассказывает им историю собора Сен-Венсан, который возвышается над деревней, — от него отходят все мощеные улочки. Церковь была построена на развалинах бывшего замка. Впрочем, объясняет он им, за церковью еще можно найти эти руины. Церковь строили, рассказывает он, сами жители деревни. Богатые дали денег, а бедные работали.

— Мужчины возводили стены. Женщины носили камни. Около пятидесяти кило каждый.

Камни были так тяжелы, объясняет Жан, и носить их требовало таких усилий, что многие младенцы не смогли родиться.

— Дети и женщины послабее носили корзины с землей, чтобы возвести естественные леса внутри церкви.

Церковь Сен-Венсан зовут верхней, в отличие от нижней, романской часовни, находящейся внизу деревни.

Они сворачивают в крутые улочки, проходят под старинными аркадами, останавливаются перед остатками бывшего дозорного пути. У многих домов есть странные округлые ниши. Жан объясняет, что это старинные хлебные печи, еще иногда используемые. А вот это массивное старое здание — дом священника. Открытые магазинчики, привлекающие туристов, — это по большей части лавочки мастеров: резчиков по камню и мрамору, витражистов, ювелиров, оружейников, художников... Жоанна на седьмом небе. Эмиль видит, как блестят ее глаза перед каждой вывеской. Жан без усталости идет своей дорогой, не переставая говорить.

Они подходят наконец к высшей точке Эуса — собору Сен-Венсан. Жан показывает им растительность внизу, окружающую деревню.

— Такого вы больше нигде не увидите — смеси кактусов и мимоз, как здесь.

Он поворачивается на север, показывает им что-то вдали.

— Если пойдете в эту сторону, придете в старую деревню, от которой сегодня остались одни развалины. Она называется Ком. Там теперь только камни... и церковь.

Жан ушел. Он покинул их так же неожиданно, как недавно появился. Помахал на прощание рукой и исчез вместе с беретом и пастушьей жилеткой. Эмиль и Жоанна остались в недоумении, и какой-то мужчина, куривший сигарету перед лавкой со старыми ножами в витрине, сказал им с улыбкой:

— Это здешняя легенда.

Они подошли ближе. Эмиль спросил:

— Он жил здесь всегда?

Мужчина помотал головой.

— Почти. Он бывший пастух. Когда поселился в деревне, встречался со старожилками и часами расспрашивал их об истории деревни и прежней жизни.

Эмиль озадаченно мнетя перед мужчиной.

— Мы ничего не дали ему в благодарность...

Мужчина смеется.

— Ему ничего не надо. Он делает это бескорыстно.

Молодые люди сели у подножия собора Сен-Венсан и смотрели, как тихонько садится солнце над Эусом. Камни окрашиваются золотистыми отсветами, соскальзывающими вниз по улочкам. Краснеют крыши. Узкая оранжево-розовая кайма вырисовывается на горизонте. Растительность за стенами потемнела. Они не могут говорить, не могут оторваться от созерцания зрелища. Этот день был как бы днем вне времени. Жан, булыжные мостовые, камни, пропитанные историей...

— Эмиль...

Жоанна заговорила на выдохе, не сводя глаз с краснеющего солнца над крышами домов.

— Да?

— Думаю, надо поселиться здесь...

Теперь Жоанна смотрит на него. Ее лицо, обычно такое бледное и невыразительное, в этот момент озарено светом и восхищением. Она как будто ожила, отогрелась.

— Да, — просто отвечает он.

Он не знает, найдутся ли у него слова, чтобы описать в дневнике то, что он видел сегодня.

—

Они едят лавандовое желе прямо из кастрюльки, руками. Отскребают с краев, чтобы быть уверенными, что не потеряют ни глотка. Потом, зажмурившись, жадно облизывают пальцы. Кастрюлька уже ополовинена. Эмиль готов ручаться, что они доедят все сегодня вечером. У Жоанны блестят глаза. Он счастлив видеть ее такой. Они вынесли складной стол и стулья и сидят рядом с автомобилем, на

парковке напротив крепостных стен. Не лучшее место для привала, но это не имеет значения. Завтра они поищут квартиру, чтобы поселиться на месяц. Кемпинг-кар оставят на этой стоянке, подпишут договор аренды и переедут.

Месяц назад Эмиль узнал, что он обречен, что проведет два последних года взаперти в центре клинических испытаний. Сегодня он ест изумительное лавандовое желе перед самой красивой деревней, какую он когда-либо видел. Завтра он поселится там с Жоанной. Через несколько недель они скажут «да» в мэрии. Жизнь не кончается. Эмиль хорошо это понял. Пока он знает, что не умер, она будет и дальше подкидывать ему сюрпризы. А он еще не умер. Наоборот. Он никогда не чувствовал себя таким живым.

Жоанна с утра подобна торнадо. Она то и дело ныряет в кемпинг-кар, пока Эмиль пытается худо-бедно поспать. Он слышит, как она входит и выходит, берет из-под раковины чашку, греет воду, моет ложку. Потом уходит надолго. Почти на час. Он едва успевает уснуть, как она возвращается и снова пускает воду. Роемся в шкафчике, что-то роняет. Делать нечего, Эмиль встает. Он понимает, что не сможет больше уснуть под весь этот шум.

— Что происходит? Мы уже переезжаем?

Он спрыгивает с веревочной лесенки. Жоанна внизу складывает банкетку, на которой спит.

— Привет, — говорит она, выпрямляясь. — Я тебя разбудила?

— Есть немного...

— Я встретила Жана у входа в Эус. Хотела начать ориентироваться в улицах и высматривать съемные квартиры...

Эмиль трет глаза, давит зевок. Он понятия не имеет, который час. Он думал, что спал совсем немного, но, судя по солнцу, уже около полудня.

— Он так и торчит у входа в деревню? — спрашивает он для проформы.

— Да. Он был с женщиной в желтом фартуке... Той же, что вчера.

Эмиль помнит эту женщину лет пятидесяти, которая говорила с ними из окна. Он кивает и направляется к кухонному столу, чтобы приготовить себе чай.

— Она со мной поздоровалась и спросила, надолго ли мы здесь. Я ответила, что мы хотим поселиться на некоторое время в деревне. Она сказала мне, что квартира над ее матерью свободна.

С чайником в руке он поворачивается к Жоанне.

— Что?

— Вообще-то это одна квартира. Двухэтажная... Но ее матери восемьдесят четыре года, и ей трудно передвигаться. Они переоборудовали квартиру, чтобы она могла жить только на первом этаже. Установили внизу ванну и туалет. Уже два года второй этаж пустует.

— О!

Он думает, что это очень удачное совпадение.

— Она за два года не смогла ее сдать?

Жоанна поджимает губы, он никак не может истолковать выражение ее лица. Пожалуй, досадливое.

— Вообще-то она предлагает половину квартплаты платить услугами...

Он опять ничего не понимает. Он видит, что Жоанна тщательно подбирает слова, следя за его реакцией.

— То есть? — спрашивает он.

— Она ищет серьезных людей, способных присмотреть за ее матерью, а они взамен платят только половину квартплаты.

Эмиль хмурится.

— Это, часом, не надувательство?

— Достаточно заходить к ней несколько раз в день, чтобы удостовериться, что с ней все в порядке, и составить ей компанию. Приходящая домработница у нее есть. Надо просто немного за ней присматривать.

Жоанна ждет его реакции с явной тревогой.

— Что скажешь?

Он ставит чайник на кухонный стол.

— Не знаю... Мы будем жить у нее?

— Более или менее... Скажем, прямо над ней. Но у нас будет отдельная лестница, чтобы подниматься на второй этаж.

Он невольно хмурится еще сильнее.

— Не знаю... Заниматься старухой... Это не совсем мое...

С новым тревожным взглядом Жоанна разыгрывает новую карту:

— У нас будет доступ во внутренний дворик... Она говорит, что мать никогда туда не выходит... Красивый дворик в тени большого платана.

— Ммм.

Он снова принимается готовить чай. Он не знает, что эта женщина вбила в голову Жоанне, но, судя по всему, вбила крепко. Несколько секунд Жоанна молчит. Смотрит, как он кипятит воду, наливает в большую чашку, опускает в нее чайный пакетик. Потом выходит за ним наружу, когда он садится за складной стол.

— Наши имена будут в договоре аренды?

В конце концов, это единственная причина, по которой они хотят снять квартиру в деревне.

— Да. Она мне это подтвердила. Но это еще не все...

Она склоняется к нему поверх стола с серьезным видом.

— Она не требует ни поручителей, ни контракта на работу...

Эти слова для него неожиданность.

— Мы не подумали вчера... Но с этим может возникнуть проблема...

Она права. Вчера они увлеклись. И не подумали обо всем. Договор аренды не заключают просто так. Есть необходимые условия. А ведь у них нет ни поручителей, ни контракта на работу, ни постоянных источников дохода...

— Черт, — вырывается у него, и настроение резко портится.

Жоанна хмурит брови.

— В чем дело?

— Ты права... Мы в тупике...

Она качает головой. Он думал, что ее привлекает перспектива помогать старушке, но нет. Она просто поняла, что у них нет выбора.

— Тебе не показалось, что это надувательство? — спрашивает он, глубже вжимаясь в стул.

— Вроде нет.

— Можно посмотреть квартиру?

— Да. Она предлагает показать ее нам сегодня после обеда.

— Ладно...

Жоанна выжидает несколько секунд, но он больше ничего не говорит, и она спрашивает:

— Я скажу ей, что мы согласны?

Он немного раздосадован. Действительно, это мог бы быть план Б... Если это позволит им получить бумаги, чтобы пожениться... Как-нибудь протянут месяц.

— Да. Посмотреть-то можно.

— А там решим?

— А там решим.

Женщина сняла свой желтый передник. На ней летнее цветастое платье, бело-розовое, на плече маленькая золотая сумочка. Она встречает их такой же, как вчера, широкой улыбкой у подножия крепостной стены.

— Добрый день!

Жоанну она уже видела утром, поэтому здоровается только с Эмилем, протягивая ему руку.

— Рада снова видеть вас.

— Я тоже.

— Меня зовут Анни.

— А я Эмиль.

Поправив ремешок сумочки на плече, она добавляет:

— Ваша подруга сказала мне, что вы собираетесь поселиться в нашей красивой деревне на некоторое время?

Эмиль кивает.

— Мы еще не знаем, сколько пробудем...

Он старается соблюдать осторожность. Он ведь даже не знает, что рассказала ей Жоанна. Не знает, готова ли эта женщина сдать квартиру проезжим туристам всего на месяц.

— Она мне сказала, на месяц как минимум.

Он кивает с некоторым облегчением.

— Вот именно.

По крайней мере, все ясно с самого начала. Женщина делает им знак следовать за ней, и они сворачивают налево, на уходящую вверх улочку.

— Сдать квартиру нелегко... Люди обычно здесь проездом. Надолго не задерживаются.

Их шаги гулко стучат по булыжной мостовой. Навстречу попадает группа иностранных туристов, следующих за гидом с мегафоном.

— Туристам, которые останавливаются здесь на несколько дней, мое предложение не особенно интересно. Им нужны комнаты на отпуск, ничего больше. Маме не понравилась бы чередой постоянно сменяющихся незнакомцев. Ей в ее возрасте нужна стабильность.

Эмиль и Жоанна одновременно кивают.

— Вот увидите, квартирка маленькая, но тихая. Внутренний дворик просто очарователен. Вы сможете пользоваться им, никто вас не потревожит. Мама не любит выходить летом. Жара удушающая, даже в тени. Она предпочитает сидеть в гостиной, под кондиционером. Так что вы можете располагаться там без проблем.

Они подходят к дому, и Анни начинает рыться в сумочке в поисках ключей.

— Вот эта квартира. Как видите, я живу недалеко от мамы. Могу заходить хотя бы раз в день... То есть когда не сижу с внуками. Дочь и зять живут в округе неподалеку.

Они стоят на очень узкой мощеной улочке. Каменные домики на одну квартиру каждый тянутся по обе стороны. Анни указывает на маленькую красную дверь, над которой висит фаянсовая табличка с номером 6. Каменный домишко крошечный: окошко с красными рамами на первом этаже, украшенное горшком герани. Кружевная занавеска скрывает его от любопытных глаз. Второе окошко, наверху, закрыто толстыми ставнями из темного дерева: понятно, что эта часть дома пустует. Ширина домика не больше четырех метров. Рядом с другими домами на улице этот кажется кукольным.

Анни поднимается на крылечко к красной двери и звякает ключами, вставляя их в замок. Дверь открывается, и она жестом приглашает их внутрь.

— Мама! — кричит она, закрыв за ними дверь. — Мама! Это я, Анни! Пришла показать квартиру молодым людям!

Они стоят в темном коридоре, который ведет, должно быть, в гостиную и кухню. Из-под двери просачивается полоска света. Слева от них лестница на второй этаж. Деревянная, покрытая ковровой дорожкой. Слышится приглушенный старушечий голос:

— Хорошо. Зайдешь ко мне потом?

— Да, мама. Покажу им второй этаж, и мы зайдем к тебе.

— Хорошо.

Анни показывает им на лестницу слева.

— Поднимайтесь, я за вами.

Жоанна идет впереди. Эмиль следом. Поднявшись по ступенькам, они оказываются в комнате, погруженной в полумрак, и не различают даже ее очертаний.

— Ох, извините! — восклицает Анни. — Я должна была пойти первой, надо открыть ставни.

Она делает несколько шагов, приглушенных ковровым покрытием на полу. Эмиль с Жоанной слышат, как открывается окно, скрипят ставни, и вдруг их ослепляет солнечный свет с улицы. Они удивлены. Эмиль ожидал мрачного и заставленного старушечьего интерьера, но в комнате, где они находятся, много воздуха, много света и вполне современная обстановка. Анни, похоже, уловила удивление на их лицах и объясняет:

— Мы с мужем все здесь перестроили, когда решили поселить маму внизу. Снесли перегородки, сделали большую студию и сменили обстановку на более современную.

Действительно, кроме бежевого коврового покрытия — его, видимо, не трогали, — помещение, похоже, переделали полностью. Стены обработали так, что видны красивые камни, из которых сложен дом. Потолок явно недавно побелили. В него вставлены светильники. Это действительно студия, с широким угловым диваном, низким столиком и этажеркой с книгами. У противоположной стены кухонька. Над плитой и маленьким холодильником — второе окошко, слуховое, выходящее, должно быть, во внутренний дворик.

Анни делает гостям знак подойти к стенному шкафу, и они понимают почему. За угловым диваном, частично скрытая этажеркой с книгами, находится маленькая дверца, которую она открывает.

— Вот ванная и туалет.

Здесь тоже все переделано. Душевая кабинка сияющей белизны, раковина из фальшивой гальки. Мансардное окошко позволяет проветривать помещение. Тесновато, но мило и хорошо продумано.

— Мама оставила здесь кое-какие вещи, которые могут вам пригодиться. Полотенца, книги, игру в скрабл. Она в своем возрасте предпочитает телевизор.

Они уже вернулись в комнату, к лестнице.

— Как я уже объяснила вашей подруге утром, я предлагаю вам платить половину в обмен на внимание к маме. Я не прошу вас

заниматься ее хозяйством или туалетом. У мамы есть приходящая помощница, которая всем занимается, она приходит каждое утро очень рано, в семь часов. Вы вряд ли будете с ней пересекаться. Нет, я прошу просто иногда составлять ей компанию. Потратить несколько минут, поговорить с ней. Помочь ей выйти во дворик, если она захочет подышать воздухом, покормить ее кошку, пожелать ей доброй ночи вечером...

Жоанна кивает. Эмиль держится чуть позади в нерешительности. Эта квартира не так плоха. Им в ней может быть хорошо. Но стоит ли игра свеч?

— Пойдемте познакомимся с мамой и посмотрим внутренний дворик?

Они спускаются вслед за Анни по лестнице, снова оказываются на первом этаже и проходят по темному коридору. Анни показывает на закрытые двери:

— Здесь мамина спальня, ее туалет и ванная.

В конце коридора хозяйка открывает дверь, и они выходят наконец на свет. Эта гостиная — настоящая старушечья комната. Зеленые обои с золотой каймой, бархатные кресла, коврики с широкой бахромой, салфеточки на мебели. В одном из кресел сидит старушка с котом на коленях. У нее седые, собранные в узел волосы и пронцательные голубые глаза.

— Мама, вот молодые люди пришли посмотреть квартиру.

Большой рыжий котяра спрыгивает с кресла и убегает, испугавшись гостей. Они видят, как он юркает в застекленную дверь, ведущую, вероятно, во внутренний дворик.

— Ох! — говорит старушка. — Кажется, Каналья испугалась.

Эмиль и Жоанна подходят к ней, чтобы поздороваться.

— Добрый день, мадам.

Старушка вполне бодра. Она протягивает им еще крепкую руку, но, когда хочет встать, дочь ее одергивает:

— Сиди, мама!

Старушка улыбается им, закатив глаза. За ее спиной фоном работает телевизор. Идет сериал, действие которого происходит где-то за городом, в шале. В углу комнаты — кухонька, в точности такая же, как на втором этаже, только в ней расставлены засушенные цветы в кошмарных вазах, зеленых с золотом, под цвет обоев.

— Идемте, — говорит Анни. — Я покажу вам внутренний дворик.

Эмиль и Жоанна проходят за ней в стеклянную дверь и спускаются по ступенькам в маленький, закрытый со всех сторон дворик. Место действительно прелестное. Дворик окружен высокими стенами соседних домов, но ни одно окно в него не выходит, полная изолированность. Пол вымощен булыжником. Широкий платан, должно быть столетний, растет в самой середине и дает тень и прохладу. Старушка расставила по обе стороны от стеклянной двери горшки со всевозможными растениями всех мыслимых расцветок. Под деревом стоит круглый деревянный стол и два стульчика. Большой рыжий кот лежит под столом и подозрительно косится на пришедших.

— Вот наш знаменитый дворик. Вы можете ходить сюда через мамину комнату. Не думаю, что она будет против. Я вам говорила, летом она предпочитает сидеть в гостиной в холодке. Надеюсь, что Каналья тоже вас примет. Эта кошка не любит посторонних.

Наклонившись, Анни протягивает руку к кошке, та не шевелится.

— Она сегодня не в настроении. Наверно, поняла, что у нее заберут ее малыша...

Голос подает Жоанна:

— Ее малыша?

Анни выпрямляется и объясняет:

— Каналья окотилась, и из трех котят выжил только один. Маленький котик. Мама в ее возрасте не может заботиться о двух кошках, и в любом случае они начнут драться, когда котенок подрастет.

Жоанну, кажется, очень волнует эта история. Эмиль видит, как она тревожно хмурится.

— Что вы с ним сделаете?

— Мне не удалось его пристроить.

— Вы же его не убьете?

Жоанна произнесла это голосом маленькой испуганной девочки. У Анни убитый вид.

— Придется... Если не найдем ему семью.

— Где он?

Анни поднимается по ступенькам в гостиную матери.

— Он в углу гостиной. Хотите на него посмотреть?

Жоанна поспешно кивает и устремляется в дом вслед за Анни. Эмиль не идет за ними сразу, задержавшись еще немного во

внутреннем дворике. И правда, здесь хорошо. Он так и видит себя сидящим за деревянным столиком под платаном. Ему думается, что старушка на вид не так уж стара и больна. Она выглядела вполне бодрой. В конечном счете, это может быть приятное соседство...

В гостиной Жоанна сидит на корточках перед корзиной, в которой спит крошечный рыжий с белым котенок. У него едва открылись глаза.

— Сколько ему?

Отвечает ей старушка. Она встала с кресла и с трудом идет к Жоанне, Анни и котенку.

— Два месяца. Его только что отлучили от матери.

Анни, вздрогнув, оборачивается:

— Мама! Да сиди же! Зачем ты утомляешься?

Но старушка не обращает на дочь никакого внимания. Она продолжает, обращаясь только к Жоанне:

— Анни хочет его убить, если я не найду, кому его пристроить.

Вмешивается Анни:

— Я хотела убить его сразу, но мама никого не слушает. Она тянула время. *Подождем, пока отлучим его от матери... Как-нибудь найдем для него приемную семью.* А теперь придется убить восьминедельного котенка!

Жоанна наконец отрывает взгляд от бело-рыжего котенка. Она встает с видом девочки, принимающей себя всерьез.

— Я могу пока заняться им. Он будет наверху, совсем рядом с матерью. А потом я помогу вам найти котенку семью. Расклею объявления в деревне. Я уверена, что мы найдем ему дом...

Лицо Анни меняется на глазах. Только что она была раздражена упрямством матери, а теперь вдруг улыбается.

— Надо понимать, вы берете квартиру?

Жоанна поднимает испуганный взгляд на Эмиля. Как будто только заметила, что поспешила и не посоветовалась с ним.

— Я...

Анни поворачивается к Эмилю:

— Я прекрасно понимаю, что вам надо подумать. Я могу дать вам день или даже несколько дней.

Но Эмиль уже подумал. У них нет времени на размышления, если они хотят решить этот вопрос с бракосочетанием как можно скорее.

— Лично я уже решил.

Он видит, как загораются глаза Жоанны, опаска в них смешана с радостью.

— Я решил ее снять.

Анни, похоже, так же рада, как Жоанна. Она вздыхает с облегчением и хлопает в ладоши, демонстрируя свое удовольствие.

— Вот и отлично! Я рада, что именно вы будете присматривать за мамой. Я уверена, что вы с ней прекрасно уживетесь. Давайте уладим бумажные дела сейчас же?

Анни, Эмиль и Жоанна усаживаются во дворике за деревянным столом под платаном. Жоанна сказала правду: Анни готова подписать договор аренды сейчас же, без поручителей, без задатка, без справок о доходах. Все, чего она хочет, — чтобы составили компанию ее матери. Она убеждена, что присутствие молодых людей пойдет ей на пользу. Эмиль узнает, что старушку зовут Миртиль и что она потеряла мужа, отца Анни, уже десять лет назад. Анни достает документы и заполняет их, посасывая шариковую ручку.

— Что привело вас сюда? — вдруг спрашивает она, подняв глаза от бумаг и улыбаясь.

Жоанна смущенно молчит, и отвечает Эмиль:

— Мы хотим здесь пожениться.

Лицо Анни сияет, голос взмывает до высоких нот:

— О! Мои поздравления! Это фантастика!

Оба пытаются реагировать с таким же энтузиазмом, но не получается.

— Вы, конечно, переедете в собственный дом, когда поженитесь?

— Наверно.

Она подсовывает им бумаги, по-прежнему улыбаясь:

— Это превосходный выбор. Наша деревня — тихая гавань...
Заполните?

Бумаги заполнены. Не хватает ксерокопий удостоверений личности, но Анни сказала, что они могут принести их завтра, когда будут переезжать. Старушка уснула в кресле, и все трое не хотят ее будить. Они расстаются с Анни на крыльце, договорившись, что завтра в полдень переедут.

Когда они возвращаются на парковку за городскими стенами,
Жоанна говорит Эмилю только одну фразу:
— Надо будет придумать ему имя.

Эмиль, усталый, лежит на белом угловом диване. Вещей было немного, но подъема с багажом по крутым улочкам под жгучим солнцем ему хватило. Жоанна утром сходила сделать ксерокопии в одной из лавочек Эуса, пока Эмиль паковал все, что может им понадобится в доме 6 по Карреро Дель Массадор. Потом, в полдень, они пошли к своему будущему дому, неся в руках коробки. Анни помогла им, и даже Жан присоединился, нес самые легкие сумки. Переезд занял не больше часа. Анни угостила их холодным лимонадом во внутреннем дворике и расспросила о кемпинг-каре.

— У вас предсвадебное путешествие?

Ответил Эмиль, видя, что Жоанна избегает разговора.

— Да, точно. Мы хотели попутешествовать вдвоем и пожениться по дороге.

Анни, похоже, в восторге.

— Как это романтично!

Вот только ее так возбудила эта тема, что она задала им тысячу вопросов.

— Вы уже решили, где поженитесь, когда уезжали?

— Нет. Мы не знали ни места, ни даты.

— Вы хотели сымпровизировать по пути?

— Да, именно... Мы влюбились в вашу деревню.

— А потом? Вы уедете?

— Может быть. Мы еще не решили.

— Вы поселитесь где-нибудь окончательно?

— Возможно.

Пришлось Эмилю подробно описать Анни все места, где они останавливались до Эуса, и рассказать историю их встречи. Он был довольно краток. Рассказал про общих друзей юности. Жоанна смылась с котенком, и ему пришлось импровизировать одному.

26 июля

Маржори,

твоя очередь получить от меня письмо. Я сейчас нахожусь в месте, в которое ты влюбилась бы. Я временно поселился здесь. Это этап на моем пути. Деревня великолепна. Квартирка, в которую я только что переехал, заставила бы тебя задрожать от зависти. Душевая кабинка (ты это обожаешь). Угловой диван, который чудесно подошел бы к твоей гостиной. Стиль модерн, много света.

Я переезжаю с девушкой. Да-да! Так и вижу твое изумленное лицо. Мы даже взяли маленького бело-рыжего котенка. Мы еще не выбрали ему имя, но я уведомяю тебя, когда Жоанна решится. (Да, ее зовут Жоанна.)

Видишь, все у меня хорошо. Я знаю, ты очень беспокоилась за меня, когда ушла Лора, ну и зря. Мы всегда оправляемся от всего и идем дальше. Я совершенно счастлив. Обязательно скажи это маме. Хватит вам за меня беспокоиться. Я решил прожить сто жизней, прежде чем уйду. Но я вас не забываю. Я очень много думаю о вас. Каждый день.

Поцелуй папу, маму, Бастьена и близнецов.

Эмиль

Это письмо он пошлет. Он отправит его из дальней деревни, чтобы точно никто не приехал за ним в Эус. Он возьмет кемпинг-кар и будет ехать целый день, пока не найдет какую-нибудь почту. Он напишет внизу листка, после своего имени: *Я специально отправляю это письмо далеко от места, где живу. Не теряйте времени, не ищите меня. Живите своей жизнью и помните, что со мной все хорошо.*

Он твердо решил показать им, что счастлив. Немного грешит против истины, конечно, но не лжет. Он счастлив.

В этот вечер за ужином они молчат. Миртиль уже поела за сериалом. Жоанна хотела согреть ей ужин и подать на стол, но старушка заверила ее, что может все сама; конечно, это занимает бесконечно много времени с ее больными ногами, но хотя бы пока она может разогреть себе еду, не чувствует себя совсем беспомощной.

Они хотели поужинать наверху, в своей студии, но Миртиль десять раз повторила им, что можно сесть за стол во дворике, что не стоит лишать себя прелести июльского тепла. Они спустились с тарелками, приборами и овощным салатом, что вызвало новую воркотню Миртиль:

— Не заморачивайтесь в следующий раз! Готовьте у меня! Моя дочь заказывает мне готовые блюда, я даже не пользуюсь плитой!

Вскоре она уснула под сериал.

Теперь Эмиль и Жоанна ужинают в молчании под платаном. Эмиль думает, что вполне мог бы кончить как Миртиль, окруженный заботой близких, задушенный вниманием. В очередной раз он радуется, что уехал. Он думает, что это из-за Анни и ее поведения Миртиль выглядит более старой, чем она есть. И что его родители и сестра точно так же поступили бы с ним. Они сделали бы его более больным и слабым, чем он есть. С Жоанной он не болен и не стар. Он еще молодой человек, бороздящий дороги в кемпинг-каре, принимающий решения, поселившийся с девушкой и отчитывающий ее, потому что она ест с котенком на коленях.

Он смотрит, как она вытирает свою тарелку куском хлеба. Она оставила котенка в покое, положила на пол, и его мама Каналья вылизывает его рядом с горшком с тюльпанами.

— Ты придумала ему имя? — спрашивает он, откинувшись на спинку стула.

Жоанна поднимает на него детский взгляд. С тех пор как они нашли этого котенка, она стала маленькой девочкой. Путешествие уже отчасти преобразило ее, но котенок завершил метаморфозу. Она улыбается, вздрагивает, когда он задевает ее ногу кончиком хвоста, без конца зовет его, высматривает, ее лицо озаряется при его появлении.

— Я еще не решила.

— Хочешь, я помогу тебе выбрать?

— Почему бы нет.

Она заканчивает вытереть хлебом тарелку.

— Я выбрала два бретонских слова, они очень короткие, и их можно легко запомнить. *Пок*, что значит поцелуй, и *Сти*, надежда.

Она так трогательна с этим серьезным и озабоченным видом, как будто выбирает имя своему новорожденному.

— У тебя есть предпочтение? За тобой, конечно, последнее слово.

Он улыбается еще шире.

— Что? — спрашивает она, видя его улыбку.

— Ничего...

Он не решается ей сказать, что находит ее трогательной. Вместо этого говорит:

— Можно назвать его *Пок*, а *Спи* пусть будет вторым именем...

Что скажешь?

Жоанна с энтузиазмом кивает.

— Можно и так.

Потом добавляет с широкой улыбкой:

— Это будет первый кот на земле со вторым именем!

И она, кажется, бесконечно счастлива.

Впервые им почти нечего делать вечером. Не надо справляться с путеводителем по Пиренеям, готовить маршрут, продумывать привал... У них впереди целый месяц, чтобы прогуливаться и не спеша готовиться к свадьбе. Месяц, чтобы подумать о дальнейшем. В оседлости есть свои хорошие стороны. И все же они немного растеряны, сидя под платаном. Жоанна предлагает достать игру в скрабл, и Эмиль соглашается без особого энтузиазма.

Они раскладывают игру на столике, и Эмиль зажигает свечи, которые Жоанна тоже принесла из студии. Играют молча, погружившись каждый в свои мысли. Жоанна достала из-под стола маленького Пока и усадила к себе на колени. Эмиль думает, какое лицо было бы у Лоры, предложи он ей партию в скрабл... Наверно, она посмеялась бы над ним. Он говорит себе, что это глупо, что нет ничего плохого в партии в скрабл.

Позже они заходят в гостиную к Миртиль, и Жоанна тихонько будит ее.

— Я провожу вас в кровать...

Отводит старушку в спальню Эмиль. Он испугался, как бы у Жоанны под тяжестью Миртиль не переломился позвоночник.

— Иди спать, — говорит он, — я ею займусь.

Он провожает Миртиль до кровати и закрывает ставни. Окно спальни выходит на улицу, совершенно пустую в этот час. Это то

самое окно, украшенное кружевными занавесками и горшком с геранью.

— Напомните мне, что надо полить ее завтра... — говорит старушка.

Он кивает и смотрит, как она расчесывает щеткой волосы, сидя очень прямо на постели. У нее длинные серебристо-белые волосы. Она, должно быть, была очень красива в молодости.

— Ваша невеста очаровательна, — тихо говорит старушка.

Она смотрит на него пронизательными голубыми глазами, и Эмиль чувствует себя голым.

— Да...

— Я рада, что вы погостите у меня.

Эмиль улыбается ей, отводя взгляд. Он не знает, поняла ли старушка про него и Жоанну. Заподозрила ли она, что они не всамделишные жених и невеста. Может быть, она почувствовала это по их поведению, взглядам, жестам. Они держат определенную дистанцию. Это всякому видно.

— Мы тоже, — только и отвечает он.

Миртиль легла спать. Жоанна осмотрела раны Эмиля, на локте и на голове. Она сказала, что швы отваливаются сами, ему повезло, что не придется их снимать. Она промыла их, и он немного покапризничал, морщась. Потом они погасили свет. Улеглись в темноте на разложенный угловой диван. Но Эмиль не может уснуть, потому что уже несколько минут слышит странные звуки. Как будто что-то скребет по ковру. Что-то очень легкое.

— Жоанна?

Спящая фигурка Жоанны не двигается. Он повторяет:

— Жоанна? Жоанна... Ты слышишь этот звук?

В следующую секунду он чувствует, как что-то теплое запрыгивает ему на ноги, и вскакивает с постели.

— Нет! Нет, Жоанна! Об этом не может быть и речи! Пок будет спать внизу, в своей корзинке!

Тонкий голосок Жоанны, которая, оказывается, вовсе не спала, звучит совсем рядом:

— Но ему страшно одному...

Эмиль выходит из себя:

— Нет, ты шутишь! Его мама-кошка внизу! Я, кстати, уверен, что она его ищет!

— Она охотится...

— Нет и нет!

Она зажигает свет и нехотя идет через комнату с маленьким Поком на руках, в своих широченных черных шортах и черном топе. Эмиль думает, что это похоже на первую супружескую ссору. Он невольно улыбается, и она это видит.

— Эмиль...

— Нет!

— Пок будет...

— Нет!

Она с трагическим лицом скрывается на лестнице. Эмиль пытается стереть с лица улыбку, но не может. Слишком это забавно. Он почти скушал по семейным сценам...

Первые дни в Эусе проходят так, что никто из троих этого почти не замечает. Тихие, отрадные дни. Дни, чтобы освоиться вместе, выработать свою маленькую рутину.

В первое утро, проснувшись, Эмиль находит студию пустой. Высунувшись в слуховое окошко над плитой, он видит, как Жоанна на террасе кормит Каналью. Кошка, как им говорили, пугливая, уже признала Жоанну. Эмиля это не удивляет. Жоанна тихая, спокойная и молчаливая. Она должна внушать доверие.

Жоанна не в обиде на него за вчерашнее, когда он выгнал Пока из их студии. Лора дулась бы часами, но Жоанна — ничуть. В это первое утро они завтракают во внутреннем дворике, глядя, как умываются кошки. Потом Эмиль занимается поливкой цветов Миртиль, а Жоанна уходит в деревню за покупками. После обеда они начинают собирать необходимые бумаги для бракосочетания, пока Миртиль дремлет в своем кресле.

— Черт...

Жоанна с досадой поджимает губы.

— Что?

— У меня нет при себе свидетельства о рождении.

— А...

Эмиль, уезжая, взял с собой все документы, валявшиеся дома. У него есть все, от свидетельства о рождении до водительских прав, полученных десять лет назад. Теперь он этому рад.

— Я не думала, что оно мне понадобится...

— Попробуй позвонить в мэрию, где ты родилась... Может быть, есть возможность прислать его почтой...

Жоанна так и делает. Когда она вешает трубку, у них есть подтверждение, что они родились под счастливой звездой.

— Мой город входит в число немногих коммун, в которых можно запросить свидетельство о рождении онлайн.

—

На следующее утро Жоанна идет на поиски интернет-кафе или какой-нибудь лавки, где ей могут предоставить доступ к интернету, чтобы запросить свое свидетельство о рождении. Эмиль предлагает старушке посидеть во внутреннем дворике. День сегодня попрохладнее. Небо пасмурное. Грозит дождем, но платан их защитит. К его удивлению, Миртиль соглашается.

— Хотите чаю? — предлагает он. — У меня привычка пить чай целый день...

— Ей-богу... С удовольствием.

Они договорились поставить коробки с чаем внизу, в гостиной старушки, удобства ради. Эмиль расставляет под платаном дымящиеся чашки. Он открывает свой черный блокнот. Миртиль вытягивает ноги, Каналья запрыгивает и устраивается у нее на коленях.

— Что это у вас за блокнот?

— О... Что-то типа бортового журнала...

Старушка смотрит на него своими удивительно голубыми глазами.

— Дочь мне сказала, что вы собираетесь здесь пожениться.

— Да. Это правда.

— Когда?

— Когда соберем все бумаги.

Миртиль едва заметно кивает, как будто что-то поняла.

— Это ведь не было предусмотрено, да?

— Простите?

— Ваша свадьба...

Он предпочитает быть с ней честным, хотя бы отчасти.

— Нет, правда.

Миртиль улыбается уголком рта, он не сразу понимает почему. Только когда она кладет руку на живот, до него доходит.

— Ох, нет! Нет, нет! Дело не в этом!

Но Миртиль закатывает глаза, как бы говоря, что ее не проведешь.

— Уверяю вас. Это не имеет никакого отношения...

Чем больше он настаивает, тем шире становится улыбка Миртиль.

— Жоанна не ждет... Это бред!

Он уже думает, не лучше ли махнуть рукой. В конце концов, через месяц они исчезнут отсюда, так что... Миртиль цокает языком.

— Меня-то не проведешь! Достаточно увидеть, как она ведет себя с котенком...

— Простите?

— Она только этого и ждет — понянчиться с младенцем!

Он снова мотает головой, давая понять старушке, что это не так.

— Ладно, пишите себе в вашем бортовом журнале.

— Миртиль, вы заблуждаетесь...

— Тссс! Пишите же. Не обращайтесь на меня внимания.

— Вы правда ошибаетесь...

— Пишите же!

Ему ничего не остается, как махнуть рукой, слишком Миртиль упряма. Они с Жоанной ждут ребенка... Если бы Миртиль знала...

Начинает накрапывать дождь. Платан отлично их защищает. Эмиль пишет короткими штрихами, описывая Эус и его улочки, посасывает ручку, отпивает глоток чая. В конечном счете он написал всего три строчки, когда хлопает входная дверь и на ступеньках появляется Жоанна, промокшая с головы до ног.

— Ну что? — без предисловий спрашивает Эмиль. — Ты нашла?

— Да. Есть маленькое кафе с интернетом напротив церкви.

— Смогла послать запрос?

— Да. Свидетельство о рождении пришлют мне по электронной почте. Надо будет заходить справляться время от времени.

Миртиль снова цокает языком.

— Оно и видно, что эта свадьба не может ждать!

Жоанна не понимает. Она вопросительно смотрит на Эмиля, тот делает знак, что объяснит ей позже.

— Где Пок? — спрашивает она, тряхнув мокрыми волосами.

— Пок? — спрашивает Миртиль.

— Котенок, — объясняет Эмиль. — Она назвала его Поком.

— О!

Она снова бросает на них многозначительный взгляд.

— Где он? — настаивает Жоанна.

— В своей корзинке, красавица моя, в своей корзинке.

Вечером Миртиль рассказывает им о своей жизни в Эусе, о своем муже — он был ножовщиком, и звали его Эжен. Они оба родились здесь. Миртиль вырастила четырех дочерей. Анни единственная из них не покинула Эус и мать. Три ее сестры живут в разных концах Франции. Всю жизнь Миртиль была хранительницей домашнего очага. Когда дочери покинули дом, помогала мужу в магазине ножей до самой его смерти.

Эмиль и Жоанна внимательно слушают, задают ей вопросы, интересуются теми или иными деталями, но это не обязательно... Миртиль в них не нуждается. Она как будто испытывает потребность рыться в своей памяти и рассказывать еще и еще. В ту пору, когда дочери были маленькими, Эжен и Миртиль отправлялись на прогулку по окрестностям Эуса каждые выходные. Они брали с собой корзину для пикника и находили зеленый уголок у какого-нибудь водоема. Девочки прыгали через веревочку, играли в куклы, плескались в ручье. Эжен давал отдых рукам, израненным лезвиями, с которыми он работал целыми днями. Миртиль безмятежно присматривала за своим семейством. Учились девочки дома. Миртиль оглядывается на свою жизнь спокойно. Кажется, что она прожила ее именно так, как хотела.

— Я не выбирала Эжена в мужа. Это был брак по сговору. Наши родители были из старожилов деревни.

Когда Жоанна спрашивает, была ли она несчастна, старушка качает головой, и ее голубые глаза блестят еще ярче.

— Нет. Я не хотела другого мужа.

Утром третьего дня Эмиль уезжает отправить письмо Маржори. Жоанна тем временем должна сходить в почтовое отделение: у них

есть маленький принтер, а она обещала Анни и Миртиль распечатать объявления, чтобы найти Поку семью. Эмиль оставил ее без тени сомнения: она этого не сделает. Что-нибудь придумает, чтобы этого не делать.

Он спускается по деревне пешком, приветствует Жана, который высматривает очередных туристов, и выходит за крепостные стены на парковку к кемпинг-кару. Он сказал Жоанне и Миртиль, что вернется к ужину. Он понятия не имеет, куда отправится. Выедет на автостраду и поедет наугад.

Эмиль едет все утро. В полдень останавливается на площадке для отдыха, разогревает консервированный горошек и ест его с остатками бананового пюре. Вздремнув на банкетке внизу, едет дальше. Около трех часов, свернув наугад, он понимает, что уже поздно и ехал он долго. Он толком не помнит, куда едет, зачем. Он пытается развеять сомнения, читая дорожные указатели, но названия городков ничего ему не говорят и он не в состоянии вспомнить, зачем сюда приехал. Он помнит, как вышел из дома Миртиль сегодня утром... оставил Жоанну в студии на втором этаже... Память возвращается к нему через несколько секунд. Ничего страшного. Таких коротких провалов в памяти у него были сотни за последние месяцы. Этот был вполне безобидным, и он понимает, как ему повезло. Могло быть куда хуже.

Он находит почту по табличкам, указывающим на церковь, — почта прямо напротив. Она еще открыта, и он покупает целый блок марок для будущих писем. Вернувшись в машину, он чувствует себя измочаленным, с неприятным ощущением, что зря потерял день. Ему не терпится вернуться и увидеть Жоанну. Он уверен, что Пок будет у нее на коленях.

Убегают из-под колес километры. Нечеловеческим усилием воли Эмилю удастся оставаться сосредоточенным, но эта дорога его вымотала. Солнце клонится к закату. Он останавливается у бензоколонки выпить кофе и заправиться. Часы на приборной доске показывают восемь, и он понимает, что никак не успеет к ужину. Наверно, Миртиль и Жоанна поужинают во внутреннем дворике вдвоем. Он надеется, что они не будут беспокоиться.

Только в десять Эмиль въезжает на парковку у крепостных стен Эуса. Весь день он провел в дороге. Ему трудно вспомнить, чем была

занята его голова в эти часы.

Дом погружен в темноту. Миртиль, должно быть, уже легла. В студии он находит Жоанну сидящей на угловом диване с книгой в руках. Пок и Каналья свернулись рядом. Каналья вылизывает своего малыша. Эмиль рад видеть Жоанну. День был долгим, и он понимает, что скучал по ней. Она поднимает голову от книги, заслышав его приглушенные ковром шаги.

— Привет! Ты вернулся...

Лицо у нее слегка встревоженное. Беспокоилась?

— Да... Я заехал далековато... Слишком поздно заметил...

Она откладывает книгу, выпрямляется. Каналья подходит и обнюхивает его.

— Ты отправил письмо?

— Да.

Он садится рядом с ней на диван и разувается.

— А ты? Что ты делала?

— Помогала Миртиль переустроить ее гостиную.

— Вот как?

Она кивает с довольной улыбкой на лице.

— Да. Мы оборудовали ей уголок для сиесты поближе к окну, чтобы она могла дышать воздухом, не выходя на улицу.

— Извини, что вам пришлось ждать меня к ужину.

— Миртиль устала к вечеру. Я уложила ее до ужина.

— Ты меня удивляешь... Ты заставила ее перевернуть всю гостиную! Бедная старушка!

— Она только давала мне указания.

Прошедших нескольких недель не хватает, чтобы Жоанна начала понимать юмор. Все впереди...

— А Пок?

— Что — Пок?

— Ты распечатала объявления, чтобы найти ему семью?

Взгляд Жоанны ускользает. Она пытается ответить равнодушным тоном, но лгать у нее получается плохо:

— У меня совсем не было времени с переустройством гостиной...

Эмиль силится скрыть улыбку, расплывающуюся на его лице. Он не хочет, чтобы Жоанна ее видела. Ему забавно смотреть на ее

смущение. Она встает, наверняка чтобы свернуть разговор и закрыть тему.

— Я отведу Каналью и Пока вниз... на ночь.

— Хорошо. Я пока разложу диван.

Эмиль уже лежит в темноте, когда Жоанна возвращается на второй этаж. Она ныряет под одеяло на другом краю постели.

— Я подумала... — шепчет она во тьме.

— Да?

— Завтра... Мы могли бы сходить в деревню Ком. Знаешь, где развалины... Миртиль говорила мне о ней сегодня.

— Вот как?

— Да. Они с Эженом любили там гулять, когда у них еще не было дочерей. Она говорит, что там красиво и в то же время драматично.

Он посмеивается для проформы:

— Красиво и драматично, говоришь?

— Так она мне сказала.

— Она говорит много глупостей.

— Эмиль!

— Это правда! Она думает, что ты беременна.

— Что?

Он слышит, как она привстает на локте.

— Ты шутишь?

— Нет. Она думает, что поэтому мы так спешим пожениться.

— И ты не сказал ей, что это не так?

— Сказал. Но она упрямая. Знать ничего не хочет.

В комнате ненадолго повисает молчание. Он различает тень Жоанны, по-прежнему опирающуюся на локоть.

— Вот почему она хотела дождаться тебя, чтобы передвинуть большой шкаф!

— Ты передвигала ее большой шкаф?

— Ничего сложного... Но она то и дело повторяла мне, что это неосторожно.

— Она права.

— Я не сахарная.

— Ты вешишь едва ли пятьдесят кило...

— Ну и что?

— Ты могла надорваться.

— А ты мог опять потерять сознание и не вернуться в Эус.

Ему нечего ответить. Он уехал, даже не подумав об этом. Но она, конечно, права. Это было неразумно. Все могло случиться. Так рисковать из-за письма... Он повел себя как идиот. Тем более что Жоаннна никак не могла связаться с ним. Она, должно быть, сегодня беспокоилась.

— И все же ты это сделал.

— Правда.

Жоаннна не зависает на этом больше, и он вздыхает с облегчением. Она спрашивает:

— Ладно... Так пойдем завтра в Ком?

— Да. Пойдем завтра в Ком.

В следующий раз, когда он поедет отправить письмо, он возьмет ее с собой.

— Вы что-то молчаливы оба сегодня.

Миртиль смотрит на них поочередно. Их лица обрели краски. У Жоанны пунцовый нос. У Эмиля вокруг глаз белые следы от солнечных очков.

— Это Ком так на вас подействовал?

— Да... Наверное.

Они пришли в разрушенную деревню под палящим солнцем. Они были одни. Одни среди каменных развалин. Это было похоже на брошенный город, на город после катастрофы, сожженный жарой, где не могло остаться никакой жизни. Они поняли, что имела в виду Миртиль под *«красиво и драматично»*. Уцелевшая церковь стояла посреди этого пейзажа в руинах. Она была открыта. Жоаннна бесконечно долго оставалась внутри. Эмиль подумал, что она медитирует. Он ждал ее снаружи, укрывшись от солнца под остатками разрушенной стены. Его покорила церковь. Красивый каменный храм среди развалин. Ему подумалось, что здесь он хотел бы жениться, если бы жил другой жизнью, если бы мог жениться по любви на девушке, которой могла бы быть Лора. Он пытался представить себе, как выглядела бы здесь церемония. Вообразил себе Лору, свободную как никогда, босиком, с распущенными волосами, в белом платье в стиле хиппи. Представил веночек из белых цветов на ее голове и одну-

единственную розу, тоже белую, вместо букета. Представил себе мать, с влажными глазами, в бледно-розовом наряде. Она бы, конечно, плакала. Увидел рядом с матерью отца в строгом костюме-тройке. Маржори надела бы цветастое платье, а Бастьен — белую рубашку и джинсы. Близнецам они повязали бы галстуки-бабочки. Летисия отчитала бы Рено за складку на рубашке, а Тиван, воспользовавшись случаем, улизнул бы на четвереньках в развалины. Это был бы счастливый момент. Он улыбался сам себе, прислонившись к полуразрушенной стене.

Когда Жоанна вышла из церкви, лицо у нее было грустное. Интересно, о чем она могла думать? Они вернулись в Эус молча, под слепящим солнцем.

— Это очень красивое место.

Они молча кивают. Миртиль не настаивает. Она понимает: там что-то произошло и им обоим нужно помолчать.

Свидетельство о рождении приходит в почтовый ящик Жоанны на следующий день. Эмиль начинает кружить по студии. Он спрашивает Миртиль, чем может быть полезным. Она говорит про этажерку в ее спальне, у которой надо бы подкрутить болты, про старый велосипед, валяющийся у ее дочери Анни, — почему бы ему забавы ради не починить его? Он сможет потом ездить на этом велосипеде на прогулки в деревню или на работу, если он рассчитывает найти работу здесь. В тот же день он принимается за этажерку. Вечером Анни заходит к матери, и они ужинают вместе во внутреннем дворике.

Жоанна осматривает и дезинфицирует рубец Эмиля, и он ей не нравится.

— Если будешь чинить этот велосипед завтра, оставайся в тени.

— Почему?

— Твоему шраму на голове не понравилось солнце вчера в Коме.

— Он сочится?

— Нет. Но если будешь продолжать подставлять его солнцу, он никогда не пройдет. Останется красным и заметным на всю жизнь.

Не удержавшись, он пожимает плечами. Что ему с того, что шрам останется *на всю жизнь*?

Время неспешно течет в Эусе. Шрамы потихоньку заживают. Палящее солнце продолжает сжигать растительность. В следующие три дня Эмиль занимается починкой велосипеда Анни. Устроившись на булыжной мостовой перед жилищем Анни и ее мужа, в тени домика, он никуда не спешит. Попутно размышляет. Анни каждый час приносит ему лимонад. Летом она не работает. В остальное время делает украшения и продает их. Летом она сидит с внуками, которые приезжают на каникулы. Дети кружат вокруг Эмиля, им интересно наблюдать за ним с его инструментами и перепачканными смазкой руками.

Днем Жоанна уходит разведывать места вокруг Эуса. Она возвращается с разноцветными букетами мимозы^[2] или других растений, с исцарапанными руками.

Вечерами они допоздна играют в скрабл. Им не надо завтра отправляться в дорогу, не надо составлять маршрут, сверяться с расписанием. Во время партий в скрабл они не разговаривают. Включают музыку фоном — они нашли маленький радиоприемник на этажерке с книгами — и молча выкладывают фишки.

Однажды вечером она спрашивает:

— Ты решил, что делать с твоим телом, когда ты умрешь?

Он так поражен вопросом, что несколько секунд молчит.

— Что?

Это единственное, что он может произнести, вновь обретя дар речи.

— Ты хочешь, чтобы тебя кремировали или похоронили?

— Я...

Почему он никогда не задумывался над этим вопросом? Он чувствует себя перед Жоанной полным идиотом.

— Я... Я думаю, мне без разницы.

Они продолжают играть, и она не моргнув глазом выкладывает слово *ксилофон*.

— А ты?

Ей-то не надо задумываться, чтобы ответить:

— Я хочу, чтобы меня кремировали. Тогда я смогу улететь.

Она переворачивает свою дощечку. У нее нет больше фишек. Она выиграла партию.

Велосипед починен. Эмиль снова ходит кругами по студии. Жара в августе невыносимая. Пришло предупреждение синоптиков. Миртиль больше не выходит во внутренний дворик. Сидит в гостиной. Много спит. Малейшее усилие ее утомляет. Жоанна окончательно поставила крест на объявлениях, на попытках пристроить Пока. Эмиль представляет, как тяжела будет разлука, когда им придется снова отправиться в путь. Что станется с котенком? Может быть, Анни согласится взять его себе? Может быть, подарит его внукам... Убить его она не сможет. Он будет уже игривым и самостоятельным...

В середине августа они идут в мэрию подать документы на бракосочетание. Они собрали все. Но служащая говорит, что их заявление будет заморожено до 26 августа, когда исполнится месяц с их переезда в Эус. Осталось потерпеть еще две недели. Однако оглашение будет сделано заранее. Удовлетворенные, они идут по бульжным мостовым Эуса.

— Я думаю, надо поискать какую-нибудь работенку, чтобы дотерпеть, — говорит Эмиль.

Жоанна кивает.

— Возможно, Анни сможет тебе помочь. Она всех здесь знает.

Миртиль, кажется, довольна, узнав вечером, что Эмиль собирается искать работу.

— Надо же кормить малыша, — говорит она, взглянув на них строго.

Первой протестует возмущенная Жоанна:

— Никакого малыша нет, Миртиль!

Но старушка ей все равно не верит.

В Эусе начинается фестиваль искусств. Это ежегодное событие, привлекающее тьму народу. Десятки мастеров заполняют улочки: актеры, художники, рисовальщики, музыканты, мимы... Гулко разносятся шаги, смех, возгласы. Пока Миртиль сидит в холодке в своей гостиной, Жоанна с утра до вечера пропадает на фестивале.

Эмиль сказал Анни о своем желании найти работу, и она ответила:

— Я займусь.

В качестве мелких подработок Анни посылает его к своим знакомым во все концы деревни. Он помогает очистить чердак, сменить колесо, починить этажерку, донести покупки... Люди вручают ему банкноты и предлагают пообедать. Он замечает, что провалы в памяти стали все реже. Ему кажется, что дело в стабильности и безмятежности его новой жизни. Он так занят, что с Жоанной встречается только мельком. Миртиль же обычно спит, когда он возвращается домой.

— Я видела оглашения у мэрии. Там были ваши имена. Когда же свадьба?

Анни задает ему вопрос, когда он заходит вечером, чтобы вернуть ящик с инструментами, который она ему одалживает.

— В конце месяца. Они предложили нам на выбор две даты. 30 или 31 августа. Мы должны быстро ответить.

Анни режет морковь с одним из внуков на коленях.

— Кто-нибудь из ваших родных будет?

Он качает головой.

— Нет. Это будет просто гражданский брак.

— А свидетели?

— Мы попросили служащих мэрии.

— Ох.

Анни, похоже, разочарована. Она ожидала настоящей свадьбы.

— Так ни платья, ни обручальных колец?

— Нет. Ничего этого.

—

Однажды утром Миртиль сильно смущает их, когда они спускаются по лестнице из студии. Она ждет их у ступенек, Каналья жметя к ее ногам, а в руках у нее большой кусок белых кружев. Первой понимает Жоанна. Она издает удивленное «ох», окончательно смутившись. Эмилю требуется несколько секунд, чтобы понять.

— Думаю, у тебя нет свадебного платья...

Жоанна проглотила язык. Эмиль ничем не может ей помочь. Он так и стоит с приоткрытым ртом. Миртиль принимает это за волнение.

— Это мое свадебное платье. Ему лет шестьдесят, но я очень его берегла... Не думаю, что оно вышло из моды. В крайнем случае будет выглядеть на тебе винтажным.

Неловкость растет. Они не знают, как выйти из положения. Жоанна переминается с ноги на ногу. Эмиль так и стоит на середине лестницы.

— Примерь его, красавица моя. Оно должно тебе пойти. Я весила ненамного больше тебя в ту пору...

Они растерянно переглядываются. Придется играть в маскарад до конца... Да, они боятся, что так. Жоанна, поколебавшись минуту, протягивает дрожащую руку к платью, снова поворачивается к Эмилю, надеясь, что он ей так или иначе поможет, но Миртиль властно отгоняет его:

— А ты не торчи тут! Ступай! Разве ты не знаешь, что это к несчастью — увидеть невесту в платье до свадьбы?

Он чувствует себя виноватым, оставляя Жоанну с кружевным платьем Миртиль в руках.

— Как ты выкрутилась? — спрашивает он, вернувшись вечером.

— Мне пришлось примерить, и Миртиль даже взялась ушивать.

Ему жаль ее.

— Может быть, надо все ей сказать...

Но Жоанна отчаянно мотает головой.

— Не может быть и речи! Мы разобьем ей сердце!

— Что же ты будешь делать? Наденешь его?

Она пожимает плечами.

— Ты можешь приготовить другую одежду и снять платье, когда мы выйдем из дома.

— Да.

Он толком не знает, что она обо всем этом думает, она снова уткнулась в свой роман, а Пок мурлычет у нее на коленях.

30 августа

Рено,

свадьба состоится завтра. Я чувствую какую-то пустоту внутри.

Мы в последние недели приложили все усилия, чтобы она могла состояться. Сделали все шаги в нужной последовательности, собрали бумаги, нам даже пришлось временно поселиться в здешней деревне, чтобы считаться резидентами и иметь право пожениться здесь. Мы убивали время, пока не настал день этой пресловутой свадьбы. Теперь мы дождались, а я просто пустой. Думаю, будет лучше, когда мы наконец подпишем документы.

Чтобы продолжить на более веселой ноте — я тебе еще не рассказал, что мы поселились у старушки по имени Миртиль. Она живет на первом этаже, а мы на втором. Ее дочь сдает нам квартиру за бесценок, а взамен мы должны немного присматривать за Миртиль. Меня слегка трясло при мысли, что придется поселиться у старухи, но, должен признаться, я изменил мнение. Это соседство мне очень нравится. Надо сказать, что старушка Миртиль так же занимается нами, как мы ею. Я выполняю мелкие работы здесь и там в деревне, чтобы занять руки. И потом, это дает нам немного карманных денег. Знаешь, вчера я даже научился менять масло в машине!

Моя жизнь здесь не имеет ничего общего с той, что я вел в Роанне. Видел бы ты меня!

Хоть я и взволнован, должен признаться, что в этой жизни мне спокойно. Это простое и безмятежное счастье.

Я напишу тебе очень скоро, старина.

Берегите себя все трое.

Обнимаю тебя.

Эмиль

— На этот раз нам никуда не деться.

Жоанна кивает. Сегодня они ужинают в доме, в своей студии на втором этаже. Миртиль настояла, чтобы они побыли вдвоем накануне великого дня, и они ей за это благодарны. Они немного устали от своего маскарада и с облегчением переводят дыхание подальше от

инквизиторских глаз Миртиль. Отложив вилку, Жоанна встает из-за стола.

— Совсем забыла тебе сказать...

Она идет к своему красному рюкзаку и роется внутри.

— Я купила это сегодня.

Она возвращается с маленьким черным футляром и кладет его на стол перед ним.

— Что это?

Она делает ему знак открыть футляр, и он повинуется. С удивлением видит внутри два кольца на красной подушечке.

— Зачем? — спрашивает он, подняв голову и глядя на нее.

— Чтобы Миртиль прекратила задавать вопросы. Они мне ничего не стоили. Это нержавеющей сталь. Я решила, что это цена нашего спокойствия.

Он закрывает футляр и кивает.

— Ты правильно сделала.

Оба снова начинают не спеша есть. Он замечает, что котенка в комнате нет. Обычно Жоанна уносит его вниз только перед сном, по просьбе Эмиля. В остальное время он может быть уверен, что Пок либо у ее ног, либо на коленях. Но сегодня вечером — нет. Она, должно быть, напряжена. Да и молчаливее обычного.

— Все хорошо? — спрашивает он с полным ртом.

Она кивает.

— Ты немного нервничаешь?

— Нет... не нервничаю, но... мне странно.

Отложив вилку, он серьезно смотрит на нее.

— Если ты не уверена, что хочешь это сделать, еще можно все отменить.

— Не в том дело.

— Мы не обязаны это делать. К тому же мне лучше... С тех пор как мы здесь, у меня почти не бывает провалов в памяти...

— Я сделаю это, Эмиль. Мы поженимся.

— Если ты...

— Я выхожу замуж завтра. Мне от этого немного странно, но, думаю, и тебе тоже.

Она всматривается в него, и он кивком подтверждает, про себя вздохнув с облегчением, что она не хочет отменить свадьбу.

— Да. Я чувствую какую-то пустоту внутри.

— А я немного растерялась и... не верю.

— Завтра будет лучше. В конце концов, это только бумажка.

— Я знаю.

В студии снова повисает молчание. Но ни он, ни она больше не едят. Проходит несколько секунд, потом Жоанна кладет ладони плашмя на стол и спрашивает без обвиняков:

— Ты был когда-нибудь влюблен?

В каком-то странном летаргическом состоянии он даже не может ни удивиться ее вопросу, ни смутиться.

— Да.

— Много раз?

— Нет. Только один.

— Это было долго?

— Четыре года.

— Это Лора... та девушка, о которой ты говорил мне однажды?

Он помнит тот разговор на паркинге в Артиге. Все это кажется ему странно далеким.

— Да, это она.

Он хмурит брови, больше удивленный, чем раздосадованный.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Мы ведь с тобой женимся, да?

— Да...

— Надо знать такие вещи друг о друге.

Он слабо улыбается.

— Да. Наверно.

Он на самом деле не в восторге от воспоминаний о Лоре накануне свадьбы с Жоанной. Она играет вилкой, обдумывая следующий вопрос:

— Ты все еще ее любишь?

Он ерзает на стуле, ему неловко. Кажется, он предпочел бы молчаливую и равнодушную Жоанну, никогда не задававшую вопросов.

— Она ушла. Все кончилось год назад.

— Ну и что? Ты-то все еще ее любишь?

— Я... Наверно, нет.

— Наверно, нет?

Она смотрит на него скептически. Он со вздохом сдается.

— Думаю, какая-то часть меня всегда будет ее любить, что бы ни случилось.

Зря он думал, что его ответ удовлетворит Жоанну и ее внезапное любопытство.

— Ты хотел на ней жениться? — мягко спрашивает она.

— Жоанна...

— Я просто спросила.

— Да. Да, я хотел бы... когда-нибудь.

Он выпрямляется на стуле. С него довольно вопросов.

— А что?

— Я просто хотела знать.

— Зачем?

Она пожимает плечами.

— Я просто спрашивала себя, о чем ты будешь думать завтра, когда в мэрии нам придется сказать «да». Теперь я знаю, что ты подумаешь о Лоре и будешь от этого несчастен. Мне очень жаль.

— Тебе нечего жалеть... Ты оказываешь мне огромную услугу.

— Может быть, но рядом с тобой перед мэром буду я, а не Лора, и просто смотреть на мое лицо тебе будет трудно.

— Тебе тоже. Ты будешь думать о Леоне.

Жоанна трясет головой так сильно, что Эмиль ошарашенно вздрагивает.

— Нет. Я не буду думать о нем завтра. Ни в мэрии, ни после.

Он смотрит на нее с глуповатым видом, приоткрыв рот. Добавить ему нечего. Он думает, что это была плохая идея — пережевывать все это за несколько часов до свадьбы.

В этот вечер они ложатся спать молча.

Утром их будят крики Миртиль с первого этажа:

— Жоанна! Жоанна! Ты знаешь, который час? Тебе обязательно надо примерить платье!

Они не понимают, почему Миртиль так паникует. В мэрии им назначено только на два часа. Жоанна все же встает и ощупью шарит впотьмах. Крики становятся громче:

— Жоанна! Эмиль! Откройте ставни! Уже полдень!

Эмиль резко садится.

— Что?

И добавляет тише, обращаясь к Жоанне:

— Она нами помыкает, а?

— Иду! — кричит Жоанна, пока Миртиль снова не разоралась на весь дом.

Эмиль одевается не спеша. Ему особо нечего надеть для такого случая... Все-таки он отыскал темно-синие брюки и старую белую рубашку. Сойдет. После этого он принял душ и заварил себе крепкий чай. Он знает, что не сможет ничего съесть. Жоанна появляется через час с волосами, заплетенными в косу, и сокрушенным видом.

— Я не смогла уклониться от прически...

— А платье?

— Тоже никуда не денусь...

Он не может удержаться от улыбки. Сами виноваты, заигрались. Будь они честны с самого начала, все было бы проще.

— Возьми одежду в сумку... Переоденешься по дороге, когда будем подальше от глаз Миртиль.

— Да... Я так и сделаю.

— Идем, поищем тихую улочку, чтобы я переделалась. Ты меня прикроешь.

Жоанне явно не терпится с этим покончить, но Эмиль не спешит. Он рассматривает ее. Платье Миртиль — допотопного фасона, широкое, прямое, до пят. Кружева покрывают бюст Жоанны, ее плечи и руки до запястий. Миртиль ушила V-образный вырез, чтобы он не был слишком широким и обрисовывал красивое декольте.

— Идем? — нервничает Жоанна.

Ей неловко, что он так странно на нее смотрит.

— Да. Идем.

Они направляются по улочке, обоим слегка не по себе.

— Ты... красивое платье, — говорит Эмиль, потирая шею.

Он не решается посмотреть ей в глаза. Не решается сказать, что она в нем красивая. Обоим станет еще более неловко. Однако это правда. Она в самом деле красива сегодня.

— А обувь-то хороша! — говорит он насмешливым тоном, чтобы сломать лед.

Из-под свадебного платья выглядывают золотые сандалии, выгоревшие от солнца, и вот он, знак того, что все это как бы понарошку.

Нелегкое дело найти пустынную улочку, чтобы Жоанна сняла платье, особенно в разгар фестиваля искусств. Деревня полна народу. Туристы прибывают со всех сторон, заполняют все переулки, даже внутренние дворики, куда есть вход с улицы. Эмиль и Жоанна очень скоро оказываются в центре внимания. Туристы посматривают на них с любопытством, фотографируют, перекликаются. Они даже становятся предметом удивленных возгласов:

— О! Смотрите! Жених и невеста!

— Поздравляем, голубки!

Жоанна говорит сквозь стиснутые зубы:

— Боюсь, я не смогу переодеться!

— Мне очень жаль, — отвечает Эмиль. — Кажется, тебе придется остаться в платье на церемонию.

— Ничего страшного.

— Ты его снимешь сразу после. В мэрии должен быть туалет...

— Не беспокойся. Я переживу. Ничего.

Она спокойна, по своему обыкновению. Спокойна и слегка равнодушна. Он же нервничает. Не на него прохожие, восторгаясь, показывают пальцами, но он смущен сильнее. Они ускоряют шаг, чтобы побыстрее добраться до мэрии. Жоанна приподняла платье выше колен, чтобы не мешало. Ее выцветшие сандалии стучат по булыжной мостовой. Запыхавшись, они почти вбегают в холл мэрии. Служащая за стойкой приветствует их широкой улыбкой.

— До чего же красивы наши сегодняшние новобрачные!

Она усаживает их в уголке, мол, сейчас позову «господина мэра» и служащих, выступающих свидетелями. Сняв трубку телефона, она предупреждает всю эту почтенную публику. Жоанна неподвижна, невозмутима, сидит очень прямо. Ее давешнюю озабоченность как рукой сняло. Она снова спокойна. Эмилю же трудно усидеть на месте. Он искоса, украдкой поглядывает на нее. Ему хочется запечатлеть этот образ. Жоанна в винтажном свадебном платье, с волосами, заплетенными в косу, которую она перекинула через плечо, кружева, окутывающие ее руки и хрупкие запястья, белая ткань V-образного

ворота, открывающего шею и начало груди. Через четверть часа, когда бумаги будут подписаны, она скроется в туалете и вновь наденет свое черное бесформенное платье. У него больше не будет случая увидеть ее такой. И он пользуется моментом. Для него теперь всегда будет две Жоанны. Жоанна в черном, молчаливая, равнодушная к своей судьбе, скрытая под просторными одеяниями и широкополой шляпой. И Жоанна в белом, красивая и женственная, мимолетный образ той, какой она могла бы быть, если бы жизнь сложилась иначе, если бы Леон не сделал ничего непростительного. Он уверен, что Жоанна до Леона и таинственной драмы носила цветные платья, заплетала волосы в косу и больше смеялась. Но он никогда не сможет в этом убедиться.

— Мадемуазель Жоанна Мари Тронье, согласны ли вы взять в мужа месье Эмиля Марселя Верже, здесь присутствующего?

Она смотрит на него. Они переглядываются лишь секунду, но, кажется, говорят друг другу многое. Этот взгляд говорит, что ему не о чем беспокоиться, что она обещала сохранить его свободу и скрепляет свое обязательство. Удивительно чистым голосом она отвечает:

— Да.

Мэр поворачивается к Эмилю. Тот едва слышит его слова.

— Месье Эмиль Марсель Верже, согласны ли вы взять в жены мадемуазель Жоанну Мари Тронье, здесь присутствующую?

Едва дав ему закончить фразу, он отвечает:

— Да.

Это смешит его свидетеля, муниципального служащего с лысой головой, который принимает это за поспешность от волнения.

— Именем закона я объявляю Эмиля Марселя Верже и Жоанну Мари Тронье связанными узами брака.

Повисает молчание. Они снова переглядываются с облегчением и слегка смущенно.

— У вас есть кольца? — спрашивает мэр. — Сейчас надо обменяться.

Жоанна вздрагивает.

— Ах да!

Она ищет карманы, но понимает, что на свадебном платье Миртиль их нет.

— В сумке? — шепчет ей Эмиль.

Она озирается и наконец видит черную сумочку с завязками, лежащую у ее ног. Свидетели улыбаются. *Ах, волнение...* — наверно, думают они. Порывшись внутри, Жоанна достает маленький черный футляр.

— Обменяйтесь кольцами.

Она открывает коробочку, протягивает кольцо Эмилю, тот шепчет:

— Ты должна мне его надеть.

— Да?

— Теперь мы узаконим этот союз, подписав акты гражданского состояния. Сначала новобрачные, потом свидетели.

У Эмиля взмокли ладони, но теперь ему лучше. Дело сделано. Поставить подпись — и они смоятся. Он свободен. Что бы ни случилось дальше, решать его судьбу будет Жоанна. Он знает, что она выполнит его волю.

— Хорошо. Теперь я вручу вам свидетельство о браке, и можете идти.

Эмиль едва скрывает свое удивление. Свидетельство о браке... К чему оно им? В руках у него оказывается красная книжица. Господин мэр кладет руку ему на плечо, давая понять, что проводит их в холл. Служащие мэрии бормочут вежливые поздравления в дверях, и они уходят со свидетельством о браке.

— Подожди меня здесь, — шепчет Жоанна. — Я переоденусь в туалете.

Эмиль ждет ее один в холле, перед служащей мэрии, которая возбужденно спрашивает:

— Ну? Как все прошло?

Он кивает: хорошо. Он вздохнул с облегчением, когда все это кончилось. Но во рту остался горький привкус. Это грустно и безлико. Конечно, это была только подпись, как он повторял себе множество раз. Но это ничего не меняет: тяжесть и печаль навалились на него. Он хотел бы другого. Он никак не может проглотить ком в горле.

Они выходят в удушающую жару без белого платья. Все кончилось. Мандраж, нервозность. Осталась только огромная пустота.

— Мы... Что будем делать? — робко спрашивает Жоанна.

Они растеряны. У Эмиля только одно желание: прогуляться одному, подышать воздухом, забыть, что он испортил что-то такое, во что крепко верил.

— Не знаю. Думаю, я немного пройдуся...

Она улавливает печаль в его голосе. Смотрит на него сокрушенно. Для нее это ничего не значило. Но она знает, что он — другое дело.

— Я схожу на фестиваль, — мягко говорит она. — Увидимся вечером в студии...

До него вдруг доходит:

— Что мы скажем Миртиль? Ей покажется странным, если мы вернемся по отдельности.

Жоанна пожимает плечами.

— Я скажу ей, что... не знаю... Что ты пошел купить шампанского.

— Да...

Он пришиблен. Еще пару минут они стоят друг перед другом, потом Жоанна говорит:

— Ладно... Тогда до вечера.

И она удаляется маленькими шажками со свадебным платьем под мышкой. Оборачивается на секунду и говорит:

— Ты можешь пойти со мной... Я хочу сказать... Можем пойти вместе, если хочешь...

Но она видит, что он не в своей тарелке.

— Брось... Пока.

31 августа

Лора,

ты удивишься, получив электронное письмо. У меня нет твоего адреса. Я не знаю, где ты сейчас живешь. У меня есть только этот электронный адрес, чтобы связаться с тобой. Я даже не знаю, просматриваешь ли ты еще свою почту.

Я сижу в кафе с интернетом и компьютером и пишу тебе. Жара сорок градусов. На мне проклятая рубашка, от которой я потею.

Я только что вышел из мэрии, где женился. Я сказал «да» не по тем причинам. Жоанна хорошая девушка, она

была очень красива в свадебном платье, но и она тоже сделала это не по тем причинам. Мы сказали друг другу «да» перед мэром и двумя свидетелями, которые нас не знали, и им было абсолютно все равно. Мы поставили подписи, и я, едва выйдя из мэрии, отправился на поиски интернет-кафе, чтобы написать тебе.

Все, что я хочу сделать сейчас, — сказать тебе, что только на тебе я хотел бы жениться. Ну вот. Дело сделано. Я никогда не говорил тебе этого, потому что мы оба стыдились и вообще были дураками. Мы всегда боялись говорить друг с другом начистоту. Да. Я любил тебя. Я любил тебя как безумный, это, думаю, ты знала. Но я никогда не говорил тебе, что хочу на тебе жениться. Я думал, что у нас еще будет время. В день свадьбы Рено и Летисии я искал твой взгляд в церкви, чтобы дать тебе это понять, но тебя не было. Я должен был увидеть в этом знак. Ты ушла, чтобы взять реванш над Летисией... И мне даже нравилось, что ты такая маленькая чума.

Я не скрываю: мне понадобилось немало времени, чтобы оправиться после твоего ухода. Не знаю, исцелился ли я полностью, но я делаю все что могу, чтобы идти вперед и больше не думать об этом. Знай, что ты не была со мной в мэрии, я силой прогнал тебя из своих мыслей, как только проснулся сегодня утром, но, едва закрылись двери холла, ты появилась вновь.

Я думаю, мы любим по-настоящему только раз в жизни. Я любил тебя. Другой не будет.

Это не грустно... Не всем дано по-настоящему любить. Мне повезло. Я за это благодарен.

Я кончаю это письмо, пока не вырубился от жары в этом чертовом интернет-кафе.

Я желаю тебе, конечно, только лучшего, будь счастлива, здорова, оставайся всегда такой же (да, по дерзкой маленькой чуме я буду скучать). И я остаюсь таким же (во всяком случае, я думаю).

Целую тебя.

Эмиль

Он не сразу направляется в квартиру. Жара стоит удушающая, но ему еще не хочется возвращаться. Он избегает оживленных, заполоненных туристами улиц, спускается по крутым тенистым переулкам и направляется на север. Он смутно представляет себе, куда идет. Он знает, что неразумно гулять в такую жару, но ему это нужно. Он идет не останавливаясь целый час и наконец с облегчением видит первые каменные обвалы, первые развалины. Это единственное место, где ему хочется быть сейчас, — единственное, идеально отражающее его теперешнее состояние духа. Ком, разрушенная деревня. Ее называют «потерянной». Ни одна табличка больше не указывает на ее существование. Это только опустошенный пейзаж, посреди которого мужественно возвышается маленькая церковь. Церковь Сент-Этьен-де-Кома, странная, оголенная, без колокольни, без фресок, без витражей, совсем простая церковь с каменными стенами. Эмиль толкает тяжелую деревянную дверь, и она открывается со страшным скрипом. Внутри тоже все очень просто. Белые стены, массивные дубовые скамьи перед алтарем из того же массивного дуба, украшенным красным с золотом. Внутри прохладно и гораздо темнее. Эмиль опускается на скамью в первом ряду и закрывает глаза. Ему просто хочется сидеть так, минуту за минутой, ни о чем не думая, посреди потерянной деревни.

— Ох!

Он вернулся в дом 6 по Карреро дель Массадор, не встретив Миртиль. Войдя в дверь, сразу свернул налево, на лестницу. Ему очень не хотелось встретить старушку. Он поднялся по лестнице и удивленно вскрикнул, увидев накрытый Жоанной стол, зажженные свечи, красивую золотистую скатерть. Восхитительный запах из духовки заполняет комнату. Жоанна стоит у кухонного стола. На ней фартук. Она оборачивается на его голос.

— Вот и ты.

Она не расплела косу, делающую ее такой женственной. На другом конце студии висит на вешалке на гвозде платье Миртиль.

— Ты готовишь нам праздничный ужин?

— Да... Я хотела приготовить...

Она выглядит смущенной.

— Подobie свадебного застолья... Я... Я знаю, что это ничего не значит... что это не та свадьба, о которой ты мечтал... так, пустяки...

Он тронут ее вниманием. То, что она приготовила, не пустяки. Это много. Он не знает, как ей это сказать. Откашливается.

— Спасибо, Жоанна. Это... Это очень хорошо... Уверю тебя... Ты молодец.

Она морщит нос, немного смутившись.

— Надеюсь, тебе понравится.

— Я уверен.

Она вытирает руки о фартук немного нервно.

— Я не купила вина... Я вообще не пью... Не умею выбирать...

— Тогда я пойду куплю шампанского, — заявляет он.

— Шампанского?

— Шампанского! Мы же поженились или как?

Она явно вздыхает с облегчением, что он шутит, что отчасти возвращается былая легкость.

— Да, — говорит она с робкой улыбкой.

— И ты будешь обязана его выпить! В день твоей свадьбы это минимум. Я побежал! Я скоро! Вернусь через десять минут!

— Пока!

Эмиль не находит открытого магазина. Уже восемь часов. Приходится пойти к Анни в надежде, что в погребе у ее мужа есть шампанское. Она удивлена, увидев его.

— Что здесь делает новобрачный?

Он пытается объяснить, смущаясь:

— У нас нехватка шампанского... В деревне все закрыто... Я пришел, вдруг вы можете нас выручить бутылочкой.

Улыбка Анни становится шире.

— Ну конечно!

Она обнимает его за плечи и смачно чмокает в щеку.

— И мои поздравления!

Через несколько секунд он выходит из дома с бутылкой шампанского в руках под возгласы Анни:

— Это от чистого сердца! Считайте это нашим свадебным подарком! И хорошего вам вечера!

Он спотыкается обо что-то, войдя в студию, и едва успевает поймать бутылку шампанского, которая чуть не разбилась об пол. Устояв, он видит бело-рыжий комок под ногами, виновника случившегося. Жоанна кричит:

— Пок! Веди себя прилично!

Потом, обращаясь к нему, поспешно добавляет:

— Сейчас я отнесу его вниз! Я хотела это сделать до того, как ты придешь!

Но Эмиль склоняется над Поком. До сих пор он не уделял ему много внимания. Для него это была только игрушка Жоанны, что-то, что ей дорого. Но у него славная мордочка и глаза просят ласки. Жоанна присаживается рядом и берет Пока на руки.

— Ну-ка брысь! Почему ты вечно путаешься у нас под ногами?

Она такая милая, когда напускает на себя властный вид. Ей явно недостает убеждения. У нее нет никакого желания ругать Пока, и это видно.

— Оставь его, — говорит Эмиль.

— Что?

— Пусть проведет вечер с нами. Он не мешает.

Ей трудно скрыть удивление.

— Ты из-за него чуть не упал...

— Теперь буду внимательней. Стану смотреть под ноги.

— Я знаю, что ты его не любишь... Я могу отнести его вниз. Это ничего.

— Да нет... Я никогда не говорил, что не люблю его... — неловко защищается он.

— Но...

Она явно растеряна.

— Ты не хочешь оставлять его здесь...

— Это только на ночь. Я знаю, что котята игривы, и не хочу, чтобы он будил меня каждый час, прыгал на живот или кусал за ноги.

Они стоят лицом к лицу. Пок укрылся в руках Жоанны.

— Только поэтому? — спрашивает она недоверчиво.

— Конечно, только поэтому.

— Я была уверена, что ты его не любишь. Не хочешь, чтобы он был здесь.

— Ничего подобного. Я... Я нахожу, что это очень мило, как он все время липнет к тебе.

Жоанна смущенно отводит взгляд.

— Но ты все спрашивал, расклеила ли я объявления... нашла ли ему семью... Я думала, тебе не терпится от него избавиться.

Он улыбается. Жоанна по-прежнему прижимает Пока к сердцу, словно защищая от опасности.

— Забавно видеть тебя такой смущенной. Я знал, что ты никогда его не отпустишь.

Ее губы вздрагивают в улыбке, а брови хмурятся.

— Но значит...

— Да?

— Ты думаешь?

— Да?

— Ты думаешь, что мы, *может быть*, возьмем его с собой?

Глаза ее округлились, рот приоткрыт.

— Да, может быть.

— В кемпинг-кар? Когда поедем дальше?

Он пожимает плечами.

— Никто ведь не мешает?

— Это правда?

Он кивает.

— Да, правда.

И вот он, момент, когда это происходит, момент, которого он ждал. Лоб снова разглаживается, глаза сощурились, губы дрожат. Ей трудно скрыть свою радость.

— Это здорово, Эмиль! Это... Спасибо.

Он хочет стать для нее добрым спутником. Она этого заслуживает.

Он смотрит, как она молча ест. Это тоже нравится ему в Жоанне. Она не чувствует себя обязанной говорить и заполнять паузы. Она умеет ценить молчание.

— Что дальше? — спрашивает он, когда она встает.

— Не знаю, понравится ли тебе это...

— Перестань постоянно извиняться.

— Это сладко-соленый тарт.

— Я люблю сладко-соленое. И что же это?

Она ставит перед ними блюдо с тартom. Он еще дымится и пахнет божественно.

— Тарт с карамелизованным луком, клюквой и свежим козьим сыром.

Она краснеет, поймав его удивленный и восхищенный взгляд.

— Перестань так на меня смотреть.

— Я хотел сказать «я, пожалуй, на тебе женюсь»... но я уже женился.

Его шутка не производит должного эффекта. Жоанна робко улыбается, не более того.

— Тебе нравится?

— Обалденно.

Они продолжают есть под звяканье вилок и джазовую мелодию, наполняющую студию. Свечи разливают трепещущий приглушенный свет. Пок улегся у ног Жоанны. Каналья смотрит на него из угла.

— Как там было днем на фестивале? — спрашивает Эмиль.

— О... Очень хорошо... Это был последний день. Все мастера выставлялись у церкви Сен-Венсан.

— Здорово.

Повисает молчание, они продолжают жевать.

— Ты встретила Миртиль, когда вернулась?

— Нет. А ты?

— Я тоже.

— Думаю, она прячется.

Он кивает и отпивает глоток воды.

— Она хочет дать нам спокойно провести вечер свадьбы. Наверно, хоронится в уголке своей гостиной...

— Бедняжка...

Эмиль заканчивает убирать со стола, а Жоанна приносит две чашечки с десертом — белым кремом, посыпанным малиной. Третья чашечка остается на кухонном столе.

— А эту мы не возьмем? — спрашивает он.

— Нет, эта для Миртиль.

— Ей чертовски повезло с тобой.

Она качает головой.

— Нет, это нам с ней повезло.

— Это верно.

Свадебное платье, покачивающееся на вешалке на другом конце комнаты, тому свидетельство. Это тоже не пустяк.

— Я буду по ней скучать, — добавляет Жоанна.

— Да... Я об этом не думал, но я тоже.

— Мы ведь поедem дальше теперь, когда свадьба состоялась, да?

Он чувствует, что ей этого не очень хочется. Не сейчас. Да и ему тоже. Они привыкли к этой жизни в Эусе, к студии с каменными стенами, к внутреннему дворику, к чаю под платаном, к присутствию Миртиль и ночным партиям в скрабл, к мощеным улочкам. Они не готовы уехать сейчас же.

— Знаешь, спешить некуда... Можем побыть еще немного.

Он видит облегчение на ее встревоженном личике. Она надеялась на такой ответ. Она кивает.

— Да, нам некуда торопиться.

Оба рады, что оказались на одной волне.

— Ну-с... Что это у нас? — спрашивает Эмиль, погружая ложку в чашечку.

— Тирамису с малиной и белым шоколадом.

Он съедает все так быстро, что Жоанна даже не спрашивает, нравится ли ему.

Он достает бокалы, которые отыскал в кухонном шкафчике, и открывает бутылку шампанского.

— Это нам подарили Анни и ее муж, — сообщает он.

— Какие они милые.

Он наполняет бокалы шампанским, а Жоанна ставит на стол доску «Монополии», которую отыскала в гостиной Миртиль несколько дней назад.

— Я предлагаю новое правило, — объявляет он, садясь напротив нее.

— Какое?

— Поскольку сегодня вечер нашей свадьбы, можно воспользоваться игрой, чтобы узнать новое друг о друге.

Он чувствует ее нерешительность, но все же продолжает:

— Тот, кто сядет в тюрьму, должен ответить на один вопрос, чтобы выйти. Как ты на это смотришь?

Несколько секунд она молчит. Должно быть, взвешивает для себя вероятности влипнуть.

— Брось, ничего плохого, — настаивает он. — Просто чтобы лучше узнать друг друга... Как эти глупые игры в загадки или в правду.

Он спрашивает себя, играла ли она в такие игры подростком в своей глухой деревне... Может быть, и нет.

— Хорошо, — говорит она наконец.

Они начинают играть, потихоньку цедя шампанское, оказавшееся довольно вкусным.

— Тебе нравится? — спрашивает Эмиль Жоанну.

— Да. Освежает.

Она берет на себя банк. Считает и раздает билетики. Игра старая. Билетика еще во франках. Голос Рэя Чарльза сменяется голосом Луи Армстронга. Жоанна тихонько подпевает *Only You*. Она явно знает слова наизусть.

— Я не знал, что ты любишь джаз, — удивляется Эмиль.

Она отвечает, продолжая перебирать билетики:

— Мой отец был фанатом Майлза Дэвиса и многих других. Я выросла под аккорды джаза.

— Ты удивительная...

Она поднимает голову от неожиданности и перестает раскладывать билетики.

— Что?..

Он не знает, почему это сказал, наверно, пузырьки шампанского ударили в голову. В такую жару от двух бокалов можно здорово опьянеть.

— Нет, я просто... Ты удивительный персонаж.

— Чем же?

— Не знаю. Эта тайна, которой ты окутала твою жизнь... То, как ты живешь... Твое молчание... Твое спокойствие... Как будто ты хочешь, чтобы о тебе забыли... А потом вдруг выдаешь цитату или поешь джазовый мотив, старый как мир...

Он улыбается ее удивленному виду. Да уж, она тот еще персонаж. Все, что он сказал, — правда. А он еще не упомянул о ее черной шляпе, о просторных одеяниях, о ее полном порой равнодушии, о бабушкиных снадобьях...

— Я всего лишь отражение моего отца, — говорит она, пожав плечами.

Он улыбается немного грустно, ведь она его потеряла, своего отца, как видно, служившего ей образцом. Может быть, поэтому она всегда носит черное...

— Наверное, он был очень хорошим человеком.

— Был.

Она протягивает ему кипу билетиков, чтобы рассеять тягостный момент.

— Вот, смотри, эти ты должен положить на середину. Это идет в кассу общины.

Они молча продолжают партию. Первым оказывается в тюрьме Эмиль. Жоанна надолго задумывается, какой вопрос ему задать.

— Я не знаю... — говорит она в замешательстве.

— Есть что-нибудь, что ты хотела бы знать, но боялась спросить?

Она еще немного медлит, барабаня пальцами по столу, спрашивает ясным голосом:

— Куда ты ходил сегодня днем после церемонии?

Это явно не тот вопрос, которого он ожидал. Он медлит немного, прежде чем ответить:

— Я пошел в Ком и посидел в церкви. Потом вернулся.

Она серьезно кивает. Он не сказал ей про письмо Лоре. Она тут ни при чем, она просто хотела оказать услугу и никогда не претендовала на место Лоры, но он боится обидеть ее.

— Хорошо... Можешь выйти из тюрьмы.

Он бросает кубик. Через несколько минут в клеточке тюрьмы оказывается Жоанна, и он видит, как она беспокойно ерзает на стуле. Есть одна вещь, которую он очень хотел бы узнать... Почему она всегда носит черное, цвет траура? Но он не хочет ее печалить, заставлять говорить об отце, снова создавать неловкость. Поэтому выбирает вопрос полегче.

— Я заметил одну вещь...

— Да?

— Когда ты уходишь вечером медитировать или просто подышать воздухом, ты всегда делаешь это...

— Что?

— Ты поднимаешь глаза к небу и сидишь часами, глядя вверх. Почему ты так делаешь?

Эмиль слишком поздно понимает, что задал бестактный вопрос, что, наверно, спросить о черных одеждах было бы лучше. Он видит смятение на ее лице, она с явным усилием пытается сохранить нейтральное и равнодушное выражение, но уголки ее рта подрагивают.

— Жоанна, если ты не хочешь... — поспешно добавляет он.

Но она уже отвечает:

— Я знала одного маленького мальчика, который часами смотрел в небо... Его звали Том. Это был мальчик, непохожий на других. Он жил в своем мире. До него трудно было достучаться.

Жоанна грустно улыбается. Эмиль вдруг понимает, что глаза ее полны слез, но она продолжает:

— Это был удивительный мальчик. Все время рисовал...

Она останавливается на мгновение, чтобы сглотнуть:

— ...рисовал синеву. Страницы и страницы заполнял синим цветом. Ничего, кроме синего. Никто не знал, рисует он небо или море. Он не говорил. И хуже всего было... что он комкал все свои рисунки. Едва закончив, мял, как будто был разочарован, недоволен, что не нашел нужного оттенка, нужной смеси синих красок. Тогда он уходил во двор и снова часами смотрел на небо. И можно было быть уверенным, что назавтра он снова напишет картину в синих тонах.

Эмиль взволнован, видя ее такой. Со слезами на глазах, но улыбающейся. Она говорит быстро, страстно, эмоционально. Такой она никогда не была. Ее не остановить.

— Педагоги прозвали его Том Блю, Синий Том. Они запретили другим детям использовать синюю краску... По моей просьбе. Она была только для него. Это была краска Тома Блю.

У нее вырывается нервный смешок, голос дрожит от волнения. Эмиль никогда не видел, чтобы она так искренне смеялась. Она, должно быть, очень любила этого маленького мальчика.

— Он был в школе, в которой ты работала? — растроганно спрашивает он.

Она взволнованно кивает.

— Да. Он был в школе. Но он ушел.

— Давно?

— В общем, да.

Она отпивает долгий глоток шампанского. Вот такая она, Жоанна, подбирает самых слабых, самых незащищенных, непохожих на других, тех, кто замкнут в своем мире или кого грозят убить... Маленький Том Блю, Пок... Да, он был прав. Она удивительная.

— И теперь ты тоже смотришь на небо?

Она кивает. Слезы исчезли в глубине глаз.

— Да. Не знаю, найду ли я когда-нибудь нужное сочетание синих красок. Смогу ли нарисовать за него синеву и подарить ее ему в тот день, когда с ним встречусь...

Эмиль тоже отпивает глоток шампанского, чтобы скрыть волнение.

— Он будет очень рад, — говорит он.

— Ты думаешь?

— Я уверен.

Они обмениваются подрагивающей улыбкой. Они разделили сейчас особую близость. Эмиль чувствует это и уверен, что Жоанна тоже это чувствует.

— Ты знаешь, куда он ушел? Знаешь, как сможешь встретиться с ним?

Жоанна сглатывает.

— Есть идея.

Она берет кубики с доски и спрашивает, откашлявшись:

— Я могу играть?

— Конечно. Бросай кубики.

До конца игры они избегают тюрьмы, не то чтобы намеренно, но жребий решил оставить их в покое на остаток вечера. В полночь они убирают со стола и раскладывают диван. Они гасят свет, и Эмиль ничего не говорит, когда Пок и Каналья запрыгивают на постель и устраиваются у них в ногах. Сегодня праздник, думает он, и можно сделать исключение.

— Спокойной ночи, — шепчет он Жоанне.

— Спокойной ночи.

— Славный был вечерок.

— Согласна.

Наступает тишина, едва нарушаемая довольным мурлыканьем Пока. Наверняка Жоанна чешет ему брюшко в темноте. Эмиль думает

о маленьком Томе Блю, покрывавшем листы синей краской... О нем и о себе. Его она тоже подобрала. Она решила сопровождать его в последнем путешествии и подарить ему свободу, выйдя за него замуж. Он тоже в их числе. Том Блю, Пок и он. Она решила дать им второй шанс. Всем троим. Она как эта маленькая церковь, которая гордо возвышается, целая и крепкая, среди развалин Кома. Она такая, Жоанна... Символ надежды посреди разоренной земли.

Миртиль появляется наутро, не выдержав больше. Должно быть, она считала часы, прячась вчера в гостиной.

— Ну, как прошла свадьба?

Она восторженно улыбается. Она приготовила им блинчики и крепкий чай, что вызывает у Жоанны недовольный взглас:

— Вам надо было сидеть спокойно!

Миртиль резко возражает:

— Ну нет! Не уподобляйся моей дочери! Мне и Анни хватает!

После этого она заставляет их сесть во внутреннем дворике под платаном. Эмиль помогает ей спуститься по ступенькам и устроиться с ними.

— Ну же, как свадьба? Вы такие таинственные!

— Было хорошо.

— Было хорошо? И это все? Анни сказала мне, что вы попросили у нее шампанского. Вы состряпали праздничный ужин?

Эмиль кивает.

— Да. Жоанна приготовила нам суперский ужин. Кстати, она оставила вам десерт!

Это на время отвлекает Миртиль. Она расспрашивает об ужине, Жоанна приносит ей десерт, Миртиль говорит, что это изумительно. Но снова возвращается к главной теме: свадьба в мэрии, платье.

— Вы хотя бы сделали фотографии?

Она с ужасом всплескивает руками, когда они отрицательно качают головами.

— Это надо срочно исправить! Вы не можете пожениться без свадебных фотографий! Что вы покажете малышу?

Два голоса звучат одновременно:

— Миртиль! Никакого малыша нет!

Она цокает языком.

— Я позвоню Анни. Ее зять — фотограф. Он сделает вам прекрасные снимки на улицах.

Эмиль так раздражен, что не замечает, как срывается на крик:

— Нет, Миртиль, довольно! Не будет никаких фотографий! И никакого ребенка нет! Свадьба уже прошла. Теперь забудьте о нас, пожалуйста!

Жоанна съежилась на стуле. Тяжелое молчание повисает во внутреннем дворике. Миртиль резко отставляет чашку с чаем. Пауза длится. Эмиль бормочет в свое оправдание:

— Блинчики очень вкусные.

Но фраза повисает без ответа. Он встает и покидает дворик.

Пришлось солгать по поводу свадьбы и притворяться неделю за неделей. Он надеялся, что сегодня утром все это кончится. Что они смогут вернуться к нормальной жизни. Но Миртиль упрямо гнет свое, продолжает вмешиваться в их жизнь. Раньше он находил это трогательным. Сегодня — нет. Он просто хотел передохнуть, насладиться в одиночестве своей новой свободой. Оседлав починенный велосипед Анни, он уезжает в деревню.

И снова черная дыра. Сегодня утром он ушел из дома Миртиль в гневе, с желанием как можно быстрее крутить педали, чтобы избыть все это... Что он делал потом — он не знает. Художники и артисты покинули Эус. Фестиваль закончился. Эмиль опомнился на маленькой площади перед верхней церковью, сидя на скамейке. В руках у него банка содовой, голову припекает солнце. Шрам жжет. Он отлично помнит вчерашний день, как и все предыдущие, помнит утреннее пробуждение, завтрак под платаном, ссору с Миртиль. И больше — ничего. Часы на колокольне показывают шесть часов вечера. Он не собирался уходить так надолго. Жоанна, должно быть, волнуется... Жоанна, которую он оставил наедине с Миртиль в этот тяжелый момент...

Господи, что он делал все это время? Где был с утра? Куда девался велосипед? Откуда эта банка содовой в его руке?

Неужели от треволений последних дней в голове у него переклинило? От нервозности в мэрии? Неужели его мозг не нашел другого способа освободиться и ослабить напряжение? Или это от облегчения, от уверенности, что отныне он в безопасности, с Жоанной в качестве законной опекуны?... Тень клинических испытаний больше не витает над его головой. Теперь, что бы ни случилось, он знает, что

Жоанна постарается оградить его от этого. Напряжение спало, и болезнь снова взяла верх.

Он заставляет себя встать со скамейки, невзирая на усталость и припекающее солнце. Ему не терпится скорее вернуться в их домик, но, встав, он не в силах двинуться с места. Он потерял ориентацию. От жары? Может быть, у него солнечный удар? Он не знает, куда идти. Не знает, в какую сторону повернуть. *Черт побери, не сходи с ума.* Этой дорогой он ходит каждый день уже больше месяца. Но сегодня он растерялся. Он не знает, по какой улочке идти. *На сей раз это конец, старина... С тобой покончено. Все летит к чертям.* Он еще пытается уговорить себя, что это от солнца, что у него наверняка солнечный удар. Но сам знает, что это неправда. Врачи его предупреждали:

— Первыми симптомами будут трудности в выполнении профессиональных задач, обмороки, провалы в памяти.

Мать спросила:

— А потом?

И врачи ответили:

— Появятся новые симптомы, более или менее быстро, по ходу развития болезни. Постоянные потери, скачки настроения, забывчивость, особенно в тяжелых ситуациях с точки зрения социума или ментальности, трудность сопоставить лицо с именем, дезориентация в пространственно-временном плане...

Дезориентация в пространственно-временном плане. Вот что с ним происходит. Он не знает, что делал сегодня. Понятия не имеет, сколько времени прошло с тех пор, как он покинул дом. Десять минут, час, день? Если бы не часы на колокольне, он даже не смог бы сказать, какое теперь время дня. Утро? Полдень? И потом, эта чертова проблема, самая неотложная... Он не знает, как вернуться домой. Адрес, однако, он помнит. Карреро дель Массадор, 6. Это он не забыл. Пока еще нет.

Он идет наугад. Может быть, на ходу что-нибудь вспомнится. Магазины ему знакомы. И каждый булыжник на мостовой тоже. Но он сомневается, он не уверен. Он возвращается назад, чтобы подойти к церкви на горе. Оттуда открывается вид на деревню, проще будет сориентироваться. Наверху он прислоняется к фасаду, измученный, на грани нервного срыва. Жуткое ощущение. Хуже не бывало... Нет,

было, когда ушла Лора... Он чувствует, что сходит с ума, теряет рассудок.

Эмиль останавливается на несколько секунд передохнуть. Какая насмешка судьбы! Он думал, что в последнее время ему стало лучше, что болезнь отступила или, по крайней мере, стоит на месте. Думал, что стабильность их жизни в Эусе помогает ему, давая покой, позволяющий сохранить память. Но он ошибался. Видимо, это предстоящая свадьба помогала ему держаться, мысль, что у него нет выбора, что надо дотерпеть до этого дня, больше не падать в обморок, не терять память, пока бумаги не будут подписаны, пока Жоанна не станет официально его единственной законной опекуной. У разума есть огромная власть над телом и даже над развитием болезни. Эмиль понимает это сегодня, прислонившись к раскаленному фасаду какого-то строения. Так умирающие способны продержаться много дней до приезда близких, чтобы угаснуть наконец в их объятиях. Так произошло и с ним. Страх, что снова случится блэкаут, что его отправят в центр, желание наконец почувствовать себя в безопасности позволили его телу держать память на плаву. Теперь все кончилось. Жизнь пошла своим чередом. Процесс болезни запущен вновь. И вот он здесь, у этого фасада, беспомощный, как старичок, забывший дорогу домой. Ему хочется плакать оттого, что он такой беспомощный. Или снова вспылить. Но нельзя. Миртиль уже стала жертвой его гнева утром, а косвенно и Жоанна. Он должен смириться со своим состоянием и не поддаваться гневу. Никто не виноват. Даже он сам.

Поплутав немного, он все же находит переулок. Ставни окон на улицу — спальни Миртиль — уже закрыты, наверно, чтобы сохранить немного прохлады. Наверху у лестницы он застаёт Жоанну за генеральной уборкой. Она связала волосы в узел на макушке и высоко закатала шорты. Она суетится, пытаясь смахнуть паутину с потолка метелкой из перьев. В углу комнаты красуются швабра и тряпка. Кошки, должно быть, убежали, им эта суматоха вряд ли понравилась. Их не видно. Не дождавшись, пока она скажет хоть слово, Эмиль сразу рассыпается в извинениях:

— Жоанна, мне очень жаль. Я не знаю, что делал. У меня снова случился блэкаут. Я не знал, сколько времени, и потерял велосипед Анни...

У нее хмурый вид, как будто она сердится на него за утреннюю ссору, но в его голосе она угадывает отчаяние. Она кладет метелку на пол и подходит к нему.

— Как ты? У тебя солнечный удар?

Но он ей не отвечает. Его занимает другое.

— А Миртиль? Она, наверно, обиделась на меня за сегодняшнее утро.

Несколько прядок выбились из узла волос на макушке Жоанны. Лоб ее блестит от пота, видно, что она хорошо потрудилась, убираясь в студии.

— Она спросила меня, хотим ли мы уехать, сказала, что, наверно, нам надоела.

Жоанна говорит это в явном замешательстве.

— Я сказала ей, что нет, но она, кажется, мне не поверила.

Она выдерживает короткую паузу и утирает лоб.

— Ты бы с ней поговорил.

Он кивает.

— Уже иду.

Он застаёт Миртиль спящей в кресле, фоном работает телевизор. Каналья, свернувшись у нее на коленях, охраняет хозяйку. Она уставилась на него недобрый взглядом. Очевидно, постановила для себя, что он враг дома, что причинил зло Миртиль и Жоанне. Кашлянув, Эмиль колеблется, будить ли старушку, но этого тихого звука достаточно, чтобы прервать ее легкий сон. Она выпрямляется, стряхнув с колен Каналью, которая возмущенно мяукает.

— Я задремала... — бормочет она, украдкой вытирая ниточку слюны в уголке рта.

Эмиль стоит перед ней, ерзая от смущения. Он не знает, с чего начать, но думает, что проще всего будет сказать ей почти всю правду.

— Миртиль, извините меня за сегодняшнее утро. Я знаю, вы только хотели доставить нам удовольствие, но дело в том, что...

Он вытирает взмокшие ладони о шорты. Миртиль и бровью не ведет. Она явно ждала объяснений. Она готова их выслушать. И внимательно слушает. Он сглатывает.

— Никакого ребенка нет, Миртиль... Мы поженились так поспешно только для того, чтобы Жоанна могла позаботиться обо мне,

потому что я болен.

Ярко-голубые глаза старушки округляются. Такого объяснения она не ожидала.

— Ранний Альцгеймер... Очень редкая болезнь... Так что этот брак — не более чем формальность... теперь я буду уверен, что Жоанна сможет принимать все решения, касающиеся состояния моего здоровья.

Голубые глаза Миртиль подернулись грустью. Он этого не хотел. Он только хотел объяснить ей, что она здесь ни при чем, что они вовсе не хотят уезжать от нее. Не сразу, во всяком случае. Она открывает рот, и он слышит голос глубокой старухи, сломленной возрастом:

— Мне жаль, Эмиль... Я не знала...

Он качает головой.

— Ничего, все нормально...

Но грусть продолжает разливаться по лицу Миртиль. Теперь она выглядит старше.

— Сколько я глупостей натворила в последнее время. С этим свадебным платьем... Вот было безумие...

— Нет, вовсе нет.

— Да.

— Нет, уверяю вас. Жоанна была очень красива в свадебном платье.

Она печально улыбается.

— Это правда?

Он кивает.

— Да, правда. И эта коса, которую вы ей заплели, тоже была очень красивая.

Миртиль с грустью опускает глаза.

— Я хотела немного оживить ее лицо. Она все время прячется под черным. Теперь я понимаю почему...

Эмиль сглатывает. Он не хочет еще сильнее огорчать Миртиль. Он не скажет ей, что не в нем причина траура, который она постоянно носит. Не скажет даже, что они с Жоанной вовсе не любят друг друга, что они познакомились два месяца назад по объявлению. Есть вещи, которых усталым старушкам знать не надо.

Она шмыгает носом. Пролила слезу? Он не может различить ее лица в полумраке гостиной. Она закрыла все ставни, чтобы сохранить

прохладу.

— Ты не выкарабкаешься, да? — спрашивает она странно далеким голосом.

Он знает, что она имеет в виду его болезнь. Хочет было ей солгать, но нет сил.

— Да... Действительно.

Миртиль снова шмыгает носом.

— Что же станет с ней?

Он сглатывает, борясь со стоящим в горле комом. Миртиль вконец испортила ему настроение. И что она плачет?

— Я не знаю, — признается он неуверенным голосом.

— Надо об этом подумать... Ты подумаешь?

— Да. Я подумаю.

Миртиль смотрит, как Каналья забирается к маленькому Поку в корзинку у телевизора и, свернувшись, прижимается к нему.

— Потому-то вы и отправились в это путешествие?

— Да.

Оба молчат. Телевизор по-прежнему работает фоном.

— Значит, вы уедете?

Она поднимает голову, и он видит ее голубые, странно влажные глаза.

— Да. Мы уедем... Не сразу, но на днях.

Она кивает. Ее сморщенные пальцы играют с высунувшейся из платья ниткой, тянут ее, накручивают.

— Вы можете вернуться на зиму... Когда будет слишком холодно, чтобы ночевать в кемпинг-каре или в палатке, вы можете вернуться сюда.

Эта перспектива ему, пожалуй, бальзам на сердце. Он кивает.

— Это отличная идея.

— Поговори об этом с Жоанной...

— Я уверен, что она будет в восторге.

— Я тоже буду в восторге.

Они улыбаются друг другу. По телевизору начинается вечерняя передача. Можно выиграть десять тысяч евро, ответив на десять вопросов. Миртиль ненадолго отвлекается, потом снова поворачивается к нему.

— Вы поужинаете с нами сегодня? — спрашивает Эмиль.

Он не дает ей времени отказаться:

— Я сам все приготовлю. И приглашаю вас поужинать в студии. Я спущусь за вами в половине восьмого. Будьте готовы.

Улыбка Миртиль стоит всех на свете слез.

Эмиль поставил на плиту лазанью с говядиной. Жоанна сказала, что она последит, а он может пойти принять душ. Для нее он приготовил специальное блюдо без мяса, мини-лазанью с овощами и песто. Она явно была довольна.

— Ступай в душ, уже семь часов, — сказала она. — Я послежу за твоими лазаньями.

— О... Надо же, Миртиль, вы извлекли на свет губную помаду и шаль!

Она ждет его у лестницы в настоящем вечернем туалете. Черное платье, лиловая шаль, золотые серьги. Губы она накрашила карминно-красной помадой. Она чертовски элегантна. Не оставаясь в долгу, она отвечает:

— Куда девалась твоя борода?

Жоанна реагировала так же, когда он вышел из ванной. Только более умеренно. Она обронила только:

— О, ты... ты сбрил бороду.

Эмиль сам толком не знает, почему это сделал. Он начал отращивать ее год назад. После ухода Лоры. Как будто хотел спрятаться, скрыть свое лицо, защититься. Но сегодня вечером он посмотрелся в зеркало и понял, что в последнее время из-за их походов он ее запустил. Борода поглотила добрую часть его лица, и это было слишком. Он начал ее подстригать. По идее, он хотел просто освежить ее, но не смог остановиться. Все сбрил и открыл лицо. Сразу почувствовал себя голым и беззащитным, но и куда более молодым. Менее печальным. Вид у него совсем новенький, искрящийся весельем. Глаза Жоанны расширились, когда она его увидела.

— Тебе нравится? — спросил он.

Она кивнула, и он различил что-то лестное в ее взгляде, отчего даже покраснел.

— Да, Миртиль, я все сбрил, — отвечает он, спускаясь к ней по последним ступенькам. — Я совсем новый человек.

— Женатый человек, — отзывается она с улыбкой.

Он спускается к ней и протягивает ей руку:

— Вы позволите?

Миртиль смеется, как молодая девушка.

— У вас прекрасные манеры, молодой человек.

— Всегда!

Он чувствует, как она опирается на его руку. Ей трудно подниматься по ступенькам. Что бы она ни говорила, что бы ни выказывала, — это старушка, уставшая от жизни. Они останавливаются на середине лестницы, потому что она запыхалась.

— Плохо стареть, — говорит она, тяжело дыша.

— Представляю.

— Я хотя бы в полном разуме. Больше всего на свете я боялась потерять рассудок.

Она осекается, пришибленная, поняв, что сказала. Он волевым решением прерывает этот неловкий момент:

— Совершенно с вами согласен!

Они продолжают подниматься по лестнице.

Эмиль накрыл на стол, Жоанна включила радио. Студию наполнил джаз. Каналья и Пок гоняются друг за другом между диваном и кухонным столом, путаясь в ногах у Эмиля. Миртиль сидит на диване, с шалью на плечах, с бокалом шампанского в руке (остаток вчерашнего). Она явно рада быть здесь. То и дело хихикает как девчонка. Жоанна сидит рядом с ней. Она, по обыкновению, в черном, но Миртиль одолжила ей старинный гребень, позолоченный, украшенный фиолетовым аметистом, и она заколола им свои спутанные волосы. Вещица допотопная, но Жоанне очень идет, она ведь женщина вне времени и могла бы с тем же успехом явиться из тридцатых годов прошлого века. Эмиль думает, что Миртиль сделала это нарочно, чтобы вернуть немного красок и света на лицо Жоанны. Она заметила вечный черный цвет. Она сказала это накануне, когда зашла речь о свадебном платье и косе. *Я хотела немного оживить ее лицо. Она все время прячется под черным.*

Ей это удалось. Сегодня Жоанна выглядит моложе, как и он без бороды.

— К столу! — кричит он, ставя дымящееся блюдо с лазаньей.

Но две женщины продолжают перешептываться и тихонько смеяться. Эмиль наблюдает за ними краем глаза, весело улыбаясь. Слышать смех Жоанны до сих пор кажется Эмилю чудом. Может быть, однажды, через несколько месяцев, он станет привычным и Эмиль перестанет его замечать. Это будет хорошим знаком, но в то же время грустно больше не видеть в этом чуда... Он откашливается и повторяет:

— К столу!

Миртиль за ужином становится сущей девушкой. Веселая, разговорчивая, она легко смеется и рассказывает тысячу анекдотов о деревне. Они приступают к десерту — салату из клубники, — когда она вдруг спрашивает серьезно:

— А как же Пок?

— Что — Пок?

— Жоанна говорила, что подыщет ему семью...

У нее озабоченный вид. Жоанна колеблется. Вопросительно смотрит на Эмиля и, удостоверившись, говорит:

— Мы возьмем его себе.

Миртиль не может в это поверить.

— Но...

— Но?

— Вы же сказали, что уедете через некоторое время...

Жоанна снова вопросительно смотрит на Эмиля, и он с улыбкой кивает.

— Мы возьмем его с собой в кемпинг-кар, — говорит она.

У Миртиль заблестели глаза.

— Это правда?

— Да, это правда!

— Вы его не бросите?

— Нет! — обижается Жоанна.

А Эмиль парирует:

— У нас теперь есть свидетельство о браке, Миртиль, мы семья!

Старушка качает головой, не понимая.

— Думаю, мы вправе усыновить котенка...

Все трое смеются. Это прекрасный вечер. Джаз, кисленький вкус клубники во рту, потеки томатного соуса на губах Миртиль, старинный гребень в волосах Жоанны и их улыбки. Правда, чудесный вечер.

2 сентября

Мама,

пишу, чтобы сообщить тебе потрясающую новость. Уже два дня я женатый человек. Не делай большие глаза и не хватайся за голову. Нет, я не сошел с ума. Жоанна очень хорошая девушка, она обещала уважать мою волю и никогда не отдаст меня в центр клинических испытаний. Да, признаю, потому-то мы это и сделали, но это ничего не меняет в том факте, что я женатый человек.

Теперь, что бы ни случилось, Жоанна будет моей единственной законной опекуной. Больше ни одна больница не побеспокоит вас моими обмороками и провалами в памяти. Я знаю, это не то, чего вы хотите, но этого хочу я, а я уже большой мальчик. Мне двадцать шесть лет, и я женат. Вдобавок через два года я умру, могу же я, по крайней мере, сам решать, какой будет моя жизнь в эти два последних года.

Маржори должна была получить мое письмо и дать его тебе прочесть (во всяком случае, я ее об этом просил). Я отправлю тебе это, как только смогу, но оно будет последним. Теперь я буду продолжать регулярно писать вам, но только в черном блокнотике, который бережно храню при себе. Жоанна обещала передать его вам, когда меня не станет. Дело не в том, что я не хочу давать о себе знать, но отправка этих писем стала настоящим путешествием (если я хочу быть уверенным, что никто меня не найдет). К тому же, смею надеяться, эти два последних письма успокоят вас и докажут, что я счастлив и жизнь, которой я живу, меня устраивает.

Пока вы не получили мой черный блокнот и мои письма, постарайтесь как можете простить меня и не держать обиды. Мое бегство и моя женитьба эгоистичны, но не больше, чем ваше желание держать меня при себе маразматиком и узником. Я вас простил. Надеюсь, что вы будете так же снисходительны ко мне. Я люблю вас, и это на всю жизнь. Эти два года вдали от вас ничего не изменят. Наоборот... Говорят, что, только расставаясь с любимыми,

мы понимаем, как их любим. Будем же считать это нашим шансом.

Мама, папа, чтобы закончить на более радостной ноте, знайте, что я был красивым женихом (во всяком случае, мне так кажется). Вы гордились бы мной. Я не сбрил бороду, зато надел белую рубашку и не выламывался перед мэром. Жоанна была красива. Мне жаль, что вы никогда ее не узнаете. Таких, как она, встречаешь только раз в жизни. На ней было старинное свадебное платье с большим количеством кружев, знаете, эти допотопные платья с рукавами до запястий. Миртиль (старушка, у которой мы сейчас живем) заплела ей красивую косу. Ей не хватало только фаты, чтобы походить на настоящую невесту. И приличных туфель!

Мама, папа, я вас целую. Вы со мной. Вы всегда рядом, где бы я ни был. Не сомневайтесь в этом.

Ваш сын Эмиль

— Эмиль? — зовет Миртиль от телевизора.

Он рядом, поливает растения на ступеньках, ведущих во внутренний дворик.

— Я здесь.

— Сядь.

Он удивлен, но повинуется. Подтаскивает стул, заваленный рекламными проспектами, ладонью смахивает их на пол и садится.

— Только что ушла Анни...

— Я знаю.

— Она сказала, Жан нашел в Эусе велосипед, тот, что она отдала тебе. Он-де стоял в переулке... несколько дней.

Эмиль раздосадован. Он не знает, почему так озабочена Миртиль — из-за потери велосипеда или его молчания по этому поводу. Он начинает что-то бормотать, мол, ему очень жаль, он постарается снова починить велосипед, если нужно, но старушка перебивает его:

— Что случилось? Ты потерял сознание?

Он качает головой.

— Нет! Нет, это не...

— Ты заблудился?

Она гладит Каналью механически, не думая о ней. Все ее внимание сосредоточено на Эмиле.

— Да. Я заблудился. Это было в тот злополучный день, когда вы предложили сделать нам свадебные фотографии и я ушел, хлопнув дверью.

Миртиль кивает. Ее глубокий взгляд точно рентгеном просвечивает.

— Ты исчез на целый день, да?

— Да. Я... Я понятия не имею, что мог делать... Когда я пришел в себя, велосипеда не было, и я... я еле нашел дорогу к дому. Мне правда очень жаль, это непростительная рассеянность. Я, честное слово, не хотел терять этот велосипед...

— Плевать я хотела на велосипед, мой мальчик! Поэтому ты больше не выходишь из дома?

— Я...

Ему стыдно признаваться, но так и есть. После этого происшествия он выдумывает кучу оправданий, чтобы не выходить одному в деревню. Поначалу он просто ждал, когда Жоанна выйдет прогуляться, и шел пройтись с ней. Но теперь, когда она помогает подруге Анни в кафе-мороженом и занята целыми днями, он больше не высовывает носа на улицу.

— Да... Я стараюсь не выходить... Я больше не теряюсь, потому что больше не выхожу.

— А остальное?

— Провалы в памяти?

— Да, провалы в памяти...

Он сам не знает. Он не оказывался больше в таком жутком положении, как в тот день, на улочках Эуса, с банкой в руке, но тревожные эпизоды были. Однажды утром оказалось, что он убрал зубную щетку в холодильник. В другой раз обнаружил, что в душе течет вода, он забыл закрыть ее час назад. А сегодня утром он назвал Жоанну Маржори. Но это можно списать на рассеянность... Во всяком случае, в этом он сейчас убеждает себя. Он знает, что это нормальное течение болезни, но, пока это ограничивается забывчивостью и чудачествами, он говорит себе, мол, ничего страшного. Больше всего он боится провалов.

— Ничего серьезного, но да... я кое-что забывал.

Его вдруг охватывает тревога.

— А что? Жоанна вам что-то говорила?

Миртиль качает головой.

— Нет... Она мне вообще ничего не говорила.

— Ей, кажется, нравится работать в кафе-мороженом, да? — спрашивает он, вопросительно глядя на Миртиль.

Та кивает.

— Да, ей, видно, на пользу выйти отсюда, развеяться.

Она цокает языком.

— И тебе бы делать то же самое.

Его глаза забегали. Он делает вид, будто смотрит в телевизор, но Миртиль не проведешь.

— Сидя здесь взаперти, ты не замедлишь развитие этой чертовой болезни. Наоборот. Тебе надо проветривать мозги.

— Тогда, — ворчит он в ответ, — вы не увидите меня трое суток. Я могу заблудиться в любом переулке.

— Так попроси Жоанну выходить с тобой.

— Она работает.

— Она не работает, только помогает. Она может освободить утро, чтобы погулять с тобой.

— Не знаю, хочется ли ей.

Тут Миртиль принимается отчитывать его, как маленького мальчика.

— Нет, ты сам себя слышишь, Эмиль? Зачем ты лукавишь? Посмотри, какая стоит погода! Солнышко. Легкий свежий ветерок. Ты можешь пойти навестить Жоанну в кафе-мороженом. Я уверена, что она будет рада. И не говори мне, что ты заблудишься! Это в четырех минутах отсюда, не больше! Я обещаю послать за тобой вертолет, если ты не вернешься через час.

Она поднимает с колен Каналью и ставит ее на пол.

— Ну-ка брысь!

Она обращается к ним обоим и помахивает рукой: мол, уходите.

— Прекрасная погода! Идите подышите воздухом за меня!

—

Две недели назад Жоанна вернулась после первого дня в кафе-мороженом «Коко» в восторге и с тех пор бежит туда с раннего утра и возвращается только вечером. Эмиль удивился:

— Там так много работы?

Жоанна пожала плечами.

— Нет, но мне очень нравится стоять за прилавком и наблюдать за жизнью деревни. Это успокаивает.

Он чувствует себя помолодевшим на десять лет за одну секунду, когда оказывается под мягким сентябрьским солнцем на булыжной мостовой. Миртиль была права. Он правильно сделал, что послушал ее. Так хорошо снова подвигаться, ощутить кожей солнечные лучи. Ему кажется, что этого не было годы. Кажется, что он вновь обрел живость своих двадцати лет. Улочки Эуса кажутся ему пустыми

сегодня, в середине сентября, после августовских толп. Навстречу попадают несколько туристов, школьная группа, но все относительно спокойно. Он вдруг чувствует такую легкость, что даже позволяет себе сделать крюк до Галереи искусств, прежде чем направиться в указанную Миртиль лавку с конфетно-розовой витриной и белой вывеской, на которой написано «Коко, оригинальное мороженое ручной работы». Двери магазинчика распахнуты. В переулочек выставлены пластиковые столики и стулья, и пара туристов нежится на солнышке. В холодильнике-прилавке два десятка емкостей с мороженым всех цветов, а за прилавком в своей черной широкополой шляпе стоит Жоанна. Она приятно удивлена, увидев его.

— Эмиль!

Он стоит перед прилавком, чувствуя себя неловко.

— Ну да, я вышел.

— Ты прав. Погода сегодня такая мягкая.

Кажется, что она одна в лавке, но шорох в глубине говорит о том, что Коринна, хозяйка, должно быть, прибирается в кладовой или в холодной комнате.

— Как ты, справляешься?

Она кивает.

— Да. Я теперь знаю все сорта наизусть и даже помню завсегдатаев, которые приходят каждый день.

За спиной Жоанны хлопает дверь, и входит белокурая женщина лет пятидесяти с голубой повязкой в волосах и пластиковым баком в руках. У нее приветливый вид. Она широко улыбается и тепло здоровается с Эмилем:

— Добрый день. Жоанна вами занимается?

Он хочет ответить, но Жоанна его опережает:

— Нет, Коринна, это Эмиль...

Женщина, кажется, не поняла, и Жоанна добавляет:

— Мой муж.

Эмиль невольно вздрагивает, слыша из ее уст *мой муж*. Он надеется, что та, кого Жоанна назвала Коринной, этого не заметила. Судя по всему, нет. Ее улыбка становится еще шире.

— О! Рада с вами познакомиться, Эмиль! Что ж, заказывайте, не стесняйтесь! Подарок от заведения.

— О, очень мило, но...

— Скажете, как вам. У меня новый сорт, мне нужны мнения.

Она улыбается приветливо и дружелюбно. Он понимает, почему Жоанне так нравится проводить часы за прилавком. Она здесь в приятной компании.

— А?

— Мороженое с цветами бузины.

— О... Это... оригинально.

— Жоанна не оценила, но мне хотелось бы получить второе мнение.

Он улыбается и пожимает плечами.

— Ладно, что ж... Если надо.

Коринна поворачивается к Жоанне.

— Обслужишь своего мужа? Мне еще мыть баки.

— Конечно.

Она скрывается так же быстро, как появилась, а Жоанна так и стоит, опустив руки, за прилавком. Он окидывает взглядом емкости, пытаясь прочесть сорта.

— У тебя нет чего-нибудь покрепче? Мне надо взбодриться, это ведь стресс — услышать *мой муж* дважды в одном разговоре.

Жоанна краснеет, и Эмилю смешно.

— Я не знала, как... не представляла, как...

Она в явном замешательстве, и он смеется еще пуще.

— Ничего. Я он и есть. Просто придется привыкнуть.

Она поспешно склоняется над емкостью с цветами бузины, чтобы скрыть свое смятение. Потом берет рожок и вкладывает в него шарик.

— Ну и... что... что еще?

— Ты так и не сказала мне, нет ли у тебя чего-нибудь покрепче.

Она снова краснеет, но невозмутима в своей роли продавщицы мороженого. Склонив голову к емкостям, серьезно перечисляет:

— Лимончелло. Ром-баба. Амаретто. Айриш-кофе.

— Амаретто.

— Амаретто, хорошо.

Она старательно зачерпывает красивый шарик и добавляет в его рожок. Протягивает ему мороженое, снова избегая его взгляда.

— Сколько я вам должен, мадам?

Ему забавно видеть ее такой серьезной и такой смущенной.

— Ничего. Ты же слышал Коринну.

— Что ж... Ладно, спасибо.

Он берет протянутое мороженое и стоит как пень перед прилавком, не зная, что теперь делать, уйти или съесть его при ней. Вид у него довольно глупый. Она показывает ему на пластиковые столы и стулья.

— Сядь здесь. Народу сегодня немного. Можешь посидеть на террасе.

Сидевшая там пара туристов как раз уходит. Эмиль садится за ближайший к прилавку столик и начинает не спеша есть, вытянув ноги на солнце.

— Тебе не скучно здесь целый день? — спрашивает он.

Она качает головой.

— Нет. Раньше я была в кладовой. Мыла баки и переклеивала этикетки. Я рада, что теперь стою за прилавком.

— Ты медитируешь, поджидая клиентов?

Жоанна закатывает глаза.

— Ты смеешься надо мной?

— Ничего подобного.

Он с аппетитом принимается за рожок.

— Это же ты мне сказала, что любишь медитировать... Помнишь, в твоём первом письме?

Они смотрят на женщину, идущую по переулку с собакой на поводке.

— Я думал, что медитировать надо, сидя по-турецки и закрыв глаза... — добавляет он.

Она отвечает совершенно серьезно:

— Не обязательно.

— А.

— Я практикую медитацию осознания...

Теперь закатывает глаза он: ему кажется, что она говорит по-китайски.

— Извини, я не владею всеми тонкостями медитации.

Она пожимает плечами. Тут к прилавку снова выходит Коринна, утирая ладонью лоб.

— Ну как? — спрашивает она Эмиля.

— Изумительно.

Она расплывается в улыбке. Подняв большой палец, говорит:

— Приходи завтра, попробуешь другие сорта.

— Тебе бы снова брать мелкие подработки там и сям...

— Не знаю... Посмотрим...

Мелкие подработки уже не актуальны. Эмиль не решается прямо сказать это Миртиль, но ему трудно представить, что он будет кому-то полезен со своей рассеянностью старого маразматика. Сегодня утром он опять нашел зубную щетку в неподобающем месте: у себя под подушкой. Он посмеялся, потому что рядом была Жоанна и смотрела на него, хмуря брови, но ему вовсе не смешно. Чем же все это кончится? Верен ли прогноз врачей? Сейчас ему кажется, что все пошло быстрее. Или при оседлом образе жизни больше проявляются его трудности в быту? Один из первых признаков его деменции.

У него завелись новые привычки. О подработках нет больше речи. Утром он никуда не спешит, слоняется по студии, спускается побеседовать с Миртиль. Потом занимается маленьким Поком, играет с ним в переулке или во внутреннем дворике. После обеда отдыхает, потом пьет очень крепкий чай, прежде чем высунуть нос наружу. Он прогуливается по Эусу, стараясь не уходить далеко от дома. Боится снова потеряться... Потом он останавливается у «Коко» и ест мороженое, глядя на прохожих. Жоанна опирается локтями о прилавок, кладет подбородок на руки, и они беседуют обо всем и ни о чем, о надвигающейся грозе, об успехах Пока, о любимых сортах мороженого. Эмиль уже попробовал добрый десяток, но его предпочтения меняются. Цветы бузины вытеснили ананас-базилик и сами были вытеснены мороженым с арахисом. Жоанна более постоянна. И на диво проста. Ее любимый вкус — зеленое яблоко. Эмиль всегда посмеивается над ней:

— Стоит ли работать здесь, со всеми этими вкусами, чтобы заикнуться на яблочном мороженом!

Жоанна закатывает глаза и ничего не отвечает.

Вечером они встречаются в студии и ужинают, слушая радио. Они похожи на старых супругов, и это их устраивает.

— Я набрал вес, да?

Эмиль стоит перед зеркалом. Жоанна чистит зубы рядом с ним, склонившись над раковиной.

— А? — переспрашивает она с полным пены ртом.

— Я набрал вес.

Она пожимает плечами, но этот жест не предвещает ничего хорошего.

— Надо завязывать с мороженым... Или заняться спортом.

Он не видит, что она силится сдержать улыбку. Он смотрит, задумавшись, на свой округлившийся подбородок, увеличившиеся в объеме щеки, складки на животе.

— Да. Это, пожалуй, хорошая идея — заняться спортом... Я мог бы здесь отжиматься и качать пресс.

— Будет лучше, когда мы отправимся в путь, — говорит она.

Оба никогда не упоминают о продолжении пути. Это остается далеким и расплывчатым. Наверно, потому, что им не хочется уезжать сейчас. Во всяком случае, Жоанне. Она веселее, чем когда-либо, с тех пор как продает мороженое.

— Я займусь спортом... Но ты могла бы мне сказать, что я толстею...

На этот раз Жоанна улыбается по-настоящему. Больше не может сдерживаться.

— В чем дело? — спрашивает Эмиль.

Она выскальзывает из ванной. Он кричит ей вслед:

— Ты думаешь, мы похожи на парочку пенсионеров, да?

Он идет за ней в комнату, где она ищет свою черную шляпу.

— Верно! Всегда ведь набирают вес, когда женятся, правда?

— Вероятно.

— Тогда у нас вполне удачный брак.

Она нашла свою шляпу. Надевает ее на голову, закидывает через плечо ремешок сумки.

— Выгуляй Пока. Он давно мяукает на подоконнике, — напоминает она.

— Да, дорогая.

Она морщится, отчего он улыбается еще шире.

— До скорого... до полдника, — говорит он, провожая ее до лестницы.

— Я думала, ты завяжешь с мороженым.

— Я сказал, что займусь спортом.

— А... Значит, мороженое будешь продолжать...

— Да. Хорошенького понемножку.
Она закатывает глаза.

Дни идут чередой, похожие друг на друга, принося время от времени пару-тройку штрихов новизны. Прогулка с Жоанной на гарригу^[3] в воскресенье. Ужин у Анни и ее мужа с Миртиль. Сентябрь уже перевалил за середину. Дни становятся короче. Улочки пустеют. Жара спадает. Белесый свет сменился красивыми оранжевыми бликами. Деревья начинают потихоньку сбрасывать листья. Пок становится все более самостоятельным. Они с Канальей уже дерутся.

— Привет! Спишь?

Эмиль разлегся на диване в полудреме. Он резко садится, пристыженный, и отвечает:

— Нет, я... Я только закрыл глаза.

Жоанна вернулась с работы. Она кладет сумку на низкий столик и встряхивает мокрыми от дождя волосами. Да, кажется, дождь еще идет...

— Как прошел день? — спрашивает она.

— Хорошо. А твой?

— Коринна сказала, чтобы я больше не приходила.

— Что?

Он не уверен, что не ослышался, но Жоанна кивком подтверждает.

— Народу в Эусе осталось немного. Мало клиентов. Она справится одна.

— А...

Он слышит разочарование в ее голосе.

— Тебе будет этого не хватать...

— Все равно ведь пора уезжать, верно?

Она говорит самым нейтральным тоном и всматривается в него. Он не хочет ее принуждать. Сам он умирает от желания отправиться в путь, но не собирается ничего ей навязывать. Он не один в своих странствиях, за все надо платить. Он уходит от вопроса:

— Я не знаю... Ты-то хочешь уехать?

— Здесь хорошо... Но скоро зима... Тогда будет слишком холодно, чтобы пускаться в путь. Ведь да?

— Правда.

— И потом, мне кажется, что ты здесь заскучал...

Эмиль удивлен, что она это заметила. Он как мог старался скрыть свою скуку и уныние. Не хотел портить ей настроение.

— Нет... Я просто... Скажем...

— Ты можешь это сказать. Мне тоже хочется отправиться в путь.

Он с облегчением улыбается ей. Они на одной волне. Он успокоился. Некоторое время они молчат, уйдя каждый в свои мысли.

— Надо будет сказать Миртиль...

30 сентября, 23:00

Карреро дель Массадор, 6, Эус

Черт побери, до чего хорошо уехать отсюда! Я не хотел показывать этого Жоанне, но у меня было такое чувство, будто я хороню себя заживо! Эус совершенно опустел. Улочки безлюдны. Дождь портит мне настроение. И я не могу больше сидеть взаперти на тридцати квадратных метрах целыми днями. Я знаю, что во всем этом есть и доля моей вины, но знаю и то, что снова двигаться пойдет мне на пользу. Я думаю, чтобы затормозить такую болезнь, нужен постоянный стимул. Вот почему старики чахнут в домах престарелых. У них нет стимула, нет мотивации оставаться в живых. Здесь это случилось бы со мной. Несмотря на Миртиль и Анни, несмотря на Жоанну. Быт поглотил бы меня.

Мы будем скучать по Миртиль и Анни, но нельзя оставаться здесь вечно. Это правило, мы знали это с самого начала, когда поселились тут. Да и кто бы мог подумать, что мы задержимся так надолго?

В Эус вернулось солнце. Эмиль и Жоанна освобождают студию от своих вещей. Миртиль во что бы то ни стало хочет помочь им собраться, но они упорно отказываются.

— Мы почти закончили, Миртиль.

Они помогли ей спуститься по ступенькам во внутренний дворик, и она сидит под платаном, кутаясь в шаль. Еще тепло, но ветер уже осенний. Листья на деревьях порыжели.

Миртиль и Анни настояли на том, чтобы устроить им прощальный праздник. Он состоится сегодня вечером, здесь. Анни и ее муж позвали нескольких друзей из деревни. Коринну, например, и тех, у кого Эмиль подрабатывал летом. Они попросили всех принести по какому-нибудь блюду и по бутылке.

— Еще одна ходка к кемпинг-кару — и конец! — сообщает Эмиль, просунув голову в застекленную дверь квартиры Миртиль.

Они уже сделали пять ходок. В кемпинг-каре пахнет затхлостью, но Эмиль счастлив вернуться к своему рулю, коробке скоростей и спальному месту под крышей. Это значит, что приключение продолжается, их ждет что-то новое.

— Возьмите с собой скрабл... И «Монополию» тоже, — добавляет Миртиль. — Я в них никогда не играю. Будет вам память.

Он улыбается и показывает на Пока, потягивающегося под платаном.

— У нас будет и другая памятка от вас.

Гости толпятся во внутреннем дворике Миртиль. Анни повесила фонарики на ветки платана. Осень вступила в свои права. На улице прохладно, и все кутаются в теплые куртки. Жоанна окончательно рассталась со своей шляпой, но заколола волосы старым гребнем Миртиль, наверно, хотела доставить ей удовольствие в этот прощальный вечер. Эмиля оккупировал один из друзей Анни, пожилой мужчина, у которого он два-три раза работал летом. Спрашивает, куда они направятся, и Эмиль не может ответить.

— Там будет видно... Поедем наобум...

Они всегда планировали маршрут перед отъездом, пока не поселились в Эусе. Но не в этот раз. Эмилю трудно было вновь погрузиться в путеводитель по Пиренеям, как будто его мозг закоснел. Жоанна решила, что они могут ехать наобум и остановиться там, где им понравится, и ему это показалось хорошей идеей.

Мужчина хорошо знает местность и советует ему маленькие деревни, полные очарования. Эмиль запоминает одну, под названием Кастей.

Все включились в игру и приготовили настоящие праздничные блюда. Ему неловко от такого внимания. Он думает, что два месяца назад не знал никого из этих людей. Сегодня вечером все они

выказывают ему настоящую приязнь. Пребывание здесь было для Жоанны и Эмиля лишь короткой остановкой, но оказалось отрадным.

— Ты не видел Жоанну?

Миртиль окликнула Эмиля, когда он собирался наполнить свой бокал у стола под платаном.

— Жоанну?

— Да, Жоанну... Твою жену, — отвечает старушка, бросив на него подозрительный взгляд.

Эти слова в чужих устах всегда действуют на него ужасно.

— Вы пьяны, молодой человек, — добавляет она, щуря глаза.

— Ничего подобного.

— Посмотрите, какие красные щеки!

Эмиль не может удержаться от улыбки. Он не знает, пьян ли он, но ему вдруг стало очень жарко. Муж Анни добрый час занимал его разговором об информатике, и они пили, сами того не замечая и толком не закусывая.

— Я что-то давно не видела Жоанну. Ты можешь посмотреть наверху, вдруг она там?

Он кивает и ставит свой бокал на стол.

— Да, конечно.

Миртиль, наверно, права. Он пьян. На лестнице его шатает.

— Жоанна! Эй, Жоанна!

В студии ее нет. Только Пок крепко спит в темноте на белом диване.

— Эгей, Жоанна!

Он заглядывает в приоткрытую дверь комнаты Миртиль, в ванную. Никого. Он уже хочет вернуться во внутренний дворик, как вдруг ему приходит в голову, что она может быть в переулке перед домиком. Возможно, ей захотелось тишины. Он спотыкается, открывая входную дверь, и видит маленькую черную фигурку. Жоанна сидит на крыльце. Рядом с ней — картонная тарелка с фруктами и куском сливочного торта.

— Что ты здесь делаешь?

Закрыв за собой дверь, он садится рядом с ней на крыльцо.

— Медитация осознания?

Он хотел поддразнить ее, но она отвечает серьезно:

— Да.

— Ох. Я... Я просто пошутил.

Ему трудно различить ее лицо в темноте. Только гребень поблескивает под тонким серпиком луны. Остальное скрывает тень.

— Мне захотелось немного побыть одной, чтобы сполна насладиться праздником... Это ведь последний вечер.

Он делает над собой усилие, чтобы не посмеяться и не показать, что не верит ее словам.

— Насладиться...

— Да.

— Совсем одна... Здесь? Почему же не там?

Она качает головой.

— Что тебя удивляет? Или мы обязаны быть среди шума и суеты, чтобы насладиться им сполна?

Он чувствует себя полным идиотом и бормочет невнятный ответ:

— Ну... Не знаю... Я думаю...

Она раздраженно морщится.

— Прислушайся.

Он повинуетя. До них доносятся голоса гостей. Отчетливо слышен смех, мужской бас, звон бокалов. Среди других он узнает голос Миртиль:

— Оставьте эту ветку в покое, Доминик! Вы ее сломаете!

Кто-то протестует, потом:

— Плевать я хотела на фонарики! Мне дорог мой платан!

Эмиль и Жоанна улыбаются в темноте.

— Вот видишь. Их слышно еще лучше, чем если бы мы были там, — шепчет Жоанна.

Он бросает взгляд на картонную тарелку рядом с ней и снова невольно улыбается.

— А с этим тоже так? Шум мешает тебе оценить торт?

Она нимало не смущается, сохраняя спокойный и уверенный тон:

— Да. Ты удивишься, узнав, до какой степени все кажется лучше, если постараться все осознать.

Он воздерживается от комментариев, потому что боится снова показаться идиотом, бедным духовно. Быть может, так оно и есть... Но он не ожидал, что Жоанна продолжит голосом, близким к восторженному:

— Видишь, здесь я могу смотреть на торт. Мы никогда толком не смотрим на то, что едим. Я могу несколько минут смотреть на него, пытаться угадать, как он пахнет, каким будет на языке, будет ли карамельный слой внизу хрустеть или таять во рту. Потом я могу... могу закрыть глаза и сосредоточиться на запахе. Знаешь выражение *слюнки текут*... Это не шутка. Это действительно происходит, когда ты внимательно смотришь и нюхаешь, когда даешь желанию угнездиться в тебе. Я даю моему телу захотеть этот торт, достаточно долго пускать слюнки, пока оно не будет готово вкусить его, потому что тогда я буду знать, что все мои чувства обострены.

Теперь он слушает ее внимательно, но не может удержаться от шпильки. Идиот, что с него взять.

— И ты его съешь в определенный момент?

Она совершенно игнорирует его сарказм и продолжает, как будто он ничего не говорил:

— Потом я подношу его ко рту и сосредотачиваюсь на ощущении текстуры на языке, на том, как обволакивает его моя слюна... Чувствую, как он медленно тает на нёбе, вдыхаю первые выделяющиеся ароматы, ощущаю пробуждающиеся вкусовые рецепторы. Словно маленькие пузырьки счастья лопаются на языке. И испытываю блаженство, которое разливается по всему телу. Знаешь, мозг высвобождает гормоны счастья, распознав сахар. Воспоминания детства могут всплыть, когда вдыхаешь запах апельсинового цветка или шоколада...

На секунду повисает молчание, как будто она пробует торт, и у нее вырывается тихий вздох.

— И потом наконец я его кусаю. И это как Большой взрыв... Экстаз. Финальный букет.

Ему забавно это от нее слышать. Звучит очень чувственно. Он с трудом удерживает какую-то детскую улыбку, но губы раздвигаются сами собой.

— И все это происходит, когда ты ешь?

Жоанна кивает. Он угадывает в темноте, что она тоже улыбается.

— Да. *Все это* происходит, когда ты ешь. Но и когда дышишь, когда ходишь, когда занимаешься любовью... Надо только быть внимательным.

Эмиль кивает и, когда пытается сглотнуть, понимает, что огромный ком закупорил горло. Он вдруг чувствует себя тяжелым и неуклюжим. До него доходит, что он просто недотепа. Самый обыкновенный парень, который никогда ни в чем ничего не понимал. Парень, который никогда не вел дневник и не мог понять своими куриными мозгами глубину цитаты или *осознанно* отведать кусок торта. Вот она — она-то научилась жить. Отец ее научил. Поэтому все поэтично в ее голове, все прекрасно и так просто.

Он смотрит на девушку, спокойно сидящую на маленькой ступеньке крыльца, устремив глаза в небо. Видит себя рядом с ней несколько секунд назад, со своей дурацкой улыбкой незрелого юнца, когда она заговорила об экстазе. Он спрашивает себя, что она делает в этот вечер с таким парнем, как он. Почему никуда не спешит и делит такой момент с ним. Она могла бы просто сказать ему, что ей нужно побыть одной. Он ушел бы, слегка пьяный, во внутренний дворик и продолжал бы пустопорожние разговоры с кем-нибудь из гостей. Зачем она теряет время с ним? Леон, наверно, был другим. Он читал книги, выписывал цитаты, знал наизусть множество цветов, умел делать отвары из крапивы. Может быть, рисовал. Он, наверно, закрывал глаза, слушая джазовые мелодии, и барабанил пальцами по воздуху. Возможно, он даже играл на пианино. И наверняка был на высоте.

Свежий ветер задувает в переулке, и они молчат, уйдя каждый в свои мысли. А он — был ли он на высоте для девушек, которых встречал? Для Лоры? Вероятно, да. Это тоже были самые обыкновенные девушки, эти девушки притворялись, будто лучатся уверенностью в себе, и преувеличенно громко смеялись, показывая всему миру, что счастливы. Эти девушки ходили на танцы, не ощущая вибрации басов в своих телах. Они лишь раскачивались, ловя вождедеющие или завистливые взгляды на танцполе. Они никогда не были здесь, *чтобы быть здесь*, в настоящем моменте. Они были здесь, чтобы нравиться, чтобы врачевать свое эго, чтобы забыть плохой день, чтобы искать утешения в чьих-то глазах, чтобы доказать себе, что они еще молоды. Они были так же неуклюжи, как он, но их красоты и харизмы хватало, чтобы об этом забыть.

Эмиль слегка привстает. Он сам не знает, почему сейчас чувствует себя таким глупым и почему ему так грустно. Наверное, от выпитого алкоголя. Да еще от слов Жоанны... Он собирается было встать и

спросить ее: «Хочешь, чтобы я оставил тебя одну?», но она его опережает, заговорив первой:

— Посмотри на небо. Из дворика его не было видно. Оно скрыто платаном. А здесь можно его видеть. Редко бывает такая луна.

Ее палец поднят к небесному своду, освещенному тысячами звездочек. Луна — лишь тонкий фосфоресцирующий серп на фоне этой глубокой синевы. Эмиль кивает и откашливается.

— Красивая синева.

Он знает, что Жоанна поняла, о чем он, но все же добавляет:

— Думаешь, он смотрит на нее сейчас?

Она кивает.

— Я уверена, что да. Он никогда не пропустил бы такого зрелища.

Он кладет локти на колени и опирается подбородком на руки.

— Что ему больше всего нравилось во всем этом, как ты думаешь? Глубина синевы? Она кажется такой темной, что вполне могла бы быть черной. И все же остается синей. И правда, уникальная синева. Думаешь, это так интриговало его?

Она ненадолго задумывается.

— Да... И это тоже. Действительно, такой синевы не найти больше нигде. Но дело было не только в этом. Он рисовал и движения в синеве. Потеки, пробелы, морщины, переливы...

Проходит несколько секунд, прежде чем Эмиль решается снова заговорить.

— Ты говорила, что никто не знал, рисует он небо или море?

— Да, это правда. Я думаю, он рисовал то и другое сразу. Небо, море — для него не было большой разницы. Для него были важны синева и движения, угадывающиеся в этой синеве.

Еще несколько долгих секунд они молчат, сидя рядышком на крыльце домика, в пустынном переулке. Они смотрят на небо.

— Может быть...

Жоанна вздрагивает от голоса Эмиля. Он потирает шею.

— Может быть, его интриговала не синева...

Она смотрит на него, не понимая.

— Как это?

— Может быть, не этот особый цвет был его наваждением и даже не сами движения... Может быть, это просто его безбрежность и глубина.

Жоанна смотрит на него недоверчиво несколько долгих секунд. Он уже думает, что сказал что-то, чего говорить не следовало. Наконец она произносит со всхлипом:

— Ты думаешь, он пытался воспроизвести безбрежность на листках для рисования?

Она совершенно ошеломлена, как будто никогда прежде об этом не думала. Эмиль пожимает плечами.

— Это ведь общее у неба и моря, верно?

Она с трудом сглатывает.

— Господи... А я-то думала все эти годы, что он одержим синим цветом...

Она качает головой. Эмиль чувствует, что слезы близко подступают к ее глазам.

— Он пытался постичь тайну бесконечности. Пытался воспроизвести ее, воссоздать.

Жоанна явно на грани срыва. Странно видеть ее такой. Она всегда владеет своими эмоциями и своим лицом.

— Он был гораздо умнее, чем я думала.

Эмилю не нравится ее опрокинутое лицо. Он добавляет нерешительно:

— Знаешь, я ведь просто так сказал... Может быть, он рисовал и не это...

Но она отчаянно мотает головой.

— Нет. Это был... Это был самый умный из маленьких мальчиков, которых я знала.

Он не решается ничего ответить. Почему этот ребенок так волнует Жоанну? Не потому ли, что она узнала в нем себя — в его молчании, в его особенности, в этом уединенном и поэтичном маленьком мире, который он себе создал? Больше он не смеет ничего сказать.

— Ты научишь меня пробовать торт?

Она снова вздрагивает от его голоса. Прошли минуты. Она, должно быть, забыла про его присутствие, погрузившись в созерцание неба.

— Что?

— Я бы хотел, чтобы ты мне показала, как осознанно пробовать этот торт.

— Вот как?

Она удивлена его просьбой. Давешнее волнение прошло. Она вновь спокойна и безмятежна. Эмиль кивает.

— Да.

— Правда?

— Да! В твоём мире все кажется таким красивым.

Она пожимает плечами и слегка хмурит брови.

— Не все красиво в моём мире... — отвечает она.

— Все. Во всяком случае, красивее, чем в моём.

— Как ты можешь быть уверен?

— Я догадываюсь. По тому, как ты говоришь.

Она снова пожимает плечами, не вполне убежденная.

— Ты чувствуешь то, чего не чувствую я. И видишь то, чего я не вижу. Я хочу, чтобы ты научила меня. В моём мире все грубее, нет такого богатства красок, нет нюансов, — говорит он и добавляет серьезно: — В моей синеве нет движений. Это просто синева. Синий цвет. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Ему удается вырвать у нее слабую улыбку.

— Думаю, да.

— Покажи мне. Как пробовать торт.

Она кивает. Голоса гостей все еще звучат. Кто-то произносит имя Жоанны. Наверно, ее ищут. Миртиль, должно быть, сказала им, что Эмиль вышел ей навстречу. В переулке никакого движения. Жоанна поднимает картонную тарелку и медленно ставит ее на колени, потом кончиками пальцев берет кусок торта.

— Закроешь глаза?

Он повинуется.

— Да.

Что-то касается его носа, и в следующую секунду он чувствует, как запахи щекочут ноздри. Ему трудно различить их все. Чудятся одновременно сладость и кислота. Он не совсем уверен. Он снова вдыхает их. Господи, ну почему он такой тупой? Неспособен даже распознать запахи. Он жил все эти годы, не замечая, какое у него слабое обоняние.

— Открой рот, — велит Жоанна.

Он вздрагивает, когда палец Жоанны касается его губ. Потом ощущает кремовую текстуру торта, положенного ему на язык.

Чувствует во рту слюну, как описывала Жоанна. Слюна обволакивает торт, и он потихоньку тает.

— Можешь закрыть рот... Не спеши.

Он чувствует, как торт размягчается во рту, на нёбе. На ум приходят слова. Сливочный. Нежный. Тающий во рту. Сладкий. Ему хочется проглотить его очень быстро, но он слушает указания Жоанны. Дает нёбу и языку наполниться ароматами. Угадывает ваниль. Это первый аромат, самый явный. Но не единственный. К ванили неприметно примешивается апельсин. Или лимон? Нет, именно апельсин. Это напоминает ему Рождество, огонь в камине, запах елки в гостиной, ощущение подбитых мехом тапочек на ногах, звук хлопушек. Он все еще не жует и теперь чувствует слабый вкус корицы. Бабушка Алиса! Бабушка Алиса и ее коврижки. Она пекла их на 1 января. Они с Маржо прозвали ее Бабушка Коврижка. Он вспоминает запах в старом доме с земляным полом. Его уносит еще дальше, за бабушкин дом, потому что теперь он ощущает тающее масло. Оно растекается во рту. И вот он больше не может. Он глотает торт. Глотает его целиком и довольно вздыхает, сам того не замечая. Торты во рту больше нет, но все ароматы остались на языке. Он медленно смакует их. И чувствует то, о чем говорила Жоанна. Это блаженство. Этот покой. Это почти наслаждение. Боже мой, она была права. Это ни с чем не сравнимо. Ему трудно открыть глаза. Он сосет пустоту, чтобы уловить каждый аромат, каждую каплю. Он никогда не обращал внимания, что послевкусие остается во рту даже после того как лакомство съедено. И удовольствие продолжается.

— Ну как?

Он открывает глаза. Жоанна смотрит на него с интересом.

— Это... Это лучший торт, который я когда-либо ел, — объявляет он.

Она расцветает радостной улыбкой.

— Это... Это был оргазм!

Она смеется, и он вторит ей с приятной легкостью. Радость от вкуса торта распространилась по всему его телу. Несколько секунд они продолжают смеяться как дети. Когда Эмиль вновь серьезнеет, у него есть только одно желание.

— Можно? — спрашивает он, указывая на кусок торта в тарелке Жоанны.

— Я была уверена, — отвечает она, закатив глаза. — Бери. Он твой.

Он берет картонную тарелку с жадностью. Ему удалось шагнуть в ее мир. Сделать самый первый шаг. И это было прекрасно. Это было сладко, сахаристо и таяло во рту с легкой кислинкой. Но не только. Это было полно ощущений, воспоминаний, звуков, запахов.

3 октября, 1:30 ночи
6 Карреро дель Массадор, Эус

Праздник закончился. Гости разошлись. Мы помогли Миртиль и Анни все убрать и привести в порядок. Вечер был прекрасный. Я тронут, что они всё это нам устроили, что все эти люди пришли с нами проститься.

Когда наступает время погасить лампочку у изголовья и лечь спать, ярче всего мне вспоминается тот момент вечера, который мы провели с Жоанной на улице, на крыльце. Я чувствовал себя тяжелым и неуклюжим, но в следующую секунду, когда я заговорил с нею о Томе Блю, мне показалось, что я уже не так тяжел и неуклюж. Я сказал слова, которые тронули ее. Вот что мне особенно нравится с Жоанной. С ней я чувствую себя легче, душевнее. Она делает меня хорошим человеком. Делает меня лучше. Даже сама того не желая.

Есть одна песня, которую мне нравилось когда-то напевать. Песня Паоло Нутини «Better man». И теперь, когда пишу, я вспоминаю ее слова.

That girl makes me wanna be a better man...
She's fairless, she's free
She is a real live wire
And that girl, she's got me feeling so much better^[4]

Эта песня могла бы быть о Жоанне. Она ей очень подходит.

Сегодня, в начале октября, они одни на станции обслуживания кемпинг-каров. Последние туристы покинули шоссе и пейзажи ради крыши над головой и теплых батарей. А для Жоанны и Эмиля самое время отправиться в путь. Они целый час кружили по окрестным деревням, чтобы найти станцию обслуживания. Пок смиренно сидит на банкетке внизу. Жоанна кутается в широкое черное пальто. Уже встает вопрос отопления.

— Газовый обогреватель? — робко предлагает Жоанна.

Они вдвоем держат бак для воды, который медленно наполняется. Их обдувает свежий ветерок.

— Да... Так даже без электричества мы не умрем от холода.

Они решили, что не проведут зиму в кемпинг-каре. Только часть осени. Когда станет совсем холодно, снимут комнату у местных жителей. И, наверно, заедут на время к Миртиль. Она очень на этом настаивала, прощаясь. Взгляд ее голубых глаз был жестким, словно она ни за что не хотела выдать душившую ее грусть.

— Я твердо рассчитываю, что вы приедете на Рождество повидать меня.

Жоанна оставила ей свой телефон и записала ее номер. Они покидали домик, энергично махая на прощание. Пок был у Жоанны на руках. Каналья смотрела им вслед, выгнув спину.

Теперь они опорожняют бак биотуалета. Не самое приятное занятие.

— И нам нужен новый газовый баллон для плитки... И еще кое-что купить...

— Займемся этим после обеда?

А затем они будут готовы продолжить путешествие.

Проведя полдня в гипермаркете в Праде, они отправляются в путь еще более нагруженные, чем прежде. Холодильник полон. Поку купили лоток, а также большой запас сухого корма и кошачьего наполнителя. Жоанна настояла на том, чтобы купить ему корзинку:

пусть спит в тепле. Они приобрели переносной газовой обогреватель и баллоны. На этот раз запаслись на несколько недель.

Они трогаются в путь, когда часы на приборном щитке показывают четыре. Они сами не знают, куда едут. У Эмиля есть смутное намерение вновь отправиться в сторону каталонских Пиренеев, ведь, дав крюк в Эус, они удалились от них. Но он поворачивается к Жоанне, ему нужно ее одобрение.

— Едем обратно в каталонские Пиренеи?

Она раскладывает на коленях большую карту и отвечает не сразу, так сосредоточенна.

— Жоанна?

— Да?

Она поднимает к нему лицо и не дает заговорить. Ее палец упирается в точку на карте.

— Смотри. Мы здесь.

Она показывает Прад, городок, в котором они делали покупки.

— Мы совсем рядом с морем.

Ее палец скользит к средиземноморскому побережью, где точками отмечены городки Аржелес-сюр-Мер и Коллиур.

— Да, действительно. Мы здорово сместились на восток.

С минуту она молчит, ведя кончиком пальца по маршруту Прад — Аржелес-сюр-Мер.

— Мы могли бы...

Она поднимает на него испуганные глаза.

— Мы могли бы дать крюк к морю?

И поспешно добавляет:

— Я никогда не видела ничего, кроме Ла-Манша.

А он думает, что ничего подобного не ожидал. Эта девушка села в его кемпинг-кар с отсутствующим взглядом и полным безразличием к своей судьбе. Когда он сказал ей: *«Насчет маршрута... Мы не договорились»*, она ответила, пожав плечами: *«Для меня это не имеет значения»*. Он тогда заледенел от ужаса. Сегодня та же самая девушка сосредоточенно погрузилась в карту и хочет увидеть море. Это фантастика. Эмиль не знает, он ли это сделал, сумел вернуть ей вкус к жизни, или это Миртиль, или горы, Пок, старые колокольни, мощенные булыжником улочки...

— Конечно.

Она явно довольна. Складывает карту и разглаживает ее на коленях.

— Тогда поехали прямо?

— Да.

Она улыбается, глядя на дорогу.

Они останавливаются на бензоколонке у Перпиньяна, чтобы заправиться. Жоанна уходит в туалет. Машина заправлена. Жоанна еще не вернулась, и Эмиль идет внутрь купить себе кофе. Уже пять часов. День пролетел быстро. До побережья они доберутся, наверно, к ночи.

Он подходит к кофейному автомату, роясь в кармане джинсов в поисках мелочи. Когда монетки опущены в щель и кофе течет в стаканчик, он поднимает голову, услышав голос Жоанны. Она стоит в трех метрах от него с мужчиной. Он сразу чувствует, как что-то тяжелое падает в его желудок, потому что первое, о чем он подумал: *Это Леон*. Это представляется ему как очевидность. Это может быть только Леон. Он нашел ее. Как ему это удалось?

— Месье?

Какая-то женщина нетерпеливо обращается к нему.

— Вы закончили с автоматом?

Опомнившись, он берет стаканчик с кофе и бормочет:

— Да... Да, извините.

Он тяжело делает несколько шагов, пытаясь услышать, что говорят друг другу Жоанна и мужчина. Ему по-прежнему трудно дышать. Он думает: Что же теперь будет? Она уедет с ним?

— Нет, в этом нет ничего аутентичного, — говорит мужчина, качая головой.

— Нет?

— Нет. Это туристические места. Чтобы найти настоящую рыбацкую деревню, вам лучше подняться выше.

Эмиль едва не роняет стаканчик с кофе, поняв, что это не Леон, а совершенно незнакомый человек, заговоривший с Жоанной по неведомой ему причине.

— Если вы подниметесь к Нарбонну, найдете огромную систему лагун на берегу Средиземного моря. А вокруг этих озер найдете очаровательные деревушки. Перьяк-де-Мер, Баж, Грюиссан... Это те, что я лучше всего знаю.

Мужчина сдвигает очки на нос, и Эмиль исподтишка наблюдает за ним, не будучи замеченным. Этому парню лет тридцать, может быть, чуть больше. Тридцать четыре, тридцать пять. Тип немного старомодный, смахивает на школьного учителя: бежевые вельветовые брюки, свитер с V-образным вырезом жуткого оливково-зеленого цвета, из-под которого высовывается воротник белой рубашки. Круглые очки. Идеальный прямой пробор.

Жоанна благодарит его за информацию:

— Очень мило с вашей стороны.

— Всегда пожалуйста. Не всем нравятся бетонированные пляжи.

Оба прыскают, и Эмиль вдруг спрашивает себя, не клеит ли мужчина Жоанну. Он заглушает издевательский смешок стаканчиком. Бедная Жоанна! Такой увалень! Тут он понимает, что злобствует попусту. Но все-таки этот тип должен был увидеть обручальное кольцо на руке Жоанны! То есть... Если она еще его носит... Он щурит глаза, пытаюсь рассмотреть серебряное колечко, и понимает, что его нет. Иногда она его носит, иногда снимает. Под настроение или просто забывает на раковине. Он свое не снимает. При нынешнем состоянии его памяти с него станется потерять его навсегда. Было бы жаль. Для них это память. Видя его на своем пальце, он вспоминает договор, который они заключили. Это успокаивает.

Он старается проглотить горячий кофе как можно быстрее, потому что мужчина с Жоанной прощаются. Они еще обмениваются несколькими словами и глуповатыми улыбками, потом мужчина уходит, поправляя круглые очки на носу. Жоанна выходит на улицу, не видя Эмиля. Он спешит за ней.

— Жоанна!

Она оборачивается, удивленная. Он выбрасывает стаканчик в урну на парковке и большими шагами направляется к ней. Интересно, скажет ли она ему про этого типа, а если не скажет, то как подаст идею отправиться севернее, в сторону Нарбонна? Он пытается скрыть просящуюся на лицо улыбку.

— Едем? — спрашивает он, распахнув дверцу кемпинг-кара.

Она молча садится рядом. Он вставляет ключ в замок зажигания, и она ерзает на пассажирском сиденье. Вот сейчас скажет...

— Мне тут рассказали про симпатичное местечко, — говорит она. — На берегу Средиземного моря... Цепь озер и типичные рыбацкие деревни.

Глаза у нее не бегают, но он отмечает безличный оборот: она не хочет сказать, что поболтала с мужчиной. Неужели смущается? Иногда она в самом деле походит на маленькую девочку.

Убегают из-под колес километры в сторону лагун. Небо темнеет. Жоанна включила радио. Она, кажется, задремала, прислонившись к стеклу. Он невольно задается вопросом: *Почему она не упомянула мужчину в очках?* Потом, дальше по дороге, другой недоверчивый вопрос: *Он ей понравился?* Ему вспоминаются жуткие вельветовые брюки и оливковый пуловер с V-образным вырезом. Все-таки...

— Жоанна?

Она медленно выпрямляется. След испарины остался на стекле.

— Мы приехали? — спрашивает она тоненьким голоском.

— Да, мы приехали. В какой городок мы направляемся?

Она всматривается в указатели. На улице уже темно. Семь часов вечера.

— Перьяк-де-Мер... Он мне об этом говорил. Езжай в этом направлении.

Теперь у нее вырвалось «он». Да в сущности, пыталась ли она скрыть банальный разговор с посторонним мужчиной? Не он ли сам раздул из этого целую историю?

— Жоанна?

— Да?

Она всматривается в убегающие за окном пейзажи. Ничего особо не видно. Сгущаются сумерки.

— Чем он занимался, Леон?

Она отвечает очень напряженным голосом:

— А что?

Он не видит ее лица в кабине. Слишком темно.

— Ну, я... я думал, что ты познакомилась с ним в школе, где работала.

Она откашливается и забивается поглубже на сиденье.

— Да. Так и есть. Он был учителем.

Он делает над собой сверхчеловеческое усилие, чтобы скрыть просящуюся на лицо улыбку. Кашляет, пытаясь подавить поднимающийся в груди смех. Он силится сосредоточиться на дороге, но невольно думает: *Вот оно что... Ей нравятся вельвет и прямые проборы.*

Ему придется быть осторожным. Близятся каникулы Дня Всех Святых... Если не поостеречься, на какой-нибудь площадке для отдыха она, чего доброго, бросит его ради какого-нибудь учителя на каникулах. На этот раз он не может удержаться от смеха. К счастью, Жоанна снова задремала, прислонившись к стеклу.

Уже совсем темно, и, когда они подъезжают к Перьяк-де-Мер, насладиться видом не удастся. Они различают огни городка вдаль и лагуны соленой воды, тянущиеся справа от них вдоль шоссе. На обочине Эмиль замечает маленькую площадку, на которой стоят столы для пикника.

— Можем остановиться здесь на ночь? — предлагает он.

Жоанна кивает.

— Деревню пойдем осматривать завтра утром.

— Согласна.

Он паркует машину на площадке и выключает двигатель. Жоанна открывает дверцу, и запах соленой воды заполняет кемпинг-кар. Запах моря. Ему вспоминается бунгало, которое родители снимали каждое лето неподалеку от Варлас-Пляжа. Они с Маржори спали на двухэтажной кровати. Давно он не видел моря. Почти два года. Это немного, но ему кажется вечностью. Это Лора обожала импровизированные уик-энды у моря. Они тогда спали в машине. Опускали спинки сидений и кутались в спальники.

— Обожаю этот запах, — говорит Жоанна, морща нос.

Он тоже поводит носом и выходит из машины. Приятно размять ноги. Здесь гораздо теплее, чем в Эусе. Теперь, когда темно, слишком прохладно, чтобы ужинать на улице, но он уверен, что днем это вполне возможно. Эмиль слышит мяуканье. Жоанна открывает дверцу Поку, и котенок выходит осторожно, с опаской.

— Ну что, Пок, тебе нравится морской воздух? Ты к нему еще не привык.

Эмиль пересекает площадку, потом шоссе. По другую сторону тянется огромная лагуна. Он видит силуэты вдали. Наверно, розовые фламинго. Он щурит глаза и зовет:

— Жоанна! Жоанна, иди посмотри!

Она подходит к нему через несколько секунд. Пок у нее на руках.

— Что такое?

— Кажется, вон там понтон.

Оба щурят глаза. В сотне метров от них деревянный настил вдается в лагуну и, кажется, тянется до бесконечности.

— Он огромный, а?

— Да.

— Можно подумать, у него нет конца...

На этом им приходится покончить с вопросами, потому что кемпинг-кар остался открытым и Пок протестующе мяукает.

— Я умираю от голода, — говорит Жоанна.

— Сегодня утром миссия понтон! Повторяю: миссия понтон!

Эмиль пытается как может прикрепить к стене веревочную лестницу. Он с утра в превосходном настроении. Целую вечность он так хорошо не спал. Его разбудили солнечный луч, пробившийся сквозь крышу кемпинг-кара, и крики чаек. Жоанна была уже внизу. Он слышал, как она роется в своем шкафчике. Может быть, прячет телефон? Когда он спустился, стол был уже накрыт, как в старые добрые времена, стояли две чашки, масло, варенье. *Едем дальше.* Детская радость охватила его. Тягостное чувство последних недель осталось далеко позади. Приключения продолжаются.

— Успокойся, — притворно журит его Жоанна. — Что с тобой?

Он прекрасно видит, что ей весело, что его хорошее настроение только усиливает Жоаннино.

— Думаю, это от морского воздуха.

Она качает головой.

— Ладно, ты идешь?

Она ждала его с завтраком. Она сидит на складном стуле, слегка задрав свое длинное черное платье, чтобы погреть ноги на солнышке. Пок лежит под столом и как будто дремлет.

— Как хорошо снова отправиться в дорогу, — вздыхает он, опускаясь на стул.

— Правда.

День обещает быть прекрасным. Температура достигает, наверно, двадцати пяти градусов. Высоко в небе кружат чайки. Эмиль щурит глаза. Вдали виден городок Перьяк-де-Мер. Розовые и оранжевые крыши домов. Спокойная вода лагун. Высокая трава колыхается под ветром. Там и сям небрежно рыбачат розовые фламинго. И этот понтон, который тянется, кажется, до горизонта.

— Идем? — спрашивает Эмиль, вставая.

— Что?

К завтраку он не притронулся. Только выпил черного чая. Однако полон решимости отправиться на прогулку.

— Ладно... Окей.

Жоанна откладывает огрызок съеденного яблока.

— Запрет Пока внутри и пойдём.

Он сознает, что почти бежит далеко впереди Жоанны. Просто не может удержаться. От морского воздуха он впал в детство. Ему хочется топтать по понтону, бежать к розовым фламинго, коснуться пальцами высокой травы. Он, однако, замедляет шаг, поравнявшись с рыбаком. Не хочет распугать всю рыбу.

Жоанна далеко позади — она идет задрав голову и, кажется, приплюхивается к каждой крупнице соли в воздухе, — так что он останавливается возле рыбака и всматривается в воду.

— Что здесь ловится? — не удержавшись, спрашивает он мужчину, чье лицо скрывает бейсболка цвета хаки.

Он удивлен, когда рыбак поднимает голову. Он ожидал увидеть мужчину лет пятидесяти, а это совсем молодой человек, его возраста, с лицом еще в юношеских прыщиках. Лицо юноши расплывается в улыбке.

— Вы не местный, раз задаете такой вопрос.

Эмиль пожимает плечами.

— Да, действительно.

— Здесь много чего ловится, в этой лагуне. Зубатка, дорада, соль, кефаль... Но здешний король — угорь.

Лицо Эмиля выражает удивление, смешанное с брезгливостью. Он никогда не любил угрей. При одном их упоминании все волоски на

теле встают дыбом. Парень прыскает.

— Не делайте такое лицо. Из них получается восхитительное рагу.

— Рагу из угря?

Его недовольная гримаса смешит молодого человека еще сильнее.

— Да. Или буррида^[5].

— Я никогда не слышал этого слова.

Тут как раз подходит Жоанна, со своим по обыкновению отсутствующим видом, медленной плавной походкой.

— Добрый день, — приветствует ее молодой человек, когда она останавливается рядом с Эмилем.

— Добрый день.

— Он ловит угрей, — сообщает Эмиль, всматриваясь в лицо Жоанны в ожидании реакции.

— А.

Ей, кажется, от этого ни жарко ни холодно. Она слегка заинтересовалась, но не более того.

— Они есть в вашем ведре? — с опаской спрашивает Эмиль, показывая на лохань, стоящую рядом с рыбаком.

— Нет. Сегодня с утра не ловятся.

Он кладет свою удочку на треногу и тяжело встает. Наверно, сидел здесь неподвижно не один час.

— Мой отец держит ресторан в Перьяке. Он изумительно готовит угрей. Вам надо бы зайти.

Он улыбается, глядя на нерешительное лицо Эмиля.

— Он готовит не только угрей. У него лучшие в городе дорады. Ресторан называется «День рыбалки». Он расположен в средневековом квартале.

Эмиль и Жоанна переглядываются и кивают.

— Да. Почему бы нет.

— Вы здесь надолго? — вежливо интересуется юноша.

— Мы в кемпинг-каре, — отвечает Эмиль. — Разъезжаем по здешним местам... куда нам вздумается.

Лицо парня озаряет улыбка, окрашенная завистью.

— Ооо! Здорово!

— Мы приехали в Перьяк вчера вечером. До этого были в Эусе.

— Я обожаю Эус! Бывал там несколько раз. А здесь планируете задержаться надолго?

Оба пожимают плечами в ответ.

— Мы не знаем... Трудно сказать... Останемся, пока не решим, что хотим ехать дальше.

На лице юноши теперь написано восхищение. И он сразу кажется Эмилю гораздо моложе.

— Я мечтаю так путешествовать! Когда-нибудь и я сделаю то же самое. Возьму свою собаку и уеду в кемпинг-каре.

Заметив, что увлекся, он добавляет:

— Во всяком случае, если вы сегодня захотите поужинать у моего отца, может, мы там с вами встретимся? Я бы посоветовал вам кое-какие красивые места.

Энтузиазм парня заразителен. Эмиль видит, как Жоанна заинтересованно кивает.

— Перьяк остался аутентичной рыбацкой деревней. Нас... не больше семисот жителей не в сезон... Пляжи с мелким песком не тронуты никаким оборудованием. Мы избежали массового туризма.

Жоанна показывает ему на понтон.

— Мы хотели пойти посмотреть, что там в конце, — говорит она.

Парень от души смеется.

— Ну, до конца вы нескоро дойдете! Мэрия построила этот понтон по всей окружности озера Дуль. По кругу час ходьбы.

— Можно обойти все соленое озеро по понтону?

— Да. И если вам нравятся розовые фламинго, их там полно.

Тут начинает дергаться стоящая на треноге удочка.

— О! Кажется, клюет.

Опустившись на колени, молодой человек крутит вертушку удочки.

— Черт. Боюсь, крючок сломался.

Он возится с удочкой и бранит леску, которая, кажется, тоже порвалась.

— Мы... Мы, наверно, тебя оставим, — говорит Эмиль. — Не будем отвлекать.

Парень кивает, всецело занятый починкой своих снастей.

— Да... Так увидимся вечером в «Дне рыбалки»?

— Да. Договорились.

Они потихоньку удаляются, и парень кричит им вслед:
— Кстати, как вас зовут?

Молодого человека зовут Себастьян, ему двадцать пять лет. На год моложе Эмиля. Он успел им это сказать, прежде чем они взобрались на понтон. Эта встреча еще улучшила настроение Эмиля, и без того превосходное.

— Я правда очень рад, что мы поехали дальше.
И Жоанна кивком соглашается.

Он идет, на ходу придумывая, какие слова напишет в своем дневнике сегодня вечером, при свете свечи, которую зажжет Жоанна. Он знает, что станет писать о соленом запахе озер, который куда сильнее запаха моря. Об октябрьском солнце, более мягком и приятном, чем летнее. О том, как описывают круги чайки в небе, об их криках, о белых полосах, которые они оставляют перед глазами. О звуке его шагов по деревянному понтону. О почти неподвижной воде и запахе тины. О рыбах, проскальзывающих между пучками высокой травы. О группах розовых фламинго вдалеке. О том, как движется по небу солнце, пока они идут, не говоря ни слова. Об этой художнице лет шестидесяти, которая запечатлевает солнечные лучи на воде с берега озера. О старой желтой лодке, брошенной на берегу и изъеденной ржавчиной. Эмиль пытается запомнить каждую мелочь, говоря себе, что, вероятно, так видит и чувствует вещи Жоанна.

— Жоанна...

Он нарушил молчание, сопровождающее их с начала прогулки.

— Да?

— Что это такое, что ты называешь медитацией осознания?

Ее губы складываются в удивленную улыбку, которую она быстро сгоняет с лица. Он добавляет, смешавшись:

— Я подумал, что это, наверно... сосредотачиваться на окружающих нас мелочах... типа того.

Она кивает.

— Да. И это тоже. Я бы сказала, что... это форма созерцательной медитации.

Он морщится и грозно хмурит брови.

— Не пытайся меня запутать сложными словами, предупреждаю тебя!

Но Жоанна, улыбаясь, качает головой.

— В этом нет ничего сложного. Вообще-то достаточно задержаться на каком-нибудь образе. Поставить себя на паузу и наблюдать настоящий момент, то, что происходит вокруг нас, но еще и *в нас*... Подмечать каждую мелочь, это верно, но еще и улавливать, как эти внешние мелочи отзываются у нас внутри. Понимаешь? Что заставляет нас чувствовать этот звук, что рождает в нас тот образ...

— Тебя, наверно, приобщил к этому отец?

Она кивает.

— Да. Сам он только так и представлял себе жизнь. Учиться быть здесь и нигде больше, оторвавшись от забот о будущем и сожалений о прошлом. Это... Признаю, поначалу это сложно. Мы так привыкли мусолить прошлое и задумываться о том, что впереди. Слишком редко мы живем настоящим.

Она всматривается вдаль, в простор водной глади.

— Но со временем, с опытом это происходит все легче, и... ты начинаешь делать это уже автоматически. Учишься ставить себя на паузу, глядя на пейзаж, пробуя блюдо, слушая мелодию... Больше не задумываешься и делаешь это рефлекторно.

— Хотелось бы мне когда-нибудь этого достичь. Живя прошлым, как ты говоришь, или в тревоге о будущем, в конце концов забываешь, как много красоты во всем... или почти во всем... В детстве это происходит естественно, ведь правда? Ребенок замирает от восторга перед... перед камешком с серебристыми бликами или... или перед пером. Собирает одуванчики и восхищается их яркой желтизной. А после они кажутся уродливыми, одуванчики... На них смотрят как на сорняки.

Оба улыбаются.

— Это правда. Ребенок все это умеет.

Эмиль хмурится.

— А что происходит потом? Мы забываем?

— Да... Думаю, после мы слишком заняты тем, чтобы построить будущее, преуспеть, накопить денег.

С пронзительным криком над ними проносится чайка.

— Знаешь, — говорит Жоанна, провожая птицу взглядом, — это вернется. Если ты заставишь себя каждый день понемногу осознанно смотреть вокруг, это вернется.

— Ты думаешь?

— Конечно.

— Мне кажется... мне кажется, это уже началось... с путешествием. Раньше, в моей жизни в Роанне, я был слишком сконцентрирован на своих мелких проблемах. Слишком занят пережевыванием того факта, что меня бросили, что мне смертельно скучно на работе.

Как будто переворачивается страница и пишется совсем новая история. Единственная постоянная величина — это они с Жоанной и их кемпинг-кар. А так все снова изменилось. Пейзаж, обстановка, атмосфера, запахи, дневной свет. Нет больше гор, пастбищ, коров и овец. Нет каменистых троп и маленьких горных озер. Перед ними лагуны, море, которое они видят вдаль, когда небо ясное, запах соли, чайки и розовые фламинго. И персонажи в этой новой истории тоже новые. Себастьян и его пес Лаки сменили Анни, Миртиль и Каналью.

В этот первый день, осмотрев Перьяк-де-Мер возбужденно и поспешно, они оказываются за столиком в «Дне рыбалки». Это типичный местный ресторан: на столах голубые скатерти, повсюду на стенах висят картины с рыбацкими лодками. Себастьян сидит напротив Эмиля. Его пес Лаки, кремовый длинношерстый лабрадор, лежит рядом. Эмилю трудно представить, что они с этим парнем — ровесники. В Себастьяне есть что-то детское, придающее ему мальчишеский вид. Он всем восхищается и много говорит. Деревню свою он любит страстно. И Эмиль это понимает. Судя по тому, что они видели сегодня днем, Перьяк-де-Мер — красивейшая окситанская деревушка, сохранившая средневековый облик. Большая часть жизни деревни сосредоточена на центральной площади с фонтаном. Здесь можно присесть на террасе под платанами, которые облюбовали чайки. Очень шумно. Не из-за людей — из-за птиц. У подножия фонтана сидел художник и рисовал укрепленную церковь Сен-Поль, построенную в XIV веке. Жоанна остановилась, чтобы понаблюдать за ним.

— Я всегда мечтала научиться рисовать.

Читая меню ресторана, они затрудняются выбрать. Себастьян пытается убедить их остановиться на рагу из угря, которым славится ресторан его отца. Жоанна робко сообщает, что не ест живых существ, и выбирает овощной салат, а Эмиль довольствуется дорадой на гриле.

— Ну, что вы сегодня видели? — интересуется Себастьян, как только сделан заказ.

Он слушает рассказ об их дне, потом заговаривает о маленьком порте Перьяка, в котором так хорошо посидеть, глядя, как возвращаются суда с рыбной ловли, о многочисленных островах и озерах, которые он любит бороздить на своей рыбацкой лодочке.

— Это был подарок отца на мои восемнадцать лет.

Говорит он и об окружающих деревню виноградниках.

— В нашей местности делают исключительные вина. Очень типичные. Вы должны попробовать. Большинство погребов открыты для посетителей.

Он упоминает пляжи с мелким песком и дюны, но еще и леса. Вокруг этой деревни, кажется, множество пейзажей. Жоанна поглощена рассказом. Приносят блюда. Она осторожно спрашивает:

— Ты всегда жил здесь?

Себастьян кивает и, отрезав маленький кусочек угря, дает его Лаки под столом.

— Я здесь родился. Папа всю жизнь был рыбаком. Пятнадцать лет назад он открыл этот ресторан и с тех пор больше не выходит на ловлю. Я принял смену. В шестнадцать лет я бросил школу, чтобы его заменить. Он подарил мне лодку, потом Лаки. Два года назад. Он боялся, что мне будет одиноко целый день в лодке.

— Ты живешь с родителями?

— Мама больше нет. Она умерла давно. Я ее даже не помню. Мы с отцом одни.

— Ты единственный сын?

— Да. Я всегда жил с папой, но, когда женюсь, куплю дом для себя... И для моей будущей жены, разумеется. Мне хотелось бы дом в порту.

— Тебе никогда не хотелось увидеть другие места?

— О да! Когда-нибудь я так и сделаю. Уеду в кемпинг-каре с Лаки. Только надо будет это сделать до женитьбы!

Жоанна улыбается и смотрит на него с нежностью, как смотрела бы на маленького мальчика. У них похожие истории. Оба не знали своей матери. Отец служит обоим образцом в жизни. Нет ни братьев, ни сестер. Оба никогда не покидали свою деревню. У Себастьяна это Перьяк. У Жоанны Сен-Сюльяк. Оба явно предпочитают одиночество и покой.

— У тебя нет подружки? — с улыбкой спрашивает Жоанна.

— Нет. Здесь мало девушек.

— Вот как?

— Дети рыбаков покинули деревню один за другим. Большинство уехали учиться. Они живут в Нарбонне или в Безье. Перьяк их не интересуется. Здесь слишком тихо. А меня это устраивает, — заключает он, проглотив кусок угря. — Завтра... или какнибудь... я обязательно покатаю вас на лодке.

Когда все трое едят десерт — грушевый крамбл с орехами, — Себастьян с завистью расспрашивает об их путешествии. Они рассказывают ему о Пузаке, Артиге, пике Миди-де-Бигорр и тропе Мулов, о Бареже, озере Глер, Люс-Сен-Совёр, Жедре, Бодане, Моссе, Эусе и о Кома — разрушенной деревне. У Себастьяна приоткрыт рот, глаза завистливо блестят. Говорит Жоанна, Эмиль больше помалкивает. Он понимает, что забыл некоторые этапы их путешествия. Люс-Сен-Совёр и Жедр, разумеется, из-за провала, который так и не восполнился. Но не только. Он с трудом припоминает Бодан. Он забыл Бареж. Когда он пытается представить себе их улочки, окружающие горы, все смешивается перед глазами. Он путает их с вершинами, видными из Артига, с улочками Моссе. Он даже не уверен, что эти мощеные улочки были в Моссе, а не в Эусе. Он окончательно умолкает, поднимающаяся в нем тревога слишком сильна. Он молчит, заледенев от ужаса, и даже не слушает больше Жоанну и Себастьяна, которые говорят о горах, пастбищах, закатах...

— Как ты? — спрашивает Жоанна, когда они идут пешком к кемпинг-кару на окраине деревни.

— Хорошо. А что?

— Что-то ты очень молчалив.

— Спать хочется, вот и все.

Они спокойно добираются до шоссе и выходят на площадку, где припаркован кемпинг-кар. Эмиль с горечью отмечает, что ключи от него у Жоанны. Теперь она держит у себя ключи и все важные вещи. Он слишком многое забывал в Эусе, особенно под конец. Она ему больше не доверяет. Он знает, что она права, но от этого настроение портится окончательно.

Ночью он не сомкнул глаз. Лежал, прижимая к себе маленького Пока, до рассвета, пока не провалился в тревожный сон.

Он думал, что будет легко. Думал, что разлука с Роанном и близкими, движение без цели, смена мест, обстановки, пейзажей помогут ему забыть, что его ждет, или, во всяком случае, сделать перспективу более приемлемой. Это не так. Он не готов отпустить свое прошлое и проститься с будущим. Пока еще нет. Он старается делать хорошую мину перед Жоанной, потому что она не должна все это терпеть. У нее тоже своя ноша. Как-то утром, через три дня по приезде, он спросил ее:

— Леон больше не звонит?

Она мыла посуду спиной к нему и не повернулась, чтобы ответить.

— Мой телефон уже несколько недель как выключен.

Он больше ни о чем не спрашивал, но она сама добавила:

— Не знаю, вернусь ли я когда-нибудь.

Эмиль чуть не поперхнулся горячим чаем.

— Как это... Я думал...

Он не договаривает. Вообще-то он уже догадывался. Когда звонки стали реже, когда они подписали брачное свидетельство... Жоанна не сделала бы этого, будь она уверена, что однажды вернется. Она отошла от кухонного стола и повернулась к нему лицом. Что-то в ней было странное, такой он ее еще никогда не видел. Как будто меланхолия.

— Я тоже думала, что вернусь, а потом... я снова начала улыбаться вдали от него, так что...

Она не договорила. Эмиль долго пытался угадать, что она хотела сказать. Так что у меня нет никаких причин возвращаться. Так что я хочу продолжать быть счастливой.

7 октября, 13:00

На понтоне над озером Дуль.

Небо с оранжевым отливом. Теплый осенний день

Перьяк-де-Мер принес мне немного бальзама на сердце. Тревога никуда не делась, но дивный климат и пейзажи смягчают все это. Мне кажется, я никогда не видел заката красивее, чем каждый вечер здесь, над озером Дуль. Вода играет рубином, и розовые фламинго вырисовываются черными тенями на красном фоне.

Я завел обыкновение приходить сюда каждый вечер. Сажусь на понтон. Иногда со мной Пок. Он расширяет свою территорию вокруг кемпинг-кара. Он любит ходить по понтону, принюхиваться к воде, наблюдать за рыбами, проплывающими в высокой траве.

Вчера мы осмотрели маленький порт Перьяк, о котором говорил нам Себастьян. Порт крошечный, с единственным понтоном, к которому пришвартованы рыбацкие суденышки. И снова тот же художник сидел по-турецки на понтоне. На этот раз он писал лодки. Потом, когда мы ушли, Жоанна решила зайти в художественный салон в центре городка и купила несколько холстов, кисти и несколько тюбиков масляной краски. Сегодня утром она взяла их с собой. Она ушла очень рано. Я даже не знаю куда.

Завтра Себастьян увезет нас на лодке на целый день. Он хочет показать нам острова вокруг Перьяк-де-Мер.

Они втроем сидят в зеленой лодке Себастьяна под мягким осенним солнцем. Дует легкий ветерок, ровно настолько, чтобы подернуть красивой рябью поверхность воды. Лаки с ними, восседает на носу лодки. Он лает на чаек. Пок тоже здесь. Жоанна покуда прячет его в своей большой плетеной корзинке, боясь конфликта между котом

и собакой. Они подозрительно обнюхались, и Пок сердито фыркнул, когда Лаки подошел слишком близко. Так что лучше Поку смирно сидеть в корзине. Лодка медленно скользит по воде. Себастьян старательно гребет. Лицо Жоанны скрыто под широкополой черной шляпой. Перегнувшись через борт, она зачем-то рассматривает корпус лодки. Когда выпрямляется, спрашивает:

— Название твоей лодки... Это не в честь романа?

Эмиль видит, как лицо Себастьяна расплывается в широкой улыбке.

— Ты знаешь?

— Конечно!

— Это моя любимая книга!

Эмиль тоже перегибается через борт, чтобы прочесть название лодки. «Алхимик». Ему это название ничего не говорит. Он никогда не слышал об этом романе и снова чувствует себя тяжеловесным и неуклюжим. И глуповатым. Он не знает, от тревоги ли видит все в черном цвете. Наверно.

Себастьян хочет показать им много островов. Он попросил их взять с собой снедь для пикника и палатку.

— Палатку? — удивился Эмиль.

— Да. Если будет не слишком холодно, вы, может быть, захотите заночевать на одном из островов...

Эта идея ему понравилась, и узел тревоги в груди немного ослаб.

В лодке вновь воцарилось молчание, и Эмиль спрашивает:

— Где мы? Это озеро больше озера Дуль, да?

Себастьян кивает.

— Мы на озере Баж-Сижан.

Он проводит рукой по своим каштановым волосам, взъерошив их еще сильнее.

— Баж — тоже аутентичная деревня. В том же роде, что Перьяк. Вам надо будет в ней побывать, прежде чем вы уедете из наших мест.

Жоанна выныривает из-под шляпы.

— Это тоже рыбацкая деревня?

Себастьян снова кивает.

— А ты сама откуда? — спрашивает он.

— Из Сен-Сюльяка. Близ Сен-Мало. Это тоже рыбацкая деревня.

— Эге! — в восторге восклицает Себастьян. — Я не знал, что ты тоже с моря!

Эмиль больше смотрит на них, чем слушает. Ему не хочется участвовать в разговоре. Да и все равно ему кажется, что они уже забыли о его присутствии. И не тревога, которая душит его в последние несколько дней, повинна в его внезапной мрачности. А восхищенный взгляд Себастьяна, устремленный на Жоанну, да.

—

— Что-то не так?

Жоанна нагоняет его, когда они высадились на остров Планас, узкий и вытянутый в длину. Он ушел вперед, пока Себастьян привязывал лодку и пристегивал Лаки поводок.

— Нет.

Он пытается сменить тему:

— Пок с тобой?

— Нет. Себастьян попросил оставить его в лодке. Он говорит, здесь масса птиц... Охраняемые виды... Пок еще вздумает поохотиться.

— А Лаки?

— Он будет держать его на поводке.

Себастьян и Лаки уже нагоняют их. Эмиль не знает, кто из двоих бежит резвее.

Красота острова, однако, заставляет Эмиля забыть свое мрачное настроение. Почти сразу, идя следом за Себастьяном и Лаки, они начинают замечать повсюду птичьи гнезда. Земля буквально усеяна ими.

— Осторожней! — предупреждает Себастьян.

— Что это? — спрашивает Жоанна.

— Гнезда крачек.

— О!

Она наклоняется над одним из гнезд.

— Можно увидеть птенцов?

— Нет, они выводят птенцов весной... Но смотрите... Они сообщают о нашем присутствии своим собратям.

Он указывает в небо, где носится с громкими криками десятков крачек.

— Вообще-то они не очень рады нас видеть...

Лаки заливается лаем, и это еще сильнее тревожит крачек в небе.

Чуть дальше им открываются маленькое озеро и разрушенный домик. В развалинах птицы тоже свили гнезда. Еще дальше Себастьян показывает им засыпанный колодец, служащий насестом ибисам, голенастым длинношеим птицам с загнутым клювом. Себастьян явно отлично знает местную фауну и флору. Он рассказывает им, что птенцов крачки можно узнать в течение года по их серо-бурому оперению и что вид находится под охраной. Говорит, что на острове живут и белые цапли, но они предпочитают вить гнезда в зарослях тамариска.

Остановившись на пляже с мелким песком, они устраивают пикник. Морской ветер хлещет лица, и Эмиль, вытянувшись на песке, закрывает глаза. Он чувствует, что тревога потихоньку отпускает.

Через несколько часов, вернувшись на борт «Алхимика», они подплывают к острову Сулье. Это скалистый выступ, торчащий из воды. Себастьян рассказывает, что живут на нем одни только птицы и причалить к нему невозможно из-за подводных рифов. Они обходят его и берут курс на островок Надьер.

— Если мы хотим где-то заночевать, то лучше здесь, — говорит Себастьян, когда остров растет на глазах.

— Вот как?

— Это прозрачная деревня. Здесь много развалин, которые защитят нас от ветра. Мы можем укрыться за ними и поставить палатки.

Когда лодка подходит к островку и показываются развалины, они обмениваются только одним взглядом, одним-единственным, и понимают, что проведут здесь ночь во что бы то ни стало.

— С ума сойти, — бормочет Жоанна себе под нос, устремив взгляд на горизонт.

Она вернулась на пляж и села на бутыльно-зеленую лодку, приставив руку козырьком к глазам, чтобы полюбоваться закатом

солнца над озером.

Они обошли остров и развалины деревни, не говоря ни слова. Молчал даже Себастьян. От прижавшихся друг к другу или разделенных узкими проулками домов остались одни руины. Некоторые сохранили островки черепицы на крыше, а в других удивительным образом осталось кое-что из обстановки: раковины и печи. Себастьян объяснил, что семьи рыбаков жили здесь до 1930-х годов. Пешеходные мостки позволяли им добраться до острова из Нового порта. Он добавил, что одна местная ассоциация собирается реставрировать часть домов.

— Может быть, через несколько лет остров снова станет обитаемым.

Было решено поставить палатки среди высоких развалин, которые защитят их от ветра и холода. Они разбили лагерь, и Себастьян заявил, что займется костром. Жоанна ушла на пляж, где, усевшись на «Алхимик», наслаждалась закатом солнца. А Эмиль, отойдя в сторонку, сел на песок. Он жалеет, что не взял с собой черный блокнот. Ему хотелось бы продолжить дневник. Описать красоту пейзажа. Волшебство момента. Волосы Жоанны, освещенные золотыми бликами закатного солнца. Крошечную тень Пока рядом с ней, роющего в песке в поисках невесты какой добычи. Маленькую рыбацкую лодку и два весла, спокойно лежащие на песке.

Тревога и мрачное настроение на время отпустили. Сегодня он счастлив здесь. Он рад, что они встретили Себастьяна, хоть тот и слишком разговорчив, хоть и знает обо всем на свете так много, что впору сойти с ума, хоть и смотрит на Жоанну странным взглядом и читал «Алхимика». Во всяком случае, Эмиль пытается себя в этом убедить.

Он поднимает голову, слышав, как к нему идет Жоанна, а следом за ней бежит Пок.

— Редко мне доводилось видеть такие закаты, как этот, — говорит она, опускаясь рядом с ним на песок.

Он кивает. Ему думается, что за три месяца их эскапады он видел больше закатов солнца, чем за двадцать шесть лет. Он чувствует, что ее взгляд устремлен на него, но не хочет смотреть ей в глаза. Он не сводит глаз с озера и последних алеющих бликов на воде.

— Эмиль, с тобой все хорошо?

Он предчувствовал этот вопрос. Вот почему он предпочитает избегать ее взгляда.

— Да.

Он по-прежнему не смотрит ей в глаза. Играет песком, пропуская его между пальцами. Пок подходит обнюхать его руки и, незаинтересованный, удаляется.

— У тебя какой-то отсутствующий вид в последние несколько дней.

Ком тревоги снова набухает в груди. Зачем ей понадобилось говорить об этом сейчас? Почему она не могла подождать до завтра, или до другого дня, или вообще не спрашивать? Ему было хорошо. Он сумел унять тревогу на время, а тут она со своими дурацкими вопросами.

— Все хорошо, — отвечает он, стиснув зубы.

Ком сдавил легкие, грудную клетку, закупорил горло. Проходит несколько мгновений, и Жоанна, к его отчаянию, снова подступает с расспросами:

— Ты какой-то молчаливый и пришибленный.

Эмиль сглатывает. Боже мой, неужели она доведет его до крайности? С него станется заплакать. Ну почему он такой чувствительный сегодня?

— Что ж, мы, наверно, поменялись характерами, вот и все. Раньше я говорил за двоих, а ты не открывала рта. Теперь наоборот.

Он не хотел говорить таким сухим и резким тоном. Он злится на себя, но вынужден защищаться как может. Не хватало только разнюниться перед закатом солнца, потому что баба донимает его вопросами.

— Ты находишь, что...

Голос у Жоанны мягкий и нерешительный.

— ...что я слишком много говорю?

На этот раз он не может удержаться и смотрит на нее. Порыв внезапной нежности удивляет его самого.

— Нет. Нет, Жоанна, я рад, что тебе лучше, что ты...

Он ищет слова, чертя кончиками пальцев бороздки на песке.

— Что ты снова улыбаешься... как сама сказала.

У нее все еще встревоженное лицо. Ему почти хочется взять ее за руку и успокоить, но он этого не делает. На ней нет кольца.

— Но ты, что с тобой происходит? Ты был куда счастливее, когда мы отправились в путь.

— Ты находишь?

— Да.

Он не понимает, почему она вдруг так погрузилась, пока не слышит ее шепот:

— Если ты хочешь ехать дальше один, знаешь, я пойму...

— Прекрати, Жоанна! Не говори глупостей!

— Тебе, наверно, надоело...

— Ничего подобного!

— Я же вижу.

— Что ты видишь?

— Что ты угас рядом со мной.

Он не находится с ответом в ужасе от ее слов. Произошло вовсе не это. Совсем наоборот. Он бормочет непослушным языком:

— Все наоборот, Жоанна! Ты открыла мне глаза. Ты показала мне красоту, ты...

— Наш брак, возможно, был ошибкой. До этого ты был счастлив.

Он отчаянно трясет головой. Что бы он ни сказал, кажется ему, он не сможет до конца убедить Жоанну.

— Нет. Это болезнь. Это моя память. Это...

Он тяжело вздыхает.

— Я начинаю все забывать. Повседневные мелочи, но не только. Даже этапы нашего путешествия уже стираются из моей памяти.

Он слышит, как срывается его голос. Чувствует, как наполняются слезами глаза. Он знает, что Жоанна видит его лицо, и отворачивается к озеру, чтобы скрыть слезы. Он поклялся себе, что не будет плакать, но сейчас вдруг это выше его сил.

— Я не готов к этому... Я хочу сказать... я думал, что готов, а потом... а теперь понимаю, что нет.

Жоанна молчит, давая ему продышаться и взять себя в руки. Когда же она начинает говорить, голос ее так тих, что он едва ее слышит:

— Мне очень жаль.

Молчание длится в окутывающей пляж темноте. Солнце уже совсем село. Пок свернулся клубочком под лодкой.

— Я... Я расскажу тебе, — ласково шепчет Жоанна. — Если ты забудешь наше путешествие... Я расскажу тебе.

Он чувствует, как по щеке стекает слеза, но не утирает ее, не то Жоанна увидит, что он плачет. Он мотает головой, стараясь не шмыгать носом.

— У нас обоих есть дневники... Ты сможешь их читать и...

Она умолкает, понимая, что не это он хочет услышать. Снова повисает молчание. Им слышно, как вдалеке Себастьян готовит ужин. Звякает поставленная на землю кастрюля.

— Ты ничего не скажешь? — спрашивает Жоанна еще тише.

Слезы вот-вот хлынут потоком, и он не хочет, чтобы она оставалась здесь, чтобы видела это жалкое зрелище. Поэтому отвечает жестко:

— Ты не должна быть так добра ко мне и... упорствовать, напоминая мне все эти вещи... Потому что, как бы то ни было, тебя я забуду первой.

Он сам поражен, как зло прозвучали его слова. Ему хочется посмотреть ей в глаза, обнять ее, сказать что угодно, лишь бы забылась эта фраза, но нельзя. Она не должна видеть, что он плачет. И потом, по сути он прав. Зачем? Так сказали врачи. Давние воспоминания останутся в целости, а более свежие быстро сотрутся. Она первой исчезнет из его памяти.

Он слышит, как она встает, шепчет:

— Пойду... Пойду посмотрю, не нужно ли помочь Себастьяну, хорошо?

Он не отвечает. Еще видит краем глаза, как она удаляется, потом в глазах мутится, слезы заливают лицо и оседают солью на губах.

Прошло полчаса, может быть, больше, когда за Эмилем приходит Себастьян.

— Ужин готов. Иди к костру. Здесь собачий холод.

Он уже вытер слезы. Ему немного легче. Полезно иногда поплакать, отпускает. Себастьян, кажется, ничего не замечает по его лицу.

— Мне надо найти Пока, — говорит Эмиль.

— Где он?

— По-моему, забрался в лодку.

И действительно он находит котенка в лодке, под скамеечкой гребца.

— Это котенок Жоанны? — спрашивает Себастьян со своим неизменным любопытством.

— Наш.

— А вы...

Себастьян явно в затруднении. Он ломает пальцы и не решается продолжить. Но наконец все же заканчивает вопрос:

— ...пара?

Эмиль улыбается, ему забавно. Только что его раздражал Себастьян и его интерес к Жоанне. Теперь у него есть подтверждение, что Жоанна очень нравится Себастьяну. Но после разговора с ней на пляже все предстает ему в ином свете. От слез стало легче. А она должна продолжать улыбаться во что бы то ни стало.

И он отвечает Себастьяну уже без всякой враждебности:

— Нет. Она классная девушка... Но мы не пара.

— А.

Себастьян отворачивается, краснея. Эмиль снова улыбается ему. Он и правда трогателен, этот Себастьян, невинный, как большое дитя.

Вечер в конечном счете оказывается приятным. Слезы как будто омыли его. Эмиль чувствует себя свежим и обновленным. Себастьян развел большой костер. Они с Жоанной завернули картошку и савойский сыр в фольгу и бросили в огонь. Потом вытащили их вилкой, и теперь все трое делят ужин. Эмиль сел рядом с Лаки, чуть в стороне от своих спутников. Пес положил голову ему на колено, клянча кусочек сыра. Пок прижался к Жоанне, держась подальше от лабрадора и продолжая коситься на него с подозрением. Потрескивает пламя, отбрасывая на землю тени.

Себастьян и Жоанна беседуют, а Эмиль слушает их, прикрыв глаза, убаюканный треском пламени. Себастьян рассказывает, как путешествовал на лодке по островам, как открывал каждый из них с течением лет. Рассказывает о птицах, о яйцах, лопающихся весной, о цветах, расцветивающих скалы... Он говорит, а ей только того и надо, глаза ее блестят. Он понял, как разговаривать с Жоанной. Эти двое похожи.

Ночь была холодной. Эмиль стучал зубами до рассвета, хоть и закутался в спальник. Костер погас, и, несмотря на развалины, ветер все равно проникал в палатку. Жоанна, кажется, отлично спала. Она свернулась клубочком спиной к нему и не сдвинулась ни на миллиметр.

Проснувшись утром, он застаёт ее на пляже.

— Себастьян пошел прогулять Лаки, — сообщает она.

После вчерашнего разговора на пляже между ними возникла какая-то незримая преграда. Они разговаривают слишком вежливо, чтобы это выглядело совершенно естественно.

— Ты видела восход солнца? — спрашивает он, нагоняя ее.

— Нет. Пропустила.

Он сует руки в карманы, приосанившись. Их ноги разбрасывают песок. Небо сегодня утром низкое. Молочно-серое. В вышине снова кружат птицы.

— Как твои картины? — спрашивает он с притворно равнодушным видом.

— Мои картины?

— Ты ушла с холстами позавчера утром... Я забыл тебя спросить... Тебе удалось что-нибудь написать?

Она, кажется, понимает, что он делает усилие, чтобы сломать лед, и отвечает от чистого сердца:

— О, ничего особенного... Я попыталась написать стаю розовых фламинго.

— И?

— И они получились похожими на помесь жирафов с аистами.

Эмиль не может удержаться от смеха, и она тоже улыбается.

— Ты мне покажешь? — спрашивает он.

— Нет, не думаю.

— Я уверен, что это не так ужасно...

— Ужасно. И вообще, я займусь натюрмортами... С этого лучше начинать.

— Ты думаешь?

9 октября, 7:40

Площадь Фонтана, на каменной скамье.

В прямом эфире восход солнца над Перьяк-де-Мер

Я проснулся в 6 часов утра. Не мог больше уснуть. Голова гудит от мыслей, но мне не удается уловить ни одной. Я оставил Жоанну и Пока, спящих на матрасе, взял дневник, ручку и пошел прогуляться по улочкам Перьяка. Покидая кемпинг-кар, я хотел достать свой рюкзак из стенного шкафа и наткнулся на Жоаннину картину... Ту, на которой изображена стая помеси жирафов и аистов. Я не мог удержаться и тихонько посмеялся. Она права. Какая-то новая порода птиц-гибридов, полумлекопитающих, полупернатых. Это так мило, что мне захотелось украсть у нее эту картину, спрятать ее в свой чемодан под банкеткой, оставить себе.

— Что ты делаешь?

Эмиль вышел из крошечной ванной в спортивных шортах и футболке, с кроссовками в руках. Жоанна смотрит на него, не понимая.

— Мы... Себастьян должен был показать нам дюны... — лепечет она.

— Да, я знаю. Но я хотел побегать по понтону.

Он нагибается, завязывая шнурки.

— Идите без меня.

Жоанна отвечает не сразу. Она колеблется.

— Так ты присоединишься к нам после?

Он не спешит, но, когда выпрямляется, замечает, что она разочарована.

— Хорошо, — говорит он. — Я к вам присоединюсь.

— Мы будем на пляже Дуль. В десяти минутах отсюда.

— Хорошо.

Ему надо пробежаться, чтобы проветрить голову. Он не солгал. И потом, будь он с ними или нет, Себастьян и Жоанна заведут свой вечный разговор о цветах тамариска или о чем-нибудь в этом роде... Он предпочитает оставить их вдвоем и размяться. Он начал ценить одиночество, и это его самого удивляет, но он успел узнать за первые четыре месяца их путешествия, что открывать себя заново можно бесконечно. Жоанна — живой тому пример. Преображение началось в Пиренеях, он не знает точно, в какой момент. А потом — Пок,

Миртиль, свадьба... Все пошло очень быстро. Теперь у нее оживленное лицо. Она говорит, задает вопросы, интересуется множеством вещей. И даже стала рисовать! На днях она начала новое полотно и показала ему. Она нарисовала «Алхимик» и парня с собакой в лодке, устремившего взгляд на горизонт. У Эмиля слегка защемило сердце, но он улыбнулся и заверил ее, что работа прекрасная. Это правда, краски были хороши, какой-то отрадой веяло от полотна. Однако Себастьяну в лодке он предпочитает розовых фламинго-мутантов. Но этого он ей не сказал.

Эмиль бежит мелкой трусцой по понтону вокруг озера. Сегодня снова прекрасный осенний день. Себастьян говорил об индейском лете. Он сказал, что много лет не было такого октября. В кемпинг-каре им даже еще не нужно включать газовый обогреватель...

Эмиль кивком здоровается с сидящим на понтоне рыбаком и замедляет бег, чтобы топотом не распугать рыбу. Он вспоминает их первую прогулку по понтону и встречу с Себастьяном таким же утром. Он не помнит, сколько времени прошло с их приезда в Перьяк-де-Мер. Наверное, больше десяти дней. У Себастьяна один выходной в неделю. В прошлый раз, стало быть, неделю назад, он повез их на лодке на острова. Сегодня — дюны. Время пролетело с невероятной быстротой. Иногда Эмиль думает, что надо бы позвонить Миртиль. С тех пор как они расстались, прошла, кажется, целая вечность. Ему нравилось общество Миртиль, взгляд ее голубых глаз. С Миртиль у них с Жоанной было подобие семьи. С Себастьяном они просто друзья, не более того.

Он мог бы позвонить Миртиль как-нибудь вечером, не со своего телефона — он все еще боится его включать, — но с Жоанниного. Если она согласится...

Он бежит быстрее и чувствует, что сердце готово разорваться в груди. Но ему на пользу так себя тратить. Он мокрый от пота и запыхался, но ему хорошо, удивительно спокойно. Он даже решает добежать до пляжа Дуль, чтобы присоединиться к Жоанне и Себастьяну.

В нескольких метрах от пляжа он останавливается перевести дыхание, упираясь руками в колени. Надо будет снова бегать. Обязательно каждое утро. Эмиль пытается убедить себя, что сделает

это, сдержит слово. Он идет медленно, переводя дух. Дюны вырисовываются вдаль. Он видит Лаки, который носится по песчаным холмам, залиvisto лая. Опять гоняется за чайкой. Несколько человек идут по кромке воды, кутаясь в ветровки. Обойдя ближайшую дюну, Эмиль видит их обоих. Жоанна сидит по-турецки у подножия дюны, что-то лежит у нее на коленях. Она то и дело поднимает голову и снова опускает ее к коленям. Старый гребень Миртиль поблескивает в ее волосах. Себастьян сидит рядом с ней на корточках и время от времени показывает на что-то пальцем. Эмиль понимает, что она рисует дюны.

— Привет, Эмиль! — кричит Себастьян, завидев его.

Лаки тычется ему в ноги, он рад его видеть. Жоанна поднимает голову и улыбается ему.

— Смотри! Жоанна запечатлевает дюны для потомков!

Он наконец подходит к ним и бросает взгляд на картину, лежащую на коленях Жоанны. Она делает успехи. Песчаные просторы как будто движутся на бумаге. Словно катятся под ветром песчинки. Она написала небо не таким синим, какое оно есть на самом деле, ближе к серо-голубому с перламутровым отливом. На картине нет ни Себастьяна, ни Лаки, только чайка, летящая низко над песком.

— Ну? — спрашивает Жоанна, глядя на него вопросительно и чуть встревоженно. — Что скажешь?

Но он не успевает ответить. За него это с энтузиазмом делает Себастьян:

— Очень удалось, Жоанна! Я уверен, что ты сможешь выставить это в папином ресторане!

— О...

Жоанна колеблется.

— Ты думаешь?

— Я могу его спросить. Но уверен, что ему понравится твой взгляд на Перьяк-де-Мер. Мне очень нравится. Он точный, и в то же время ты добавляешь в свои картины какую-то мистическую нотку, крошечными штрихами...

Жоанна явно польщена. Эмиль видит, как она заливается краской, подняв на него взгляд. Он торопится подтвердить кивком.

— В самом деле.

Себастьян не сводит с Жоанны глаз, и Эмилю от этого почти неловко. Он отворачивается.

— Пойду пройдуся по пляжу... Посмотрю, что там.

Ему кажется, что Жоанна хочет что-то добавить, но он быстро удаляется, как бы нагоняя Лаки.

Вечером, за ужином в кемпинг-каре, молчание затягивается, и Эмиль говорит с равнодушным видом:

— Мне кажется, Себастьян на тебя запал.

Допив стакан воды, Жоанна смотрит на него странно.

— Почему ты так говоришь?

— Я видел, как он на тебя смотрит, вот и все.

Он старается смутить ее, сам не зная почему. Ему хочется, чтобы она краснела и путалась в объяснениях, но она невозмутима.

— Он совсем ребенок...

— Ему двадцать пять лет.

— Возраст считается не в годах.

— Нет?

Эмиль пытается не подавать виду, что его задевают ее ответы или что он им рад. Он изо всех сил старается выглядеть равнодушным.

— Конечно, нет.

Она снова принимается клевать из своей тарелки, потом добавляет, как бы поддерживая беседу:

— Себастьяну еще многому предстоит научиться.

Он не понимает, что она хочет этим сказать. Сам он находит, что Себастьян знает очень много на самые разные темы. Гораздо больше, чем он. Но ему это безразлично, потому что словно маленький огонек разгорается в его груди.

— Эмиль! ЭМИЛЬ!

Жоанна кричит во все горло на улочках Перьяк-де-Мер.

Сегодня утром она ушла к Себастьяну, который рыбачил у порта. Эмиль еще спал. Ей не хотелось его будить. Она просто оставила записку на столе, рядом с приготовленной для него чашкой.

Себастьян пригласил меня порыбачить с ним. Я вернусь самое позднее к полудню. Мы будем в сотне метров от порта в сторону склада каноэ. Можешь присоединиться к нам, когда встанешь.

Жоанна встретила с Себастьяном. То и дело проверяла, не идет ли Эмиль, всматриваясь в улочки, но не видела его.

— Ты сегодня рассеянная, — заметил Себастьян.

Тогда она постаралась сосредоточиться. И почти забыла об Эмиле. Потом часы на церковной колокольне прозвонили полдень, и она поспешила к кемпинг-кару, потому что обещала вернуться к полудню. Она почуяла неладное, увидев стол и чашку на том же месте, как будто Эмиль не завтракал. Потом заметила открытую дверь кемпинг-кара... Она позвала: «Эмиль? Эмиль?», потом еще: «Пок?» В автомобиле было пусто. Шкафы открыты, как будто кто-то рылся внутри, но ничего не украли. Доказательство: оба мобильных телефона лежали на кухонном столе, включенные. Один из фотоальбомов Эмиля валялся, раскрытый, на полу. Ее бумажник тоже был открыт, документы рассыпаны по полу. Она снова позвала: «Эмиль? ЭМИЛЬ?»

Никогда он не ушел бы, оставив кемпинг-кар нараспашку. Никогда не позволил бы, чтобы Пок убежал или попал под машину. *Что же случилось?*

Жоанна подумала о нападении, об ограблении, но на первый взгляд ничего не пропало. Она решила пойти к понтону. Эмиля там не было. Зато она нашла Пока, он преспокойно лежал на солнышке.

— Пойдем, мой хороший. Домой.

Она отнесла его в кемпинг-кар, пытаясь не поддаваться панике. Успокаивая себя, говорила с котенком:

— Ты не знаешь, куда он ушел?

Она проверила, не взял ли он с собой свои вещи, уходя. Но все было на месте. Она запаниковала всерьез. Заперла кемпинг-кар и с отчаянно колотящимся сердцем побежала в деревню. Она всматривалась во всех встречных людей на пути: вдруг один из них окажется Эмилем, бродящим по улицам во власти нового блэкаута? Она начала его звать. Сначала тихо. Потом все громче.

— Эмиль!

Страх сжимал ей легкие. Перед глазами стояли их мобильные телефоны на кухонном столе. Включенные. Что он сделал? У него снова провал? Мог ли он позвонить кому-то?

— Эмииииль!

Мог ли он позвонить родителям? Сказать им, где находится? Блэкаут — она уже видела, как это бывает. Она видела его помутившийся взгляд. Слышала, как он задыхается. Читала в его глазах, что он не узнаёт ее. А что, если это повторилось? Успел ли кто-нибудь прийти за ним? Его родные? Врачи? Полиция?

Жоанна едва замечала, что по щекам текут слезы. Не слышала, как кричит его имя. Если это случилось, если он кому-то позвонил, значит, она не сдержала свое обещание. Она поклялась смотреть за ним, держать его подальше от его родных, от больницы... Если это случилось...

Она ничего не понимает, когда перед ней вдруг вырастает Себастьян.

— Жоанна... Жоанна, что с тобой?

Она едва сознает, что ноги привели ее к «Дню рыбалки», что она пришла к нему за помощью.

— Жоанна, что случилось? Почему ты плачешь?

Она пытается успокоиться и говорит почти ровным голосом:

— Эмиль пропал.

— Что?

— Эмиля нет в кемпинг-каре. Все вещи перерыты. Я не знаю, куда он мог уйти.

Он заставляет ее сесть на стул на террасе.

— Подожди... Ты... Кто-то ограбил кемпинг-кар?

Жоанна мотает головой. Она понимает, что ее объяснения невнятны, но паника мешает ей говорить яснее.

— Он ушел. Я... Он, наверно, заблудился.

Себастьян качает головой, удерживая улыбку.

— Жоанна, успокойся. Он уже большой мальчик. Просто пошел что-нибудь купить. Он знает город. Он не заблудится.

— Дело не в этом.

— Что же...

— Он теряет память.

— Как?

— Нам надо его найти. Он заблудился.

Теперь она в этом уверена. Если он проснулся с провалом в памяти, то наверняка пытался понять, что он здесь делает. Поэтому рылся в шкафах. Он нашел свой фотоальбом. Нашел бумажник Жоанны с документами на имя Жоанны Мари Тронье. Наверно, спрашивал себя, кто она и как он сюда попал. Возможно, нашел свидетельство о рождении и их свидетельство о браке, которые она хранит в своем бумажнике. Потом, наверно, решил включить телефоны, чтобы попытаться понять. Может быть, кому-то позвонил... Кровь стынет у нее в жилах. Если он кому-то звонил, то наверняка родителям. И мог сказать им, где находится. Если только этого он тоже не забыл. Потом, наверно, вышел, бродил по шоссе, по улочкам в полной панике, не понимая, как сюда попал.

Себастьян кладет обе руки ей на колени, пытаясь успокоить.

— Хочешь, обзвоним больницы? Позвоним в комиссариат?

Она лихорадочно кивает.

— Да. Да, вот что надо сделать.

Она видит, как к Себастьяну подходит мужчина. Вероятно, его отец. У него волосы с проседью и строгий вид. Они переговариваются. Она слышит, как Себастьян просит у него телефон. Мужчина уходит.

— Сейчас позвоним. Постарайся успокоиться, Жоанна.

Ей кажется, что она падает назад, голова кружится. Это все из-за слов. *Постарайся успокоиться, Жоанна.* И охватившая ее паника. Она слышала эти слова в прошлом, когда была в таком же состоянии паники. *Они достали его из воды. Постарайся успокоиться, Жоанна.* Голос Леона. Самый ненавистный голос во всем ее мире.

Она приходит в себя, когда прохладная рука Себастьяна ложится на ее щеку.

— Жоанна?

Она несколько раз моргает. Себастьян смотрит на нее с тревогой.

— Ты потеряла сознание?

Она мотает головой и пытается встать. Она не знает, сколько времени прошло. Наверное, она и правда потеряла сознание.

— Ты позвонил?

— Я же тебе сказал.

Она снова моргает.

— Что?

— Он в комиссариате.

Такое чувство, будто ей вылили на голову ведро воды. Она не знает, вздохнуть ли с облегчением, что он жив, в комиссариате, или паниковать при мысли о последствиях. Может быть, они захотят его оставить? Препоручить больнице?

— Я отведу тебя, — говорит Себастьян.

Она даже не противится.

Она бежит по холлу комиссариата, Себастьян следует за ней и шепчет, чтобы не бежала так быстро. Эмиль сидит на стуле в холле рядом с полицейским. С первого взгляда она понимает, что была права. С ним снова случился блэкаут. В его глазах невыразимое отчаяние. У него отсутствующий вид и в то же время на лице написан несказанный ужас.

— Я пришла за ним. Я его законная жена, — рывкает Жоанна на полицейского, даже не подумав поздороваться.

Она протягивает свой бумажник с документами, которые собрала с пола кемпинг-кара. Эмиль поднимает голову, и от его взгляда у нее леденеет сердце. *Тебя я забуду первой.* Она понимает, что это произошло. Его глаза пусты. Она не видит в них ничего из того, к чему привыкла за эти несколько месяцев их путешествия вдвоем. Он не узнает ее. Даже еще хуже, он ударяется в панику, когда она подходит к нему и заявляет, что она его законная жена.

— Постойте, дамочка, — прерывает ее полицейский, вставая. — Это вы мне звонили?

— Это я, — вмешивается Себастьян, подойдя к Жоанне. — Она... Он заблудился и...

Жоанна резко перебивает его:

— Он болен ранним Альцгеймером.

Полицейский внимательно смотрит на всех троих.

— У этого месье действительно был потерянный вид. Он, кажется, думал, что его похитили.

Жоанна на мгновение закрывает глаза, чтобы не поддаться снова охватившей ее панике. Несмотря на все, что она передумала, к этому она не была готова. А что ей делать, если память не вернется к нему? Увезти его силой?

— Я... с ним это бывает... Это блэкаут, — выговаривает она непослушным языком. — Он... Он иногда теряется...

— Ладно...

Полицейский берет документы Жоанны, которые она давно протягивает ему.

— А вы?..

— Его жена. Мы состоим в браке.

Она видит, как расширились при этих словах глаза Себастьяна. Глаза же Эмиля по-прежнему выражают несказанный ужас, такой огромный, что он, кажется, лишился дара речи.

Полицейский показывает ей на маленький застекленный бокс в холле.

— Идемте, уладим это в моем кабинете.

Сквозь стекла бокса Жоанна видит Эмиля, неподвижного, словно в шоке, безмолвного, со стиснутыми на коленях руками. Себастьян сидит рядом с ним. Он выглядит почти таким же потерянным, с той лишь разницей, что глаза его теперь выражают не ужас, а недоверие.

— Итак, вы говорили, что он лечился в центре клинических испытаний.

— Да.

— В Роанне.

— В Роанне.

Полицейский берет выползающую из ксерокса копию брачного свидетельства.

— И что он решил положить конец этим испытаниям.

Она снова кивает, пытаясь сглотнуть.

— Он еще лечится?

— Нет.

Полицейский черкает несколько слов в своем блокноте.

— Надо вам присматривать за ним на будущее.

— Да, я... я буду осторожнее.

— Возможно, лучше положить его в центр... Чтобы впредь избежать подобных неприятностей.

У Жоанны пересохло в горле, но она держится.

— Я присмотрю за ним.

Полицейский вертит в руках удостоверение личности Жоанны.

— У него нет других законных опекунов? Родственников?

Страх сжимает ей грудную клетку. Она с трудом выговаривает глухим голосом:

— Нет, с тех пор как мы поженились.

Полицейский кивает и откладывает удостоверение личности Жоанны на стол, причмокнув губами.

— Конечно. По логике вещей.

Она не может не задать вопрос, который жжет ей губы:

— Вы кому-нибудь звонили?

— Простите?

— Его родителям?

— Нет. Ваш звонок поступил, когда его только что привели в комиссариат.

Она силится скрыть охватившее ее облегчение. Вытирает влажные ладони о брюки и снова сглатывает.

— Я... я могу его забрать?

— Конечно.

Полицейский встает и собирает сделанные ксерокопии. Он протягивает Жоанне ее удостоверение личности и брачное свидетельство и провожает ее до двери бокса.

— Будьте внимательней впредь.

— Да. Я... Я очень сожалею об этом... об этой неприятности.

— Все в порядке, мадам.

Первое лицо, которое она видит, вернувшись в холл, — лицо Себастьяна. Бледное и странно опрокинутое.

— Он, кажется, пришел в себя.

Себастьян слегка отодвигается, и она видит Эмиля, сгорбленного, уткнувшегося лицом в ладони. Кажется, будто он рыдает.

Она положила руку ему на плечо, тихонько, чтобы не напугать его, и он поднял голову. Слез на щеках не было. Только смесь грусти и горечи. Он приоткрыл рот и произнес:

— Жоанна?

Она кивнула, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

— Пойдем домой.

Он последовал за ней прочь из холла под взглядами полицейских. Себастьян ждал их на залитой солнцем улице.

— Я не знаю, что произошло, — пробормотал Эмиль.

— Ничего страшного.

Теперь они идут втроем по залитым солнцем улочкам Перьяк-де-Мер. Все молчат. Себастьян идет впереди, руки в карманах, он не знает, надо ли остаться с ними или лучше уйти. Эмиль и Жоанна в нескольких шагах позади. На лице Жоанны написано облегчение, хотя она еще очень бледна. Эмиль то и дело с тревогой поглядывает на нее.

— Ты плакала, — говорит он.

— Нет.

— Да. Я тебя напугал... И ты плакала.

Это мучит его. Жоанна предпочитает сменить тему:

— Я все думаю, с тех пор как мы вышли из комиссариата... Если бы мы этого не сделали... Если бы не поженились...

Больше они ничего не говорят, ни он, ни она. Оба прекрасно знают, что бы произошло.

Себастьян останавливается на углу переулка. Он показывает на ресторан своего отца вдали.

— Я пойду... Оставлю вас...

Ему неловко, он переминается с ноги на ногу, поочередно глядя на них.

— Держите меня в курсе... Надеюсь, все будет хорошо, Эмиль...

Эмиль кивает.

— Спасибо, что помог Жоанне найти меня.

— Не за что.

Себастьян потирает шею и еще быстрее переступает с ноги на ногу, как будто хочет что-то добавить.

— Я...

Он медлит.

— Я не знал, что ты болен...

И договаривает очень быстро:

— Я не знал, что вы женаты.

У него печальный и разочарованный вид. Жоанна отвечает довольно холодно:

— Это не имело никакого значения, знал ты или нет.

Помолчав, она добавляет мягче:

— Ему надо отдохнуть. Увидимся на днях.

— Да... Увидимся.

— Ты разбила ему сердце.

Эмиль сам удивлен, что пытается шутить. Вообще-то ему не до смеха. Он только хочет, чтобы стало не так грустно и тягостно.

— Он оправится, — отвечает она до странного равнодушно.

Вид у Жоанны потрясенный. Они оба еще бледны, когда садятся за складной стол перед кемпинг-каром.

— Я приготовлю чай? — предлагает Эмиль.

Она качает головой.

— Тебе надо отдохнуть.

— Мне не хочется спать.

Эмиль встает и идет наполнять чайник. Он чувствует себя виноватым, что подверг ее всему этому. В первоначальном плане все было проще. Они уедут вдвоем. Он потеряет память, и это не будет его волновать. Он был к этому готов. Он простился со всеми, покидая Роанн. Она постарается держать его подальше от семьи. Она была со всем согласна.

Да, но вот прошло больше четырех месяцев с тех пор. Что они сделали, чтобы все до такой степени изменилось? Казалось, все так просто... Она не должна была плакать при мысли, что потеряла его... А он не должен был изводиться при мысли, что ее забудет.

Может быть... Он готовит чай чуть дрожащими руками. Тихий голос навязчиво звучит в его голове. Может быть, им не надо было жениться. Не надо было селиться вместе в этой студии, брать котенка, спать на одном диване и *осознанно* делить кусок торта.

Может быть, им надо было оставаться незнакомцами друг для друга и этим удовлетворяться. Она была права в тот день на

островке Надьер. Поначалу он был счастлив, а потом, в последнее время, стал угасать... но по другой причине, тут она ошибается.

Когда он пустился в путь, ему абсолютно нечего было больше терять и не за кого держаться. Он смирился с мыслью покинуть родителей, сестру, лучшего друга. Его жизнь и так наполовину угасла, когда ушла Лора. А потом слабый огонек, который еще продолжал трепетать после ее ухода, погас окончательно, когда он узнал о болезни. Он сел в этот кемпинг-кар безмятежным, потому что на этот раз у него ничего больше не было. Он решился уйти с концами. Ему оставалось только воспользоваться жалкими обрывками счастья, которые еще могла предложить ему жизнь, прежде чем кануть в забвение. Баш на баш, все честно. Но вместо того чтобы уехать одному, ему надо было поместить это глупое объявление... Он подобрал эту девушку, совершенно потерянную, на обочине автострады, и вместо того чтобы мало-помалу отходить от жизни, он схватился за нее с еще большей силой. Из-за Жоанны. Потому что она показала ему всю красоту мира, всю чистоту чувств, всю доброту человеческих существ. Он привык видеть, как она улыбается, с каждым днем все больше, как пишет в своем дневнике, присматривает за Поком, глядит на небо и сидит по-турецки на понтоне.

Он с трудом сглатывает вставший в горле ком. Он угасает, это правда. Страх и тревога поглощают его день за днем. И все это из-за нее. Только из-за нее. Потому что она совершенно неожиданным образом пробудила его к жизни. И сегодня он чувствует себя более живым, чем когда-либо... Сегодня благодаря ей он больше не хочет покидать этот мир. Эта мысль повергает его в ужас. А другая мысль, что она исчезнет из его памяти, стала ему невыносима.

Он старается не задыхаться, взяв чайник и наливая кипяток в чашки.

— Готово, — произносит он сдавленным голосом. — Несу.

Они молча пьют чай, постепенно обретая подобие красок. Жоанна спрашивает глухим голосом:

— Телефоны... они были включены... Ты кому-то звонил?

Он отвечает, уткнувшись в чашку:

— Я забыл свой пин-код... Мой телефон был заблокирован...

С облегчением прикрыв глаза, она задает следующий вопрос:

— А мой? У меня нет пин-кода...

Она, кажется, боится его ответа.

— Нет, я... я не узнал ни одного имени в списке контактов. Это было... Я чуть с ума не сошел... Выбежал на улицу и оставил все как есть.

По его голосу она понимает, что он не хочет больше об этом говорить. Они продолжают пить чай не спеша, глядя в пустоту.

— Мы должны покинуть Перьяк, да? — спрашивает Жоанна через некоторое время.

Эмиль пожимает плечами. Он отчасти утратил представление о времени. Еще один симптом болезни, сжигающей его на медленном огне.

— Давно мы здесь? — спрашивает он.

— Две недели.

Он не знает, долго это или нет. Ему хочется уехать, снова пуститься в путь, но Жоанне, кажется, так хорошо здесь, в обществе Себастьяна и Лаки. Однако она продолжает:

— Тебе не хочется увидеть море?

Она всматривается в него. Он и бровью не ведет.

— Мы уже недалеко...

Он чувствует, что ей тоже этого хочется, и кивает.

— Да. Мы можем поехать к морю.

Он не знает, то ли особенно холодно этой ночью в кемпинг-каре, то ли от тревоги его так трясет. Он дрожит всем телом. Челюсть свело, зубы стучат. Ему трудно дышать, как будто его сдавили тиски, как будто он умрет в эту ночь, задушенный собственной тревогой.

— Эмиль?

Он молился, чтобы не разбудить Жоанну, но слишком поздно.

— Эмиль? — шепотом повторяет она.

На краю кровати он видит Пока, свернувшегося клубочком, крепко спящего. Что ж, он единственный из них спит.

— Что? — спрашивает он, притворяясь, будто не понимает, почему она шепчет среди ночи.

— Что с тобой?

Она добавляет торопливо:

— У тебя снова блэкаут?

Он поворачивается к ней лицом. Темно, но он все же угадывает ее черты и волосы на подушке.

— Нет. Все хорошо. Просто немного трудно дышать.

Две складочки залегают у нее на лбу.

— Ничего страшного. Спи, Жоанна.

—

Прошел, может быть, час. Пок два или три раза переменял позу, но Жоанна лежит неподвижно. Эмиль знает, что она не спит. Он в этом глубоко убежден.

— Жоанна...

Шепот не мог бы ее разбудить. Но ее глаза широко открыты и смотрят на него.

— Да?

Он долго колебался, но сказал себе, что после пережитого вместе сегодня утром это вполне естественно.

— Как ты думаешь...

Он сглатывает.

— Как ты думаешь, ты могла бы... прийти...

И заканчивает на выдохе:

— ...ко мне?

Он видит, как тонкий силуэт Жоанны приподнимает одеяло и тихо приближается. Она кладет голову ему на плечо, а свою маленькую ручку на его локоть. Он не решается сжать ее слишком крепко, боится сломать.

— Спасибо, — шепчет он в ее волосы.

17 октября, 18:50

На понтоне. Последний закат солнца над озером Дуль

Завтра мы уезжаем в Баж, деревню, которую рекомендовал нам Себастьян, когда мы катались на лодке. После Бажа мы поедем в Грюиссан, чтобы увидеть море.

Осень наступила всерьез. Деревья окрасились оранжевыми бликами, и пришли холода. Газовый

обогреватель уже работает на полных оборотах.

Жоанна провела день в порту, потом на пляже у дюн, чтобы запечатлеть на своих полотнах наш последний день в Перьяк-де-Мер. Я знаю, что Себастьян тоже был там, что он хотел напоследок побыть с ней. Не знаю, что она рассказала ему о нашем браке. Вероятно, правду.

Вечером мы пригласили его в кемпинг-кар, чтобы поблагодарить за гостеприимство в Перьяке и проститься. Я приготовил гратен из осенних овощей (кто бы мог подумать, что я однажды стану стряпать такие вещи?). У меня осталось немного времени до прихода Себастьяна, и я воспользовался им, чтобы посидеть на понтоне. И вот я сижу лицом к самому последнему закату над озером Дуль. Розовые фламинго тут как тут, а с ними и рубиновые блики на воде. Я буду жалеть об этом понтоне и об этих закатах. Но мне нравится думать, что следующие будут такими же замечательными.

Они втроем теснятся у стола на банкетке кемпинг-кара, газовый обогреватель стоит у их ног. Несмотря на это, Жоанна кутается в большой черный жилет, а Эмиль обмотал шею шарфом. Только Себастьян, похоже, нечувствителен к низким температурам середины октября. Он принес полную корзину апельсинов. «На десерт», — уточнил он. Пока они ели гратен, он расспрашивал их, куда они поедут дальше. Все стараются как могут не упоминать эпизод с комиссариатом и болезнь Эмиля. Себастьян попросил присылать ему открытки из мест, где они будут, чтобы он мог «попутешествовать с ними», и они от души пообещали.

Теперь Жоанна ставит на стол корзину с апельсинами, а Эмиль приносит чайник и три чашки. Себастьян играет с Поком кусочком шнура, который вытащил из своего ботинка.

— Скоро здесь будет очень тихо, — вздыхает он. — Зимой в Перьяке невесело.

Он рассказывает, что у них обычно не бывает снега и туристов мало. Они с отцом, как правило, закрывают ресторан с января по март. Потом Жоанна встает, роется в стенном шкафчике и возвращается с двумя полотнами, которые кладет на стол перед Себастьяном.

— Это тебе.

Он, кажется, не понимает ее слов.

— Мне? Это мне?..

— Это подарок.

Его лицо озаряет улыбка. «А мальчишка, должно быть, чертовски влюблен», — думает Эмиль.

— Ты можешь повесить их в ресторане твоего отца, если хочешь... Или в твоём будущем доме.

Жоанна кутается в черную шаль. Свежий ветер пахнет морем. Они остановились на обочине шоссе и смотрят на городок Баж вдали, небольшую возвышенность среди озер. Любуются его каменными домиками. Кирпичного цвета крышами. Розовыми фламинго в лагунах неподвижной воды. Маленькими голубыми и белыми лодочками.

— Красиво, правда? — говорит Жоанна.

Этой ночью Эмиль снова дрожал, и она прижалась к нему, успокаивая. Это, кажется, работает. Оба только немного смущены теперь. Как два робких подростка.

— Припаркуемся? — спрашивает она.

— Да. Здесь, мне кажется, хорошо.

На обочине есть площадка. Отсюда открывается красивый вид на Баж. Есть даже низенькая каменная стена, куда удобно присесть, чтобы полюбоваться пейзажем. А завтра можно и сменить место, если у шоссе будет слишком шумно.

— Знаешь, я кое о чем подумала, — тихо говорит Жоанна.

Он поворачивается к ней.

— Чтобы успокоить тревогу...

Он кивает, мол, продолжай.

— Я решила... В общем, я думаю...

Она колеблется. Готова уже бросить это дело, но Эмиль подбадривает ее взглядом.

— Я думаю, упражнения в осознании могли бы тебе помочь...

Он не очень понимает, что она хочет сказать. Ему не хочется говорить ни о своих провалах, ни о своих тревогах. Пусть ему дадут забыть об этом хоть на несколько секунд.

— Я думаю, тебе станет легче жить, и... и это может помочь тебе укорениться, когда случится блэкаут.

— Укорениться?

Она плотнее кутается в шаль.

— Да, в настоящем. Я хочу сказать...

Она как будто ищет слова на горизонте, в серо-белом небе.

— Твое прошлое стирается. Ты... Ты ничего не можешь с этим поделать. Это не в твоей власти...

Она говорит мягким голосом, как обычно.

— А твое будущее... оно...

— Моего будущего не существует.

Она сглатывает и кивает.

— Твое будущее тоже стирается. Значит...

Жоанна выдерживает короткую паузу, и он, кажется, понимает, куда она клонит:

— Значит, у меня остается только настоящее.

Она поворачивается к нему с явным облегчением: он понял.

— У тебя остается настоящий момент. И это... это хорошо в каком-то смысле.

Он смотрит на нее с капелькой горечи.

— А?

— Да. Мой отец когда-то переписал цитату и повесил на стену в гостиной. В ней говорилось: *Настоящий момент имеет преимущество над всеми остальными: он принадлежит нам.*

Уже давно она не говорила цитатами. Ему этого почти не хватало.

— Он был прав. И я думаю, если ты научишься жить в настоящем, будешь меньше страдать. Если решишь быть только в настоящем моменте и отпустить прошлое, тебе будет не так больно.

— Это выглядит так легко, когда ты говоришь. *Отпустить прошлое.*

— Я не говорила, что это легко.

Отголосок пережитого слышится в ее голосе. Эмиль пожимает плечами и, отведя взгляд от кружащих в небе чаек, поворачивается к ней.

— Ладно. Я готов учиться.

Ее довольная улыбка чуть окрашена грустью.

— Вот и хорошо. Я думаю, это пойдет тебе на пользу.

Эмиль не знает, поможет ли ему это преодолеть тревогу, но время, проведенное с Жоанной в качестве инструктора, наверняка облегчит ему жизнь.

— Жоанна, ты могла бы повторить мне цитату твоего отца... чтобы я записал ее в дневник?

— Да. Конечно.

В глазах ее мелькает огонек, словно какая-то мысль вдруг пришла ей в голову.

— Можно будет написать ее на двери кемпинг-кара, правда?

Перед глазами встает Жоанна с аметистовым гребнем в волосах, сосредоточенная, она старательно выводит красивые буквы на дверце кемпинг-кара, и он от души соглашается.

— Отличная мысль.

— Значит, вот как, твой отец записывал цитаты на стенах?

— А?

На улице пошел дождь. Им уютно и тепло в машине. Жоанна кутается в шаль, в руке черный фломастер. Она накладывает слой за слоем на буквы, которые написала на входной дверце кемпинг-кара. Сцена вполне похожа на видение Эмиля. Не хватает только аметистового гребня в волосах.

— Это твой отец научил тебя писать цитаты на стенах?

Она улыбается веселой детской улыбкой. Господи, как же она изменилась за считанные месяцы...

— Да. Они были повсюду.

— Это...

Он не знает, какое слово употребить.

— ...оригинально.

Улыбка Жоанны становится шаловливой.

— Одна была даже в туалете. Она была из Дино Буццати^[6] и гласила: *Легче переносить нищету, когда можешь гадить как господин.*

Эти слова в устах Жоанны, обычно такой стыдливой, звучат исключительно комично. И он не может удержаться от смеха.

— Тебе нравится? — спрашивает она, отрываясь на несколько секунд от своего занятия.

— Да. Я хочу такую же в нашем туалете, — заявляет он.

— Тогда я предоставлю тебе честь ее переписать.

— Я польщен...

Оба посерьезнели. Пок крепко спит на банкетке. Он все время спит. Жоанна в последний раз проходится по черным буквам. *Настоящий момент имеет преимущество над всеми остальными: он*

принадлежит нам. Потом она вписывает имя автора, помельче и потоньше, внизу. *Чарльз Калед Колтон.*

— Ну вот, — говорит она, наконец выпрямившись.

Она садится рядом с Эмилем на банкетку у стола. Оба не сводят глаз с фразы на белой двери. Какое-то подобие жизни возникло в их тесном доме. Новый штришок, личный и забавный. Как искорка задушевности.

— Думаю, мне бы очень хотелось иметь такого отца, как у тебя, — говорит Эмиль, по-прежнему глядя на цитату.

Она спрашивает с серьезным видом:

— А твой не любит цитат?

— Вряд ли... Мой отец — славный малый. Но... Я понимаю, что совсем его не знал.

Жоанна реагирует на его слова, нахмутив брови.

— Он проводил много времени на работе. А с нами, дома, часто бывал вымотан. Он старался уделять нам внимание, но... Думаю, у него было слишком много забот. Он чаще бывал погружен в свои думы, чем в нашу реальную жизнь. Работа, ипотека, проблемы со старшей дочерью... Я... Я даже не знаю, что он любил. Теперь я это понимаю. Не знаю, какую музыку он предпочитал слушать, о чем мечтал...

Он трясет головой.

— Бред, да?

До встречи с Жоанной он и не понимал, что прошел мимо собственного отца. Это была несостоявшаяся встреча. Пример человека, съеденного бытом. Человека, который не умел жить в настоящем и всю жизнь беспокоился о будущем. Эмиль думает, что и сам мог бы кончить как отец, поглощенный будничной рутинной, будь у него шанс дожить до старости. В юности он был живчиком. Был живым. Потом, с уходом Лоры, стал злым и апатичным. Он наверняка кончил бы как отец, только скорее в прошлом... предаваясь сожалениям, забывал бы жить в настоящем. Но случились болезнь, путешествие, встреча с Жоанной.

— Жаль, — тихо говорит Жоанна.

Эмиль склоняет голову, не сводя глаз с написанной на двери цитаты.

— Мне очень симпатичен этот личный штришок.

— Ммм, — мычит Жоанна. — Мне тоже.

— Надо нам и дальше украшать кемпинг-кар. Ты могла бы повесить здесь какие-нибудь из твоих картин.

Идея ей явно нравится, легкая улыбка появляется на лице.

— Да.

— Давай повесим ту, с мутантами.

— Какие мутанты?

Она хмурит брови, пытаясь понять, какую картину он имеет в виду.

— Гибриды, жирафы-аисты.

Ее глаза расширяются.

— Ты же ее не видел? — ахает она.

Его одолевает неудержимый смех, и ужас, написанный на ее лице, смешит его еще сильнее.

— Видел.

— Но...

Он смеется и не может остановиться.

— Я ее спрятала!

— Не так хорошо, я бы сказал...

— Эмиль!

Ее разрывает: она не знает, то ли ей вспылить, то ли сгореть со стыда.

— Не переживай, Жоанна, — всхлипывает Эмиль, — это самая милая картина, какую я когда-либо видел.

На этот раз она заливается самой симпатичной краской, какую Эмиль когда-либо видел, и, поспешно встав, поворачивается к нему спиной.

— Я согрею чайник, — говорит она.

Он смотрит вслед ее маленькой черной фигурке и внезапно понимает, что у него только одно желание: нагнать ее, крепко обнять и поцеловать в волосы. И это настолько немислимо, что он тоже в свою очередь краснеет.

— Я... Я сейчас напишу эту цитату в туалете, — поспешно заявляет он. — Ты мне ее повторишь?

— Сядь.

— Что? Прямо здесь?

— Да, здесь.

— Я могу подложить под зад куртку? Земля очень жесткая.

— Да. Цель — чтобы тебе было комфортно.

Они на маленьком клочке земли и травы напротив озера Баж-Сижан на краю деревни Баж. Погода со вчерашнего дня переменчивая, то дождь, то прояснения, и они воспользовались затишьем, чтобы начать первый сеанс созерцательной медитации Эмиля снаружи. Ветер прохладный, и облака грозят дождем.

— Все, я готов.

Он сел по-турецки, выпрямив спину. Жоанна усаживается рядом и ставит на землю корзинку, в которой свернулся Пок.

— Ну, профессор, какое будет упражнение?

Жоанна сохраняет абсолютно серьезный вид.

— Сначала я хочу, чтобы ты сосредоточился на дыхании, чтобы осознал его. Его ритм, вызываемые им ощущения. Как воздух входит в нос, проникает в горло, в легкие, в живот... Как расслабляется диафрагма... Как тебе от этого спокойно...

— Нельзя было сделать это внутри?

— Нет, потому что я хочу, чтобы после этого ты сосредоточился на ветре.

— На ветре?

— Да, на ветре. Ощущение прохлады, его прикосновение к твоей коже, запах моря, соленый вкус, шелест...

— Обширная программа.

— Тебе надо лучше сосредоточиться.

— Да, шеф.

Жоанна не принимает его игру. Она серьезна как никогда.

— Твоей целью должно быть молчание. И постарайся не давать мыслям тебя отвлекать. В идеале опустоши голову, но, если какая-нибудь мысль ненароком забредет, просто пропусти ее. Не зацкливайся. Не пытайся ее истолковать. Хорошо?

— Жоанна... Кажется, собирается дождь.

Не обращая на него никакого внимания, она закрывает глаза. Ему ничего не остается, как последовать ее примеру.

— Жоанна...

Он приоткрывает один глаз. Уже минут десять как они погружены в медитацию, и он начинает чувствовать холодные капельки на коже.

— Жоанна, — повторяет он.

Ее лицо остается невозмутимым. Глаза закрыты.

— Кажется, дождь пошел.

Пок выбрался из корзины и нарезает круги вокруг них, видно, ищет добычу. Дождь его, похоже, не смущает.

— Ты меня слышишь? — настаивает Эмиль, потому что она и бровью не повела.

Она шепчет неподвижными губами:

— Отлично. Сосредоточься на ощущении воды на твоей коже.

Он спрашивает себя, не смеется ли она над ним, но скрепя сердце повинуется.

— Жоанна, дождь разошелся всерьез.

Ливень набирает силу. Капли так и стучат по лицу. Он приоткрывает глаз. Жоанна встала.

— Эй! Что ты делаешь?

Ее каштановые волосы прилипли к лицу. Она держит корзинку с Поком. Котенок в ней свернулся.

— Я думал, мы должны ощущать дождь на нашей коже!

— Это уже не дождь. Это потоп.

Действительно, по небу над озером плывут большие тучи. Эмиль вскакивает.

— Ты собиралась смыться, ничего мне не сказав?

— Ты выглядел таким сосредоточенным...

На этот раз он почти уверен, что она смеется над ним, хотя у нее все такой же серьезный вид.

— Это подло, Жоанна!

Повесив корзинку с Поком на локоть, она покрывает голову шалью.

— Давай-ка лучше побежим.

Тут дождь припускает с удвоенной силой, капли оглушительно плещут — *хлюп-хлюп* — по поверхности озера, и ни он, ни она не заставляют себя просить.

— Это была дурацкая идея, Жоанна! Я тебя предупреждал! Я говорил тебе, что собирается дождь!

Они бегут не останавливаясь и обрызгивают друг друга, пробегая по лужам. Уже не видно головы Жоанны, полностью скрытой шалью, которая сползла на лицо. Жоанна бежит почти вслепую. На руке болтается корзинка, откуда торчит голова совершенно мокрого Пока, похожего на испуганного мышонка. Эмиль начинает смеяться. Это нервный неудержимый смех.

— В чем дело? — спрашивает, запыхавшись, Жоанна.

— Ты посмотри на нас!

Он не видит лица Жоанны под мокрой черной шалью, но хорошо представляет ее улыбку.

— Ты похожа на гигантскую мумию, выгуливающую своего сфинкса.

На этот раз он ясно слышит ее смех сквозь шум дождя. Они уже не могут остановиться. Смеются, продолжая бежать что есть сил, прыгая по лужам. Смеются еще пуще, когда Эмиль, поскользнувшись на пучке травы, едва не растягивается на земле. Они останавливаются в нескольких метрах от кемпинг-кара, согнувшись пополам, не зная, что на них нашло. Он знает одно: так он не смеялся много лет.

— Не вставай!

— Что?

Он проснулся на спальном месте. Погода, кажется, наладилась, снизу просачивается мягкий свет. Жоанна тоже не спит, но лежит на матрасе неподвижно, уставившись в потолок.

— Не вставай, — повторяет она. — Воспользуйся случаем, чтобы поупражняться в осознанной медитации.

Он делает над собой усилие, чтобы не нахмуриться раздраженно, и откидывается назад.

— Ладно.

Все, что он знает, — что очень голоден и ему не терпится съесть свои бутерброды.

— Постарайся ощутить каждую часть твоего тела на матрасе, почувствовать, как тело медленно пробуждается после сна, твое дыхание, тяжелые веки... Это драгоценный момент — пробуждение. Ты еще наполовину окутан сном, а впереди целый день. Время терпит. Можно никуда не спешить...

Он повинуется, больше чтобы доставить ей удовольствие, чем из-за чего-то другого.

— Жоанна, я чувствую тяжесть...

Он видит ее удовлетворенную улыбку.

— Это хорошо. Все нормально. Ты начинаешь приручать свои ощущения.

— Большую тяжесть на уровне живота.

Ее веки вздрагивают.

— А?

— Да. Что-то весом в два кило, да еще и мурлычет.

На этот раз она открывает глаза и привстает на локте. Видит Пока, который расположился на животе у Эмиля, свернувшись клубочком, и довольно мурлычет.

— Дурак...

— Это не я!

— Ладно, я встаю, тем хуже для тебя.

— Но, Жоанна, это же не я, это Пок!

Слишком поздно, она сползает к краю матраса.

— Он меня отвлек!

Она уже спускается по лестенке.

— Ты и так не сосредоточился.

— Неправда! *Жоанна!*

Она скрылась. Он не может удержаться от смеха, стараясь смеяться как можно тише.

— Жоанна! Ты нарушила мое осознанное пробуждение! Ты испортила мою карму! Я тебя больше не улавливаю! Жоанна? Твои вредные волны создают помехи!

Он смеется как мальчишка и уверен, что она внизу тоже улыбается.

— Твоя очередь.

— У меня нет вдохновения.

— Хоть несколько слов.

Они сидят в маленьком кафе в центре городка. Жоанна протягивает ему открытку, которую они купили для Себастьяна. На ней Баж, вид сверху. На обороте она уже вывела несколько строк аккуратным почерком.

Дорогой Себастьян,
вот мы и уезжаем. Мы оценили Баж, спасибо за совет. Пляжи здесь тоже дикие и нетронутые, как ты, наверно, и сам знаешь. Лаки понравилось бы охотиться здесь на чаек. Мне не удалось здесь много рисовать. Погода часто была дождливой. Надеюсь наверстать, когда мы будем в Грюиссане, у моря.
Обнимаю тебя.

Жоанна

Эмиль поднимает голову и насмешливо смотрит на Жоанну.
— Обнимаю тебя...
Она мечет на него сердитый взгляд.
— Нежно целую... Так было бы лучше. Ты бы даже лучше написала «нежно и влажно целую».
Жоанна швыряет ручку прямо ему в лицо, и он едва успевает пригнуться.
— Пиши! — командует она.
Он обожает этот ее властный тон.
— Потом будет еще открытка для Миртиль.
Эмиль приписал несколько слов Себастьяну.

Наше путешествие продолжается. Как и было обещано, вот первая открытка из длинной, надеюсь, серии. Холода, вероятно, задержат нас на несколько месяцев. Береги себя. До скорого.

Эмиль

Потом он особенно старательно написал Миртиль, осознав, до чего скучает по старушке.

Дорогая Миртиль,
наш путь привел нас к самому морю, в Баж, городок рыбаков и виноградарей, затерянный среди озер. Жоанна пишет масляными красками. У нее отлично получается.

Пок потихоньку привыкает к морскому воздуху. Он познакомился с розовыми фламинго и крачками и со славным лабрадором по имени Лаки. Он даже плавал на борту маленькой рыбацкой лодки. Вчера утром Жоанна купила ему зубатку, только что выловленную, и видели бы вы, с какой скоростью он ее слопал, думаю, ему очень понравилось.

Мы очень часто думаем о вас, и нам не терпится увидеться с вами на Рождество. Поцелуйте от нас Каналью и скажите ей, что мы хорошо заботимся о ее малыше.

С дружеским приветом,

Эмиль

На открытке для Миртиль изображены улочки Бажа и его знаменитые Ворота солнечных часов. Это старая каменная арка на въезде в деревню, перед площадью Бажа. Солнечные часы выгравированы на камне. Надпись внизу ворот поясняет, что Людовик XIII подарил эти часы деревне в благодарность жителям за то, что те приняли и лечили раненых солдат, возвращавшихся с Испанской войны.

21 октября, 12:11

Сижу за складным столиком у кемпинг-кара.

Городок Грюиссан под палящим солнцем

Хорошая погода вернулась к нашему приезду в Грюиссан. Сегодня с утра жарко, наверное, около двадцати градусов. И наконец мы видим море!

Мне хочется поскорее осмотреть городок. По словам одного старичка, которого мы встретили, паркуя кемпинг-кар, это единственный портовый циркулад во всем Лангедоке-Руссильоне. Циркулад означает, что весь городок построен концентрическими кругами вокруг церкви или крепости. Грюиссан — вокруг крепости. Круглый городок, короче. Говорят, это изобретение польского архитектора. Мне не терпится это увидеть.

Сегодня вечером Жоанна приобщит меня к медитации при свече. Надо сосредоточиться на язычке пламени, созерцать его и отпустить все мысли, чтобы расслабиться. Она не отступает, каким бы я ни был плохим учеником... Сегодня вечером, обещаю, я постараюсь быть здесь и только здесь. Я сосредоточусь.

После обеда они прогуливаются по улочкам, осматривают исторический квартал Грюиссана, церковь Успения Богородицы, крепость, старинные переулки. Завершают прогулку в порту Грюиссана, на правом берегу. Это современная часть городка. Здесь марина и ее тысяча триста яхт, порт и многочисленные лавочки, рестораны, бары, киоски мороженого...

Вечером, несмотря на усталость, Эмиль не слабеет. Он сосредоточен на пламени свечи, которое робко дрожит в темноте кемпинг-кара. Он старается не закрывать глаза, не моргать. Легкая пелена образовалась перед глазами, она немного затеняет картинку, но ничего страшного. Он, кажется, чувствует то, о чем говорит Жоанна. Это состояние легкой летаргии, пустоты внутри, единственной заботы о предмете созерцания — язычке пламени.

Образ встал перед глазами помимо его воли. Это пламя — Свет, Энергия. Оно — Жизнь, дрожащая, трепещущая, силящаяся удержаться против грозящих ветров. И он видит теперь только его, чувствует его в себе, дышит в ритме его трепета. Он почти сливается с ним. Он озадачен, когда Жоанна дует на огонек.

— Я... я думаю, мне удалось, — говорит он.

Собственный голос кажется ему далеким и каким-то невыразительным. Как будто он поднимается из глубины. Жоанна серьезно кивает:

— Я тоже думаю... Уже час.

Долгие минуты он сидит неподвижно в темноте. Жоанна уже спит, когда он наконец приходит в движение и ложится к ней на спальное место, все такой же озадаченный.

— Эмиль...

Слабый голосок Жоанны тихонько выводит его из сна.

— Эмиль?

Голос такой тихий, как будто Жоанна далеко отсюда... Во всяком случае, не на матрасе.

— Я думаю, у нас проблема...

Он не спал так хорошо уже много лет. И все благодаря упражнению медитации при свече. Он спал как убитый. Не ворочался, не просыпался ни разу за ночь. Он чувствует себя отдохнувшим как никогда и успокоенным. Этот факт приводит его в отличное настроение.

— Эмиль, ты меня слышишь? — снова звучит сдавленный голос Жоанны.

— Да. Иду. Что случилось?

— Сколько времени мы не опорожняли бак кемпинг-кара?

Эмиль не понимает ее вопроса. Он сползает с матраса к веревочной лесенке.

— Бак? Да где ты, Жоанна?

— Только не смейся, хорошо? Обещай мне, что не будешь смеяться!

Он ставит ногу на лесенку. Ему не удастся связать воедино разрозненные фразы Жоанны. Да где она, в конце концов?

— Какой бак, Жоанна?

Он спустился. Дверца крошечной кабины санузла приоткрыта, и витает странный запах.

— Ты там, Жоанна? Что случилось?

Он видит ее лицо, еще не слыша ответа. Оно вымазано какой-то маской красоты, вроде глиной, и она то ли плачет, то ли ее вот-вот вырвет. Слышен ее сдавленный голос:

— Бак туалета, кажется, переполнен.

Он чувствует, как что-то поднимается, поднимается в нем, сметая все на своем пути. Сначала он думает, что это отвращение, но тут начинают вздрагивать его плечи.

— Нет, Эмиль! Ты обещал! Ты...

Но он чувствует приближающиеся спазмы. Пытаясь удержаться, спрашивает ее как может серьезно:

— Что случилось?

Он смотрит в точку за плечами Жоанны, чтобы не видеть ее испачканного лица, ее черного свитера в коричневых пятнах, слез отвращения, выступивших в уголках глаз.

— Я только хотела спустить, и все поперло.

Это уже слишком. Он больше не может сдерживаться. Безумный смех сильнее его. Неудержимые спазмы сотрясают его, так он не хохотал никогда в жизни. Он давится, икает, и слабые протесты Жоанны — «ты обещал, Эмиль!» — только смешат его еще сильнее. Это самая смешная сцена, какую он когда-либо видел. Жоанна, перемазанная какашками. Жоанна, которая, кажется, вот-вот разрыдается, но тоже начинает смеяться, потому что это слишком, потому что ее нервы сдают.

— Закрой глаза, Жоанна, — командует он между двумя всхлипами. — Закрой глаза и переживи это в полном сознании.

Он не может даже перевести дыхание. Он согнулся пополам, живот болит.

— Сосредоточься на запахе... На текстуре... На тепле дерьма на твоей коже.

— Сдохни!

Оба смеются до упаду, две, три минуты, может быть, четыре, не останавливаясь, не в силах перевести дыхание. Они смеются так, что в горле жжет и глаза наполняются слезами. Смеются на полу, на коленях, потому что уже не могут устоять на ногах. *Черт побери*, думает Эмиль, наконец переведя дух, *это лучшая в мире терапия*.

— Смотри, Жоанна! Смотри, что я нашел!

Сегодня утром на левом берегу порта Грюиссан, в районе под названием Матей, происходит большая чердачная распродажа. Три дня они видели афиши *Большая чердачная распродажа в Матее* по всему городу, исходив его вдоль и поперек. Эмилю первому пришла в голову идея:

— Можно бы зайти туда. Может быть, найдем, чем еще украсить кемпинг-кар!

Он был горд собой, увидев восторженное лицо Жоанны.

— Я обожаю чердачные распродажи, — ответила она.

Он так и думал. И вот сегодня утром они поднялись в семь часов. Уже час они бродят по краю пляжа среди стендов, наполненных старьем. Эмиль отыскал зеркало из золотистого металла, едва тронутое ржавчиной. Он уверен, что, если его хорошенько почистить, будет как новенькое.

— О! — говорит Жоанна, подходя к нему.

— Что скажешь? Можем повесить его над банкеткой.

— Да. Оно очень красивое.

Он замечает, что она держит что-то в руках.

— А ты? Что ты откопала?

Она протягивает ему предмет, который бережно держала. Это настоящий китайский фарфоровый чайник с бело-голубым цветочным узором.

— Мы же пьем много чая... Я подумала...

Он с энтузиазмом перебивает ее:

— Гениально! Теперь надо поискать красивые фарфоровые чашечки!

Жоанна кивает. Она поспешно уходит, он смотрит ей вслед. Чуть подальше стенд ломится от старых книг. Там она останавливается.

Два часа спустя они встречаются на пляже с мелким песком и высыпают содержимое своих пластиковых пакетов, чтобы провести инвентаризацию найденного. Жоанна отыскала десяток пожелтевших от времени книг, маленькую латунную керосиновую лампу, очень красивую, и кошмарный бронзовый подсвечник — Эмиль соглашается, что он *очаровательный и старинный*, но надеется, что он останется в шкафу.

— А ты? — спрашивает Жоанна.

Он нашел, помимо зеркала, четыре фарфоровых чашки для чая, все разномастные. Одна из них китайского фарфора, с зелеными драконами. Две других английского фарфора, с красными розами и золотым ободком. Последняя — кобальтовая с золотом — Санкт-Петербургского фарфорового завода, как ему объяснил продававший ее старик.

Их вещи, выложенные на стол, составляют полнейшую кучу-малу, кричащую мешанину цветов и материалов, но они оба счастливы. Это внесет круговорот жизни в их маленький дом.

29 октября, 02:07

Сижу за столом в кемпинг-каре, на банкетке.

Грюиссан. При свете свечи

Кажется, я никогда не был так счастлив, как сейчас, с Жоанной на берегу моря. Это счастье такое простое, такое банальное, и все же я еще не был так безмятежен. Даже если я скоро умру, даже если угасну без воспоминаний. Думаю, ей все же удалось меня успокоить. Ее дурацкой медитацией или просто ее спокойствием, ее странным и таким отрадным образом жизни.

Господи, как я счастлив, что она встретила меня там, на обочине автострады. Это могла быть только она. Это путешествие без цели, без очертаний не могло бы иметь смысла и сути без Жоанны. Она придала ему краски, рельеф. Она сделала из него поиск, поиск в себе, в нас.

Я скоро умру, но никогда не чувствовал себя настолько в ладу с самим собой. Новым взглядом я смотрю на себя, на глуповатого юнца, которым я был, но взгляд этот доброжелателен. Я чувствую себя выросшим благодаря этим нескольким месяцам. Чувствую себя повзрослевшим. Сегодня я хочу еще расти, я хочу продолжать читать цитаты в пожелтевших Жоаннинных книгах и медитировать над ними вечером при свете свечи.

Вчера вечером я погрузился в одну из старых пожелтевших книг, которые Жоанна принесла с чердачной распродажи. Они были для меня, эти книги. Это сборники цитат. Она подарила мне их, когда мы вернулись в кемпинг-кар. Я нашел такую прекрасную цитату, что разбудил Жоанну, чтобы прочесть ей. Она спала на кушетке. Цитата гласила:

«Если мы плачем, потому что скрылось солнце, слезы мешают нам видеть звезды».

Я сказал Жоанне, что только благодаря ей я это понял, благодаря ее желанию укоренить меня в настоящем. Сказал, что теперь благодаря ей я вижу звезды.

Я, кажется, слышал, как она всхлипнула, но не мог ничего разглядеть, было темно. Она молчала несколько долгих минут, а потом попросила меня написать это над нашими головами, на потолке над кушеткой.

Если существует рай, место где-то наверху, куда попадают умершие после жизни на земле, я торжественно обещаю, что сделаю все, чтобы присматривать за ней оттуда, и никогда не оставлю ее одну.

Уже около полуночи, а Жоанна не вернулась. Она исчезла на целый день. Эмиль даже не слышал, как она встала утром. Должно быть, она покинула кемпинг-кар на рассвете. Она не взяла с собой никаких вещей, даже рюкзака, поэтому он не встревожился сразу. Подумал, что она пошла пройтись. Вот только шли часы, и сейчас уже без десяти полночь. Жоанна никогда так не поступала. Обычно она, когда уходит, оставляет записку и сообщает, когда вернется. Она никогда не пропадала на целый день, тем более почти до полуночи. На улице проливной дождь и сильный ветер. Маленький газовый обогреватель, кажется, устал бороться с ледяными сквозняками, просачивающимися под дверь. С какой стати ей быть на улице в такой час? В такой потоп? Почему она ему ничего не сказала? Тревога нарастала весь день, становясь все глуше, все тягостней. И в довершение всего телефон Жоанны с утра непрерывно вибрирует в шкафу. Кто-то ее буквально преследует. С каждой новой вибрацией Эмиль вздрагивает всем телом. Его чувства так обострены, он так напряженно вслушивается в любой шорох за дверью, что сердце, чего доброго, остановится, если этот проклятый телефон снова зазвонит. Словно в насмешку, вдруг снова жужжит виброрезонатор, и он роняет одну из фарфоровых чашечек, которые мыл в раковине.

— А, черт!

Она не разбилась, но появился неслабый скол. Теперь можно порезаться, когда пьешь. *Vrrrrrr. Vrrrrrr.* Господи, да кто может так ее преследовать? Вероятно, Леон. Но почему сегодня? Уже много недель он не звонил. Разве только... Мысль медленно пробивается в его голове. Мысль, которая должна была бы прийти еще несколько часов назад. А что, если это Жоанна пытается с ним связаться? Что, если у нее проблема и она еще с утра пытается его предупредить? У нее нет другого способа связаться с ним, как позвонить на собственный телефон, оставшийся в кемпинг-каре...

Он бросает посуду и кидается к стенному шкафчику. Господи, почему он не подумал об этом раньше? Быть может, уже несколько часов она пытается до него дозвониться, невесть откуда, раненая или

арестованная полицией... Как знать? Он лихорадочно, поспешно роется в шкафу. Роняет на пол добрую часть Жоанниной одежды, добираясь до ее телефона. Готово, он его достал. Чертов аппарат все еще вибрирует. На экране высвечивается *Неизвестный номер*. Он медлит. А если это не она? Но уверенность берет верх. Это наверняка она. Она исчезла почти сутки назад, не предупредив его. Наверняка звонит она, из телефонной кабины, из полицейского участка или любого другого места, где она застряла на несколько часов. Он задыхается, нажимая на ответ, и его «алло» теряется в горле. Голос, вырвавшийся из трубки, — не Жоаннин. Это мужской голос, срывающийся, дрожащий от волнения.

— Жоанна! Это я! Я с утра пытаюсь тебе дозвониться, непрерывно. Я... Я подумал, что, если позвоню с незнакомого номера... Подумал, что ты, может быть, ответишь, если не высветится мое имя...

Голос срывается, и Эмиль не может сказать ни слова, застигнутый врасплох. Это Леон. И он понятия не имеет, что надо делать. Не вешать же трубку...

— Жоанна? — повторяет Леон.

В какое дерьмо он вляпался, подойдя к этому телефону? Когда Жоанна узнает, она его убьет!

— Жоанна, умоляю тебя, ответь мне! Я не могу больше выносить твое молчание!

Голос мужчины ломкий от боли. Откашлявшись, Эмиль решает.

— Это... В общем, это не Жоанна.

— *Что?*

Голос в трубке срывается окончательно. Эмиль с трудом сглатывает.

— Она... Ее сейчас здесь нет...

Он, кажется, слышит сдавленное рыдание.

— Так это вы... — произносит мужчина.

— Простите?

— Это к вам она ушла?

— Нет!

— Поэтому она больше не дает о себе знать? Она... Она теперь с вами?

— Нет! — повторяет Эмиль, растерянный не меньше Леона.

— Вы лжете!

На этот раз Эмиль уже не может ошибиться, мужчина в трубке плачет. Он слышит, как тот рыдает, сдерживаясь изо всех сил.

— Она... Я просто подобрал ее на автостраде. Она... Она ушла не ко мне. Уверяю вас.

Он успокаивает мужчину как может. Он не знает, нашел ли нужные слова, не делает ли только хуже.

— Нет, — всхлипывает мужчина. — Нет, конечно, она ушла не из-за вас... Это все из-за меня.

Повисает пауза. Эмиль слышит, как мужчина плачет, стараясь этого не показывать. Но рыдания в его голосе слышны отчетливо.

— Она ушла из-за меня. Из-за того, что я сделал с Томом.

Эмиль едва заметно напрягается, крепче сжимая телефон.

— Том? — повторяет он, чувствуя ком в горле. — *Том Блю?*

Леон издает странный звук, какой-то изумленный всхлип, в котором слышится отголосок нежности.

— О! Она говорила вам о нем?

— Она...

Эмиль больше ничего не понимает. При чем здесь Том Блю? Какое он имеет отношение к Леону?

— Да... То есть... немного...

Леон задыхается.

— Она сказала вам, как это случилось?

Эмиль качает головой. У него такое чувство, что он чего-то не понял. Сердце колотится в груди, горло сжимается.

— Как это случилось? Что случилось? Она... Она только... Она только рассказала мне, что он рисовал синеву... Все время... И часами смотрел на небо.

Оглушительное молчание, затягивающееся на том конце линии, дает ему понять, что ответ не тот, которого ждал Леон.

— Она сказала вам, кто он был?

— Я... Нет... То есть да, я...

Он уже ни в чем не уверен.

— Это... Это был ученик ее школы... нет?

У него уже возникло неприятное чувство, что это совсем не так. И ответ Леона, его мертвый сдавленный голос это подтверждают.

— Это был не ученик.

— Нет?

— Нет.

Эмиль ждет ответа с некоторой опаской. Он затаил дыхание, пальцы крепче сжали трубку.

— Это был ее малыш.

Он с трудом сглатывает, трясет головой, пытаясь понять.

— Ч-что?

— Том был нашим сыном.

Эмиль повторяет в полном оцепенении произнесенные Леоном слова:

— Том был... вашим сыном. Жоанна... у Жоанны есть малыш.

Он не готов услышать следующую фразу:

— Он умер пятнадцать месяцев назад. Ему исполнилось три года.

Эмиль чувствует себя так, будто ему надели на голову свинцовый колокол. Его оглушили. Он ловит ртом воздух, ему трудно дышать.

— Ее... ее малыш, — с трудом выдыхает он. — Умер...

Леон на том конце линии снова говорит, но Эмиль едва его слышит.

— Это был мальчик, так непохожий на других... Он был аутистом. Так и не научился говорить. Всегда был немым, но много рисовал. Жоанна все бросила, чтобы заниматься им, она оставила работу в школе, чтобы быть с ним постоянно.

Эмиль ухватился за дверцу стенного шкафчика. Он больше не чувствует своей руки, так крепко сжимает телефон. Леон продолжает, не обращая внимания на молчание, на отсутствие реакции, он говорит и говорит, больше не сдерживая рыданий:

— Она всегда жила при школе и делала все возможное, чтобы он был с другими детьми... Том был такой непохожий, такой особенный. Я не мог поймать его взгляд. Он был закрыт всему и всем, кроме этой чертовой синевы... И Жоанны. Она одна могла до него достучаться...

Эмиль делает несколько шагов и садится на банкетку, где свернулся клубочком Пок. Тяжело дыша, он умудряется выговорить:

— Что же произошло?

Он не знает, вправду ли хочет это знать. Он больше ничего не знает. Он застыл на банкетке с ватными ногами и готовым взорваться сердцем. Голос Леоны переходит в мучительный хрип:

— Он всегда был одержим этой синевой. Небом, водой. Всегда эта чертова синева... Я повел его к озеру. Жоанне пришлось остаться в школе, в виде исключения, чтобы закрыть ворота после вечера в честь конца года. Она сказала, что придет к нам сразу после, приедет на своем красном велосипеде. Она приготовила нам сэндвичи. Это было дикое озеро... Мы не хотели купаться, просто побыть в лесной прохладе...

Эмиль слушает, каждая клеточка его тела напряжена.

— Я оставил Тома с сумкой для пикника и одеялом и пошел привязать велосипеды к ограде. Это было метрах в десяти, на опушке леса. Я... Я велел ему смирно ждать меня. Я... Мне оказалось трудно привязать велосипед Тома. Замок заржавел...

Леон вынужден остановиться, волнение душит его. Эмиль чувствует, как в нем нарастает ужас. Он надеется, что это не то, о чем он думает. Эта синева. Эта чертова синева.

— Я отсутствовал три минуты, не больше. Может быть, четыре. Я вернулся к корзинке для пикника и понял, что Тома там нет.

Эмиль слышит его тяжелое дыхание.

— Я знал. Я сразу понял, что он пошел к этому проклятому озеру. Но я думал найти его на берегу, в его извечной позе, на корточках, он мог так сидеть часами. Я бы поднял его и отругал. Он бы вырывался, потому что не выносил, когда я его трогаю. Это он позволял только Жоанне.

Голос Леона срывается, но он все же продолжает:

— Я не думал... Не думал, что найду его так...

Леон снова подавляет рыдание, и Эмиль выжидает несколько секунд, чтобы он взял себя в руки.

— Из воды виднелись только его светлые волосы и футболка. Он не двигался. Плавал на поверхности. Я подумал, что он меня разыгрывает. Рассердился. Закричал ему: «Это не смешно! Вылезай сейчас же!» Я не мог двинуться с места. Не мог поверить. Я стоял столбом на берегу озера, не в состоянии шевельнуться. А потом, когда я среагировал, когда вошел в воду, чтобы вытащить его, я запутался в водорослях, увяз в тине, наткнулся на плавающие ветки, провалился в яму... Это было дикое озеро... Я не мог до него добраться! Не мог вытащить его на берег!

Словно защищаясь от невидимых обвинителей, он повторяет:

— Я не мог. Это было невозможно.

Снова леденящая пауза затягивается на несколько секунд.

— Его вытащили полицейские. Водолазы. Тем временем приехала на велосипеде Жоанна. Она была на берегу полумертвая. Я думаю, она умерла в тот день на берегу, когда я держал ее, чтобы она не упала.

Он делает усилие, преодолевая вновь захлестнувшую его волну боли.

— Лучше бы она убила меня тогда... Лучше бы... Лучше бы это был я, а не Том.

Пауза тянется больше минуты. Леон рыдает. Эмиль ошеломлен. Он пытается осмыслить то, что услышал. Том. Том Блю. Сын Жоанны. А ведь она говорила... Но теперь, пытаясь вспомнить, он понимает, что она никогда не говорила ничего определенного. Только отвечала на его вопросы.

— *Он был в школе, в которой ты работала?*

— *Да. Он был в школе.*

Она не говорила, что он был учеником. Просто сказала «в школе». Это была правда. Он жил в школе с ней. И с Леоном. Она не солгала. И добавила тогда:

— *Но он ушел.*

Она не уточнила, куда и как он ушел, просто сказала «ушел». Может быть, он мог бы догадаться... Мог бы понять, что он живет на небе. Да и она дала кое-какие подсказки.

— *Не знаю, найду ли я когда-нибудь нужное сочетание синих красок. Смогу ли нарисовать за него синеву и подарить ее ему в тот день, когда с ним встречусь...*

— *Ты знаешь, куда он ушел? Знаешь, как сможешь с ним встретиться?*

— *Есть идея.*

— *Ты думаешь, он сейчас смотрит на небо?*

— *Я уверена, что да.*

Не будь он убежден, что Том Блю был учеником школы... Не будь уверен, что этот мальчик просто уехал... Он качает головой. Нет, он не мог догадаться. Ему и в голову не мог прийти подобный ужас. От голоса Леона в трубке он вздрагивает.

— Сегодня День Всех Святых... Я уверен, что она провела ужасный день. Я ходил на могилу Тома с родителями. Вы скажете ей?

Леон не ждет ответа, он продолжает очень быстро:

— Как она поживает?

— Она...

Он не решается признаться ему, что она исчезла с раннего утра и он понятия не имеет, где она находится. Он предпочитает приврать.

— Не очень хорошо вообще-то.

У Леона вырывается мучительный стон.

— Знаете, она сказала, что уедет, пока не нашла в себе силы меня убить.

Эмилию нечего ответить, но Леон продолжает, как будто говорит сам с собой:

— Я убил ее малыша. Она сказала, что это моя вина, что я должен был смотреть за ним. За ним надо было смотреть постоянно. Он не сознавал опасности, понимаете? Она сказала, я должен был знать, что он одержим синевой... Водой...

Эмилию вспоминаются слова. Слова, произнесенные однажды ночью, когда Жоанна металась и бредила в жару, когда она приняла его за Леона и обняла. *«Почему ты его отпустил... Ты же знал, какой он...»*

И другие, сказанные позже во время их путешествия: *«Маленьких мальчиков и на две секунды нельзя оставлять без присмотра!»*

«Он сделал кое-что непростительное. Я ушла, потому что не могу больше оставаться с ним после того, что он сделал».

«Может быть, когда-нибудь я вернусь. Может быть, нет. Если вернусь... я думаю, мне понадобятся годы».

Голос Леона продолжает:

— А потом были похороны... Я не мог подумать, что она будет в такой обиде на меня за похороны.

— За похороны?

Леон снова рыдает. Эмиль чувствует себя погребенным под кубометрами ужаса. Каждое новое сообщение хуже предыдущего.

— Она была в санатории. Под таблетками. Ей с трудом разрешили присутствовать на мессе.

— И что же произошло?

— Она говорила, что хочет, чтобы его кремировали. Твердила всякий вздор, мол, она хочет бросить пепел в море... чтобы он мог улететь... Но она была напичкана таблетками, а мои родители и слышать не хотели о кремации... Я из очень католической семьи. Это было... Это было невыносимо, а Жоанна была слишком накачана лекарствами, чтобы рассуждать здраво...

Эмиль чувствует приступ тошноты. Это невольно. Это сильнее его. Не мог же Леон... Но продолжение следует:

— Так что мы его похоронили, и... этого тоже она не могла мне простить. Она как с ума сошла во время мессы. Ее пришлось силой препроводить в санаторий. Она не... Она никогда не была на его могиле. Всегда говорила, что Том не на кладбище. Для нее, во всяком случае.

Эмиль встает. Ему вдруг становится невыносимо сидеть. Становится невыносим голос Леона, который хнычет и жалуется, однако дважды предал Жоанну. Леона, который твердит, что должен был умереть вместо Тома, но не смог, черт его побери, вытащить мальчика из озера. *Я бы смог.* Тихий голос звучит в его голове. *Если бы Жоанна выносила моего ребенка, я берег бы его, как никого на свете. Я бы вытащил его на берег.*

— Она оставалась в санатории почти год. Потеряла семь или восемь кило. А когда ее выписали, ей было невыносимо жить в одном доме со мной. Она предпочла уехать.

Эмиль не хочет больше ничего слышать. Его охватила паника. Новая мысль закралась ему в голову. Он уже почти не может дышать.

— Послушайте, Леон, я должен вас оставить... Жоанна одна на улице под дождем... Мне лучше пойти ее искать.

— Что?

Одной рукой он надевает плащ, ищет ключи от кемпинг-кара на кухонном столе.

— Почему?

Боже, пусть это будет не то, что я думаю. Он пытается совладать с ужасом, охватывающим его с каждой секундой.

— Она... Она пошла пройтись.

Нашарив ключи от кемпинг-кара, он говорит все быстрее.

— Я пойду ее искать, ладно? Мне правда придется вас оставить. Я не могу оставлять ее на улице под дождем.

Леон слышит панику в его голосе. Он пытается его удержать:

— Подождите! Скажите ей, что...

— Я правда должен вас оставить...

— Сообщайте мне, как она! Умоляю вас! Я знаю, что она не будет отвечать на мои звонки, но вы, пожалуйста, сообщайте мне, как она...

У него такой несчастный голос, что Эмиль может только согласиться.

— Вы найдете мой номер в ее списке контактов. Меня зовут Леон.

— Хорошо. Я запомнил. А теперь мне надо бежать.

Эмиль отключается, не ожидая ответа. Дурное предчувствие растет в нем, и он бросается наружу, под проливной дождь.

Он бежит, оскальзываясь в лужах, выкрикивает ее имя. Он понятия не имеет, куда идти. Он знает только, что сегодня День Всех Святых, что Леон ходил на могилу Тома, но Жоанна никогда не верила, что ее малыш лежит под каменной стелой. Для нее он, наверно, улетел в море. Однажды, за партией в скрабл, она заявила: *Я хочу, чтобы меня кремировали. Так я смогу улететь.* Сегодня День Всех Святых, день поминовения. Пошла ли она искать Тома Блю в море? Решила ли присоединиться к нему? Сердце сжимается, на глазах выступают слезы. Она много рисовала в последние четыре дня... А что, если ей удалась идеальная синева? Если она сумела в конце концов воспроизвести эту совершенную синеву... Если она решила, что ее миссия выполнена и теперь она может присоединиться к Тому со своей картиной в руках... А что, если только поэтому она затеяла это путешествие? Чтобы посмотреть на сотни разных небес и сдержать обещание, данное самой себе. А что, если слишком поздно?

Эмиль бежит быстрее, чем когда-либо бегал. Вода стекает по его лицу. Его голос теряется в шуме ветра и грохоте дождя.

— ЖООААААННА!

Он бежит к пляжу с домиками. Здесь они на днях устроили пикник. По всей длине пляжа тянутся в ряд хижины на сваях. Жоанна объяснила, что рыбаки их отстроили — изначально они предназначались только для туризма — и превратили в рыбацкие хижины. Она прочла это на табличке на берегу моря. И подумать только, она никогда не казалась ему такой живой, как в эти последние

дни... Такой легкой и улыбающейся. Была ли она счастлива от мысли, что встретится со своим маленьким Томом? Считала ли дни?

— ЖОААААННА!

Пляж уже виднеется вдали. Ночь слишком темная, чтобы различить на нем силуэт. Порывы ветра метут песок. Он мчится во весь дух, запыхавшись. Вспоминает рассказ Леона, вспоминает реакции Жоанны на протяжении всего путешествия.

Он понимает ее внезапное волнение, когда она говорила о Томе. И ее *«Не все прекрасно в моем мире...»*. Он понимает, какую боль она постоянно сдерживала за невозмутимым лицом, понимает ее полнейшее равнодушие, когда он подобрал ее на автостраде, как будто ей нечего было терять. И вот почему она всегда носит черное. Он вспоминает цитату, которая так тронула ее на днях, что она захотела написать ее над их головами: *Если мы плачем, потому что скрылось солнце, слезы мешают нам видеть звезды.*

Он бежит еще быстрее. Он промок до костей, но ему плевать. *Господи, сделай так, чтобы она не захотела уйти к солнцу. Сделай так, чтобы я смог показать ей хоть несколько звезд.*

— ЖОААААННА!

Он спотыкается на песке, глотает песчинки, но встает, потому что, кажется, увидел вдали на пляже черную фигуру. «ЖОАННА!» — снова орет он.

Он кидается в ее направлении. Это она! Сердце готово взорваться в груди. Это она, закутанная в черную шаль, мокрая насквозь, дрожащая и озябшая, с красными опухшими глазами, с лиловыми губами. Пустой неподвижный взгляд устремлен в море.

— ЖОАННА!

Он падает рядом с ней на колени, переводя дыхание.

— Жоанна, что ты здесь делаешь?

Она странно смотрит на него. Глаза кажутся погасшими. У нее отсутствующий вид.

— Иди сюда.

Он обнимает ее, сжимает очень крепко. Она вся ледяная, ее трясет. Он еще не отдышался, сердце отчаянно колотится, вот-вот разорвется. От волнения у него дрожит голос:

— Жоанна... Я думал, что ты ушла. Ушла совсем.

Он сжимает ее еще крепче. Ледяной ветер и дождь хлещут их в полнейшей темноте, но они это едва замечают. Он растирает ее, гладит по волосам, качает взад-вперед. И шепчет ей на ухо, быстро, на выдохе, силясь подавить свою панику:

— Не убегай больше, Жоанна. Я думал, что умру. Я думал, ты улетела. Никогда больше так не делай. Я присмотрю за ним. За твоим маленьким Томом. Скоро мы с ним будем вместе. Ты же это знаешь, да? Обещаю тебе, я присмотрю за ним. Я скажу ему, что мы всё поняли про его рисунки... Про безбрежность...

Он чувствует, что она рыдает, прижавшись к нему.

— Здесь так холодно. Идем, нам надо домой. Ты простудишься. Я так испугался. Я думал...

Он умолкает, переводя дыхание.

— Пусть это были всего лишь бумажки и... и фальшивые кольца, но это ничего не меняет, Жоанна. Я полюбил тебя. Ты не можешь больше решить уйти. Мы с тобой заключили договор. Ты обязалась остаться со мной. А я обязуюсь позаботиться о Томе Блю, присмотреть за ним, когда встречу с ним там, наверху.

Он чувствует, что она замерла в его объятиях, и продолжает быстро-быстро, он не хочет осознавать, что говорит, он боится потерять нить своих слов:

— Я обещаю тебе. Знаешь, может быть, судьба свела нас именно для этого.

Жоанна больше не двигается. Она застыла. Она шепчет посиневшими губами:

— Как ты узнал?..

Она поднимает голову. Она пришла в себя, вернулась в мир. Боль заливает ее лицо, и все же она никогда не казалась ему такой красивой.

— Ты видел картину? Ты догадался, увидев картину... да?

Он не знает, о чем она, но не хочет ей признаваться. Только неопределенно пожимает плечами.

— Это его я нарисовала у моря. В его синих шортиках.

Слезы струятся по ее лицу, смешиваясь с дождем. Она слабо улыбается дрожащей улыбкой и снова плачет.

— Он красивый, правда?

Эмиль кивает, тоже чувствуя подступающие слезы.

— Да. Самый красивый мальчик, которого я когда-либо встречал.

Он не лжет. Он не видел Тома Блю, но это же малыш Жоанны... Он абсолютно уверен, что сказал правду.

Позже они тихонько поднимаются, Эмиль поддерживает Жоанну, которая дрожит всем телом. Они идут под ледяным дождем и ноябрьским ветром. Два черных силуэта среди воды и песка, две зыбкие блуждающие тени. Но что-то новое загорелось в них. Слабый огонек, зажженный обещанием. Обещанием, касающимся маленького мальчика там, наверху, в небе.

Жоанна лежит на матрасе. Она еще дрожит. Теперь от жара. Она, должно быть, простудилась. Лицо в каплях пота. Зубы стучат. Эмиль регулярно поднимается сменить ей влажное полотенце. Он поставил чашку чая рядом с ее подушкой, но она к ней не притронулась. Эмиль внизу, неподвижно сидит на банкетке. Слышны только урчание газового обогревателя, свист ветра, пытающегося просочиться под дверь, да стук зубов Жоанны.

Ему кажется, что у него тоже температура. Голова гудит. Он не в состоянии усвоить все, что узнал сегодня вечером. Слова крутятся в мозгу, и голова идет кругом.

Это был ее малыш. Том был нашим сыном.

Мальчик, такой непохожий на других...

Я не мог вытащить его на берег!

Он был закрыт всему и всем, кроме этой чертовой синевы... И Жоанны.

Ты видел картину? Ты догадался, увидев картину... да?

Он умер пятнадцать месяцев назад. Ему исполнилось три года.

Пусть это были всего лишь бумажки и... и фальшивые кольца, но это ничего не меняет, Жоанна. Я полюбил тебя.

Он был аутистом. Она одна могла до него достучаться.

Лучше бы это был я, а не Том.

Это его я нарисовала у моря. В его синих шортиках.

Из воды виднелись только его светлые волосы и футболка. Он не двигался. Плавал на поверхности.

Она была на берегу полумертвая.

Скоро мы с ним будем вместе. Ты же это знаешь, да? Я обещаю тебе присмотреть за ним.

Лучше бы она убила меня тогда.

Я полюбил тебя.

Эмиль нашел картину, о которой говорила Жоанна. Она была в стенном шкафу. На ней пляж с домиками, хижины на сваях, море, чайка. А на песке сидит на корточках маленький мальчик. *Я думал найти его на берегу, в его извечной позе, на корточках, он мог так сидеть часами.* Лицо мальчика повернуто к Эмилю, словно он смотрит на него сквозь картину. У него светлые волосы и нахмуренные брови — то ли он встревожен, то ли задумался. На нем синие шортики, ноги босы. Эмиль раньше не видел этой картины. Она, должно быть, написала ее в эти четыре дня. Черты расплывчаты, неверны, и это придает картине что-то далекое, словно очень давнее воспоминание изглаживается из памяти.

Он стоит неподвижно перед картиной, не слыша ни свиста ветра, ни стука зубов Жоанны. Он старается запомнить черты маленького Тома. У него такие же карие глаза, как у Жоанны, волосы цвета песка, изгиб бровей... Он должен суметь узнать его, когда увидит, когда встретится с ним там, где будет и он. Они оба должны узнать друг друга.

Жоанну трясет. Она горит, а между тем ей так холодно. Газовый обогреватель стоит у ее ног, как грелка, но она все равно чувствует ледяную волну во всем теле. Она дышит прерывисто, сердце трепещет. Ее мысли далеко, они унеслись в Сен-Сюльяк, на шесть лет назад, когда ей было всего двадцать три года. Три года как она заступила на место своего отца в школе. Они с отцом жили вдвоем в домике на школьном дворе. Он вышел на пенсию и целыми днями ухаживал за маленьким огородиком. С гордостью варил супы из всего, что благоволило расти. По вечерам они топили камин, даже летом. В их каменном домике всегда было холодно. И потом, они любили слушать треск пламени, когда читали.

Она хорошо справлялась со всеми мелкими работами в школе, даже красила стены с удивительной легкостью. Марица, учительница, хорошо знавшая ее отца, диву давалась, видя, как ловко она карабкается на стремянку и таскает тяжелые ведра.

— Как вам удастся, мадемуазель Жоанна? Вы сами не тяжелее соломинки.

Иногда она даже добавляла:

— Все-таки это работа не для женщины.

Жоанна остерегалась сказать ей, что отец научил ее красить, когда ей едва исполнилось восемь лет. Она сама перекрасила все стены своей комнаты на свой вкус. Он позволил ей сделать желтые, оранжевые и красные завихрения, покрасить даже потолок и нарисовать повсюду жуткие цветочки. Она так гордилась собой и этой красивой комнатой, которую сделала своими руками... Она до сих пор помнит то чувство полного удовлетворения, как будто это было вчера.

Леон появился в школе однажды 1 сентября. Ему было тогда двадцать четыре года. Это было его первое место учителя, он только что закончил учебу. Он родился в Сен-Сюльяке, но после выпускных экзаменов уехал учиться в Нант.

— Вы тоже здесь учились? — спросил он однажды Жоанну, когда она закрывала тяжелые школьные ворота.

— Да.

— Я тоже. Мы с вами, должно быть, ровесники... Мне двадцать четыре года.

— Мне двадцать три.

— Значит, мы наверняка пересекались тогда на школьном дворе.

Они разговаривали впервые. До сих пор, встречаясь, они только вежливо здоровались.

— Меня зовут Леон. Леон Андре. Мои родители — Андре, которые держат табачную лавку. Вы, может быть, их знаете.

Она с трудом сдержала мину отвращения, которое внушали ей Андре. Они чрезвычайно высоко задирали нос и никогда не относились уважительно к отцу Жоанны. Она много раз слышала их шепот: «Вот старый холостяк», когда они с отцом приходили покупать марки. А она была «маленьким пашенком». Андре любили разносить сплетни, они ими кормились. Жоанна была уверена, что они первыми пустили слух о ее рождении, возбужденно нашептывая всем, что она родилась от шлюхи и деревенского дурачка.

— А вы? Кто вы? Ваши родители — из деревни?

Она выдержала взгляд Леона с гордостью и даже с вызовом.

— Я дочь сторожа.

Она увидела в его глазах только детское удивление, никакой недоброжелательности.

— А, это вы.

— Да, это я.

Теперь она вспомнила, что Андре только и говорили о своем таком способном сыне, уехавшем учиться в большой город, чтобы стать учителем. Вот он, у нее перед глазами. И выглядит вовсе не таким надменным и самодовольным, как его родители. Она бы и не догадалась, кто он. Просто молодой человек, свежеиспеченный выпускник университета. Светлые, с каштановым отливом волосы, пряди падают на глаза. Он расчесывал их на прямой пробор, наверно, чтобы казаться взрослым, каковым еще не был. Ореховые глаза. Чуть великоватая рубашка. Хорошо начищенные ботинки.

— Вы заступили на его место?

— Да.

— И живете с ним там?

Он показывал на каменный домик в глубине двора, окруженный сиренью и анютиными глазками.

— Да.

— Выглядит очаровательно.

Она кивнула.

— У папы умелые руки.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, не зная, что еще сказать. Жоанна покачивала на пальцах тяжелые ключи от ворот, Леон подкидывал камешек носком начищенного ботинка.

— Что ж, ладно... До завтра, — сказал наконец Леон.

Они расстались с робкой улыбкой, сами не зная, что думать друг о друге.

Жоанна чувствует, что кто-то есть рядом. Кто-то снимает со лба полотенце. Гладит ее по волосам.

— Все хорошо?

Она кивает. Она уже унеслась далеко.

Она у ворот со своими тяжелыми ключами, и Леон переминается с ноги на ногу.

— Ну что, выходные...

— Да, — говорит она.

— Что вы делаете в воскресенье?

Ни он, ни она еще не предложили перейти на «ты».

— Папа хочет сходить со мной к часовне Гренфолле.

— А, — вырывается у Леона, как будто ему досадно.

— А вы?

— Я думал, что мог бы вас пригласить на пикник на пляже. Но вы заняты.

Она пожимает плечами и пару минут раздумывает.

— Хотите пойти с нами в часовню Гренфолле?

— С вашим отцом?

Он удивлен.

— Да. Не думаю, что ему будет неприятно.

Леон снова переминается с ноги на ногу.

— Вы уверены?

Она кивает.

— Ладно... тогда... Хорошо.

Искренность его улыбки ее трогает. Она проверяла его. Но он явно не такой, как его родители. Он будет рад познакомиться с ее отцом в воскресенье.

Часовня уже видна в нескольких метрах впереди. Отец Жоанны возглавляет шествие. У него странная походка — кажется, будто он не знает, куда идет, отдавшись на волю случая. Жоанна и Леон идут позади. Они вышли из бухты Сен-Сюльяк и пошли дорогой, которая ведет через пляж. На его скалах можно увидеть окаменевшие потеки лавы. Отец Жоанны остановился, чтобы показать им это. Леон никогда не обращал на них внимания. Потом они поднялись по тропе, которая ведет на самый верх утеса, возвышающегося над Сен-Сюльяком. Там, наверху, и кроется часовня.

Они останавливаются перед каменным монументом. Вид великолепен. Часовня из старых гранитных и кварцевых глыб окружает белоснежную Богородицу. Ползучие растения оплетают старые камни вокруг цоколя. За часовней открываются море и бухта Сен-Сюльяк, притулившаяся в лощине деревушка.

— Сюда надо приходить вечером, — говорит отец Жоанны, положив руку на камни.

Леон тарашит удивленные глаза.

— Вот как? Почему?

— Потому что, когда солнце стоит низко, деревня окрашивается в теплые цвета.

Леон восторгается всем, что рассказывает и показывает отец Жоанны.

— Расскажи ему историю часовни, — просит Жоанна. — Вряд ли он ее знает.

Она могла бы сделать это сама, но ей больше нравится, когда рассказывает отец. Он способен заморозить своим дивным низким голосом. И он рассказывает Леону историю часовни, историю моряков, которые каждый год уходили на большую путину, на восемь или девять месяцев, и дали обет: если они все вернуться живыми и невредимыми, то построят часовню в честь Богородицы в том месте, где их жены ждали прихода кораблей.

— Они вернулись и сдержали обещание! Несколько лет ослы и люди таскали сюда каменные глыбы.

Леон погрузился, прощаясь вечером. Они спустились на пляж и бросают камешки в море.

— Ну, до завтра, — говорит Леон Жоанне. — До свидания, месье, — добавляет он, обращаясь к ее отцу.

На обратном пути отец спрашивает ее:

— Тебе нравится этот парень?

Она качает головой.

— Нет. Я его мало знаю.

Потом все-таки добавляет:

— Он пригласил меня на пикник в следующее воскресенье.

Отец молчит некоторое время, потом роняет:

— Ты становишься взрослой.

Она пожимает плечами. Она в этом не уверена. Оттого что ее пригласил парень, она не превратится в одночасье во взрослую. Был же у нее парень прошлым летом. Ей не кажется, что та идиллия очень ее изменила. Они были знакомы, правда, недолго, но все-таки...

— Однажды ты влюбишься.

— Не знаю.

— Лучше мне подарить тебе эту цитату сейчас же.

Она поднимает на него восторженный взгляд. Ей всегда нравилось, что он считает слова подарками и дарит их ей.

— Какую цитату?

Он останавливается в каменном переулке. Они на одной из типичных улочек Сен-Сюльяка, где цветы растут между гранитными камнями домов. Деревня полностью сохранна, это особенно нравится Жоанне. В ней есть старые солеварни, приливные мельницы и даже древний менгир, который называют Зубом Гаргантюа.

— Ты готова слушать?

Она кивает. У отца травинки запутались в усах и даже в бровях. Она не знает, как они у него всегда попадают в такие невероятные места.

— Она о материнстве.

— Папа!

— Что?

— Я не готова родить ребенка!

— Но однажды ты будешь готова.

Она дуется. Чувствует себя маленькой девочкой.

— Цитата гласит: *Прежде чем дать жизнь, надо полюбить ее и заставить ее полюбить тебя.*

У него такой серьезный вид. У него всегда такой серьезный вид, даже когда травинки в бровях.

— Я постарался сделать это с тобой.

Она кивает.

— Я знаю.

— Запомни это хорошенько, ладно?

— Ладно.

— И если ты полюбишь однажды этого Леона, постарайся заставить его полюбить жизнь так же, как я заставил тебя ее полюбить.

Они идут дальше по переулку.

— Он, кажется, любопытный малый, это хорошо... Но с виду еще ничему не научился.

— Он же учитель!

— Настоящее знание не измеряется дипломами, Жоанна. Ни даже количеством проглоченных книг. Покажи ему звезды, растения, что

рождаются и умирают, красоту заката солнца. Дай ему вдохнуть запах сирени и послушать шум моря.

— Папа! Он все это уже знает!

Хмурое лицо с резкими чертами поворачивается к ней.

— Ты в этом уверена?

И она вдруг сомневается.

— Ты думаешь, родители научили его этому?

Она не может подавить брезгливое содрогание, вспомнив семейку Андре, и качает головой.

— Нет. Наверно, нет.

Ее отец улыбается немного грустно.

— Я тоже слышал, как они шепчутся, Жоанна. Но не надо на него сердиться за то, что он сын своих родителей. В сущности, он бедный мальчик. Он вырос в нищете.

Она возмущается:

— Его родители держат табачную лавку!

— Жоанна, моя ли ты дочь? Порой я в этом сомневаюсь.

Она не может удержаться от улыбки.

— Молва говорит, что да.

— Я говорил о другой нищете.

— А.

— Тебе тоже еще многому надо учиться.

— А тебе? — невольно парирует она, задетая за живое.

— Мне тоже, Жоанна, мне тоже. Всегда надо учиться.

В следующее воскресенье Леон и Жоанна впервые поцеловались на пляже, полюбовавшись одним из самых красивых закатов солнца над Сен-Сюльяком.

Кемпинг-кар снова в пути. Жоанна больна уже два дня. Жар не спадает. Эмиль сходил в аптеку и дал ей лекарства. Он варит ей бульоны, больше она ничего не может есть.

— Где мы?

Сегодня утром ей лучше, и она осторожно спустилась вниз.

— Мы доехали почти до Ааса, в Атлантических Пиренеях.

Он сидит на банкетке за чашкой дымящегося кофе.

— Тебе лучше? Вот, садись.

Он дает ей место и пододвигает исписанный листок бумаги.

— Что это?

— Я говорил по телефону с Миртиль.

Глаза Жоанны округляются.

— О!

— Я не знал, что делать, как сбить твою температуру. Я... Я спросил у нее советов.

— Почему ты не передал телефон мне? Я бы хотела с ней поговорить.

— Ты спала как младенец.

Жоанна глотает свое разочарование.

— Ну и какие советы она тебе дала?

— Мчаться напрямик к ней, чтобы она тебя вылечила хорошенько.

Он знал, что это вызовет у нее улыбку.

— Я сказал, что справлюсь с помощью аптекарши.

— А что это за листок?

— Она сказала, что, раз мы не хотим возвращаться к ней до Рождества, она должна хотя бы быть уверена, что я до тех пор буду держать тебя в тепле.

Жоанна хмурит брови, не понимая.

— Она дала мне адрес. Этот человек — пастух.

Жоанна читает имя и фамилию наверху листка. Ипполит Бернар.

— Он планирует отреставрировать старую каменную усадьбу в долине Ааса. Он принимает волонтеров со всей Франции и даже со всей Европы, на протяжении всего года. Люди приезжают на пару дней, на неделю, на месяц, и за несколько часов работы он предоставляет стол и кров.

— О!

Идея ей, кажется, нравится.

— Хочешь перезвонить Миртиль? — предлагает Эмиль, протягивая ей телефон.

Но Жоанна очень бледна. Она колеблется. Она явно еще не готова к разговору с кем бы то ни было.

— Я не знаю...

— Нет, забудь. Это не горит. Сначала я приготовлю тебе поесть, ладно? Ты три дня не ела ничего существенного.

Он идет к кухонному столу и хлопочет, готовя ей фруктовый салат.

— Мы будем в Аасе к вечеру. На дороге снег, так что лучше...

Он не заканчивает фразу. Жоанна встала и рывком отодвинула занавеску на маленьком окошке над банкеткой. Ее ошеломленные глаза видят снег. Она похожа на ребенка:

— Снег идет...

— Да, снег идет.

— Давно?

— С тех пор как мы вернулись в Пиренеи.

Он смотрит на нее, прилипшую носом к стеклу. Спрашивает себя, о чем она думает, любил ли снег ее маленький Том, его ли она видит в белых просторах, сидящего на корточках и лепящего снеговика.

Убегают назад заснеженные поля и горы. Время от времени деревья с голыми ветвями врываются в их поле зрения. Эмиль впереди, за рулем. Жоанна так и стоит на коленях на банкетке, прижавшись носом к стеклу. Она закуталась в плед, грязные волосы прилипли ко лбу, губы потрескались от холода. Она еще не выразила желания даже умыться, но по крайней мере съела фруктовый салат.

—

Связка ключей позвякивает в мощеном дворике начальной школы Сен-Сюльяка. Жоанна и Леон сидят за столиком посреди огорода Жоанниного отца. Она принесла два стакана лимонада, и они греются в последних лучах октябрьского солнца. Возвращается отец Жоанны с большой связкой ключей. Он ходил за покупками в деревню и, по своему обыкновению, пропадал почти два часа.

— Все хорошо, детки?

Жоанна спокойно кивает. Леон торопливо здоровается:

— Добрый день, месье.

Отец Жоанны снимает широкополую соломенную шляпу и кладет ее на стол.

— Что ты принес? — спрашивает она, косясь на его корзинку.

— Артишоки, немного свеклы, баклажан и инжир.

Жоанна уже роется в корзинке. Отец опускается на стул рядом с ними.

— В огороде созрел первый осенний урожай, — сообщает он.

— А? — откликается Жоанна, подняв голову.

— Спагетти.

Оба слышат смех Леона и оборачиваются, удивленные. Леон мнется, бормочет:

— Я думал... Это не...

Басистый сердитый голос отца Жоанны перебивает его:

— Нет. Никакие макароны не растут в моем саду... Я еще не нашел способа их выращивать... А жаль.

Жоанна смеется, а бедняга Леон заливается багровой краской.

— Это тыква, — добавляет отец. — Разновидность тыквы.

Он резко встает, отчего Леон вздрагивает.

— Идем, покажу тебе.

Вскоре все трое сидят на корточках вокруг первой в сезоне тыквы.

— Похоже на желтый арбуз... или продолговатую дыню, — замечает Леон.

Жоанна кивает.

— Когда я была маленькой, называла это *мама лимон*.

Это воспоминание вызывает улыбку у ее отца.

— И ты даже не могла донести ее до дома... В тебе было едва ли метр десять.

Выпрямившись, он вытирает испачканные землей руки о свои бежевые штаны.

— Если ты останешься на ужин, Леон, можешь научиться готовить тыкву спагетти.

Леон не может скрыть удивление и радость. Глуповато улыбаясь, он спрашивает:

— Правда?

Отец кивает.

— Жоанна сможет тебя научить. У нее получаются изумительные гратены.

Жоанна кивком подтверждает.

— А папа сделает нам компот из инжира. Он кладет туда орехи. Вот увидишь, это очень вкусно.

Леон на седьмом небе. Он продолжает улыбаться, повторяя:

— Что ж, я... Да... Я с удовольствием... Я... Спасибо за приглашение... я очень люблю инжир.

Отец Жоанны перебивает его своим сердитым басом:

— Телефон в прихожей, если хочешь предупредить родителей. А потом — на кухню, детки!

Жоанна и ее отец заняли свои обычные места: она за колченогим столом в кухне, на коленях на стуле перед разделочной доской. Он стоит у раковины, моет инжир, его орудия труда ровненько лежат на кухонном столе. Они всегда так готовят. У каждого свое пространство. Леон неловко мнетя справа от Жоанны, внимательно наблюдая за ней.

— Вот, я разрезала ее пополам. Теперь натрем ее оливковым маслом, солью и перцем и поставим в духовку.

— Мы запечем ее прямо так? С кожурой?

— Конечно. Передай мне масло, пожалуйста.

Отец Жоанны ничего не говорит. Он наблюдает за ними краем глаза и улыбается.

— Вот, ставишь на сто восемьдесят, — объясняет Жоанна, когда они присели у духовки.

Она доверяет ему поджарить лук и чеснок на горячей сковороде в оливковом масле, потом добавляет туда порезанные кубиками помидоры. Они наблюдают за жаревом, помешивая его и беседуя о школе, о приближающихся каникулах Дня Всех Святых, о запланированной поездке Леона с родителями на гору Сен-Мишель.

— Ты никогда не была там?

— Нет, — отвечает Жоанна.

— Когда-нибудь я обязательно тебя туда отвезу.

Жоанна как будто раздумывает над его предложением.

— Да. Почему бы нет, — говорит она, поджав губы.

Старик смотрит, как она разминает вилкой вынутую из духовки тыкву спагетти, потом добавляет туда жарено из помидоров, чеснока и лука.

— А потом ставишь все это обратно в духовку.

Леон послушно следует за Жоанной и старательно запоминает всю услышанную информацию.

— Ты никогда не готовишь дома?

— Нет. Ничего такого, во всяком случае.

— То есть?

— Моя мама говорит, что у нее нет времени готовить. Она покупает замороженные продукты и разогревает их в микроволновой печи.

Жоанна брезгливо морщится, что не ускользает ни от Леона, ни от ее отца, который слушает их, стоя поодаль в кухне и помешивая компот на огне.

Позже они сидят втроем вокруг стола в гостиной. Отец Жоанны зажег огонь в камине. Леон с любопытством рассматривает надписи на стенах гостиной. Цитаты, отрывки из романов, размышления. Одну из надписей, должно быть, написала Жоанна, когда ей было лет десять. *Сегодня солнышко. Кажется, будто небо улыбается.* Над корявой фразой она нарисовала маленькое голубое солнце.

— Ну, Леон, чему ты учишь детей целыми днями? — спрашивает отец Жоанны, наполняя их тарелки.

— О, многому. Письму, счету. Истории Франции. А еще анатомии человеческого тела и биологии.

— Хорошо. В ту пору, когда я был сторожем, я предложил директрисе разбить большой огород, чтобы детки учились выращивать свои овощи.

— Очень хорошая идея, — одобряет Леон.

Отец Жоанны раздраженно фыркает.

— Мне было отказано. Она не видела интереса.

— Жаль...

— Знаешь, я уверен, что большинство детишек не знают, что такое тыквы спагетти.

Леон готов покраснеть, но отец продолжает:

— Ты мог бы их научить.

Леон кивает. Жоанна рядом с ним молча клюет из своей тарелки.

— Знаешь, Леон, если тебе интересно, ты мог бы приводить их время от времени в мой огород. На час в неделю. Они могли бы поливать растения. И выучить все разновидности.

Леон проявляет искренний энтузиазм.

— Вы думаете, можно?

— У тебя же есть часы для гражданского воспитания?

— Да.

— Ну вот, ты волен выбирать, чему хочешь учить их в эти часы. Не думаю, что директриса сможет что-нибудь возразить. Подумай об этом, ладно?

— Обещаю.

В маленькой гостиной звучит песня Майлза Дэвиса. Жоанна подпевает и отбивает такт носком ноги под столом. Ее отец откинулся в кресле с сытым видом. Подбадриваемый вопросами старика, Леон рассказывает о своем классе, о том, как некоторые ученики не хотят читать, о трудностях, с которыми сталкивается.

— Тебе стоит отводить время для чтения с утра, — советует Жоанна. — Чтобы это ассоциировалось у них с отдыхом и досугом. Читай им историю с утра и дай полежать на полу с игрушками, под пледом. Пусть тихонько просыпаются под историю.

— Ты думаешь?

Старик кивает.

— По-моему, это отличная идея.

И тогда Леон начинает немного робко:

— Глядя на эти слова на ваших стенах... Я подумал... это, может быть, глупо... Они еще малы, но... я мог бы предоставить им большое белое полотно... большое полотно или... или простыню, на которой они могли бы записывать все, что вдохновляет их за день. Свои настроения или... все, что придет им в голову. Это могло бы приобщить их к письму более... более свободно, чем диктант...

При виде кивков и улыбающихся лиц Жоанны и ее отца плечи Леона потихоньку выпрямляются.

Вечером, когда Леон ушел, после того как они с Жоанной поцеловались у ворот домика, Жозеф приходит к ней на кухню. Она моет посуду. Он берет полотенце, встает рядом с ней и вытирает тарелки, которые передает ему дочь.

— Знаешь, Жоанна, я думаю, этот Леон — хороший парень.

— Я тоже так думаю.

Молчание затягивается на несколько секунд.

— Он хочет познакомить меня со своими родителями, — сообщает Жоанна. — Он пригласит меня на ужин у него дома на рождественских каникулах.

Старик молча переваривает новость, ничего не выказывая. Он продолжает вытирать тарелки.

— Значит, ты пойдешь. И будешь держать голову высоко. Ты с достоинством покажешь, что они не должны были шептаться тебе вслед.

— Я всегда так делала, — отвечает она.

— Я знаю. Но иногда мы даем своим чувствам ослабить нас. От любви, от настоящей любви мы всегда должны чувствовать себя выше. А не наоборот.

— Я знаю, папа.

Она не видит, с какой нежностью он на нее смотрит.

— Видишь, ты становишься взрослой. Мне больше нечему тебя учить.

Оба улыбаются не оборачиваясь. Просто сами себе. Улыбка Жоанны исполнена гордости. Улыбка ее отца немного меланхолична.

Андре были вежливы и любезны на протяжении всего ужина. Немного презрительны, но это их глубинная натура. Жоанна шла нехотя. Леон был в восторге, как будто не понимал, что привел к родителям «маленького пащенка» деревни, «шлюхину дочь». Он был очень возбужден и расчесал свои волосы на красивый пробор.

Жоанна почти расслабилась в высоком кресле, лицом к лицу с Андре. Отец целый час говорил об их табачной лавке, и Жоанна делала вид, будто ей это интересно. Она почти спасена. Остался только десерт, и можно будет улизнуть.

— Ну вот, — провозглашает мадам Андре, ставя на стол фруктовый торт.

Жоанна спрашивает себя, замороженный ли это торт или, чтобы оказать честь ей, маленькому пащенку, мадам Андре сама его испекла. Она размышляет об этом, когда слышит вопрос, заданный до жути медовым голосом:

— Ну что, Жоанна, Леон сказал мне, что ты заступила на место отца, когда тебе было всего двадцать лет?

Она вспоминает отца и его советы и пытается держать голову высоко.

— Да. Так и есть.

Мадам Андре изображает улыбку, которой отчаянно недостает естественности, и подвигает к ней ее тарелку.

— А до этого чем ты занималась? Ты ведь не училась, нет?

— Я...

Она откашливается.

— Я сдала выпускные экзамены и сразу после этого начала работать с отцом. Он знал, что уходит на пенсию через два года, и... директриса уже думала, что я его заменю. Так что он сразу начал учить меня ремеслу.

Торт уже подан всем, и вокруг стола слышен только скрежет ложек по тарелкам.

— Ммм, — шелестит мадам Андре. — Как жаль.

Жоанна переспрашивает, пытаясь быть вежливой:

— Жаль?

— Молодая девушка, как ты, ничего другого не знала, кроме деревни... Ты могла бы уехать учиться в город... посмотреть страну...

Мадам Андре заправляет прядь волос за ухо.

— Конечно, твой отец — сторож, у него, наверно, не было средств.

Мать Леона с застывшими от долгих лет укладки волосами смотрит ей в лицо. Жоанна изо всех сил пытается сохранять вежливый тон и, главное, держать плечи прямо.

— Дело не в средствах. Я... Мне было хорошо здесь. Было хорошо в школе. Мне никогда не хотелось жить в городе.

— Ммм, — шелестит она снова, как будто уверена, что все это лишь плетение лжи.

Леон сидит, уставившись в тарелку, как будто боится, как бы его не призвали в свидетели.

— Мы с мужем всегда думали, это наше личное мнение, конечно, что главное для нашего сына — узнать что-то, кроме Сен-Сюльяка. Открыться новому, понимаешь ли. Да и в других местах можно встретить столько интересных людей.

На этот раз Жоанна не может удержаться от скептической мины.

— Я никогда не встречала интересных людей в лицее в Сен-Мало.

Она сопровождает свою фразу пожатием плеч. Молчание за столом становится тягостным. Но мадам Андре не унимается.

— Конечно, ты, наверно, не из тех людей, которые... как бы это сказать... хотят социализироваться.

— Общения в школе мне достаточно. Мы хорошо ладим с учителями и директрисой.

Мадам Андре отпивает глоток воды, не разжимая, однако, губ.

— Да, конечно. Но всякой молодой девушке нужны друзья-ровесники, я полагаю.

Жоанна силится дышать медленно и жевать перепеченный фруктовый торт. Ей надо просто кивать на каждую фразу мадам Андре. Это было бы лучшим способом сократить этот разговор как можно скорее. Но мадам Андре уже продолжает:

— Знаешь, Леону очень понравилась жизнь в Нанте, его годы учебы. В университете он познакомился с множеством интересных людей. Правда, Леон?

Леон неопределенно кивает, по-прежнему уткнувшись в тарелку. Тогда мадам Андре издает ржание, которое, видно, заменяет ей смех, и добавляет:

— Он даже встретил там девушку. Ее звали Эстелла. Кажется, они были вместе почти два года...

— Мама!

Леон стукнул кулаком по столу и выпрямился. Мать делает вид, будто заметила свой промах, и прижимает ладонь ко рту.

— Конечно... Я не хотела быть бестактной, это просто... Просто чтобы подчеркнуть тот факт, что тебе там нравилось.

Она поворачивается к Жоанне и рассыпается в извинениях, столь же медоточивых, сколь и фальшивых:

— Это не имеет к тебе отношения. Я не хотела тебя обидеть. Даже не думала.

Леон вне себя нервно постукивает пальцами по столу, давая понять своим родителям, что хочет поскорее закончить ужин и проводить Жоанну домой. Но мадам Андре, выпив еще глоток воды, продолжает свое выступление:

— Ему очень понравился Нант, это факт. На третьем курсе он уехал на стажировку в Англию. В Лондон он тоже влюбился. Он, кстати, планирует однажды вернуться туда. Ну, понятно, что, как совсем молодой учитель, свежеепеченный дипломник, Леон хотел приобрести опыт в таком месте, где люди... скажем так... менее

требовательны в плане образования... Менее амбициозны. Поэтому он выбрал Сен-Сюльяк.

Лицо Леона заливается краской. Его пальцы застыли на столе. Мадам Андре видит только Жоанну, она уставилась на нее с наслаждением.

— Конечно, он всегда делился с нами, со мной и мужем — и мы так его понимаем! — что не останется здесь, не похоронит себя в этой дыре... Нет, он дает себе два года. Максимум три. Потом он будет искать работу в Сен-Мало или в Нанте. Подумывал он и о переезде в Лондон. Это прекрасные планы. Леон всегда был амбициозен. Правда, дорогой?

Жоанна старается оставаться невозмутимой, и бровью не ведет. Она не смотрит на Леона, не хочет вопрошать его взглядом. Нет, она не доставит такого удовольствия этой ведьме. Она предпочитает кивать.

— Да. Это прекрасные планы.

Леон пытается нагнать Жоанну в ночи. Она идет быстрым шагом по мощеной улочке.

— Постой! Я провожу тебя! Жоанна!

Она наконец замедляет шаг, чтобы он смог поравняться с ней. Однако отвечает спокойно:

— Я могу дойти сама.

— Лучше я тебя провожу.

— Мне хочется пройтись одной.

Он понемногу переводит дыхание, пытаясь не отстать от нее.

— Я должен извиниться за мою мать... Она всегда такая.

— Какая — такая?

— Неприятная.

Жоанна пожимает плечами. Ее лицо остается невозмутимым, и это смущает Леона.

— Она не должна была говорить об Эстелле.

— Мне это безразлично.

Он всматривается в нее, допытываясь, правда ли это. Действительно, по виду ей совершенно неинтересна эта история с Эстеллой. Однако она продолжает идти очень быстро, высоко подняв голову, не достаивая его взглядом.

— Тебе не нравятся эти разговоры про переезд в Лондон?

Он не смеет посмотреть ей в лицо. И немного побаивается ее ответа.

— Нет. Мне не это не нравится. Мне вообще все нравится, кроме того, что из-за меня ты теряешь время.

— *Что?*

Он хватается ее за руку и заставляет остановиться.

— Почему ты говоришь такое?

Она смотрит на него таким спокойным и безмятежным взглядом, что выглядит на десять лет старше.

— Я никогда не считала, что живу в дыре. Я люблю эту деревню и не считаю школу, в которой работаю, заведением для детей без амбиций.

— Это... Я не...

— Я никогда не уеду из Сен-Сюльяка. Я люблю здесь каждый уголок. И я никогда не оставлю отца.

Леон что-то бормочет, мотает головой. Жоанна остается совершенно спокойной и полностью владеет собой.

— Я не хочу, чтобы ты терял время и *хоронил* себя здесь. Твоя мать права, у тебя прекрасные планы. Не надо их нарушать, оставаясь не с тем человеком. Люди живут в паре, чтобы возвышаться, а не коснеть.

Она останавливается на полсекунды, только чтобы перевести дыхание.

— Твоя мать была очень неприятной, это правда. Но она права. Мы не созданы друг для друга.

Она быстро идет дальше. Леон реагирует через секунду, а она уже далеко.

— Постой! Жоанна!

Он бежит за ней, снова пытается схватить ее за руку, но она его отталкивает.

— Ты же знаешь, что это неправда! Ты знаешь, что это не мои слова! Это их слова! Я не хотел возвращаться сюда, это правда. Я потерял связь со всеми друзьями детства. Боялся здесь заскучать. Но я никогда не считал, что Сен-Сюльяк — дыра или... или что здесь себя хоронят!

Жоанна продолжает идти быстрым шагом, не глядя на него.

— И потом, это было до встречи с тобой.

Она идет все быстрее. Леон почти бежит, чтобы не отставать от нее.

— Это слова, которые они хотели от меня услышать! По правде сказать, я всегда их разочаровывал. Они выпихнули меня в Нант после лица. Я боялся оказаться один в большом городе. А эта стажировка в Англии — они мне ее просто навязали! Я не тот амбициозный сын, которого они хотели. Они хотели видеть меня адвокатом. А я — я хотел быть учителем. Не адвокатом. Впервые я воспротивился им. Они мне до сих пор этого не простили.

Он прерывается на несколько секунд, чтобы перевести дыхание. Жоанна немного замедлила шаг, и он, обнадеженный, продолжает:

— Я не очень хотел возвращаться к родителям в Сен-Сюльяк, это правда... Но это было до того, как я встретил тебя, до того, как твой отец показал мне часовню, потеки лавы, до того, как он рассказал мне о людях, ушедших на путину... Я никогда не знал, за что любить Сен-Сюльяк.

Жоанна идет теперь совсем медленно. Она поворачивается к Леону, и вид у нее немного грустный.

— Это правда?

Леон совсем запыхался. Он кивает.

— Да, правда. Я обожаю Сен-Сюльяк с тех пор, как знаю тебя. Я обожаю обедать у твоего отца и открывать все разновидности овощей, говорить о моих уроках на огороде, которые потихоньку устанавливаются, о стихах, которые я читаю моим ученикам... Никто у меня дома не интересуется моей работой. Она для них только ярлык, метка правильного места в обществе. Но я люблю то, что делаю, люблю школу, учеников и больше всего люблю ваш домик во дворе. Мне нравится знать, что ты там рано утром готовишься открыть ворота. Видеть, как ты появляешься ровно в восемь тридцать с этой связкой ключей, которая больше твоих рук. Мне нравится, как ты ходишь, здороваешься с детьми, поливаешь растения. Нравится, что я чувствую, когда ты на меня смотришь. Я чувствую себя сильнее, больше. Мне кажется, я что-то значу. Я никогда не встречал таких девушек, как ты, в Нанте. Я больше не хочу уезжать от тебя. Если нужно остаться в Сен-Сюльяке, я останусь в Сен-Сюльяке.

Она, кажется, тронута его словами, но держит дистанцию, как будто оценивает его, как будто ищет искренности в его глазах.

— Что я могу сделать, чтобы ты мне поверила? — уныло спрашивает наконец Леон. — Что я могу дать тебе в доказательство?

Глаза у Жоанны слегка блестят. Она раздумывает несколько секунд, подкидывая ногой камешек. Наконец она говорит, подняв к нему лицо:

— Если тебе так нравится наш маленький домик, ты можешь прийти и жить в нем.

Она, кажется, не замечает оторопи на лице Леона, его внезапной бледности.

— Папа собирался расширить мою комнату и пристроить маленькую веранду, которая будет выходить на огород... Чтобы у меня был отдельный вход... Если ты придешь жить с нами, мы сможем оборудовать наше личное пространство. Ломать стены для меня не проблема. И потом, я имею представление, как заложить фундамент веранды.

Она осекается, только сейчас увидев ошеломленный вид Леона, его приоткрытый рот, лихорадочно моргающие глаза.

— Что? — спрашивает она. — В чем дело?

Леон мотает головой. Он как будто получил жестокий удар по черепу.

— Ты... Ты не можешь этого сделать, — с трудом выговаривает он.

Жоанна не понимает. Она хмурит брови.

— Чего я не могу сделать?

— Я спросил тебя, что я могу тебе дать, чтобы доказать мою искренность...

— Я знаю...

— А даешь мне ты...

Он, кажется, не может этого понять, даже сейчас.

— Ты делаешь мне подарок, предлагая жить с тобой! С твоим отцом и с тобой!

Она кивает, и легкая улыбка растягивает уголки ее губ.

— Знаешь, принять — это жест великодушия... Может быть, даже больше, чем дать.

Леон смотрит на нее непонимающими глазами.

— Ты знаешь Пауло Коэльо?

Леон слегка кивает.

— Да... Да, я читал его книги. Читал «Алхимика» и... и «Бриду».
Улыбка Жоанны дрогнула, стала смутной, а непонимание Леона растет.

— В одной из своих книг он говорит о том, что значит дать и принять. И я с ним вполне согласна.

— А?..

— Он пишет, что принять — это акт великодушия. Принимая, ты позволяешь ближнему сделать тебя счастливым... и в свою очередь делаешь счастливым его.

Она улыбается ему спокойно и безмятежно, и несколько секунд он не может обрести дар речи.

— Значит... Значит, подарок, который ты от меня хочешь... чтобы доказать тебе мою искренность, это... Это принять подарок от тебя...

Хрустальный смех вырывается из горла Жоанны.

— Для меня это все не так сложно. Я просто подумала, что буду счастлива, если ты придешь жить со мной.

Леон теряется от ее непосредственности и простоты. Его рот не знает, хочет ли он остаться открытым или закрытым, говорить или молчать. Он заикается, не в силах произнести ни слова. Жоанна вдруг выглядит встревоженной. Она хмурит брови, хочет что-то сказать, но Леон не дает ей времени. Слова потоком срываются с его губ, слова-восклицания, слова на высоких нотах, почти крик:

— Да! Я согласен! Я приду! Я хочу жить с тобой!

Это один из самых прекрасных поцелуев, которым они обменялись в тот вечер, на улочке Сен-Сюльяка, освещенной рождественскими гирляндами.

Уже неделя, как Эмиль и Жоанна приехали в деревню Аас и поселились в усадьбе Ипполита. Усадьба — огромное каменное строение. Оно медленно восстанавливается в ритме прихода волонтеров, которых гораздо меньше зимой. У Ипполита мало средств, но медлительность работ, похоже, его не смущает. Это мужчина лет шестидесяти, совершенно лысый, с белой козлиной бородкой в форме капли. Ипполит — бывший пастух. От его стада осталось только три барана, очень старых, и его верный пес Мистик. Пастушья хижина, в которой жил Ипполит, до сих пор цела, и там, в сотне метров от усадьбы, Ипполит ночует.

Волонтеры — их четверо в этом снежном ноябре — живут в маленькой пристройке к усадьбе, в которой четыре двухместных спальни, тесные и с рудиментарными удобствами, но очень теплые благодаря каминам, и общая кухня, которая полнится голосами и смехом вечерами за ужином. Ванная комната в конце коридора состоит всего лишь из душевой кабины и умывальника. Никто не жалуется. Обстановка дружелюбная. Ипполит готовит сытные и полные местных вкусов блюда. Эмиль уже познакомился с молодым немцем по имени Ванс, приехавшим сюда совершенствовать свой французский, и со вторым волонтером, Альбеном, разведенным отцом семейства, желающим отгородиться на некоторое время от мира.

Жоанна несколько раз слышала их разговоры на кухне. Так она запомнила их имена и почему они здесь. Сама она ни разу не покидала спальню с тех пор, как они приехали сюда. Эмиль приносит ей еду утром, днем и вечером. Несколько раз в день заходит справиться о ее здоровье. У нее еще держится высокая температура, особенно по ночам, и целыми днями она стучит зубами. На днях они говорили о ней за ужином. Немец спросил со своим густым акцентом:

— Твой подруга никогда не выходит из своей комнаты?

И Эмиль объяснил, что она больна, что он ее лечит и скоро поставит на ноги. Целыми днями она кутается в шаль и смотрит в окно на заснеженные пастбища. Красивое зрелище. Не будь она так слаба, пошла бы прогуляться по снегу.

Она слышит голоса, хлопанье дверей, по этим признакам определяет, который час, и знает, что жизнь снаружи продолжается...

Сегодня утром она достала чистый холст и палитру. Засунув кисточку за ухо, уселась на подоконник в их маленькой комнатушке. Она сосредоточена на пейзаже. Она хочет написать луга, занесенные снегом, овечек, маленькую деревянную ограду, окружающую усадьбу. Хочет написать Пока, который время от времени пробегает по пастбищу, оставляя в снегу маленькие следы.

— О! Ты рисуешь! — восклицает Эмиль, входя в комнату с подносом в руках в час обеда.

Он явно счастлив это видеть. Он улыбается. Ставит обед на кровать и присаживается к ней на подоконник.

— Что ты рисуешь?

Он внимательно рассматривает ее картину.

— Она еще не закончена.

— Тогда я зайду посмотрю попозже.

Жоанна кивает. Она знает, что у него мало времени на обед, что сейчас он должен приготовить еду себе, перекусить в обществе двух других волонтеров и вернуться на стройку. Они работают по максимуму в часы, когда температура выше нуля, и прекращают в пять-шесть часов. Вообще-то у них нет четкого расписания, просто так получается.

— Я побежал. Выпей обязательно отвар ромашки... от жара.

Он встает, отодвигает прилипшие к ее влажному лбу пряди волос и запечатлевает на нем поцелуй. Он делает это естественно, не думая. Она смотрит ему вслед, когда он пересекает комнату и закрывает за собой дверь.

— До скорого.

Но он ее не слышит, его уже нет.

—

Леон стоит посреди фундамента веранды в рабочей спецовке, дырявой и перепачканной цементом. Он гордо озирается. Жоанна видит, как заблестели его глаза с тех пор, как он поселился у них. Он

напевает по утрам в ванной, все время улыбается и постоянно целует ее, даже при отце.

— Здесь так хорошо. Я так рад, что я здесь, — без конца повторяет он, щуря глаза, словно чтобы убедиться в реальности того, что видит.

Наступает весна. Они начали работы по расширению комнаты Жоанны довольно поздно. Зима была суровой, а потом у отца Жоанны случился сердечный приступ. Врач сказал, что ему нужен покой, и Жоанна предпочла заботиться о нем и следить, чтобы он отдыхал, а не начинать работы. Леон переехал в конце декабря, под Новый год. Жоанна знает, что родители очень на него сердиты. Они с ним больше не видятся. Они не смогли смириться с тем, что считают предательством.

Жоанна однажды встретила мадам Андре в центре деревни, когда вышла купить яиц, и та бросила на нее ледяной взгляд, не ответив на приветствие.

— Смотри! — кричит Леон, по-прежнему стоя посреди фундамента. — Смотри, что мы сделали!

Он, кажется, не верит своим глазам.

— Только вдвоем, без чьей-либо помощи!

Она улыбается и подходит к нему в центре будущей веранды. На ней джинсовый комбинезон, тоже весь в пятнах, волосы склоты на макушке отверткой, которую она нашла в ящике с инструментами. Леон обнимает ее и начинает целовать за ухом. Она, смеясь, уворачивается и пытается вырваться.

— Кто тебя научил все это делать? — спрашивает Леон, продолжая ее целовать.

— Мой отец.

Он резко отстраняется и мерит ее взглядом сверху вниз.

— Что? — смущенно спрашивает она.

— Есть хоть что-нибудь, чего ты не умеешь?

Задумавшись, она поджигает губы.

— Я ничего не понимаю в водопроводах, уж не говоря об электричестве.

Это смешит Леона.

— Ладно... Думаю, как-нибудь справимся.

— Папа разбирается в водопроводных работах.

— Но Жозефу запрещено малейшее физическое усилие. Ты не забыла?

Ей странно слышать, как Леон называет ее отца по имени. Для нее он всегда был только «папа». А в школе все зовут его «месье Тронье».

— Ладно, — говорит она, разглаживая комбинезон. — Уберем здесь все и пойдем ужинать?

— Хорошо.

Она нагибается, собирая мастерки и лопатки. Но поднимает голову, потому что Леон не двинулся с места. Он так и стоит посередине. Растерянным взглядом он обводит фундамент, маленький огород. Как будто размышляет о чем-то.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Жоанна, по-прежнему стоя на коленях среди разбросанных инструментов.

Леон резко выныривает из своих мыслей. Он даже вздрогнул.

— Это глупо, но...

Она тихонько встает и подбадривает его взглядом.

— Я подумал... Позже мы могли бы перестроить эту веранду.

Глаза Жоанны округляются.

— Перестроить?

— Сделать из нее комнату.

— У папы есть своя комната. Она его устраивает. Нашу мы расширили.

Леон качает головой.

— Нет. Не для нас, Жо!

— Ты же знаешь, у нас с папой никто никогда не бывает. Не вижу смысла делать гостевую комнату. Разве что ты думаешь при случае принимать друзей из Нанта...

Но он снова качает головой.

— Посмотри, какой вид на огород. Весной все расцветет. Это будет превосходная детская.

От удивления она не может ничего сказать. Леон всматривается в нее. Она повторяет:

— Детская?

Леон кивает. Он снова сияет улыбкой.

— Да. Я хочу ребенка с тобой. И хочу растить его в этом доме.

Она не в состоянии произнести ни слова и даже не шевелится. Так и стоит с приоткрытым ртом в своем великоватом комбинезоне.

— Мы превратим веранду в детскую. Она будет светлой. И потом, мы будем совсем рядом. Всегда сможем присмотреть за ним.

Она все так же ошеломлена, но потихоньку начинает улыбаться.

— Он даже сможет смотреть, как Жозеф огородничает.

Она с улыбкой качает головой:

— Папе больше нельзя огородничать.

— И ты думаешь, он послушает врачей?

Оба смеются, отлично зная, что нет.

— Он будет огородничать и поведет его в бухту Сен-Сюльяк, чтобы научить пускать «блинчики».

Жоанна корчит гримаску.

— Почему ты говоришь *он*? Может быть, это будет девочка.

Задумавшись, Леон пожимает плечами.

— Я все равно буду счастлив. А что? Ты хочешь девочку?

Она решительно качает головой.

— Нет.

— Нет?

— Нет, — повторяет она, скрестив руки на груди. — Это будет мальчик.

— Почему?

— Потому что я этого хочу. Маленького *тебя*.

Они смотрят друг на друга с бесконечной нежностью, стоя посреди фундамента. Леону хочется поцеловать ее, но он не двигается. Он знает: то, что говорят их глаза, устремленные друг на друга, сильнее всякого поцелуя.

— Жоанна! Жоанна, ты спишь?

Ей требуется несколько секунд, чтобы вспомнить, где она находится и что здесь делает. Прошел целый день. Эмиль вернулся со стройки, и они сыграли партию в скрабл в комнате. Пок тоже был с ними. Ужин прошел, но она ничего не ела и легла спать. Ей было холодно, так холодно. Она обливалась по' том. Поднос с ужином так и стоит на подоконнике. Она уснула, слыша смех в кухне. Эмиль играл в карты с двумя волонтерами. Они открыли бутылку вина.

— Жоанна, — повторяет Эмиль ей на ухо.

Она понятия не имеет, который час, но пристройка кажется пустой. Двое других, должно быть, спят. Наверно, уже полночь. Или

час ночи. Она с трудом садится, вся еще мокрая от пота. Она намочила все простыни. Эмиль говорит, это ненормально, что температура не падает. Уже почти десять дней. Она-то знает, что это не обычный жар, что во всем этом нет ничего физического.

— Что случилось?

Она слышит собственный голос, и он кажется ей слабеньким, как будто она запыхалась.

— Ничего страшного, — шепчет Эмиль. — Идем, посмотришь.

Он просовывает руку ей под спину, другую под мышку, чтобы ее поддержать, и помогает встать с постели.

— Куда мы идем? — спрашивает она, опираясь на него.

— Никуда, Жоанна. Просто к окну.

Она чувствует себя снова маленькой девочкой. Он поднял ее на руки. Она видит свои свисающие ноги в толстых шерстяных носках и чувствует, как мотается ее голова у плеча Эмиля. Она видит себя восьмилетнюю. Однажды зимним вечером. Она была больна. Она уснула у камина, и отец точно так же нес ее в комнату. Больше двадцати лет прошло, но ощущения те же, что и тогда. То же чувство безопасности и ласковое тепло.

— Смотри...

Он ставит ее у окна, и она цепляется за подоконник, чтобы не упасть. Эмиль стоит за ее спиной.

— Смотри, — повторяет он. — Смотри, как красиво. Ты можешь написать такую картину.

Ее глаза постепенно начинают видеть пейзаж за окном их комнаты, бескрайнюю белизну, холмы, полную луну, этот идеальный круг, освещающий все мерцающим и почти нереальным светом. Звезды, крошечные и бесконечные, проступают на черном небе, скромные, пасующие перед светом луны. Медленным движением Жоанна кладет руку на стекло.

Как прекрасен этот полный покой. Этот снег, заглушающий малейшие шумы. Эта луна, спокойно глядящая на пейзаж. Это прохладное стекло под ее горячей ладонью. Она стоит так долгие секунды, замороженная зрелищем. Она могла бы это написать, правда... Но как найти краски, чтобы изобразить на картине этот особенный свет? Стекло запотеваает от ее дыхания, она вытирает его,

прижимается к нему носом. Она почти чувствует запах снега. Его такое особенное прикосновение.

— Небо расчистилось, когда я собирался спать.

От голоса Эмиля она вздрагивает. Она почти забыла, что он здесь, за ее спиной.

— Ты хочешь выйти?

Она оборачивается и смотрит на него совершенно потерянными глазами.

— Хочешь пройтись по снегу?

Она стоит, онемевшая и бессильная, как маленькая девочка, которая мечтала выйти побегать по снегу, но вдруг чего-то испугалась. Он добавляет ласково:

— Все спят. Даже Ипполит. Здесь только мы. Только ты и я.

И тогда она кивает, едва заметным движением головы, как ребенок. А Эмиль снова убирает прилипшую к ее лбу прядь волос.

— Хорошо, — говорит он. — Идем-ка... Закутаем тебя.

Она надела брюки и свитер, медленно, не заботясь о присутствии Эмиля. Впервые он видел ее в нижнем белье. Впервые видел ее тело. Живот. Спину. Поясницу. Бедра. Начало груди. Он разглядел ее кожу, казавшуюся такой белой в свете лунных лучей. Увидел татуировку. Дерево жизни, очень тонкое, взбирающееся по позвоночнику и заканчивающееся на шее. Он никогда о ней не догадывался. Не догадывался и о том, что такое тело скрывается под широкой одеждой. Она всегда казалась ему такой худенькой и хрупкой. Он думал, она тщедушна. Но этой ночью он обнаружил другое тело, тонкое, крепкое и сильное, гибкое, но несокрушимое. И это очень его взволновало. Он подумал, что оно отражает ее человеческую суть. И не отвел взгляда и продолжал смотреть на нее, даже когда она подняла на него глаза. Они не сказали ни слова, только смотрели друг на друга. Молчание затянулось, потом она продолжила все так же молча одеваться.

Они тихонько вышли на улицу. Жоанна ухватила за руку Эмиля. Она больше не дрожит. Глаза ее с восхищением окидывают пейзаж. Он был прав. Они вдвоем в полнейшей тишине гор, вдвоем посреди белой безбрежности.

Они идут бесконечно медленно, оставляя следы на свежем снегу. Идут с чувством, что они не более реальны, чем пейзаж, всего лишь

два миража.

Они вернулись в свою тихую комнату, в тепло. Из окна Эмиль еще видит двух белых ангелов в снегу. Это следы, которые они оставили, упав на землю. Жоанна сидит на кровати и снова дрожит. Она вся трясется, кутаясь в свою черную шаль. Эмиль слезает с подоконника и опускается перед ней на колени.

— Как ты?

Ее маленькая головка вздрагивает. Зубы стучат.

Он берет ее за руки, приподнимает голову за подбородок.

— Жоанна...

Он чувствует ее горячее дыхание, когда она шепчет, все так же стуча зубами:

— Мне холодно. Мне так холодно.

Она так и не сняла уличную одежду. Шея по-прежнему замотана шарфом, и шаль окутывает ее. Губы у нее ледяные. Он не может отвести глаз от ее губ, ставших лиловыми. Он ловит ее взгляд, их глаза встречаются. Догадалась ли она, что он хочет ее поцеловать?

— Так давно.

Она прошептала это так тихо, что он не уверен, верно ли понял.

— Что?

Она смотрит ему в глаза, и ее маленькое личико содрогается.

— Целую вечность никто меня не трогал...

Его сердце пропускает удар. Он пытается скрыть отчаянное биение в груди. У нее опять эта чертова температура. Она, наверно, бредит. Он тихонько проводит рукой по ее лбу и шепчет:

— Все будет хорошо, Жоанна. У тебя немного поднялась температура. Я подброшу дров в камин, хорошо?

Ее губы дрожат, сталкиваясь. Господи, почему ей так холодно? Снова звучит слабый, дрожащий голосок Жоанны:

— Уже почти два года...

Он крепче сжимает ее руки в своих и растирает их.

Дрожащий голосок продолжает, на выдохе, едва слышный:

— Мне холодно... Мне так холодно...

— Я знаю, Жоанна.

Слеза стекает по ее щеке, и он почти удивлен, что она не превратилась тут же в льдинку.

— Я даже не знаю, помню ли...

Он проводит рукой по ее пылающему лбу, утирает слезу.

— Что, Жоанна?

— Как это...

— Как это?

— Заниматься любовью.

Эмиль не знает, что сказать. Он продолжает растирать ее руки.

Он хотел бы обхватить руками ее всю, но не знает, можно ли.

— Конечно помнишь, Жоанна. Это не забывается.

Новая слеза стекает по ее щеке. Он утирает ее и прижимается лбом к пылающему лбу Жоанны, чтобы успокоить ее.

— Я уверен, что ты делала это замечательно, — шепчет он. — И я... Я уверен, что ты не забыла.

Зубы стучат. Горячее дыхание Жоанны смешивается с его дыханием. Слеза падает на руку Эмиля.

— Эмиль, — шепчет она.

— Да...

— Я хочу, чтобы ты это сделал.

Он не уверен, что понял. Что-то колотится в груди. Он не хочет шевелиться. Лучше оставаться так, прижавшись лбом ко лбу Жоанны. Он не хочет, чтобы они смотрели друг на друга. Не сейчас.

— Чтобы я это сделал? — повторяет он.

Дыхание Жоанны умирает на его губах.

— Да. Занялся со мной любовью.

Несколько секунд он сидит неподвижно, по-прежнему прижимаясь лбом к ее лбу.

— Я...

Ему трудно найти слова. Жоанна и бровью не ведет. Она не шевелится. Ждет.

— Я...

Он вспоминает давешнее гибкое и крепкое тело. Татуировку — дерево жизни. Кожу, сияющую красивым приглушенно-белым светом. Взгляд, который она бросила на него. Она знала, что он ее рассматривал. Чувствовала его глаза на своей коже. Может быть, она поняла, что он нашел ее тело красивым и волнующим. Может быть, поняла, что она желанна...

Он поднимает голову. Ее щеки залиты слезами. Губы дрожат. Если бы он мог, сказал бы ей снова *я полюбил тебя*, но он не может. Слова застряли в горле. Все, кроме вырвавшегося гортанного звука:

— Хорошо.

Он тихонько ложится на кровать. Снимает с нее шаль и откладывает в сторону. Прижимается к ней, пытаюсь обнять все ее тело, чтобы унять дрожь. Голова Жоанны медленно клонится к его голове. Ее губы горячи, когда касаются его губ. Их дыхание часто, лихорадочно. Он теперь тоже дрожит. Дрожит от нетерпения, от волнения, от неотложного желания жить. Она шепчет, прижавшись губами к его губам:

— Мне так холодно.

И он обнимает ее еще крепче, окутывает ее всю. Он стирает поцелуями ее слезы, пытается сдержать ее дрожь руками и хочет, чтобы они были вдвое шире.

— Ты смотрел на меня давеча, — шепчет она между поцелуями.

— Да.

Они продолжают целоваться, как будто хотят вдохнуть друг друга. Эмилю думается, какое безумие, что этого не произошло раньше. Что они ждали так долго.

— Что ты подумал? — шепчет она.

— Что...

— Когда увидел меня.

Он наваливается на нее. Он не боится ее сломать. Уже не боится.

— Я подумал, что у тебя несокрушимый вид.

Новые слезы катятся из глаз Жоанны, но он не дает им высохнуть на ее щеках. Он их слизывает.

— Иди, — шепчет Жоанна.

— Что?

— Иди ко мне.

— Да... Я иду, Жоанна.

— Нет... Сейчас.

Ее взгляд становится серьезным.

— Сейчас, — жестко повторяет она. — Мне так холодно.

— *И все это происходит, когда ты ешь?*

Жоанна кивает. Он угадывает в темноте, что она тоже улыбается.

— Да. Все это происходит, когда ты ешь. Но и когда дышишь, когда ходишь, когда занимаешься любовью... Надо только быть внимательным.

— Покажи мне, хорошо? — прошептал он, когда вошел в нее.

Она больше не дрожала. Ее губы порозовели и слегка припухли. Щеки стали красными. Она спросила:

— Что?

— Покажи мне, как по-настоящему заниматься любовью. Как с тортом. Как с тортом в Эусе.

Тогда она положила руки ему на грудь. Он был над ней. И она сказала ему:

— Остановись.

Он замер над ней, над ее розовым лицом, над ее тонкими плечами, и она сказала:

— Почувствуй, что происходит. Почувствуй, что происходит, когда мы так связаны.

Она закрыла глаза, и он тоже. Он подумал, что никогда не делал этого — паузы посреди любви. Никогда не давал себе времени осознать свое тело, другое тело, интимный акт, который они делили. Он никогда не давал себе времени ощутить симбиоз между телами, движение энергий, взаимодополняемость половых органов, почти универсальный язык любви.

Они продолжили заниматься любовью, сами того не сознавая, сами того не желая, как будто их тела снова взяли власть. Как будто нечто более сильное, нечто большее вселилось в них теперь. Они дали увлечь себя в этот телесный танец, регулярно останавливаясь, чтобы послушать свои дыхания, отвечавшие друг другу, и почувствовать свои трепещущие жилы. Они остановились, и в полнейшей неподвижности Эмиль увидел, как Жоанна капитулировала, сложила оружие и отдалась экстазу, который показался ему всемогущим и почти испугал его. Он старался держать глаза открытыми, чтобы запомнить каждую черточку ее лица, ее приоткрытый рот, веки, трепещущие, как крылья бабочки. Он старался не отрываться от ее лица, но экстаз унес и его, как огромная волна, как высшая сила. Он рухнул на нее. Он понял, что

она это сделала. Что она показала ему. Он понял, что она руководила им, как с тортом. Как со всем остальным.

Долгие секунды он лежал на ней, не в состоянии ничего сказать. Она первая прошептала, на выдохе, едва уловимо:

— Мне больше не холодно.

Теперь она уснула, а Эмилию спать не хочется. Опершись на подушки, он смотрит на падающий за окном снег и на картину Жоанны, поставленную на подоконник. Смотрит на тень Пока, свернувшегося на ковре. Пытаясь двигаться как можно меньше, он дотягивается до маленького черного блокнота, лежащего на ночном столике.

Полная луна достаточно освещает комнату, чтобы он мог нацарапать несколько строк. Он понятия не имеет ни о дате, ни о времени. Но ему плевать.

Ноябрьской ночью в горах, под снегом. Полная луна.

«Надо идти в темноте, чтобы увидеть свет». (Дени Лапуэнт)

Жоанне, спящей рядом со мной. Той, что в конечном счете показала мне свет.

— Куда ты?

Он только что открыл глаза. Дневной свет ослепил его, и пришлось поморгать, чтобы стабилизировать картинку. Но ему не приснилось. Жоанна на ногах, полностью одетая, с обмотанным вокруг шеи шарфом.

— О, — говорит она, поворачиваясь к нему. — Я подумала... Я хочу пойти помочь сегодня на стройке.

У него не уместается в голове то, что произошло между ними этой ночью. Грудь еще согревает странное тепло.

— Ты уверена?

Она кивает. Взгляд у нее решительный, лицо невозмутимо.

— У меня больше нет жара.

— Дай-ка посмотрю.

Она закатывает глаза, подходя к кровати. Он кладет руку ей на лоб.

— Ладно... хорошо.

Он должен признать себя побежденным. Жара больше нет. И выглядит она лучше. Он с облегчением видит ее такой.

— Ты приготовишь завтрак? Я приму душ и приду.

— Хорошо.

Странно видеть Жоанну на кухне, между Альбенем и Вансом. Они смотрят на нее, заинтригованные, никто не говорит ни слова.

— Я вижу, вы уже познакомились с Жоанной, — Эмиль входит в их маленькую кухоньку, вытирая полотенцем волосы.

Оба парня кивают. Они явно смущены, что к ним затесалась девушка.

— Она будет работать с нами сегодня.

Сама она молчит, закутанная в свой шарф. Ждет перед двумя приготовленными кружками. Эмиль садится рядом с ней. Она показывает ему на горячий кофе, свежий хлеб и масло, которые каждое утро на рассвете приносит Ипполит.

— Ты уже занималась строительными работами? — спрашивает ее Эмиль, откусив кусок хлеба.

Она загадочно улыбается. И кивает:

— Да.

—

У нее болят колени: она целыми днями ползала, мостя плиткой эту чертову веранду. Леон тоже вымотан. В Сен-Сюльяк пришло лето, и солнце печет сквозь стекла веранды. Они обливаются потом.

— Ледяного настоя? — спрашивает Жозеф, просунув голову в приоткрытую стеклянную дверь.

Он стоит в огороде среди помидорной рассады.

— Папа! — вздыхает Жоанна и, морщась, встает. — Тебе нельзя быть на улице в такую жару.

— Я и так не имею права вам помочь. Что ж мне, сидеть одному взаперти, в темноте?

У него раздраженный вид. Он очень плохо переносит предписанный врачом отдых. Но Жоанна не дает слабины. В прошлом месяце у него опять был сердечный приступ.

— Иди посиди в тени, папа. Я сама принесу тебе ледяного настоя.

Жозеф ворчит, но выпрямляется, отряхивая испачканные землей руки. Второй сердечный приступ был куда серьезнее первого. Он упал прямо в огороде. Нашла его Жоанна. Врачи обследовали его более тщательно — и был вынесен диагноз, как приговор. Сердечная недостаточность. Ему прописали четыре вида таблеток, которые он должен принимать после каждой еды. Порекомендовали избегать солнца, ходить каждый день, но не до одышки. Жоанна приподнимает его подушки каждый вечер, когда он ложится спать. Врачи сказали, что это облегчает дыхание.

— Тебе нужна помощь? — спрашивает Леон, когда она возвращается в кухню.

— Нет, все в порядке.

Она достает из холодильника питье, которое отец настаивал всю ночь. Свежая мята с огорода с капелькой меда. Она выходит к нему, сидящему в прохладной гостиной.

— Ну вот.

У него еще напряженный вид, когда он с жадностью выпивает настой. Оба вздрагивают от звонка телефона в прихожей.

— Я подойду! — говорит Жоанна.

Она удивлена, услышав голос в трубке. Женский голос, надменный, чуть резковатый.

— Здравствуйте, это мадам Андре. Могу я поговорить с моим сыном, пожалуйста?

Жоанна на несколько секунд теряет дар речи. Уже семь месяцев, как Леон переехал сюда и не поддерживает никакой связи со своими родителями.

— Алло? — нетерпеливо переспрашивает мадам Андре.

— Да, я... Я сейчас его позову.

— Я жду.

Жоанне кажется, что она идет с тяжелым грузом в груди. Что случилось? Она надеется, что этот звонок не несет в себе дурных новостей...

Леон стоит, склонившись над плиткой, и, пыхтя, утирает лоб, когда она входит на веранду. Она показывает ему трубку, которую держит в руке, и бормочет:

— Твоя мать.

Он удивлен не меньше ее. Она передает ему трубку и молча ретируется.

Леон выходит к Жоанне и Жозефу в гостиную через несколько минут. Они сидят за стаканами ледяного настоя и с тревогой смотрят на него.

— Все хорошо? Ничего страшного?

Леон выглядит озадаченным и слегка потрясенным.

— Нет. Ничего страшного... Кажется, они просто хотят восстановить отношения.

Жоанна улыбается ему с облегчением и берет его руку в свои.

— Это хорошо. Разве нет?

Он кивает, но лицо у него несчастное.

— Они приглашают меня на ужин завтра вечером.

Жозеф спрашивает как ни в чем не бывало:

— Одного?

Отчего лицо Леона начинает нервно подергиваться.

— Да, — смущенно признается он.

— Это хорошо, — говорит Жоанна. — Это хорошая новость.

Леон слабо улыбается.

— Да, — соглашается он наконец. — Думаю, да.

Вечером в постели Жоанна прижимается к нему. Чувствуя, что он еще взволнован, она шепчет ему на ухо:

— Знаешь, ты мог бы предложить им прийти поужинать к нам как-нибудь вечером...

Он резко поворачивается к ней, ошарашенный.

— Ты серьезно?

— Пора уже закопать топор войны, ты не думаешь?

Удивление слишком сильно, Леон не может ничего сказать.

— Если мы с папой не сделаем первый шаг, они никогда его не сделают, правда?

Руки Леона обнимают ее, его губы прижимаются к самому ее уху. Он шепчет:

— Я люблю тебя, ты знаешь?

— Да.

— Я скажу им. Обещаю.

Они занимаются любовью в этот вечер с еще большей страстью, чем обычно. Они еще не догадываются, что в понедельник вечером Леон придет сконфуженный и сообщит едва слышным голосом:

— Они отклонили приглашение.

Не догадываются они и о том, что он будет продолжать ужинать у родителей каждую неделю, несмотря на отказ, оставляя Жоанну, которой все горше и горше в их семейном домике.

— Мы закончили каркас на прошлой неделе, — говорит Альбен Жоанне, когда они идут на стройку по колено в снегу. — Теперь приступаем к окнам и дверям. Как тебе?

Альбен явно болтлив. В то время как Эмиль и Ванс молча приступают к работе, Альбен начинает рассказывать Жоанне свою жизнь:

— Я столяр по профессии, знаешь? Занимался этим пятнадцать лет. Я долго жил в Пиренеях. Люблю этот край. Потом пришлось переехать, потому что мою жену перевели. Мы поселились в Тулузе. Вернуться сюда — как будто вернуться в прошлое, понимаешь?

Жоанна слушает его вполуха. Она только держит лестницу, на которую взобрался Альбен, удерживает ее на месте, пока он сверлит стену дрелью. Когда оглушительный шум дрели умолкает, Альбен продолжает болтать:

— Потом, когда закончим делать отверстия, займемся опорами. Это сейчас делают Эмиль и Ванс, там...

Обеденный перерыв наступает быстрее, чем она ожидала. После обеда Эмиль спасает ее, уведя заканчивать опоры, которыми он занимался утром. Болтовню Альбена приходится выносить Вансу, и Жоанна этим вполне довольна.

— Ну, как тебе первый день? — спрашивает Эмиль, когда она выходит вечером из-под горячего душа.

— Хорошо снова подвигаться.

Он улыбается ей.

— Я, кажется, тебе не говорил... Сегодня Ванс здесь последний день. Он уезжает в Германию готовиться к дню Святого Николая с семьей. Здесь, в усадьбе, есть такая традиция. Каждый раз, когда кто-то из волонтеров уезжает, они устраивают маленький праздничный ужин с Ипполитом. Это сегодня.

Она кивает.

— Конечно, если ты очень устала...

— Нет. Все хорошо. Я приду.

— А, и последнее...

— Да?

— Они очень любят играть в карты... и пить вино. Боюсь, это может затянуться.

У него несчастный вид, но она снова улыбается.

— Хорошо. Это может быть приятно.

Температура в маленькой кухоньке приближается к двадцати шести градусам. Камин набит дровами. Бутылки ходят по кругу и изрядно разогрели лица. Густая испарина осела на окнах. Ипполит принес колба́сы, местные сыры, свежий хлеб и много бутылок красного вина.

— Супермаркеты я не люблю, — делится Ипполит с Жоанной. — У нас здесь есть то, что называют «Тут Тут».

— Что это такое?

— Фургон, который доставляет нам свежие местные продукты. Я покупаюсь только в «Тут Тут». Вот, попробуй-ка. Это беарнское вино. Каберне.

Он не оставляет ей выбора. Не спрашивая, наполняет ее стакан. Трудно не поддаться легкости и теплоте момента. Щеки красны, голоса все громче. Ванс смешит всех, пытаясь произнести «шампанское» со своим немецким акцентом. А потом Ипполит рассказывает им историю Ааса, и все внимательно слушают. Они узнают, что Аас называют «краем свистунов», потому что у его жителей есть одна особенность: давным-давно, до новых средств коммуникации, они общались, пересвистываясь с одного края долины на другой.

— Понимаете, долина служит своеобразным проводником волн. Можно было пересвистываться между пастбищами и деревней.

— Правда? — скептически спрашивает Альбен.

— Пастухам удавалось общаться на расстоянии до двух с половиной километров! Они создали свой язык, язык свиста, довольно сложный, который передавался из поколения в поколение!

Все за столом в изумлении.

— Но этот язык исчез с приходом технологий коммуникации.

Ванс спрашивает со своим густым акцентом:

— Вы на нем говорите?

— Конечно. Мой дед выучил меня ему, когда я был еще пацаном.

Теперь все вокруг стола, изрядно пьяные, засунув два пальца в рот, пытаются свистеть. С каждым стаканом они все менее верно воспроизводят высвистанные Ипполитом ноты, с каждой попыткой все хуже, но старый пастух не отчаивается.

— Надо освоить окситанский, чтобы выучиться языку свиста.

Он заставляет их повторять «порори вороча», что значит «позови врача», потом высвистывает это двумя пальцами. Последующая какофония переходит во всеобщий хохот, и Ванс заявляет, всхлипывая от смеха:

— А еще говорят, что немецкий язык трудный! Ну и ну!

Наутро голова у Эмиля тяжелая и болит. Во рту пересохло. Они действительно злоупотребили вином. Даже Жоанна. Ванс простился с ними ночью, уходя спать, автобус у него рано утром от церкви Ааса.

Эмиль поворачивается, морщась. От дневного света усиливается боль в висках.

— Жоанна?

Он привстает в постели. Ее нет рядом. Он видит ее силуэт на подоконнике. Она прижимает к уху телефон, и его сердце подпрыгивает в груди. Первая его мысль: «Леон!» Он так и не признался ей, что говорил с ним... Жоанна оборачивается к нему. Она бледна и слегка дрожит.

— Что случилось?

Она встает так медленно, что даже тревожно. Подходит к кровати и протягивает ему телефон.

— Что это?

Его сердце бьется очень часто. Ему трудно дышать. Он чувствует, что что-то не так, но не в состоянии собраться с мыслями. Он думает о Леоне. Но почему Жоанна протягивает ему телефон?

— Это голосовое сообщение, — говорит она странно хриплым голосом.

Он не понимает. Берет телефон и прижимает его к уху, а Жоанна медленно возвращается и садится на подоконник. В трубке звучит механический голос:

— Сообщение получено в восемь часов тринадцать минут утра.

Щелчок, какой-то сдавленный звук, потом женский голос:

— Доброе утро, Жоанна, доброе утро, Эмиль. Это Анни. Я...

Снова сдавленный звук, который Эмилю не удастся распознать.

— Я звоню, чтобы сообщить вам, что мама ушла... Вчера вечером. Она улетела на небо. Она не мучилась... Она... Она ушла во сне.

Сердце совершает головокружительный кульбит. Оно падает в груди, все ниже, ниже, падает на пол, пробивает паркет. Эмиль медленно поднимает голову с ощущением, что она весит тонны. Лицо

Жоанны на подоконнике залито слезами. Им не надо ничего говорить. Они знают, что у них общая боль.

Он колотит, колотит и колотит долотом по камню. Руки растрескались от холода. Он к тому же поранился в нескольких местах. Весь в порезах. Но он ничего не чувствует.

— Эмиль...

Голос Жоанны звучит за его спиной. Он не слышал, как она подошла, не слышал ее шагов по строительному мусору.

— Уже поздняя ночь. Ты бы шел домой.

Он пожимает плечами.

— Я сейчас. Закончу этот проем.

— Минус восемь градусов.

— Мне осталось меньше часа. Иди в тепло. Я скоро.

Жоанна колеблется. Она стоит, опустив руки. Вязаная шапочка и огромный шарф скрывают почти все ее лицо. Она приходит за ним в третий раз. Они с Альбеном покинули стройку уже пять часов назад. Эмиль заявил: «Я кое-что закончу и приду». Она отлично поняла, что ему нужно колотить, чтобы избыть горе, разбивать камни один за другим, дробить их. Это приносит ему какое-никакое облегчение. Но поняла она и то, что он может остаться здесь на всю ночь. Она медлит. Хочет что-то сказать. Сама не знает что...

— Ну-ка подвинься.

Эмиль вздрагивает, услышав ее голос. Он думал, что она ушла. Но нет, судя по всему, она еще здесь.

— Что? — спрашивает он и, обернувшись, видит, как она поднимает валяющееся среди обломков долото.

— Что ты...

— Подвинься, — повторяет она.

У нее такой же решительный вид, как в ту ночь, когда она сказала ему: «Иди ко мне, сейчас». Он медленно повинуется. Подвигается, и она встает рядом с ним перед отверстием, которое он пробивает.

— Я помогу тебе, — говорит она.

Они принимаются стучать вдвоем. *Клац. Клац. Клац.* Камни падают один за другим. Они стучат еще и еще. Стучат не останавливаясь. И их удары перекликаются допоздна в тишине ночи.

Густая толпа перед церковью Сен-Венсан. Здесь Жан, старый пастух, и с ним другие старики. Издалека видно Анни под черной вуалью, с ней ее муж, ее дети и внуки. Эмиль и Жоанна здесь, в гуще толпы. Они взялись за руки. Они чувствуют себя одинокими и потерянными в этом незнакомом людском море. Молча смотрят, как длинная процессия входит в церковь. Они узнают друзей Анни, с которыми общались несколько месяцев в Эусе. Скупое приветствуют их кивком. Улочки вокруг покрыты снегом. Эус красив зимой. Может быть, даже красивее, чем летом. Начинает звонить церковный колокол. Один удар. Второй. Третий. Шепоток пробегает по толпе. Движение к церкви ускоряется, и Эмиль тянет Жоанну за руку.

— Идем, — тихонько говорит он ей.

Внутри ледяная стужа. Они заняли места на последних скамейках, в глубине церкви, у дубовых дверей, и их обдувают холодные сквозняки. Они держатся за руки на протяжении всей мессы.

Жизнь Миртиль рассказывают ее четыре дочери и один из зятьев. Много говорят об Эжене, о любви, которую они сумели друг другу дать, о радостной встрече, ожидающей их на небесах. Говорят о том, как счастлива была Миртиль стать бабушкой, потом прабабушкой, говорят о ее силе воли. Церемония простая и трогательная. За гробом следует огромная безмолвная процессия.

На ступеньках церкви Анни подходит к ним. У нее скомканный платок в руке и мокрые глаза, но она тепло улыбается им, обнимая.

— Миртиль была бы счастлива знать, что вы здесь.

Они молча кивают.

— Ей не терпелось увидеться с вами на Рождество. Она зачеркивала дни в своем календаре. Она уже приготовила постель наверху.

Они не в состоянии выдержать взгляд Анни. Ответить берется Эмиль хриплым голосом:

— Нам правда очень жаль... Мы должны были вернуться раньше...

Но Анни прерывает его, ласково положив руку ему на плечо:

— Вам не о чем жалеть. Вы не представляете себе, до какой степени вы оба озарили ее жизнь. Я не видела ее такой живой и веселой много лет. Она ушла счастливой, поверьте мне.

Анни ловит взгляд Жоанны, когда та поднимает голову. Она смотрит ей прямо в глаза.

— Еще и поэтому я хотела видеть здесь вас обоих. Я хотела вас поблагодарить.

Ее затуманенные слезами глаза смотрят то на Жоанну, то на Эмиля, и ни один из них не может сказать ни слова. Им нужно несколько секунд, и на этот раз говорит Жоанна, тихо, почти шепотом:

— Нет. Это она. Это ее мы пришли поблагодарить.

Анни кладет руку на локоть Жоанны и с волнением сжимает его, потом, отвернувшись, указывает им на процессию.

— Мы провожаем ее гроб на кладбище. Вы с нами?

Они кивают.

Они замыкают шествие в ледяном ноябрьском холоде.

— Табличка у тебя? — спрашивает Эмиль.

Они заказали красивую табличку с гравировкой у мастера в Эусе сегодня утром, когда приехали. Это простой прямоугольник из прозрачного стекла, на черной подставке, такой же строгой. На ней выгравирована фраза красивыми белыми буквами. Это Эмилю пришлось в голову выгравировать цитату, а не банальную фразу. Они выбрали ее вместе вчера вечером, листая старые пожелтевшие книги Жоанны.

Люди как витражи. Они сверкают, пока солнечно, но, когда наступает темнота, их красоту видно, только если они освещены изнутри.

(Элизабет Кюблер-Росс)

Миртиль,

чья красота осветила часть нашего пути.

Друзья.

Они смотрят, как гроб опускают в могилу, где уже лежит Эжен. Родные в первых рядах. Они остались позади, прикрыв лица шарфами. Эмиль невольно думает о том, что в следующий раз, когда Жоанне придется присутствовать при таком зрелище, в гробу будет лежать он. Поэтому он не может выпустить ее руку. Сжимает ее в своей очень крепко.

Он спрашивает себя, существует ли справедливость на этой проклятой земле. Ее отец, ее сын, а теперь вот он. Неужели Жоанна обречена провожать в последний путь всех мужчин, о которых она заботится?

Родные расступились, пропуская толпу,двигающуюся к гробу нескончаемой колонной. Каждый подходит проститься с Миртиль у могилы и положить цветы или памятную табличку. Эмиль и Жоанна последние в очереди, которая медленно движется в смертной тишине.

— Жоанна...

Эмиль издал звук, не более слышный, чем выдох. Она оборачивается к нему, молча вопросительно смотрит.

— Тебе будет не так тяжело, если меня кремируют?

Она не отводит взгляда. Смотрит ему прямо в глаза, стараясь оставаться невозмутимой.

— Да... Думаю, да.

Она умолкает, потому что одна из дочерей Миртиль идет назад по аллее, чтобы приветствовать каких-то знакомых прямо перед ними. Через несколько секунд она уходит, и Жоанна снова шепчет:

— Но вопрос не в этом.

— Почему? — выдыхает он.

— Это твое решение. Оно принадлежит тебе.

Она тихонько качает головой и снова смотрит прямо перед собой.

— Если ты не можешь принять решение для себя, тогда подумай о своей семье... О том, чего бы они хотели. Не обо мне.

— Пусть меня кремируют.

Она остается совершенно невозмутимой, глаза по-прежнему устремлены вдаль.

— Ты уверен?

— Я уверен.

Только чуть дрогнувшее горло выдает внезапное волнение Жоанны, и Эмиль понимает, что принял правильное решение.

Они последними положили свою табличку у семейной могилы Миртиль и Эжена. Снова пошел снег, когда они подошли принести соболезнования членам семьи.

— Вы кто? — спрашивает их женщина, должно быть, одна из дочерей Миртиль.

За них отвечает Анни:

— Это мамины юные протеже.

Они не ожидали такого ответа. Как и радостного возгласа женщины:

— О! Так это вас она поженила!

Веселый шепоток пробегает по рядам семьи. С юмором вмешивается Анни:

— Она не поженила их, Мари. Это сделал мэр.

— Я знаю, — отвечает та, которую зовут Мари. — Но так она об этом рассказывала. Не правда ли?

Ей отвечают взволнованными кивками. Улыбками. Эмиль и Жоанна тоже улыбаются, немного робко.

— Да... Это мы.

— Мама очень вас любила, — говорит Мари.

Она кладет руки им на плечи.

— Спасибо, что пришли.

Они удаляются рядышком по центральной аллее кладбища. За их спиной родные Миртиль собрались вокруг могилы, и некоторые читают молитвы.

— Пройдемся, прежде чем уезжать? — спрашивает Эмиль.

Жоанна кивает. Они хотят сказать последнее прости Эусу. Больше они сюда не вернуться. Эмиль старается не думать об обещании Миртиль... О том, что Жоанне некуда больше возвращаться.

Маленькая спальня в пристройке полнится сдавленными вздохами в эту ночь. словно стоны боли смешиваются с их дыханием. На этот раз им не надо было ничего говорить. Им было холодно. Они

чувствовали себя опустошенными. Это было как властное желание жить. Потребность наполниться друг другом.

Вздохи звучат до поздней ночи и тихонько угасают, оставив два их тела плыть по воле волн в хрупком покое.

— Мадемуазель Жоанна? Мадемуазель Жоанна?

Жоанна, вздрогнув, приходит в себя. Она задремала, ожидая вечером Эмиля со стройки. Он пропадает на ней часами с тех пор, как им позвонила Анни... Альбен и Жоанна заканчивают в три или в четыре и идут греться. Жоанна остаток дня рисует или играет с Поком. Но Эмиль остается допоздна. Обычно почти до восьми. Благодаря ему строительство значительно продвинулось и Ипполит доволен, но Жоанна не знает, как к этому относиться. Он проводит дни в полном молчании, работая быстрее всех, да и вечером разговаривает не больше. Вчера он только извинился, сказал, что впервые теряет близкого человека и ему нужно время.

— Мадемуазель Жоанна?

Это голос Ипполита ее разбудил. Она встает и идет к двери. Ипполит стоит в коридоре, вид у него встревоженный.

— Что случилось?

— Кажется, Эмиль упал на стройке. Он не хочет, чтобы я звал врача.

До нее не сразу доходит, что говорит ей старый пастух. Она еще не совсем проснулась.

— Упал? — повторяет она.

— Я не знаю, что он делал на стройке в этот час... Он, наверно, ударился головой. Несет какой-то бред и не хочет показаться врачу...

Быстрыми шагами она пересекает комнату и хватает с кровати черную шаль.

— Я иду.

Ипполит остается поодаль, а она идет прямо к Эмилю, стоящему среди обломков. У него потерянный вид. Вряд ли это от падения. Она думает, что это, должно быть, новый блэкаут. По ее животу словно проехался паровой каток, когда она подходит ближе, но она все же силится сохранить невозмутимый вид.

— Эмиль?

Жоанна панически боится прочесть в его глазах то же самое, что в Баже, когда он не помнил, кто она. Но нет, тут другое. Эмиль, кажется, узнает ее, он просто какой-то дерганый и сильно нервничает. Он озирается по сторонам, как будто впервые видит это место и не понимает, что здесь делает.

— Жоанна... Когда мы сюда приехали? — спрашивает он, когда она подходит к нему.

Она не решается взглянуть на Ипполита за спиной. Старается говорить как можно тише:

— Три недели назад.

Но Эмиль нетерпеливо мотает головой.

— Прекрати. Это неправда.

Она отвечает на выдохе:

— Правда. Мы приехали сюда три недели назад.

Он снова мотает головой, уже с раздражением.

— Мы были в Эусе. Я прекрасно помню. Листья падали с деревьев на улочках.

Она заставляет себя кивнуть, скрывая свою тревогу.

— Да, это правда.

— Это было пару дней назад. Может быть, мы были там еще сегодня утром. Мы жили у Миртиль, и ты работала в кафе-мороженом.

Она делает над собой усилие, чтобы выдержать его взгляд и отчетливо произнести:

— Нет.

— Что — нет?

Ее все больше смущает присутствие Ипполита за спиной. Тем более что старый пастух, откашлявшись, вмешивается:

— Вот видите, мадемуазель Жоанна. Я думаю, он нехорошо упал. Нельзя оставлять его в таком состоянии. Я позову врача.

Она изо всех сил старается оставаться спокойной и владеть ситуацией.

— Я не думаю, что он упал...

Ипполит смотрит на нее с недоверием. Эмиль молчит, лицо его подергивается от нервного тика.

— Он... У него ранний Альцгеймер.

Эмиль никак не реагирует на эти слова и на ее неуверенный голос. Ипполит хмурится.

— Что?

— Болезнь, которая влияет на его память. Это... Такие вещи случаются с ним время от времени...

Ипполит всматривается в нее, все еще с недоверием. Жоанна настаивает, стараясь сохранять уверенный вид:

— Ничего страшного. Память вернется. Ему не нужен врач. Просто немного времени.

Ипполит переводит взгляд с него на нее. Он явно не знает, что делать.

— Вы уверены?

— Да. Все хорошо. Я отведу его в пристройку. Он отдохнет, и завтра ему будет лучше.

Еще немного поколебавшись, Ипполит кивает.

— Все-таки... Присмотрите за ним... Если будет головокружение или тошнота...

— Тогда позовем врача, — заверяет его Жоанна.

Старый пастух медленно удаляется. Вдали его пес Мистик бежит к нему по свежему снегу. Жоанна медленно выдыхает. Когда она оборачивается, Эмиль смотрит на нее как на сумасшедшую, будто боится ее.

— Зачем ты меня сюда привезла?

Она сглатывает. Она не знает, как с этим справиться, с чего начать.

— Эмиль...

— Что?

— Это ты привез нас сюда...

Почти агрессивным тоном он отвечает:

— Ты врешь!

— Нет...

— Ты сказала, мы были в Эусе! Так почему теперь мы здесь? Миртиль собиралась устроить праздник с друзьями.

Она медленно закрывает глаза, изо всех сил надеясь, что, когда откроет их, память к нему вернется.

— Нет.

— Что — нет?

Тон Эмиля настойчив.

— Мы покинули дом Миртиль два месяца назад.

Он теряет терпение. Она не в состоянии собраться с мыслями, чтобы успокоить его, найти какие-нибудь умиротворяющие слова. Она только говорит тихо:

— Идем. Идем в тепло. Я тебе все объясню.

Но он не двигается с места. Он не намерен уходить со стройки.

— Объясни мне сейчас.

— Ладно... Мы... Мы поехали в Перьяк-де-Мер... Потом в Баж... Ты не помнишь? Там был Себастьян, рыбак... И его собака Лаки.

Она не смеет посмотреть ему в глаза, боится отчаяния в его взгляде.

— После этого мы поехали к морю. В Грюиссан.

Она упорно смотрит на его ноги, на его теплые сапоги среди обломков, и продолжает очень быстро:

— Я заболела. У меня был жар. Ты привез меня сюда, чтобы побыть в тепле.

Она решается взглянуть на него, но он поворачивается к ней спиной. Идет к противоположной стене, как будто это может помочь ему все переварить.

Внезапно Эмиль останавливается и круто разворачивается. Качает головой. Впервые он ведет себя так. Обычно в таких случаях он в полной панике. Отчаяние написано на его лице. Но на этот раз — нет. Он явно убежден, что он прав, а она лжет. Он почти агрессивен.

— Маржори всегда говорила, что ты неуравновешенна!

Глаза Жоанны округляются. Она уже ничего не понимает.

— Прости?

— Она считала тебя наглой и безответственной.

Жоанна не способна ничего ответить. Впервые он до такой степени поверг ее в растерянность.

— Она была права. Смотри, куда ты меня привезла! В какую глушь! Это всё твои планы. Только твои. Твои желания всегда на первом месте!

Она незаметно отступает на шаг. Ей хочется убежать. Хочется быть от него подальше, и как можно скорее.

— Вот-вот! — злобно выплевывает он. — Смывайся! Только это ты и умеешь, да?

Она делает еще шаг назад. Теперь она его боится. В горле набухает ком, мешает дышать.

— Но мне плевать, что ты удираешь, Лора. Все кончено! Я тебя больше не люблю! Меня больше не колышет твоё мнение!

Она не узнаёт это лицо, она его никогда не знала. Это не тот Эмиль, которого она встретила пять месяцев назад.

— ПРОВАЛИВАЙ!

Агрессивный голос отдаётся эхом от стен стройки. Жоанна не заставляет себя просить.

Ком никуда не делся, когда она просыпается на следующее утро. Это ком, закупоривший горло. У неё уходит несколько секунд, чтобы вспомнить вчерашний эпизод и понять, почему ей так тошно. Открыв глаза, она понимает, что Эмиль здесь не ночевал. Одеяло с его стороны без единой складочки. На подушке никаких следов головы. Но особенно смущает, что пальто и шарф Эмиля исчезли с крючка за дверью. Сердце подкатывает к горлу. Господи, почему она не спрятала ключи от кемпинг-кара? Она встает, движения её неуверенны. Пол ледяной. Все вокруг качается. Она с трудом сдерживает позыв к тошноте. У неё в голове не укладывается, что это случилось, что она провалила свою миссию... Самым жалким образом. Она обещала не дать ему вернуться домой. Но вчера предпочла убежать и свернуться клубочком в кровати с бешено колотящимся сердцем, чутко прислушиваясь к шагам в пристройке. Она должна была настаивать, попытаться его вразумить. Но даже не пробовала и вздохнула с таким облегчением, покинув стройку. По правде сказать, ей стыдно себе в этом признаться, но она пожелала, чтобы он уехал, чтобы исчез. Ей не понравился тот Эмиль, которого она увидела перед собой вчера вечером. Он напугал её. Он был в ярости. Он выкрикивал ей в лицо вещи, адресованные не ей... Адресованные, без сомнения, другой.

Она цепляется за ручку двери, пытается открыть её, не потеряв равновесия. И сталкивается нос к носу с Альбеном, который готовился постучать.

— А! Ты здесь.

Он, кажется, не очень понимает, что происходит, почему она здесь, такая белая, закутанная в плед, ещё в пижаме.

— Ипполит думал, что ты повезла Эмиля к врачу.

— Что?

Альбен всматривается в нее с тревогой. Какая же она, должно быть, бледная!

— Он ведь упал вчера... на стройке.

Он ловит каждый нюанс выражения ее лица. Она качает головой.

— Он не падал.

Но Альбен перебивает ее:

— Кемпинг-кара нет на месте. Ипполит думал, что вы куда-то поехали.

Она снова качает головой, не в состоянии ответить.

— Ты знаешь, где он?

— Нет.

Он уехал. Он не узнал ее вчера. Совсем. Он был убежден, что она гадкая лгунья. Он не мог сориентироваться во времени. Помнил Эус и Миртиль, но забыл Баж и Грюиссан. Надо было показать ему его дневник... Заставить прочитать отрывки. Вместо этого она убежала и спряталась под одеялом... А он уехал к своей семье. Он снова окажется в центре клинических испытаний. Она не справилась.

— Может быть, он поехал что-то купить, — предполагает Альбен, который старается быть предупредительным, видя ее такой бледной, потом машет рукой в сторону кухоньки. — Я оставил тебе кофе. Я иду на стройку. Присоединяйся, когда будешь готова. Думаю, он вернется до полудня. Не переживай.

Жоанна не знает, что ей теперь делать. Она сбита с толку и совершенно потеряна здесь, в этой усадьбе, без Эмиля. Чувство вины, которое она испытала, проснувшись утром, при мысли, что отпустила его, превращается мало-помалу в отчаяние и гнев. Как он мог это сделать? Как мог бросить ее одну здесь, среди гор? Внутренний голос отвечает ей: *Но ты же никто. Он тебя даже не узнаёт.* И она пытается заглушить все это, убеждает себя, что Альбен прав, что он просто поехал что-то купить, что он вернется. Она идет на стройку, потому что больше ей некуда себя девать.

— Что мы делаем сегодня?

— Начнем ставить окна.

Альбен снова рассказывает ей о своем плотницком опыте. Без этого он не смог бы поставить окна Ипполиту. Но Жоанна, закутав лицо шарфом, пытается унести себя далеко, в другое время, в другой дом,

в ту пору, когда она еще была более легкомысленной и невинной. Она не хочет думать о бегстве Эмиля. Лучше вернуться в Сен-Сюльяк, в свой каменный домишко.

Где-то в дальних воспоминаниях Жоанны Леон с нетерпением скребется в дверь ванной.

— У тебя там все в порядке? Жо?

Она стоит в ванне и смотрит на струйку крови у своих ног.

— Да...

— Жо?

— Да, все в порядке. Почему ты еще здесь? Разве ты не должен идти на ужин к родителям?

Она пускает тонкую струйку из душа, чтобы смыть эту кровь. Молча глотает свое разочарование. Месячные. Это значит, что ребенок еще не в пути.

— Да, я как раз собираюсь. Просто хотел поцеловать тебя перед уходом.

— Хорошо...

Она выключает душ и берет полотенце.

— Я иду. Вытираюсь.

Она кутается в полотенце, дрожа от холода. За окном уже темная ночь. И то сказать, ноябрь. Она не заметила, как прошло лето. Август подошел к концу одновременно с работами. Веранда наконец готова. Они вместе обставляли ее и украшали. Потом начались занятия в школе. Леон снова заговорил о ребенке. На самом деле они оба об этом думали. Из-за веранды, которая была готова. В их сознании это была вовсе не веранда. С тех пор как Леон впервые заговорил о ребенке, эта веранда стала детской.

— Ты скоро?

— Иду!

Она быстро вытирает ноги, натягивает пижаму и, открыв дверь ванной, видит за ней встревоженного Леона.

— Все хорошо?

— Да. Я же тебе сказала.

— У тебя странное лицо.

— Вовсе нет. Я замерзла до смерти, вот и все.

Леон закрывает за собой дверь, а она поворачивается к зеркалу, продолжая вытираться.

— Жозеф затопил камин. Через четверть часа здесь будет лучше.

Он продолжает странно на нее смотреть, но она не обращает внимания. Энергичными движениями вытирает волосы. Она не скажет ему, что пришли месячные. Не сейчас. Разочарование еще слишком сильно. Она знает, что это глупо. Всего пару месяцев они пытаются...

— Ты поцелуешь меня? Мне пора.

Она перестает вытирать волосы и поворачивается к нему, чтобы поцеловать.

— Я недолго.

На нее накатывает горькое чувство каждый раз, когда он уходит от нее на ужин к родителям. Кажется, будто он признает их правоту, оставляя ее в стороне. Она так и осталась маленьким пащенком. Шлюхиной дочерью. А между тем с ней он хочет завести ребенка. Она гонит эти мысли из головы. Ей ненавистно так думать. Особенно о Леоне.

— Ты, наверно, будешь спать, когда я вернусь...

— Наверно...

— Тогда спокойной ночи.

Он снова целует ее, но ее не отпускает тяжесть в груди. Из-за месячных или из-за этого ужина. Она сама не знает.

— Жо, как ты?

Она нашла Жозефа в гостиной. Он за столом. Ждет ее. Стол накрыт. Горячий, с пылу с жару, овощной суп дымится перед ним.

— Все хорошо.

Он долго внимательно смотрит на нее, пока она садится напротив. Потом откашливается.

— Знаешь, Леон ведь неплохой парень.

Он намекает на его отсутствие — как всегда по понедельникам вечером.

— Я знаю.

— Ему отчаянно не хватает мужества. Вот и все.

Он берет ее тарелку и наливает ей большой половник супа.

— Не в этом дело, папа.

— Не поэтому ты такая грустная?

— Нет.

Жозеф ставит свою тарелку перед собой и наклоняется вперед, давая понять, что внимательно слушает.

— Ну объясни мне, если хочешь.

— Леон и я, мы...

Ей трудно продолжать.

— Вы хотите ребенка? — ласково спрашивает Жозеф.

Она молчит, оторопев от прозорливости отца.

— Да... Да, именно.

Жозеф невозмутим, как будто ждал этой новости не один месяц.

— Ты не знаешь, как сообщить мне, что вы переедете? — спрашивает он тем же ласковым голосом.

Она протестует:

— Нет! Нет, мы останемся здесь. Мы собираемся превратить веранду в детскую.

Лицо Жозефа вдруг просияло.

— Жоанна... — шепчет он.

— Что, папа?

— Ты так быстро выросла.

Она улыбается, опустив глаза в тарелку.

— Ты уже носишь в себе этого ребенка?

Она тихонько поднимает голову к Жозефу, который смотрит на нее с бесконечной нежностью.

— Нет, папа. Еще нет. Я думала, это произойдет быстро. Быстрее, чем есть. Поэтому сегодня я чувствую себя немного пустой.

Взгляд у Жозефа такой ласковый, что ей кажется, будто он гладит ее по щеке.

— Ты знаешь, что говорил Будда. Терпение...

Она заканчивает фразу за него:

— ...самая лучшая из молитв. Я знаю.

Они понимающе улыбаются друг другу с разных концов стола.

— Тогда будем не только мы двое, — тихо говорит Жозеф.

Жоанна взволнована. Она кивает, снова опустив глаза в тарелку.

— Да. Не только.

— Я счастлив, Жоанна.

Пролетает тихий ангел. Только дрова потрескивают в камине. Потом снова звучит голос Жозефа:

— Ты будешь замечательной матерью. Мне не терпится познакомиться с твоим ребенком. Я тоже постараюсь набраться терпения.

Она слабо улыбается ему.

— Я счастлив, что ты хочешь растить его здесь, — добавляет Жозеф.

Она тихонько встает и подходит к нему, сидящему на другом конце стола. Она ничего не говорит. Только кладет голову отцу на плечо, как делала, когда была девочкой, и ее обнимают его крепкие руки, окутывает мускусный запах его рубашек.

Рождественские гирлянды мигают на улочках Сен-Сюльяка. Жоанна и Леон вышли за покупками на неделю. Жозеф очень слаб. Он даже забросил свой огород и курятник, который построил в конце ноября. Три купленных им курицы оказались настоящими лентяйками. Они снесли едва ли десяток яиц с тех пор, как их завели. Жозеф раздражается. Жоанна уверяет его, что это из-за холода.

Жоанна и Леон спешат по улочкам, продуваемым ледяным ветром.

— Зайдем в аптеку? — спрашивает Жоанна, когда они видят мигающий перед ними зеленый крест.

Леон странно смотрит на нее, в уголках рта подрагивает улыбка.

— Ты...

— Вот, возьми мою сумку. Я на минуту.

— Жоанна, стой!

Он удерживает ее за руку, и она даже не противится. Он видит, что она тоже силится скрыть улыбку.

— Скажи мне, что это правда! — возбужденно шепчет он.

Она закрывает ему рот рукой.

— Я ничего не знаю. Я просто хочу сделать тест.

— Но...

— Все увидим после теста.

— Стой, Жоанна, стой.

Он держит ее руки в своих. Сумки с покупками лежат на земле. Он шепчет совсем тихо, срывающимся голосом:

— У тебя не было месячных... в последнее время?

Она озирается, чтобы убедиться, что они одни в переулке.

— Нет.

— Нет?

— Они должны были прийти три недели назад.

Сдержав крик, Леон молча аплодирует. Она бросает на него мрачный взгляд.

— Нет, перестань! Я запрещаю тебе радоваться сейчас! Сначала купим тест.

Он послушно кивает, но продолжает улыбаться.

— Поторопись, — говорит он, подталкивая ее вперед.

Вернувшись в каменный домишко, они даже не дают себе труда занести покупки в кухню. Хором кричат «Мы дома!» Жозефу, который читает в гостиной, и бегут в ванную. Леон буквально вталкивает Жоанну внутрь.

— Скорей!

Она притворно обижается, но видит, что он сучит ногами от нетерпения.

— Ты бы лучше успокоился. Если нет, разочарование будет велико...

Но он не слушает. Закрывает дверь ванной и шепчет:

— Я жду тебя здесь.

Открыв дверь несколько минут спустя, она не успевает сделать и шага в коридор, Леон уже перед ней, всего в паре сантиметров от ее лица.

— Ну?

Он не может ничего различить на невозмутимом лице Жоанны. Ничего, кроме легкого волнения. И, кажется, подрагивают уголки губ... Она заплачет? Он хмурит брови.

— Жо?

Но губы вздрагивают снова, и он понимает, что это улыбка.

— Да? — шепчет он, прислушиваясь к ее дыханию.

Она кивает и улыбается на этот раз открыто, приложив палец к губам, чтобы он молчал. Жозеф в гостиной, в нескольких шагах от них. Они не могут ему сообщить, пока еще нет. Слишком рано. Леон целует ее, едва не подпрыгивая на месте в коридоре. Приподнимает ее, ставит на пол, снова целует. Они смеются, зажимая рты ладонями, чтобы не шуметь.

—

Долго они этот секрет не хранят...

Рождественские праздники позади, но старая ель еще здесь, и мигают гирлянды. Жоанна скорчилась на диване с грелкой на животе. С утра ее тошнит. Стоит ей проглотить хоть что-нибудь, как она бежит в туалет. Жозеф догадался, что происходит.

— Есть? — спросил он, принеся ей стакан воды несколько часов назад.

И ей пришлось признаться.

— Я не должна была сообщать тебе сейчас... Еще слишком рано.

Она хочет сказать, что есть еще риск его потерять.

Леон только что вернулся с работы и нашел ее на диване, белую как смерть.

— Все нормально? — шепотом спросил он у Жозефа, пока Жоанна молча созерцала пламя в камине.

Жозеф, улыбаясь, кивнул.

— Да. Все нормально.

Теперь они вдвоем пытаются ужинать, в то время как Жоанна так и осталась, скорчившись, на диване. У Леона встревоженный вид.

— Ты уверена, что не хочешь немного пюре? — спрашивает он, обращаясь к спине Жоанны.

— Уверена.

Она кладет грелку на подлокотник дивана и встает.

— Куда ты? — беспокоится Леон.

— Как можно дальше от этого запаха.

— Запаха? Какого запаха?

Жозеф улыбается неведению Леона.

— Она какое-то время будет чувствительна к запахам, — говорит он. — Некоторые будут внушать ей настоящее отвращение.

— Как это пюре, — добавляет Жоанна с гримасой. Жозеф сочувственно улыбается.

— Иди ложись. Мы принесем тебе чего ты захочешь, хорошо? Чего бы тебе хотелось?

Она задумывается на несколько секунд.

— Инжирного компота.

Оба поспешно кивают.

— Отлично. Будет тебе компот через полчаса.

Она идет в спальню, они смотрят ей вслед. Леон умирает от беспокойства.

— Это надолго?

— Возможно. Так часто бывает в первые три месяца.

— О!

Жоанна входит в свою комнату и больше не слышит, о чем они говорят.

Это продолжалось полных два месяца. Поначалу она отказывалась идти к врачу и заставляла себя продолжать работать в школе, пока Жозеф не стукнул кулаком по столу.

— Теперь тебе надо отдыхать! Ты ничего не ешь! В конце концов упадешь в обморок.

Леон горячо поблагодарил Жозефа за инициативу.

— Меня она никогда не слушает...

Но это затянулось надолго. Она постоянно чувствовала себя усталой, а когда ей становилось лучше и она начинала есть, ее опять тошнило. Целыми днями она считала часы. От чтения кружилась голова. От готовки мутило. К счастью, была музыка. Жозеф ставил Майлза Дэвиса, Бетховена, иногда Моцарта.

— Это очень полезно для развития ребенка, — говорил он.

Однажды вечером она застала Леона и отца за совещанием в кухне. Жозеф вернулся из города и показывал Леону новенькую толстую книгу.

— Это может сделать начало ее беременности веселее, — говорил он.

И Леон, начавший листать книгу, энергично подтвердил.

Ей сказали об этой книге в тот же вечер. Она называлась «Ритуалы и традиции шаманов в отношении беременности во всем мире». Жозеф и Леон сели на диван, положив между собой книгу. Жозеф объявил:

— Мы тебе почитаем.

Они стали читать по очереди, сопровождая пассажи комментариями и призывая ее высказать свое мнение.

— Два общих суеверия мы находим у большинства народов мира: женщина и ее зародыш беззащитны, потому что на них могут напасть злые духи. Для их защиты существуют определенные ритуалы. В Африке, например, беременные женщины принимают каолиновые ванны.

Леон нахмурил брови.

— Понятия не имею, что это такое... Повсюду в мире им дают защитные предметы. Колдуны в Африке и Вьетнаме дают талисманы против выкидыша. В Сенегале это амулет с сурой из Корана. О! А в Гвиане, в племени нджукас, им дают веревочки, которыми они должны обвязывать живот. Дать их должен шаман.

Жозеф и Леон включились в игру еще больше, чем она.

— Металл служит превосходной защитой в Гватемале и в Того, в племени эвес. Он защищает от злых чар и является громоотводом от злых духов.

Леон стукнул ладонью по коленке.

— Вот оно что, Жо! Надо купить тебе украшение-громоотвод!

Видя на ее лице легкую улыбку, они продолжали чтение весь вечер. Назавтра Леон принес ей подлинный мусульманский талисман, найденный у антиквара в Сен-Сюльяке.

В другой вечер они решили угадать пол ребенка с помощью старинных верований. Они с Леоном были в спальне, в темноте. Зажгли свечи, и Леон склонился над купленной Жозефом книгой.

— Тебе снился в последнее время медведь или дракон? — спросил Леон.

Жоанна, опершись на большую подушку, покачала головой.

— Нет.

— Ладно, — разочарованно протянул Леон. — А корова?

Она задумалась и снова покачала головой.

— Тоже нет.

— Тогда, может быть, цветок? Или солнце?

— Нет.

— Украшение?

Она закатила глаза. Уголки его губ опустились в гримасе разочарования.

— Что это должно значить? — спросила она, привстав.

— В Корее считается, что если будущей матери снится медведь, дракон или корова, значит, она ждет мальчика. Если ей снится цветок, украшение или солнце, будет девочка.

— Он, наверно, еще не решил, — заключила она самым серьезным образом.

—

— Сделаем перерыв? — предлагает Альбен, положив на пол дрель и костыли.

— Окей.

Она идет за ним в пристройку, потом в кухню. Ей не хочется думать о том, что кемпинг-кар не вернулся. Альбен хлопчет над кастрюлькой, в которую вывалил овощные консервы. Он протягивает ей хлеб и масло.

— Вот, можешь начинать. Скоро разогреется.

Ей не хочется есть. Ее еще тошнит. Она спешит уйти в глубь воспоминаний, в тепло дома своего детства, в Сен-Сюльяк.

Наступает весна. Огород Жозефа зацветает. Солнечно. Потихоньку начинается март. Жоанна вернулась к работе. Тошнота прошла. Усталость тоже. У нее теперь круглый живот. Маленький кругленький животик. Они с Леоном впервые побывали в клинике и смогли увидеть малыша на маленьком экране. Это мальчик. У Жоанны четыре с половиной месяца. Врач сказал, что все хорошо, что ей не стоит слишком налегать на работу, но она может вернуться на полный рабочий день. Она рада. Время тянулось так долго в эти последние недели, хоть у нее и было достаточно времени, чтобы изучать книгу Жозефа и Леона о традициях всего мира в отношении беременности. Кстати, среди ритуалов один другого причудливее она отыскала пару-тройку идей, которые ей понравились. Например, африканский обычай носить повязку вокруг живота днем и ночью на протяжении всей беременности, чтобы ткань полностью пропиталась запахом матери. При рождении и в первые дни жизни ребенка кутают в эту повязку, и он узнает мамин запах. Как только Жоанна почувствовала себя лучше, она пошла в магазин и купила красивую ярко-оранжевую ткань. Она

пошла пешком, заодно побродила по улочкам. Леон встревожился, узнав об этом, сверх меры встревожился, и она заверила его, что все в порядке, что ей еще вполне разрешено ходить.

Погода мягкая. Морской воздух просачивается в каждую улочку Сен-Сюльяка. Жоанна думает, что ей не терпится устроить пикник на пляже. В августе, когда появится малыш, они пойдут туда все вчетвером. На рынке не оченьлюдно в этот весенний день. Жозеф отправляется на поиски моркови, а Жоанну выносит к прилавку цветочника. Розы чудесные. Нежно-розового цвета, глубокого желтого, есть даже чисто-белые. Она смотрит на них с восхищением, как вдруг продавщица из-за прилавка протягивает ей букет из трех роз.

— Это мне? — робко спрашивает она.

Продавщица кивает. Это симпатичная женщина с красивыми зелеными глазами и стянутыми в пучок седыми волосами.

— Да, это вам и вашему малышу.

Женщина, улыбаясь, показывает на ее живот.

— О! Спасибо.

— Когда ждете? — спрашивает женщина.

— В августе.

Их вдруг прерывает звон: стеклянная банка упала на землю и разбилась в нескольких сантиметрах от ног Жоанны. Обе вздрагивают. Жоанна поднимает голову, чтобы посмотреть на нескладеху, уронившую банку, и оказывается нос к носу с мадам Андре. Мадам Андре застыла как статуя, руки упали, лицо искажено выражением несказанного ужаса. У Жоанны заныло в животе, сжалось горло. Она едва слышит, как продавщица обращается к мадам Андре:

— Полноте, дамочка! Не переживайте. С кем не бывает. Пойдите, я помогу вам собрать.

Мадам Андре так и стоит, застыв. Она бледна. Ее взгляд мечется от лица Жоанны к ее животу, словно она не может поверить своим глазам. И Жоанна вынуждена признать ужасную истину: мадам Андре не знала. Леон ничего не сказал. Вопреки тому, в чем он уверяет ее уже два месяца, Леон не посмел признаться матери, что ждет ребенка от дочери шлюхи. И Жоанна не знает, что хуже: ситуация, безгливое выражение на лице мадам Андре или сознание предательства.

— Это не может быть правдой, — бормочет мадам Андре, поднося руку ко лбу.

Кажется, она вот-вот лишится чувств, и продавщица выходит из-за прилавка, чтобы ее поддержать.

— Что с вами, мадам? Вам дурно?

Мадам Андре бормочет быстро-быстро, почти не разжимая губ и не сводя глаз с Жоанны:

— Это невозможно. Он не мог так поступить с нами. Побаловаться — куда ни шло. Но сделать ей ребенка? Он сошел с ума... Он не мог.

Жоанна не в состоянии шевельнуться. Ей кажется, что она растекается лужицей. Хочется исчезнуть, убежать побыстрее, но она не может двинуться с места. Презрение мадам Андре парализует ее. Продавщица поворачивается к ней.

— Вы ее знаете? — спрашивает она, указывая на мадам Андре.

Огромный ком закупорил Жоанне горло. Она качает головой, сглатывает.

— Нет.

Она делает над собой усилие. Медленно наклоняется, сует букет роз в свою корзинку, ищет глазами отца в толпе. *Леон ничего не сказал.* Она бормочет продавщице:

— Спасибо за букет. До свидания.

А в голове крутится фраза: *Леон ничего не сказал. Леон стыдится.* Она вспоминает его смущение всякий раз, когда затрагивала с ним эту тему.

— Ты им сказал?

— Да.

— Как они реагировали?

— Ну... Нормально.

— Ты хочешь сказать, что они... *рады?*

— Да... Да, они рады.

Он не распространялся, быстро менял тему. Она думала, что он не хочет повторять ей гадости, которые говорили о ней его родители. Потому что они наверняка говорили. Он по-прежнему уходил ужинать один каждый понедельник. Но она ошибалась. Действительность была еще ужаснее. Он ничего не сказал. Ее живот округлялся, они сделали первое УЗИ, а он ничего не сказал. Он продолжал скрывать ребенка от своих родителей.

— Жо... Что с тобой?

Жозеф странно смотрит на нее, когда они встречаются. Ей хочется плакать. Ей очень жарко и очень холодно одновременно. Ее тошнит. Ей грустно, редко ей бывало так грустно.

— Жо, что случилось?

Она кладет руки на живот, словно хочет защитить ребенка от всего этого ужаса, от всей этой злобы и всего этого презрения. Нельзя, чтобы они его коснулись. Она с трудом сдерживает слезы. Жозеф ничего не понимает. Озирается. Всматривается в проход, из которого она вышла. Он видит мадам Андре, которую поддерживают цветочница и еще один продавец. Она на грани обморока. Продавец заставляет ее выпить стакан воды. Жозеф приосанивается в гневе.

— Что она тебе сделала?

Засучив рукава, он сердито повторяет:

— Жо, я не позволю ей так с тобой обращаться! Я никому не позволю так с тобой обращаться!

Он уже готов бежать, но Жоанна удерживает его за полу рубашки.

— Это не она, — слабо шепчет она.

Жозеф резко останавливается и оборачивается. Он не понимает.

— Что случилось?

— Она ничего не знала.

Они не говорят ни слова, возвращаясь по улочкам Сен-Сюльяка энергичным шагом. Лицо у Жозефа суровое и решительное. Жоанна еще потрясена. Руки ее все еще лежат на животе, и она идет быстро, очень быстро. Жозеф даст ей поступить так, как она хочет, она это знает. Он будет поддерживать ее до конца, а потом, когда она останется совсем одна в своей спальне, утопая в слезах, придет ее утешать.

Леон склонился над тетрадями в гостиной. Он улыбается, услышав их шаги.

— Как дела?

Жозеф сразу скрывается в кухне. Остается только Жоанна, белая и несчастная, ухватившаяся за стол.

— Как дела? — повторяет он.

Она плачет. На рынке она сумела сдержать слезы, но теперь, перед Леоном, ей это не под силу. Почему она должна ненавидеть это лицо,

которое искренне любит? Но он ничего не сказал. Он предпочел скрыть ее беременность.

— Жо, что с тобой случилось?

Он встает и подходит, чтобы обнять ее, но она уворачивается. Отступает на шаг. Как ни странно, голос ее совершенно ясен, когда она говорит:

— Я встретила на рынке твою мать.

По выражению его лица она видит: он точно знает, что произошло. Тут ей вдруг вспоминается его преувеличенное беспокойство несколько недель назад, когда она выходила в город купить повязку. Нет, не о ее здоровье он тревожился и не о здоровье малыша. Это свою мать он хотел оградить от ее беременности, от этого стыдного ребенка.

— Какие у тебя были планы? — продолжает она, потому что Леон не в состоянии говорить.

— Я...

Он краснеет. Опускает голову, как маленький. Игнорируя слезы на его лице, она продолжает ясным голосом:

— Ты рассчитывал скрывать его и когда он родится?

Леон мотает головой. Жалко лепечет:

— Я собирался им сказать...

Но она перебивает его:

— Я этого не хочу.

— Что?

От его вытаращенных глаз маленького мальчика ей больно, но недостаточно, чтобы остановиться:

— Я не хочу этого для моего ребенка. Не хочу отца, который стыдится его, так стыдится, что предпочитает его скрывать.

— Я бы этого не сделал... ты же знаешь...

— Я не хочу отца, который не способен защитить его от презрения.

— Жо...

— Ты всегда был трусом и слабаком, но это не важно, когда речь шла только обо мне. Я была достаточно сильной, чтобы противостоять.

— Жо...

— Здесь нет места стыду. Мы с папой приняли тебя с распростертыми объятиями. Я хочу, чтобы ты ушел.

Оторопь и ужас написаны на лице Леона.

— *Что?*

Он пытается ухватиться за стол. Пытается что-то сказать, но волнение душит его. Жоанна повторяет совершенно спокойно:

— Я хочу, чтобы ты ушел из этого дома.

— Нет... Жо! Нет! Ты... Ты не можешь!

Теперь он плачет, и она тоже, но она держится. Она спокойна, несмотря на слезы.

— Я позабочусь о нем. Ты можешь не беспокоиться. У меня достаточно любви. Я смогу любить его за двоих. Мы справимся.

Он тянет к ней руки, пытается уцепиться за нее, но она отступает. Уходит в кухню, где укрылся Жозеф. Она знает, он сумеет сказать то, что надо, или даже ничего не сказать, просто будет рядом.

Из кухни они слышат плач Леона. Жозеф ничего не сказал. Он просто рядом. Лицо его замкнуто, непроницаемо, как большая несокрушимая скала.

— Жозеф!

Это отчаянный голос Леона, который дотащился из гостиной до двери кухни. Он стоит на пороге с залитым слезами лицом. Обращается уже не к Жоанне, а к ее отцу. Ищет помощи в его глазах.

— Жозеф... Скажите ей, что она ошибается... Скажите, что она делает глупость... Она не может выгнать меня...

Но лицо Жозефа сурово. Жоанна никогда не видела его таким холодным и гневным.

— Жоанной никто не может командовать. Ей лучше знать, что делать для нее... и для ее ребенка. Мне очень жаль, Леон.

Он отшатывается, как от пощечины.

Плач продолжается битый час... До тех пор пока Леон не покидает дом, еще не веря, еще в шоке, с большой сумкой на плече.

Вечером Жоанна достает свои старые детские книжки с нижней полки книжного шкафа. Потом она садится на веранде при свете старой керосиновой лампы и начинает читать тонким ласковым голоском. Она читает и читает, себе и будущему маленькому Тому.

Жил-был мужчина... а может быть, это была женщина или ребенок, который шел через пустыню. Да, через пустыню пешком. И он плакал, плакал непрестанно,

постоянно, иногда тихо, иногда в голос, но никогда не останавливаясь, он плакал в ритме своих шагов по песку.

Однажды в большой пустыне он встретил птицу, которая его спросила:

— Что ты делаешь один в пустыне?

— Я иду и плачу...

И из его глаза скатилась крупная слеза, которую он тотчас же поймал.

— Почему тебе так грустно?

— Мне не грустно.

— Тогда почему же ты плачешь?

— Смотри. Мои слезы превращаются в жемчужины, — сказал он, держа в руке гладкую и блестящую слезу, — у меня их тысячи в карманах. Хочешь посмотреть?

— Да, да!

Он засунул руку в свой раздутый карман и достал сверкающую горсть.

— Какие они красивые!

— Выбери себе одну, если хочешь.

— Вот почему ты все время плачешь — чтобы у тебя становилось все больше жемчужин?

— Точно. Ну же, выбирай!

— Я хочу вот эту! Она не самая большая, но самая блестящая.

— Ты хорошо выбрала. Прощай!

— Прощай!

Птица схватила большим клювом драгоценную жемчужину и улетела легко и быстро, в то время как плачущий заплакал еще пуще и медленно пошел дальше. Позже птица села и стала рассматривать драгоценную слезу. Она решила, что ей хотелось бы еще, о, не очень много, всего несколько, в подарок другим крылатым путникам. И она полетела назад, к тому, кого оставила, к плачущему, и увидела издали, как он идет, сгибаясь под тяжестью двух огромных карманов, полных жемчужин. Вскоре он уже не мог больше переставлять ноги, упал на колени, пополз — и

все же, несмотря ни на что, продолжал плакать и плакать, и собирал жемчужины, и клал их в карманы.

— Да перестань же плакать, это твои слезы мешают тебе идти!

— Я не могу перестать, не могу.

И снова упали две большие слезы, которые он подобрал.

— У меня нет больше сил, но я привык... Я не могу перестать, нет...

И вдруг птица быстро ударила острым клювом, проделала дырочку в кармане плачущего, потом в другом кармане — крак! — вторая дырочка. Она помогла мужчине подняться и снова идти. Подбадривала его своим пением и взмахами крыльев. А из его дырявых карманов выпала жемчужина, потом другая; две цепочки жемчужин на раскаленном песке прочертили его путь. Он идет, и идти ему все легче. По мере того как пустеют его карманы, прочерчивая сверкающую дорожку, источник слез иссякает. И когда карманы наконец опустели, тогда глаза его высохли, сердце снова наполнилось счастьем, а ноги стали легкими, такими легкими, что он улетел вместе с птицей. Иногда в большой пустыне можно увидеть дорожку из жемчужин, которая никуда не ведет, а если поднимешь глаза, увидишь, как рядом с птицей летит мужчина... но, может быть, это женщина или ребенок, как знать?

—

Ей требуется несколько секунд, чтобы понять, откуда этот шум вокруг нее. Мужские голоса. Ей нужно время, чтобы вернуться в Аас, в усадьбу Ипполита, а точнее — в кухню в пристройке. Она приходит в себя, когда Эмиль уже стоит перед ней в своем черном пальто, с заснеженными темными волосами. Она застыла, не веря своим глазам. Она уже не знает, вправду ли он уезжал или ей приснилось, что он уехал.

— Ну и лицо у тебя, — говорит он, улыбаясь.

Она не может произнести ни звука. Он опускается рядом с ней за маленький стол.

— Ты не нашла мою записку?

— А?

— Записку на ночном столике...

Она качает головой. Ей даже в голову не пришло взглянуть на ночной столик.

— Я писал тебе, что вернусь к полудню. Что я просто уехал отправить письмо.

У нее, должно быть, еще растерянный вид, потому что он улыбается, незаметно поглаживая ее по колену под столом, словно говоря: *Все хорошо, я вернулся.*

Только тут она замечает, что Альбен сидит за столом напротив и подал ей тарелку. Замечает и то, что ей легче дышать и вдруг хочется есть. Она бросает на него еще один взгляд, взяв вилку, последний взгляд, чтобы убедиться, что он здесь, что ей не приснилось, он вернулся. Потом она буквально набрасывается на разогретые овощи. Боже мой, как же она проголодалась.

— Куда ты ездил?

— В По.

Они говорят с полным ртом, не обращая внимания на Альбена, который все равно погрузился в чтение газеты.

— Это было...

Она мнется:

— Это было письмо твоим родителям?

Он кивает, не отрываясь от еды.

— Да... Кое-какие инструкции.

Она думает, что речь идет, должно быть, о решении, которое он принял на днях, о кремации. И больше не настаивает. Но несколько минут спустя, когда Альбен встает из-за стола, она спрашивает:

— Ты помнишь, что произошло вчера вечером?

— А?

Он продолжает есть, уставившись в свою тарелку.

— На стройке...

Он берет стакан воды и проглатывает ком в горле, прежде чем выпить.

— А, Ипполит и Альбен сказали, что я, кажется, упал. Ты, видно, не захотела везти меня к врачу.

Она внимательно всматривается в него, пытаясь понять, не шутит ли он, но вид у него самый что ни на есть серьезный.

— Ты... Ты не помнишь? — настаивает она.

— Нет.

— Нет?

Он поворачивается к ней и качает головой.

— Нет. Мне хуже и хуже. Все пошло быстрее...

— Как это?

— У меня провалы. Я не всегда знаю, что делал вчера или... Или какой сегодня день.

Оба пытаются делать вид, будто не заморачиваются этим, будто все нормально и они воспринимают это легко. Они снова начинают есть, но несколько минут спустя Жоанна опять напоминает:

— Ты принял меня за кого-то другого. Кажется, ты принял меня за Лору.

Она видит, как его брови сдвигаются к переносице, хотя он упорно не поднимает глаз от тарелки.

— Я... Я не обидел тебя... не сделал ничего обидного или... или плохого?

Она пожимает плечами.

— Ты очень на меня злился.

Она этого не ожидала, но он смеется нервным смехом, глядя в тарелку.

— Меня это не удивляет!

Она смотрит на него, не понимая.

— А?

Он отвечает, все еще смеясь:

— Да, она умела достать! У нее был дар... Исключительный дар злить меня! Она бы, думаю, тебе не понравилась...

Жоанна тоже улыбается, немного робко.

— Вот как?

— Она была нахалкой и задирой. Она никогда не нравилась моим родителям... и моей сестре.

Он сам удивлен, что так легко упоминает Лору, смеется и видит, как Жоанна улыбается в ответ. Он удивляется еще больше, когда она,

отложив вилку, заявляет с улыбкой в глазах:

— А Леон был папенькиным сынком, и ему отчаянно не хватало мужества. Тебе бы он тоже не понравился.

Он не знает, что сказать, и улыбка его на миг застывает. Она никогда не говорила о Леоне. Никогда по собственной инициативе. А когда была вынуждена, говорила серьезным и скорбным тоном. Но не сегодня. Он старается быстро взять себя в руки, чтобы не повисла неловкость:

— Вот видишь... Нам не так уж плохо вдвоем.

Она кивает, и глаза ее блестят.

Альбен покидает усадьбу через несколько дней, перед Рождеством. Прощание вышло коротким. Без вечеринки и возлияний. Ипполит сидит на чемоданах. Он уезжает на две недели рождественских праздников к сестре в По. Усадьба закрывается, и стройка тоже. Новых волонтеров он не будет принимать до января. Однако он разрешил Эмилю и Жоанне остаться в пристройке и посоветовал им отдохнуть в его отсутствие. Он рад, что будет кому позаботиться о его псе Мистике, которого сестра не терпит в своей квартире. Он оставил им инструкции, как его кормить и как правильно топить камин в пристройке. Дал расписание передвижной лавки «Тут Тут». Потом вручил им ключи от усадьбы и удалился почти нехотя. Ипполит явно не любит слишком надолго покидать свои горы.

И вот в это утро они совсем одни в усадьбе. Пок и Мистик — всего лишь тени, скользящие по ледяным просторам, оставляющие следы на снегу. Жоанна и Эмиль немного растеряны в полнейшей тишине в этой пристройке, где остальные три комнаты пусты. О работе на стройке не может быть и речи. Ипполит строго-настрого запретил им соваться туда в его отсутствие, да и ледяной ветер, задувающий снаружи, все равно бы их не пустил. Они сидят за скудным обедом в пустой кухоньке и смотрят, как кружат за окном снежные хлопья, уносимые порывами ветра.

— Что будем делать? — спрашивает Эмиль, гоня горошины вилкой по тарелке.

Жоанна пожимает плечами.

— Никуда не выйдешь в такую погоду.

Эмиль уже посмотрел утром: у Ипполита нет книг. Нет даже старых газет, нечего полистать. Телевизора, разумеется, тоже нет. Он уже исписал много страниц своего дневника в последние дни, писал отцу, матери, Маржори, Рено, пользуясь краткой передышкой, которую дала ему память. Жоанна потирает шею, отложив вилку.

— У тебя есть идея? — с надеждой спрашивает Эмиль.

Она нерешительно пожимает плечами.

— Мы могли бы поступить как все...

— То есть?

— Справить Рождество.

Удивленный, он откидывается на спинку стула.

— Ты хочешь сказать... как нормальные люди, у которых есть семья и которые не готовятся умереть?

Он выпалил это с долей цинизма и с известной дерзостью, как будто надеялся в глубине души вызвать у нее улыбку.

— Да, — отвечает Жоанна серьезно. — Ты ведь праздновал Рождество с семьей?

— Конечно. Мы начинали готовиться за недели. Елка, вертеп, подборки традиционных песен...

Жоанна слабо улыбается, как будто ей это тоже навевает воспоминания о семье.

— Ты тоже праздновала Рождество? — спрашивает Эмиль.

— Да. Мы с отцом все делали своими руками. Подарки, украшения, елочные гирлянды, ароматические свечи. А потом готовили наши фирменные настои на основе апельсиновых корок, горького какао и корицы.

Он не может удержаться от улыбки. Как будто запах корицы щекочет ему ноздри. Как будто в ушах стоит колокольный звон на фоне звуков пианино, доносящихся из репродукторов в гостиной. Он почти слышит шум в кухне. Голоса Маржо и матери. Он чувствует, как дымок от масла с петрушкой, в котором томятся улитки, распространяется по первому этажу. На прошлое Рождество близнецы пришли в колпаках Санта-Клауса, а Бастьен где-то отыскал красный галстук-бабочку. Никто не обсуждал усталую и отсутствующую мину Эмиля. Прошло пять месяцев с ухода Лоры, и все думали, что он наверняка уже оправился. А он был не совсем с ними. Теперь он понимает, что испортил свое последнее Рождество. Последнее настоящее Рождество, во всяком случае. Ему осталось это, с Жоанной, в этой пустой пристройке. С Жоанной, которая как бы его жена... Ладно, они, в конце концов, семья. Он расправляет плечи уже с большим энтузиазмом.

— Ты права. Мы можем справить Рождество.

Это их первое Рождество вместе и, вероятно, последнее. Нельзя упустить такую возможность.

— Можно сходить после обеда в деревню и посмотреть, продают ли там елки.

Жоанна кивает с полным ртом.

Они идут в деревню пешком под снежными вихрями. Встречный старик сказал им, что здесь они не найдут елки, лучше срубить ее самим в лесу, отчего заблестели глаза Жоанны.

— Чем, по-твоему, мы срубим елку? — говорит Эмиль, когда старик удаляется.

— У Ипполита в домике наверняка есть инструменты. И на стройке, я уверена, есть пилы, они тоже подойдут.

Они заходят немного дальше, несмотря на холод и ледяной ветер, чтобы посмотреть, нет ли в поселке хотя бы табачной лавки, где они могли бы купить фломастеры, ленту, проволоку для гирлянд. Но приходится вернуться несолоно хлебавши. Занесенная снегом деревня — настоящая маленькая крепость, затерянная в горах. Они понимают, что их единственный шанс получить такие вещи и связаться с внешним миром — призвать на помощь «Тут Тут». Другой вариант — поехать на машине, но снег продолжает валить, и это было бы неосторожно. Жоанна то и дело останавливается, подбирая шишки и еловые ветки. Она говорит, что у нее уже тысяча идей на этот счет. Эмиль ждет ее, дыша на руки.

Он раздувает огонь в кухоньке пристройки, пока Жоанна звонит в «Тут Тут». Из долетающих до него обрывков разговора Эмиль заключает, что она пытается договориться, чтобы все привезли в завтрашнюю доставку, потому что иначе придется ждать еще четыре дня. Она предлагает доплату, и, кажется, ее собеседник поддается: повесив трубку, она встает, чтобы заварить чай, и, пока греется вода, принимается перебирать еловые ветки с удовлетворенным видом.

— Всё привезут завтра?

— Да.

Она продолжает перебирать ветки, отрывая там и сям по несколько иголок.

— Что ты с ними сделаешь? — спрашивает Эмиль, ставя на стол кастрюльку с кипятком и чашки.

— Хочу соединить их в кольцо и обвить золотой лентой.

— Рождественский венок?

— Да. А из остатков можно сделать звезды. Скрестить маленькие веточки и связать их лентой.

Они молча пьют чай, глядя на падающий снег. День уже клонится к вечеру.

— Завтра попробуем найти елку?

Жоанна кивает.

В этот вечер они достают из кемпинг-кара подаренную Миртиль «Монополию» и играют до поздней ночи. Потом Эмиль встает у занесенного снегом окна и смотрит на дрожащее пламя поставленных на подоконник свечей. Жоанна была права со своей пресловутой медитацией. Чем чаще его память дает слабину, тем больше он испытывает потребность смотреть на огонь, на облако, все равно на что, создать пустоту в себе и сосредоточиться в тишине. Он долго стоит неподвижно в маленькой кухоньке, глядя на свечи, которые гаснут одна за другой. Потом идет к Жоанне и Поку в их спальню и засыпает глубоким сном.

— Что мы здесь делаем?

Жоанна резко оборачивается. Она завтракает в кухне, высматривая в окошко «Тут Тут». Эмиль стоит в дверях, и по выражению его лица она сразу понимает, что у него снова блэкаут. Она ждет секунду, другую. Надеется, что этого будет достаточно, чтобы он пришел в себя, вернулся в Аас, к тому, что они здесь делают... Но этого не происходит. Он снова спрашивает:

— Что мы здесь делаем?

Она невольно отмечает, что нотки в его голосе изменились с его самых первых потерь памяти. Первые провалы были синонимом ужаса. Они повергали его в несказанную панику. Она еще помнит тот раз, когда он задыхался, проснувшись, лежа на траве. В первые разы он как будто отчасти понимал, что потерял память. Но в тот вечер на стройке все было совсем иначе. Больше ни паники, ни страха. Вместо этого путаница мест, людей, настоящего и прошлого. Как будто теперь он уже слишком болен, чтобы осознавать сам факт потери памяти.

По-прежнему стоя в дверях, Эмиль медленно спрашивает:

— Где мама?

Она сглатывает, осторожно ставя на стол чашку кофе. Прежде чем ответить ему, ей хотелось бы знать, за кого он теперь ее принимает. Кажется, не за Лору. Он совершенно спокоен с ней.

— Я... Я не знаю.

Она думает, что такой ответ ее ни к чему не обязывает и не может ухудшить положение. С облегчением смотрит, как он входит в кухню, вытягивает стул и садится.

— Она, наверно, вышла что-то купить, — говорит он. — А папа, я полагаю, еще спит.

Жоанна застыла, не зная, что ответить. Она боится шевельнуться. Эмиль же берет кофейник и совершенно спокойно наливает себе чашку. Он ни минуты не сознает, что выпал из реальности. Он сейчас в своей собственной действительности. Действительности, состоящей из воспоминаний и предположений. Она не знает, что, в конечном счете, страшнее. Изначальный страх или это полное забвение.

— Мы приехали вчера? — продолжает он, поднося чашку ко рту.

Она сидит неподвижно, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Маржо?

Жоанна вздрагивает, услышав это имя. Значит, она сегодня Маржори. Она выдавливает из себя ответ, заикаясь:

— Да... Мы... Да.

Эмиль берет еловые ветки, которые Жоанна оставила вчера на столе, и хмурится.

— Это еще что за ужас?

Он не видит, как побледнело лицо Жоанны.

— Ручаюсь, что мама хочет сделать нам самодельные украшения.

Он резко поворачивается к ней.

— Это она захотела снять это шале на праздники?

Пусть он придет в себя. Пусть он скорее придет в себя. Жоанна ерзает на стуле, ей все больше не по себе. Она сглатывает, пытается сказать беспечным тоном:

— Угадай...

Она едва узнает улыбку Эмиля, как будто принадлежащую Эмилю из другой поры, которого она не знала. Должно быть, так заговорщически он улыбался своей сестре когда-то. Он залпом допивает кофе и встает.

— Куда ты? — спрашивает она, встревожившись.

— Так заниматься! — отвечает он как нечто само собой разумеющееся.

— А...

— У меня же экзамены осенью! Я знаю, что сейчас каникулы, но я здорово отстал!

Она медленно закрывает глаза, молясь, чтобы это был лишь дурной сон. Когда она их открывает, он уже исчез из кухни, и она испытывает только безмерное облегчение.

— Эмиль? Эмиль? Где ты?

Она идет медленно. Мелкими шажками по коридору. Ей удалось проглотить свой кофе, потом она ждала, сидя в кухне и прислушиваясь. В любую минуту он мог появиться и спросить, куда мама убрала его учебники. Но он не появился. Она ничего не слышала. Тогда она решила встать и поискать его в пристройке, разумеется, с опаской. Она боится найти его в бреду и снова играть комедию, правил которой не знает. Она снова зовет:

— Эмиль!

И ей отзывается голос:

— Я здесь!

Распахивается дверь маленькой ванной, и появляется Эмиль, в халате, с полотенцем в руке.

— Ты уже встала? — спрашивает он.

Ей хватает секунды, чтобы надеть маску полной невозмутимости, принять бесстрастный вид. Она кивает.

— Да, я встала.

— Кофе сварила?

Судя по всему, он пришел в себя. Даже не заметил, что уходил прогуляться в прошлое, в свои восемнадцать лет. Жоанна с таким облегчением видит его снова в своей реальности, что предпочитает ничего не говорить, сделать вид, будто ничего странного не произошло.

— Да. Кофейник на столе.

За окном слышен шум мотора, и Эмиль хмурится.

— Это еще что?

Жоанна вздрагивает и бежит в конец коридора, чтобы надеть пальто. Она чуть не забыла!

— Это, должно быть, доставка.

— Класс! Я сейчас оденусь и приду.

Облегчение так велико, что она выбегает на снег в носках и замечает это только через несколько метров.

Все здесь, разложено на столе перед ними. Шесть ящиков, полных продуктов, напитков, всевозможных материалов для украшений. В пристройке царит суэта. Они убирают припасы, распаковывают краски, ленты, блестки. Жоанна вытирает стол и освобождает место для изготовления гирлянд. Эмиль внимательно смотрит, как она работает, то и дело запуская руку в пакет с конфетами. Утренняя растерянность забыта. По крайней мере, на время.

— После обеда... думаешь, мы закончим украшения для елки? — спрашивает Эмиль с полным ртом.

Жоанна старательно обматывает прозрачной ниткой еловые ветви, связывая их в круг. Потом она режет золотую ленту и делает маленькие бантики, которые прикрепляет по обе стороны венка. Получается красиво.

— Ммм, — задумчиво тянет она. — Не знаю... А что?

— Я подумал... Давно мы не проводили сеансов медитации...

Она поднимает голову, удивленная.

— Правда? Мне казалось, что тебе это скучно.

Эмиль качает головой и глотает шоколадку, прежде чем ответить.

— Я думаю, мне это помогает... знаешь, когда я не понимаю, что здесь делаю или... или почему я уже одет, когда уверен, что только что встал... Ну вот, я делаю, как ты говорила. Сосредотачиваюсь на настоящем моменте и опустошаю голову.

Она улыбается ему с ноткой нежности.

— Это хорошо...

Она снова переключает внимание на золотые бантики. Ей не хочется думать об утренней сцене, которую он совершенно забыл. Хочется верить, что это был лишь отдельный провал, а не начало распада.

— Так ты согласна?

Она поднимает голову с жутким ощущением, будто на грудь что-то давит.

— А?

— Насчет медитации.

— А, да, конечно!

Он встает, выглядывает в окно.

— Пойду покормлю Мистика. Я скоро.

Она кивает. В затянутое дымкой окно ей видно, как он идет по снегу и Мистик бежит к нему. Он присаживается на корточки, лепит снежок и запускает его вдаль. Мистик принимается лаять и искать вокруг. Эмиль разговаривает с ним. Она улавливает несколько слов: «Ищи!», «Где он?» Жоанна продолжает вязать золотые бантики с этим неотвязным чувством, будто грудь ее сжимают тиски.

Сен-Сюльяк. Она пытается вернуться в Сен-Сюльяк...

— Папа!

Голос Жоанны разнесся по всему каменному домику, и Жозеф в тревоге бежит в ее комнату.

— Что случилось?

Он находит ее сидящей на кровати с открытой книгой на коленях, руки обхватили живот, округляющийся с каждым днем.

— Что случилось? — со страхом спрашивает Жозеф. — Что-то не так с ребенком?

У Жоанны вытаращены глаза, она застыла, как будто сосредоточилась на чем-то или пытается что-то услышать.

— Жоанна? — ласково зовет ее Жозеф.

Она потихоньку приходит в себя, и полуулыбка медленно проступает на ее лице.

— Он шевелится...

Жозеф вздыхает с облегчением и садится рядом с ней.

— Это в первый раз?

Она кивает. Она купается в чистом восторге, руки судорожно сжаты на животе. Ее улыбка не обращена ни к кому в отдельности. Выждав несколько секунд, Жозеф спрашивает ласково:

— Хочешь, чтобы я позвонил Леону?

— Пожалуйста.

Очень скоро Леон стучит в дверь маленького домика в лихорадочном нетерпении.

— Где она? — спрашивает он Жозефа, встретившего его с серьезным видом.

— В своей комнате.

Он почти бежит. Падает на колени у кровати и, схватив руки Жоанны, шепчет:

— Жо...

Она смотрит на него, не выказывая никаких эмоций.

— Жо, мне жаль, мне так жаль.

Жоанна качает головой, не давая ему продолжать.

— Ребенок шевелится, — спокойно сообщает она.

Глаза Леона мечутся, смотрят то на круглый живот Жоанны, то на ее лицо. Он в нерешительности. Что сейчас важнее всего? Ребенок? Вымолить прощение Жоанны? Он прижимается лицом к Жоаннину животу, продолжая шептать:

— Я рад, что ты меня вызвала. Я обещаю тебе, я сделаю все, чтобы ты меня простила. Жо...

Он вдруг осекается, вытаращив глаза.

— Жо, он... Жо!

Он выпрямляется, прижимает обе ладони к животу Жоанны. В глазах оторопь. Он повторяет:

— Жо, он...

Она наконец улыбается. Впервые улыбается ему после их ссоры.

— Я знаю.

— Он шевелится!

— Я знаю.

Она невольно улыбается восторгу Леона. Он не может усидеть на месте. Держит руки на ее животе, прижимается к нему ухом, потом губами и кричит:

— Привет! Эй, там, привет! Я...

Он снова выпрямляется, и они обмениваются растроганными улыбками. Конец фразы тонет в недоверчивом возгласе:

— Я папа!

Жоанна смеется, крупные слезы текут по ее щекам. Леон целует ее живот. Она гладит его волосы. Ребенок шевелится. Она больше не хочет, чтобы он уходил. Никогда.

— О чем ты думаешь? Чему улыбаешься?

Она вздрагивает, услышав голос Эмиля. Она вернулась в кухню в Аасе с залепленным снегом окном.

— Ты уже пришел?

Он садится и выкладывает перед ней десяток апельсинов.

— Что ты делаешь? — удивляется она.

— Я очищу апельсины, высушу корки на печи... и сделаю тебе твой настой.

Она удивленно улыбается.

— Правда?

— Да. Так ведь надо делать, верно?

Она встает, и стул поскрипывает на плиточном полу старой кухни.

— Да. Я помогу тебе.

В кухне пахнет апельсинами и костром. Апельсиновые корки грудой лежат на столе, и Эмиль показывает на салатницу, куда они сложили голые апельсины.

— Теперь надо все это съесть.

Он засовывает в рот сразу четверть. Жоанна встает и ровненько раскладывает апельсиновые корки на камине.

— О чем ты думала сейчас, когда улыбалась? — спрашивает Эмиль.

Он смотрит, как она расправляет ладонями каждую апельсиновую корку. Он не знает, правильно ли он сделал, что спросил, зачем настаивает. Но она отвечает:

— Я думала о Сен-Сюльяке.

Он не знает, грустно или радостно она это говорит, он видит только ее спину.

— Ты скучаешь по своей деревне?

— Иногда.

Ей явно не хочется распространяться на эту тему. Она оборачивается, вытирает руки о штаны и говорит:

— Надо подождать, пока они высохнут. Потом мы их истолчем и положим в чайный фильтр. Добавим корицу и бадьян. Кажется, я все это заказала, да?

Эмиль склоняется над стоящими на столе ящиками. Он понял, что она хочет сменить тему. Он поднимает пакет с сахаром и бутылку масла, но смотрит озадаченно.

— Что такое бадьян?

Она закатывает глаза, но так, для проформы.

— Дай я поищу. Покажу тебе.

—

Большого и не надо было, чтобы тягостное утро развеялось и дух Рождества проник в пустую пристройку. Пок свернулся клубочком на стульчике у печи. Повсюду летают блески. Жоанна опытным взглядом осматривает шишки, ставшие красивого золотистого цвета. Она прикрепляет последнюю к елке. Эмиль исколол пальцы, пытаясь закончить рождественский венок. Он вырезал из картонной упаковки от макарон красные звездочки и развесил их на ветвях как мог. Посасывая уколотый палец, он озирает свой шедевр.

— Что скажешь?

На красных звездочках остались буквы с упаковки макарон. На одной можно прочесть часть слова: *Итали...* На другой значится «г» от «500 г». Жоанна с невозмутимым и совершенно серьезным видом заявляет:

— Очень красиво.

Позже они решают выпить чаю, и в поисках ситечка в ящике шаткого столика Жоанна натывается на старый пазл из пятисот деталей. Этот пазл, изображающий осенний лес, занимает их до поздней ночи. Они забывают поесть что-либо, кроме апельсинов, и Жоанна в конце концов засыпает, положив голову на стол среди крошечных деталей.

— Снег еще идет? — ворчит Эмиль, потягиваясь, с тяжелыми со сна веками.

Жоанна уже встала и сидит на подоконнике в их спальне. Пок лежит на кровати рядом с Эмилем. Она приникла лицом к стеклу.

— Да.

— Сильный?

— Да. Нас в конце концов погребет...

— Хорошо, что мы заказали все это... Не знаю, проедет ли «Тут Тут» в такой снег.

Она кивает. Он отнес ее в кровать этой ночью. Она весила не тяжелее перышка. Она не проснулась, даже не вздохнула.

— Что ты делаешь? Рисуешь?

У Жоанны на коленях лежит холст, он только сейчас это заметил. Он привстает в постели, подтянув одеяло к груди. Холод собачий, несмотря на камин.

— Да. Я хочу начать новую картину.

— И что ты напишешь?

Она колеблется, покусывая кончик кисти. Холст еще чистый.

— Может быть, тебя?

Они улыбаются друг другу.

— Меня?

— Да.

— Ммм, — мычит он. — Почему бы нет? Мне надо принять особую позу? Ты, надеюсь, не хочешь все-таки писать обнаженку?

Он смеется, когда она закатывает глаза.

— Я, знаешь, не против обнаженки...

Жоанна встает и кладет чистый холст на подоконник. На ней толстые носки из зеленой шерсти и ее вечная черная шаль.

— Там будет видно.

— Ты куда?

— Заварить чай.

Она скрывается в коридоре, и Пок, спрыгнув с кровати, следует за ней.

— А моя медитация? — кричит он.

Но все, что он слышит сквозь стены, — это разочарование Жоанны, когда она обнаруживает:

— Ох, нет... Ты закончил пазл без меня!

Снег все идет. Мистик так замерз на улице, что Эмиль и Жоанна впустили его в пристройку, невзирая на запрет Ипполита.

— Это пастушья собака, она должна терпеть холод, — сказал он им.

Бедный пес счастлив свернуться клубком у камина. Ветер свистит в соснах и врывается в дверь, когда Эмиль выходит принести дров.

В следующие дни кухня наполняется запахом песочного печенья, легким паром от апельсиново-коричного настоя и светом свечей, изготовлению которых Жоанна пытается научить Эмиля. Эти несколько дней вне времени. Ласковое вневременье среди зимы и снега, который продолжает их засыпать. По утрам они неустанно разбирают пазл из пятисот деталей и забавы ради заново собирают его. Потом приступают к сеансам всевозможной медитации: медитация у камина, медитация перед снежными хлопьями, дыхательные упражнения... Эмиль делает сверхчеловеческие усилия. Он очень любит эти моменты. Не только из-за покоя, охватывающего его все больше с каждым днем, но в особенности потому, что Жоанна старается быть хорошим учителем, и ему нравится видеть ее такой серьезной и сосредоточенной.

В обед они почти не едят. Ничего существенного. Конфету, апельсин. После обеда Жоанна рисует, а Эмиль осваивает кулинарию. Однажды он печет песочное печенье, в другой день пряники. Они полдничают и пьют чай. Варят супы. Делают новые украшения к Рождеству. Скоро не останется больше места на камине и на узком подоконнике для их самодельных свечей, бумажных шаров и миниатюрных елочек, сделанных из веток. Сон часто застает их в ходе создания одного из шедевров или во время партии в «Монополию».

Эмиль все чаще теряет память, особенно по утрам. Обычно ненадолго. Он спрашивает Жоанну, где они находятся и как сюда попали. Жоанна не знает, узнаёт ли он ее, чаще всего он принимает ее за Маржори. У той тоже каштановые волосы, только темнее, и карие глаза. Но на этом сходство и заканчивается, если судить по фотографиям, которые видела Жоанна. Он добр к ней в эти моменты.

Спрашивает, где Бастьен и оставила ли она с ним близнецов. Жоанна не знает, кто такой Бастьен. Она предполагает, что это муж Маржори. Она отвечает всегда неопределенно:

— Он скоро придет. Он недалеко.

Иногда он погружается дальше в прошлое, говорит об экзаменах, к которым должен готовиться, о Рено, который зайдет за ним, чтобы идти играть в футбол. Он, должно быть, очень любит Маржори, потому что он ласков в эти моменты, не такой, как с Лорой.

Жоанна потихоньку привыкает. Это не так трудно, как в первый раз. Она старается не перечить ему, говорить неопределенно. Он скоро приходит в себя. А потом, кажется, ничего не помнит о том, что произошло. Достаточно ни о чем не напоминать, и все снова входит в колею.

Как-то утром, однако, происходит нечто более серьезное. Жоанна моет посуду, рассеянно поглядывая в окошко, и вдруг различает что-то темное на снегу. Ей требуется несколько секунд, чтобы понять, что это одежда... а точнее, тело в одежде. Тело, лежащее на земле. Чашки с грохотом падают в раковину, отчего вздрагивает Пок у камина. Хлопает входная дверь. В следующую секунду Жоанна уже на улице в своих толстых зеленых носках.

— Эмиль!

Она бежит так быстро, как может, по глубокому снегу.

Мистик мчится ей навстречу, виляя хвостом.

— Эмиль!

Он лежит, уткнувшись лицом в снег, как будто упал ничком. Ей кажется, что он весит тонны. Она кричит:

— Эмиль! Эмиль! Проснись!

Но он недвижим. Он без сознания. Она хватается за плечи, трясет, пытается перевернуть. Проклинает себя, такую слабосильную. Мистик бежит вокруг, лает, как будто хочет кого-то позвать. Соседа, кого-нибудь.

— Эмиль!

Она быстро размышляет, стараясь не поддаваться панике. Бежит в пристройку и возвращается через несколько секунд с простыней. Стоя на коленях в снегу, пытается перекатить безжизненное тело Эмиля на простыню. Когда ей это удастся, она видит, что лицо у него лиловое,

местами опухшее. Она не знает, сколько времени он пролежал без сознания лицом в снегу. Но с облегчением отмечает, что теплое дыхание еще вырывается из его ноздрей. Она встает, отталкивает Мистика, который отчаянно лает, путаясь в ногах, и, надрываясь, тащит по снегу простыню с телом Эмиля. Тяжело, но она тащит, выбиваясь из сил, добрых пять минут. И сползает по двери в прихожей, обессиленная.

Она дает себе несколько секунд, чтобы оправиться от шока, от приложенных усилий. Тепло пристройки потихоньку окутывает ее. Эмиль дышит. Он так и лежит на белой простыне на полу в прихожей, и перед ее глазами мелькает видение, леденящее кровь: то же тело, на том же белом саване, через короткое время. Вот только дышать оно больше не будет.

Она вынуждена закрыть глаза, чтобы отогнать эту картину, отогнать и все те, которые еще могут возникнуть. Но слишком поздно. Картина уже здесь. Летний лес. Лесное озеро, глубокого, тревожного сине-черного цвета. Озеро, окруженное колючими зарослями и высокой травой. Вода неподвижна. Поверхность совершенно гладкая. На ней плавают ветки, островки ряски и листья. И еще плавает тело, совсем маленькое тельце посреди этого озера. Видны только светловолосая головка и белая футболка. Кто-то удерживает ее на берегу. Кто-то кричит ей в ухо: «Успокойся, Жоанна!», сжимая ее все крепче.

Она, однако, не слышит собственного крика. Только чувствует бурю в груди, что-то, сметающее все, разрушающее до основания ее мир. Какие-то люди в воде, какие-то люди вытаскивают ее малыша. Она кричит, надрывая горло:

— Оставьте его! Оставьте его в покое!

Голос у ее уха что-то говорит, она не все понимает.

— Они принесут нам его. Они сейчас тебе его принесут. Успокойся, Жоанна.

Ей не дают двигаться. Один из людей несет Тома на руках. Том весь мокрый. Глаза у него закрыты, как будто он спит. Она падает, не чувствуя, как ее колени разбиваются о камни. Она только знает, что протягивает руки вперед, что Тома кладут на землю перед ней. Но люди стоят вокруг. Они не дают ей взять Тома на руки и уйти с ним далеко, подальше отсюда, подальше от этого проклятого озера и от

Леона. Кожа Тома ледяная. Нос совсем твердый. Она царапается, дерется, бьет всех этих людей вокруг, всех тех, что не дают ей забрать своего малыша, унести его подальше отсюда.

— Они достали его из воды. Постарайся успокоиться, Жоанна.

Она умирает, тихо умирает на берегу. Умирает, глядя, как уходят люди в черном, уносят с собой ее малыша, запирают его в фургоне. Она умирает лицом в землю, содрогаясь от боли, надеясь никогда больше не проснуться.

Она чувствует, как ее снова сжимают, снова зовут, снова повторяют:

— Жоанна, Жоанна, успокойся.

Она больше не в лесу. Пол холодный и твердый. Она в коридоре пристройки. Ее обнимает Эмиль. Он с ней говорит. Она скорчилась у двери, зажав руками уши. Ее лицо залито слезами. Она раскачивается взад-вперед. Дышит с трудом.

— Перестань, Жоанна. Все будет хорошо.

Он пытается отнять ее руки от ушей, и она понимает почему. Она расцарапала себе щеки. Разодрала кожу. Эмиль умоляет:

— Жоанна, перестань. Я здесь. Пожалуйста.

Она дает себя обнять. Пытается перевести дыхание.

— Что случилось?

Она отвечает отрывисто:

— Они забрали Тома.

Они так и сидят в холодной прихожей пристройки. Ни у него, ни у нее нет сил подняться и дойти до комнаты. Эмиль прикрывает Жоанну белой простыней, на которой он очнулся, потому что она дрожит всем телом, как в тот вечер, когда он нашел ее на пляже.

— Расскажи мне про Тома.

Она поднимает на него растерянные глаза. Щеки перепачканы. Губы приоткрываются и задают вопрос:

— Что?

Он понятия не имеет, что делает. Он только хочет, чтобы она перестала дрожать и задыхаться. И он повторяет:

— Расскажи мне про Тома.

И добавляет, с силой улыбаясь дрожащей улыбкой:

— Ты говорила, что это был удивительный мальчик... самый умный из всех, кого ты знала.

Он с тревогой всматривается в ее лицо. Она перестала раскачиваться. Она как будто колеблется. Наконец тихо произносит:

— Хорошо.

И вот он переносится в Сен-Сюльяк, в каменный домишко, окруженный огородом, в погожий летний вечер.

Жоанна лежит на диване, ее большой круглый живот торчит в потолок, и ветер паники гуляет по маленькой гостиной. Леон суетится, собирает с пола одежду, берет связку ключей со стола, засовывает все в большую дорожную сумку. С улицы врывается Жозеф в берете.

— Готово, мотор работает. Можешь ее сажать.

Жоанна бледна, лицо в поту, лоб временами морщится. Начались первые схватки, все более частые. Пора ехать в больницу.

Эмиль удивлен, что она решила рассказать ему историю Тома Блю с их первой встречи в родовой палате. Но он не перебивает ее, потому что теперь она спокойнее и дышит легче.

Леон слишком нервничает, чтобы вести машину. За руль сел Жозеф. Он спокоен, как и Жоанна. Безмятежно улыбается. Ведет машину, насвистывая.

— Хороший денек для встречи маленького Тома, — говорит он, глядя на Жоанну в зеркало заднего вида.

Они уже выбрали ему имя. Вообще-то выбрала Жоанна. Том в честь Тома-Мизинчика. Одна из ее любимых детских сказок. Про пожилых мужа и жену, которые не могли иметь детей и пожелали ребеночка любого роста, пусть даже «не больше мизинчика». Том родился чудесным образом и получил имя Том-Мизинчик, потому что ростом был не больше мизинчика. Несмотря на маленький рост, он совершил много подвигов, самым славным из которых было чудесное спасение от смерти, когда его проглотила корова.

История делает скачок вперед. Жоанна, Леон и Том на веранде, выходящей на играющий красками огород. Том — удивительно спокойный ребенок, он почти не плачет. Леон умирает от

беспокойства, спрашивая себя, нормально ли это. Жоанна же спокойна. Она отвечает, что уверена: Том-Мизинчик тоже не плакал.

Они поставили колыбельку на веранде, но Том никогда в ней не спит. Жоанна с первых дней держит его при себе. Это тихий младенец со светлым пушком на голове, с темно-синими глазами, уже отливающими карим. Он постоянно закутан в ярко-оранжевую повязку, которую Жоанна носила во время беременности. Леон неловок с ним, но Жоанна терпелива. Она учит его держать ребенка на руках, менять ему подгузник, укачивать. Жозеф держится в стороне. Он знает, что им троим надо привыкнуть друг к другу.

Они всё еще сидят на веранде, когда в дверь стучат, довольно грубо. Леон бледнеет. Он быстро объясняет Жоанне сдавленным шепотом:

— Это, наверно, моя мать. Она уже трижды просила показать ей Тома... Я не отвечал...

Жоанна ничего не говорит. Однако она помнит реакцию мадам Андре, когда та обнаружила ее беременность. *Он не мог так поступить с нами.* Теперь, когда Том родился, мадам Андре требует причитающегося ей по праву: визита к своему потомству.

Месье и мадам Андре входят на веранду в сопровождении Жозефа с суровым и хмурым лицом. Леон, белый как простыня, переминается с ноги на ногу.

— Добрый день, Жоанна, — говорит мадам Андре по обыкновению холодно.

Жоанна крепче обнимает маленького Тома и незаметно пятится.

— Мы пришли посмотреть на внука.

Тяжелое молчание повисает на веранде. Жозеф неподвижно стоит в дверях. Леон остается подле Жоанны и малыша, словно хочет отгородить их от родителей.

— Можно? — спрашивает мадам Андре, протягивая руку к ребенку.

Жоанна кивает, но продолжает крепко держать Тома. Месье и мадам Андре склоняются над ребенком, берут его крошечные ручонки своими большими пальцами, гладят щечку. Их лица, обычно хмурые и недовольные, расцветают неподдельной радостью.

— Вылитый Леон, правда?

— Точно.

— Я как будто вижу его младенцем.

Они не обращают никакого внимания на Жоанну, которая так и не выпустила Тома.

— У него его глаза.

— И его нос тоже, правда?

Леон не говорит ни слова и очень нервничает.

— Что-то ребенок очень тихий. Он никогда не плачет?

Они обращаются к сыну, тот пожимает плечами.

— Да, редко...

Жоанна по-прежнему невозмутима.

— Что это за грязная тряпка? — спрашивает мадам Андре, с отвращением морща нос. — Он подцепит микробы. Надо простирнуть ее в машине.

— Это набедренная повязка, — запинаясь, отвечает Леон.

— Что?

— Жоанна думает, что ее запах успокаивает малыша.

Все молчат. Жозеф выражает свое раздражение, цокнув языком. Жоанна отступает на шаг и говорит:

— Ему надо поспать.

Неловкость на веранде сгущается. Мадам Андре раздраженным жестом закидывает сумочку на плечо.

— Хорошо, мы уходим.

Жоанна смотрит им вслед с несказанным облегчением. Жозеф остается на веранде. Леон провожает родителей до дверей, ему неловко как никогда. Они даже не пытаются понизить голос, заявив на крыльце:

— Это наш внук. Она не помешает нам видеться с ним.

Леон не находит лучшего ответа, чем:

— До скорого.

—

Эмиль хмурит брови, не понимая.

— Что же произошло у тебя с Андре, почему у вас были такие напряженные отношения?

Жоанна слабым голосом просит сесть на кухне и приготовить чай. Потом она ему расскажет.

Вода закипает, пуская большие пузыри в ржавой чугунной кастрюльке на кухне. Жоанна сидит на стуле. Эмиль принес и надел на нее свитер. Сам закутался в куртку. Ему холодно. Очнувшись давеча на белой простыне, он умирал от холода. Он не спрашивал Жоанну, что случилось, сам догадался. Он вышел за дровами. И, наверно, потерял сознание.

Он приносит кипящую кастрюльку на стол, медленными движениями наливает воду в чашки. Когда он садится напротив Жоанны, она продолжает свой рассказ. Говорит о табачной лавке, о перешептываниях им вслед, которые Жозеф будто бы игнорировал, о первом ужине у Андре и расспросах с подковыркой, о сцене, достойной мелодрамы, на рынке у прилавка цветочницы.

— А потом? — тихонько спрашивает Эмиль, протягивая ей чашку. — Андре еще переходили в наступление?

Они снова в Сен-Сюльяке, в начале сентября. Жоанна и Леон на веранде. У обоих надутый и слегка раздраженный вид. Жоанна сидит в плетеном кресле-качалке с Томом на руках. Леон стоит. Он очень напряжен.

— Не дуйся, — повторяет он.

— Они ни разу не приглашали меня к себе.

— Все изменилось...

— Они смотрели на Тома как на настоящую катастрофу всю мою беременность.

— Все изменилось, — снова повторяет Леон.

— Теперь они решили, что им нужен внук, и соизволят пригласить меня на ужин?

Жоанна спокойна. Она говорит ровным, но твердым голосом, не переставая качать ребенка на руках.

— Это я тебя прошу.

— Я говорю нет.

Леон удерживает раздраженный вздох. Он меняет позу, сплетает и расплетает руки на груди и наконец заявляет:

— Тогда я возьму на этот ужин Тома.

Жоанна смотрит на него так, будто он изрыгнул непристойность.

— Нет.

Они смотрят друг на друга. Взгляд Жоанны становится все жестче.

— Они имеют право его видеть, — настаивает Леон.

Жоанна встает с ребенком на руках.

— Они не увидят его без меня.

— Куда ты?

— Подальше от тебя.

— Жоанна!

Он идет за ней в спальню, где она кладет Тома на кровать, чтобы перепеленать. Леон смотрит на нее. Ее движения спокойны и точны. Она аккуратно распеленывает ребенка. Она научилась этому сразу, с первой минуты с Томом. Полная противоположность ему. Надо сказать, что ребенок необычный. Он никогда не плачет. Может часами просто лежать в коляске. Не лепечет. Не гукает. Почти не шевелится. Леон не раз пытался поймать его взгляд, заставить улыбнуться, вызвать у ребенка подобие интереса, но это напрасный труд. Он всегда невозмутим и смотрит в пространство. Жоанна иногда бывает такой. Неужели Том уже на нее похож? Как бы то ни было, его смущает этот недостаток взаимопонимания с ребенком.

— Ты должна позволить им видеться с Томом...

Застегнув на малыше подгузник, Жоанна со вздохом опускается на кровать. Она закрывает глаза, словно собираясь с силами, чтобы противостоять. Когда она снова их открывает, во взгляде у нее читается бесконечная грусть.

— Я знаю, — тихо говорит она.

В комнате повисает тишина. Младенец Том молча смотрит в потолок. Леон решает:

— Ну и как же нам быть?

Она тихонько встает. Застегивает на ребенке боди, надевает на него серые штанишки.

— Ладно, я пойду.

Жоанна держится в стороне, молча сидит в углу гостиной Андре. Хрустальная люстра слабо освещает комнату. Со стола не убрано. Бокалы еще наполнены красным вином. Трое Андре склонились над маленьким Томом в колясочке. Мадам Андре извлекает его оттуда с жутким довольным урчанием.

— Иди сюда, мой малыш. Иди к бабуле.

Уложив его на колени, она с восторгом смотрит на мужа и сына.

— Смотрите, как ему хорошо у меня на ручках.

Муж и сын кивают. Они садятся рядом с мадам Андре, не сводя глаз с ребенка. Сначала они привычно ищут сходство между Леоном и его сыном.

— Его нос!

— А глаза-то...

— Да, конечно, глаза...

Потом начинают звать его.

— Том?

— Томми?

— Улыбнись нам. Покажи, как ты умеешь улыбаться.

Они изощряются, зовя ребенка, но тот остается невозмутим, неотрывно глядя на люстру под потолком. Мадам Андре обращается к Леону, как будто Жоанны здесь нет:

— Он уже улыбается?

Леон пожимает плечами.

— Я... Не то чтобы...

Ерзая, он поворачивается к Жоанне.

— Он улыбается?

Сам он никогда не видел его улыбки. Жоанна подтверждает, качая головой:

— Нет. Еще нет.

Мадам Андре продолжает ее игнорировать, настойчиво спрашивая Леона:

— Он не улыбается даже ангелам?

У Леона вид полного идиота.

— Ангелам... как это?

Мадам Андре цокает языком, окинув его умильным взглядом.

— Что ты, милый, это делают все младенцы. Рефлекторные улыбки. Во сне или просто в пространство. Это называется улыбаться

ангелам.

Леон слегка краснеет и опять пожимает плечами.

— Нет, я... Я никогда не видел.

Тут мадам Андре наконец поворачивается к Жоанне. Видно, присутствие невестки вдруг стало полезным.

— А вы, Жоанна? Вы уже видели, как он улыбается ангелам?

Она качает головой. И добавляет, заняв оборонительную позицию:

— Но он любит смотреть в небо. И выглядит очень сосредоточенным.

Мадам Андре не скрывает своей тревоги.

— Ему уже три месяца. Он должен улыбаться.

Жоанна не отрываясь смотрит на свои руки. Она умирает от желания забрать своего малыша, вырвать его из рук этой ведьмы, считающей его умственно отсталым, и унести домой. Но вместо этого она сидит как пай-девочка, замкнувшись в вежливом молчании.

Когда маленькому Тому исполнилось полгода, Жоанна вышла на работу. Днем с ним сидит Жозеф. Состояние его здоровья еще ухудшилось. Он все сильнее задыхается, гуляя по своему огороду, и не может долго стоять у кухонного стола, когда стряпает. Жоана тревожится.

— Не перенапрягайся, папа. Если тебе трудно с Томом, я могу перейти на полставки.

Он обещает щадить себя. Однако, вернувшись с работы, Жоанна всегда застаёт Жозефа среди гостиной в окружении деревянных кубиков, которые он сам вырезал для маленького Тома, или десятков бумажных птиц, которых сложил, пытаясь его развлечь. Он запускает их через комнату, надеясь вызвать интерес маленького Тома. Но это не работает. Том так и сидит невозмутимый. Зато он, кажется, с удовольствием слушает сказки, которые Жозеф читает ему целыми днями.

Однажды вечером новая ссора разражается между Леоном и Жоанной в темноте их спальни.

— Мы должны показать его врачу.

Усталый вздох Жоанны ясно дает понять, что речь об этом заходит не впервые.

— Оставь его в покое. Он развивается в своем ритме.

— Он не издает ни звука. Другие дети в его возрасте хотя бы лепечут.

— Перестал бы ты слушать свою мать.

— Это говорит не только моя мать.

— Вот как?

Жоанна напряжена, ее ладони лежат плашмя на одеяле.

— Я поговорил с коллегами-учителями. Они тоже находят удивительным, что он не издает никакого лепета.

Ответа нет. Жоанна хмуро замкнулась в упрямом молчании.

— Он не смотрит на меня, Жоанна. Этот ребенок никогда на меня не смотрит. По-твоему, это нормально?

Леон не хотел говорить так раздраженно.

— Он... Он смотрит на все.

— Он смотрит на все, но не на нас!

Жоанна отказывается слушать Леона. А между тем она знает, что он прав: у Тома странный взгляд, затуманенный, какой-то отсутствующий. Ей тоже не удастся поймать его взгляд, во всяком случае надолго. Но это не имеет никакого значения. Том — ее малыш. Может быть, он отличается от других детей его возраста, но это не причина таскать его по врачам.

— Жо, — настаивает Леон. — Ты никогда об этом не думала?

Она вздрагивает в простынях рядом с ним.

— Думала о чем?

— А что, если он другой? Что, если он... неполноценный?

Леон говорит это с ужасом. Жоанне же не страшно. Жоанна спокойна и упряма.

— Он другой. Но я никогда не считала, что быть другим — неполноценность.

— Ты же знаешь, что я хочу сказать.

Жоанна тяжело вздыхает.

— Я должна была догадаться.

Леон садится в постели.

— О чем ты должна была догадаться?

— Что моему сыну никогда не дорасти до Андре.

Он яростно протестует:

— Это подло, Жоанна!

Она больше ничего не отвечает. Леон ощупью ищет ее руку в темноте, а когда находит, она не высвобождается.

— Жо...

В ответ — молчание.

— Я хочу ему только добра. Ты же знаешь.

И тихий, сдавленный голосок Жоанны наконец звучит:

— Тогда дай ему жить. Дай ему развиваться в своем ритме. Дай ему стать мальчиком, которым он хочет быть.

Леон сдаётся, кивая в темноте.

— Хорошо.

Жозеф этим летом лежит в постели по предписанию врача и под строгим присмотром Жоанны, а маленький Том научился ходить. Жоанна была права, он развивается в своем ритме. Он скачет среди рассады помидоров и дынь, падает на кучи земли и смотрит на небо, а может быть, на летающих птиц, никто не знает, куда устремлены его загадочные ореховые глаза. Он срывает цветы, и Жозеф ласково ворчит.

— Постреленок! — кричит он, вставая из качалки на веранде.

Прибегает, улыбаясь, Жоанна, берет Тома за ручку и уводит, объясняя на ходу:

— Жозефу очень дороги эти цветы, малыш Том. Мы же не хотим его огорчать, правда?

Она одна может это делать. У Тома развился странный рефлекс, если кто-то подходит слишком близко или пытается его тронуть: он делает резкое движение ручонкой, отталкивая чужие руки. Словно наносит удар в пустоту. И грозно хмурит бровки. Он не любит, когда его трогают. Жозеф привык. Он больше не пытается к нему приближаться. Разговаривает с ним на расстоянии метра, стоя на коленях, чтобы быть одного роста. А вот Леон очень страдает от этого. Жоанна это знает.

— Этот малыш меня не любит.

Жоанна протестует.

— Он не дает мне его трогать. Это ведь ненормально, правда?

— Ему нужно пространство свободы.

— И с глазами у него все то же самое.

— Что?

— Ускользящий взгляд.

Жоанна уверяет его, что Том его очень любит. На свой лад.

— Это необычный мальчик, со своим характером.

Она как может увиливает от ужинов у Андре. Там все хуже и хуже. Раньше они критиковали, теперь еще и каркают.

— Это ненормально, что он не реагирует, когда его зовут по имени!

Она почти счастлива, что малыш Том остается глух к пронзительным призывам мадам Андре. Это ее реванш.

В этот июльский день Жозеф сидит на веранде, в тени и прохладе, в кресле-качалке рядом с кроваткой Тома. Жоанна в огороде, следует за своим малышом, который весело скачет по грядкам. Он не обращает никакого внимания ни на красивый мяч, подаренный Жозефом, ни на новенькую тачку, купленную Леоном. Его интересует только зеленое пластмассовое ведерко, которое он таскает с собой повсюду и время от времени наполняет землей. Леон тоже в огороде. Он следит за Томом и Жоанной, приставив руку козырьком к глазам. Жоанна знает, что он думает о своей мастерской поэзии, которую хочет организовать с началом занятий в сентябре. Он очень много сил отдает своим ученикам.

Всех четверых отвлекают скрип школьной калитки и шаги по булыжнику. Жоанна оставила давеча калитку открытой, чтобы Леону было легче разгрузить машину. Он купил большой зонтик и новый садовый стол. Сердце Жоанны сжимается, когда она видит Андре в летних нарядах на подходе к огороду. На месье Андре жуткая рубашка в цветочек, а на мадам широкополая розовая шляпа.

— Добрый день, — говорит месье Андре.

— Мы проходили мимо, — добавляет его жена.

Жоанна отлично знает, почему они здесь: уже месяц она уклоняется от ужинов по понедельникам. Андре хотят видеть внука и не стесняются об этом заявить. Жозеф в кресле напрягся и привстал.

Андре толкают маленькую калитку и входят в огород. Они целуют Леона, потом вежливо здороваются с Жоанной и Жозефом.

— Где Том? — спрашивает мадам Андре, ища его взглядом в саду.

Мальчик присел на корточки среди помидорной рассады. Он зачерпывает землю пригоршнями, невозмутимый, равнодушный к

шумам, к приходу гостей.

— Том! — зовет мадам Андре.

Жоанна пытается предупредить ее, когда она устремляется большими шагами к мальчику:

— Осторожно, он...

Но слишком поздно, мадам Андре уже отрывает Тома от земли и обнимает его.

— Как поживает мой маленький Т...

Она не успевает закончить фразу, град ударов обрушивается на ее лицо. Том вырывается, ерзает, бьет по чему попало, чтобы избавиться от этого физического контакта, так ему ненавистного. Мадам Андре, испуганно вскрикнув, выпускает его. Маленький Том тяжело падает на попку. Он не плачет. Он никогда не плачет. Никогда ни один звук не вырвался из его ротика сердечком. Подбегает Жоанна. Мадам Андре в ярости принимается отчитывать Тома:

— Какой гадкий мальчик! Кто научил тебя драться? Это невежливо, Том!

Она хватается за руку, чтобы заставить встать и посмотреть ей в глаза, что только усугубляет истерику мальчика, который отбивается еще пуще, колотя почем зря.

— Оставьте его! — кричит Жоанна.

Она уже подбежала к Тому и мадам Андре, которая испепеляет ее взглядом.

— Вы должны наказать вашего сына.

Жоанна наклоняется, и мальчик прячется у нее под мышкой.

— Он не любит, когда его трогают, — спокойно отвечает она.

— Вот как? Раньше я этого не замечала. — Глаза мадам Андре всматриваются в нее с недоверием. — С каких это пор?

— Несколько недель. С тех пор как он пошел...

Вообще-то с тех пор, как он может убежать от чужих рук. Мадам Андре поджимает губы и выпрямляется во весь рост.

— Что ж, вы не должны давать ему выбора. Ему всего год. Если вы уже предоставляете ему самостоятельно все решать, вы...

Она осекается, потому что подходит Леон, словно желая встать щитом между ними.

— Я тоже не могу к нему подойти, — бормочет он.

Это немного успокаивает мадам Андре. Леон добавляет:

— Это, наверно, скоро пройдет.

Но мадам Андре оскорблена до глубины души.

— Я рассчитываю на тебя, воспитай этого ребенка, научи его, что нельзя бить взрослых, а тем более свою бабушку.

Леон кивает, неловко переминаясь с ноги на ногу. Том неподвижен под мышкой у Жоанны. Мадам Андре всматривается в него.

— А почему у него такие черные ногти?

Леон съеживается. Отвечает Жоанна:

— Он играл с землей...

— Ай, какой мальчик... Невежа и грязнуля.

От громкого голоса Жозефа все вздрагивают. Никто не видел, как он подошел.

— Вы пришли ко мне с единственной целью судить, как моя дочь воспитывает своего ребенка?

От изумления мадам Андре лишается дара речи.

— Если так, я попрошу вас удалиться.

Последовавшее за этим ледяное молчание нарушает только месье Андре, решивший сгладить конфликт.

— Нет, конечно, нет. Моя жена не это хотела сказать.

Однако мадам Андре никак не подтверждает. Она продолжает с неодобрением смотреть на маленького Тома.

— Дорогая, — добавляет месье Андре, — может быть, нам лучше прийти в другой раз...

Его жена нехотя кивает, еще сильнее поджав губы, превратившиеся в тонкую черточку.

— Хорошо, — холодно произносит она. — Но я хочу поцеловать моего внука.

Жоанна неувовимо подается назад. Том все еще прячется у нее под рукой. Леон смущенно откашливается.

— Мама, ты же знаешь, что он...

Но мадам Андре никого не слушает. Она грубо хватает мальчика за руку, заставив его повернуться к ней лицом.

— Том! Посмотри на меня! — командует она.

Мальчик раскрыл рот, вытаращив от страха глаза. Он как будто хочет закричать изо всех сил, но ни звука не вылетает из его рта. Крик ужаса застрял в горле. Он пытается освободиться от хищных когтей мадам Андре, бьет ножкой, свободная рука колотит по воздуху.

— Том! — настаивает мадам Андре, еще повысив голос. — Ты меня слушаешь? Нельзя так капризничать!

Жоанна держит себя в руках, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Ей хочется вырвать своего сына из когтей этой жуткой ведьмы. Но она уговаривает себя сохранять спокойствие. Робко пытается протестовать:

— Дайте ему время... Он испугался...

Мадам Андре силой берет в ладони лицо Тома, заставляя посмотреть ей в глаза. Она рвет и мечет.

— Том! Ты понял, что я сказала? Поцелуй меня.

Она не видит опасности. Не видит, как ручонка Тома скребет под ногами, зачерпывает горсть земли. Не видит, как снаряд летит ей в глаза. Это все, что мог сделать Том, чтобы защититься. Швырнуть землей в глаза ведьме.

Она взвизгивает. Муж кидается ее поддержать, а Жоанна, воспользовавшись этим, хватает Тома и оттаскивает его подальше от ее рук.

— Леон! — визжит мадам Андре. — ЛЕОН!

Леон убит. Он не двигается с места. Мадам Андре выплевывает землю, утирает глаза, крупные слезы текут по ее щекам.

— Леон, ты обязан наказать этого ребенка!

— Мама...

Свирепая ярость искажает лицо его матери.

— Дай его мне! — орет она. — Дай его мне, я сама его накажу! Я вам покажу, я...

Но голос Жозефа пресекает всякую попытку наказания:

— ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА!

Месье Андре пытается что-то сказать, но Жозеф перебивает его:

— ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА НЕМЕДЛЕННО!

Теперь Андре выглядят испуганными. Они быстро приходят в движение, как будто Жозеф — буйный сумасшедший и может на них напасть. Жоанна видит, как они рысью покидают огород. Она крепко прижимает маленького Тома к сердцу. И не сразу понимает, почему Жозеф оседает среди помидорной рассады, почему его тело складывается, как тряпичная кукла. Она открывает рот, время как будто застыло. Голова Жозефа тяжело падает на сухую землю. В следующую секунду отчаянный крик срывается с ее губ:

— ПАПААААААА!

— Сердечный приступ, — серьезно сообщает врач.

Жоанна еще бледна и вся дрожит. Том по-прежнему у нее на руках. Он не захотел сойти с них, даже чтобы пойти на руки к Леону. Он уткнулся лицом ей под мышку, видимо, травмированный яростной стычкой с бабушкой. Но сейчас у Жоанны другая забота: новый сердечный приступ Жозефа. Она провожает врача до дверей. Леон ждет в прихожей, напряженный и неловкий, с виноватым видом.

— Что я должна делать для папы? — спрашивает Жоанна у старика-врача.

— Заставьте его отдыхать. Отдых во что бы то ни стало. Избегать любых стрессов и волнений. При таком состоянии его сердца следующий приступ может стать для него роковым.

Жоанна серьезно кивает, опустив глаза.

— Я могу продолжать давать ему настой боярышника и мелиссы?

Старый доктор кивает.

— Это ему не повредит.

Он протягивает ей руку и ласково пожимает, как бы выражая искреннее сочувствие.

— Как себя чувствует этот ребенок? — спрашивает он, показывая на маленького Тома — только его светлые волосики торчат из-под мышки Жоанны.

— Немного взволнован...

— Это можно понять, такие события... А он всегда такой молчаливый?

Она кивает. Старый врач уже хорошо знает Тома, но он не паникер вроде мадам Андре.

— Ладно... Позаботьтесь о нем хорошенько... О них обоих.

— Спасибо, доктор.

Эмиль наливает Жоанне еще чашку чаю. Она выпила свою маленькими глотками, не переставая говорить. Он подталкивает полную чашку к ней, не сказав ни слова. Пусть продолжает.

Жозеф, очень бледный, лежит в постели. Жоанна сидит у него в ногах. Лучше ему не стало. Она чувствует, что отец борется, чтобы

выкарабкаться, преодолеть сковавшую его слабость.

— Папа...

Она берет его руку в свою. Рука ледяная.

— Выпей настой.

Жозеф послушно пьет. Потом привстает, облокотившись на подушки. Смотрит на нее с нежностью.

— Жоанна, я не хочу стать для тебя обузой.

— Не говори глупостей, папа.

— У тебя семья. Ты нужна маленькому Тому.

Жоанна опускает глаза. Она не решается повторить ему то, что Леон прошептал ей в спальне вчера вечером. Ужасное слово. Слово, которое она не в силах произнести.

— Тебе надо будет защитить его, Жоанна... Я не вечен.

Она не поднимает глаз. Она знает, что он прав.

— Ты не должна больше давать им воли. Ты не должна позволять им обижать Тома.

Она с трудом сглатывает:

— Я знаю.

— Леон этого не сделает.

— Я знаю.

Повисает молчание. Жоанна по-прежнему не решается поднять глаза на отца.

— О чем ты думаешь? — спрашивает он.

Она колеблется еще мгновение, очень короткое мгновение.

— Ты думаешь, что у него... что он...

Тут она смотрит ему прямо в глаза:

— Леон говорил об *аутизме*.

Слово сказано, и ей кажется, будто нож вонзился в горло.

— Как ты думаешь, он... ты думаешь, у него это?..

Жозеф остается невозмутимым, очень прямо сидя в подушках.

— Я думаю, что Том живет в своем собственном мире. В мире, параллельном нашему. Ему трудно войти в нашу реальность.

Жоанна сглатывает и внимательно слушает его, затаив дыхание.

— Взрослые вокруг него отчаянно ждут, когда он войдет в наш мир. А для Тома это невозможно. Он пытается дать это понять на свой лад. Поэтому дерется и убегает.

Он смотрит на нее пристальнее, его глаза сияют безмятежным светом.

— Ты знаешь, почему он позволяет тебе приближаться к нему, Жоанна? Почему он никогда не бьет меня?

Жоанна пожимает плечами. Она предчувствует ответ, но не вполне уверена.

— Мы не пытаемся силой затащить его в нашу реальность. Мы стараемся войти в его мир, насколько нам это позволено. Мы не идеальны, но стараемся. Я думаю, Том это почувствовал.

Жоанна кивает, сглатывая ком в горле.

— Тебе понадобится мужество, Жоанна, чтобы противостоять им. Мне очень жаль.

— Почему, папа? Почему тебе жаль?

— Потому что я не смогу остаться, чтобы поддержать тебя. Я устал. Я это чувствую.

— Но я не в обиде на тебя, папа. Я...

Она глотает слезы, закупорившие горло.

— Я достаточно сильная, чтобы противостоять. Я защищу Тома.

Жозеф улыбается ей с бесконечной нежностью.

— Я знаю, Жоанна. Том и мечтать не мог о лучшей матери, чем ты.

Снова повисает молчание, но легче, чем предыдущие.

— Мне жаль другого, — добавляет Жозеф.

— Чего?

— Я насчет Леона...

— Леона?

— Он не идеальный спутник в дороге. Я должен был понять это раньше. Но не важно... Ты его любишь. Правда?

Жоанна хмурит брови.

— Спутник *в дороге*?

Жозеф слабо улыбается и кивает.

— В большой дороге, которая есть жизнь.

Она молчит. Молчание длится. Они неподвижны. Жоанна сидит на краю кровати. Жозеф облокотился на подушки.

— Если я смогу сделать что бы то ни было оттуда, сверху...

Его улыбка ширится, становится лукавой.

— ...если, конечно, там, наверху, что-то есть...

Но Жоанна не может улыбнуться ему в ответ. Она чувствует, что слезы готовы хлынуть.

— Если я смогу что-то сделать, я обещаю тебе, Жоанна... Я как-нибудь подам тебе знак. Когда твоя жизнь станет слишком тяжелой, я постараюсь послать тебе другого спутника.

— Папа!

Ей не нравится, что он так говорит о Леоне. Она знает, что он не идеален, но он отец ее ребенка.

— Спутника, который сумеет защитить тебя и сделать счастливой.

Разговор закончился на этом в тот день, в полумраке спальни Жозефа, потому что Жоанна заплакала. Слезы капали на его заледеневшие руки.

В маленькой кухоньке пристройки среди заснеженных гор Эмиль не смеет заговорить. Он хмурит брови, протягивает руку к рукам Жоанны и тихонько касается ее пальцев. Снег за окном больше не идет. День медленно клонится к вечеру в оранжевых отсветах.

— Поэтому?

Ее глаза устремлены в чашку с черным чаем. Она вздрагивает. Едва заметно.

— Поэтому ты откликнулась на объявление?

Она отвечает на выдохе:

— Спутник для последнего путешествия...

И поднимает голову.

— Это меня ты имел в виду, да?

Он улыбается, как не улыбался ей никогда до сих пор. Со смесью бесконечной нежности и грусти.

— Да. Это тебя я имел в виду.

Папа,

новое письмо в моем дневнике. Тебе. Следующее будет Тому. Я должна рассказать ему про падающий снег, про перламутрово-серое небо, про такое красивое пламя в камине.

Папа, я наконец рассказала Эмилю, что ты сделал. Я думаю, он не знал, что это ты послал его ко мне. Может быть, он мне не совсем поверил? Не важно, я-то знаю, что

это дело твоих рук. Есть знаки, которые не обманут. Например, он с самого начала сумел понять Тома. Это он подсказал мне про безбрежность, про картины. Это он предложил мне присмотреть за ним, когда будет там, наверху.

Знаешь, он такой же, как Том. У него странная болезнь, которая время от времени уносит его в другую реальность. В другое пространство-время. Там он встречает людей из своего прошлого.

Полгода назад он увез меня, не задав ни одного вопроса. Просто увез и показал мне то, чего я никогда не видела. Горы, такие высокие, что они словно протыкают небо и создают мост между тем и этим светом. Долины, такие зеленые, такие холмистые и такие ровные, что хочется лечь и остаться навеки. Озера с такой чистой водой, что она отмывает душу. Закаты солнца над вечными снегами, от которых блестят глаза ярче, чем от любой слезы. Он показал мне все это, как последний подарок, который хотел сделать миру, прежде чем покинуть его.

Я думаю, он подружится с Томом там, наверху, и с тобой тоже. Он любознателен. Любит открывать мир других. Меня он попросил привести его в мой. Он говорит, что все в нем прекрасно и поэтично. Я думаю, ему будет хорошо с вами. Я приобщила его к медитации, и он теперь знает все разновидности тыкв. Он начал записывать цитаты повсюду, а на днях я слышала, как он напевает «My baby just cares for me» (ты всегда питал слабость к Нине Симон). Я уверена, что вы его полюбите.

Папа, я должна тебя оставить. Сегодня рождественский сочельник. Мы с Эмилем приготовим подобие праздничного ужина. Мы будем здесь только вдвоем, с животными (Пок и Мистик получают немного мясных фрикаделек, от которых Эмиль еще не может удержаться... у всех есть свои маленькие недостатки!).

Я целую тебя. Поцелуй от меня Тома. Скажи ему, что я думаю о нем здесь каждую секунду.

Со всей моей любовью.

Жоанна

Они снова занимались любовью в этот день, в рождественский сочельник. Жоанна рисовала Эмиля на холсте, смотрела, как он пишет в своем блокноте, лежа на кровати, всматривалась в него со всем вниманием, чтобы как можно точнее воспроизвести каждую его черточку, каждое выражение лица, но в конце концов выпустила холст. Она положила его на подоконник и легла к нему на кровать. Ласково обхватила ледяными руками его щеки, и он выронил свой черный блокнот. Он поцеловал ее первым. С бесконечной нежностью. Ее никогда не целовали так. Потом он раздел ее и лег сверху. Они занимались любовью среди дня, когда снег падал за окном крупными хлопьями и угасал огонь в камине. Потом они долго лежали на влажных простынях, ничего не говоря.

В маленькой задымленной кухоньке пристройки слабо подрагивает пламя свечей. Остатки праздничного ужина красуются на шатком столе. Жоанна не доела свое ризотто с грибами. Эмиль тоже оставил свои фрикадельки, и Пок жадно ест их, стоя прямо в тарелке. Бутылка красного вина полупуста. Эмиль залпом допивает стакан. Жоанна медленно разворачивает конфету и сует ее в рот с довольным вздохом. Давно уже они так старательно не стряпали. Они наелись. Это был настоящий праздничный ужин. Эмиль откидывается в кресле с легким урчанием. Он смотрит, как Жоанна достает пазл из пятисот деталей из выдвижного ящика стола. Они уже собирали и разбирали его раз десять, но все равно с тем же удовольствием его восстанавливают, замыкаясь в ласковом молчании, уносясь мыслями далеко. Эмиль дает ей начать первой. Она сортирует детали. Собирает правый верхний угол картины. Колибри на дереве в лесу. Он откашливается. Она поворачивается к нему, смотрит вопросительно.

— А что было потом?

Она не понимает вопроса. Дает ему это понять, наморщив нос.

— Твой отец вскоре умер?

Он намекает на их последнее путешествие в извивы прошлого Жоанны. Ему хочется, чтобы они оба туда вернулись. Жоанна ищет нужную среди крошечных деталей пазла. Ей нужно несколько секунд, чтобы ответить.

— Он скончался неделю спустя. Тихо, во сне.

Антураж восстанавливается вокруг них, постепенно стирая кухню в пристройке, грязное окно, снег за ним... Они снова в каменном домишке под летним солнцем Сен-Сюльяка.

— Жозеф ушел.

Эти слова произнес ошеломленный Леон. Жоанна уже знает. Она зашла в его комнату сразу, как встала, и нашла его окоченевшим, но мирно спящим. Слабая улыбка еще витала на его восковом лице. Она объяснила маленькому Тому, который ждал рядом, стягивая одеяло с кровати:

— Жозеф отправился в последнее долгое путешествие. Он ушел туда, где все души находят покой.

Она поцеловала светлые волосики, пахнущие медом и землей.

Они плачут в огороде, и никто не может решиться позвать старого врача. Плачут, сидя среди помидорной рассады, которую Жозеф с любовью поливал, чтобы кормить семью. Жоанна прячет лицо за широкими полями черной шляпы. Том смотрит в небо. Леон обхватил голову руками. Он первый из троих поднимается.

— Я пойду позвоню доктору Омону.

Вечером Жоанна достает свой лучший фломастер с самым толстым стержнем и пишет на стенах гостиной красивыми аккуратными буквами: *Я хотел говорить о смерти, но ворвалась жизнь, как всегда.*

Она удовлетворенно созерцает надпись с легкой улыбкой в уголках губ. Она не хотела грустной фразы. Она хотела фразу, которую мог бы прочесть Том и понял бы, что смерть — не драма, что это часть жизни и ее нужно принять. Она хотела переписать несколько слов, которые вызывают улыбку и заставляют думать, что жизнь не кончается, что она здесь, повсюду, как в этот вечер в этой гостиной: во внезапном исступленном беге Тома по комнате, в его ручонках, отчаянно колотящих воздух, в его восхищенных глазах.

Они преодолевают последние метры до вершины маленького утеса, запыхавшись. Солнце палит. Они все в поту. Жоанна несет Тома на спине — Леон по-прежнему не может трогать мальчика, не навлекая на себя громы и молнии, — а Леон несет серебристую урну. Все трое останавливаются у подножия часовни. Дева Мария, спокойная и

невозмутимая под палящим солнцем, сияет ослепительной белизной. Сожженные жарой травы окутывают старые камни цоколя. Внизу ослепительно синее море, красуется бухта Сен-Сюльяк.

Леон пятится. Он передает Жоанне серебристую урну. Смотрит, как она медленно подходит к краю утеса. Так завещал Жозеф. Он хотел улететь в море. Леон держится поодаль рядом с неподвижным Томом, который смотрит в небо. Жоанна стоит несколько секунд, зависнув над пустотой, как будто что-то говорит отцу. Потом она открывает урну и широким жестом бросает прах. Серое облако улетает, как туча бабочек, в сияющее небо Сен-Сюльяка.

Том хлопает в ладоши. Он это делает в первый раз, и Леон, повернувшись к нему, видит, что он больше не смотрит в небо. Том открыл второе чудо своего мира: море. И его глаза выражают несказанный восторг, запредельный экстаз.

Жоанна нашла рисунок, который искала. Она видела его в детской сказке, когда ей было всего восемь лет. Ее читал ей Жозеф. Это черное дерево с крепким стволом, с ветвями, вздымающимися к небу красивыми запятыми. Корни прорывают глубокие борозды в земле. В сказке говорится, что дерево это называется деревом жизни. Оно объединяет два мира, небесный и земной, благодаря ветвям, которые стремятся к небу, и корням, которые уходят глубоко в землю. Еще в сказке говорится, что дерево теряет листья зимой, но вновь зеленеет весной, представляя «расцвет жизни и ее вечную победу над смертью». Жоанна тогда не все поняла, и Жозеф пояснил:

— Оно представляет цикл жизни и смерти.

Она наморщила нос.

— Это символ бессмертия, Жоанна. Этот рисунок означает, что жизнь сильнее смерти.

Жоанна прячет книгу в свою бежевую полотняную сумку. Леон и Том ждут ее снаружи, в огороде. Они втроем идут в город. Жоанна хочет запечатлеть этот символ бессмертия в своей плоти. Так она решила ночью. Это символ Жозефа. Символ того, кто помог ей создать и воспитать себя. Она сделает татуировку у себя на спине, вдоль позвоночника. Лучшего символа она не нашла.

Молчание вновь повисает в маленькой кухоньке с затхлой атмосферой. Пок лежит во всю длину на столе между двумя тарелками. Жоанна закончила правый верхний угол пазла, а Эмиль так и сидит, откинувшись на спинку кресла, и смотрит на нее. Он угадывает дерево жизни под ее слишком широким черным свитером. Давеча, когда они занимались любовью в спальне, он водил по нему пальцами, спрашивая себя, что оно символизирует. Теперь он знает.

Он с трудом выпрямляется и придвигается к столу. Берет несколько деталей пазла и начинает их сортировать. Он начнет левый нижний угол. Они всегда так делают.

Несколько минут оба молчат, потом Эмиль спрашивает:

— А дальше?

Жоанна прерывается, чтобы достать конфету из пакета. Золотая бумажка хрустит в ее пальцах, и она спокойными движениями отправляет шоколадку в рот.

— Дальше Том стал настоящим мальчиком.

Она рассказывает, как наступает осень в Сен-Сюльяке, как падают листья с деревьев на школьном дворе и рыжий ковер покрывает бульжную мостовую. Рассказывает, как молчат Андре после той сцены в огороде и смерти Жозефа. Они не подают признаков жизни около полугода. Чувствуют ли они себя виноватыми? Этого Жоанна никогда не узнает. Леон тоже теперь не общается с ними. Это счастливый период.

Жоанна увольняется с места сторожихи, чтобы постоянно заниматься Томом. Жозефа больше нет, и она отказывается доверить сына посторонней женщине, когда уходит на работу. Это счастливое время. Она учит Тома писать на холсте руками. Часами, перепачкав ладони свежей краской, они заполняют чистые полотна. Жоанна тщательно оставляет отпечатки, но Том делает завихрения, широкие потеки. Он использует только синюю краску.

Когда Том отдыхает после обеда, Жоанна ложится рядом с ним и смотрит на его спокойное, скованное сном личико. На его тонкие бровки. Его ротик в форме сердечка. Мягкие пухлые губы. Чуть розовые щеки. Она утыкается носом в его волосы, которые пахнут медом и чуть-чуть землей. Иногда она засыпает рядом с ним.

Она стряпает ему песочное печенье, компоты с корицей и торты с грушами. Они полдничают на веранде, это одновременно комната Тома и их зимний сад. Они поставили там кресла-качалки. Они перекусывают, глядя на природу, на огород, который становится оранжевым, красным, желтым. Жоанна пьет фруктовый чай. Том — горячий шоколад. Жоанна читает сказки и поет песенки. Том внимательно слушает. Он по-прежнему молчит, но это не мешает ни ему, ни ей.

Вечером Леон восторгается их произведениями на холсте. Они ужинают в гостиной, где постоянно потрескивает огонь в камине. Без Жозефа пусто, но они привыкают.

Новый сторож не хочет жить на школьном дворе. У него большой дом на окраине Сен-Сюльяка, где он живет с женой и четырьмя детьми. Директриса разрешила Жоанне и Леону остаться в каменном домике за совсем небольшую плату.

Это счастливый период, несмотря на уход Жозефа. Том растет и развивается. Леон скрывает по мере сил, как ему грустно, что он не имеет возможности общаться с Томом и не может обнять его. Он как будто привык. Во всяком случае, держит себя в руках. Жоанна счастлива.

Том подрос и стал маленьким постреленком. Счастье, что Жоанна дома и может постоянно следить за ним. Малыш не имеет никакого понятия об опасности. Он все время бегает не разбирая пути и часто падает головой вперед. Жоанна приобрела большой опыт в швах и нитках, которые надо обрезать, в разбитых коленках и шишках на лбу. Том прыгает с дивана на стол, со стола на стулья, со стульев снова на диван, не обращая внимания на предупреждения Жоанны. Однажды он рассек подбородок, промахнувшись мимо стола. Он не соизмеряет ни расстояние, ни высоту. Ничего не боится. Даже огня в камине. Однажды вечером Жоанна застала его у очага, с прижатыми к стеклу руками. Лопаются волдыри, плоть обнажена, но Том не кричит. Одинокая слеза выкатывается из его глаза.

— Я только на секунду отвернулась, — признается Жоанна доктору Омону, красная от стыда.

Андре появляются вновь в феврале, когда ледяной ветер задувает в Сен-Сюльяке. Они стучат в дверь каменного домика, закутанные в

толстые шарфы, в меховых шапках, с букетом цветов и бриошами в руках. Первым говорит месье Андре:

— Мы подумали, что немного сладкого доставит вам удовольствие.

Жоанна ничего не говорит. Леон, похоже, счастлив. Андре искренне рады увидеть внука. Они не настаивают, когда Том отказывается их поцеловать, ничего не говорят, когда он убегает и прячется за плитой, топая ножкой. Они и бровью не ведут, обнаружив, что он по-прежнему нем и предпочитает взобраться на подоконник и смотреть на небо, ничуть не интересуясь взрослыми в комнате.

На несколько месяцев маленькому Тому дают счастливую передышку. Никаких замечаний. Никаких комментариев. Никаких суждений. Андре только смотрят, как он ходит, бегает, сидит неподвижно, глядя в небо. Потом натура берет свое. Главной мишенью критики мадам Андре становится шевелюра Тома.

— Тебе надо подстричь волосики, мой мальчик. Ты похож на девочку.

Жоанна берет себя в руки, чтобы оставаться невозмутимой каждый раз, когда звучит это замечание. У Тома красивые золотистые локоны, падающие на плечи. Она не хочет вести его к парикмахеру. Том ударится в панику. Никто, кроме нее, не может его трогать. И потом, ей-то он нравится и так, с длинными волосами. Он вовсе не похож на девочку. Он выглядит очаровательным шаловливым мальчуганом.

Она попыталась однажды подойти к нему с ножницами, но Том ясно дал понять: он не хочет, чтобы трогали его красивые волосы. Он опрокинул стул и убежал в свою комнату.

— Знаете, в некоторых культурах... в Монголии, например, несколько лет не стригут детям волосы, — говорит она однажды в ответ на настояния мадам Андре.

Та только насмешливо хихикает.

— Если бы наш внук родился в Монголии, я бы это знала!

В этот день Жоанна слышит разговор между Андре и Леоном в дверях. Они тревожно перешептываются, и Жоанна прислушивается из кухни.

— ...Все еще отказывается показать его врачу?.. — спрашивает голос мадам Андре.

Она не слышит, что отвечает Леон. Низкий голос месье Андре продолжает:

— ...явный аутизм... нем как рыба, хотя слух в порядке... очень непоседлив... прочел на днях в журнале о здоровье.

Повисает молчание. Леон бормочет что-то вроде:

— Даже если нам подтвердят, что он аутист... что это даст?

Полный презрения голос мадам Андре звучит со злобной радостью:

— Ничего, ты прав. Раньше надо было думать...

— Прости?

— Чего ты ждал, выбрав в матери твоему ребенку дочь дурачка и шлюхи?

Пронзительная боль приковала Жоанну к полу у кухонной раковины. Но боль еще острее приходит после... в унылом молчании Леона... в этом долгом молчании, накрывшем весь каменный домик ледяной волной.

Эмиль понимает, что взволнован, куда больше, чем мог ожидать. Он склонил голову над пазлом, чтобы скрыть от Жоанны свои вдруг повлажневшие глаза. Она оставила правый верхний угол пазла и сидит на стуле очень прямо, положив ладони плашмя на стол и глядя куда-то вдаль. Она как будто не совсем вернулась сюда. Эмиль колеблется несколько секунд. Боится резко разбудить ее, накрыв ее руку своей. Однако он это делает, и она не вздрагивает. Она медленно начинает говорить. Ей это было нужно, чтобы продолжить свой рассказ.

После этого случая все переменилось для Жоанны. Она начала ненавидеть Леона. Дело не только в озере, в том, что Том утонул. Дело в его трусости. В годах омерзительной трусости.

Весна потихоньку приходит в Сен-Сюльяк, и многое меняется. Каменный домишко словно разделен надвое невидимым покровом. Жоанна и Том по одну сторону, Леон по другую. Жоанна не видит больше Леона, не слышит его — или только сквозь покров, как будто они живут отныне в двух разных мирах, которые, однако, сосуществуют. Она по-прежнему спит рядом с ним. Старается вежливо

поддерживать разговоры. Выполняет время от времени супружеский долг, но все с большим трудом. Она ничего не выказывает. Но в ее мире теперь есть один только Том. Никого, кроме Тома. Она живет ради него. Не спит ночей ради него. Отводит его днем на пляж, чтобы устроить пикник. Они вдвоем смотрят на море. Она питается счастьем в глазах своего сына. Может часами смотреть, как солнце играет золотыми нитями в его красивых светлых волосах.

Летом они купаются. Она надевает ему большой плавательный круг и не отходит от него ни на шаг. На пляже, обсыхая, они изобретают язык, который понимают они одни. Язык глаз и рук. Они понимают друг друга. Жоанна научилась читать в его ореховых глазах, толковать лихорадочные движения его рученок.

Они гуляют по утесам, но рано или поздно останавливаются, глядя в небо. Так и спят, завернувшись в спальники, под небосводом.

В сентябре директриса школы, прослышавшая о трудностях Тома, предложила Жоанне познакомить его с ровесниками.

— На переменах.

Жоанна согласилась, но не отходит далеко, присматривает за ним. Том по-прежнему нем и одинок. Другие дети, те, что пытаются к нему подойти, уходят обиженные. Есть, однако, группа, до которой Том снисходит: те, что рисуют под навесом. Так рождается легенда о *Томе Блю*. Легенда о немом мальчике, который смотрел на небо и море и рисовал безбрежность.

Она прерывает свой рассказ едва ли на секунду. На секунду взволнованной улыбки. И снова возвращается в Сен-Сюльяк.

Стоит холодный зимний день, а Жоанна подхватила грипп. Она лежит в постели уже три дня с высоченной температурой. Леон занимается Томом, не без труда. Этим двоим так пока и не удалось понять друг друга. Леон не владеет языком рук и глаз. Он упорно трогает Тома. Все делает не так. Но у Жоанны нет выбора. Она лежит без сил.

От тяжелого температурного сна ее будят шум и суета в кухне. Она не сразу понимает, что это не бред. С трудом садится в постели,

пытаясь распознать голоса, как вдруг звучит крик:

— Держи же ему головку, дорогой!

Жоанна вскакивает. Это голос мадам Андре. *Что они делают с моим маленьким Томом?* Она предчувствует худшее. И она права. В гостиной, в ее собственной гостиной трое взрослых окружили Тома. Месье Андре удерживает его на месте, обхватив за плечи, Леон держит голову, которая мотается во все стороны, пытаясь вырваться, а мадам Андре стоит с ножницами в руке.

Жоанна цепляется за стену, чтобы не упасть. Температура совсем вымотала ее.

— Что вы делаете?

Она хотела крикнуть это, но голос у нее слабенький, еле слышный. Месье и мадам Андре поворачиваются к ней, но первым неуверенно отвечает Леон:

— Мы... Мы хотели подстричь ему волосы.

Он понимает, что сделал глупость. Но перечить родителям, наверно, не смог. Жоанна же видит только своего маленького Тома с вытаращенными от ужаса глазами. В два прыжка она пересекает комнату. Она уже не держит себя в руках.

— Пустите его!

Ножницы мадам Андре сухо щелкают. *Клик*. Если бы Том мог, он бы закричал. Но крики его безмолвны. Никто их не слышит. Никто, кроме Жоанны, и ей они кажутся оглушительными, жуткими.

— Пустите его! — повторяет она.

Клик. Вторая прядь. Жоанна уже перед ними. Она протягивает руку к Тому, повторяет жестче:

— Прекратите!

Ей отвечает шипение мадам Андре:

— Он похож на дикаря! Стрижка ему не повредит!

Она поднимает ножницы, готовясь состричь еще одну прядь. Слезы текут по щекам Тома. Его руки вцепились в штанишки, рвут ткань, так ему страшно, так он беспомощен. Жоанна пытается оттолкнуть месье Андре, мадам Андре и Леона.

— Прекратите же!

По ее лицу тоже текут слезы. Но месье Андре мягко отстраняет ее.

— Будьте благоразумны, Жоанна. Идите ложитесь. Вы вся белая. Дайте нам заняться Томом. Это всего лишь стрижка.

Будь здесь Жозеф, они бы никогда не осмелились. Будь здесь Жозеф, он выгнал бы их поганой метлой. Накричал бы на них своим густым басом. Но Жоанна одна. Она едва стоит на ногах. *Клик*. Новая прядь.

Раздался пронзительный крик, и время в комнате как будто застыло. Первый крик Тома. Крик ужаса. Трое мучителей замерли от неожиданности. Жоанна чувствует, как в ней поднимается ярость, такой ярости она еще никогда не испытывала. Они довели ее до края. Она это знает. Только запредельное отчаяние могло исторгнуть у Тома звук. Она едва слышит изумленный всхлип мадам Андре («О, он разговаривает!»). Она бросается на нее. Вырывает у нее из рук ножницы и кричит во все горло:

— УБИРАЙТЕСЬ!

Она держит ножницы в вытянутой руке, вид у нее угрожающий. Она дрожит. Она бледна как полотно. Она готова их убить. Готова их пригвоздить. Всех. Одного за другим.

— Жоанна! — кричит месье Андре.

Том бежит и прячется за ее спину. Никто из Андре не смеет шевельнуться. Все смотрят на нее, встревоженные и испуганные.

— Убирайтесь сейчас же из моего дома! И не смейте больше к нему приближаться! Никогда!

Леон открывает было рот, но Жоанна грозно выставляет ножницы.

— Ты тоже. Уходи. Я не хочу больше видеть тебя в моем доме.

Вмешивается месье Андре. Он говорит спокойно, пытаясь уgomонить страсти:

— Жоанна, у вас жар. Вы не знаете, что творите.

Ее голос как щелчок бича:

— Уходите!

Новая попытка, на этот раз Леона:

— Жоанна, это была всего лишь стрижка...

Она повторяет спокойнее:

— Уходите!

Несколько секунд никто не двигается, все молчат. Время тянется мучительно. Потом Леон, откашлявшись, бормочет дрожащим голосом:

— Мы должны... Мы должны послушаться Жоанну.

Она не смотрит на них, когда они покидают дом. Она стоит на коленях перед Томом и едва не душит его в объятиях.

— Прости меня, мой маленький Том. Прости меня. Ты не должен был родиться в таком жестоком мире.

Только в мае Леон, осунувшийся, с запавшими висками, возвращается под супружеский кров. У него был нервный срыв. Он жил у родителей, ожидая прощения Жоанны.

В каменном домишке он обнаруживает, что Жоанна и Том живут не одни. Белый котенок спит каждую ночь в постели Тома, а днем путается в ногах Жоанны.

— Вы нашли мне замену? — спрашивает он Жоанну, пытаясь пошутить.

Она не отвечает. Она согласилась, чтобы он вернулся, но никогда не говорила, что простила его. На это нужно время. Но его у них не было. Два месяца спустя она поручила маленького Тома Леону, пока закрывала ворота школы. Она смотрела вслед, когда они уезжали на велосипедах с корзиной, полной сэндвичей. Она сказала им:

— Я скоро! Начинайте расстилать одеяло!

Леон помахал ей рукой. Том быстро-быстро крутил педали. В последний раз она видела своего сына живым.

В маленькой кухоньке воцаряется тишина. Они оба молча плачут. Слезы каплют на детали пазла. Жоанна плачет, и Эмиль тоже плачет, потому что чувствует всю ее боль. Ее бесконечное страдание. Она отдала его Эмилю, чтобы он разделил его, чтобы она страдала не одна. И он принял этот дар. Принял безоговорочно. Он плачет вместе с ней до рассвета в маленькой кухоньке пристройки, где гаснут один за другим дрожащие язычки пламени свечей, как звезды в небе.

Страдать значит уделять чему-то высшее внимание...

Поль Валери. Господин Тест

— Эмиль!

Открывается дверь, и появляется девушка. На ней широкополая черная шляпа и черный костюм, который ей велик.

— Ты здесь, — говорит она с ноткой облегчения.

Он не понимает ее тревоги.

— Да.

— Идем, поешь. Я закончила работу на стройке.

Он вытягивает ноги, затекшие от долгого сидения на подоконнике, и кивает.

— Иду.

Он смотрит ей вслед, когда она скрывается в темном коридорчике, и спрыгивает на пол. Пока не стаял снег, он тоже работал на стройке с ней и двумя девушками из Канады. А потом она запретила ему работать.

— Почему? — занервничал он.

— Из-за обмороков.

Он не помнит, чтобы падал в обморок. Однако Ипполит и девушки из Канады подтвердили слова Жоанны. Он дважды терял сознание. «Скачки давления», — уточнила Жоанна.

— Тебе надо отдохнуть.

Теперь ему немного скучно. На днях Жоанна спросила его:

— Ты больше не пишешь в своем дневнике?

— Какой дневник?

— Мы оба ведем путевые дневники, ты же знаешь...

— Вот как?

Он не очень понимал, о чем она толковала. Она кивнула.

— Да.

— Зачем?

Она поколебалась, прежде чем ответить:

— Чтобы рассказать нашим близким все, что мы здесь пережили.

— Ммм.

Он был настроен скептически. Никогда в жизни он не вел дневника.

— Мы расскажем им потом...

Она не нашлась, что ответить на это. Но достала свой собственный дневник и принялась писать, наверно, надеясь, что он возьмет с нее пример и передумает. И вот сегодня утром он взял черный блокнот, лежавший на ночном столике, в основном чтобы доставить ей удовольствие. Потому что она выбивается из сил, заботясь о нем. Он с удивлением увидел, что уже исписал много страниц в этом дневнике. Он понял, что она не лгала, когда говорила, что он страдает потерями памяти, или когда объясняла, что они здесь, чтобы он отдохнул, ради чистого горного воздуха, чтобы насытить кислородом его мозг. Других написанных страниц он не прочел. Констатация потерь памяти слишком потрясла его.

Он идет к двери и останавливается на пороге, отметив, что новое полотно пополнило выставку картин девушки на полу их комнаты. Она много рисует. Если не читает и не пишет в своем блокноте, то рисует. Эта последняя картина чем-то его зацепила, и он медлит несколько секунд, не уверенный, оправдано ли его предчувствие. Голос снова зовет его из коридора:

— Эмиль?

— Иду!

Он подходит к полотну, чтобы рассмотреть его вблизи. Сразу узнает их комнату здесь, в пристройке. Ярко-зеленое покрывало, кровать с панцирной сеткой, стены с облупившейся кремовой краской, слабый свет, едва освещающий комнату. Кто-то лежит на кровати в расслабленной позе, одно колено согнуто, рука под головой, другая держит ручку. Маленький черный блокнот, такой же, как у него, лежит на кровати рядом. Молодой человек, высокий, темноволосый, на лице угадывается щетина давностью в несколько дней. Сразу можно заметить, что вид у него безмятежный.

Эмиль стоит, застыв перед картиной. Ему чудится... Он спрашивает себя... Черные миндалевидные глаза молодого человека кажутся ему знакомыми. Он не может оторвать взгляда от полотна. С кухни слышен смех канадских девушек. Слышен стук кастрюли, которую ставят на ржавую газовую плиту. Он заставляет себя медленно сдвинуться с места. Бросает последний взгляд на картину, прежде чем покинуть комнату. Теперь он почти уверен... Это его нарисовала на полотне девушка... Когда? Зачем? По какому случаю?

Он не может понять, что за теснение нарастает в его груди. Как будто ощущение неполноты. Как будто многих деталей не хватает в его пазле.

—

В кухне у ржавой газовой плиты Жоанна смотрит в грязное окошко на усадьбу Ипполита в окружении гор. Долины прекрасно видны уже несколько дней, с тех пор как весна вступила в свои права и облачный покров в небе поднялся выше. Но пейзажа она не видит. Ее мысли далеко. Она думает о картине, которую наконец закончила сегодня поздно ночью. Когда все в пристройке уснули, она устроилась в кухоньке за чашкой зеленого чая и решила закончить эту картину, начатую три месяца назад. Она рассеянно смотрела на подоконник, где еще красовались маленькие елочки из веток, которые они сделали к Рождеству. Задержала на них взгляд. И с грустью отметила, что та пора кажется ей теперь очень далекой. Запах апельсинов. Смятые фантики от конфет. Пазл из пятисот деталей. Тогда-то она и начала портрет Эмиля, лежащего на кровати и пишущего. Они занимались любовью в тот вечер. Она оставила незавершенную картину на подоконнике. А потом была не в силах ее закончить. Рождественский сочельник прошел, и после этого все разладилось. Он никогда больше не был самим собой.

Жоанна отводит взгляд от окна и долин, заметив в кухне Эмиля. У него опрокинутое лицо. У него часто бывает потрясенный вид с тех пор, как он застрял там, с тех пор, как пытается совместить свою реальность с окружающей. Она смотрит, как он садится за деревянный стол и спрашивает Ребекку, одну из канадских девушек:

— Какой сегодня день?

Ее взгляд снова ускользает, на этот раз в кастрюлю с зеленым горошком. После Рождества временные провалы превратились в настоящие путешествия *туда*, в его другую реальность, в другое пространство-время, где всплывали персонажи из прошлого. Он оставался там дни и дни, иногда недели. В тех редких случаях, когда он возвращался *сюда*, он был нервным и дерганым. Она в конце концов пожелала ему вообще не возвращаться, хотя ей было больно,

потому что по своему Эмилю, прежнему Эмилю, еще не застрявшему там, она скучала.

Когда он вернулся в первый раз, он как будто успокоился, увидев ее. Это было ночью. В середине января. Он прошептал ее имя, и она едва не лишилась чувств от облегчения, потому что уже две недели он смотрел на нее, не узнавая.

— Жоанна...

Она повернулась к нему лицом, дрожа, как в лихорадке. Лунный серпик за открытым окном освещал его плечи, шею, улыбающееся лицо. Он был счастлив.

— Мы еще у Ипполита? — прошептал он.

И она кивнула, не уточняя, что Рождество давно прошло и что он исчез там. Он обнял ее, и она расслабилась, окутанная его теплом. Они лежали неподвижно, обнявшись. Жоанна почти уснула, молясь, чтобы завтра утром он был еще здесь, с ней, как вдруг снова зазвучал его голос:

— Все инструкции записаны на листке бумаги. В черном блокноте. Я подсунул его под резинку обложки.

— Что?

Ей было трудно вынырнуть из сна и осознать сказанное.

— Инструкции, как отдать блокнот моим родителям.

Ей подумалось, что он, возможно, все же почувствовал, что исчез надолго и может больше не вернуться. Что по этой причине он заговорил об инструкциях. Она кивнула:

— Хорошо. Я сохраню этот листок у себя.

— Так будет лучше.

Эмиль замолчал, успокоенный. Поиграл руками Жоанны, ее пальцами, удивляясь, какие они маленькие, покрутил обручальное кольцо на безымянном. Поиграл еще с кольцом в полутьме спальни, а потом уснул с умиротворенным видом.

В следующие разы, когда он возвращался, он уже не был в себе и не казался спокойным. Был в смятении, дерганым, нервным. Одно его возвращение ознаменовалось панической атакой, и тогда она пожелала ему больше не возвращаться. Да, все разладилось после Рождества, и Жоанна была не в силах дописать эту картину — портрет спокойного Эмиля той поры, когда им двоим была дарована последняя передышка и они не знали, что она последняя. Ей потребовалось время. Три

месяца. Время, чтобы переболеть и оплакать, чтобы закончить свой труд и чтобы решиться покинуть усадьбу Ипполита.

— Как дела? — спрашивает Ребекка, видя, что Жоанна притихла над своей тарелкой.

— Все хорошо.

Ребекка и Эмма, две девушки из Канады, двадцати и двадцати одного года, путешествуют по Европе, а на родине их ждет учеба в языковом университете в Торонто.

— Мы хотим приготовить вам канадское блюдо сегодня вечером, — говорит Эмма со своим сильным акцентом.

Выдавив улыбку, Жоанна кивает.

— О... Что же это будет?

— Мясные хлебцы.

Эмиль рядом с ними ест молча. С некоторых пор ему трудно участвовать в разговорах. Он стал дерганым, рассеянным. Ему редко удается сосредоточиться на одном деле больше чем на несколько секунд. Тоже, видимо, симптомы болезни.

— Что это такое?

— Это вроде жаркого из рубленого мяса с размоченным в молоке хлебом, луком и...

— И яйцами, — подхватывает Ребекка. — С изрядной дозой специй.

Жоанна усиленно изображает энтузиазм.

— Звучит вкусно.

Никто, кажется, не помнит, что она не ест мяса. Раньше помнил Эмиль. Сколько усилий он прилагал, чтобы готовить ей вегетарианские блюда! Новый Эмиль чаще погружен в задумчивость, наверно, накатывают давние воспоминания. Он говорит мало. Да и разговоров толком не слушает. Три девушки поднимают головы, когда он резко встает.

— Куда ты? — спрашивает Жоанна.

Ей ненавистно так за ним надзирать, но у нее нет выбора с тех пор, как он пропал на прошлой неделе. Она вернулась со стройки, а его не было. Битый час они искали его все вчетвером и нашли в деревне Аас, совершенно растерянного.

— Я хотел встретиться с Рено в кафетерии, — заявил он.

Тем временем в кухне Эмиль направляется к грязному окошку.

— Кот пришел, — говорит он.

Они не сразу понимают, что он хочет сказать, но в следующую секунду он открывает окошко, и на середину кухни спрыгивает Пок.

— Это Пок, — ласково напоминает ему Ребекка.

— Я не знаю по именам всех бродячих котов в Пиренеях!

Обе девушки растерянно смотрят на Жоанну. Они еще не совсем привыкли к забывчивости Эмиля. Ничего не поделаешь, пришлось посвятить их в тайну. Эмиль постоянно спрашивал всех: «Где мы?», «Вы не знаете, кто меня сюда привез?», «Почему меня не отвезут в Роанн?», «Вы подруги Маржо?».

Они всегда добры к Эмилю. Отвечают на все его вопросы, даже самые настойчивые и самые частые.

— Это не бродячий кот, — объясняет Эмма. — Это Пок. Это твой кот.

Жоанна незаметно подает девушкам знак: бросьте.

— Если бы у меня был кот, я бы об этом знал, — отвечает Эмиль, садясь за стол.

Никто не настаивает. Он принимается за еду, а через несколько минут, когда он заканчивает, Жоанна забирает его тарелку, ласково приговаривая:

— Иди отдохни немного. Я разбужу тебя, когда вернусь.

В кухоньке пристройки три девушки молча моют посуду.

— Значит, вы уезжаете... я хочу сказать... совсем? — вдруг спрашивает Эмма.

Жоанна хмурит брови, не понимая.

— Да. Совсем.

И добавляет почти агрессивно:

— А что?

Эмма беспомощно поводит плечами.

— Мы думали, что вы останетесь с нами до мая.

— Да, — подхватывает Ребекка. — Мы к вам привыкли.

Жоанна невольно улыбается при виде их огорченных лиц.

— И потом, Ипполит беспокоился... из-за обмороков Эмиля... — добавляет Эмма.

Жоанна помнит долгие споры с Ипполитом между дверьми пристройки, когда она сообщила ему, что они уезжают. «Вы же тоньше былинки. Что вы будете делать, если он упадет?» Однако уезжать надо. Эмиль слабеет, обмороки все чаще, и он не может больше работать на стройке. Он проводит дни взаперти, кружа по своей комнате, и она каждую минуту боится, что он опять убежит и потеряется. Она не может присматривать за ним постоянно. Ей надо работать. Его присутствие здесь, эта комнатка на двоих и стол, который предоставляет им Ипполит, имеют смысл только потому, что она старается работать на стройке за двоих. Но у нее тоже осталось немного сил.

Ипполит дал им адрес экофермы в Лескёне, в Пиренеях. Один его друг из пастухов замыслил проект: восстановить старые пастушьи хижины и сделать из них жилища, отвечающие экологическим критериям. Это маленькое поселение на полсотни жителей пытается теперь создать большой огород и развивать пермакультуру^[7], чтобы экоферма сама себя снабжала фруктами и овощами. Ипполит сказал, что община постоянно ищет волонтеров для помощи.

— Вы сможете давать уроки рисования детям, — добавил он. — Точно, я уверен, что это им очень понравится.

Жоанна потихоньку загорелась этой идеей. Ипполит помог ей выстроить маршрут. Послал письмо своему другу-пастуху. Ему спокойнее знать, что они будут там, в общине, и не одни с болезнью Эмиля. Всегда будет кому присмотреть за Эмилем, подумала Жоанна.

Между тем в кухне Ребекка и Эмма разочарованы и немного грустны оттого, что они уезжают так рано.

— Мы будем на этой экоферме... Ипполит сам дал нам адрес. Он уверен, что нам там будет хорошо.

Девушки настроены скептически.

— Вы уедете с Поком? — спрашивает Эмма.

Жоанна кивает, и лицо Эммы вытягивается еще сильнее.

— По нему мы тоже будем скучать.

Жоанна улыбается девушкам, которые вдруг кажутся ей намного моложе, чем они есть.

— *Истинные уходы, самые трагичные, — те, которых никогда не будет*^[8], — заявляет она с загадочным видом.

Девушки хмурят брови, переглядываются. Ее улыбка становится шире, и с этими словами она покидает кухню.

Гравий хрустит под ногами Жоанны, когда она, тяжело ступая, идет к кемпинг-кару. Уже несколько дней она готовится, не без опаски. Это ритуал. После работы на стройке она покидает усадьбу, забирается в кемпинг-кар и заставляет себя проехать несколько минут по горным дорогам. У нее нет выбора. Дверца открывается с легким скрипом, Жоанна забирается внутрь и садится за руль. И всегда, пропади все пропадом, чувствует себя крошечной и неспособной вести эту махину.

В свете угасающего за вершинами дня хлопает дверца и загораются фары, когда Жоанна включает зажигание. Прежде чем свернуть с гравийной дорожки, она оглядывается на пристройку, где светится окошко кухни. Ребекка и Эмма готовят прощальный ужин. Эмиля с ними нет. Он остался в своей комнате. Она сказала девушкам, уходя:

— Присмотрите за ним... Я минут на двадцать, не больше.

Кемпинг-кар медленно сворачивает с дороги. Ей всегда трудно переключаться на вторую скорость. Она вообще-то никогда не водила машину. В Сен-Сюльяке всегда передвигалась пешком или на велосипеде. Жозеф настоял, чтобы она сдала на права, потому что тогда они еще не знали, что она заступит на место школьного сторожа. Он думал, что ей понадобится машина, чтобы искать работу. Она получила права, но никогда не водила. Машины у них там не было. Сегодня, однако, она вынуждена сесть за руль. Рефлексы Эмиля всё замедленнее, и потом, он может потерять сознание за рулем. Жоанна осторожно сворачивает на узкую горную дорогу. Она вся съежилась за рулем, но чувствует, что делает успехи, что уже не так напряжена и вести машину легче. Она повторяет про себя несколько слов, которые говорил ей отец, когда она была девчонкой. *Коль скоро мы не можем изменить направление ветра, надо научиться ставить паруса.* Это фраза Джеймса Дина. Она любит ее вспоминать, когда ей трудно и нужно поверить в себя. Это звучит как ободрение. Приспособиться — значит справиться. Надо уметь ставить паруса. Всегда.

— Для кого эта открытка?

Вот и всё, они покинули усадьбу, Ипполита, Эмму и Ребекку. Прежде чем ехать в направлении Лескёна, остановились в маленьком центре Ааса. Центр — это громко сказано, потому что всех магазинов в Аасе — только табачно-газетная лавка. Жоанна выбрала открытку с красивой пастушьей хижинкой в занесенной снегом долине. Она заполняет ее прямо на прилавке, чтобы отправить отсюда, прежде чем ехать. Продавец странно на них посматривает. Наверняка из-за Эмиля, который озирается и выглядит немного потерянным.

— Это для Себастьяна, — отвечает Жоанна, не поднимая головы от открытки.

— Кто это — Себастьян?

Он шарит рукой среди журналов, и Жоанна делает ему большие глаза, потому что продавец смотрит на них уже с явным неодобрением.

— Друг.

— Почему ты ему пишешь?

Она пытается отвечать ему, не прерываясь:

— Я обещала ему писать из каждого места, где мы будем.

Эмиль склоняется через ее плечо, пытаясь прочесть слова.

— Вот, — она протягивает ему открытку. — Ты не хочешь подписать внизу?

Он странно смотрит на нее.

— С какой стати мне подписывать? Я его не знаю...

— Ничего страшного. Он знает, что я путешествую с тобой.

— Поэтому ты пишешь ему обо мне в письме?

— Да, поэтому.

Она вкладывает ручку ему в руку.

— Вот, подпишись внизу. Это будет мило с твоей стороны.

Он подписывается без разговоров. Этот Эмиль добрый, такой же, как тот.

Звякает колокольчик, когда они толкают дверь табачной лавки.

— До свидания, месье, — говорит Жоанна.

— До свидания. Хорошего дня.

Они выходят на тротуар, кемпинг-кар припаркован перед ними.

— Жоанна... — начинает Эмиль.

— Да?

Она отпирает дверцы и поворачивается к нему с ключами в руке.

— Мне кажется, у меня провалы в памяти.

Она пытается выглядеть непринужденной и легкой. Всегда оставаться легкой. Это правило. Тогда Эмиль переживает свою болезнь без паники.

— Вот как?

— Да.

— А почему ты так думаешь?

— Этот Себастьян...

Глаза его вопрошают.

— Я ведь должен его знать, правда?

Она пожимает плечами.

— Ты думаешь?

— Да, я думаю. И тебя тоже, да? Я должен тебя знать?

У него взгляд маленького мальчика, взгляд, полный ожидания и вопросов, и она ласково ерошит ему волосы.

— Может быть, но, знаешь, это не имеет никакого значения.

Она приглашает его сесть в кемпинг-кар, но он стоит застыв.

— Это точно? — спрашивает он.

Она кивает, глядя все так же ласково. Она любит этого нового Эмиля, этого маленького мальчика, которым он становится. Любит его так же, как того, прежнего, застрявшего *там*. В сущности, вправду ли это два разных Эмиля?

— Точно. Уверяю тебя. Давай, садись. Дорога нам предстоит дальняя.

Он охотно повинуется. Вид у него успокоенный.

— Куда мы едем, Жоанна?

Они в пути. Дорожная карта Атлантических Пиренеев расстелена на приборной доске, и Жоанна то и дело поглядывает в нее.

— Мы едем в Лескён. Знаешь, на ферму, о которой говорил Ипполит...

Он пожимает плечами, он не помнит.

— Вот увидишь. Нам там будет хорошо.

— Что мы там будем делать?

— Будем жить с другими людьми и помогать им в делах общины. Можем работать в огороде или еще где-нибудь.

Он оборачивается, смотрит на нее с тревогой.

— А потом вернемся в Роанн?

Она кивает.

— Да. Потом вернемся в Роанн.

— Когда?

Она сглатывает и смотрит на дорогу. Так легче обдумать, что ему ответить.

— Когда тебе станет лучше.

— Мы здесь ради чистого горного воздуха? Для моего мозга?

Он регулярно задает ей одни и те же вопросы, словно хочет удостовериться, что правильно понял, что ничего не забыл. Все, должно быть, смешалось в его голове. Ему надо повторять и слышать себя.

— Совершенно верно, Эмиль.

Ей удалось его успокоить. Он откидывается на сиденье и упирается головой в стекло.

— Ипполит рассказал мне про одно место, где мы можем остановиться до Лескёна. Скажем, на два-три дня. Это совсем близко отсюда.

— Да?

— В долине Оссо, которую мы сейчас пересекаем, есть природный заповедник, и там самое большое гнездовье грифов. Он говорил, если подняться на вершину Беон, можно увидеть, как кружат в небе грифы и египетские стервятники.

Ей удалось пробудить в нем интерес. Он смотрит на нее недоверчиво.

— Да ну?

Она кивком подтверждает.

— Ну что, тебя это привлекает?

— Да. Меня это привлекает.

— Супер. Поехали.

На несколько секунд тишина наполняет салон, потом голова Эмиля снова поворачивается к ней.

— Что это за египетские птицы?

— Стервятники.

— Как?

— Стервятники. С. Т. Е. Р...

— ...вятники.

— Вот!

Они устанавливают складной столик и стулья перед кемпинг-каром. Им понадобилось не больше четверти часа, чтобы добраться до деревни Аст-Беон, где находится гнездовье грифов. Потом нашли каменистую проселочную дорогу, которая уходила в запущенный луг. Здесь они и решили поставить машину.

— Я заварю чай? — предлагает Эмиль.

— Отлично.

Жоанна тем временем достает еще влажные простыни, которые она постирала перед отъездом в стиральной машине Ипполита в пристройке. Она развешивает их между стульями в шатком равновесии. Только бы не улетели от порыва ветра. Они еще пахнут марсельским мылом с едва уловимой фруктовой ноткой. Пок между тем обходит автомобиль, принохаясь.

— Ты справишься? — спрашивает она, заглянув в кемпинг-кар.

В последнее время, когда Эмиль хотел что-то приготовить у Ипполита или просто согреть воду, он забывал выключить огонь, и Жоанна прибегала вовремя, чтобы предотвратить катастрофу. Но на этот раз Эмиль сосредоточенно смотрит на чайник. Глаза его следуют за движением пузырьков сквозь белый пластик. Жоанна привстает на цыпочки, чтобы достать красивый чайничек и две старинные фарфоровые чашки, которые они купили ноябрьским утром у моря, в Грюиссане. Потом достает жестяную коробочку, в которой хранится зеленый чай с миндалем, тоже купленный в Грюиссане. Она хлопчет у кухонного стола, когда звучит вопрос Эмиля, довольно резко:

— Ты была замужем?

Она не сразу понимает, откуда взялся этот вопрос, потом ловит его удивленный взгляд, устремленный на обручальное кольцо.

— Ты была замужем дважды? — снова спрашивает он, прежде чем она успевает ответить.

— Прости?

— У тебя два кольца.

Действительно, она носит оба их кольца на безымянном пальце. Однажды январским утром в пристройке она нашла кольцо Эмиля на полу. Он, должно быть, снял его, недоумеая, что это стальное подобие обручального кольца делает на его пальце. Она подобрала его с пола и надела на палец поверх своего.

— А... нет... — отвечает она, невольно улыбаясь вопросу. — Нет... Я не была замужем дважды.

— Почему же у тебя два кольца?

— Потому что...

Наливая воду в чайничек, она ищет подходящий ответ.

— Потому что мой муж все время его теряет... Вот и приходится мне носить и его кольцо тоже.

Краем глаза она видит, что Эмиль кивает.

— Почему он его теряет? — спрашивает он.

— Ох, он такой рассеянный.

— А.

Она накрывает чайничек фарфоровой крышечкой и ставит его на поднос. Уже собирается попросить его взять чашки и выйти за ней на улицу, но тут снова звучит голос Эмиля:

— У него тоже провалы в памяти?

Она ставит поднос на кухонный стол и улыбается ему.

— Да. У него тоже.

— Он хотя бы не забыл, что вы женаты?

У него растерянные, полные ужаса глаза.

— Будем надеяться, что нет, — отвечает она, беспечно пожав плечами. — Ладно... Чай-то пить будем?

Над деревней Аст-Беон нависает вершина Беон. На этом утесе обитает колония грифов, объявленных охраняемым видом. Они гнездятся в скальных пустотах и трещинах. Туда-то Эмиль с Жоанной и отправляются сегодня днем с рюкзаками и двумя флягами. Жоанне то и дело приходится одергивать переходящего на бег Эмиля:

— Так ты устанешь. Не беги, у нас есть время.

Она боится, что он упадет по дороге, боится нового резкого скачка давления. Мягкая теплая погода. Они поднимаются, останавливаясь время от времени, чтобы посмотреть на долины внизу, на пасущиеся стада овец и коров, на каменистые дороги, змеящиеся в зелени. Добравшись до верха, они ждут около часа, прежде чем видят первого взлетевшего грифа. Эмиль сидит в траве, поджав ноги, и нетерпеливо рвет травинки. Жоанна учит его плести браслет из маргариток, но видит, что ему скучно. А потом наконец они слышат сухие хлопки в воздухе — это хлопают, раскрываясь, гигантские крылья. Они смотрят

в изумлении на величественный взлет огромной хищной птицы всего в нескольких метрах. Несколько минут они не могут оторвать взгляд от неба, где от птицы осталась только крошечная черная точка. Жоанна заговорила первой:

— Вернемся сюда завтра? Я возьму мои холсты.

Эмиль кивает и спрашивает возбужденно:

— Это египетский стервятник?

3 марта

Аст-Беон, мягкое весеннее солнце. В кемпинг-каре, сижу на банкетке

Я никогда не видел хищных птиц так близко. Когда гриф взлетел совсем рядом со мной, это впечатлило больше, чем все, что я видел до сих пор! Эти птицы огромные, они могли бы проломить нам голову одним ударом клюва. Девушка говорит, что нет, но я не думаю, что она специалист по грифам...

Я влюбился в эту деревню и особенно в утес грифов! Девушка говорит, что в поселке есть музей грифов и мы можем пойти туда завтра. Она сказала, что после этого мы наверняка сможем узнать египетских стервятников (она продиктовала мне название, я его опять забыл).

Во всяком случае, скорей бы завтра!

После обеда они снова поднялись на вершину Беон. Они там уже около двух часов. Жоанна нарисовала небо, долины внизу. Она делает перерыв, прежде чем взяться за самое трудное: нарисовать грифа. Она откладывает кисть и поднимает голову от полотна. Эмиль сидит рядом, у него на коленях толстая книга с красивыми глянцевыми страницами. Сегодня утром они пошли, как она обещала, в маленький музей «Утес грифов». Эмиль, которому после Рождества стало трудно сосредотачиваться, здесь оставался совершенно спокойным два с половиной часа, не сводя глаз с огромных выставленных фотографий. В сувенирной лавке он купил красивый том с фотографиями основных видов грифов на глянцевых страницах. С тех пор он не расстаётся с книгой. Жоанна невольно думает, что Эмиль, погруженный в

фотографии хищных птиц, как сейчас, напоминает ей маленького Тома. Он напоминает ее маленького Тома, когда тот рисовал свою синеву.

В этот вечер Жоанна решила достать старую «Монополию» Миртиль. Эмиль удивился, увидев обтрепанную коробку и цену во франках.

— Откуда это у тебя?

— Подруга мне подарила.

— Наверно, старая подруга...

Она кивает. Эмиль смотрит, как она достает игровую доску и раскладывает ее на столе перед банкеткой.

— Маржо терпеть не могла эту игру. Она никогда не стала бы играть в это с тобой.

Жоанна пожимает плечами и продолжает раскладывать билетки, сортируя их по цветам.

— Но ты же любишь играть.

Он хмурится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Ты пророчица?

— Может быть.

Он наконец садится на банкетку рядом с ней, когда она ставит две фишки, желтую и зеленую, на исходную клетку.

— Маржо любит играть только в домино, — сообщает он, беря кубик.

— Вот как?

— Ты знаешь, ты же ее подруга. Нет?

Он сверлит ее взглядом. Она кивает.

— Да, конечно.

— Вы учитесь в одной школе?

— Прости?

— Маржо во втором классе. А ты?

Она показывает ему клеточку, чтобы он передвинул фишку. Он выбросил три.

— А... Да, я тоже во втором классе.

Несколько дней назад он собрался на встречу с Рено в университетском кафетерии. Сегодня вечером он уже в начальной школе.

— Эмиль... — тихо говорит она через несколько секунд.

— Да?

— Завтра нам надо уехать... На ту ферму, о которой говорил Ипполит.

Она ожидала именно такого разочарования на его лице, поэтому предпочла предупредить его заранее, вечером.

— А там будут грифы?

— Не думаю...

— Я туда не хочу.

— Тогда мы можем заключить договор.

— Какой договор?

— Завтра еще раз поднимемся на утес с грифами, а потом уедем.

Он кивает и бросает кубик.

— Хорошо. А потом поедem в Роанн.

Она предпочитает не отвечать.

Необычное встречается на пути обычных людей. Слова Пауло Коэльо вспоминаются Жоанне в тот день, когда они въезжают в Лескён. Пейзаж, омытый закатным светом, навевает ей стихи, картины, фортепианные мотивы. Она никогда не видела такой красоты. Пейзаж предстает как данность: она понимает, что это здесь, что именно сюда странствие должно было их привести, с того первого дня на обочине автострады в Роанне.

— Что с тобой? — спрашивает Эмиль.

Она не пытается скрыть слезы, выступившие в уголках глаз.

— Ничего, все хорошо.

Он еще не догадался, что это здесь. Что он добрался до своего последнего пристанища. Она медленно паркуется на обочине и выключает мотор. Она хочет дать себе время увидеть эту чистую красоту.

Замерев от восхищения за рулем кемпинг-кара, Жоанна смотрит на один из самых красивых природных цирков в Пиренеях. Природный цирк образован ледниками и ограничен вершинами с легендарными именами: плита Королей, пики Ансабер, столбы Камплонг. Она не знает, что Лескён называют «Доломитами Пиренеев», что эта деревня на высоте тысяча метров — самая высокая коммуна в массиве, что из нее открывается вид на самые величественные пики Беарнских Пиренеев — Ани, Ле Бийар, Ле-Дек-де-Люрс... все не ниже двух тысяч метров.

Ее глаза смотрят на этот природный цирк, на известняковые утесы сюрреалистической белизны, вырисовывающиеся на фоне неба, как острые зубы. Деревня притаилась внизу этого почти замкнутого цирка. Сейчас она еще не знает, что Лескён — самое что ни на есть аутентичное поселение, что в нем сохранились серые черепичные крыши, узкие улочки и дома с толстыми стенами, сложенные из камня, с деревянными дверьми и такими типичными маленькими окошками. Она еще не знает, что, выйдя на узкую улочку, ведущую к церкви, с восхищением обнаружит старинные фонтанчики и поилки... Что за древней горы и леса соседствуют с покосными лугами, изгородами,

амбарами и старинными стенами. День за днем она будет открывать цветущие сады, озаряющие весной узкие переулки. Будет видеть фиолетовые цветы, диким ковром покрывающие обочины маленьких дорог, ведущих к амбарам; гвоздики, медуницу, орхидеи и их желтых собратьев; маки, примулы...

Она будет слушать в деревенских кафе вечные рассказы о Лескёнской битве, об отваге лескёнцев в сражении с испанской армией. Ничего этого она еще не знает, но ее слезы перед красотой пейзажа — доброе предзнаменование всего, что ее ждет.

— Жоанна?

Женщина энергично протягивает ей руку. У нее коричневое от солнца лицо, очень черные глаза и волосы, прямой нос.

— Очень рада, меня зовут Изадора. Мой отец Пьер-Ален, друг Ипполита. Он получил его письмо. Мы вас ждали.

Все в ее теле дышит энергией: улыбка, бодрый тон, ритм голоса, живой взгляд, большие квадратные ладони. Ей на вид лет тридцать пять, не больше.

— А вы, наверно, Эмиль?

Эмиль как будто сошел прямиком с картинки из детской книги. Два больших круглых глаза, вопросительный и чуть испуганный взгляд насмешат кого угодно. Он, однако, пожимает протянутую руку, сохраняя молчание.

— У вас трейлер?

— Кемпинг-кар.

Молодая женщина поворачивается и бросает взгляд на маленькое поселение, состоящее из пастушьих хижин. Оно находится в стороне от деревни, в долине.

— Вам нужен будет участок.

Она круто поворачивается к ним.

— Сколько времени вы собираетесь пробыть здесь?

Жоанна смущенно переминается с ноги на ногу.

— Кто-нибудь может показать Эмилю ферму? А мы бы пока поговорили...

Она не хочет при Эмиле упоминать о его болезни и близкой смерти. Изадора энергично кивает и подносит два пальца ко рту. На громкий свист оборачиваются три мужские головы.

— Марико! Поди сюда, пожалуйста!

Подходит высокий мужчина. Тоже жгучий брюнет с глубокими черными глазами. Длинные волосы падают на плечи, в надбровной дуге колечко.

— Познакомьтесь, это мой спутник жизни, — сообщает Изадора.

Мужчина тепло приветствует их. Изадора добавляет:

— Марико из Перу. Мы познакомились, когда я путешествовала по Латинской Америке.

Не дожидаясь ответа, она поворачивается к своему другу.

— Надо показать Эмилю ферму. Займешься?

— Без проблем, — отвечает он с сильным испанским акцентом.

Жоанна с болью в сердце смотрит вслед Эмилю, который послушно удаляется с круглыми от безмолвных вопросов глазами.

Изадора отводит ее в сторонку, в проулок между каменными пастушьими домиками.

— У него отсутствующий вид, — замечает она.

Жоанна кивает.

— Наркотики?

Вопрос Изадоры удивляет ее.

— Нет. Ранний Альцгеймер.

Изадора морщится:

— Ужасно.

Она показывает на невысокую каменную ограду, предлагая присесть. Обе взбираются на нее, а солнце уже почти село над маленькой деревушкой.

— Давай, объясни мне все. Вы здесь надолго?

— Да. Мы здесь, пока...

Изадора щурит глаза.

— Пока?

— Ему немного осталось.

— Ох!

Изадора пытается выразить ей сочувствие пристальным взглядом, но Жоанна неотрывно смотрит на известняковые утесы.

— Он лечится?

— Нет. Он отказался лечиться.

— Понятно. Он... Ты знаешь, сколько ему осталось времени?

Жоанна наконец отрывается от белых утесов и поворачивается к Изадоре.

— Врачи давали ему два года в прошлом июне. Но все пошло быстрее.

Она продолжает быстро, не давая времени Изадоре задать вопросы:

— Он сможет помочь в кое-каких работах. Раньше он был мастером на все руки. Теперь он просто... просто немного рассеянный. За ним надо будет присматривать. А я... Я смогу помогать в огороде. У меня большой опыт.

Изадора кивает. Нет больше сочувственного взгляда, она снова вошла в роль управляющей фермой.

— У тебя случайно нет особых познаний по части йоги или тай-чи? Мы ищем преподавателей.

Жоанна удивленно поднимает бровь.

— Вот как?

— Мы развиваем не только экологию. Наша деятельность многогранна. Марико, например, учит молодежь капозэре. Он говорит, что это очень на пользу как телу, так и душе.

Жоанна качает головой.

— Я не занимаюсь ни йогой, ни тай-чи. Зато я...

Она колеблется. Она не уверена, что ее опыт с Эмилем был так уж убедителен.

— Скажем, я могу приобщить желающих к медитации.

Глаза Изадоры вспыхивают, как два маленьких гематита.

— Гениально! Знаешь что? Я уверена, что вы приехали не случайно! Марико часто повторяет: *Будь внимателен к знакам.*

Брови Жоанны удивленно ползут вверх.

— Это не Марико придумал... — робко начинает она.

На этот раз глаза Изадоры откровенно смеются. Она качает головой.

— Да, ты права. Это Пауло Коэльо... Верно?

Жоанна шепчет, кивая:

— «Алхимик».

Они обмениваются понимающими взглядами. Взглядами взаимной благодарности. Да, это знак. Они обе с этим согласились.

В маленькой хижине одна комната, служащая кухней и столовой. Пол и стены из необработанного камня. За длинным деревянным столом сидят пятеро. Стулья из массивного бука с потрепанными соломенными сиденьями. Старинная деревянная печь в углу комнаты, урча, распространяет мягкое тепло. У дальней стены без окна — белая газовая плита, потрескавшаяся чугунная раковина, допотопного вида холодильник и большой деревянный шкаф, служащий буфетом. Марико как раз объясняет:

— Мы хотели сохранить старинный интерьер, нарочно допотопный. Наша хижина на ферме исключение. Большинство остальных вполне современны.

Он показывает на плиту и холодильник:

— Вся наша техника подобрана на свалках. Мы ее модернизировали, чтобы соблюсти современные экологические нормы.

Изадора добавляет, повернувшись к Жоанне:

— Марико был в Перу мастером по ремонту бытовой техники. Это помогает.

За столом, под белесым светом голой лампочки, пятеро сидят за приветственным ужином. Эмилия и Жоанну пригласили в хижину Марико и Изадоры вместе с Пьером-Аленом, отцом Изадоры, другом Ипполита. До этого Изадора показала им всю экоферму и познакомила с жителями, которых они встречали у домов и в крошечных садиках. На ферме пятьдесят жителей, по большей части пенсионеры, как объяснила Изадора. В большинстве своем они работали в экологии, садовом дизайне и сельском хозяйстве. Остальные жители образуют эклектичный ансамбль: активисты, которые делят свое время между работой и фермой, семьи с детьми, люди, не способные работать из-за травмы или увечья, решившие вложиться в проект, имеющий смысл. Активисты участвуют в жизни поселения в основном по выходным. Изадора и Марико тоже работают. Марико по-прежнему чинит бытовую технику. Он разъезжает по окрестным коммунам на своем стареньком «Рено Трафике». Изадора работает официанткой на полставки в одном из деревенских кафе. Кафе «Доломит». У них пока нет детей, и они не знают, захотят ли их завести когда-нибудь. Пьер-Ален — пенсионер. Он всю жизнь был пастухом и всегда боролся за

охрану природы Лескёна и Пиренеев в целом. Он рассказывает им о хижинах экофермы:

— Эта долина, где расположена ферма, была летним пастбищем. Скот выгоняли сюда в погожие дни до начала осени. На таких летних пастбищах можно найти самые разные строения, и у каждого было свое назначение. *Оррис*, например, — это хижины, где хранили молоко, сыр и зерно. Это маленькие хижины, ориентированные на север ради прохлады. Та, в которой вы находитесь сейчас, — *оррис*. *Корталь* служили либо овчарнями, либо складами для снаряжения и навоза. Они опираются на центральный столб и, как правило, крыты соломой. На экоферме есть одна такая. Я вам ее покажу. В ней живет семейная пара пенсионеров.

Когда Изадора сегодня водила их по ферме, Жоанна с восторгом смотрела на старинные каменные хижины, двери которых постоянно были открыты. Изадора сказала, что отношения здесь строятся на полном доверии. В крошечных садиках у хижин растут порей и салат. В курятнике живет десяток рыжих кур с толстыми шеями. Поодаль от жилищ, обнесенная низкой деревянной оградой, раскинулась территория будущей пермакультуры. В углу уже стоит бак с компостом, и туча мух как будто несет над ним вахту. Изадора показала Жоанне холмики земли, обогащенной компостом, который способствует образованию богатого чернозема и развитию культур. Рассказала о спиральных, создающих для каждого растения наилучшие условия.

— Мята и лук-резанец, например, любят прохладную и влажную почву. Их сажают внизу спирали. Растения, предпочитающие полутень, такие как петрушка, огуречник, кориандр, мы посадим на склонах. А наверху будут растения, которым нужно максимальное солнечное освещение.

— Такие как тимьян, розмарин... или лаванда? — спросила Жоанна.

Изадора понимающе улыбнулась ей.

— Точно. Я вижу, ты все поняла.

Они не спеша направились к ферме, и Изадора продолжала оживленно рассказывать, блестя глазами:

— Пермакультура — полная противоположность классической культуре. Растения не сажают ровными рядами. Им предоставляют

расти в собственном ритме и смешиваться. Так они защищают друг друга от болезней и внешних врагов.

Женщины пришли на ферму. Эмиль и Марико ждали их у домика четы. Изадора поспешно добавила:

— У нас еще будет случай поговорить об этом на днях, но, чтобы закончить с понятием пермакультуры, надо запомнить три основных принципа. Беречь землю и все формы жизни. Беречь людей и строить общину. Распределять излишки. На этом и строится вся наша община.

За столом Эмиль молчит. В присутствии незнакомых людей он робеет. Не раскрыл рта с тех пор, как они приехали на ферму.

Перед ужином Изадора показала им маленькую площадку в конце деревни, в сотне метров от огорода, где они разобьют свой лагерь. Кемпинг-кар уже стоит там. Завтра Жоанна достанет стол и стулья и, может быть, наберет камней, чтобы вымостить дорожку, ведущую к двери их домика.

— Кто-нибудь хочет еще рагу? — спрашивает Изадора, вставая из-за стола.

Все качают головами. Марико откинулся на спинку стула, достал папиросную бумагу и разглаживает ее на краю стола. Пьер-Ален сцепил руки на животе. Это еще бодрый старик, очень худой и сухощавый. Седеющие волосы, кустистые брови с загнутыми вверх кончиками, чуть крючковатый нос. Он дышит энергией, как и его дочь.

Изадора идет к плите, чтобы поставить большую кастрюлю с рагу, а Жоанна тем временем озирается. Кроме главной комнаты, в которой они находятся, на данный момент столовой, здесь, кажется, есть еще только одно помещение. В него ведет деревянная дверь справа от буфета. Жоанна думает, что там, должно быть, ванная и туалет. Изадора объяснила, что все жилища фермы оборудованы сухими туалетами и собранный таким образом компост — просто клад для пермакультуры. Что до воды из душа, под землей проложена система труб, позволяющая использовать ее для полива садов и пермакультуры. Поэтому на ферме полностью запрещено использование химических средств. «Мыло „Алеп“, стопроцентно натуральное, и ничего другого», — уточнила Изадора.

Взгляд Жоанны продолжает скользить по комнате. У левой стены она замечает деревянную лесенку, выкрашенную в красный цвет, по которой можно забраться на крошечный чердак. Видны матрас,

голубые простыни и маленький керамический ночник, стоящий прямо на полу. Очевидно, это спальня.

Она вздрагивает, когда Изадора обращается к ней:

— Потолок низковат, да? К счастью, мы не страдаем клаустрофобией!

Она ставит на стол салатницу. В ней большие сочные яблоки и немного орехов, переживших зиму. Пьер-Ален, вынырнув из короткого сна, выпрямляется на стуле.

— Ну, — говорит он, повернувшись к Жоанне, — в каких проектах вы хотите участвовать?

Они идут к кемпинг-кару ночью, под звездным небом. Изадора одолжила им фонарик. Вся ферма спит. Вдали Жоанна различает тень Пока, крадущегося между хижинами. Она надеется, что он не тронет рыжих кур. Она устала. Вечер был богат впечатлениями и информацией. Пьер-Ален загорелся предложением Жоанны создать группу медитации. Он предложил устроить первое занятие в субботу, через четыре дня. Параллельно он записал их в свою команду учеников чародея для работы в пермакультуре.

— У нас маленькая группка из десяти человек. Каждый работает столько времени, сколько хочет. Вот увидите, это очень интересно. Жильбер — ботаник. Он руководит группой. Его жена Люсия — тоже настоящий клад информации. Она была травницей.

Жоанна одновременно вымотана и возбуждена перспективами, которые открываются им на этой ферме. Она уже поняла, что здесь каждому есть дело до других. Ей больше не надо бояться оставлять Эмиля на несколько часов без присмотра. Здесь всегда можно на кого-то рассчитывать.

Он по-прежнему молчит, когда она открывает дверь кемпинг-кара и их обдает знакомым запахом затхлости и чая.

— Эмиль? — тихо спрашивает она. — Как ты?

Его лицо очень бледно. На нем отражается непонимание. Он так и не произнес ни слова. Он не знает, что они здесь делают. Вообще ничего не понимает. Ему плохо. Она никогда не видела его таким растерянным.

— Все будет хорошо, не бойся... Я знаю, все тут ново и пугает тебя, но нам здесь будет хорошо... Все эти люди, которых ты видел

сегодня вечером, позаботятся о нас. Мы научимся пермакультуре.

Она улыбается ему, стараясь, чтобы улыбка вышла успокаивающей, но это не производит должного эффекта. Эмиль все так же неподвижен и бледен.

— Эмиль? — настаивает она, пытаясь добиться от него реакции.

Она внимательно смотрит на него и видит, как кадык ходит вверх-вниз, когда Эмиль сглатывает, готовясь заговорить.

— Я хочу домой.

В первый момент она может только успокаивающе улыбнуться.

— Все будет хорошо, Эмиль.

Она привыкла к его нескончаемым вопросам о возвращении в Роанн. До сих пор ей всегда удавалось его отвлечь. Но он настаивает, говорит жестче:

— Я хочу домой, в Роанн.

Она чувствует, что на этот раз все иначе, есть что-то властное в его голосе и огонь в глазах.

— Мы уедем, когда тебе будет лу...

Он грубо обрывает ее:

— Нет-я-хочу-сейчас!

Он выговорил это на одном дыхании. Он сердит. Растерян, даже в панике. Глаза мечут молнии. Лицо стало еще блее.

— Отвези меня к моим родителям.

Она стоит неподвижно, ошеломленная. Он повторяет:

— Отвези меня. Я больше не хочу быть здесь с тобой. Я хочу домой.

Он порывается выйти из кемпинг-кара, и она мягко удерживает его.

— Постой, Эмиль... Подожди... Ты же не уйдешь ночью, правда?

Она боится, как бы он не услышал панику в ее голосе.

— Мы уедем завтра утром, хорошо? Дождемся дня...

Теперь он смотрит на нее с подозрением.

— Я тебя никогда не видел.

— Видел, Эмиль. Мы с тобой знакомы.

Он ударяет кулаком по кухонному столу. И кричит, очень громко:

— Я тебя не знаю! Ты украла мой мобильный телефон и не даешь мне вернуться домой!

У нее мелькает мысль о спящих соседях. Она пытается говорить еще мягче, чтобы он понизил голос:

— Эмиль, полно. Ты знаешь, что это неправда. Я не крала у тебя твой телефон.

Но он кричит еще громче, отвечая:

— Тогда где же он?

— Я...

— Дай его мне! — требует он.

Его кулак снова обрушивается на кухонный стол. В глазах звериная ярость. Жоанна как будто видит перед собой льва в клетке. Она инстинктивно пятится. Его глаза быстро-быстро шарят по всем углам кемпинг-кара в поисках выхода.

— Я... Я не могу...

Язык ее не слушается. Она чувствует себя загнанной в угол и не видит выхода. Теперь ей страшно. Страшно, что он вспылит, захочет ее ударить. И страшно, что он убежит. Она начинает тараторить тоненьким голоском, не переводя дыхания:

— Завтра, Эмиль. Мы уедем завтра. Ты должен мне поверить. Сегодня слишком поздно... Ночь.

Дверь кемпинг-кара распаивается, гроыхнув в ночи. В следующую секунду он уже на улице.

— Эмиль!

Его тень быстро исчезает в темноте. Она кидается за ним, спрыгнув со ступеньки.

— ЭМИЛЬ!

В ближайшей хижине загорается свет. Эмиль бежит быстро. Ей за ним не угнаться. Она зовет его, стараясь не кричать громко, не потревожить соседей:

— Эмиль! Эмиль, вернись! Умоляю тебя, я тебе все объясню!

Вспыхивает свет во второй хижине. Она вынуждена остановиться, перевести дыхание. Накатывает слабость. Уже несколько недель как она чувствует себя ослабевшей. Она боится потерять сознание.

— Ты заблудишься! Если ты уйдешь один в темноте, ты заблудишься!

Она крикнула громче, чем хотела, потому что он уже далеко. Он легко оторвался от нее. Справа от Жоанны открывается дверь. На пороге стоит мужчина.

— Все в порядке? — спрашивает он, направляя на нее фонарик.
Загорается свет в третьей хижине.

— Это... Это мой друг, — лепечет Жоанна. — Он... У него провалы в памяти. Он хочет убежать.

Она слышит хруст гравия под ногами мужчины. Он подходит к ней.

— Куда он собрался?

Жоанна беспомощно мотает головой.

— Я не знаю.

Мужчина вкладывает свой фонарик в руки Жоанны.

— Держите. Стойте здесь. Я попробую его задержать.

Он убегает. Вскоре она различает только черный силуэт. Ей приходится закрыть глаза, чтобы пейзаж перестал кружиться вокруг нее. Она слышит в ночи голос мужчины, потом голос Эмиля, который кричит во все горло:

**— Я ТОЛЬКО ХОЧУ, ЧТОБЫ МЕНЯ ОТВЕЗЛИ ДОМОЙ!
ОТПУСТИТЕ МЕНЯ! ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА УДЕРЖИВАТЬ МЕНЯ
ПРОТИВ МОЕЙ ВОЛИ!**

Жоанна подбегает трусцой, держа перед собой фонарик. Ей лучше, головокружение прошло. Ей нельзя было столько работать зимой. Надо было беречь силы для таких случаев. Для гнева, ссор, попыток бегства.

Добежав до Эмиля и мужчины, она замечает, что вокруг уже есть другие люди. Мужчины. Во многих хижинах горит свет, двери настежь. Женщины стоят в дверях, встревоженные, мужчины засучили рукава, ожидая драки. Жоанна протискивается между мужчинами, окружившими Эмиля, работает локтями.

— Оставьте его! Не бейте его! Он просто болен... Он потерял память.

Мужчины расступаются. Двое держат Эмиля под руки.

— Он хотел нас ударить, — говорит мужчина с фонариком.

— Мне очень жаль... Мне правда жаль... Он не знает, что делает, он не...

Но яростный крик Эмиля прерывает ее, разорвав темноту:

— ПУСТИТЕ МЕНЯ, БАНДА УБИЙЦ!

Он бьет ногой в пустоту. На миг нога застывает, лицо искажается, потом все расплывается, как плохой кадр на экране. Все темно,

размыто. Эмиль оседает на землю, как тряпичная кукла, как Жозеф среди помидорной рассады три года назад.

Красно-синие огни мигалки пляшут в испуганных глазах Жоанны. Толпа теснится перед Эмилем и машиной скорой. Жоанна ничего не видит. Кроме мигалок. Только что, когда Эмиль упал, она окаменела от ужаса, не в состоянии двинуться с места. Скорую вызвал мужчина с фонариком. Она стояла, оцепенев, пока хижины освещались одна за другой, жители выбегали наружу, встревоженные паническими голосами, кричавшими: «Скорая приехала!», «Освободите место!», «Попросите Марику передвинуть свой фургон!».

Ее схватили под руки, отвели в сторону, усадили на землю. Принесли ей куртку. Чей-то голос, наверно Изадоры, просил ее не беспокоиться, шептал ей, что о нем позаботились, что помощь уже приехала. Она молчала и не противилась, не в состоянии двинуться с места.

Толпа уже рассеивается, и Жоанна видит, как двое мужчин заносят носилки в машину скорой. Они увезут его. Она не в состоянии реагировать. Из-за воспоминания о Жозефе, рухнувшем в огороде. О мужчинах, которые увозили ее маленького Тома в такой же машине. Изадора вдруг оказывается рядом и опускается на колени, чтобы быть вровень с ней.

— Жоанна, его сейчас увезут... Ты, наверно, хочешь поехать с ним...

Она кивает, медленно поднимается и идет за Изадорой к машине, сверкающей мигалками. Изадора перебрасывается парой слов с одним из санитаров. В следующую секунду он помогает Жоанне забраться в фургон, и дверцы захлопываются. Последнее, что она видит, — Изадору, которая машет ей рукой.

Машина трогается. Она смотрит на неподвижное тело Эмиля. Кто-то наложил ему на лицо маску. Санитар подключает электроды к его груди. Футболку с него сняли.

— Мадам, сядьте.

Она повинуется. Дорога каменистая. Банка капельницы опасно раскачивается.

Перед ней вдруг возникает мужчина, его губы шевелятся. Он что-то говорит ей. Она делает над собой усилие, чтобы сосредоточиться.

— ...С сердцем?

— Простите?

Он повторяет медленнее:

— Раньше у него были проблемы с сердцем?

Она качает головой. Слышит, как ее собственный голос бормочет что-то о скачках давления. Ответ врача скорой доносится до нее сквозь вой сирены:

— Его сердце бьется с перебоями. Обморок мог быть вызван брадикардией. У него, вероятно, было головокружение до падения... Или одышка. Он говорил об этом?

Она растерянно качает головой.

— Он... он был в панике. Он страдает серьезными провалами в памяти. Он хотел уйти ночью... Мы пытались его задержать...

Врач успокаивающе улыбается ей.

— Не переживайте, мадам. Сейчас им займутся.

Все происходит очень быстро. Санитары выпрыгивают из машины. Носилки кладут на каталку. Она скрывается в грохоте колес по булыжнику. Врачи бегут следом. Жоанна чувствует чью-то руку на плече, легкое давление, ее ведут. Белые стены. Белые халаты. Белый агрессивный свет неоновых ламп. Лица. Улыбки. Дыхание мужчины, который ее ведет, легкий запах кофе. Ей указывают на серый пластмассовый стул.

— Посидите здесь. За вами придут.

Она смотрит на свои руки, лежащие на коленях, как будто видит их впервые. Длинные грязные ногти. Трещины и припухлости. Результат долгих месяцев работы на стройке у Ипполита. Она смотрит на свои руки, и они вдруг кажутся ей чужими, слишком маленькими и холодными. Два обручальных кольца одно на другом на безымянном пальце. Не совсем на самом деле обручальных, но они — оправдание тому, что она сегодня здесь, что пытается всеми правдами и неправдами помешать Эмилию уехать в Роанн. Против его воли. *Пустите меня, банда убийц!*

Она, должно быть, уснула, потому что не сразу понимает, где находится, кто этот человек перед ней, положивший руку ей на плечо.

На шее у него висит стетоскоп, на носу очки в золотой оправе. Она чувствует, как напряжены ее затылок и плечи.

— Мадам, идемте со мной.

Она приходит в себя, следуя за мужчиной. Его обувь кажется пластмассовой и странно хлопает по полу. Он впускает ее в кабинет. Дверь захлопывается за ее спиной. Он указывает ей на стул из жуткого синего пластика.

— Присаживайтесь.

Она садится. Смотрит на стаканчик для карандашей на ореховом столе врача. Консервная банка, выкрашенная в желтый цвет, на которой наклеены зеленые бумажки. Очевидно, подарок на День отца. Значит, у него есть ребенок.

— Так. С вашим другом все хорошо.

Врач делает паузу, и Жоанна пользуется этим, чтобы переменить позу. Она откидывается на спинку стула, чувствуя, как напряжение отпускает.

— Мы сделали ему эхокардиограмму. Похоже, у него сердечная аритмия, это значит, что его сердце бьется неровно, и это без видимых причин.

Он дает ей время переварить информацию. Она кивает.

— Точнее говоря, у него брадикардия. Его сердечный ритм не только неровный, но и замедленный. Меньше шестидесяти ударов в минуту. Сердце не способно дать организму достаточно крови и кислорода, особенно при физическом усилии.

Он наклоняется вперед и смотрит маленькими зелеными глазами прямо в глаза Жоанны.

— В каких условиях случился обморок?

— Он бежал.

— Бежал?

— Бежал и... отбивался.

Зеленые глаза становятся еще меньше.

— Он страдает потерями памяти, — уточняет Жоанна. — Ранний Альцгеймер. У него был один из приступов, когда он не знает, где находится. Он хотел покинуть ферму... среди ночи. Его пытались удержать.

Квадратные ладони врача ложатся одна на другую на ореховом столе.

— Итак, давайте рассмотрим каждую проблему в отдельности. Во-первых, брадикардия...

Он выпрямляется в кресле.

— Сердце бьется слишком медленно, и это подтверждает то, что я вам говорил... недостаточность ощущается во время физического усилия, как сегодня.

Он всматривается в нее, ожидая кивка, и она кивает, добавив робко:

— Врач, который осматривал его несколько раз, говорил о скачках давления...

— Это не скачки давления. Это брадикардия.

Он снова наклоняется вперед, сцепив руки на столе.

— А эти потери памяти, вы говорите...

Она ерзает на синем пластиковом стуле, ей не по себе. Надо ли было об этом говорить? Она вспоминает реакцию врачей в больнице Баньер-де-Бигор прошлым летом. Они не оставили им никакого выбора. Они сразу позвонили в центр клинических испытаний и родителям Эмиля. Да, но теперь все иначе. В этом Жоанна пытается себя убедить, нервно крутя обручальные кольца на пальце.

— Он страдает генетическим заболеванием... Это что-то вроде раннего Альцгеймера, и оно... оно разрушает его мозг.

Ей кажется, что она уменьшается под внезапно встревоженным взглядом врача.

— Генетическое заболевание, говорите?

Она кивает.

— Что же это?

— Я...

Она опускает глаза, смотрит на носки своих ботинок.

— Я не знаю названия...

Ей думается, что надо было спросить у Эмиля, когда он был еще в себе. Теперь слишком поздно. Доктор откидывается в кресле и старается сделать ласковое лицо.

— Полно, не переживайте. Мы найдем это в его медицинской карте. Полагаю, его брадикардия имеет отношение к этой патологии...

Он снимает очки в золотой оправе и рассеянно протирает их, о чем-то размышляя.

— Он не наблюдается по поводу своей болезни?

Жоанна снова меняет позу на стуле. Ей все больше не по себе. Она повторяет про себя: *Теперь все хорошо, мы женаты.*

— Нет. Ему... ему предлагали клинические испытания, но он отказался. Болезнь неизлечима... Он не хочет ложиться в больницу.

Ей кажется, что врач смотрит на нее все с большим недоверием, но это, вероятно, лишь плод ее воображения. Он медленно надевает очки.

— Нам придется посмотреть его медицинскую карту.

Она кивает и робко спрашивает:

— Потом вы его отпустите?

Брови врача властно хмурятся.

— Это зависит...

— Зависит от чего?

Она пытается не быть невежливой и не давить, но это трудно. В ней поднимается паника.

— Для начала мы подержим его под наблюдением несколько дней по поводу брадикардии.

Он барабанит тонкими пальцами по ореховому столу.

— Нам придется запросить его медицинскую карту. Его генетическая болезнь может быть причиной нарушений сердечного ритма и других будущих проблем. Мы не можем пока его отпустить.

Ее сердце сжимается. Происходит все, чего она боялась. Эмиль в больнице, подключенный к аппаратам, едва ли через час после их приезда в великолепный маленький цирк. Паника давит, закупоривает ей горло. Она начинает хриплым голосом:

— Он определенно просил меня не отдавать его в больницу. Я... Мы женаты. Я его законная опекунша... Я готова подписать любую расписку, чтобы вы его отпустили.

Врач жестом прерывает ее.

— Уже поздно, мадам. Вы устали от событий сегодняшнего вечера. Вам надо пойти отдохнуть. Мы поговорим об этом спокойно завтра, хорошо?

Он улыбается ей, стараясь, чтобы улыбка вышла доброжелательной, но в ней сквозит властность. Жоанна кивает. Сегодня у нее нет сил сопротивляться. Врач поднимается из кожаного кресла. Он делает шаг к выходу и поворачивается к ней:

— Вас проводить? Вы бы вызвали такси...

Но она не двигается. Она должна сказать... Она не может уйти, не удостоверившись...

— Доктор...

— Да?

— Я его законная опекунша... Если что-нибудь... Если... Надо будет принять решение или... свяжитесь со мной... Хорошо?

Он по-доброму улыбается ей.

— Мы не будем принимать никаких решений сегодня ночью. Будьте спокойны. Ваш муж стабилен. За ночь он отдохнет и восстановится. Мы поговорим обо всем этом завтра утром на свежую голову. Договорились?

Она повинуется и медленно встает. Врач открывает дверь и подает ей руку.

— Увидимся завтра. Доброй ночи.

Он смотрит, как она уходит в тишине белого больничного коридора своей странной походкой, одновременно тяжелой и легкой. *Тяжелой, потому что она как будто несет тяжелую ношу. Легкой, потому что она как будто парит над землей.*

Изадора бежит навстречу Жоанне, когда такси высаживает ее перед уснувшей фермой. Свет в пастушьих хижинах погашен. Все ушли спать. Изадора — нет. Она, должно быть, с тревогой ждала их возвращения.

— Как он, Жоанна?

Жоанна стоит перед ней с усталым и озабоченным лицом.

— Они его оставили?

Она кивает.

— На несколько дней.

Изадора увлекает ее к хижине, обняв за плечи.

— Идем, я приготовила тебе настой. Он поможет уснуть.

Дверь хижины открывается, и Жоанна видит Марику, он не спит, сидит за деревянным столом над книгой. Голая лампочка освещает слабым светом скудный интерьер.

— Как он? — спрашивает Марику, подвигая ей стул.

Он приглашает ее сесть. Она медленно садится, а Изадора тем временем приносит старенький чайник с плиты. Пытаясь собраться с силами, Жоанна начинает:

— У него проблемы с сердцем...

Глаза обоих округляются.

— Его сердце бьется слишком медленно. Оно не может поставлять кровь и кислород, особенно при физическом усилии.

Изадора ставит перед ними черный чугунный чайник и три крошечные чашки. Потом садится рядом с Жоанной и ласково спрашивает:

— Это связано с другой его болезнью... С Альцгеймером?

Жоанна кивает.

— Да, связано. Это из-за...

Она уже не помнит, что он ей объяснял. Речь шла о мозговом стволе и разрушении. Больше она ничего не знает.

— Часть его мозга разрушается.

Тягостное молчание повисает в маленькой хижине. Проходит минута, прежде чем Изадора решается наполнить чашечки. Плеск воды как будто пробудил Жоанну. Она выпрямляется и ерзает на стуле.

— Мы с ним заключили договор. Когда он был еще в себе. Он взял с меня обещание ни за что не возвращать его домой. Он хотел умереть вдали от взглядов, вдали от своих близких. Поэтому он и уехал.

Она прерывается, переводя дыхание.

— Поэтому мы поженились... чтобы я стала его законной опекуной и могла решать, как он закончит жизнь. Он не хотел умирать в больнице. Он хотел умереть на природе... в горах...

Она поднимает к ним суровое лицо, лицо, полное решимости и не знающее страха. Она готовится продолжать, хочет сказать, что не нарушит своего обещания, но Мариико с серьезным видом перебивает ее:

— Я смотрел, как моя мать медленно умирала в учреждении, в одном из тех мест, которые называют центрами паллиативной помощи. Никому этого не пожелаю. Если бы не мой старший брат, трус и слабак, который давил на всю семью, я увез бы ее сюда, в горы, чтобы подарить ей смерть, достойную так называться. Я до сих пор не могу себе простить.

Он тяжело сглатывает.

— Я поддерживаю твой поступок и это обещание, которое ты ему дала. Считаю, что у тебя есть наше согласие на все, что произойдет

здесь, на ферме... Торжественное согласие.

Изадора кивает. Жоанна с безмерным облегчением откидывается на спинку стула. Она смотрит на свои руки, лежащие на коленях. Только теперь она понимает, что их сотрясает дрожь. Маленькие, холодные и дрожащие.

Жоанна сидит тихо в белом «Рено Трафике» Марико. Она стиснула зубы и смотрит вдаль, на дорогу. Ночью она никак не могла уснуть. Пок ушел охотиться, что не помогло ей успокоиться. Только под утро она провалилась в беспокойный и не приносящий отдохновения сон.

Машина Марико с подозрительным металлическим лязгом останавливается у главного входа в больницу. Марико поворачивается к ней. С его лица никогда не сходит теплая улыбка. Даже в таких обстоятельствах.

— Я заканчиваю утренний объезд в полдень, — говорит он со своим густым испанским акцентом. — Заеду за тобой в четверть первого?

Жоанна кивает и, поблагодарив его, выпрыгивает из машины. Хлопает дверца. Медленным шагом она направляется к застекленным дверям.

Она не успевает дойти до двери палаты Эмиля, номер которой ей назвала девушка на ресепшене. Ее перехватывает врач, с которым она говорила ночью. Он, видно, ждал ее. Он в том же белом халате, что и вчера, за очками в золотой оправе — маленькие зеленые глаза.

— Идемте со мной.

Она идет следом и садится в том же кабинете на тот же стул из синего пластика. Желто-зеленый стаканчик для карандашей по-прежнему стоит на ореховом столе. Врач улыбается ей и выдерживает паузу, прежде чем заговорить.

— Ладно, прежде всего успокойтесь. Эмиль сегодня чувствует себя хорошо. Его сердце работает в нормальном ритме.

Он дает ей время переварить информацию, откинувшись назад в своем кожаном кресле.

— Мы дали ему дозу атропина, и сердце отреагировало хорошо.

Маленькие зеленые глаза всматриваются в Жоанну, чье лицо очень бледно. Тон доктора становится серьезнее:

— Я успел посмотреть с утра его медицинскую карту. Это именно то, чего я боялся. Брадикардия непосредственно связана с его генетическим нейродегенеративным заболеванием.

Он дает Жоанне несколько секунд, чтобы кивнуть или что-нибудь сказать, но она сидит неподвижно и прямо на своем синем стуле.

— Первое, что я хотел сделать, когда ваш муж поступил к нам вчера вечером, — поставить ему кардиостимулятор. Это тяжелая операция, но и оптимальное решение при брадикардии. Это медицинский прибор, который вживляют в организм больного, он дает электрические импульсы и стимулирует сердце, когда оно бьется слишком медленно.

Он переводит дыхание и успевает незаметно ковырнуть в носу.

— Однако, посмотрев его медицинскую карту, я понял, что все сложнее. Брадикардия напрямую связана с действием его заболевания на мозг, а точнее на мозговой ствол, который отвечает за все жизненные функции организма. Мы можем лечить брадикардию, но боюсь, это все равно что дуть в дырявый бурдюк, если вы позволите мне сравнение.

Жоанна сидит неподвижно. Она старается сосредоточиться на желто-зеленом стаканчике для карандашей.

— Другие жизненные функции тоже в свою очередь скоро будут затронуты. Артериальное давление, дыхание, регуляция температуры тела... Нарушение сердечного ритма — только одно из многочисленных проявлений этой дегенерации. Так что... — Он выпрямляется и вместе с креслом подается вперед. — Так что я не уверен в необходимости подвергать вашего мужа такой серьезной операции, как установка кардиостимулятора, учитывая... — На короткий миг он заколебался. Ноздри его подрагивают. — Учитывая фатальный исход этой болезни, что бы мы ни делали.

Он удивлен, услышав голосок Жоанны, тихий, но совершенно ясный:

— Я считаю, что надо оставить его в покое. Я подпишу все расписки.

Она ждет, что врач возразит, но ничуть не бывало. Он медленно кивает.

— Я понимаю вашу точку зрения. И с учетом ситуации должен сказать, что... Несмотря на мою клятву Гиппократу, я разделяю вашу

позицию.

Он не мигает. Маленькие зеленые глаза пристально всматриваются в нее.

— Я только должен удостовериться, прежде чем дать вам подписать расписки, что вы вполне сознаете, каким рискам подвергается ваш муж.

Она кивает. Ее ладони лежат плашмя на коленях, как в тот день, когда они были перед мэром. Она внимательно слушает, не давая слабину.

— Отказ от установки вашему мужу кардиостимулятора повлечет тяжелые осложнения на сердце. Сердечная недостаточность, частые обмороки и остановка сердца.

Он ждет реакции на ее лице, но с удивлением обнаруживает, что она вполне владеет собой и ситуацией. Это его немного смущает, и ему трудно поймать нить своей мысли.

— Вы... Значит, если вы учитываете риски и...

Он принимается рыться в куче бумаг на столе.

— И держитесь вашей позиции, то... То... Да...

Он теряется в своих бумагах и в своих мыслях, поднимает голову.

— Да, вот. Расписка. Я дам вам подписать документ об отказе от лечения. Вы заявляете, что я проинформировал вас о последствиях для вашего мужа и вы придерживаетесь своего решения.

Жоанна кивает. Врач снова роется в бумагах и извлекает белый бланк.

— Вот он. Я... Я сейчас его заполню. По закону я должен дать вам три дня на размышление, прежде чем подписать этот документ. Я оставлю его здесь, в моем столе, и вы подпишете его в конце недели, когда вашего мужа можно будет выписать.

Обретя дар речи, Жоанна спрашивает:

— Вы оставите его до конца недели?

После осмысленных и понимающих слов врача она ожидала, что сможет забрать его сегодня же.

— Три-четыре дня атропина ему не повредят. Вы заберете его в лучшей форме.

Он вдруг осекается и вскидывает на нее серьезный взгляд:

— Только забудьте о долгих прогулках, уроках танцев, сексуальных отношениях и любой другой физической активности.

Сердечная слабость у вашего мужа будет только усугубляться. Избегайте также жары и вообще стрессов. Ему нужен только отдых и покой, если он хочет еще некоторое время радоваться жизни.

В его голосе звучат сочувствие и грусть, когда он добавляет:

— Вы поняли?

— Жоанна?

Она едва не теряет сознание от счастья, поняв, что он ее узнал. Нет, это не ее взрослый Эмиль. Это его детская версия, застрявшая в прошлом, но главное — что он узнал ее как «девушку, которая поехала с ним в горы лечить его мозг». Она больше всего боялась нового приступа. Но он совершенно спокоен на больничной койке. Она вздыхает с облегчением. Садится на край кровати и улыбается.

— Эй, как ты?

Эмиль улыбается ей. Он показывает на электроды под белой больничной рубашкой.

— Они сказали, что у меня был сердечный приступ.

Она кивком подтверждает и сдвигается в конец кровати, к его ногам. Очевидно, у него не осталось никаких воспоминаний о вчерашней сцене на ферме, и она этому рада.

— Это серьезно? — спрашивает он, вдруг нахмурившись.

Она с непринужденным видом качает головой.

— Нет, ничего страшного. Тебя выпишут в конце недели. Мы вернемся в кемпинг-кар, на ферму, и будем делать что ты захочешь. Можно понемногу огородничать, или играть в «Монополию», или... просто отдыхать.

Его брови ползут вверх.

— На ферму?

— Да.

Повисает пауза.

— Ты ее не помнишь? — робко спрашивает она.

Он качает головой.

— Ладно, ничего. Вот увидишь, это очень красивое место в окружении белых известняковых гор.

Она видит, как в его глазах вспыхивает искра.

— А мы сможем пойти в поход с рюкзаками и палаткой? Когда мы были у Ипполита, ты говорила, что мы пойдем в поход с рюкзаками...

Она вспоминает слова врача, сказанные несколько минут назад.
Забудьте о долгих прогулках.

— Посмотрим.

— Почему посмотрим?

— Доктор сказал, что тебе надо отдыхать.

— Мы ему не скажем.

Он похож на мальчика-шалунишку. Она невольно улыбается ему.

— Да... Ты прав... Мы сделаем это потихоньку.

Он вдруг садится в постели и пристально смотрит на приоткрытую дверь палаты. Ерзает, как будто чего-то нетерпеливо ждет.

— В чем дело? — спрашивает она.

Он продолжает вертеться на койке, пытаясь разглядеть что-то в приоткрытую дверь.

— Ни в чем. Я просто жду, когда она вернется, — говорит он, не глядя на нее, все его внимание сосредоточено на коридоре.

— Медсестра должна зайти?

— Нет.

— Нет?

Он так вертится, что один из электродов отклеивается.

— Эмиль, лежи спокойно. Сестра зайдет, когда сможет.

Но он качает головой и смотрит на нее с улыбкой маленького мальчика.

— Это не сестра, Жоанна. Это моя мама.

Ее сердце сжимается, легкие леденеют.

— Ч-что?

Улыбка Эмиля становится шире.

— Мама только что была здесь. С Маржо.

Она открывает рот, но не может издать ни звука. Накатывает паника, сердце частит. Она едва не задыхается, когда следует продолжение:

— Мы гуляли по пляжу. Она пошла купить мне мороженое. Хочешь, я попрошу ее купить мороженое и тебе тоже?

Спокойный взгляд Жоанны устремлен на поле пермакультуры. Она видит, толком не видя, земляные холмики и спирали. Смеркается, и это ее самое любимое время. Ферма пустеет. Все расходятся по

домам. В пастушьих хижинах загорается свет. Она может посидеть одна в тишине и представить себя деревом. Дыхание ее спокойно. Глаза ничего больше не видят. Зрение размыто. Она представляет себе корни, вырастающие из ее ног, из ягодиц, из бедер. Корни растут и толстеют. Корни уходят в землю, глубоко, все глубже. Она чувствует контакт с землей, энергия поднимается к ней, входит в нее. Она неподвижна. Уже совсем стемнело. Трава покрывается росой. Она чувствует себя спокойнее, сильнее. Этому упражнению ее научил Жозеф. *Когда тебе кажется, что твоя жизнь рассыпается на тысячу осколков, когда пропадают все ориентиры, превратись в дерево.* Слишком давно она не давала себе труда сесть и почувствовать это. Были обмороки, стройка, появился новый Эмиль, этот Эмиль, похожий на ребенка с каждым днем все больше... Она счастлива оказаться сегодня вечером наедине с собой.

Она сидит неподвижно еще час. На нее снизошел внутренний покой. Она чувствует себя почти готовой к дальнейшему. Почерпнув еще вибраций в соприкосновении с землей, она глубоко вдыхает. Пок, мелко семена, приближается к хозяйке и трется об ее спину. Жозеф всегда любил деревья. Они большие, сильные, величественные. Они спокойны и таинственны, невидимы большинству живых существ, но могут устоять перед всеми бурями.

— Эмиль возвращается завтра?

Жоанна кивает. Изадора стоит перед выделенной им площадкой, приставив руку козырьком к глазам.

— Он будет рад, ему понравится то, что ты сделала.

Жоанна сидит на корточках и передвигает один из камней, которыми выложена главная дорожка, дело ее рук. У нее было четыре дня, чтобы превратить их пустую площадку в настоящий маленький дворик. Она красиво выложила камнями дорожку, ведущую к двери, а небольшой квадрат, тоже обложенный камнями, служит террасой. Там стоят складной стол и стулья, а также побелевший от солнца зонтик и ржавый лежак, который Марико хотел выбросить. За кемпинг-каром, под раскидистым пробковым дубом, Жоанна установила четыре доски вокруг крошечного клочка земли. Она решила вырастить пряные травы. Пока это всего лишь квадрат вскопанной земли, но она надеется, что очень скоро здесь пробьются мята, базилик и розмарин.

Она вымыла их автомобиль сверху донизу и повесила на окна новые занавески, которые соседу — мужчине с фонариком — были не нужны. Они желто-оранжевые и вносят в интерьер веселую нотку.

Жоанне кажется, что вся ферма в курсе скорого возвращения Эмиля. Каждый раз, когда она кого-нибудь встречает, звучит вопрос:

— Ваш друг скоро вернется? Завтра?

Многие спрашивались о нем и предлагали Жоанне свои услуги, чтобы отвезти ее в больницу и обратно. Она не знает, как себя вести, ей непривычно такое внимание. Посвящение в медитацию, назначенное на субботу, будет ее благодарностью всем. Может быть, Эмиль тоже захочет прийти?

— Теперь тебе надо отдохнуть, — говорит Изадора.

— Я почти закончила.

— Сделай перерыв. Тебе понадобятся силы, когда он будет здесь... Я позову тебя ужинать.

Доктор сегодня мрачен. А ведь весеннее утро на диво теплое и солнечное. Лето уже близко. На ферме Мариико разжег барбекю, чтобы отпраздновать возвращение Эмиля.

— Ладно, перечитайте этот документ и подпишите в двух экземплярах. Мне понадобятся также ваше удостоверение личности и свидетельство о браке.

Жоанна кивает. Она уже приготовила документы. Она двигает их по столу и берет протянутые врачом формуляры. Быстро пробегает глазами строчки. Некоторые фразы впечатываются ей в сознание сильнее других.

Я, нижеподписавшаяся Жоанна Мари Тронье, в замужестве Верже, законная супруга пациента Эмиля Марселя Верже, госпитализированного в Медицинский центр имени Пастера по причине сердечного приступа, удостоверяю, что была ясно проинформирована и поняла, какие риски влечет за собой отказ от предложенного лечения, включая: одышку, обмороки, сердечную недостаточность, остановку сердца и смерть пациента.

Тем не менее я хочу забрать из отделения Эмиля Марселя Верже и отказаться от лечения и/или оперативного

вмешательства, предложенного доктором Маргероном, и снимаю, таким образом, с доктора Маргерона и Медицинского центра имени Пастера всякую ответственность за любые последствия, включая жизненно важные, вытекающие из моего решения.

Я понимаю, что, даже подписав этот документ, могу передумать, и это не мешает пациенту вернуться в больницу в случае проблем, или просто по желанию, или если у него есть вопросы.

Далее следует графа *«подпись пациента или его законного опекуна»* и *«подпись лечащего врача»*, а также привычное *«прочитано, согласен»*.

Жоанна быстро подмахивает два экземпляра. Врач по-прежнему мрачен. Он считает себя обязанным добавить:

— Если что-нибудь случится, если у вас возникнут сомнения касательно вашего решения...

Но она перебивает его:

— Спасибо, доктор.

Она забирает свидетельство о браке и удостоверение личности и терпеливо ждет, когда врач поставит свою подпись на расписках. Наконец листок возвращается к ней. Доктор встает, чтобы проводить ее до двери кабинета.

— Берегите его, мадам Верже.

В последний раз она встречает взгляд пронизательных зеленых глаз за очками в золотой оправе. Она понимает, какую он проявил человечность и как это было для него трудно. Это она и пытается передать ему последним долгим взглядом. Всю свою благодарность.

— Спасибо за все...

Он молча смотрит, как она удаляется своей странной походкой, маленькая черная фигурка в белых больничных коридорах.

— Здесь мы живем?

— Да... Здесь. Тебе нравится?

Он уже обошел кемпинг-кар. Она сдерживается, чтобы не одернуть его: «Не бегай, врач запретил тебе бегать». Слышит его возглас:

— У нас есть сад?

Она выходит к нему за кемпинг-кар, в тень большого дуба. Он сидит на корточках перед крошечным огородом и восторгается первым пробившимся из земли побегом мяты.

— Ничего особенного... Просто немного пряных травок.

— Это мята?

— Да. Когда она вырастет, будем делать ледяной настой.

Ее маленький Том обожал его. Он набрасывал в свой стакан десяток кубиков льда, так что почти не оставалось мяты, только растаявший лед.

Марико ждет их по другую сторону кемпинг-кара. Это он привез их из больницы в своем белом фургоне. Жоанна выходит к нему на дорожку и зовет Эмиля:

— Нас ждут к обеду. Марико приготовил барбекю.

Марико делает ей знак, что время еще есть. Он удаляется в своих коричневых шароварах. Они присоединятся к нему, когда будут готовы. Появляется Эмиль. Вид у него счастливый.

— Мне здесь нравится.

— Я же тебе говорила.

— Нам обязательно идти обедать с этими людьми?

— Ох...

Она пожимает плечами.

— Нет... Если ты правда не хочешь идти, мы останемся здесь. Но они приготовили все это для тебя...

Он хмурит брови. Она замечает, что у него опять растет борода. Надо бы его побрить, позволит ли он? Можно заодно и постричь волосы, на голове настоящая чаша. Подстриженный, он будет выглядеть моложе. Как новенький.

— Я с ними незнаком...

— Я знаю... но мы будем жить с ними некоторое время, так что надо быть вежливыми.

— Сколько времени?

— Пока ты отдохнешь.

Он недовольно морщится, но кивает.

— Ладно, хорошо.

Он хочет уйти в кемпинг-кар, но она удерживает его.

— Пой, Эмиль. Что ты скажешь, если я подстригу тебе волосы, прежде чем мы пойдем?

Она поставила тазик на стол перед складным стулом и повязала Эмилю полотенце, чтобы не задеть шею. Расческа, пара ножниц, электрическая машинка для стрижки и набор бритвенных лезвий разложены на столе. Она не уверена, что умеет всем этим пользоваться, но она постарается.

— А потом моя очередь что-то сделать с твоими волосами, — заявляет Эмиль, когда она готовится распутать его гриву.

Рука ее замирает от удивления.

— Вот как?

— Да.

— И что ты хочешь с ними сделать?

— Не знаю...

Она видит мелькнувшее на его лице шаловливое и чуть насмешливое выражение, призрак прежнего Эмиля.

— Расчешу, например.

Улыбаясь, она придерживает его голову откинутой назад.

— Ха-ха, очень смешно!

Он пытается высвободиться и посмотреть на нее.

— Нет, правда, я могу их вымыть, расчесать и, может быть, сделать тебе прическу.

Он всматривается в ее лицо в ожидании реакции. Она снова откидывает его голову назад.

— Перестань вертеться, или я отрежу тебе ухо.

— Правда, хорошая идея?

— Какая? Отрезать тебе ухо?

— Нет, сделать тебе прическу.

— Ммм... Не знаю. Ты умеешь делать прически?

Он серьезно кивает.

— Я могу, например, заплести косу.

Она не может удержаться от улыбки с ноткой грусти. Да, ей тогда показалось, что ему понравилась ее коса, заплетенная Миртиль к их подобию свадьбы.

— Ну? — с нетерпением спрашивает он.

— Да... Хорошо.

В воздухе приятно пахнет эвкалиптовым шампунем, дымком барбекю и распускающимися цветами. Стоит чудесный весенний день. На дереве совсем рядом поет дрозд. Время от времени кто-то из жителей проходит мимо и здоровается с ними. У Эмиля мокрые волосы и игривое настроение. Он все время смеется. Над волоском, который щекочет шею. Над ругательством, вырвавшимся у Жоанны, когда она чуть не выронила ножницы. Ей хочется насладиться этим моментом передышки и сказать себе, что она приняла верное решение, привезя его сюда с его больным сердцем.

Они вдвоем смотрятся в зеркало, купленное Эмилем на блошином рынке в Грюиссане несколько месяцев назад. Волосы Эмиля свежестрижены, лицо без бороды. Теперь он больше похож на мальчишку, которым мало-помалу становится. У Жоанны очень красиво заплетенная коса. Она первая удивлена, увидев это.

— Кто научил тебя это делать?

— Маржори просит время от времени.

— Заплести косы?

— Да. Перед школой.

— А.

Она не знает, есть ли для него Маржори на этой ферме. Только что он сказал, что она придет на барбекю... Жоанна всегда подчиняется его правилам, законам его реальности. Так что, может быть, она сейчас встретится с Маржори.

Эмиль не робеет и не молчит во время этого барбекю на ферме. Он много улыбается и разговаривает с Марико, с Пьером-Аленом и с другими жителями, которых мельком видела Жоанна в первые дни здесь. Это не тот Эмиль, который приехал на ферму неделю назад, бледный, тихий и растерянный. Жоанна не хочет думать, что этот Эмиль, улыбающийся и счастливый, стал таким только потому, что еще глубже погрузился в извивы своего прошлого, потому что прошлое и настоящее теперь соседствуют и смешиваются без всякой логики. Пьер-Ален становится то отцом Эмиля, то одним из его школьных учителей, а одного ребенка с фермы он называет Тиваном. Она не знает, кто это, но думает, что это один из детей Маржори.

Ему стало хуже, но единственное, что хочет знать Жоанна, — что он выглядит счастливым и спокойным.

Марико взял Эмиля с собой в деревню за досками, чтобы потом выстроить отдельно стоящую туалетную кабинку рядом с кемпинг-каром. Жоанне кажется, что Эмилю нравится общество Марико. Ему, конечно, на пользу мужская компания, чтобы не быть постоянно с ней. Он не решится сам это сказать, потому что слишком вежлив, но она это чувствует. Сегодня утром у нее сеанс медитации. Изадора сама оповестила всех, и, когда они приходят вдвоем в низину в самом центре Лескёнского цирка, окруженную известняковыми скалами, там уже собралось полтора десятка человек. Жоанна не может скрыть удивления. Она ожидала троих, не больше. Но сложилась целая группа, желающая присутствовать на сеансе медитации.

— Окружение великолепное, — говорит Изадора.

Мужчины и женщины хором подтверждают.

— Это была отличная идея.

Жоанна старается не оробеть перед толпой. Она никогда не занималась посвящением в медитацию, только с Эмилем. Это совсем другое дело.

— Как нам надо сесть?

Она отмечает, что женщина, задавшая вопрос, пришла с маленьким сыном, мальчиком лет четырех-пяти. Столько сейчас было бы Тому. Она старается не думать об этом. К счастью, у мальчика огненно-рыжие волосы и лицо в веснушках. Кроме возраста, ничего общего.

— Рассаживайтесь куда хотите, как хотите. Так, чтобы каждому было максимально удобно.

Странно видеть, как полтора десятка человек повинуются ей не моргнув глазом. Она спокойно усаживается на траву, так, чтобы в поле зрения были пики Ансабера. Среди всех этих известняковых гор, одна другой выше, эти — ее любимые. Они самые остроконечные. Они вздымаются острыми лезвиями, высокие и горделивые. Люди с фермы говорят, что это самые вертикальные и самые неприступные вершины Пиренеев. Они долго оставались непокоренными. Были двумя последними непокоренными вершинами во всех Пиренеях... пока экспедиция из двух человек не совершила восхождение ценой своей

жизни. Даже покоренные, пики Ансабера долго оставались проклятыми и внушали страх.

Для первого сеанса Жоанна выбрала медитацию на тему гор. Это упражнение на осознание, чтобы успокоиться и осознать свои внутренние силы, объясняет она. Она призывает их сосредоточиться на дыхании на несколько секунд, чтобы привести себя в состояние покоя, потом просит выбрать одну гору среди окружающих. Гору, которая им особенно нравится, которая внушает им покой и безмятежность или, наоборот, силу. Сама она сосредотачивает взгляд на проклятых пиках, на пиках, долго остававшихся непокоренными. Она призывает их рассмотреть выбранную гору во всех подробностях. Ее форму, очертания, цвет, контрасты, шероховатости, ели, тропы... Дает им время тишины, чтобы полностью насытиться этим созерцанием. Все исчезло вокруг Жоанны. Остались только небо и пики Ансабер.

— Ваше тело — эта гора...

Это она произносит тихим и ясным голосом.

— Крепко вросшая в землю... прочная... стабильная... Вы — эта скала. Вам ничего не страшно. Ни бури, ни ветра, овевающие вас. Ни дождь, ни лавины. Вы стоите, непоколебимы, крепко держась за землю. Осознайте вашу способность противостоять... вашу силу... Бури не свалят вас. Вы терпеливо ждете, когда они унесутся вдаль и вернется синее небо. Почувствуйте... Почувствуйте этот покой в себе... эту полную уверенность... Вы — эта гора. Вы непобедимы.

Жоанна на время забывает о пиках Ансабера. На несколько секунд она затерялась в своих воспоминаниях. О той поре, когда она не была горой. О той поре, когда она была былинкой, гонимой ветром, колыхаемой его течениями. Она не знала, за что уцепиться, чтобы продолжать жить. Она жила взаперти в четырех стенах цыплячьего желтого цвета, в санатории. На окна поставили решетки, а из комнат убрали все зеркала. Мера предосторожности, чтобы избежать самоубийств пансионеров. Ей было жаль, что прутья решетки режут небо на узкие серые полоски.

Леон приходил каждый день, а она не всегда его узнавала. Она видела то, чего нет, и не видела того реального, что ее окружало. Она упорно молчала. Говорить она перестала после похорон Тома. Леон

закопал его в землю. Андре закопали его в землю, когда он должен был улететь в море, в небо. Два его чуда.

Никому не удавалось ее разговорить. Однажды медсестра, которая только что заступила на пост и всегда смотрела на нее с сочувствием, подарила ей маленький блокнот. Такой же, как тот, в котором она пишет сегодня, только тот был красный и поменьше. Медсестра сказала: «С Рождеством, Жоанна». У нее был добрый и ласковый голос и большие голубые глаза. Она ничего не поняла, когда Жоанна заплакала.

— Не доводите себя до такого. Это просто подарок.

Она поставила в вазу на прикроватном столике несколько веток сирени, которые принес Леон накануне, и прошептала, как будто доверяла секрет:

— Вы не хотите говорить, я подумала, что, может быть, захотите писать.

Медсестру звали Опаль. Странное имя, которое сразу понравилось Жоанне. Оно напомнило ей легенду, которую рассказывал отец о драгоценном камне опале. Он объяснил ей, что этот камень обладает иризацией, иначе говоря, переливается, сияет разноцветными огнями. Легенда, которую рассказал Жозеф, была из мифологии австралийских аборигенов. Бог-создатель однажды спустился на землю по радуге, и едва он ступил на землю, как камни заиграли всеми цветами радуги. Опалы. Жозеф еще добавил, что, согласно Плинию Старшему, очень древнему писателю, опал — волшебный камень, потому что сочетает в себе цвета и свойства всех других драгоценных камней.

Жоанна вспомнила об этом, когда писала первую строчку в блокноте, подаренном Опаль. Обложка была мягкой, как замша. Маленькая резинка позволяла его закрыть. Леон должен был прийти с минуты на минуту, наверняка с родителями в этот рождественский день. Андре снисходили раз в три месяца навестить свою невестку, обезумевшую и онемевшую от горя. Они могли прийти с минуты на минуту, и все же она написала первые строчки в своем дневнике. Письмо Жозефу. Жоанна прекрасно помнит первые слова, которые легли на бумагу в тот день, первые слова, написанные ее ручкой. Слова ненависти. Освободительные слова. *Папа, эта семья проклята. Они убили вас обоих. И они убили меня через вас.* Она закрыла блокнот,

когда пришли Андре, и спрятала его под подушку. Назавтра она написала письмо Тому. Письмо любви. Вскоре пришла весна. Она снова начала говорить, но только с Опаль. Через некоторое время она приняла решение, что уедет, купит машину и покинет Бретань. Ничто больше не держало ее в Сен-Сюльяке, в этой деревне, где она потеряла всех членов своей маленькой семьи. Леон больше не был ее частью. Она больше не хотела никогда сюда возвращаться.

Жозеф подал дочери знак, которого она так долго ждала, в июне, когда ее выписали из санатория. Жоанна открыла объявления в интернете. Хотела купить машину, чтобы уехать. И наткнулась на объявление Эмиля. Ее отец сдержал свое обещание.

Май пришел на экоферму в Лескёне. Предчувствие лета уже парит в воздухе. Солнце светит каждый день. На территории пермакультуры прорастают первый салат, редиска, немного огурцов, десяток баклажанов и целый ряд малины. Спираль зеленеет листвой. Жоанна помогает в команде пермакультуры три-четыре часа в день. В остальное время она отдыхает, живет для себя и для Эмиля. Их маленький пряный огород вызывает зависть. Эмилю нравится ухаживать за ним. Она научила его собирать листья мяты, и он сам делает ледяные настои. Он их обожает, как Том. В те дни, когда он в форме, когда еще немного похож на взрослого человека, Мариико берет его с собой на электробытовые работы. Жоанна не хочет этому мешать. Она слишком счастлива его возвращением к взрослой жизни, чтобы напоминать ему, что сердцу нужен полный покой. В те дни, когда он слишком глубоко уходит в прошлое, она не может оставить его без присмотра. Он больше ничего не в состоянии сделать сам, даже заварить чай, не перелив воду через край чайника, такой он теперь рассеянный и не способный ни на чем сосредоточиться. Даже в «Монополию» играть стало невозможно. Он не может усидеть на месте. Все забывает и без конца повторяет одни и те же вопросы: «Почему мы здесь?», «Ты кто?», «Когда мы поедем в Роанн?».

Это утомительно, но она держится. В хорошие дни они приятно проводят время вместе. Готовят десерты, играют в скрабл, в прохладные часы гуляют по деревне, спокойным шагом и стараясь оставаться в тени. Эмиль пишет понемногу в своем дневнике, в основном письма родителям, в которых рассказывает, как проводит дни, и обещает вернуться к началу школьных занятий. Он выглядит счастливым. Единственное, в чем Жоанна вынуждена ему отказать, — это поход в горы с рюкзаками и палаткой. Он не перестает об этом говорить, а она прикидывается глухой, откладывая вопрос на завтра. Ей повезло, что он терпелив и сговорчив. Обмороков у него больше не было, но Жоанна заметила, что он все чаще теряет равновесие. Наверняка это тоже симптом.

Сеансы медитации под открытым небом повторяются по общей просьбе после успеха первого сеанса. Изадора, управляющая деятельностью фермы железной рукой, раздала всем программу. Сеансы проходят каждую вторую субботу по утрам. Эмиль побывал на втором и сказал, что ему нравится. Жоанна думает, что не очень, но не решилась этого сказать. Ему трудно надолго сосредоточиться на одном деле, так что медитировать в молчании...

Пок вырос. Он уже не ночует с ними. Он все больше времени проводит снаружи, охотится. Жоанна несколько раз видела его с полосатой кошечкой. Наверняка бродячей. Она уверена, что это его подруга. Как же быстро он вырос. Она утешается мыслью, что скоро он принесет ей выводок рыжих полосатых котят. Она не знает, что будет с ними делать, но будет славно приласкать малышей.

—

Сегодня днем особенно жарко. Жоанна сидит за столиком на террасе в кафе «Доломит». Она пишет открытку Себастьяну. Красивую открытку с цирком и величественными утесами.

Дорогой Себастьян,

вот мы и приехали в настоящий рай на земле. Лескён и его цирк. Я думаю, тебе понравилось бы в этой деревне, хоть здесь и нет моря и рыбацких лодок. Пейзаж грандиозный — величественные известняковые утесы возвышаются вокруг, — и в то же время интимистский^[9], потому что мы находимся в центре этого цирка, в долине, окруженной и защищенной этими утесами. Настоящий кокон. Большого я тебе не скажу. Не хочу портить сюрприз, на случай, если ты приедешь однажды с кемпинг-каром и Лаки.

Думаю, лето потихоньку приходит в Перьяк-де-Мер, и съезжаются туристы. Здесь очень жарко, хотя ночи довольно прохладные. Мы принимаем участие в деятельности экофермы, на которой поселились. Группа пробует себя в пермакультуре, это очень интересно. Я уверена, что тебе понравится. Тем более что работа приносит свои плоды.

Пок переживает свой первый роман с дикой полосатой кошечкой. Он меня еще с ней не познакомил... А как поживает Лаки?

Теперь я должна с тобой проститься, открытка кончилась. Вряд ли ты получишь еще. Мы, скорее всего, не будем больше путешествовать. Эмилю стало хуже. Повседневная жизнь все труднее для него. Он почти все забыл, кроме первых лет своей жизни. Он не помнит, кто я, и его сердце работает с перебоями. Мы останемся в Лескёне.

Обнимаю тебя и желаю хорошего лета (оно очень скоро наступит).

P. S. 1: Ты найдешь на конверте адрес экофермы, на случай, если захочешь прислать нам письмо.

P. S. 2: Погладь от меня Лаки.

Жоанна

От жары у нее вспыхивают звезды в глазах, когда она встает, чтобы выйти из кафе. Жоанна идет в тени, прижимаясь к стенам, пока не находит желтый почтовый ящик, обещающий выемку писем назавтра до десяти часов. Она опускает туда конверт и не спеша идет к ферме. Время у нее есть. Эмиль под надежным присмотром, с Люсией, травницей на пенсии, принимающей активное участие в пермакультуре. Она должна была покормить кур и предложила Эмилю пойти с ней.

— А потом мы польем помидорную рассаду, — добавила она, сделав Жоанне знак: беги.

Многие занимаются Эмилем, чтобы у Жоанны было свободное время или она могла заняться пермакультурой. Всегда есть кому за ним присмотреть. О лучшем она и мечтать не могла.

Придя на ферму и глядя из-под своей черной шляпы, она сразу замечает суету. Группа из шести человек оживленно разговаривает. Еще двое как будто кого-то ищут, бегая по главной аллее фермы и что-то крича. Дурное предчувствие перерастает в настоящий ужас, когда она видит, что к ней бежит Изадора и все головы поворачиваются в ее сторону. Она старается оставаться спокойной, насколько возможно. Изадора подбегает к ней, переводя дыхание.

— Мы тебя искали!

Жоанна спрашивает в лоб:

— Что случилось?

Она уверена, что речь идет об Эмиле, что это с ним что-то случилось. Бледное лицо Изадоры подтверждает ее правоту.

— Нам пришлось вызвать скорую... Его увезли в больницу.

— Что случилось? — повторяет она более жестким тоном, чем хотела.

— Он упал. Потерял сознание. Она говорит, что...

Она колеблется, оглядывается на группу жителей, наблюдающих за ними в нескольких метрах. Среди них Люсия.

— Люсия говорит, что он не дышал.

Звезды снова пляшут перед глазами Жоанны, но она заставляет себя смотреть прямо в глубокие черные глаза Изадоры, чтобы не упасть.

— Марико может отвезти меня в больницу? — задыхаясь, спрашивает она.

— Он на обьезде...

Жоанна хочет было снова заговорить, сказать, что она вызовет такси, но Изадора перебивает ее:

— Мой отец тебя отвезет.

Пьер-Ален деликатен и не пытается во что бы то ни стало разговорить ее по дороге в больницу. Он уважает ее молчание и даже выключил радио, чтобы не мешать ей. Убегают из-под колес узкие горные дороги, а у Жоанны одна только мысль в голове. Неотвязный вопрос. *Это новый приступ или конец?* Она всем сердцем надеется, что это не конец. Еще нет. Не так это должно закончиться...

Эмиль в белом ватном коконе. Это не совсем реальность, но так кажется. Он в каком-то белом месте, в окружении белых пятен. Жарко, но не слишком. Голоса ласковые, женские. Это Маржори и мама. Он, наверно, в своей кроватке. Они с Маржори спят в одной комнате. Кровать Маржори побольше и наверху. Он еще спит в кроватке с сеткой, но родители обещали, что скоро уберут ее и у него будет настоящая кровать. Ему уже четыре года. Он узнает голоса Маржори и мамы. Он уверен, что они говорят о нем. Вчера Маржори захотела

покататься с ним на велосипедах. Была хорошая погода. Наступило лето, и занятия в школе кончились неделю назад. Она попросила разрешения у мамы.

— Мне уже восемь лет, мама, — гордо заявила она, стоя посреди кухни в платице в голубую и белую клетку. — Я могу присмотреть за ним. Мы недалеко.

Мама обернулась со странной улыбкой, как будто она развеселилась или просто довольна. Он стоял позади, за спиной Маржори. Так она велела. «Говорить буду я. Ты еще маленький».

Он послушался. Она большая, Маржори, она всегда знает, как надо. Мама сказала да, но поставила условия. Кататься только по участку и по маленькой проселочной дороге за домом. Ни в коем случае не выезжать на шоссе. Маржори покивала и сказала ему:

— Идем!

Она увела его в их комнату. Натянула на голову панамку и выдавила целый тюбик крема от солнечных ожогов на лицо. Он пятился, пытался вырваться из жирных рук, но Маржори ласково отчитала его.

— Мими, нельзя, чтобы ты обгорел, иначе мама больше не отпустит нас с тобой гулять.

Она всегда звала его Мими. И принимала свою роль маленькой мамы очень всерьез. Потом она собрала рюкзак, положила бутылку воды и молочные булочки.

— У нас будет полдник на траве. Хорошо, Мими?

Он согласился. Он всегда соглашается, потому что знает, что Маржори как мама, никогда ничего не забывает, обо всем подумает. И они уехали вдвоем. Он на своем трехколесном велосипеде, она на своем большом желтом. Как же быстро Маржо крутит педали...

Они выехали на проселочную дорожку, потому что Маржо сказала, что там интереснее. Она спросила его:

— Ну что, Мими, ты хочешь кататься на участке или по проселочной дороге?

Он сказал:

— Как ты.

— Что значит «как ты»? Я думаю, что на дороге интереснее. Там есть бугры и ямы. Можно поиграть в препятствия. Как ты думаешь?

— Да.

— Что — да?

Она посмотрела на него смеющимися глазами и взъерошила ему волосы.

— Не робей, Мими. Скажи мне, что тебе больше нравится.

Он постарался выглядеть взрослым и выпятил грудь.

— На проселочной дороге интереснее... Я тоже так думаю.

Она улыбнулась и опять взъерошила ему волосы.

— Супер. Поехали.

Через некоторое время, когда они всё еще крутили педали, Маржо нашла очень красивое дерево. Правда очень красивое, все в белых цветах. Она сказала, что это, наверно, вишня. И спросила, хочет ли он поесть здесь, под вишней. Он согласился, и они сели. Маржо достала молочные булочки и бутылку воды. Она держала бутылку, пока он пил, как будто он был младенцем, но он не решился возразить. А потом прилетела пчела, села на булочку Маржо и очень ее напугала. Она закричала, вскочила, забегала. Ее булочка упала на землю. А он не понимал, почему она так визжит. Он взял пчелу пальцами, осторожно, за крылышко.

— Брось ее, Мими! Она тебя укусит! — закричала Маржори.

Он отпустил ее, и она улетела в поле. Маржо вернулась к своей булочке, отряхнула ее и поднесла ко рту. Она съела ее очень быстро, как будто боялась, что пчела вернется и укусит. Потом она подняла Эмиля и сказала:

— Ты напугал ее, Мими! Она убежала!

Она смеялась и кружила его. Длинные темные волосы лезли ему в глаза и в рот, но ему было все равно, он тоже смеялся. Потом она поставила его на землю.

— Больше никогда так не делай. Обещай мне, Мими. Это опасно.

Он кивнул. Она сказала:

— Вот и хорошо.

На обратном пути они быстро-быстро крутили педали по ухабам и ямам и кричали по очереди:

— Мими — укротитель пчел! На помощь, Мими!

Он не знал, что такое «укротитель», но было очень весело.

Эмиль лучше различает белые пятна вокруг. Это солнечные лучи, просачивающиеся сквозь окно. На лице его еще играет легкая улыбка.

Он помнит эту прогулку на велосипедах. Это было здорово. Надо будет спросить у Маржори, можно ли еще покататься завтра. Занятия в школе пока не начались. Время есть.

— Эмиль? Эмиль... Эмиль?

Они здесь, совсем рядом. Маржори и мама. Он делает усилие, чтобы вырваться из грез. Щурит глаза. Веки его поднимаются. Они стоят у кровати. Черная фигура и белая фигура. Белая фигура склонилась над ним. Это она его звала. Она ласково спрашивает:

— Вы проснулись, Эмиль?

Это Маржори. У нее веснушки. Он кивает. Она кладет что-то над его головой. Он уверен, что она опять ерошит ему волосы. Поворачивается к другой фигуре. Он уже большой, может спросить сам. В конце концов, он же сам прогнал пчелу вчера!

— Мама...

Женщина в черном вздрагивает. Он принимает это за кивок.

— Можно нам еще покататься на велосипедах завтра?

По другую сторону кровати Жоанна растерянно молчит. Медсестра поворачивается к ней и тихо шепчет:

— Я долго работала в гериатрии^[10]. Видела много Альцгеймера... Не бойтесь, примите игру.

Эмиль ждет, лежа неподвижно. Легкая улыбка еще играет на его губах. Жоанна с трудом сглатывает. Она никогда не боялась войти в реальность Эмиля и быть той, за кого он ее принимал. Не это пригвоздило ее к полу, заледенило нутро, обожгло грудь. Это слово *мама*. Она вцепляется в серую спинку кровати. Если она будет молчать достаточно долго, он скажет это снова. *Мама*... Медсестра слегка толкает ее локтем, призывая ответить, и она говорит хриплым голосом:

— Посмотрим...

Она не знает, что сказать. Эмиль спрашивает:

— Что — посмотрим?

— Ну... Посмотрим, какая будет погода и... Может быть... Может быть, мы пойдем в поход с рюкзаками и палаткой. Будет интересно, правда?

Ее голос срывается на высоких нотах и звучит фальшиво. Но Эмиль этого, кажется, не замечает.

— С Маржо?

— Да... Если... Если она захочет...

Она чувствует движение в углу палаты. Врач, тот же, что в прошлый раз, здесь, с грустной улыбкой на губах. Он незаметно кивает Жоанне, предлагая ей выйти поговорить. Она шепчет Эмилю:

— Я сейчас вернусь. Я на минутку, хорошо?

Она лихорадочно ждет его ответа, но он только кивает. Больше не говорит *мама*. Том изобрел язык глаз и рук. Так они общались. Она никогда в жизни не слышала этого слова. Он его ни разу не произнес. *Мама*.

Врач закрывает за ними дверь. Она снова садится на стул из синего пластика. Он тяжело опускается в свое кожаное кресло.

— Так. Вот мы и вернулись к исходной точке.

Она кивает. Смотрит на желтый стаканчик для карандашей в зеленых наклейках, еще один знакомый ориентир. Врач не начинает говорить, пока она не поднимает к нему лицо.

— У вашего мужа случился сердечный приступ. Нечто более серьезное, чем в предыдущую госпитализацию. Кровоснабжение части сердечной мышцы резко прекратилось. Если бы не массаж сердца, который сделала эта женщина с фермы, у него было бы мало шансов выкарабкаться.

Жоанна таращит глаза. Врач уточняет:

— Врачи скорой помощи записали в истории болезни, что некая женщина делала вашему мужу массаж сердца. Его мозг снабжался кислородом все время, пока не приехала скорая.

Она едва сознает, что у нее вырывается вздох облегчения. Она не знает, кто это сделал. Люсия. Может быть, Изадора. Неважно кто, она ей бесконечно благодарна.

— Он поправится? — с тревогой спрашивает она.

— Он поправится, но его состояние еще ухудшилось. Я еще серьезнее рекомендую ему избегать всякой физической активности.

Она молчит несколько секунд, не решаясь задать вопрос, который жжет ей губы.

— Исходя из его нынешнего состояния, вы можете, скажем... дать мне прогноз?

Врач разводит руками в знак своего полного бессилия.

— Этот сердечный приступ мог быть смертельным. Он мог быть последним. Я не могу сказать вам, сколько времени ему осталось

жить... Электрокардиограмма показывает нерегулярный сердечный ритм. Сердце может снова остановиться. Артериальное давление тоже скачет вверх и вниз. Может пройти несколько недель до следующего сердечного приступа. Или несколько дней, если он не будет себя щадить...

Она выдерживает удар, не дрогнув. Ей требуется несколько секунд, чтобы вновь обрести дар речи.

— Ему осталось самое большее несколько недель?

У врача глубоко огорченный вид. Она видит все его сочувствие в зеленых глазах.

— Самое большее, мадам Верже.

Она ничего не отвечает. Она приняла решение. Врач еще что-то говорит, но их как будто разделяет пелена. Она уже не здесь.

— Я подержу его здесь пять дней, чтобы быть уверенным, что сердце работает. Потом дам вам подписать расписку и выпишу его.

Она заставляет себя кивнуть.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

Она качает головой и встает. Ей больше нечего здесь делать. Она хочет покинуть этот кабинет как можно скорее.

— Никаких.

Врач хочет проводить ее, предлагает стакан воды, потому что она бледна, но она вежливо отказывается.

— Хорошо. В таком случае увидимся через пять дней, мадам Верже.

— До свидания.

Она уже исчезла.

Ферма полнится смехом и детскими криками. Рыжему мальчику, которого Жоанна заметила на сеансе медитации, сегодня исполнилось пять лет. Пять мальчиков пришли к нему на день рождения, достойный так называться. По визгу мальчишек похоже, что праздник превратился в водное сражение.

В кемпинг-каре Жоанна задернула желто-оранжевые занавески, чтобы защититься от жары. Старательно и с удивительно серьезным видом она аккуратно складывает вещи в свой большой красный рюкзак. Два черных блокнота. Ее мобильный телефон. Ее бумажник и

бумажник Эмиля с их документами. Ее самый последний чистый холст, который занимает половину рюкзака. Палитра, кисть и четыре тюбика красок. Пожелтевшая книга с обтрепанными страницами. Полотенце, мыло. Смена одежды для нее. Смена одежды для Эмиля. Десяток пакетиков с едой быстрого приготовления. Злаки и сухофрукты. Фляга. Пастилки для очистки воды.

Она встает и утирает капельку пота, выступившую на лбу. Жара давит. Наступил июнь, когда Эмиль вернулся на ферму. Пять дней госпитализации растянулись на две недели, резко подскочило давление, потом так же резко упало. Мозговой ствол, сказал доктор Маргерон.

В отсутствие Эмиля она много времени проводила в огороде пермакультуры. Выросли первые дыни. Она первой их попробовала вместе с Люсией, спасительницей Эмиля. Да, ее в конце концов посвятили. Это Люсия сделала массаж сердца и продлила жизнь Эмилю на несколько лишних недель.

В его отсутствие на ферме появилась новая пара. Им по двадцать пять лет, и они взяли годичный отпуск. Они спят в палатке, пока ремонтируется их *оррис*. Весь день они вкалывают под палящим солнцем.

Наконец, в отсутствие Эмиля Жоанна вновь погрузилась в путеводитель по Пиренеям. Она купила новую, более точную карту, в центре которой Атлантические Пиренеи.

Пок явился однажды ночью в кемпинг-кар в обществе полосатой кошечки, и утром Жоанна улыбнулась, заметив, что у подруги Пока набухшие розовые соски.

Эмиль вернулся четыре дня назад и с тех пор большую часть дня спит. Она готовит ему ледяной мятный настой и предлагает партии в «Монополию», когда он более-менее в форме. Врач сказал, что ему понадобится несколько дней, чтобы полностью оправиться. Она смотрит на битком набитый красный рюкзак на банкетке кемпинг-кара. Все готово. Скоро они смогут уйти.

Она идет к кухонному столу и наливает себе большой стакан воды. Рядом с раковиной лежит белый конверт с адресом: *Леону Андре, у м. и м-м Андре, 12, улица Бург, 3543 °Сен-Сюльяк*. Внутри лежит большой, бурый от ржавчины ключ. Ключ от каменного домика, окруженного заброшенным огородом. Помидорная рассада давно

засохла. Дорожка, ведущая к входной двери, заросла сорной травой. Почти год как Жоанна покинула этот дом. Леон не заходил туда после смерти Тома. Жоанна была в санатории, а он вернулся к родителям. Этот дом наверняка полон для него слишком болезненных воспоминаний. В нем пахло сыростью и затхлостью, когда Жоанна вернулась туда ненадолго после выписки из санатория, до отъезда в Роанн, где ждал ее некий Эмиль²⁶. Уходя, она тщательно закрыла все ставни и сунула большой ржавый ключ в свой красный рюкзак. Сегодня ключ лежит в этом белом конверте, адресованном Леону. В конверт она вложила еще кое-что. Одна фраза написана на красивой карточке.

Когда нельзя вернуться назад, надо думать только о том,
как лучше идти вперед.

Леону.

На прощание.

Жоанна

На обороте карточки вторая цитата. Тоже Пауло Коэльо. «Алхимик». Одна из первых книг, которые читал ей Жозеф. Несколько слов, звучащих как ободрение человеку, которого она любила, а потом ненавидела всем своим существом. Несмотря ни на что.

Всегда есть кто-то в мире, кто кого-то ждет.

Пауло Коэльо. Алхимик

— Ты можешь присмотреть за Поком и его подружкой? Я оставила тебе мешок сухого корма и миску для воды у кемпинг-кара. Обычно он приходит есть рано утром. Тебе достаточно наполнять миску перед тем, как идти спать.

Изадора кивает. Она стоит, опираясь на большие грабли, посреди огорода.

— Усвоила.

— Кошка может скоро окотиться. Точно не знаю когда. Если вдруг появятся котята...

— Ты ведь уходишь ненадолго, правда? — улыбается Изадора.

— Не думаю, но...

— Не переживай. Я позабочусь о них.

— Хорошо.

Изадора смотрит на Жоанну, нагруженную как мул своим битком набитым рюкзаком, в походных ботинках. На заднем плане Эмиль, присевший рядом с Поком, терпеливо ждет старта.

— Вот ключи от кемпинг-кара. Оставляю их тебе.

Она вкладывает маленькие ключики в руки Изадоры, шершавые и перепачканные землей.

— У тебя есть мобильный телефон? — спрашивает Изадора. — На всякий случай...

Она имеет в виду состояние здоровья Эмиля: все-таки рискованно отправляться с ним в горы.

— Да. У меня есть телефон. Батарея заряжена. Я буду держать его выключенным, чтобы не расходовать ее.

Изадора снова кивает. Она старается прогнать с лица тревогу. Спрашивает себя, увидит ли Эмиля живым. Но она не дает этой мысли укорениться в своей голове. Она широко улыбается им.

— Берегите себя. Хорошего похода!

Они машут друг другу. Изадора смотрит, как они удаляются в еще мягкой жаре июньского утра. Пок идет за ними несколько метров, потом садится и тоже смотрит им вслед.

Сегодня Эмиль с мамой уходят вдвоем на каникулы в горы. Эмиль не совсем понял, почему все устроилось так быстро. Он только знает, что папа остается на ферме, Маржори дома нет, а они с мамой отправляются в поход. Он плохо помнит, но, кажется, был разговор, в котором Маржори объяснила ему как взрослая:

— Я иду играть к моей подружке Марии. Ее мама сказала, что я могу остаться ночевать. Я приду завтра, ладно?

Он кивнул. Она добавила:

— Веди себя хорошо этой ночью, Мими, хоть меня и не будет с тобой. Ты же не боишься спать один, правда? Ты уже большой мальчик.

Конечно, он не боится. Он думает, что Маржори сегодня у своей подружки Марии, а они с мамой идут в горы. Они будут спать в палатке. Она даже обещала, что там будут орлы.

Тропинка начинается маленьким мостиком через ручей, потом они входят в лес, где приятно пахнет прохладой и мхом. Он смотрит на красный рюкзак, болтающийся перед ним в ритме маминых шагов. Наверно, ей тяжело. Он не несет ничего. Она не дала. Она сильная, его мама. Он вспоминает, как папа сломал ногу и ходил на костылях. Им с Маржо разрешалось рисовать на гипсе. Маржо нарисовала розовое солнышко, а он машину. Маме пришлось переоборудовать весь первый этаж, потому что папа не мог подниматься по лестнице. Они с Маржо забрались на перила и смотрели, как мама одна спускает вниз матрас, кровать, телевизор. Папа говорил:

— Дорогая, перестань, это безумие, ты надорвешься. Я позову коллегу или двух. Они сделают это за пару минут.

А мама отвечала:

— Я почти закончила.

Потом она передвинула всю мебель в гостиной, чтобы устроить там их спальню, пока муж будет в гипсе. Маржори и Эмиль хотели помочь ей двигать диваны, папа тоже, но она их прогнала:

— Идите играть на улицу, брысь!

Они делают привал на лугу. Перед ними возвышаются остроконечные белые горы, коровы отдыхают в тени. Мама достает из красного рюкзака два сэндвича. Она говорит:

— По одному каждому, больше нет. Если проголодаешься, будем есть снеки.

— Снеки?

— Сухофрукты и все в таком роде.

Вчера он смотрел, как она делает тарталетки с клубникой. Они были в кухне, окно открыто. Папа стриг газон в саду. Маржори помогала маме. Она мыла клубнику в раковине. Мама раскатывала тесто скалкой.

— Можно мне? — спросил Эмиль.

Она что-то очень быстро взбивала в кастрюльке на огне. Он изумленно смотрел на ее руки, которые двигались с такой скоростью, что их не было видно. Она задумалась, не переставая взбивать.

— Ты можешь обрывать листики с ягод, — сказала она.

Маржори поставила перед ним маленькую салатницу с вымытой клубникой. Она показала ему листики.

— Вот эти зеленые кончики, Мими.

Она придвинула его стул, он был слишком далеко от стола.

— Тебе надо поспать, Эмиль.

Он оборачивается, обида написана на его лице.

— Что... нет...

Его мама на поляне, у нее нет больше ни кастрюльки, ни венчика в руках. Она сидит на большом валуне.

— Мы шли почти час. Тебе надо немного отдохнуть. Я тоже отдохну.

Он ищет глазами стол, салатницу с клубникой, стул, Маржо. Выговаривает, заикаясь:

— Но... А клубника?

Она кладет свою черную шляпу на землю и вытягивается на траве.

— Мы ею займемся после сна.

Он повинуется, немного волнуясь. Он уже толком не понимает, где они. Они же делали тарталетки с клубникой на кухне.

— Где Маржо?

Он видит, что она притворяется, будто спит, чтобы не отвечать. Озирается и смеется, видя, как корова делает пипи в нескольких шагах от него. Смеется сам с собой.

Жоанна наблюдает за ним сквозь полузакрытые веки. С облегчением констатирует, что коровы отвлекли его на время.

Солнце медленно садится над пастбищем и белыми валунами. Известняковые скалы играют золотистыми отсветами. Эмиль проспал до вечера. Они прошли с утра едва ли пару километров, но не важно. У них достаточно времени для последнего похода. Каждая минута драгоценна, даже та, когда они ничего не делают. Эмиль все еще спит, и Жоанна отправляется на разведку в лес, поискать земляники и ежевики. Она собрала не много, но все равно пригодится к ужину. Жоанна не взяла с собой газовую горелку. Рюкзак и так был битком набит. Поэтому выбрала из пакетиков, оставшихся с прошлого лета, те, которые растворяются в холодной воде.

Звяканье железной кастрюльки в руках Жоанны будит Эмиля. Он удивлен, оказавшись на горном пастбище. Она видит по его глазам, что он готовится задать кучу вопросов, но обрывает его:

— Ты когда-нибудь готовил что-нибудь такое?

Он озадачен, но любопытство толкает его бросить взгляд в кастрюльку, где плавает в воде какая-то кашлица.

— Что это?

— Наш ужин.

Его лицо просияло.

— Мы разожжем костер?

Она боится разочаровать его, но, к счастью, у нее есть другой козырь в рукаве.

— Нет, но есть кое-что получше... Палатка, чтобы переночевать. Ты хочешь начать ее ставить?

Он вскакивает.

— Можно?

— Конечно. Позовешь меня, если тебе понадобится помощь?

Он уже роется в красном рюкзаке.

Ей требуется час, чтобы разобрать бесформенную кучу из колышков и полотна, сооруженную Эмилем. Он смеется над ее криками, когда колышек падает на землю и полотно накрывает ее с головой.

— Подожди, мама, я помогу тебе.

Она замирает, накрытая полотном палатки, и не может шевельнуться, чтобы выбраться.

Они наконец ужинают, когда небо темнеет и загораются первые звезды. Рагу из риса с карри довольно вкусное, что удивляет Жоанну. А когда они едят немного лесных ягод, не совсем спелых, Эмиль заявляет:

— Маржори рассказала мне страшную сказку.

— Вот как?

— Ее надо рассказывать только в темноте.

— Что ж, я думаю, самое время?

— Нет, подожди... В палатке.

— Надо быть в палатке?

— Да. Тогда не так страшно.

Позже, закутавшись в спальный мешок, она слушает, как он излагает, блестя глазами от возбуждения, легенду про волка-оборотня, который бродил по лесам и ел маленьких детей. Она заканчивается словами:

— И волк-оборотень оборачивается последним ребенком, которого съел... Как знать, не прячется ли он сейчас среди нас?

Она делает вид, будто дрожит, когда он, довольный, поворачивается к ней.

Она удивлена, что он знает эту сказку наизусть. Что эта часть его памяти уцелела, несмотря на ужасную болезнь.

На следующий день тепло, но не жарко. Свежий ветерок колышет листья в лесу. Поев орехов и изюма, они отправляются в путь под робким солнцем. Дождь застает их полчаса спустя, неожиданный сильный ливень при синем небе. Они укрываются под деревьями, и Эмиль находит ежика, провалившегося в яму между толстыми корнями. Она смотрит, как он подбирает две палки, чтобы извлечь бедняжку из ямы. Он говорит:

— Вчера я спас Маржори от пчелы.

— Да ну?

— Да. Она хотела съесть ее полдник.

Медленными и точными движениями он осторожно кладет ежика в траву.

— На ежеиков кто-нибудь может напасть? — спрашивает он, повернувшись к Жоанне.

— Да. Хищники.

— Кто?

— Лесная сова, кабан...

Он размышляет о чем-то, задрав голову.

— Мы можем построить ему убежище?

Дождь все равно задержал их, у них есть время, чтобы построить убежище ежику. Эмиль собирает веточки вокруг. Жоанна складывает их, добавляя большие ветки, чтобы соорудить шалаш.

Проходят туристы и останавливаются посмотреть на их маленькую стройку. Ежика аккуратно положили в их металлическую кастрюльку, пока строится убежище для него.

Дождь уже давно перестал, когда они снова отправляются в путь, довольные, что оставили ежика в его новом доме.

В начальной школе есть робкий мальчик, который всегда сидит в своем углу. Он толстый и плачет, когда приходится бежать за мячом. Другие мальчики и Эмиль не понимают, почему он на всех переменах сидит на скамейке и не играет в «колдунчиков». Даже девочки играют. А потом однажды Эмиль видит мальчика на корточках на земле, по обыкновению одного. Он старательно собирает веточки и листья. Эмиль забывает о «колдунчиках» и тихонько подходит к нему. Толстый мальчик выложил из веточек дорожку. Эмиль не понимает зачем. В углу он сложил листья платана чашей, как будто маленькую поилку для невесть какого животного. В листьях блестят несколько капель воды и зеленеет трилистник клевера.

— Что ты делаешь? — спрашивает Эмиль.

Толстый мальчик поднимает голову и смотрит на него с недоверием.

— Ты их раздавишь! — сердито отвечает он. — Уходи!

Эмиль не понимает, о чем он говорит. Он ничего не видит. Он не двигается с места.

— Ты слышал, что я сказал? — настаивает тот.

Эмиль садится на корточки, чтобы поближе увидеть эту дорожку на земле.

— Это деревня для животных?

Его полный любопытства вопрос смягчает черты толстого мальчика.

— Это муравьи. Ты не видишь их? Ты их раздавишь!

Тут Эмиль видит, что сотни крошечных черных точек ползут, неся веточки, крошки, по земле. Его глаза лезут на лоб от возбуждения.

— Ты сделал им деревню?

Толстый мальчик качает головой.

— Я построил сооружения, чтобы помочь им работать. Мой папа говорит, что муравьи — самые работающие из живых существ. Они только и работают весь день. Даже всю жизнь.

— Им, наверно, тяжело носить эти штуки, — говорит Эмиль, глядя на веточки, которые в десять раз больше муравьев.

— Да. Вот поэтому... Я им помогаю, прокладываю дороги.

Он показывает на листья платана с водой и клевером.

— Здесь они могут сделать привал, попить и поесть.

Эмиль опускается на землю и садится по-турецки.

— А где они спят?

Мальчик, похоже, не ожидал такого. Несколько секунд ему хватает, чтобы найти ответ:

— Не думаю, что они спят.

— Нет?

— Нет.

Эмиль, в свою очередь, напряженно размышляет. Его глаза шарят по земле вокруг, торчащим из нее камешкам, старой выцветшей резинке, бумажке от жвачки, брошенной кем-то из детей, ракушке улитки.

— Тогда можно сделать им площадку для игр! — с энтузиазмом заявляет он.

Маленький толстячок колеблется. Ему хочется ответить, что у муравьев нет времени играть, у них слишком много работы, но впервые кто-то включился в его игру, и он не хочет упустить этот случай.

— Ммм, — мычит он. — Давай.

Они принимаются старательно разгребать землю, радостные и сосредоточенные. Через некоторое время Эмиль поднимает голову и спрашивает:

— Кстати, как тебя зовут?

Они в разных классах. В первом слишком много народу. Часть из них — в том числе Эмиль — уже перешли во второй. Толстячок остался в другой половине.

— Рено. А тебя?

— Эмиль.

— Эмиль! Эмиль?

Она ищет его. Наступает ночь. Он сидит за палаткой и всматривается в землю.

— Я думала, ты заблудился. В следующий раз отвечай, когда я тебя зову!

Он кивает. Она присаживается рядом с ним.

— Что ты делаешь?

Он поднимает на нее детский взгляд и гордо заявляет:

— Мы с Рено строим дорогу для муравьев.

Назавтра восхождение происходит по большей части в лесу. Тропа полого уходит вверх, и они могут насладиться прохладой. Несколько раз им встречаются ручейки, и около полудня они останавливаются, чтобы умыться. Жоанна мало-помалу теряет представление о времени. Ей кажется, что они ушли уже две недели назад. Туристов они встречают мало.

Дневной сон на свежем зеленом лесном мху затягивается. Эмиль дышит со свистом, и Жоанна предпочитает не отходить от него. Она сидит рядом, всматриваясь в движения среди деревьев. На миг видит голубую сойку, и ей очень трудно устоять перед искушением разбудить Эмиля и показать птицу ему.

После растворимого ужина, странного ризотто с томатами и базиликом, оставляющего почему-то во рту вкус грибов, Жоанна вынуждена признать, что в этом густом лесу им не хватит места, чтобы поставить палатку. Она предлагает Эмилю переночевать под открытым небом и с облегчением видит, что он в восторге. Они ложатся в тесной ложбинке, откуда им виден кусочек неба.

— Ты знаешь звезды? — спрашивает Эмиль Жоанну.

— Да. Некоторые.

— Дай я угадаю, ладно?

— Ладно.

Он находит только Венеру и заявляет, что ковш больше похож на сковородку, отчего оба смеются. Они засыпают, убаюканные шелестом ветра в листве. Ночь теплая. Венера светит особенно ярко.

— Это мой последний холст, ясно?

Эмиль кивает. Мама разложила в траве, на большом плоском валуне, белое полотно, палитру с четырьмя цветами — белым, синим, зеленым и красным — и тонкую кисточку.

— Давай напишем картину вдвоем. Согласен?

Он опять кивает. Они на красивой полянке. Она сказала, что они скоро придут к хижинам Ансабера. Они будут там через два-три дня.

— Но надо будет постараться.

— Я всегда стараюсь.

Она улыбается ему.

— Вот и отлично. Что ты хочешь изобразить на этом полотне?

Он пожимает плечами. Она показывает ему поляну, белые горы, небо красивой синевы.

— Посмотри вокруг. Есть ведь что-нибудь, что ты хочешь написать, правда?

Он вытягивает палец к ней, тычет ей в грудь.

— Меня? — удивляется она.

Он кивает с веселой улыбкой.

— Тогда ты напишешь меня, а я потом добавлю пейзаж?

— Хорошо.

Он показывает ей на большой валун. Туда она должна сесть. Она смотрит, как он берет кисточку и задумывается. Наконец он окунает кисточку в первую краску. Со своего места она не видит какую. Зато слышит прерывистое трудное дыхание. Он дышит все хуже с каждым днем.

— Все хорошо?

Уже, наверно, час, как он склонился над картиной, и Жоанна чувствует, как горят ее плечи. Она, наверно, обгорит.

— Почти, — говорит он.

Он делает последний мазок кисточкой там, еще один сям и манит ее. Она незаметно улыбается, увидев грубые и неровные мазки картины, но очень быстро ее улыбка сменяется чем-то другим.

Удивлением. Потому что женщина на картине, сидящая на валуне, хоть и немного несуразная, выглядит другой. У нее темные волосы, гораздо темнее ее, и подстриженные коротко, до плеч. Но это еще не все. На ней белое летнее платье в красный горошек и белая шляпа.

Эмиль ждет ее реакции, улыбаясь. Жоанна хмурит брови.

— Это я? — спрашивает она как может естественно.

— Ну да!

Он, кажется, не видит проблемы. Она замечает:

— У меня красивое платье...

Но он только встает и говорит ей:

— Твоя очередь. Ты должна добавить пейзаж.

В траве сидит по-турецки, прислонясь к дереву, десятилетний Эмиль. Он на свадьбе своей тети. Этим летом он в Экс-ан-Провансе. Звонят церковные колокола. Стучат каблучки невесты по булыжнику переулка. Гости идут за новобрачными к машине. Маржори держится позади. Ей исполнилось четырнадцать лет. Они теперь почти не разговаривают. Она его достала. И потом, она стала странной. У нее прыщики на лице и пластинка на зубах. Она развешивает смешные постеры в своей комнате, а ее подружки квохчут как куры, вместо того чтобы нормально смеяться. Сегодня она заявила, что не пойдет на свадьбу, потому что платье ее полнит. Родители настаивали, и она в конце концов пошла, ворча. Она держится позади, скрестив на груди руки. Эмиль подходит к ней, когда новобрачные под аплодисменты садятся в машину. Они оба не говорят ни слова. Смотрят на толпу, которая рассеивается и болтает группками. Он вдруг слышит, как Маржори шмыгает носом, и поворачивается к ней.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Скажи мне...

— Ничего, говорю тебе!

Он пожимает плечами, прикидываясь равнодушным. Большого и не надо было, чтобы Маржори выдала наконец, что ее мучит.

— Я никогда не буду такой красивой, — мрачно заявляет она.

Эмиль изумлен.

— Не такая уж она красивая для невесты. Ей уже сорок лет, и у нее нос крючком.

Маржори смеется сквозь слезы.

— Нет, я не про нее.

— Ты не про тетю Элен?

Маржори качает головой.

— Нет... Я про маму.

Эмиль смотрит в ту же сторону, что и она. А она смотрит на маму, оживленно беседующую с другими гостями в нескольких метрах от них. Он никогда не обращал внимания. Разве его мама красивая? Конечно, все мамы красивые, когда ты маленький. Он никогда об этом не задумывался. Но сегодня, среди группы, беседующей на церковной паперти, она действительно сияет красотой. Только ее и видно среди всех гостей. Может быть, из-за широкополой белой шляпы... Но не только. Она так мягко и спокойно держится. И потом, на ней красивое летнее платье. Эмиль только сейчас это заметил. Белое платье в красный горошек. Она в нем похожа на девочку или на принцессу из мультика. Такая изысканная и кокетливая.

Он долго смотрит на нее, стоящую среди гостей, в белом платье в красный горошек. Он хочет запечатлеть этот мамин образ в своей памяти.

Рядом с ним Маржори бормочет, всхлипывая: «Скажи, я по сравнению с ней уродина!», но он ее не слышит.

Жоанна ждет, когда высохнет краска, чтобы положить холст в рюкзак. Ждет до завтрашнего утра. Прежде чем положить в рюкзак, она тщательно заворачивает его в одежду. Не хочет, чтобы полотно испортилось... За женщиной в белой шляпе и белом платье в красный горошек она нарисовала поляну, на которой они находятся. Зеленую траву. Скалы. Каменистую дорогу вдаль. Лиственницы. Зубья Ансабера, вырисовывающиеся на фоне синего неба с круглыми белыми облачками. Картина получилась странная, немного несуразная. Непонятно, что делает эта дама в наряде балерины посреди диких гор.

Еще три дня они идут до хижин Ансабера. Эмиль устал, дышит все труднее, и им приходится остановиться на целый день. Она дает ему поспать в палатке, а сама тем временем стирает их одежду в ручье и сушит ее на солнце.

Когда они наконец добираются, Эмиль ослеплен видом. Он с трудом переводит дыхание, стараясь окинуть взглядом все одновременно. Они находятся на зеленеющем плато, которое окружают и охраняют самые красивые вершины Пиренеев: гордые зубья Ансабера, пик де Петражем, пик Ансабер. Посреди этой мирной долины стоят три настоящие пастушьи хижины из старых камней, их жестяные крыши, видно, много раз латали за долгий век. Слои наложены один на другой на острове. Каждая хижина защищена большими каменными глыбами. Здесь царит полный покой. Даже грифы парят в небе неслышно, словно уважая тишину этого места. Жоанна делает несколько шагов и кладет рюкзак у подножия большого валуна.

— В самой маленькой хижине еще живет пастух. Две другие предназначены для туристов, но за ними никто не смотрит. Я читала, что условия там спартанские. Только стены, пол и крыша.

Эмиль ее почти не слушает. Он кружит на одном месте, чтобы охватить взглядом открывающуюся панораму. Пустынная долина, зеленая и гладкая, среди гор, ларчик спокойствия под охраной известняковых гигантов.

— Как красиво... — восторгается Эмиль, опускаясь рядом с ней.

Она протягивает ему флягу, но он отказывается. Снова повторяет:

— Очень красиво. Как будто рай на земле.

Жоанна улыбается.

— Если бы здесь был рай, меня бы это устроило. А тебя?

Он кивает. Жоанна роется в рюкзаке и достает пожелтевшую книгу.

— Что ты делаешь? — спрашивает Эмиль.

— Хочу найти цитату.

— Цитату?

— Да. О красоте. О том, что ты мне сказал... про этот пейзаж.

Он смотрит, толком не понимая, как она листает страницы своей пожелтевшей книги, останавливается время от времени, чтобы прочесть строчку, и продолжает поиски. Наконец, положив книгу на землю, она говорит:

— Нашла.

Теперь она смотрит прямо перед собой, на пейзаж, и декламирует:

— *Красота не в том, на что мы смотрим, но в наших глазах*^[11].

Несколько секунд Эмиль молчит, потом спрашивает:

— Что это значит?

— А ты как думаешь?

Она задала ему вопрос на засыпку. Он размышляет, подняв глаза к небу, покусывая губу.

— Не знаю, — наконец признается он, — сдаюсь.

— Знаешь, точного ответа не существует. Каждый понимает на свой лад. Поэтому цитата кому-то что-то говорит, а кому-то нет.

— А...

— Я думаю, это значит, что не всем дано видеть красоту вокруг себя. Нужно... Нужно иметь достаточно красивую душу, чтобы ее воспринимать.

Эмиль слушает ее, приоткрыв рот. Она предложит ему переписать цитату в свой блокнот сегодня вечером... Если он захочет.

Открывается дверь самой маленькой хижины, и оба вздрагивают. Человек, который из нее вышел, молод, и это их удивляет. Они привыкли, что пастухи куда старше. Ипполит. Пьер-Ален. Но мужчине перед ними лет сорок, у него растрепанные темные волосы. На нем бежевые брюки и белая рубашка, посеревшая от времени и спартанских условий жизни.

— Вы последние не ушли, — говорит он, шагнув им навстречу.

Жоанна встает, Эмиль тоже.

— Простите? — переспрашивает она.

— Остальные туристы все ушли утром. Я не знал, что вы еще здесь.

Жоанна понимает ошибку.

— О нет, мы... Мы только что пришли.

Пастух смотрит на нее с недоверием.

— Вы хотите переночевать здесь?

Она кивает, не понимая, чему он удивляется. Он указывает на синее небо, по которому белые ватные облака как будто бегут наперегонки.

— Самая сильная в сезоне гроза объявлена на сегодняшний вечер. Вы разве не слушаете новости?

Он понимает по озадаченному лицу Жоанны и растерянному — Эмиля, что нет.

— Большинство туристов слушают. Поэтому они все спустились утром. Вы теперь уже не успеете...

— Мы же все-таки можем заночевать здесь? — спрашивает Жоанна.

Пастух, задумавшись, поворачивается к хижинам.

— У этой крыша вся дырявая. За час промокнете насквозь.

Он переводит взгляд на другую хижину, чуть подальше.

— Можете разместиться в этой. Она хоть защитит от дождя. Но наверняка будет гром. А при слишком сильном ветре я гроша ломаного не дам за входную дверь. Крючок держится плохо.

Жоанна пожимает плечами. Выбора у них все равно нет.

— Пол земляной... Надеюсь, что у вас хотя бы есть удобные коврики...

По их растерянным лицам он понимает, что нет, и в отчаянии закатывает глаза.

— Я могу дать вам свечи и немного спичек. Ручаюсь, что фонарика у вас тоже нет.

Им даже не надо отвечать, молодой пастух уже развернулся, направившись за всем этим в свою хижину.

Обстановка в хижине спартанская. Земляной пол грязный, неровный. Окна черны от грязи. Зато они с удивлением обнаруживают деревянный стол, длинную лавку и камин, правда, заколоченный. Жоанна кладет рюкзак, свечи и спички и выходит за Эмилем наружу. Даже теперь, зная, что будет гроза, им трудно поверить предсказаниям пастуха. Облака быстро несутся по небу, но оно остается ярко-синим и безмятежным. Они ложатся в низине, чтобы насладиться последними лучами солнца перед грозой.

Гроза собирается. Небо темнеет. Набегающие облака все чернее. Поднялся холодный ветер. Жоанна приперла шаткую дверь столом. Они едят, сидя на лавке, с металлическим котелком на коленях. Вернее, ест Жоанна. Эмиль — нет. Он не притронулся к подобию спагетти болоньезе из пакетика.

— Мне не хочется есть.

— Постарайся. Мы шли весь день.

— Меня тошнит. Я устал.

Она тревожно вскидывается:

— Тебя тошнит?

— Да... И в глазах мутится.

Она осекается, не донеся вилку до рта.

— У тебя мутится в глазах?

— Я просто хочу спать, мама.

Она отставляет котелок, откладывает вилку и встает.

— Хорошо. Я постелю твой спальник в этом углу... Здесь земля мягче.

Он встает и пошатывается. У нее странное предчувствие. Гроза собирается. Первый раскат грома расколол небо, и порыв ветра врывается в щель в одном из окон. Свеча гаснет, и хижина погружается в полумрак.

— Свеча, — бормочет Эмиль.

Она помогает ему пройти последние метры до спальника.

— Ничего страшного. Сейчас я ее зажгу.

Он ложится. Она приносит ему пластиковую упаковку от их ужина, ничего лучшего под рукой нет.

— Вот, если тебя стошнит...

Она садится рядом и ждет, когда он закроет глаза. Дыхание у него сегодня опять прерывистое. Она пытается не обращать внимания на второй удар грома, разорвавший тишину долины. Пытается заглушить страх, который поднимается в ней при мысли о надвигающейся грозе.

Крак. Загорается спичка. Она ставит большую свечу на подоконник и зажигает на этот раз другие, на случай, если эта снова погаснет. Расставляет их по всей хижине. Потом садится на лавку и заставляет себя доесть ужин. Небо тяжело гроыхает. Сейчас снова ударит гром. Она смотрит на свечу на окне. Сосредотачивает на ней все свое внимание, лишь бы не дрожать.

Она чувствует, как он вздрагивает в спальнике в темном углу хижины. Несколько минут пытается читать при свете свечи. Гроза утихла. Только на время, предсказывает она.

— Как ты? — спрашивает она, повернувшись к нему.

Ей отвечает слабый приглушенный голос:

— Голова болит.

Она встает и со свечой подходит к нему. Садится на земляной пол.

— Тебя еще тошнит?

Он качает головой.

— А глаза? Как ты видишь, Эмиль?

— Иногда все черно.

— Как это?

Голос у него сдавленный.

— Иногда я ничего не вижу. Все черно.

— А потом? Потом зрение возвращается?

— Да. Иногда.

Она взывает к самым глубинам своего существа, стараясь сохранить безмятежный вид.

— Это ничего, сокровище. Когда ты немного поспишь, будет лучше.

В ней поднимает голову материнский инстинкт. В бурю это все, что она нашла в себе, чтобы остаться на плаву. Она кладет руку ему на лоб, словно проверяет температуру. Но ее нет. Разумеется. Он не подцепил никакого вируса. Это мозговой ствол. Все разрушается изнутри.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку, чтобы ты скорее уснул?

Он кивает.

— Хорошо. Расскажу... Ты знаешь сказку про Тома-Мизинчика?

— Нет.

— Я тебе расскажу. Но закрой глаза. Засыпай.

Он повинуется.

Он уснул. Снаружи снова бушует гроза. Воеет ветер. Входная дверь содрогается на петлях. Стекла в окнах дрожат. Время от времени особо сильный порыв ветра врывается в хижину, задувая половину свечей. Молнии расчерчивают небо, озаряя хижину тревожным светом. С оглушительным грохотом на горы обрушивается гром. Но Эмиль спит. Жоанна регулярно подходит проверить, все сильнее дрожа. Дождь стучит по жестяной крыше. Ей холодно. В конце концов она заворачивается в спальник рядом с Эмилем.

Но уснуть не может.

— Мама.

Сквозь дождь, ветер и гром она не сразу слышит голос Эмиля, хоть он и рядом.

— Мама...

— Да. Что случилось?

— Я... Мне... Я не могу дышать.

Он говорит отрывисто. Сквозь весь этот грохот снаружи она не расслышала, каким затрудненным стало его дыхание. Она снова ищет в себе силы, чтобы оставаться спокойной.

— Тебе надо расслабиться, Эмиль. Станет лучше, когда ты успокоишься.

— Я не могу... дышать...

Рука Эмиля вцепляется в ее руку, стискивает ее. Он запаниковал. Она повышает голос, пытаясь приглушить его страх:

— Эмиль, послушай меня. Тебе надо успокоиться. Сосредоточься на...

Она ищет что-нибудь в темноте хижины, и тут молния раскалывает небо.

— Посмотри на эти молнии в небе. Посмотри на грозу в горах. Это великолепное зрелище.

Гремит гром где-то среди известняковых утесов. Новая вспышка.

— Смотри, Эмиль, это зрелище пугает, но оно так красиво.

Молния озаряет хижину. Она видит его лицо, искаженное паникой, и карие глаза, пытающиеся уцепиться за окно, за небо, за молнии.

— Все хорошо, сокровище. Продолжай смотреть на это зрелище.

Рука Эмиля стискивает ее руку. Его рот лихорадочно открывается, ловя воздух. Из него вырывается хрип. Воздух не проходит. Или с трудом. Предчувствие не обмануло. Собиралась гроза. Снаружи и внутри. Это случится сегодня ночью.

По щекам Жоанны текут слезы. Но она говорит все тем же спокойным и успокаивающим тоном. Говорит с ним снова и снова:

— Ты можешь посчитать секунды между молнией и громом и узнаешь, за сколько километров ударила молния. Я так играла, когда была маленькой. Когда боялась грома.

Рот открывается и закрывается резкими движениями. Затылок напряжен, он вздрагивает, приподнимаясь, пытается облегчить прохождение воздуха в трахею.

— Мой отец говорил... Мой отец говорил, что секунда равна километру. Хочешь посчитать со мной?

На сей раз это конец. Глаза Эмиля закатились. Она молится, чтобы мучения закончились, чтобы ему не пришлось больше терпеть этот ужас. Это медленное удушье.

Это его последние вздохи. Тратя жалкие крохи оставшегося у него воздуха, Эмиль зовет маму. Он вцепился в ее руку. Она нужна ему как никогда. Но здесь Жоанна. Не мама.

Воспоминание вдруг всплыло в памяти, накатило волной.

Лес, жаркое лето. Дикое озеро тревожного сине-черного цвета. Озеро, окруженное колючими зарослями и высокой травой. Неподвижная водная гладь. Ветви, островки тины, редкие листья плавают на поверхности. И маленькое тело. Светловолосая головка. Белая футболка. Буря у нее внутри, нечто сметающее все на своем пути, разрушающее ее мир. Люди в воде, какие-то люди берут на руки ее малыша. И ее руки царапаются, бьют по воздуху, чтобы взять своего малыша, в последний раз прижать его к себе, унести домой. Люди в черном держат ее, уносят Тома куда-то далеко.

Она совершила ужасную ошибку. Она не должна была. Она не только спутница в последнем путешествии. Она не только жена Эмиля.

Она мать. В этот вечер она как никогда мать и понимает, что заблуждалась. Она не дала матери сжать в объятиях своего малыша. В последний раз.

Сидя на большом валуне, Жоанна смотрит, как встает рассвет. Гроза миновала. Все снова спокойно в долине в сердце гор. Первые лучи солнца отражаются от горных вершин. Красивые блики, оранжевые, розовые, красные. Небо окрашивается перламутрово-голубыми отсветами.

Жоанна медленно открывает лежащий у нее на коленях черный блокнот. За резинку обложки заткнут листок. Она аккуратно разворачивает его и начинает читать.

Мои посмертные инструкции:

Жоанна, если все прошло, как я хотел, то я умер далеко от больниц, в каком-нибудь тихом и мирном месте, в горах. Не заморачивайся дальнейшими формальностями. Только позвони первому врачу, которого найдешь в интернете или в справочнике, и попроси его констатировать мою смерть. От остального я тебя избавлю. Он отвезет меня в ближайший морг и возьмет на себя звонок моим родителям. Они перевезут мое тело и выполнят все остальные формальности. Ты и так достаточно сделала.

Я прошу тебя послать мой дневник родителям, мы об этом говорили. Вот адрес их дома:

М. и м-м Верже

112 тупик Лис

43200 Роанн

Пошли его, пожалуйста, заказным письмом, я не хочу, чтобы он затерялся.

Я передал родителям инструкции касательно кремации. Я знаю, что они посчитаются с моим желанием и, думаю, закажут отпевание в церкви. Ты найдешь адрес и время в рубрике некрологов роаннской газеты. Она называется «Роанн Инфо» и доступна онлайн.

Что касается остального, увидимся наверху... Я позабочусь о Томе. Мы будем посылать тебе время от

времени самые красивые летние небеса, просто для того, чтобы ты могла смотреть на них отсюда, сидя посреди поля.

Спасибо за твое обещание. Спасибо за все.

Твой муж

Эмиль

Р. С.: Я тебе никогда не говорил. Ты была ослепительна 31 августа на мощеных улочках Эуса.

Слезы текут по ее щекам. Солнце уже встало, заливая скалы ослепительным светом. И не скажешь, какая ночью разыгралась гроза.

Жоанна достает из кармана мобильный телефон и что-то набирает в поисковике. Высвечивается список имен, и она рассеянно вытирает щеки, нажимая кнопку вызова первой строчки.

Ей отвечает женский голос. Женщина только что проснулась, или даже она ее разбудила. Жоанна глубоко вдыхает, собираясь с духом.

— Алло, здравствуйте. Я... Меня зовут Жоанна.

На том конце линии ей отвечает сдавленное рыдание. Она слышит голос на заднем плане, мужской голос, который спрашивает:

— Что случилось?

Женский голос, дрожащий, задыхающийся, шепчет мужчине:

— Это она.

Она слышит глухой стук в трубке, как будто кто-то что-то уронил. Женщине удается спросить сквозь слезы:

— Все... Он... Кончено?

Жоанне требуются две секунды, чтобы полностью осознать, что она делает. Она хочет сделать это в полном сознании.

— Нет.

Сдавленные возгласы звучат в ответ на том конце линии. Невнятный лепет. Шальная надежда, в которую не смеют поверить.

— Простите? Он... Он не... Он еще жив?

Жоанна не сводит глаз с пиков Ансабера. Ни на секунду. Она черпает последние силы в их созерцании.

— Он пережил ночь. Я... Я думаю, ему осталось недолго. День или два самое большее. Я...

Она снова вытирает струящиеся по щекам слезы.

— У вас есть чем записать? Я продиктую вам координаты. Мы... Мы находимся в хижине в горах... Недалеко от Лескёна, в Пиренеях.

— Пойдите, пойдите, мой муж сейчас принесет бумагу и карандаш.

Она слышит шорохи, лихорадочный шепот. Наконец звучит мужской голос:

— Вот, у меня есть чем записать.

— Координаты GPS: широта 42,898568, долгота 0,716594.

— Пойдите... Пойдите, вы можете повторить? Для надежности.

— Конечно. 42,898568 широта, 0,716594 долгота.

Волнение на том конце линии прямо-таки осязаемо. Жоанна слышит, как они торопливо перешептываются. И все же она добавляет:

— Он хотел умереть в таком месте. Это было его самое заветное желание. Я нарушила наш с ним договор, позвонив вам... Пожалуйста, обещайте мне, что вы не отвезете его в больницу.

Мать Эмиля рыдает в трубку. Жоанна представляет себе ее лицо, искаженное слезами и волнением. Но голос отвечает ей:

— Обещаю.

Жоанна пропускает поток эмоций на том конце линии. Она ждет, когда стихнут рыдания и вернется тишина.

— И последнее, — тихо говорит она, не сводя глаз с проклятых пиков.

— Да...

— Я хочу, чтобы вы знали, мадам Верже, что вы были с ним в этом последнем походе. Вы...

Она вынуждена прерваться, чтобы остановить поток готовых пролиться слез.

— Вы были рядом с ним каждую секунду в этом последнем походе. Там... Там, в хижине, где находится Эмиль, есть картина... Вы увидите... Я оставлю ее для вас на видном месте. И вы всё поймете. Вы были рядом с ним на каждом шагу.

Она не может продолжать. Волнение слишком сильно. Приходится отключиться, не сказав больше ни слова.

Эмиль проснулся в тесной хижине, где пахнет сыростью. Он по-прежнему лежит, сил совсем нет, но утром ей удалось скормить ему несколько сухофруктов. Она оставила ему свой спальник. Ей он

больше не понадобится. Ему нужнее. Он должен оставаться в тепле до прихода родителей. Она объяснила ему уже несколько раз:

— Скоро приедет папа. Ты должен отдохнуть до приезда папы, хорошо?

Он кивает. Он больше почти не разговаривает. От каждого слова начинает задыхаться. Он бледен. Ему уже недолго осталось. Время за полдень. Жоанна уверена, что Верже будут здесь до ночи. Она обо всем договорилась с пастухом, который, правда, мало что понял из ее рассказа.

— Приедут люди?

— Да. Родители Эмиля приедут к нему. Надо только проводить их в хижину, когда они будут здесь. Хорошо?

Он не сразу врубился.

— А вас здесь не будет?

— Нет.

— Как это — нет?

— Я должна уйти.

Он явно не обрадовался. Смотрел сердито.

— Если бы вы могли проведывать его время от времени...

На этот раз пастух разозлился всерьез:

— Я, между прочим, работаю!

Жоанна не стала настаивать. Все равно она никак не могла решиться уйти, оставить Эмиля одного. Она сидела рядом с ним, понемногу поила его водой, укрывала спальником до подбородка. Ему холодно. Картина, которую они написали вдвоем, лежит на деревянном столе на самом виду. Рядом черный блокнот Эмиля. Жоанна выглядывает в окно. Небо синее. Солнце потихоньку клонится к закату. Ей думается, что хорошо бы вынести Эмиля на траву и уложить, чтобы он любовался закатом солнца в последний раз, но она знает, что у нее не хватит сил. И она лишь предлагает ему посмотреть на небо, на красивое синее небо в окно.

Она слышит вдали шум мотора. Пастух объяснил ей, что по крутой дороге можно в случае необходимости доехать почти до долины и хижин, за несколько сотен метров. Она знает, что это они. Никто никогда не ездит по этой дороге, сказал пастух. Разве только на внедорожнике или по особому разрешению. Жоанна взяла на себя

получение разрешения у пастуха. У него есть ключи от тяжелых ворот, перегораживающих дорогу. Это его дорога. По ней ему раз в месяц привозят продукты и лекарства от давления. Он был недоволен, но согласился открыть ворота. Верже приближаются. Через несколько минут они выйдут из машины сотней метров ниже и пойдут наверх пешком, скорее всего бегом. Пора Жоанне уходить, протиснуться между скалами и исчезнуть в лесу.

— Ладно, — нервно шепчет она. — Я должна тебя оставить. Папа едет. Я пойду за ним, хорошо?

Его бледное лицо кивает.

— Мы скоро увидимся, сокровище. Мы увидимся очень скоро.

Она целует его лоб, влажные волосы. Пересекает хижину, как в замедленной съемке. В последний раз оглядывается на него с порога шаткой двери. И все. Она исчезает со своим большим красным рюкзаком.

Нет никаких слов, когда уходят по-настоящему.

Эдмон Жабес. Книга сходств

ЭПИЛОГ

Летний день серенький, собирается гроза. Небо низкое. Воздух тяжелый. Вот-вот ливанет. На паперти церкви Нотр-Дам-де-Виктуар собралась толпа. Плотная толпа, которая все растет. Жозеф всегда говорил Жоанне: «Чтобы узнать возраст покойника, посчитай, сколько человек пришли на его похороны. Чем больше народу, тем он моложе». Жоанна спросила, как объяснить эту абсурдную теорию, и Жозеф ответил, пожав плечами:

— Похороны старика мало кого волнуют. На них нет нужды приходить.

Жоанна с высоты своих девяти лет возразила:

— Это неправда!

Жозеф снова пожал плечами.

— Хорошо, я назову тебе другую причину. Друзья стариков сами уже старики... или умерли.

Сегодня утром, 20 июня, толпа не лжет. Умер молодой человек. На паперти есть семьи с новорожденными, но много и совсем молодых людей, видимо, только что окончивших университет. Друзья.

Жоанна приехала в Роанн на поезде рано утром. Ей пришлось встать ни свет ни заря. В четыре часа утра. По дороге поспать не удалось, а на вокзале пришлось разбираться в непонятных картах автобусной сети Роанна и два раза ошибиться линией. Она думает, что никогда не была привычна к городу, но эти двенадцать месяцев вне цивилизации, в сердце Пиренеев, окончательно сделали ее неприспособленной к городской жизни.

Колокола звонят, церемония вот-вот начнется. Толпа, теснясь, тянется внутрь. Жоанна стоит в стороне, на тротуаре напротив, в сотне метров от церкви. Она войдет, когда все займут места внутри. Она чувствует себя здесь чужой. Больше ста человек пришли проститься с Эмилем. Больше ста человек знали его, общались с ним, любили. Однако с ней, самой из всех незнакомой, он предпочел умереть.

Толпа вошла в церковь, и она проскользнула в проем тяжелой деревянной двери как раз перед тем, как та закрылась. Осталось место в последнем ряду. Она садится, когда в первом ряду намечается движение. Мужчина и женщина с маленьким мальчиком встают, приветствуя опоздавшую молодую женщину. У матери малыша светлые кудрявые волосы и серьезный вид. У отца красные глаза, плечи опущены. Он, наверно, плакал. Это, должно быть, очень близкий друг Эмиля. Возможно, Рено. Они обмениваются несколькими словами с пришедшей темноволосой женщиной. У нее длинные, совершенно гладкие волосы до середины спины, круглый рот и маленькие жемчужинки в ушах. Она красива, но красотой, знающей себе цену, почти дерзкой. Однако сегодня у нее какое-то пустое лицо и растерянные глаза.

Глубокий кашель возвещает о прибытии священника, распорядителя церемонии. Трое взрослых поспешно садятся. Тишина в церкви полная.

Жоанна не слушает слов. Она смотрит на серебристую урну, стоящую на алтаре. Смотрит на людей, которые встают один за другим, чтобы прочесть пассаж из Библии или воспеть хвалу Эмилю. Среди них заплаканный друг, в котором Жоанна угадала Рено. Она не ошиблась. Она снова водит глазами по толпе. Угадывает Маржори за бледным лицом и темными кудрями. Угадывает отца и мать по их согбенным спинам в первом ряду. Младенцы в колясках лежат тихо.

Гул проносится по толпе, когда к алтарю выходит мать с черным блокнотом в кожаной обложке. Жоанна вся подбирается. Она улавливает несколько слов священника о путешествии в горы, предпринятом Эмилем перед окончательным уходом, путешествии, которое приблизило его к Богу. Жоанна хмурит брови. Звучит хриплый голос матери Эмиля. Она читает совсем короткий пассаж. Он оставляет толпу с множеством вопросов об этом путешествии, о котором никто ничего не знал. Жоанна инстинктивно сжимается на скамье.

Я скоро умру, но никогда не чувствовал себя настолько в ладу с самим собой. Новым взглядом я смотрю на себя, на глуповатого юнца, которым я был, но взгляд этот

доброжелателен. Я чувствую себя выросшим благодаря этим нескольким месяцам. Чувствую себя повзрослевшим.

—

Голос угасает под церковными сводами среди всхлипов и шороха носовых платков. Когда снова начинает говорить священник, светловолосая кудрявая женщина, спутница Рено, выходит из церкви, чтобы уговорить заплакавшего малыша. Жоанна выскальзывает вслед за ней и вновь оказывается на церковной паперти. Воздух стал еще тяжелее. Она переходит дорогу и садится чуть подалее, на тротуаре напротив, на ступеньку, ведущую в какую-то квартиру. Отсюда ей виден выход из церкви, и она сможет последовать за процессией вдалеке до кладбища. Она не знает, что родители Эмиля собираются сделать с его прахом, но предполагает, что они захоронят его на кладбище.

Она поднимает глаза к небу. Оно обложено, серое. Не видно ни облаков, ни просветов, ни морщин. Никакого движения. Ей думается, что Том и Эмиль не сделали сегодня свою работу. Разленились. Нет, вероятно, слишком заняты: знакомятся. Им нет дела до этой безликой церемонии. Может быть, Эмиль рассеянно глянет на нее, заканчивая партию в скрабл. Он должен был взять реванш полгода назад...

Ее взгляд теряется в низком, словно ватой обложенном небе. Ей думается, что она предпочла бы другую церемонию. Несколько слов, произнесенных в лесу у подножия гор. Анни, Ипполит, Себастьян, две девушки из Канады, Изадора, Мариико, Люсия, Пок... Букеты цветов, которые они бы сами собрали. Пожелтевшая книга цитат, которую читали бы вслух. Шалаш из веток, который они построили бы и укрыли густым лесным мхом, принял бы серебристую урну.

Улыбка, подрагивая, рождается на ее лице. Картины этого леса и этой церемонии медленно запечатлеваются в ее сознании.

Всего десятка два человек следуют за процессией, которая сопровождает прах Эмиля к его последнему пристанищу. Только близкая родня и несколько друзей. Рено здесь. Его жена осталась в стороне с ребенком, который все еще плачет. Жоанна идет далеко

позади. Она не чувствует своей принадлежности к этому кортежу, но она должна проводить Эмиля до конца.

Серебристую урну опускают в маленькую могилу и накрывают белой плитой. Жоанна видит, как мадам Верже подносит к губам носовой платок, заглушая рыдание. Муж обнимает ее за плечи.

Жоанна сжимает в ладони кольцо Эмиля, то самое обручальное колечко из нержавеющей стали, которое она ему купила. Она успела сделать на нем гравировку. На внутренней стороне стального кольца написана короткая цитата, которую любил повторять Жозеф. Корсиканская поговорка: *Смени небо, и ты сменишь звезду*. Слова образуют узенькую бороздку внутри кольца.

Сейчас, когда толпа рассеется, Жоанна положит кольцо на маленькую белую плиту. Или лучше закопает рядом, чтобы его не утащил бродячий кот. Она подождет здесь, спрятавшись за деревьями, пока все уйдут.

Прошел почти час, прежде чем толпа разошлась. Конец объятиям и соболезнованиям у маленькой плиты положил дождь. Родители Эмиля, его сестра и ее муж покинули кладбище последними под большим черным зонтом.

Наконец появляется Жоанна, словно выходит из листвы. Пересекает под дождем центральную аллею. Она накинула по случаю свою черную шаль и накрывает ею голову, чтобы защититься от дождя. Кольцо зажато в ее влажной руке. Дойдя до белой плиты, уже покрытой цветами и памятными табличками, она опускается на колени на мокрую траву и тихонько переводит дыхание. Усталость так и не оставила ее. Перед глазами все еще пляшут время от времени белые звезды. Она выжидает несколько секунд, чтобы прийти в себя, и начинает копать голыми руками землю у белой плиты. Земля окрашивает ее пальцы, забивается под ногти, они совсем почернели. Дождь стекает по рукам. Она быстро подносит кольцо к губам, кладет его в землю и закапывает.

Когда она оборачивается, ее сердце пропускает удар и она едва подавляет изумленный вскрик. В нескольких метрах от нее стоит Маржори под черным зонтом. Ее лицо залито непросохшими слезами, но глаза смотрят ласково, когда она спрашивает:

— Вы Жоанна?

Они молчат, пока не возвращается официант с их заказами. Маржори взяла кофе, а Жоанна травяной чай. Только что на кладбище, когда они стояли лицом к лицу и Маржори спрашивала: «Вы Жоанна?», дождь припустил с новой силой. Жоанна едва успела кивнуть, Маржори укрыла ее своим зонтом и сказала:

— Пойдемте. Не стойте под дождем. Здесь есть кафе, напротив.

Жоанна пошла за ней без единого слова, как автомат, оцепенев от неожиданности. Маржори толкнула дверь маленького кафе, и Жоанна вошла. Они пробрались между столиками и сели за свободный у окна. Дождь стекал по стеклу красивыми капельками. Официант вырос перед ними, чтобы принять заказ, едва они сели, и они даже не успели снять пальто. Маржори снимает свое, а Жоанна пытается незаметно вытереть испачканные землей руки о черное платье. Время от времени они с любопытством поглядывают друг на друга, но не одновременно, и обе думают, что несколько секунд молчания им необходимы, чтобы собраться с мыслями. Официант не возвращается. Маржори аккуратно повесила свою куртку на спинку стула, разгладила ладонью. Для нее молчание длилось достаточно долго. Она начинает:

— Я Маржори. Сестра Эмиля.

Жоанна кивает, пряча черные руки под столом.

— Брат предупредил меня, что вы постараетесь остаться незаметной... Может быть, даже убежите раньше всех.

Жоанна не может скрыть удивления. Ее брови ползут вверх, как она ни пытается сохранить невозмутимый вид.

— Он прислал нам письмо в декабре с многочисленными инструкциями... и этой информацией.

Жоанна помнит это письмо. Он исчез с утра, чтобы отправить его, а она подумала, что он уехал совсем, бросил ее в Аасе.

— В этом письме он дал нам описание, чтобы мы могли узнать вас сегодня. Там упомянута черная шляпа, но я вижу, что сегодня ее на вас нет...

Жоанна кивает, еще не придя в себя. Маржори улыбается ей, мол, все в порядке. Именно этот момент выбирает официант, чтобы появиться с их заказами. Он ставит эспрессо перед Маржори и большую дымящуюся кружку перед Жоанной. Маржори берет пакетик

сахара с середины стола, аккуратно высыпает в кофе, размешивает. Потом поднимает лицо к Жоанне.

— Я прочла его дневник за одну ночь. Открыла его и не смогла отложить до утра. Вы знаете...

Она прерывается, чтобы отпить глоток эспрессо, и снова устремляет взгляд в глаза Жоанны.

— Вы знаете, что нет ни одного абзаца, ни одного дня в его бортовом журнале, где он не писал бы о вас?

Жоанна смущенно ерзает на стуле. Она не знает, что ответить. Но Маржори продолжает, кажется, и не ожидая ответа:

— Для церкви мы нарочно выбрали кусок, который был исключением. Мы не хотели, чтобы вам было неловко. Мы знали, что это будет трудный момент для вас... Но мы непременно хотели поблагодарить вас за ваш поступок... звонок моим родителям... картину... Мама будет вам вечно благодарна. Вы очень порадовали ее вашими словами. Я хочу, чтобы вы это знали.

Слезы текут по лицу Маржори, и она берет с середины стола бумажную салфетку, чтобы вытереть их. Тут Жоанна впервые открывает рот. Она спрашивает сдавленным голосом:

— Вы смогли его увидеть... в последний раз?

Маржори шмыгает носом и прячет скомканную салфетку в карман.

— Я нет, но родители смогли провести с ним последнюю ночь в этой хижине.

Жоанна сглатывает ком, закупоривший горло, и может задать следующий вопрос:

— Он ушел на следующее утро?

Маржори кивает.

— Он ушел на рассвете, спокойно. Даже улыбался.

Слова срываются с губ Жоанны, как вздох:

— Он говорил, что это место — рай.

Им требуется несколько секунд, чтобы справиться с волнением и вытереть слезы, выступившие в уголках глаз. Чтобы хоть немного успокоиться, Маржори залпом допивает свой эспрессо.

— Вы действительно сделали его счастливым, — говорит она.

Проходит несколько секунд молчания в шумном кафе. Дождь все еще стучит по стеклам. Чай Жоанны остывает, и она подносит кружку

к губам. Маржори промокает щеки краем своего черного свитера. Когда она наконец поднимает голову, глаза ее странно блестят.

— Знаете, у меня дома есть комната, достаточно просторная комната...

Жоанна не отвечает. Она не знает, что ответить. Пусть Маржори продолжает.

— Я недавно обставила ее, следуя очень точным указаниям, которые мне дали. Этажерка, которую надо было заполнить подержанными книгами, купленными на блошином рынке, маленький низкий столик с плетеными пуфами, на него я поставила красивый старинный чайник с внушительной коллекцией восточных чаев, из Индии, из Китая...

Непонимание написано на лице Жоанны, но Маржори продолжает:

— Подстилка для кота и полный набор кошачьих кормов... У окна меня попросили поставить мольберт. В шкафу рядом я сложила чистые холсты, которые мне было велено купить, пятнадцать тюбиков краски и кисти.

Рот Жоанны округляется. Маржори продолжает свой перечень:

— Старая винтажная радиола стоит на тумбочке у кровати. Меня попросили положить на нее полное собрание Майлза Дэвиса, Луи Армстронга, Эллы Фитцджеральд и всех великих джазменов, которых я смогу найти в продаже. Я нашла добрый десяток. Потом я купила маленькую жардиньерку для окна, мешок грунта, и... и этот изверг заставил меня перерывать весь садовый отдел, чтобы отыскать семена фуксии, бегонии, базилика и розмарина.

Жоанна поняла. Ее рот открыт буквой О. Слезы снова текут по ее лицу.

— Это он? — шепчет она.

Маржори кивает с улыбкой, полной нежности.

— Да, это он. Это тоже было в его последнем письме. Три страницы инструкций.

Обе улыбаются сквозь пелену слез. Когда улыбки тихонько гаснут, Маржори продолжает серьезнее:

— Он не хотел, чтобы вы остались совсем одна. Он знал, что у меня есть эта пустая комната, которой я не пользуюсь... И знал, что я с удовольствием приму вас.

Жоанна хочет что-то сказать, но Маржори не дает ей, добавив очень быстро:

— Он предупредил меня, что вы можете отказаться. Он велел мне сказать вам, что вы не обязаны поселиться у меня насовсем, можете просто провести несколько дней... или использовать эту комнату для каникул.

Жоанна никак не может улыбнуться. Она смущенно бормочет:

— Мне правда очень жаль, что вы потратили столько сил...

Маржори улыбается, и ее ореховые глаза блестят.

— Должна вам сказать, мне это очень понравилось.

Но Жоанне все еще неловко.

— Я... У меня есть этот маленький участок в Лескёне, на экоферме... Я участвую в проекте пермакультуры... И потом, Пок будет папой... Я хочу сказать... У моего кота скоро будут котята. Я... Боюсь, я не смогу принять ваше предложение... Я... Я, знаете, не городская жительница.

Маржори, похоже, ничуть не обиделась. Кажется, она ожидала именно такой реакции.

— Я понимаю, Жоанна. Но не беспокойтесь, всегда остается вариант каникул. Мои родители и я будем рады познакомиться с вами более официально на днях...

Губы Маржори продолжают шевелиться, но она не произносит больше ни звука. По ту сторону стола Жоанна сняла наконец шаль, полностью окутывавшую ее шею, плечи и грудь. Она медленно кладет ее на стол рядом со своей дымящейся чашкой. Глаза Маржори не могут оторваться от того, что она видит. Она прижимает руку ко рту, откидывается на спинку стула. Лицо Жоанны напротив безмятежно.

— Это...

Маржори не может говорить. Она снова пытается сформулировать фразу.

— Эмиль?..

Жоанна кивает. Слезы снова заливают лицо Маржори, текут по ее руке, по-прежнему прижатой ко рту.

— Он... Он знал?

Глаза Жоанны подергиваются тенью грусти.

— Нет. Он к тому времени уже был не здесь.

Маржори по ту сторону стола заливается горячими слезами. Слезами счастья на этот раз. Слезами недоверия.

— Вот это да... Вы... Вы заставите плакать всю семью!

Руки Жоанны ласково ложатся на бугорок, растущий под ее черным платьем. На это маленькое существо, которое наконец-то шевелится, которое поселилось в ней в один прекрасный снежный день в долине Ааса, накануне Рождества. На эту кроху, которая сделала ее такой слабой в последние месяцы и делает такой сильной теперь.

Маржори плачет, Жоанна тоже плачет в шумном кафе. Она думает, что все кончено, что заклятье снято теперь. Хватит с нее мальчиков, покидающих этот мир.

— Вы знаете, кто у вас будет? — спрашивает Маржори и берет новую бумажную салфетку, чтобы вытереть глаза.

Жоанна кивает.

— Маленькая девочка.

Маржори улыбается сквозь слезы. Повторяет взволнованно:

— Девочка?

— Маленькая Опаль. Опал — самый драгоценный из всех камней.

Дождь понемногу стихает. Окно запотело. Какой-то ребенок рисует на нем солнышко. Ни Жоанна, ни Маржори не видят, как проясняется небо. Как окрашивается оно красивым янтарным оттенком. Они увидят его потом. Позже, когда выйдут из кафе. Маржори довольно вздохнет, прикрыв глаза. Жоанна улыбнется. И тихо произнесет несколько слов: *Я уже начала терять терпение...*

Но пока они сидят в кафе и Маржори говорит, пряча в карман носовой платок:

— Я думаю, что... Я думаю, мне придется протереть пыль в вашей комнате... И хорошенько ее проветрить.

Жоанна по ту сторону стола невозмутима, руки лежат на животе.

— Вы ведь останетесь с нами сегодня вечером?

Она задумывается на несколько секунд. Изадора присматривает за Поком и полосатой кошечкой в Лескёне. Она предсказала, что котята родятся не раньше чем через месяц. Ей совсем не обязательно возвращаться сегодня.

— Хорошо, — кивает Жоанна. — Но я должна вас предупредить...

Маржори встревоженно хмурится.

— ...Да?

— Насчет ужина...

Маржори ждет, наклонившись вперед. Жоанна застенчиво улыбается.

— Я не ем мяса.

Каждый день несет в себе Вечность.

Пауло Коэльо. Алхимик

Выходные данные

Литературно-художественное издание

Мелисса да Коста

ВСЯ СИНЕВА НЕБА

Роман

Перевод с французского *Нина Хотинская*
Автор обложки *Артём Суменков*

Издатель *Виталий Зюсько*
Главный редактор *Марина Кадетова*
Выпускающий редактор *Яна Сартан*
Литературный редактор *Ольга Громова*
Верстка *Дмитрий Дервенёв*
Подготовка обложки *Маргарита Чечулина (Greta Berlin)*
Корректоры *Евгения Якимова, Надежда Власенко*

Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ:

16+

notes

Примечания

1

Цирк — котловина в горах в виде амфитеатра. Цирк Гаварни находится в горах Пиренеи. Этот природный амфитеатр представляет собой полукруглый корпус отвесных скал, происхождение которых связано с ледниковой эрозией. Окружность цирка достигает 6 км, высота скал — более 1500 м, высота горных вершин — 3000 м. (*Прим. ред.*)

Мимоза (*лат. Mimosa*) — род цветковых растений семейства Бобовые. Наиболее известный вид — мимоза стыдливая — травянистое растение с сиреневыми цветами, цветет до самой осени. В России в обиходной речи мимозой часто называют акацию серебристую (*Acacia dealbata*). Именно она широко распространена на Черноморском побережье Кавказа, и цветет ранней весной. (*Прим. ред.*)

Гар'ига, или гаррига (*фр.* garrigue), — разреженные заросли низкорослых вечнозеленых кустарников (можжевельник, розмарин, ладанник), карликовой пальмы, кустарникового дуба и др. и многолетних трав, устойчивых к засухе. (Здесь и далее прим. перев., если не указано иное.)

Благодаря этой девушке я хочу чувствовать себя лучшим человеком / Она бесстрашна, она свободна / Она настоящий проводник жизни / И эта девушка заставляет меня чувствовать себя намного лучшим (англ.).

Буррида — традиционный французский суп из рыбы, морепродуктов и овощей.

Дино Буццати Траверсо — итальянский писатель, журналист и художник (1906–1972).

Пермакультура — подход к проектированию окружающего пространства и система ведения сельского хозяйства, основанные на взаимосвязях из естественных экосистем.

Жан Этье-Бле. (*Прим. авт.*)

Жан Этье-Бле (1925–1995) — канадский литературный критик.
(*Прим. перев.*)

Интимистский — относящийся к интимизму, разновидности жанровой живописи, возникшей на рубеже XIX–XX веков в среде неоимпрессионистов. Основные сюжеты работ интимистов — сцены повседневной жизни с ее мелкими, зачастую незначительными событиями. В их творчестве преобладают интерьерные сцены, наполненные атмосферой тепла и уюта.

Гериатрия — частный раздел геронтологии, занимающийся изучением, профилактикой и лечением болезней старческого возраста.

Жан-Рене Югенен. (*Прим. авт.*)

Жан-Рене Югенен (1936–1962) — французский писатель, сценарист. (*Прим. перев.*)